

MODERN HUMANITIES
SUCCESS/УСПЕХИ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

№8, 2025 год

Подписано к публикации: 18.07.2025

Главный редактор журнала:

*доктор педагогических наук,
профессор*

Солопанова Ольга Юрьевна

**«Modern Humanities Success /
Успехи гуманитарных наук»
включен в перечень ВАК с
8.07.2019г., (Elibrary.ru).**

Регистрационный номер СМИ:
Эл № ФС77-75120 от 19 февраля
2019г. Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых ком-
муникаций
(Роскомнадзор)
ISSN 2618-7175 (online)
E-mail: info@mhs-journal.ru
Сайт: <https://mhs-journal.ru>

DOI:10.58224/2618-7175-2025-8

© Modern Humanities Success /
Успехи гуманитарных наук 2025

Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:

Абдуллаева Арзугуль Айюбовна (Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат филологических наук, доцент
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, г. Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Бабкина Екатерина Сергеевна (РФ, г. Хабаровск) – доктор филологических наук, доцент
Балута Анастасия Анатольевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Биймурсаева Бурулбубу Молдосалиевна (Кыргызстан, г. Нарын) – кандидат педагогических наук, доцент
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Бурибаева Майнура Абилятевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Ваджибов Малик Джамалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Вегвари Валентина Васильевна (Венгрия, г. Печ) – кандидат педагогических наук, доцент
Волошина Людмила Николаевна (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Вохрышева Евгения Валерьевна (РФ, Самара) – доктор филологических наук, профессор
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Джафаров Тельман Гамзага оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Дулбова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулдзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, профессор
Касымова Рашида Таукеловна (Казахстан, г. Алматы) – доктор педагогических наук, профессор
Киквидзе Инга Джимшеровна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Кошарная Светлана Алексеевна (РФ, г. Белгород) – доктор филологических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Махов Александр Сергеевич (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Метревели Медея Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Насипов Ильшат Сахиятуллович (Республика Башкортостан, г. Уфа) – доктор филологических наук, профессор
Новрузолиева Севда Джаид гызы (Азербайджан, г. Баку) – кандидат филологических наук
Нугуманова Людмила Николаевна (РТ, г. Казань) – доктор педагогических наук, доцент
Оганян Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор педагогических наук, доцент
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Олджай Тюркан (Турция, г. Стамбул) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Панкратова Светлана Анатольевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Правдов Михаил Александрович (РФ, г. Шуя) – доктор педагогических наук, профессор
Ракитина Светлана Владимировна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Свечкарёв Виталий Геннадьевич (РФ, г. Майкоп) – доктор педагогических наук, профессор
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Собянин Федор Иванович (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Сухомлина Татьяна Александровна (РФ, г. Самара) – доктор филологических наук, доцент
Тимофеева Анастасия Анатольевна (Чехия, г. Брно) – кандидат филологических наук
Тихомирова Евгения Ивановна (РФ, г. Самара) – доктор педагогических наук, профессор, академик
Российской академии Естественных наук, академик МААН
Фещенко Татьяна Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Эбзеев Мурат Магомедович (РФ, г. Карачаевск) – доктор педагогических наук, профессор
Яковлев Евгений Владимирович (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ямалетдинова Галина Александровна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бахмудова А.М., Омарова П.М.

Символическая репрезентация концепта ALIENATION в англоязычных мигрантских произведениях

7-12

Онин Д.А.

Верования ханты: этнология, фольклористика, лингвистика

13-18

Чэнь Шида, Абуева Н.А., Абуев У.А.

Стратегии перевода китайских кросс-бордерных электронных коммерческих сайтов на русский язык: перспектива лингвистического ландшафта

19-25

Фадеева А.И.

Субъектные сферы персонажей и автора в прозаическом тексте Венедикта Марта

26-35

Ли Жуй

Жанровые эксперименты современного любовного романа (на материале произведений Кати Качур)

36-45

Омарова А.М., Дарбишева Х.А., Омарова П.М.

Метафорическая репрезентация гастрономического дискурса в английском, русском и даргинском языках

46-51

Сунь Сывэнь

Развитие игровой индустрии и формирование имиджа государства – на примере игры "Чёрный миф: Укун"

52-56

Довлеткиреева Л.М.

Экспрессивно-стилистический потенциал грамматических категорий глагола

57-62

Ли С.

Современные тенденции продвижения косметических брендов Китая, в условиях экономической глобализации

63-68

Ван Тянью

Трапеца власти и порядка: сравнительная семиотика политики в китайских и русских банкетных ритуалах

69-74

Абуева Н.А., Абуев У.А., У Яньцю, Бузело А.С.

Освещение в зарубежных СМИ избирательной кампании выборов на пост Президента США 2024 г.

75-81

Куликова О.Ф.

Анималистические образы в произведениях Наринэ Абгарян

82-86

Жчао Тяньтянь, Лу Гохун, Ли Тэн

Исследование имиджа Шаньдуна в российских СМИ: обзор литературы

87-92

Довлеткиреева Л.М.

Активные процессы в лексической системе современного русского языка на рубеже XX-XXI веков

93-99

Силаев И.В.

Единицы с логически несовместимыми компонентами как разновидность фигур абсурда (на материале текстов русской поэзии начала XX века) 100-106

Би Цзин

Лексема *далее*: развитие текстовых функций 107-112

Галимова О.М.

Персонажи-мусульмане в произведениях А.П. Чехова
сквозь призму авторской концепции творчества 113-118

Денисенко И.Е.

Лексические и грамматические особенности региональных бельгийцизмов 119-124

Х. Йегни

Передача национально-культурной специфики бытовых реалий
в переводах рассказов А.П. Чехова на арабский язык 125-131

Ли Цзявэй

Исследование конструирования международного дискурсивного
права Китая в рамках инициативы «Пояс и путь» 132-140

Рамазанова Л.Д.

Микротопонимы в аспекте исследования лексических диалектизмов в лезгинском языке 141-146

Федосеев А.А., Лидина И.Ю.

Универбаты в современной разговорной речи в свете
обучения русскому языку как иностранному 147-153

Доброва Д.О., Шевченко К.О.

Особенности формирования профессионального бренда в специализированных
СМИ (на материале этнокультурной журналистики) 154-158

Лапко А.В., Айнулова С.Е.

Специфика реализации мультимедийного нарратива в спецпроектах интернет-издания Lenta.ru 159-164

Замараева Г.Н., Зейналова А.К.

Сопроводительный перевод в англоязычных странах: стандарты,
аккредитация и юридический статус 165-169

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Быков А.В.

Типологические особенности командообразования в спорте:
от индивидуальных достижений к коллективному взаимодействию 170-174

Дудина В.Ю., Жулькова Ю.Н., Синева Н.Л.

Особенности реализации дисциплин проектного цикла в высшей школе 175-180

Коваленко А.М.

Влияние игровых видов спорта на снижение уровня утомления
при научной работе аспирантов технических специальностей 181-184

Гвоздков А.Д., Морозов А.П.

Планирование параметров физической нагрузки у дзюдоистов средней весовой категории в годичном цикле

185-188

Шредер А.Ю., Спатаева М.Х., Антонов А.В.

Обзор публикаций по разным аспектам профессионально-прикладной физической культуры и подготовки

189-193

Аникина Э.М., Ерохина П.В.

Наставничество в учреждениях ВОО как фактор перелома демографической ситуации в России

194-198

Быков А.В.

Анализ результативности атакующих действий команд XXXI Чемпионата России по хоккею с мячом

199-204

Ван До

Поворот китайской дисциплины «Иностранные языки и литература» в сторону регионоведения и страноведения: движущие силы, современное состояние и перспективы

205-213

Анюхина И.А., Макуха Ю.Н.

К вопросу участия в конкурсе проектов школьного инициативного бюджетирования сельских школ Республики Крым по итогам 3-х лет (на примере Ленинского и Первомайского районов)

214-221

Рожнова А.А., Лаврентьева Г.В., Рожнов А.А.

Эковолонтерство и биоиндикация как инструменты экологического образования в о внеурочной деятельности: анализ потребностей учителей

222-226

Степанова М.Е.

К вопросу о комплексной оценке техники выполнения плоской подачи в теннисе

227-232

Шанкина С.В., Шанкин Ю.В., Шушпанова Е.Ю.

Факторы создания мотивации к обучению танцу детей дошкольного возраста в хореографических коллективах

233-239

Федоров П.О.

Особенности психологического благополучия студентов в условиях образовательной среды вуза

240-246

Зубкова И.В.

Педагогические условия эффективности психолого-педагогической поддержки эмоционального благополучия младших школьников в объединении дополнительного образования

247-254

Иголина С.В.

Применение электронных ресурсов в преподавании филологических дисциплин в вузе

255-260

Ким В.О., Лещенко Е.А., Дубинецкий В.В., Хабибуллин И.М.

Гимнастика в системе физического воспитания и обучения на занятиях физической подготовки в образовательных организациях МВД России

261-265

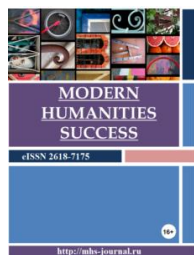
Рожнова А.А., Лаврентьева Г.В., Рожнов А.А.

Применение биоиндикации в экологическом образовании

266-270

Хабибуллин Р.М., Хабибуллин И.М., Ахмадуллина Э.Т., Абдракипова А.Р. Спортивное право, как самостоятельная отрасль права и его значение в сфере физической культуры и спорта в современном обществе	271-276
Антонова Е.Н., Горбачева Д.А. Курс «Технология самоорганизации и эффективного самоуправления» как средство формирования готовности будущих юристов к ведению судебных споров	277-284
Мяо Ливэй Педагогические условия освоения композиционных структур европейской музыки классического стиля студентами из КНР в российском вузе	285-289
Рогозин Т.Р., Уськов К.В. Состояние кадровой и материально-технической обеспеченности образовательной среды ДООУ как условие развития массового спорта	290-294
Сычёва М.В., Сорокина Е.Г. Использование приёмов мнемотехники в работе по развитию связной речи у детей старшего дошкольного возраста	295-301
Нектаревская Ю.Б., Агафонова Н.Д., Лопина Н.И., Лоскутова Л.Н. Проблемные аспекты организации учебно-воспитательной деятельности с первокурсниками медвуза	302-307
Рогозная Н.Н., Сабадин Сантос Т. Медина Жоан Пауло Сопоставительные исследования в лингводидактических целях: универсалии vs граммаференты	308-320
Маннанов Т.И. Методический подход к динамическому равновесию с учетом центра масс следж-хоккеистов при реализации технико-тактических действий	321-326

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 811:81'373

Символическая репрезентация концепта ALIENATION в англоязычных мигрантских произведениях

¹ Бахмудова А.М., ¹ Омарова П.М.,
¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: в статье анализируются средства образной репрезентации концепта ALIENATION в англоязычной мигрантской литературе, выявляются ключевые символы, служащие маркерами когнитивных и эмоциональных признаков отчуждения в произведениях М. Хамида, Х. Хоссейни и Ч.Н. Адичи. Актуальность данного исследования обусловлена интересом к проблемам и темам мигрантской литературы, демонстрирующей специфическую картину мира, в которой культурное и эмоциональное расслоение находит отражение в языковых средствах – прежде всего в метафорах и символических образах. Метафора, как средство когнитивного осмысления мира, позволяет авторам выражать внутреннее состояние героев, переживающих экзистенциальный разрыв между прошлым и настоящим, родиной и новой страной. Исследование подчеркивает универсальность концепта ALIENATION через разнообразные символические образы – двери, коридоры, деревья, животные, которые служат метафорами внутреннего отчуждения, перемен и поиска новой идентичности. Образы ада и призраков отражают состояние отчуждения, демонстрируют личностные и социально-культурные трансформации в условиях войны. Представленные результаты могут быть полезны для дальнейших исследований в области когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации и анализа мигрантской литературы как особого феномена современной культуры.

Ключевые слова: концепт, отчуждение, ALIENATION, мигрантская литература, метафора, символ, признак концепта, лексема

Для цитирования: Бахмудова А.М., Омарова П.М. Символическая репрезентация концепта ALIENATION в англоязычных мигрантских произведениях // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 7 – 12.

Поступила в редакцию: 1 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Symbolic representation of the concept of ALIENATION in English-language migration literature

¹ Bakhmudova A.M., ¹ Omarova P.M.,
¹ Dagestan State University

Abstract: the article analyzes the means of figurative representation of the concept of ALIENATION in English-language migrant literature, identifies key symbols that serve as markers of cognitive and emotional signs of alienation in the works of M. Hamid, Kh. Hosseini and Ch. Adichie. The relevance of this study is due to the interest in the problems and themes of migrant literature, demonstrating a specific worldview in which cultural and emotional stratification is reflected in linguistic means – primarily in metaphors and symbolic images. Symbols and metaphor, as a means of cognitive understanding of the world, allows authors to express the internal state of the characters experiencing an existential gap between the past and the present, their homeland and their new country. The study emphasizes the universality of the concept of ALIENATION through a variety of symbolic images – doors, corridors, trees, animals, which serve as metaphors for internal alienation, change and the search for a new identity. The images of hell and ghosts reflect the state of alienation, demonstrate personal and socio-cultural transformations during wartime. The results of the study can be useful for further research in the field of cognitive linguistics, intercultural communication and analysis of migrant literature as a special phenomenon of modern culture.

Keywords: concept, alienation, ALIENATION, migrant literature, metaphor, symbol, concept feature, lexeme

For citation: Bakhmudova A.M., Omarova P.M. Symbolic representation of the concept of ALIENATION in English-language migration literature. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 7 – 12.

The article was submitted: April 1, 2025; Approved after reviewing: June 1, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Современные миграционные процессы формируют уникальный социокультурный контекст, в котором мигрантская литература приобретает особое значение. В условиях разрыва с родной культурной средой, конфликта идентичностей и поиска принадлежности, в художественном дискурсе усиливается тема отчуждения. В психологии отчуждение – состояние эмоционально-психологической отстранённости, чуждости по отношению к кому-либо или чему-либо, в том числе и к самому себе [1].

Мигрантская литература определяется по-разному: она может относиться к авторам, которые мигрировали, к текстам, рассказывающим об опыте миграции или может рассматриваться как эстетический аспект литературы [10]. Мигрантская литература демонстрирует специфическую картину мира, в которой культурное и эмоциональное расслоение находит отражение в языковых средствах – прежде всего в метафорах и символических образах. Именно метафора, как средство когнитивного осмысления мира, позволяет авторам выражать внутреннее состояние героев, переживающих экзистенциальный разрыв между прошлым и настоящим, родиной и новой средой обитания.

В статье исследуются образные репрезентации концепта ALIENATION в текстах М. Хамида, Х. Хосейни и Ч. Н. Адици, а также описание способов их реализации с точки зрения когнитивной лингвистики. Образные репрезентации отражены в виде символических образов. В отличие от абстрактных рассуждений, символические образы создают эмоционально насыщенную картину отчуждения, выступая как универсальные коды, понятные в разных культурах. В концепте ALIENATION отражаются темы изоляции, потери связи с окружающим миром, невозможности самоопределения, что делает его центральным элементом в анализе текстов мигрантской литературы.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили художественные произведения-образцы мигрантской литературы современных англоязычных авторов: роман М. Хамида «Выход: Запад»/ “Exit West”, Х.

Хосейни «Бегущий за ветром»/ “The Kite Runner” и Ч.Н. Адици «Половина желтого солнца»/ “Half of a Yellow Sun”. Выбор обусловлен тем, что данные тексты демонстрируют широкий спектр символических образов, связанных с переживанием отчуждения и миграционного опыта.

В качестве методов были использованы описательный и концептуальный анализ, интерпретационный метод.

Анализ проводился на основе лексем и образов, имеющих прямую или косвенную связь с концептом отчуждения, а также их частотности и функциональной нагрузки в структуре художественного дискурса.

Результаты и обсуждения

Концепт отчуждения, который является объектом нашего исследования представляет собой проявление таких жизненных отношений субъекта с миром, при которых продукты его деятельности, он сам, а также другие индивиды и социальные группы, являясь носителями определенных норм, установок и ценностей, осознаются как противоположные ему самому. Это выражается в соответствующих в соответствующих переживаниях субъекта: чувствах обособленности, одиночества, отвержения, потери Я [6]. Тема отчуждения является одной из ключевых тем мигрантской литературы.

Концепт обладает образными признаками, формируемыми метафорическим осмыслением соответствующего предмета или явления. Этот образ можно назвать метафорическим или когнитивным, отсылающим абстрактный концепт к материальному [3]. Абстрактные концепты многомерны и репрезентируются с помощью множества концептуальных метафор и символов. С помощью концептуальной метафоры более абстрактная целевая область (например, числовое значение) понимается в терминах более конкретной исходной области (например, физического пространства) [9].

В рамках проведенного анализа образной репрезентации концепта ALIENATION в художественных текстах мигрантской литературы были выделены символы, репрезентирующие концепт отчуждения: СВЯЗУЮЩИХ ПРОСТРАНСТВ

(ДВЕРЕЙ И КОРИДОРОВ), ЖИВОТНЫХ, ДЕРЕВЬЕВ, ПРИЗРАКОВ.

Выделенные образы функционируют как метафорические маркеры, отражающие внутреннее состояние отчуждения персонажей, их социальное положение, культурную изоляцию и психологическую дезориентацию.

Рассмотрим один из самых знаковых метафорических воплощений концепта ALIENATION – **двери**. Образ двери распространен в художественной и философской литературе [2]. Переход через двери является неким ритуалом, переходом из одного состояния в другое. Важно отметить, что во всех культурах двери являются старинным архетипическим знаком, узнаваемым со времен древнейших цивилизаций. Двери представляют собой переход в иное пространство, физическое или метафизическое [8]. Данный символ перекликается с «обрядом перехода» Ван Геннепа, который рассматривает жизнь человека в социуме как непрерывающийся процесс перехода из одного сообщества в другое, имеющих три стадии: *отделение* – отстранение от прежнего я, *промежуточная (лиминарная)* – переходную стадию, когда человек покинул одно место, но еще не прибыл в следующее; и *включение* – принятие своей новой идентичности и вхождение в новое сообщество [2].

В произведении М. Хамида «Выход: Запад» описывается ситуация, когда в разных точках мира появляются порталы, так называемые *doors* – двери, через которые люди попадают в другие страны: *Rumors had begun to circulate of doors that could take you elsewhere, often to places far away, well removed from this death trap of a country* [12].

Приведем примеры из нашей выборки практического материала, где понятийное поле ALIENATION в результате когнитивных процессов часто накладывается на поле двери: *Saeed and Nadia meanwhile had dedicated themselves single-mindedly to finding a way out of the city, and as the overland routes were widely deemed too perilous to attempt, this meant investigating the possibility of securing passage through the doors, in which most people seemed now to believe* [12].

Главные герои произведения «Выход: Запад» намереваются покинуть страну через двери, портал в новый мир и новую жизнь. Находясь в стране охваченной войной, все большее количество ее жителей начинают верить в существование дверей как возможности избежать смертей и разрухи.

It was said in those days that the passage was both like dying and like being born, and indeed Nadia experienced a kind of extinguishing as she entered the blackness [12]. Двери, а точнее процесс прохожде-

ния через них, в данном примере выступают как символ нового рождения, проходя через которые персонажи претерпевают изменения в своей личности, лишаясь прежнего «я».

Концепт ALIENATION может быть представлен метафорически через использование физического пространства и предметов. Еще одним символом является *коридор*. Коридор – это неотъемлемый элемент планировки дома, особенно у состоятельных людей. Первоначально этот элемент внутреннего пространства дома предназначался для отделения прислуги от господ, впоследствии коридор стал отражать изменения в социальном восприятии, то есть он стал метафорически использоваться как барьер между теми, кто стремится к изоляции.

But she had always been separated from them by hallways that got longer and more thickly carpeted as they moved from house to house [11]. В данном примере из романа Ч. Н. Адичи «Половина желтого солнца» коридоры выступают как символ степени отчужденности между постепенно богатеющими родителями Оланны и их дочерью. Длина коридоров и толщина ковров усиливает степень отчужденности.

Образ животного может служить символическим воплощением концепта. Так, концепт ALIENATION представлен в романе М. Хамида в образе **лисы**.

Лиса – древний символ, интерпретация которого варьируется в зависимости от культуры. В преобладающем количестве культур, в том числе и в британской, лиса предстает изворотливым созданием, способным приспособиться к трудным условиям жизни. Лисы, по аналогии с мигрантами, живут по одиночке, представая в образе изгоев. Несмотря на то, что проворного лиса часто изображают как вороватого преступника, вредителя, которого нужно устранить [7], способность переступать границы дозволенного сделала его одним из самых успешно приспособляющихся к жизни в суровой среде [5].

One night a fox appeared in the garden of the house where Saeed and Nadia were staying. They were both amazed to see it, and wondered how such a creature could survive in London, and where it had come from. Some people told them it might have come through the doors [12]. Появление лисы в Лондоне удивляет героев романа, но они узнают от других, что лиса пришла через те же *двери*, через которые проходят сами мигранты.

They began to sit on the balcony outside their bedroom and wait in the dark for the fox to appear below, in the garden. Such a noble animal, noble though it was fond of rummaging in the trash [12]. Лиса

отождествляется с мигрантом, в прошлом полноправным гражданином, который вынужден скитаться, рискуя своей жизнью, чтобы выжить в постоянно меняющихся условиях.

Концепт ALIENATION так же передаётся через атмосферу чуждости, покинутости в следующем описании: *Milky cobwebs hung in the living room... Dust motes swam ghostlike in the empty room. He looked up and saw a large black spider moving slowly in its web, as if uncaring of their presence and still secure that this was its home* [11]. В романе Ч. Ади-чи персонажи Угву и Оланны возвращаются в когда-то уютный дом, теперь разрушенный войной. Образ паука, плетущего паутину, символизирует покинутость и разрушение.

Концепт ALIENATION представлен также через образ **дерева**. Мотив дерева в «Выход-Запад» проходит через весь роман, переплетаясь с судьбами героев. Человек во многих культурах сравнивает себя с деревом, корни же дерева соотносятся с корнями человека, местом, где он родился. Отсутствие корней означает беспорядочное перемещение с места на место или от одной идентичности к другой [5].

В произведении Выход: Запад это лимонное дерево. Хотя напрямую лимонное дерево не символизирует концепт, его гибель знаменует потерю старой идентичности и последующего отчуждения:

The lemon tree in its clay pot on Nadia's terrace, as tall as he was, and rooted in its soil... The lemon tree was reaching up, up, in a gesture so beautiful that Saeed was filled with love, and reminded of his parents, for whom he suddenly felt such gratitude [12]. Высокое и цветущее дерево с крепкими корнями, напоминающее Саиду о родителях, впоследствии, когда он решает покинуть дом, высыхает.

Nadia's lemon tree did not recover, despite repeated watering, and it sat lifeless on their balcony, clung to by a few desiccated leaves [12].

Дерево также выступает символом отчуждения в романе Х. Хосейни «Бегущий по ветру». Гранатовое дерево символизировало дружбу героев Амира и Хасана в детстве: *After school, Hassan and I climbed its branches and snatched its bloodred pomegranates* [13]. После предательства Амира дерево перестает приносить плоды, что намекает на отчуждение героев: *Hassan had said in his letter that the pomegranate tree hadn't borne fruit in years. The carving had dulled, almost faded altogether* [13].

В ходе анализа также был выделен образ **призрака**, как один из символов, репрезентирующих концепт ALIENATION.

Then maybe my life as a ghost in this house would finally be over [13]. Один из главных героев романа Хосейни «Бегущий за ветром» Амир переживает чувство отчуждения после совершенного им предательства и отъезда в другую страну. Он описывает себя как «призрака», который живет в доме, но остается незамеченным.

В романе «Половина желтого солнца» образ призрака выступает в качестве метафорического символа, отражающего концепт отчуждения: *He was not a ghost. Other people came out to hug him, to rub his body in disbelief as though the sandpouring had still not proved to them that he was not a ghost* [11].

Еще один символический образ, обнаруженный нами в ходе анализа, репрезентирует концепт ALIENATION посредством образа ада.

Our ears became accustomed to the whistle of falling shells, to the rumble of gunfire...Kabul in those days, Amir jan, was as close as you could get to that proverbial hell on earth. The Wazir Akbar Khan area was not attacked as much, so we did not have it as bad as some of the other neighborhoods [13]. Здесь один из героев романа «Бегущий за ветром» описывает ставшие обыденностью страдания людей военного времени. Кабул представляется как место с очень неблагоприятными условиями, которое все, как и Амир стремились покинуть в прошлом. Метафора **hell on earth** используется для описания неблагоприятных условий во время войны.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ показал, что концепт ALIENATION в англоязычной мигрантской литературе представлен системой символических образов, посредством которых объективируются переживания героев, передается их социокультурное и личностное отчуждение. *Двери* и *коридор* символизируют стадии перехода и ограничения пространства/изоляции, *лиса* отождествляется с процессом миграции и адаптации, а также возможностями. Используемый в мигрантской литературе образ *дерева* служит символом родственной и дружеской связи, прекращение которых сравнивается с увяданием и гибелью дерева. Крайняя степень отчуждения ассоциируется с образом *призрака*, который символизирует заброшенность и опустошение. Отчуждение в условиях войны, как следствие крайних лишений и страданий, представлено символом *ада*. Выявленные символы служат для репрезентации в произведениях мигрантской литературы социальное эмоциональное отдаление, утрату связи с самим собой и другими и экзистенциальный кризис.

Список источников

1. Абраменкова В.В. Социальная психология. Словарь / Под ред. М. Ю. Кондратьева. М.: ПЕР СЭ, 2005. С. 68 – 69. ISBN 5-9292-0141-2
2. Геннеп А. Обряды перехода. Москва: Издательская фирма Восточная литература РАН, 1999. 128 с.
3. Пименова М.В. Концептуальные метафоры как способ представления внутреннего мира человека. Кемерово: Вестник Кемеровского государственного университета. 2006. № 2 (26). С. 39 – 46.
4. Caspari E. Animal Life in Nature, Myth and Dreams. Wilmette, IL: Chiron Publications, 2003. 317 p.
5. Ronnberg A. The Book of Symbols: Reflections on Archetypal Images. London: Taschen, 2010. 807 p.
6. Большая психологическая энциклопедия. URL: <https://psychology.academic.ru/> (дата обращения: 14.03.2025)
7. RuralHistoria. [Electronic resource]. URL: https://ruralhistoria.com/2024/05/15/from-necessity-to-nobility-the-history-of-fox-hunting-in-britain/?utm_source=chatgpt.com (accessed: 14.03.2025)
8. Zarubejom.ru. [Electronic resource]. URL: <https://zarubejom.ru/articles/otkryvaya-dveri-vospriyatiya> (accessed: 13.03.2025)
9. Banks B., Borghi A.M., Fargier R., Fini C., Jonauskaite D., Mazzuca C., Montalti M., Villani C., Woodin G. Journal of Cognition Consensus Paper: Current Perspectives on Abstract Concepts and Future Research Directions. Journal of Cognition 2023. № 6 (1). P. 1 – 26. DOI: <https://doi.org/10.5334/joc.238>
10. Journal of World Literature. Volume 10 (2025): Issue 1 (Feb 2025): Special Issue: World Literature and Migration Literature, edited by Sandra Vlasta. P. 1 – 7.
11. Adichie Ch. Half of a Yellow Sun. [Electronic resource]. URL: https://www.bookfrom.net/chimamanda-ngozi-adichie/42345-half_of_a_yellow_sun.html (дата обращения: 7.03.2025)
12. Hamid M. Exit West. [Electronic resource]. URL: https://www.bookfrom.net/mohsin-hamid/51953-exit_west.html (дата обращения: 7.03.2025)
13. Hosseini Kh. The Kite Runner [Electronic resource]. URL: https://www.bookfrom.net/khaled-hosseini/31586-the_kite_runner.html (дата обращения: 7.03.2025)

References

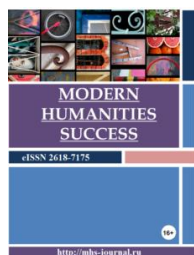
1. Abramenkova V.V. Social Psychology. Dictionary. Ed. by M. Yu. Kondratiev. Moscow: PER SE, 2005. P. 68 – 69. ISBN 5-9292-0141-2
2. Gennep A. Rites of Passage. Moscow: Publishing Company Vostochnaya Literatura RAS, 1999. 128 p.
3. Pimenova M.V. Conceptual Metaphors as a Way of Representing the Inner World of a Person. Kemerovo: Bulletin of the Kemerovo State University. 2006. No. 2 (26). P. 39 – 46.
4. Caspari E. Animal Life in Nature, Myth and Dreams. Wilmette, IL: Chiron Publications, 2003. 317 p.
5. Ronnberg A. The Book of Symbols: Reflections on Archetypal Images. London: Taschen, 2010. 807 p.
6. The Great Psychological Encyclopedia. URL: <https://psychology.academic.ru/> (date of access: 14.03.2025)
7. RuralHistoria. [Electronic resource]. URL: https://ruralhistoria.com/2024/05/15/from-necessity-to-nobility-the-history-of-fox-hunting-in-britain/?utm_source=chatgpt.com (date of access: 14.03.2025)
8. Zarubejom.ru. [Electronic resource]. URL: <https://zarubejom.ru/articles/otkryvaya-dveri-vospriyatiya> (date of access: 03.13.2025)
9. Banks B., Borghi A.M., Fargier R., Fini C., Jonauskaite D., Mazzuca C., Montalti M., Villani C., Woodin G. Journal of Cognition Consensus Paper: Current Perspectives on Abstract Concepts and Future Research Directions. Journal of Cognition 2023. No. 6 (1). P. 1 – 26. DOI: <https://doi.org/10.5334/joc.238>
10. Journal of World Literature. Volume 10 (2025): Issue 1 (Feb 2025): Special Issue: World Literature and Migration Literature, edited by Sandra Vlasta. P. 1 – 7.
11. Adichie Ch. Half of a Yellow Sun. [Electronic resource]. URL: https://www.bookfrom.net/chimamanda-ngozi-adichie/42345-half_of_a_yellow_sun.html (date of access: 7.03.2025)
12. Hamid M. Exit West. [Electronic resource]. URL: https://www.bookfrom.net/mohsin-hamid/51953-exit_west.html (date of access: 7.03.2025)
13. Hosseini Kh. The Kite Runner [Electronic resource]. URL: https://www.bookfrom.net/khaled-hosseini/31586-the_kite_runner.html (date of access: 7.03.2025)

Информация об авторах

Бахмудова А.М., Дагестанский государственный университет

Омарова П.М., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет

© Бахмудова А.М., Омарова П.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81'373=511.142

Верования ханты: этнология, фольклористика, лингвистика

¹ Онин Д.А.,

¹ Югорский государственный университет

Аннотация: в статье представлены основные результаты поисков источников, освещающих верования народа ханты, а также их исследований, как в ретроспективе, так и современное состояние источниковой базы и изученности темы. Её междисциплинарный характер обусловил интерес, прежде всего, к таким научным дисциплинам как этнология и фольклористика, которые зачастую взаимодействуют друг с другом, а также внимание к лингвистическим подходам и методам изучения духовной культуры северного народа. Исследование показало «дефицит лингвистики», ограничивающий понимание сакральной лексики и связанные с ней лакуны в языковой картине мира ханты.

Ключевые слова: языковая картина мира, верования, лингвистика, этнология, фольклористика, история изучения вопроса

Для цитирования: Онин Д.А. Верования ханты: этнология, фольклористика, лингвистика // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 13 – 18.

Поступила в редакцию: 2 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Khanty beliefs: ethnology, folklore, linguistics

¹ Onin D.A.,

¹ Yugra State University

Abstract: the article presents the main results of the search for sources covering the beliefs of the Khanty people, as well as their research, both in retrospect and the current state of the source base and the study of the topic. Its interdisciplinary nature determined the interest, first of all, in such scientific disciplines as ethnology and folklore, which often interact with each other, as well as attention to linguistic approaches and methods for studying the spiritual culture of the northern people. The study showed a "deficit of linguistics" affecting the understanding of sacred vocabulary and the associated gaps in the linguistic picture of the world of the Khanty.

Keywords: linguistic picture of the world, beliefs, linguistics, ethnology, folklore, history of the study of the issue

For citation: Onin D.A. Khanty beliefs: ethnology, folklore, linguistics. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 13 – 18.

The article was submitted: April 2, 2025; Approved after reviewing: June 1, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Глобализация угрожает, прежде всего, традиционным культурам коренных малочисленных народов, делает актуальной проблему сохранения этих культур.

Особое место в этих усилиях должны занимать исследования духовной стороны культуры, являющейся основой всей жизнедеятельности человека. Это хорошо осознаётся ученым сообществом и прежде всего этнологами и фольклористами. Для

этнологов архаичные верования выступают как непосредственный объект внимания; фольклористы обращаются к ним уже опосредованно – через произведения устного народного творчества. При этом надо иметь в виду, что эти произведения исследуются ими с позиций литературоведения. Эвристический потенциал слова оказывается в полной мере доступным только лингвистам. Отсюда научная значимость исследования состояния изученности верований народа ханты, позволяющая определить направление и задачи языковедческого прочтения религиозно-мифологических представлений северного народа.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили научные публикации, проливающие свет на духовную культуру ханты как источникового (в том числе собрания сакральных текстов), так и исследовательского характера. Особо следует выделить обобщающие труды учёных, а именно: Н.В. Лукиной, Т.В. Волдиной, автором II-го тома Академической истории Югры [1, 4].

Результаты и обсуждения

Монографических лингвистических исследований мифологических, религиозных аспектов языковой картины мира ханты, за исключением монографии Марианны Бакро-Надь, не существует. Между тем соответствующие представления обских угров уже более двух столетий являются предметом интереса этнологов и фольклористов.

Изучение Обского Севера в XVIII в. носило, как правило, комплексный характер. Под солнцем эпохи Просвещения российская академическая наука только «открывала для себя» югорскую terra incognita. Описывались уклад жизни, обычаи, верования, языки коренных народов, формировалась картина = государственная концепция «многонациональности России», сложилась российская этнографическая наука [5, с. 8].

В XIX в. идеология Просвещения вытесняется национальным романтизмом, обратившим этнических родственников обских угров – венгров и финнов к историко-филологическим, по преимуществу, разысканиям. Благодаря им удалось сохранить, спасти от забвения, ввести в научный оборот многие произведения устного народного творчества [4].

Период второй половины XIX – начала XX вв. – время оформления этнографического финно-угроведения как научного направления и утверждения позитивистской методологии исследований, что, стимулировало развитие уральской фольклористики и языкознания. При этом в изучении именно обских угров виделись возможности

реконструкции традиционной культуры их европейских родственников [6, с. 5, 7, 24].

Наиболее полным исследованием религиозных верований и обрядов обских угров, вплоть до конца XX в., считалась «Die Religion Der Jugra-Völker» [«Религия Югорских народов»] – трёхтомный труд Кустаа Фредерика Карьялайнена, созданный на рубеже XIX–XX вв. Во втором рассматривался мир духов. [8, с. 6].

Почти одновременно с К. Ф. Карьялайненом о религиозных верованиях одной из групп ханты – иртышских остяков – писал известный российский этнограф Серафим Керович Патканов, посвятивший теме две главы своего труда «Иртышские остяки и их народная поэзия». Как и К. Ф. Карьялайнен С. К. Патканов опирался на собственные полевые материалы, собранные в 1887–1888 гг. и работы предшественников, в том числе из немногих «образцов остяцкой народной поэзии» [12, с. 129]. Автор отметил:

- некоторую «запутанность» мифологии, отсутствие чёткой культовой системы, относительную независимость (слабую связанность) идолов и божеств друг относительно друга [12, с. 131];

- очерк сонма божеств и духов: *Tûrîm'a*, его сына *Pairâxtá* [12, с. 132–133], его супруги *Tûrumanka* [12, с. 135], подчиненных божеств, злых и добрых: *kul*, *menk*, *tonx*, а также душ героев, священных животных и птиц [12, с. 141–168];

- описание культов, обрядов и праздников [12, с. 161–165 и др.];

- описание представлений о душе и потусторонней жизни [12, с. 178–187].

В советский период до середины 1930-х гг. на фоне политики коренизации, поддержки языков, народного самодеятельного искусства, сбора и изучения фольклора в рамках проекта создания национальных литератур, изучение традиционных верований ханты и манси рассматривалось исключительно в целях борьбы с «пережитками» и «влиянием шаманства». [1, Т. 2, с. 624–625]. Негативное отношение к религии сохранялось и позднее. Характерно, что даже в 1956 г. в академическом издании «Народы Сибири» в разделе о ханты и манси их религиозные воззрения не рассматривались.

Ситуация начинает меняться в 1970-е гг., тема «реабilitируется» и развивается усилиями Н.В. Лукиной, В.М. Кулемзина, З.П. Соколовой, А.П. Зенько, С.А. Поповой и других известных этнологов, в трудах которых этнографические источники, проливающие свет на верования ханты, встраиваются в современные концепции традиционной культуры.

Изучение фольклора обских угров как научное направление параллельно с этнографическим складывается в середине – второй половине XIX – начале XX вв. Первым научным исследованием обско-угорского (мансийского) фольклора стала работа Берната Мункачи, собравшего 8 томов памятников устного народного творчества обских угров [4]. Венгерский учёный разработал свою «классификацию устного народного творчества, основанную на содержательной стороне и жанровой принадлежности мифов [4].

Похожую классификацию в виде оглавления соответствующего раздела книги «Иртышские остяки» дал и С. К. Патканов, выделивший эпическую поэзию, мифологические песни и космогонические сказания, сказки, песни, загадки [12, с. 398].

В советский период, как и в этнографии, в фольклористике действовала установка на десакрализацию традиционной культуры и формирование новой социалистической, советской мифологии [4, с. 46-47, 65].

В 1999 г. на свет появляется монография Т.А. Молданова посвящённая медвежьим песням – образец междисциплинарного сочетания этнографии и фольклористики. По оценке Т.В. Волдиной автору удалось доказать стабильность ритуальной и изменчивость мифологической составляющих медвежьих игр [4, с. 115-116].

«Финальной версией» этнографической картины мира обских угров можно с полным основанием считать часть 5-ю II-го тома Академической истории Югры, подготовленную специалистами Обско-угорского института прикладных исследований и разработок С.А. Поповой, Т.В. Волдиной и В.И. Сподиной. Названный труд увидел свет в 2024 г. [1]. В контексте нашей работы особый интерес представляет раздел «Обско-угорский пантеон». Здесь даны:

1) с учётом горизонтального членения мира распределение духов-покровителей по р. Обь по К. Ф. Карьялайнену:

а) исток реки – «Верхний мир, его хозяин *Нум хэ* ‘Верхний богатырь’, он же *Мир ванты хэ* ‘За людьми смотрящий богатырь’, *Ас тый ики* ‘Верховьев Оби богатырь’, с божествами землю, с духами землю огибающий богатырь на белой лошади» [1, Т. 1, с. 455-456];

б) «Средний мир – территория проживания людей, животных и многочисленных духов-хозяев местностей. Его хозяином является *Ем вош ики* ‘Вежакорский богатырь’, он – посредник между мирами» [1, Т. 1, с. 456];

в) «Нижний мир – это устье реки, северная сторона. Хозяином является *Увс ики* ‘Северный бога-

тырь’, также *Ил мўв ики* ‘Дух болезней, нижнего мира’» [1, Т.1, с. 456].

2) «Иерархия верховных божеств. В разных версиях это:

- антропорфная пара демиургов: *Torəm-as’i* – *Torəm-an̄ki* (хант.) ‘Бог-отец – Бог-мать’» [1, Т.1, с. 456];

- «три отдельных верхних божества: *Нум-Курэс*, *Нум-Төрэм*, *Нум-Сивэс*» [1, Т.1, с. 457];

3) В Среднем мире главным женским персонажем выступает «*Калтац-ими*, *Калтац-ауки*, у восточных ханты *Ауки-Пугос*, *Калтац-эква* манс.) – покровительница женщин, посылающая появившемуся ребёнку душу». В хантыйской мифологии она – супруга небесного бога, мать или бабушка детей *Торума*. В огне очага обитает *Түт-имийэ*, у северных ханты богиня огня – *Най-ими* (хант.) ‘Богиня Огня-женщина’ или *Түт ауки* ‘Огонь мать’, у казымских ханты – *лапэт түрэн*, *түрэн Най Аукийэ* ‘Семиголосая богиня-мать’ [1, Т. 1, с. 458].

- границу между Средним и Нижним миром защищает *Ем-вош-ики* (хант.) / *Ял-ус-ойка* (манс.) ‘Священного города дух’ – медведь [1, Т.1, с. 458];

- к Среднему миру относятся и многочисленные духи.

4) Нижний мир – *Kali-torəm* (хант.), *хамал-мā* (манс.) – потусторонний, страна покойников и смерти, иногда ассоциировался с северным океаном. «Им управляет *χin-ürt-χum* (сев. хант.), *χin-iki* (сев. хант.), *K̄in’-luṅk*, *K̄in’-kolt-ot* (вост. хант.), *Kul-ōtar* (манс.). По одной версии он – старший сын небесного бога, по другой – его брат» (1, Т. 1, с. 461-462). Ему подчинялись духи болезни, в том числе *Хинь вэрт* (хант.) ‘Повелитель Нижнего мира’ и *Тарэн-Ими* (хант.), губящая разум, вызывающая несчастья, связанные с кровопролитием. Но у северных ханты в Тегах и Ванзевате владыка Нижнего мира выступал и местным духом-покровителем [1, Т. 1, с. 462].

5) Могущественным духом воды считается *Йиук-Вэрт* (хант.) / *Вит-χōн* (манс.) и его дочь *Йиук-Вэрт эви* (хант.) / *Вит-χōн аги* (манс.), управляющие водой «двудушно» [1, Т. 1, с. 462-463].

Современным образцом исследования мифологии ханты является монография Татьяны Александровны Молдановой «Пелымский Торум» [2010]. «Основной задачей исследования является максимально полное раскрытие содержания песнопения с целью выявления его генезиса, места, занимаемого в медвежьем празднике и, по возможности, в общей картине мира хантов», – пишет автор [11, с. 5]. Сакральное содержание песни выявляется ею на различных уровнях: в мотивах сюжета, в ис-

пользованных типических формулах, во вставочных элементах стихосложения, в ассоциативных рядах, вызываемых теми или иными слово- или звукосочетаниями и т.д. Наряду с анализом мифологических сюжетов, широко используется раскрытие смысла типических выражений, народное разьяснение различных образов, фольклорных формул и т.д.» [11, с. 5].

Ещё в начале XX в. общепризнанной считалась архаичность части фольклорной лексики [4, с. 27, 32], в 1930-е гг. – морфологические особенности и трудности перевода. В предвоенные годы учёные обнаружили явление инверсии членов предложения и основанную на параллелизме громоздкость синтаксических конструкций [4, с. 32; 9].

В 2007 г. на научно-практическом семинаре в г. Ханты-Мансийске при обсуждении вопроса о подготовке нового религиозно-мифологического хантыйского словаря, видимо учитывалась, в том числе, слабость лингвистической оснастки предыдущих подобных изданий. Так, в вышеназванных «Мифологии хантов» [2000], сформулированные с помощью лингвистических методов и приёмов тезисы и оценки присутствуют лишь в единицах статей [10, с. 109, 110, 130, 140, 142, 172, 196, 203-204].

Лингвист Алексей Данилович Каксин предложил в новом издании каждую его статью снабдить языковым комментарием, «поскольку те или иные мифологические понятия неразрывно связаны со звуковой оболочкой и смысловым наполнением исходного (титульного) слова». В структуре комментария должны были, по его мнению, быть указаны:

- все основные лексикологические характеристики слова;
- морфологические особенности; исконное или заимствованное;
- стилистическая принадлежность;
- табуированное или нет;
- основное и другие значения;
- идиомы с этим словом;
- фразеологические сочетания;
- этимология.

Отдельно в кругу мифологической лексики А. Д. Каксин выделил табу, связанные с магической функцией речи и их возможные заменители эвфемизмы в аспекте их связи с заимствованиями [7, с. 15-21].

К концу первого десятилетия XXI в. в обско-угорских лингвистических исследованиях, как и в этнологии, фольклористике заметным становится интерес к понятию картины мира, в том числе языковой.

Среди лингвистических исследований 2010-х – 2020-х гг., в списке ключевых слов которых фигурирует картина мира ханты, в контексте нашей работы представляют интерес, прежде всего, с точки зрения методологии и методов [12, с. 79-80].

Единственная работа, посвящённая сакральной лексике ханты, увидела свет в 2010 г. Её автором стала этнограф и культуролог Майна Афанасьевна Лапина, отметившая:

- наличие в языке «стройной системы» «хорошо разработанной» сакральной лексики, большей частью архаичной, использование иноязычных заимствований, а также соответствующие «семантические объединения слов»;

- наличие в языке термина *ем*, *емың* – ‘свято’, ‘священный’ = неприкосновенность, ненарушение существа или вещи = *табу*;

- некоторые условия исполнения произведений устного народного творчества сакрального характера, особенности речи рассказчика (уровень громкости, интонация, паузы в исполнении);

- (в форме намека): возможность исполнения отдельных жанров (например, призывной песни с особым мотивом *ар сов*) исключительно людьми «посвященными в религиозное таинство, владеющими сакральным знанием» (= шаманами);

- сакральную нагрузку обращений к божествам, духам-покровителям и их имён собственных, использование вместо имён эвфемизмов;

- гендерные ограничения [9].

Нам известны лишь несколько современных примера обращения к анализу языковых средств выражения традиционных верований ханты.

Это работа М. Ю. Андугановой, посвящённая графической лингвостилистике опубликованных Т. А. Молдановой «Песен Пелымского Торума». М.Ю. Андуганова отметила:

- «приоритетное использование запятых и точек, которые позволяют судить о ровном, спокойном ее исполнении с множеством описательных перечислений, которые придают иносказательность и придают тексту элементы таинства» [2, с. 585];

- «текст достигает возвышенно-духовной формы благодаря относительно спокойному, методично ровному изложению, вопросно-ответному повествованию, метрически неравномерным синтаксическим конструкциям, рифмообразующим специфическим графонам и синтаксису предложения и словосочетания» [2, с. 586].

Наконец, это исследование М. Ю. Андугановой стилистического потенциала пунктуации в текстах традиционной религии ханты и мари. Автор пришла к выводу о том, что «знаки препинания в произведениях подобного жанра могут использовать-

ся не только исходя из общепринятых правил, но и служить для передачи устного текста, имеющего особые правила репрезентации». Как сакральные они требуют дополнительных способов передачи смыслов, выходящих за пределы возможностей способов буквенных [3, с. 539].

Выводы

1) Духовная культура, традиционные верования ханты изучаются уже более двух столетий. За это время сменились культурные эпохи, парадигмы гуманитарного знания, приоритет сбора и первых подходов к предмету, свойственный XVIII – первой половине XIX вв. сменился преобладанием исследования, прежде всего, этнографических и фольклорных источников. Ранний интерес к языковедческим изысканиям, вполне обнаружившийся в середине – второй половине XIX в., объяснялся лингвистическими интересами собирателей произведений устного народного творчества обских угров этого времени.

2) Наряду с непосредственным изучением –

описанием этнографической – фольклорной среды, безраздельно доминировавшим в XVIII-XIX вв., и сохранившим для будущих поколений обских угров и научных исследований образы древних форм религии, в XX-XXI вв. всё большее значение приобретает (кабинетное) изучение их на основе фольклора и лингвистики.

3) Политические перемены в России в сочетании с антропологическим поворотом в гуманитарном знании стимулировали интерес к изучению народных верований обских угров, а концепция картины мира отчасти задавала этим исследованиям и определённое направление.

4) Вместе с тем, междисциплинарный вызов антропоцентризма, разработка картины мира вызвали лишь относительное сближение специалистов разных областей гуманитарного знания в деле изучения традиционной религии. Этнолого-фольклористическая версия, очевидно, нуждается в лингвистической верификации и обосновании.

Список источников

1. Академическая история Югры: в 8 т. / под общ. ред. Р.Г. Пихоя. Ханты-Мансийск: Изд. дом «Новости Югры», 2024. Т. 2. Югра в XI-XVI вв. / Отв. ред. А.В. Головнёв. 600 с.; 2024. Т. 6. Югра в 1917-1953 гг.: на пути модернизации / отв. ред. Г.Е. Корнилов, В.В. Кондрашин. 720 с.
2. Андуганова М.Ю. Специфика графической лингвостилистики в сакральных текстах ханты «Песни Пельмского Торума» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. № 4. С. 582 – 588.
3. Андуганова М.Ю. Стилистический потенциал пунктуации в текстах традиционной религии ханты и мари // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104). С. 539 – 541.
4. Волдина Т.В. Хантыйский фольклор: история изучения. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. 258 с.
5. Головнёв А.В. Многонародность России: взгляд с Севера // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 6 – 32.
6. Загребин А.Е. Этнографическое изучение финно-угорских народов России в XVIII – начале XX вв.: история, теория и практика: автореф. дис ... докт. ист. наук. Чебоксары, 2009. 44 с.
7. Каксин А.Д. Лингвистический комментарий в статьях «Словаря хантыйской мифологии» (необходимость, объём, структура) // Мифология хантов. Материалы научно-практического семинара / под ред. Т.А. Молдановой. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 12 – 21.
8. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. II: пер. с нем. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. 284 с.
9. Лапина М. А. Сакральная лексика в фольклоре хантов // Вестник Югорского гос. ун-та. 2010. № 2 (17). С. 64 – 66.
10. Кулемзин В.М., Лукина Н.В., Молданов Т.А., Молданова Т.А. Мифология хантов [Энциклопедия уральских мифологий. Т. III] / науч. ред. В.В. Напольских. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. 310 с.
11. Молданова Т. А. Пельмский Торум – устроитель медвежьих игрищ / отв. ред. Н.В. Лукина. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2010а. 221 с.
12. Онин Д.А. Проблематика и методология лингвокультурологических исследований языковой картины мира ханты // Успехи гуманитарных наук. 2024. № 9. С. 76 – 82.
13. Патканов С.К. Иртышские остяки и их народная поэзия // Патканов С.К. Остяцкая молитва. Т. 1. Тюмень: Изд-ва Мандрика, 1999. С. 25 – 361.

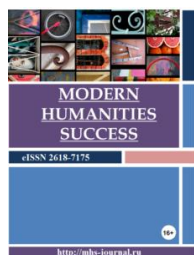
References

1. Academic history of Yugra: in 8 volumes. edited by R.G. Pikhoy. Khanty-Mansiysk: Publishing house "Novosti Yugry", 2024. Volume 2. Yugra in the 11th-16th centuries. Ed. A.V. Golovnev. 600 p.; 2024. Volume 6. Yugra in 1917-1953: on the path of modernization. Ed. G.E. Kornilov, V.V. Kondrashin. 720 p.
2. Anduganova M.Yu. Specificity of graphic linguostylistics in the sacred texts of the Khanty "Songs of Pelym Torum". Yearbook of Finno-Ugric studies. 2020. Vol. 14. No. 4. P. 582 – 588.
3. Anduganova M.Yu. Stylistic Potential of Punctuation in the Texts of Traditional Religion of the Khanty and Mari. The World of Science, Culture, Education. 2024. No. 1 (104). P. 539 – 541.
4. Voldina T.V. Khanty Folklore: History of Study. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2002. 258 p.
5. Golovnev A.V. Multi-ethnicity of Russia: A View from the North. Ethnography. 2022. No. 4 (18). P. 6 – 32.
6. Zagrebin A.E. Ethnographic Study of the Finno-Ugric Peoples of Russia in the 18th – Early 20th Centuries: History, Theory, and Practice: Abstract of a PhD thesis. diss ... d. Sc. (Hist.). Cheboksary, 2009. 44 p.
7. Kaksin A.D. Linguistic commentary in the articles of the "Dictionary of Khanty Mythology" (necessity, volume, structure). Mythology of the Khanty. Materials of the scientific and practical seminar. Edited by T.A. Moldanova. Khanty-Mansiysk: Polygraphist, 2008. P. 12 – 21.
8. Karjalainen K.F. Religion of the Yugra peoples. T. II: trans. from German by N.V. Lukina. Tomsk: Publishing house of Tomsk University, 1995. 284 p.
9. Lapina M.A. Sacred vocabulary in the folklore of the Khanty. Bulletin of the Yugra State University. 2010. No. 2 (17). P. 64 – 66.
10. Kulemzin V.M., Lukina N.V., Moldanov T.A., Moldanova T.A. Mythology of the Khanty [Encyclopedia of Ural Mythologies. Vol. III]. scientific ed. V.V. Napol'skikh. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2000. 310 p.
11. Moldanova T.A. Pelymsky Torum – the Organizer of Bear Games. Ed. N.V. Lukina. Khanty-Mansiysk: Polygraphist, 2010a. 221 p.
12. Onin D.A. Problems and Methodology of Linguocultural Studies of the Khanty Language Picture of the World. Uspekhi Gumanitarnykh Nauk. 2024. No. 9. P. 76 – 82.
13. Patkanov S.K. Irtysh Ostyaks and their folk poetry. Patkanov S.K. Ostyak prayer. T. 1. Tyumen: Mandrika Publishing House, 1999. P. 25 – 361.

Информация об авторе

Онин Д.А., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-7868-7502>, Югорский государственный университет, denisonin@mail.ru

© Онин Д.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 339.9.01

Стратегии перевода китайских кросс-бордерных электронных коммерческих сайтов на русский язык: перспектива лингвистического ландшафта

^{1, 2} Чэнь Шида, ^{1, 2, 3, 4} Абуева Н.А., ⁵ Абуев У.А.,

¹ Институт европейских языков,

² Чжэцзянский университет иностранных языков Юесю, Китай,

³ Университет Туран, Республика Казахстан,

⁴ Высшая школа Медиа и межкультурной коммуникации,

⁵ Казахский государственный женский педагогический университет, Казахстан

Аннотация: в условиях стремительной цифровизации и глобализации китайские кросс-бордерные электронные коммерческие сайты (СВЕС) демонстрируют активное расширение на русскоязычные рынки. Система лингвистического ландшафта в онлайн формирует особую среду восприятия контента, где перевод выполняет не только коммуникативную, но и маркетинговую функции. Цель исследования – выявить основные стратегии перевода китайских СВЕС-сайтов на русский язык, соотнеся их с особенностями языковой среды и пользовательских ожиданий. В качестве корпуса были отобраны тексты десяти ведущих китайских платформ (описания товаров, кнопки навигации, рекламные слоганы). Использовались методы контент-анализа и сопоставительного изучения переводов оригинальных китайских и русскоязычных версий. Дополнительно проведён опрос-анкетирование среди 50 респондентов (покупатели и переводчики-локализаторы) для оценки адекватности и читабельности переведённых элементов с учётом социолингвистического контекста. Анализ показал преобладание стратегий «доместикации» (адаптация культурно-специфических реалий, изменение единиц измерения, валюты, метрических обозначений) при переводе интерфейсных элементов. В рекламных текстах используется комбинация транскрибирования названий брендов и локализации слоганов через калькирование и перефразирование. Выявлены также случаи «интерлингвистических вставок» – сохранение английских терминов для поддержания международного имиджа. Опрос респондентов подтвердил, что корректная культурно-социальная адаптация повышает доверие и способствует конверсии.

Ключевые слова: стратегии, перевод, кросс-бордерная электронная коммерция, лингвистический ландшафт, китайские сайты

Для цитирования: Чэнь Шида, Абуева Н.А., Абуев У.А. Стратегии перевода китайских кросс-бордерных электронных коммерческих сайтов на русский язык: перспектива лингвистического ландшафта // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 19 – 25.

Поступила в редакцию: 3 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Translation strategies for Chinese cross-border e-commerce websites into Russian: a linguistic landscape perspective

^{1, 2} Chen Shida, ^{1, 2, 3, 4} Abueva N.A., ⁵ Abuev U.A.,

¹ Institute of European Languages,

² Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, China,

³ Turan University, Republic of Kazakhstan,

⁴ Graduate School of Media and Intercultural Communication,

⁵ Kazakh State Women's Pedagogical University, Kazakhstan

Abstract: in the context of rapid digitalization and globalization, Chinese cross-border e-commerce (CBEC) websites are actively expanding into Russian-speaking markets. The online linguistic landscape creates a unique environment for content perception, where translation serves not only communicative but also marketing functions. This study aims to identify the main strategies for translating Chinese CBEC websites into Russian, correlating them with the characteristics of the linguistic environment and user expectations. The corpus consisted of texts from ten leading Chinese platforms (product descriptions, navigation buttons, advertising slogans). Content analysis and comparative study of the original Chinese and Russian-language versions were employed. Additionally, a survey was conducted among 50 respondents (shoppers and translator-localizers) to evaluate the adequacy and readability of the translated elements, taking into account the sociolinguistic context. The analysis revealed a predominance of domestication strategies (adaptation of culture-specific realities, conversion of measurement units, currency, and metric designations) when translating interface elements. In advertising texts, a combination of brand name transcription and slogan localization through calquing and paraphrasing is used. Instances of “interlinguistic inserts” – the retention of English terms to maintain an international image – were also identified. The survey confirmed that proper cultural and social adaptation increases trust and promotes conversion.

Keywords: strategies, translation, cross-border e-commerce, linguistic landscape, Chinese websites

For citation: Chen Shida, Abueva N.A., Abuev U.A. Translation strategies for Chinese cross-border e-commerce websites into Russian: a linguistic landscape perspective. *Modern Humanities Success*. 2025. 8. P. 19 – 25.

The article was submitted: April 3, 2025; Approved after reviewing: June 2, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Лингвистический ландшафт, который формируется вокруг китайских кросс-бордерных электронных коммерческих сайтов, предоставляет уникальную возможность для исследования стратегий перевода на русский язык с учетом культурного, социального и экономического контекста. С появлением большого количества интернет-платформ, ориентированных на экспорт товаров из Китая, перед переводчиками и языковыми специалистами все острее встает вопрос оптимального и качественного донесения информации до русскоязычных пользователей. Именно поэтому возникает интерес к тому, как лингвистическая среда, окружающая подобные сайты, влияет на восприятие контента и каковы наиболее эффективные стратегии адаптации текстов. Многие практики перевода, которые функционируют в рекламных сообщениях и описаниях продуктов, отражают общую тенденцию к транснациональному маркетингу, где лингвистический ландшафт не ограничивается полным переводом, а включает создание нового дискурса, гибко реагирующего на культурные

особенности целевой аудитории [7]. При этом часто используемые машинные переводы не всегда передают тонкие нюансы семантики и стилистики, что может приводить к снижению доверия со стороны потребителей.

Материалы и методы исследований

Нередко первый контакт российских потребителей с китайскими товарами происходит через сайты, где дизайн и структура ориентированы на англоязычную аудиторию, а русская версия появляется лишь по мере роста спроса. Однако расширение присутствия китайских продавцов в русскоязычном сегменте диктует необходимость более серьезного подхода к переводу. В частности, возникает вопрос, должен ли перевод иметь форму прямого калькирования или лучше ориентироваться на свободную интерпретацию смыслов. Вопрос о выборе между калькой и адаптивным переводом встает особенно остро при передаче названий товаров и брендов. Простое транслитерирование, например, может не всегда звучать органично на русском, а дополнение описательных характеристик может перегружать текст [1].

Переводчик стоит перед вызовом отыскать оптимальный баланс между сохранением аутентичности бренда и доступностью информации для русскоязычных потребителей.

Результаты и обсуждения

С точки зрения маркетинга, лингвистический ландшафт электронных коммерческих площадок становится полем конкуренции не только в ценовом аспекте, но и в аспекте презентации товара и его «культурной упаковки». К примеру, китайские сайты могут использовать концепты, хорошо известные азиатским покупателям, но непонятные россиянам, будь то образы из традиционных китайских праздников или отсылки к региональным диалектам [3]. Поэтому переводчику приходится решать сразу несколько задач: передать смысл, учесть культурные и языковые различия и при этом сохранить оригинальный маркетинговый посыл. Нередки случаи, когда определенные маркетинговые лозунги при буквальном переводе режут слух русскоязычным потребителям, так как не передают желаемой эмоции или выглядят чрезмерно пафосными. Оптимальная стратегия в таких случаях – это локализация смысла и стилистическая адаптация.

Важным элементом в процессе перевода остается учет специфики поисковой оптимизации (SEO). Поскольку большое количество посетителей китайских кросс-бордерных площадок приходят с поисковых систем, корректный выбор ключевых слов на русском языке становится залогом успешной индексации и, соответственно, увеличения продаж. Перевод, не отвечающий критериям SEO, может сделать сайт практически невидимым для российской аудитории [1]. Поэтому лингвистический ландшафт сайтов непременно включает в себя набор ключевых терминов, репрезентирующих товары, их категории, а также выгоды от покупки. Хороший переводчик должен уметь внедрять эти ключевые слова органично, не превращая текст в набор однообразных клише.

Важность использования профессиональных переводчиков особенно ярко проявляется при необходимости учитывать региональные различия внутри самой России. Несмотря на существующие общие нормы литературного русского языка, покупатели в разных областях могут иметь собственные лексические предпочтения, которые формируются под влиянием местной культуры и менталитета [7]. Однако в большинстве случаев крупные китайские сайты, ориентируясь на массового российского покупателя, следуют стандартам известной всем формы русского языка.

Тем не менее понимание того, что региональные особенности тоже создают разнообразие в общем лингвистическом ландшафте, позволяет продавцам и маркетологам разрабатывать точные и гибкие стратегии коммуникации.

Когда мы говорим о стратегиях перевода, очень часто на первый план выходит противопоставление «дословный перевод» – «свободная адаптация». В реальности границы между ними стираются, так как переводчики нередко используют смешанные подходы. Например, описание технических характеристик товара может быть дословным, поскольку точность в этом случае имеет первостепенное значение, тогда как рекламный слоган требует творческой интерпретации, чтобы звучать естественно для русского уха [9]. В рамках лингвистического ландшафта, где на одном сайте может сосуществовать множество разных текстовых форм, столь гибкий подход кажется наиболее целесообразным.

С развитием мобильных приложений и ростом количества пользователей смартфонов многие китайские платформы стремятся упростить коммуникацию и предоставить клиентам удобный интерфейс на родном языке. Однако процесс перевода мобильных версий часто усложняется из-за ограничений по количеству символов и особенностей отображения интерфейса на небольшом экране [10]. Переводчики вынуждены искать краткие формулировки, которые вслед за лаконичной китайской фразой смогли бы передать достаточно полную информацию на русском языке. Вследствие этого лингвистический ландшафт становится не только многоязычным, но и мультимедийным, поскольку один и тот же текст может требовать адаптации под несколько сценариев использования.

Параллельно с профессиональным переводом нередко применяется машинный, что вызывает ряд спорных моментов. С одной стороны, современные системы машинного перевода, основанные на нейронных сетях, существенно повысили качество переводов. С другой стороны, в ряде случаев машина не ухватывает контекст, и полученные тексты могут содержать грамматические, стилистические и лексические ошибки. Пользователю, который видит подобные неточности, может казаться, что сайт ненадежен [8]. Поэтому грамотная стратегия кросс-бордерных платформ часто сочетает машинный перевод с последующей редактурой профессионалами, которая устраняет шероховатости и придает тексту естественное звучание.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что в лингвистическом ландшафте кросс-бордерных сайтов нередко отражаются культурные коды Китая, которые могут требовать дополнительной пояснительной адаптации. Например, ссылки на традиционные иероглифы благополучия или изображения специфической символики (драконы, лотусы и т.д.) могут быть знакомы китайским покупателям, но далеко не всегда понятны российским [3]. В таком случае перевод на русский язык может включать в себя сноски или разъяснения, особенно если речь идет о товаре, сильно завязанном на культурные ценности. С другой стороны, не всегда целесообразно перегружать текст дополнительными комментариями, так как коммерческий сайт остается прежде всего площадкой продажи, а не просветительства.

Важную роль в формировании лингвистического ландшафта играет взаимодействие с пользователями, которые оставляют отзывы на русском языке. Эти отзывы часто представляют собой смесь разговорной лексики, англицизмов и некорректных формулировок, что может оказывать двоякое влияние на общий языковой облик сайта [2]. С одной стороны, живая речь пользователей придает площадке аутентичность, с другой – может создавать ощущение «утраты качества» языка, если сами отзывы изобилуют ошибками. Некоторые сайты стремятся модерировать отзывы, исправляя орфографические или стилистические ошибки, но подобная практика может вызвать у клиентов недоверие. Баланс между аутентичностью и грамотностью в пользовательских комментариях – тонкая грань, на которой формируется часть лояльности к бренду.

Продавцы, которые выходят на российский рынок через китайские кросс-бордерные площадки, интересуются не только переводами описаний, но и эффективной коммуникацией в социальных сетях. Здесь переводчик сталкивается с еще одним аспектом лингвистического ландшафта: сленг, мемы и прочие элементы неформального общения. Если рекламная кампания запускается в «ВКонтакте» или других русскоязычных соцсетях, необходимо понимать местные тренды и особенности взаимодействия пользователей [2]. Избыточное или неверное использование интернет-мемов может привести к отрицательному эффекту, тогда как правильное внедрение помогает установить более тесный контакт с целевой аудиторией. Переводчики, заботящиеся о качестве контента, часто поддерживают связь с носителями языка, чтобы

лучше отследить актуальные веяния массовой культуры.

Большую трудность для переводчиков представляют товары, относящиеся к традиционным китайским категориям, например, чай, лекарства традиционной китайской медицины, изделия народных ремесел. При переводе описаний таких товаров на русский язык требуется не только знание языка, но и понимание ответственности, так как речь может идти о потреблении продуктов с лечебным эффектом или высокой культурной ценностью. Перевод должен содержать ясную информацию о составе и способе применения, а при необходимости – юридические формулировки, соответствующие нормам российского законодательства [6]. Неверная интерпретация может повлечь за собой юридические проблемы для продавцов, а также негативно сказаться на здоровье потребителей.

Лингвистический ландшафт кросс-бордерных платформ также затрагивает вопрос патриотических тем, особенно в периоды, когда российского потребителя привлекают товары, подчеркивающие национальную идентичность. В таких случаях китайские производители могут адаптировать названия товаров или рекламные кампании под патриотические мотивы, что немного парадоксально, учитывая их иностранное происхождение [4]. Однако при грамотном переводе такая адаптация может быть воспринята положительно, ведь главное – это умелое сочетание интересов покупателя с продвижением китайской продукции.

Отдельно стоит рассмотреть аспекты визуального сопровождения, поскольку в современном интернете текст все чаще сочетается с графикой и видео. Перевод субтитров в промо-роликах, надписей на баннерах или инфографике требует точного воспроизведения смысла в ограниченном пространстве. В таких заявленных целях переводчик иногда вынужден жертвовать деталями, дабы сохранить общий стиль и читабельность. Говоря о лингвистическом ландшафте, сюда можно включить и визуальные элементы, ведь надписи на изображениях, цвета и формы символов могут влиять на общее восприятие текста [5]. Правильный подбор шрифтов и графических элементов тоже становится частью переводческой работы, хотя не всегда эти процессы напрямую связываются с переводом.

Коммуникация через мессенджеры и чат-ботов, встроенных в китайские сайты, также вносит свою лепту в лингвистический ландшафт. Часто клиенты предпочитают уточнять детали заказа

через быстрые сообщения. Если чат-бот автоматизирован, его сценарии общения должны быть корректно переведены на русский, дабы избежать комических ситуаций или недоразумений. Здесь опять упираемся в известный вызов для машинных переводов, ведь чат-боты ориентированы на мгновенный результат и могут допускать серьезные лексические ошибки [2]. Когда же к разговору подключается живой оператор, уровень владения русским языком становится решающим фактором успеха сделки.

Особое значение приобретает формирование доверия к сайту в глазах русского покупателя. Переведенные тексты могут казаться либо слишком формальными и «чужими», либо чрезмерно небрежными. Успешная стратегия перевода подразумевает достаточный уровень формальности, гарантирующей серьезность предложения, но при этом тексты должны оставаться понятными и дружелюбными для среднего пользователя [7]. Указание на гарантийные условия, способы оплаты и сроки доставки должно быть выполнено профессионально, с учетом терминологии, принятой в России. В этом смысле ключевым навыком переводчика является умение комбинировать официальный и разговорный стили, создавая тексты, которые внушают доверие и побуждают к совершению покупки.

Лингвистический ландшафт, формируемый на этих сайтах, может менять само потребительское поведение, поскольку язык оказывает влияние на эмоциональное восприятие товара. Иногда китайские продвинутые платформы используют приемы эмоционального маркетинга, стараясь играть на чувстве эксклюзивности или редкости продукта [3]. Для русского рынка уместно использовать понятия «выгодная покупка», «распродажа», «акция», но при этом следует обходить чрезмерные экспрессивные обороты,

чтобы не вызывать скепсис. Переводчики, работающие в подобных проектах, изучают психологию потребителя и взаимодействуют с маркетологами, чтобы найти оптимальный тональность и лексику.

Выводы

Понять всю сложность возникающего ландшафта можно, если взглянуть не только на успехи, но и на провалы, связанные с неверным переводом или несоответствием культурным нормам. Такие кейсы служат уроками для будущих проектов, так как любая ошибка в переводе, ставшая публичной, быстро обсуждается в социальных сетях и на форумах, что может привести к репутационным потерям [3]. Таким образом, перевод, цепляющийся лишь за буквальное отражение исходного текста, оказывается недостаточным для выполнения задач кросс-бордерной торговли. Специалистам нужно учитывать социолингвистические процессы, менталитет, привычки и ожидания конечного пользователя.

Рассматривая все вышесказанное, можно сделать вывод, что перевод китайских кросс-бордерных сайтов на русский язык выходит далеко за рамки стандартных переводческих практик. Он становится междисциплинарным процессом, в который вовлечены лингвисты, маркетологи, юристы, IT-специалисты и эксперты по культуре. На появившемся пересечении формируется уникальный лингвистический ландшафт, отражающий как коммерческие интересы, так и культурные взаимодействия между Китаем и Россией [2]. Именно это сочетание делает стратегию перевода ключевым фактором успешного присутствия китайских платформ на русском рынке, обеспечивая не только понятность, но и комфорт для конечного пользователя.

Финансирование

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке Научного проекта Департамента образования провинции Чжэцзян (номер проекта: Y202352495)

Список источников

1. Будаева А.Б. Проблема перевода безэквивалентной лексики китайского языка на русский язык (на примере реалий китайских традиционных праздников) // Иностранные языки: лингвистика и межкультурная коммуникация: материалы 59-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2021. С. 57 – 58.
2. Гао Ц. Развитие и перспективы трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией // Россия и регионы мира: реглобализация: сб. тезисов Международной научно-практической конференции / редкол.: А.И. Емельянов, В.Н. Пивовар. Москва, 2023. С. 15 – 16.
3. Должикова А.В., Гусева И.С., Куриленко В.Б., Румянцева Н.М. Русский язык для трудящихся мигрантов: экспресс-курс (перевод на китайский язык). 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2019. 120 с.

4. Краюшкина Т.В. Китайские этиологические легенды как составляющая контента русскоязычных интернет-ресурсов: стереотипы и их влияние // Межкультурная коммуникация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история и современность: материалы конференции. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 94 – 97.
5. Леонтьев А.А. Русский versus английский: проблема адекватности перевода (на примере английской части сайта отделения ГПНТБ СО РАН) // Научные и технические библиотеки. 2008. № 8. С. 59 – 62.
6. Ли Шу. Русский интернет-язык в аспекте китайской лингвокультуры // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. статей III Международной научно-практической конференции. Москва: РУДН, 2019. С. 326 – 330.
7. Маркина Н.А., Чжан Ж. Особенности официально-делового стиля в русском и китайском языках и стратегии перевода коммерческих документов // Традиция и новации: сборник научных трудов памяти Надежды Андреевны Метс / отв. ред. Н.Б. Битехтина, В.Н. Климова. Москва, 2016. С. 72 – 80.
8. Семашко Н.В. Преодоление трудностей при переводе китайского интернет-сленга на русский язык // Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 278 – 281.
9. Сун Я., Дружинина М.В. Лингвокультурологическая репрезентация информации на китайских и российских интернет-сайтах // Язык как отражение духовной культуры народа: материалы Международной научной конференции. 2018. С. 259 – 261.
10. Сунь Б. Презентационный текст на корпоративном сайте: проблема перевода с русского языка на китайский // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2021. Т. 11. № 1. С. 63 – 69.

References

1. Budaeva A.B. The Problem of Translating Non-Equivalent Vocabulary of the Chinese Language into Russian (Based on the Realities of Chinese Traditional Holidays). Foreign Languages: Linguistics and Intercultural Communication: Proceedings of the 59th International Scientific Student Conference. Novosibirsk, 2021. P. 57 – 58.
2. Gao Ts. Development and Prospects of Cross-Border E-Commerce between China and Russia. Russia and Regions of the World: Re-Globalization: Collection of Abstracts of the International Scientific and Practical Conference. ed. board: A.I. Emelianov, V.N. Pivovarov. Moscow, 2023. P. 15 – 16.
3. Dolzhikova A.V., Guseva I.S., Kurilenko V.B., Rumyantseva N.M. Russian Language for Migrant Workers: Express Course (Translation into Chinese). 2nd ed., corrected and add. Moscow, 2019. 120 p.
4. Krayushkina T.V. Chinese etiological legends as a component of the content of Russian-language Internet resources: stereotypes and their influence. Intercultural communication in the Asian-Pacific region: history and modernity: conference materials. Vladivostok: IHE FEB RAS, 2014. P. 94 – 97.
5. Leontiev A.A. Russian versus English: the problem of translation adequacy (on the example of the English part of the website of the branch of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences). Scientific and technical libraries. 2008. No. 8. P. 59 – 62.
6. Li Shu. Russian Internet language in the aspect of Chinese linguoculture. Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture: collection of articles of the III International scientific and practical conference. Moscow: RUDN, 2019. P. 326 – 330.
7. Markina N.A., Zhang J. Features of the official business style in Russian and Chinese and strategies for translating commercial documents. Tradition and innovation: a collection of scientific papers in memory of Nadezhda Andreevna Mets. ed. Moscow, 2016. Pp. 72 – 80.
8. Semashko N.V. Overcoming difficulties in translating Chinese Internet slang into Russian. Language and culture: issues of modern philology and methods of teaching languages in universities: materials of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation. 2017. P. 278 – 281.
9. Song Ya., Druzhinina M.V. Linguocultural representation of information on Chinese and Russian websites. Language as a reflection of the spiritual culture of the people: Proceedings of the International Scientific Conference. 2018. P. 259 – 261.
10. Sun B. Presentation text on a corporate website: the problem of translation from Russian into Chinese. Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 63 – 69.

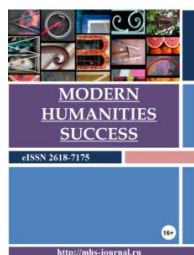
Информация об авторах

Чэнь Шида, преподаватель, Институт европейских языков, Чжэцзянский университет иностранных языков Юесю, Китай, 805182434@qq.com

Абуева Н.А., Чжэцзянский университет иностранных языков Юесю, Шаосин, Китай; Университет Туран Республика Казахстан; доктор политических наук, профессор; визит-профессор, Институт европейских языков; профессор-исследователь Высшей школы Медиа и межкультурной коммуникации, abu2007@bk.ru

Абуев У.А., кандидат политических наук, ассоциированный профессор, Казахский государственный женский педагогический университет, Казахстан, onerbek.adilbek.62@mail.ru

© Чэнь Шида, Абуева Н.А., Абуев У.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81'42

Субъектные сферы персонажей и автора в прозаическом тексте Венедикта Марта

¹ *Фадеева А.И.,*
¹ *Дальневосточный федеральный университет*

Аннотация: в настоящей статье выполняется грамматический анализ художественного текста на примере рассказа Венедикта Марта «Смерть под маской. Святочная быль». Работа выполнена в рамках коммуникативно-грамматический подхода с акцентом на регистры речи и композиционную структуру, в отдельных случаях включает исследование формально-синтаксической организации текста. Целью анализа является выявление типов композиционных единиц и синтаксических структур, в которых находят выражение «образа автора» и субъектные сферы персонажей (по В.В. Виноградову). Проведенное исследование показывает своеобразие и взаимодействие субъектных сфер автора и персонажей: автор обнаруживается в описательных и информативно-повествовательных фрагментах, а также фразах обобщающего характера, персонажи – в повествовательных фрагментах, в рассуждении и непосредственно в прямой речи. Выделяются типы предикатов, эгоцентрические элементы текста и регистры речи, характерные для повествователя и персонажей: общеперцептивные и оценочные предикаты встречаются в субъектной сфере автора, в сфере персонажей – частноперцептивные; в сфере персонажей присутствуют указательные местоимения и вводные слова, в сфере автора – вводные слова и оценочные средства. В проявлениях образа автора обнаруживаются эгоцентрические элементы языка, что позволяет описать его как всезнающего повествователя. В статье делается общий вывод, соответствующий наблюдениям В.В. Виноградова, о том, что именно повествователь выступает композиционным стержнем текста.

Ключевые слова: грамматика художественного текста, синтаксис сложного предложения, образ автора, субъектная сфера, коммуникативные типы речи, В. Март

Для цитирования: Фадеева А.И. Субъектные сферы персонажей и автора в прозаическом тексте Венедикта Марта // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 26 – 35.

Поступила в редакцию: 3 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

The subjective sphere of author and characters in Venedikt Mart's literary texts

¹ *Fadeeva A.I.,*
¹ *Far Eastern Federal University*

Abstract: this article presents a grammatical analysis of a literary text using Venedikt Mart's story "Death Behind the Mask: A Christmas Tale" as an example. The study is conducted within the framework of the communicative-grammatical approach with an emphasis on speech registers and compositional structure, while in some cases including an examination of the formal-syntactic organization of the text. The aim of the analysis is to identify the types of compositional units and syntactic structures that express the "author's image" and the subjective spheres of the characters (following V.V. Vinogradov). The conducted research reveals the distinctive features and interaction between the subjective spheres of the author and the characters: the author is manifested in descriptive and informative-narrative fragments, as well as in generalizing statements, while the characters are manifested in narrative fragments, in reasoning, and directly in direct speech. The study identifies the types of predicates, egocentric elements of the text, and speech registers characteristic of the narrator and characters: general-perceptive and evaluative predicates occur in the author's subjective sphere, whereas private-perceptive predicates occur in the characters' sphere; demonstrative pronouns and parenthetical words are present in the characters' sphere, while parenthetical words and

evaluative devices are found in the author's sphere. The manifestations of the author's image reveal linguistic egocentric elements, which allow it to be described as an omniscient narrator. The article draws a general conclusion, consistent with V.V. Vinogradov's observations, that it is the narrator who serves as the compositional core of the text.

Keywords: grammar of literary text, syntax structure of complex sentences, author's image, subjective sphere, communicative registers, V. Mart

For citation: Fadeeva A.I. The subjective sphere of author and characters in Venedict Mart's literary texts. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 26 – 35.

The article was submitted: April 3, 2025; Approved after reviewing: June 2, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Изучение художественного текста с точки зрения грамматики – одно из сравнительно молодых и перспективных исследований современного языкознания. По мнению М.Ю. Сидоровой, оно приобрело широкое распространение в статьях и диссертационных исследованиях в 2016-2018 годах [13].

Грамматика художественного текста позволяет рассмотреть коммуникативно-смысловые структуры, композиционные элементы текста и приблизиться к пониманию художественного произведения как особого типа эстетического, стилевого и словесного единства.

Цель исследования – проанализировать, как в синтаксической и коммуникативной структуре текста находят отражение персонажи и автор-повествователь. Наш анализ направлен на изучение выделенного В.В. Виноградовым «образа автора». По мнению В.В. Виноградова, авторское присутствие в тексте обнаруживается в «приёмах построения художественной действительности» [1, с. 140], что нам предстоит продемонстрировать примерами из текста.

Материалы и методы исследований

Основным материалом исследования послужил рассказ Венедикта Марта, в чьём творчестве отражается смешение западной и восточной культур, обусловленное многонациональным составом населения Дальнего Востока. Рассказ «Смерть под маской. Святочная быль» опубликован в харбинской газете «Восток» в рождественском номере (№6) 7 января 1931 г. Рассказ относится к выделенному А.А. Забияко Советскому периоду творчества [3, с. 151], однако он не имеет отношения к «литературе факта» и не отражает идеологическую составляющую этого периода.

К.А. Землянская отмечает в этом рассказе обращение к реалиям дворянского быта, любовный и мистический сюжеты [4, с. 161]. Жанровые особенности этого рассказа как святочного включают мотивы судьбы и ряжения. К особенностям литературного святочного рассказа, по наблюдениям Е.

В. Душечкиной, относится воспроизведение событий, предшествующих святочной обстановке, ориентированность на традицию русской психологической прозы и наличие реального объяснения сверхъестественным событиям [2, с. 29-32; с. 44-47].

Методологическая база работы предполагает, во-первых, опору на исследования В.В. Виноградова, раскрывающие явления «образа автора» и «субъектная сфера». Последнее представляет собой стилистически и грамматически определённый тип композиционного построения [1, с. 149].

Во-вторых, при анализе мы пользуемся понятием коммуникативных типов (регистров) речи, предложенным Г.А. Золотовой в работах «Композиция и грамматика» [7], «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» [6] и «Коммуникативная грамматика русского языка» [5] и успешно применяемым к художественному тексту М. Ю. Сидоровой в работе «Грамматика художественного текста» [12]. К регистрам, встречающимся в рассказе, относятся репродуктивный, информативный, генеритивный и волюнтивный. Композиция художественного текста выстраивается за счёт комбинирования регистровых отрезков – композитивов [7, с. 287].

Кроме того, мы опираемся на работы Е.А. Иванчиковой [8] и Е.В. Падучевой [9], посвященные синтаксическим и семантическим исследованиям художественного текста соответственно.

Результаты и обсуждения

Структура рассказа

Рассказ состоит из одиннадцати небольших глав, последовательно описывающих события до святочного маскарада, во время и после. Каждая из глав, кроме последней, имеет название, связанное с её конкретным содержанием: *Ночная гостья*, *«Смерть пришла»*, *Жизнь и мечты*, *Налёт*, *Любовь на миг*, *Заря счастья*, *Потерянный крестик*, *Таинственная Пьеретта*, *Радость мести*, *В пламени*, *Эпилог*. В основе событийной линии повествования лежат отношения главного героя — Григория Хрущёва, молодого барина из отдаленного

имения, и его соседки Ольги Слуцкой, которую из-за клеветы мачехи выгнал из дома отец, и которая нашла приют в имении героя.

Повествование ведется от третьего лица, в то же время наблюдается разделение и взаимодействие субъектных сфер автора и персонажей, о чем будет сказано далее. Рассказ соединяет любовный и мистический сюжеты. В любовном сюжете, начинающемся в части «Жизнь и мечты», действуют три персонажа: Григорий, Ольга и влюблённая в Григория вдова Мария Козицкая. Мы наблюдаем внутренний конфликт Григория, который не может разобраться в чувствах к Ольге, и внешний конфликт, вызванный ревностью Марии. Завершается этот сюжет в эпилоге с рождением сына Григория и Ольги.

В мистическом сюжете, развивающемся с части «Смерть пришла», чувства Григория к Ольге входят в конфликт с тем, как реагирует на её появление тётя Григория: «– *Смерть! Смерть пришла! – вдруг прорезал тишину визгливый крик*». Появление тёти Людвики каждый раз связано с предвещанием скорой гибели, но до самого святочного вечера читатель не знает, о чьей гибели речь. Все события, связанные с тётей, – встреча с Ольгой, потеря крестика, встреча с Марией и смерть в пожаре – объединены характерным для святочного рассказа мотивом судьбы, и показывают её неотвратимость. Завершение мистического сюжета происходит в предпоследней части рассказа «В пламени», когда тётя Людвика отказывается покидать горящий дом: «– *Смерть пришла! Без маски! Крик был почти – радостным. Сумасшедшая вскинула руками и бросилась в самое пламя...*», а виновница пожара Мария Козицкая не успевает этого сделать.

Таким образом, участниками первого и второго сюжетов являются три персонажа: Григорий, Ольга и Мария – в любовном; тётя Людвика, Ольга и Мария – в мистическом.

Развитие сюжетов сопряжено с авторским делением текста на главы: любовный и мистический сюжеты пересекаются только однажды. Мы можем представить их распределение следующим образом:

1) Мистика: *Ночная гостья, «Смерть пришла», Потерянный крестик, Таинственная Пьеретта, В пламени, Эпилог*;

2) Любовь: *Жизнь и мечты, Налёт, Любовь на миг, Заря счастья, Радость мести, В пламени, Эпилог*.

Сюжеты пересекаются в главе *В пламени*. Мистический сюжет оказывается предопределён конфликтом любовного. В *Эпилоге* сюжеты завершаются: любовный – началом семейной жизни глав-

ного героя, а мистический – рационализацией сверхъестественного события: «*крест нашли при разборке обломков дома – верно, он просто был позабыт где-нибудь в комнатах безумной старухой в страшный день Рождества*».

В рамках развертывающихся сюжетов читатель сталкивается с тремя субъектными сферами: неназванный всезнающий повествователь, чьё присутствие чаще всего сопряжено с описанием мест или персонажей; Григорий, главный герой рассказа, имеющий зрительное и чувственное восприятие и мысли, выраженные внутренней прямой речью; Мария, также испытывающая чувства и имеющая внутреннюю прямую речь. Термин «повествователь» избран как более узкий и определенный по сравнению с понятием «образ автора: повествователь эксплицитно выражен в тексте эгоцентрическими элементами (дейктическими словами, отождествляющими лица, предметы, временные интервалы, участки пространства, и показателями субъективной модальности) [9, с. 258].

Пересечение субъектных сфер повествователя и персонажей обнаруживается внутри повествовательных и описательных контекстов и на границах между ними. Внутри рассуждения такого пересечения не допускается. Мы проиллюстрируем эти утверждения далее.

Определим в общих чертах типы контекстов, из которых состоит текст. 8 из 11 глав начинаются с обозначения пространственно-временной локализации, выраженной описательным или информативно-повествовательным регистром. Как правило, такая экспозиция переходит в репродуктивный регистр, передающий развитие событий. В целом наблюдается прием «смещения» точки зрения с окружения на действующего персонажа (описание – герой – событие). Однако на фоне типичных для текста структур выделяются три главы.

В главе *Жизнь и мечты* информативно-повествовательная экспозиция переходит в рефлексию Григория, тоже выраженную в информативном регистре.

Глава *Любовь на миг* начинается с диалога: «– *Пойдёмте в сад, – шептала Григорию Мария, забывая об окружающих. – Мне так больно...*» – репродуктивный регистр здесь усложняется и волюнтивным приглашением Марии, и сообщением о том, что она чувствует. Глава *Радость мести* начинается репродуктивным регистром: «*Она стояла в гостиной у потушенной ёлки...*».

Эпилог начинается в генеритивном регистре – с высказывания повествователя: «*Любовь – эгоистична...*».

Сферы повествователя и Григория

Наибольшее присутствие повествователя

наблюдаем в эпилоге и в описании-экспозиции, с которого начинается рассказ. В экспозиции в трёх предложениях информативного регистра описывается место и время действия (*во второй половине прошлого века*). Повествователь прибегает к выраженным составными именными сказуемыми общеперцептивным предикатам и частноперцептивным предикатам (термины М.Ю. Сидоровой) с указанием на частотность: «*имение было окружено, лес был не тронут, услышать было частым делом*»; использует прилагательные, характеризующие внешний вид объектов: «*тёмным и густым лесом, небольшую лужайку, живописное озерко, зеленоватых водах, старый дом*»; дополняет место характерными периодическими звуками: «*волчий вой, хныканье медведя*». Это позволяет наметить хронотоп в общих чертах без установления конкретной точки зрения. Знания повествователя с самого начала выходят за рамки повествования, что заметно не столько в характере описания, сколько во временной локализации текста: указание на *прошлый век* не может принадлежать субъекту, имманентному повествуемым событиям. На границе этого описательного фрагмента и начала повествования приводится обобщение вышесказанного, подводящее итог описанию и формирующее «*норму*», которую нарушат персонажи: «*Словом, этот глухой угол Белоруссии пребывал ещё в диком величии нетронутой природы, и «Барсучина» Хрущёвых стояла одиноко, вовсе не избалованная визитами гостей и праздным гулом их пересудов*».

Переход к повествованию происходит в модальности всезнающего повествователя: возможность постановки усилительной частицы: «*Тем более изумился молодой владелец усадьбы Григорий Хрущёв, ...*» – связана с предыдущим обобщением. Предложение осложнено дополнительной предикативностью: «*...услышав в одну из ненастных февральских ночей 1862 года захлёбывающийся собачий лай и довольно ясный стук в ворота,*» – которая вводит в повествование Григория как новый субъект непосредственного восприятия. Его восприятие ограничено — персонаж не знает, что находится за воротами, и ориентируется только на звук (*стук, лай, вой, стон*). Визуальная составляющая добавляется только в момент открытия калитки. При этом не происходит ни узнавания, ни различения внешних черт гостей: «*Вся окружённая белыми духами метели и с ног до головы обсыпанная снегом, перед ним стояла одинокая женская фигура*».

Только что появившийся в тексте Григорий – не только субъект восприятия, но и субъект квалификации и оценки: «*– Почудилось! – уже было ре-*

шил он, но новый стук прогнал сомнения <...> Из-за ворот послышалось что-то вроде стона. <...> скорее простонала, чем выговорила, странная гостья и видимо, потеряв последние силы, буквально упала в объятия Хрущёва...».

Следующая глава снова начинается с описания места действия, но теперь оно дано с использованием частноперцептивного предиката слухового восприятия и содержит положительную оценку: «*В большой, пустоватой столовой весело шипел самовар*». В следующем предложении снова встречаются частноперцептивные предикаты восприятия света и тени, появляется показатель персуазивности: «*Три свечи в бронзовом канделябре, освещая овальный стол, колебали в отдалённых углах комнаты неверные, робкие тени и метельная мгла, проникнув к окнам, казалось, слушала вместе с Григорием рассказ девушки*». Это связано с изображением места глазами Григория — внутри его субъектной сферы.

Репродуктивный регистр непосредственного наблюдения переходит в информативный при передаче слов Ольги. Её речь оформлена как реплика диалога, однако представляет собой длинное, постоянно прерывающееся монологическое повествовательное высказывание. При этом интересен выбор вида глагола-сказуемого в повествовательном тексте-ремарке: «*– Какой ужас! – говорила девушка голосом без всякого выражения...*» – такое представление события, передающее повторяемость действий (в данном случае – реплик), связано с итеративной функцией глаголов несовершенного вида [7, с. 286; 12 с. 202].

Переход от повторяющегося говорения к продолжению действий происходит с использованием эгоцентрического наречия «*вдруг*», связанного со сферой восприятия Григория: «*вдруг решительно добавила она*». И далее чувства героя, возникшие в связи с монологом Ольги описаны «*изнутри*». Абзац соединяют в себе последовательную смену чувств, выраженную с использованием глаголов — сказуемых совершенного вида, и состояние, в которое это привело Григория: «*Хрущёв сидел без движения, сжав зубы, как от боли...*»

Эта глава разделена на две части в связи с включением внешнего взгляда, принадлежащего повествователю: появление нового для читателей персонажа – тёти Людвики – дано не с точки зрения знающего его Григория, а совершенно извне: «*– Смерть! Смерть пришла! – вдруг прорезал тишину визгливый крик, и расстрёпанная старуха, с горящими безумием глазами, метнулась из дверей к столу*». Здесь тоже отмечаем прерывание действующего действия наречием «*вдруг*», обознача-

ющим событие, неожиданное уже для обоих участников ситуации.

Повествователь продолжает изображать быструю смену событий этой мистической сцены: действия тёти Людвики не называются, скрытые за репликой без ремарок, а результат передаётся в сложном предложении. «И прежде, чем Григорий успел вскочить, канделябр покотился на пол: свет погас; а девушка, пронзительно вскрикнув, разрыдалась...» – сочетание составного **сказуемого с фазисным элементом** и временного придаточного предложения, присоединённого союзом «прежде чем», дополнительно усиливает одномоментность событий. Время, которое персонажи провели в темноте, точно подсчитано: «Через пять минут столовая снова осветилась!». Измерение текстового времени – эгоцентрический элемент, который может маркировать субъектную сферу и персонажа, и повествователя. Точное определение его принадлежности затруднено, однако он маркирует время в репродуктивно-повествовательном композитиве, то есть отражает непосредственное восприятие времени участниками сцены.

Обратим внимание, что следующая сцена изображена глаголами в итеративной функции как в монологическом отрезке, так и в ремарках реплик: «экономка уводила старуху; Хрущёв старался утешить девушку; говорил он; говорила девушка». Длительность сцены подчеркивается после её завершения частицей «уже», появляющейся перед последней репликой Ольги: «И уже в дверях быстро вскинула на Григория <...> глаза».

Итеративная функция глаголов используется в тексте как в сфере повествователя, так и в сфере персонажа. Так, её можно наблюдать в главе *Жизнь и мечты*, начинающейся с рефлексии Григория. Здесь в сфере персонажа итеративность сопряжена с обозначением частотности: «Встречаясь с Ольгой за обедом, или вечером в гостиной, где **иногда** сидели они вместе... <...> **Всё чаще и чаще** он ловил себя на мысли об Ольге, и ещё неожиданнее для него было то, что мысли эти далеко **не всегда** носили характер жалости»; условными отношениями: «**если** случайно они не встречались два-три часа, он неожиданно для себя оказывался у дверей её комнаты...»; и осложнением: «Даже работая, Хрущёв вдруг отодвигал хозяйственные записи и перед ним вставало бледное лицо Ольги».

Разного рода подчинительные и сочинительные связи, выраженные в синтаксической структуре этой главы, связаны с рефлексивностью её содержания. Избранный информативный регистр, обеспечивающий сжатость повествования, не предполагает передачу мыслей в виде прямой речи, одна-

ко позволяет узнать их содержание. В связи с этим в главе встречаются изъяснительные конструкции, передающие косвенную речь персонажа: «Григорий никак не ожидал, **что** с ним может случиться что-нибудь подобное; Он просто не знал, **что** ему делать, как поступать; Хрущёв почувствовал, **что** его душевный мир нарушен; вспоминал, **что** надо спросить её о том, **как** она спала ночь и **какой** сегодня день...». Здесь же эксплицируются причинные и результативно-следственные отношения: «Он просто не знал, что ему делать, как поступать, **тем более что** поведение Ольги было довольно странно...; Видеть эту молчаливую девушку, слышать её простые слова становилось необходимо для Григория <...> **и** он неожиданно для себя оказывался у дверей её комнаты; Хрущёв вдруг отодвигал хозяйственные записи **и** перед ним вставало бледное лицо Ольги». Фразы логизированной речи (термин Е. А. Иванчиковой [8, с. 45]): изъяснительные предложения, сложные предложения с причинными и результативно-следственными отношениями характерны для субъектной сферы и редко обнаруживаются в сфере повествователя.

В этой главе переход из сферы персонажа в сферу повествователя происходит в связи с укрупнением плана: далее изображается положение Ольги в «Барсучине» в целом. Промежуточным звеном становится описание **внешних проявлений** состояния героя: «В такие минуты глаза Григория **останавливались** на одной точке, и нежная улыбка **блуждала** на губах...». Интересной чертой субъектной сферы повествователя, иногда вторгающейся в сферу восприятия персонажа, нужно признать именование тёти Людвики, данное в кавычках. Впервые такое употребление встречается в конце этой главы: «Только сумасшедшая "тётя Людвика"...». Именования этого персонажа в целом не вполне соответствуют родственным отношениям, отражая скорее позицию стороннего наблюдателя, чем Григория.

Пересечение субъектных сфер повествователя и Григория может происходить в обратном порядке, от описания внешнего состояния к внутренним переживаниям. Глава *Заря счастья* начинается с репродуктивного описания утра, наблюдаемого из одной статичной точки: «В окна старого, дедовского кабинета чуть сочился мутный рассвет. Точно неожиданно сгущаясь из мглы, выступали предметы: тяжёлые кресла, большой стол, диван...». Здесь видоизменяется схема *описание – герой – событие*, так как основное событие главы оттягивается статичными состояниями Григория. Имперфективные глаголы в процессуальной и итеративной функции «встраивают» персонажа в опи-

санный интерьер: «Григорий сидел за столом... Он не замечал рассвета, как не заметил и погасшей свечи... Он в сотый раз **перебирал** болезненные воспоминания: <...>». Позу Григория в этой главе наблюдает повествователь, но переход к мыслям персонажа сопряжен с его субъектной сферой, которая будет основной для изложения события. Мысли персонажа передаются внутренним монологом, состоящим из **информативно-логических** и **экспрессивно-оценочных** композитивов: «... "А Ольга"? **Теперь она будет презирать его... И есть за что! Как он виноват перед ней! Чего он хотел? Чего требовал? Разве ему мало того, что она доверилась ему? Надо было, чтобы она бросилась к нему в объятия, как Козицкая? О, подлость, подлость!!!**». Эмоциональности внутреннего монолога служат риторические вопросы, наречия «как» и «разве», повтор. Она подчеркивается графически – тройным восклицательным знаком. Изобразительно-описательный фрагмент прерывается повествователем, подводящим итог мучительных рассуждений Григория и обеспечивающим переход к повествованию: «Когда утром Григорий вышел к чаю, лицо его было бледно и синие круги легли под глазами».

Диалог как драматическая сцена взаимодействия персонажей в этой главе является важным элементом событийного ряда. В нём изображено непосредственно наблюдаемое читателем признание Григория в любви к Ольге. Шестнадцать ремарок диалога содержат простое глагольное сказуемое совершенного вида в аористивной функции. Они трижды прерываются другими ремарками: 1) **процессуальными**: «Её участие **было** особенно мучительно. Как провинившийся мальчик, Григорий **не поднимал** глаз; Каждое её слово **пронзало** Григория болью, жалостью к себе, к ней, чувством виновности...»; 2) **итеративными**: «взволнованно **говорила** Ольга, подсаживаясь к нему; бессознательно **шептал** он; **шептал** он». Итеративными ремарками изображается длительное бессвязное говорение Григория или многочисленные вопросы Ольги об одном и том же. Выход из итеративного фрагмента происходит после графического изображения недосказанности — многоточия — введением глагола совершенного вида. В случае реплики Ольги глагол сопровождается эгоцентрическим наречием «**вдруг**», подчёркивающий её противоречащую сказанному Григорием реакцию: «— Нет... я... я... ты не можешь простить... я с ней..., — **шептал** он, — я с ума сходил... и вот... **она...** — Что мне до неё! — **вдруг засмеялась** Ольга счастливым смехом, — что мне «она», раз ты меня любишь... Гришка! Любишь, да?..».

Диалогическая сцена завершается с появлением в тексте генеритивного регистра – риторического вопроса повествователя: «Разве отвечают словами на этот вопрос и разве есть на свете вина, не искупляемая любовью?». События следующих шести месяцев сжато изложены повествователем в информативном регистре. В сообщении о свадьбе используются составные именные сказуемые и простые глагольные с имперфективным глаголом, представляющим действия как обобщенный факт [11, с. 602]: «**Свидетелями были приказчик и охотник; священник не затягивал; Свадьба была скромной; крестьянки осыпали**».

Нужно отметить непоследовательное использование В. Мартом графического оформления прямой речи. Так, в главе соседствуют отрывки внутреннего монолога Григория в виде реплик с ремарками и без: «"Теперь – её! – в сотый раз **тёр** Григорий глаза, прогоняя это, ставшее почти ненавистным, лицо... И снова наплывало чувство ужаса: "А Ольга"? Теперь она будет презирать его... И есть за что! Как он виноват перед ней! Чего он хотел? Чего требовал? Разве ему мало того, что она доверилась ему? Надо было, чтобы она бросилась к нему в объятия, как Козицкая? О, подлость, подлость!!!» Весь приведенный фрагмент представляет собой один абзац текста, в связи с чем мы делаем вывод о явной принадлежности высказываний Григорию. Кроме того, подобное оформление внутренней речи встречается в главе *Жизнь и мечты*.

В главе разворачивается диалог между Григорием и Ольгой. Реплики сопровождаются ремарками, в которых субъектная сфера внешнего повествователя и Григория сближаются в описании его чувств и поведения: «Её участие было особенно мучительно. Как провинившийся мальчик, Григорий не поднимал глаз; Григорий вскопился, как ужасенный. Злоба, презрение, стыд – всё, сдерживаемое волей, прорвалось...». В диалогической сцене снова встречается внутренний монолог, не оформленный как прямая речь: «Григорий **вздрыгнул и вскинул** глаза на неё. Нет! Это было совсем невозможно! Она уедет? А он?.. Сказать, всё сказать... Может быть – простит, а если нет...». Такое непосредственное включение мыслей героя в повествовательный фрагмент ремарки способствует сближению субъектных сфер.

Сферы повествователя и Марии

Выделить субъектную сферу повествователя возможно не только на фоне субъектной сферы Григория, но и на фоне Марии Козицкой. Как уже отмечалось, она персонаж мистического и любовного сюжета – один из основных его элементов. Существование Марии Козицкой в тексте связано

с композиционно-событийной структурой, так как Мария в каждое своё появление нарушает «нормальное» течение жизни главного героя. Для сравнения Ольга – третий персонаж, своим первым появлением запустивший весь сюжет рассказа, – уже в третьей главе переходит из динамических элементов композиции в статические и становится частью «нормального» окружения героя: «*Очень скоро она вошла в курс хозяйства и уже ни к Хрущёву, а к ней обращалась старая экономка, кухарка и вообще все обитатели «Барсучины» с вопросами по хозяйству.*»

Мария Козицкая впервые появляется в главе *Налёт* и описывается, как и Ольга сначала, с точки зрения Григория: «*старшая из четырёх сестёр Козицких, ещё с рождества надоевшая Григорию довольно смелыми атаками.*» Прибытие гостей и связанное с этим недовольство Григория изображаются в репродуктивном регистре, который сменяется информативным: в текст включается реплика Марии, и возвратом к репродуктивному в ремарке со **сказуемым** – глаголом в итеративной функции: «– Ну, чего ж Вы устались на меня, как на призрака? – преувеличенно весело **тараторила** довольно полная вдовушка, отыскивая в то же время своими острыми глазами Ольгу, из-за которой вся компания и решила нагряться к Хрущёву». Здесь нужно отметить способ передачи мотивации Марии и её компании — причинная конструкция с предлогом «из-за», которая находится внутри присубстантивного придаточного предложения, принадлежащего субъектной сфере всезнающего повествователя.

Как при передаче чувств Григория, **чувства** Марии представляются и **изнутри**, и **снаружи**, так что читатель видит их внешние проявления: «*Ревнивая злоба душила её, и под внешним весельем слишком ясно проглядывала горечь.*»

Глава разделена на две сцены: прибытие нежданных гостей и неловкий обед с ними. Обед изображается как длящаяся сцена с помощью глаголов несовершенного вида в процессуальной функции и составных именных сказуемых. Сцена обеда начинается с **оценочного интерпретационного предиката**, поясняемого далее **общеперцептивными**: «*Затянувшийся, как тяжёлый кошмар, обед был мучительным для всех: Григорий невпопад отвечал старшей Козицкой, которая заметила его взгляды в сторону Ольги, еле сдерживаясь от душивших её слёз, и становилась всё злее!*» В этой же сцене после описания чувств Марии вводятся непосредственно её мысли: «*Что он нашёл в ней? – с презрением думала Мария. – Прямо пугалица какая-то... Отец из дома выгнал... Связалась с приказчиком, а теперь его обходит!*» Обратим

внимание на предикат *думала* в ремарке – глагол в процессуальной функции позволяет передать одновременно сосуществующие мысли. Однако только передачей мыслей всесторонне описание состояния Марии не исчерпывается: всезнающий повествователь далее даёт ей классифицирующую характеристику, объясняющую её мысли: «*Со свойственной ревнующим односторонностью она винила во всём одну Ольгу, считая Григория лицом страдающим...*»

Субъектную сферу Марии мы наблюдаем только в трёх главах: *Налёт*, *Любовь на миг* и *Радость мести*. В главе *Любовь на миг* мы видим переплетение сфер повествователя, Григория и Марии. Здесь Мария приглашает Григория уединиться с ней в саду, а он, сам того не желая, соглашается. **Неожиданность** такого поворота событий подчёркивается повествователем: «– Хорошо, идём! – грубо сказал он **вдруг** и быстро вышел.

Во время сцены в саду звучит несколько реплик Марии, демонстрирующих отношение к Григорию, однако он на них не отвечает. Здесь показана точка зрения Марии в восприятии Григория: «*Чувство, похожее на материнскую нежность, наполняло душу Марии при взгляде на этого молодого человека, с угрюмой тоской следившего за каким-то жучком у воды...*». О принадлежности фрагмента субъектной сфере Марии свидетельствует употребление указательного местоимения «этого».

И следующий же фрагмент текста принадлежит сфере Григория, о чём опять свидетельствует указательное местоимение «этом»: «*Почти задыхаясь от нежности, Мария гладила его волосы... Лицо её было так близко и в этом лице было столько любви и безграничной преданности, что Григорий не выдержал.*» В конце главы точки зрения Григория и Марии соединяются: «*Пьяный шёпот затуманил действительность... Весь мир пропал для них...*». При этом последняя фраза выступает некоторым подведением итога всего взаимодействия героев, что даёт возможность рассматривать её и как принадлежащую сфере повествователя.

Субъектная сфера Марии, в отличие от сферы Григория, в целом характеризуется некоторой «несамостоятельностью» существования. Её включение теснее сопряжено с повествователем. Так, в главе *Радость мести* невозможно говорить об отдельности субъектной сферы Марии. Как и в других главах, текст начинается с представления положения персонажей и объектов в пространстве: «*Она стояла в гостиной у потушенной ёлки... Странная, мстительная улыбка блуждала на губах Марии... Подсвечник со свечей вздрагивал в её руке...*». Внутренняя речь Марии в этой главе со-

единена с **мыслями, принадлежащими повествователю**. Хотя в речи Марии и есть эгоцентрические элементы, например, указательное местоимение «*эти*», в этой главе, как и на протяжении всего текста, ни разу не возникает «я», что тоже показывает её «сопряжённость» с повествователем: «*"Он не помнит! Он не вспомнил её! Но она ему напоминает: всё, всё! И её огромную любовь, так жестоко осмеянную, и эти шесть месяцев страданий!"* [разрыв абзаца] *О, ревность! Ревность отцветающей женщины, которая знает, что у неё отнимают последнее! Разве это лучше огня?..."*». Мысли повествователя снова представляют собой генеритивный регистр: риторические восклицания и вопросы.

Сфера повествователя

В некоторых случаях сфера повествователя выделяется не на фоне сфер персонажей, а вне их присутствия. Как было замечено ранее, чаще всего сфера повествователя обнаруживается за рамками непосредственного повествования: в композитивах репродуктивно-описательного (см. *Заря счастья*), информативно-описательного (см. *Ночная гостья*), информативно-повествовательного (см. *Жизнь и мечты*), генеритивного (см. *Заря счастья*, *Радость места*) регистра.

Так и *Эпилог* полностью принадлежит повествователю. Он состоит из трёх сложных предложений и содержит генеритивный («*Любовь – эгоистична...*») и информативный регистры. Обратим внимание на фразы логизированной речи. Первое предложение – сложносочинённое с недифференцированным союзом «и», который здесь выражает результативно-следственные отношения, а далее во второй части предложения пояснительную конструкцию: «*Любовь – эгоистична, и два обгорелых трупа, – безумной старухи и ослеплённой ревностью женщины, – найденные под обломками, не помешали счастью Хрущёвых*». Второе предложение *Эпилога* не содержит логизированных фраз. Третье представляет собой бессоюзное сложное предложение, части которого находятся в причинных отношениях: «*А еще через год крестик, потерянный «тётей Людвиной» в роковой день, был надет на нежную шейку новорождённого Григорьевича (1): крест нашли при разборке обломков дома (2) – верно, он просто был позабыт где-нибудь в комнатах безумной старухой в страшный день Рождества (3)*». И в этом же предложении

обнаруживается эгоцентрический элемент – вводное слово «*верно*», являющееся показателем персуазивности.

Структура предложений этой главы позволяет утверждать, что повествователю присущи и композитивы информативно-логического регистра. До *Эпилога* они появлялись только в связи с внутренней речью Григория.

Выводы

Результатами анализа становятся следующие выводы. В повествовательном сюжетном тексте от третьего лица В. Март прибегает к фигуре **повествователя** для структурирования сюжета: повествователем описаны место и время изображаемых событий; им в генеритивном регистре прокомментированы некоторые действия персонажей; им в информативном регистре сообщены события, не представляющие интереса для читателя; им развенчан мифический сюжет. Повествователь таким образом является композиционным стержнем рассказа.

Существование повествователя определено на фоне персонажей, в субъектных сферах которых используются частноперцептивные предикаты, тогда как в сфере повествователя – только общеперцептивные и оценочные интерпретационные. Выбор предикатов связан с тем, что повествователь не входит в мир текста как персонажи, не описывает собственные действия, однако характеризует этот мир в целом.

Субъектные сферы персонажей определяются и в связи с тем, что чувственный мир персонажей включает описание конкретных чувств, принадлежащее персонажам. Такое описание может быть дано и всезнающим повествователем, что позволяет говорить о сближении субъектных сфер. При этом в тексте находят отражение непосредственные мысли обоих персонажей, что разделяет их субъектную сферу и сферу повествователя.

Маркерами субъектных сфер в тексте являются генеритивный регистр, прямая внутренняя речь персонажей, эгоцентрические элементы (местоимения, показатели темпоральности, показатели персуазивности). Так, в сфере персонажей используются указательные местоимения; и Григорий, и повествователь являются субъектами персуазивности; повествователь обладает сведениями об историческом времени, тогда как для персонажей характерно использование текстового времени.

Список источников

1. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
2. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Изд. отдел Языкового центра СПбГУ, 1995. 256 с.
3. Забияко А.А., Левченко А.А. Художественная этнография Венедикта Марта: дальневосточный период // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4 (30). С. 150 – 165.
4. Землянская К.А. «Смерть под маской. Святочная быль» Венедикта Марта: беллетристический опыт советского писателя // Русский Харбин, запечатлённый в слове: Сборник научных работ. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2021. С. 161 – 171.
5. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
6. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. 4-е изд., испр. М.: URSS, 2006. 366 с.
7. Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык как творчество: Сб. науч. тр. к 70-летию В.П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 284 – 296.
8. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 286 с.
9. Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
10. Результаты поиска контекстов «самовар; шипеть, на расстоянии от 1 до 3 от Слова 1» // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/s/PN7Ay> (дата обращения: 04.05.2025)
11. Брызгунова Е.А., Габучан К.В., Ицкович В.А. и др. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1980-1982. Т. 2. Синтаксис. 709 с.
12. Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. М.: Центр, 2000. 416 с.
13. Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста: между уникальными "экземплярами" и научными обобщениями // Отечественная филология [Электронный ресурс]. 2018. № 4. С. 35 – 55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammatika-hudozhestvennogo-teksta-mezhdu-unikalnymi-ekzempl'yarami-i-nauchnymi-obobscheniyami> (дата обращения: 23.09.2024)

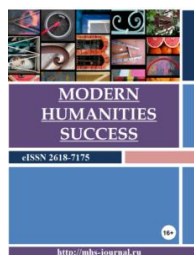
References

1. Vinogradov V.V. On the language of fiction. Moscow: Goslitizdat, 1959. 656 p.
2. Dushechkina E.V. Russian Christmas story: formation of the genre. SPb.: Publishing department of the Language Center of St. Petersburg State University, 1995. 256 p.
3. Zabiyako A.A., Levchenko A.A. Fictional ethnography of Benedict Mart: the Far Eastern period. Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East. 2014. No. 4 (30). P. 150 – 165.
4. Zemlyanskaya K.A. "Death under the mask. The Christmas tale" by Benedict Mart: the fictional experience of a Soviet writer. Russian Harbin, imprinted in words: Collection of scientific works. Blagoveshchensk: Amur State University, 2021. P. 161 – 171.
5. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Communicative grammar of the Russian language. M., 2004. 544 p.
6. Zolotova G.A. Communicative aspects of Russian syntax. 4th ed., rev. M.: URSS, 2006. 366 p.
7. Zolotova G.A. Composition and grammar. Language as creativity: Sat. scientific tr. to the 70th anniversary of V.P. Grigorieva. M.: IRYA RAS, 1996. P. 284 – 296.
8. Ivanchikova E.A. Syntax of Dostoevsky's fiction. M.: Nauka, 1979. 286 p.
9. Paducheva E.V. Semantic research. M.: Languages of Russian Culture, 1996. 464 p.
10. Search results for the contexts "samovar; hiss, at a distance from 1 to 3 from Word 1". National Corpus of the Russian Language [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru/s/PN7Ay> (date of access: 05/04/2025)
11. Bryzgunova E.A., Gabuchan K.V., Itskovich V.A. and others. Russian grammar: in 2 volumes. T. 2: Syntax. Academician. Sciences of the USSR, Institute of Rus. language M.: Nauka, 1980-1982. T. 2. Syntax. 709 p.
12. Sidorova M.Yu. Grammar of literary text. M.: Center, 2000. 416 p.
13. Sidorova M.Yu. Grammar of fiction: between unique "instances" and scientific generalizations. Domestic Philology [Electronic resource]. 2018. No. 4. P. 35 – 55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammatika-hudozhestvennogo-teksta-mezhdu-unikalnymi-ekzempl'yarami-i-nauchnymi-obobscheniyami> (date of access: 09.23.2024)

Информация об авторе

Фадеева А.И., Дальневосточный федеральный университет, yallery30@gmail.com

© Фадеева А.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 82-31

Жанровые эксперименты современного любовного романа (на материале произведений Кати Качур)

¹ Ли Жуй,

¹ *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена*

Аннотация: статья посвящена проблеме контаминации жанров в современном любовном романе. Актуальность исследования определяется тем, что изменения парадигматических констант русской культуры во многом связаны с актуализацией отечественных жанров массовой литературы. Цель работы – описать жанровые трансформации любовного романа, представленные в произведениях Кати Качур, такие как постмодернистская мелодрама, роман-фэнтези, магический реализм, автофикшн, роман – кино. Новизна исследования состоит в том, что творчество писательницы до сих пор не было предметом рассмотрения. Показано, что жанровые эксперименты в области любовного романа обусловлены необходимостью обновления коммуникативных стратегий, рассчитанных на нового читателя. Установлено, что обращение писательницы к классике помогает читателю осознать смысловую глубину ее романов, актуализация интереса к жанру автофикшн вызывает доверие к героям и их поведению. Жанр фэнтези может привлечь к романам писательницы более молодую аудиторию, а жанр магического реализма, обозначенного в творчестве Кати Качур, привлекателен для читателей, потому что это своего рода терапевтическое чтение. Элементы кинематографичности в романах К. Качур создают ощущение внереальности. Доказано, что несмотря на то, что романах Кати Качур можно обнаружить черты других творческих методов, ее романы при всем их жанровом разнообразии можно отнести к женским любовным романам. Результаты работы могут быть применены при анализе произведений массовой литературы.

Ключевые слова: любовный роман, массовая литература, жанр, контаминация жанров

Для цитирования: Ли Жуй Жанровые эксперименты современного любовного романа (на материале произведений Кати Качур) // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 36 – 45.

Поступила в редакцию: 3 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Genre experiments in the modern romance novel (based on the works of Katya Kachur)

¹ Li Zhui,

¹ *A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia*

Abstract: the article is devoted to the problem of genre contamination in the modern romance novel. The relevance of the study is determined by the fact that changes in the paradigmatic constants of Russian culture are largely associated with the actualization of domestic genres of popular literature. The purpose of the work is to describe the genre transformations of the romance novel presented in the works of Katya Kachur, such as postmodern melodrama, fantasy novel, magical realism, autofiction, and film novel. The novelty of the study lies in the fact that the writer's work has not yet been the subject of consideration. It is shown that genre experiments in the field of the romance novel are due to the need to update communicative strategies designed for a new reader. It is established that the writer's appeal to the classics as a feature of the postmodern novel helps the reader to realize the semantic depth of her novels, the actualization of interest in the autofiction genre inspires confidence in the heroes and their behavior. The fantasy genre may attract a younger audience to the writer's novels, and the genre of magical realism, indicated in the works of Katya Kachur, is attractive to readers because it is a kind of therapeutic reading. Elements of cinematography in Kachur's novels create a sense of unreality. It has been proven that despite the fact that Katya Kachur's novels can reveal features of other creative methods, her novels, with all their genre diversity, can be classified as women's love stories. The results of the work can be applied in the analysis of works of popular literature.

Keywords: love story, popular literature, genre, contamination of genres

For citation: Li Zhui Genre experiments in the modern romance novel (based on the works of Katya Kachur). Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 36 – 45.

The article was submitted: April 3, 2025; Approved after reviewing: June 2, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что изменения парадигматических констант русской культуры во многом связаны с актуализацией отечественных жанров массовой литературы. Одним из распространённых жанров массовой литературы является любовный роман, который, по определению, создается в соответствии с запросами читателя. Поэтому постичь его формульные особенности, своеобразие и поэтику актуально для понимания данного социокультурного феномена и гендерной системы в рамках литературного творчества в целом.

Кроме того, на современном этапе развития литературы исследователями отмечаются разнообразные жанровые трансформации, все чаще и чаще сопровождаемые авторским указанием на жанр [2, с. 98].

Произведения писательницы Кати Качур пользуются популярностью и успехом у читательниц. Ее книги могут явиться важными материалами для исследования жанровой специфики и поэтики повествования любовного романа. Однако до сих пор произведения этого автора не были объектом рассмотрения. В этом состоит новизна работы.

Объектом исследования являются романы Кати Качур, а предметом – жанровая специфика любовных романов писательницы. Цель работы – описать жанровые трансформации любовного романа, представленные в произведениях Кати Качур, такие как постмодернистская мелодрама, роман-фэнтези, магический реализм, автофикшн, роман-кино.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования являются романы Кати Качур «Капля духов в открытую рану» [8], «Любимчик Эпохи» [9], «Ген Рафаила» [10], «Желчный Ангел» [11].

Теоретическую и методологическую базу работы составляют труды ведущих учёных Д.С. Гудина, Дж. Кавелти, И.Р. Куряева, Ю.М. Лотмана, И.А. Мартыановой, Т.А. Мелешко, О.Ю. Осьмухиной, Е.Е. Пастуховой, Л. Петерсон, Т.А. Ровенской, М. Рюткёнен, И. Савкиной, Б. Сатклифф, М.А. Черняк и др.

В исследовании используется комплексный подход, синтезирующий различные методы:

сравнительно-сопоставительный, описательный, мифопоэтический, контекстуального анализа.

Результаты и обсуждения

Катя Качур – представитель современной русской прозы, ставшая в 2024 году финалистом премии «Дебют. Эксмо» за роман «Любимчик Эпохи». В комментариях издателей отмечается современное переосмысление образа «маленького человека» в произведениях писательницы, ее кинематографический язык, что объясняется 20-летним опытом работы К. Качур в качестве тележурналиста. Читатели отмечают реализм книг Кати Качур (*это просто жизнь, настоящая жизнь...* [30]), выделяя в них элементы драмы (не любовного романа!) и мистики («*Любимчик Эпохи*» Кати Качур – *мощная семейная сага с магическим реализмом, детективной линией и чёрным юмором* [31]). Автор говорит о наличии в ее книгах элементов жанра автофикшн [32].

Произведения Кати Качур действительно *настоящее путешествие по самым разным уголкам человеческой души* [33]. В романе «Капля духов в открытую рану» журналистка Анастасия Кречетова и музыкант Вячеслав Ключев были знакомы с детства, но Любовь не стала смыслом их жизни: она посвятила себя сначала журналистике, потом дочери, а он следовал заветам своего учителя Филизуга служить только музыке. Жизнь у обоих не сложилась, жизнь без любви их опустошила. Роман «Любимчик Эпохи» – история двух братьев Родиона и Ильи, тесно связанных с историей их семей. В жизнь благополучной на первый взгляд семьи Гринвичей врывается Зло в виде исторических событий: взрыв на фабрике химических удобрений, в результате которого мать Илюши осталась старухой инвалидом по прозвищу Эпоха, и человеческой подлости: история «золотых» женщин семьи Корзинкиных, над которыми поколениями надругались мужчины с одним и тем же именем Петр, предательство учителя химии Златы Корзинкиной, бросившей ее беременной. Добро и Зло реального мира уравнивается миром ирреальным: братья встречаются, и все герои (братья Гринвичи и три великомученицы Корзинкины) становятся единым целым. В романе «Желчный ангел» два мира – реальный и потусторонний – существуют параллельно. Ангел Смерти

Азраил исполняет желания владельца бриллианта, но отнимает то, что они имеют (талант писателя Сергея Грекова, хирурга Вадима Казаченко и психолога Маргариты, мечту ювелира Адама Ивановича). В романе «Ген Рафаила» ведущая идея о том, что *ген, провоцирующий самоуничтожение: доверять тем, кто несет тебе зло*, представлена на фоне рассказа о двух семьях – семье Анатолия Красавцева, потомственного военного, человека чести, и семье Икара Баилова, бывшего гэбэшника, выгнанного из ГБ за особые зверства, *чудовища, зэка*.

Книги Кати Качур демонстрируют способность современного любовного романа к «мутациям» жанра. В романах писательницы отмечены черты семейной хроники, постмодернистской мелодрамы, магического реализма, фэнтези, автофикшн, романа-кино и детектива. Сама автор в интервью отмечает, что в современной любовной прозе вообще и в ее произведениях в частности мешаются такие жанры, как мистика, фэнтези и детектив [34].

Имея в виду ту роль, которую в книгах К. Качур играют тексты литературы и культуры, можно говорить об элементах жанра постмодернистского романа в произведениях писательницы.

Самым ярким свойством постмодернистского пространства теоретики называют интертекстуальность. По Ю. Кристевой, любой текст строится как мозаика цитации, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста [12, с. 167].

Таким диалогом нынешнего и предшествующего культурного контекста в романах Кати Качур является обращение к русской классике. В книгах писательницы самым «востребованным» текстом является роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», который можно назвать прецедентным текстом «высокого рейтинга» [21, с. 47].

Так, в произведении «Желчный ангел» находим аллюзии и реминисценции, отсылающие к «закатному роману» великого мастера. Главный герой романа К. Качур Сергей Греков, писатель, пишет роман об Азраиле – Ангеле Смерти, как и булгаковский герой, который пишет о Понтии Пилате. Одноклассница Грекова Маргарита, психолог, напомнила врачу Вадиму Казаченко *роскошную, ведьминскую, почти булгаковскую Маргариту*. В болезненном сознании Вадима фигура уборщицы вдруг по-булгаковски *спроецировалась на белую стену подъезда и повисла в прозрачной дымке*. А зима в романе «Желчный ангел» *выскочила неожиданно и, как убийца из-за угла, мгновенно перерезала теплое горло заплутавшей в сумерках осени*, как у М.А. Булгакова выскочила любовь.

Но роман К. Качур имеет и другую близость с романом М.А. Булгакова. У М.А. Булгакова, как известно, два пространственных пласта: пространство реальной действительности и пространство, находящееся над ним, представленное ирреальным миром. У Кати Качур пространство реальное и ирреальное живет в романе «Желчный ангел» каждое своей жизнью, встречаясь только дважды, когда Ангел Смерти приходит к лучшему ювелиру Востока Адаму и когда Азраил, Вася и Маня разговаривают с Мирой, которая копала ямку для погибшей кошки.

В романе «Любимчик Эпохи» возникает известный булгаковский вопрос – квартирный, но в ином преломлении, с точки зрения ирреального мира: *Я (Родион Гринвич. – Ж.Л.) тоже бы от него с удовольствием избавился, но булгаковский «квартирный вопрос», как выяснилось, оставался актуальным и в нашем мире. Причем решить его было невозможно ни за какие деньги и заслуги. Ты был привязан к своему праху, месту на кладбище и тем, кто захоронен с тобой в одной могиле*. В этом смысле черты постмодернизма и романа-фэнтези пересекаются.

Представляется возможным предположить причины особой тяги писательницы к булгаковскому роману. К. Качур близка идея милосердия, справедливости и прощения (об этом она говорит в своих интервью). Но, как и М.А. Булгаков, писательница понимает, что одного мира недостаточно, чтобы свершилась справедливость, поэтому она создает потусторонний мир [34].

Обращением к булгаковскому тексту не ограничивается характерной для массовой литературы ссылкой на классическую литературу в произведениях К. Качур.

В книге «Ген Рафаила» главный герой Анатолий Красавцев – Анатолий – напомнил автору-рассказчику Анатолю Курагина из романа Л.Н. Толстого, когда журналистка, приехав на Остров Рафаила, увидела *карие глаза, крупный правильный нос, рисованные тонким грифелем губы, красивейшую градуированную седину в висках Красавцева*. Дочь Батутовны – Олеся, вторая жена Анатолия Красавцева, напоминает маленькую княгиню, жену Андрея Болконского, своей короткой верхней губкой: *Верхняя, та самая благоуханная губа приподнималась к носу, заячьи, белее стиральной пены, зубы обнажали любопытный язычок, шоколадные глаза округлялись и весь ее вид изображал неподдельное удивление и восторг*. И, конечно, небо, как небо Аустерлица: *В маках лежал (Иван, дед Андрея Красавцева – Ж.Л.), слышите? В крови, в красных маках, крымских*.

Перед ним – небо. – Как Болконский, – нашелся один умник.

В романе «Любимчик Эпохи» возникает образ Героя нашего времени в прямом и переносном смысле этого слова – Илюши, младшего брата хирурга Родиона Гринвича.

Выражением духа современности является для постмодернистов идея маргинальности, реализуемая в персонажах-аутсайдерах, выпавших из существующей системы по разным причинам. В романе «Любимчик Эпохи» такими персонажами являются старуха Эпоха и осветитель Саня. Первая превратилась в «развалюху» в 19 лет по причине, от нее не зависящей (пожар на химическом заводе, где она работала), второй обеспечил свое «будущее» сам, покотившись по наклонной после развода с женой и по причине своего неговорящего характера. В романе «Желчный ангел» в маргинального элемента превращается и главный герой Сергей Греков, ранее известный и успешный писатель. Нечто свыше – бриллиант, в который был врезан образ Ангела и который давал исполнение всех желаний, взамен забирая то, что у человека было и что он не ценил как счастье, – сделало его таким.

Одним из ключевых понятий постмодернизма признается исследователями трансгрессия, «фиксирующее феномен перехода непроходимой границы между возможным и невозможным» [26, с. 842]. Таким трансгрессивным переходом является описание поведения призрака Родиона на кладбище в «Любимчике Эпохи»: *Помимо наблюдения за процессом похорон и установкой памятников (нет-нет да места продавались новым «клиентам»), мы развлекались игрой, которую придумала Эпоха. Садись в круг, соединяясь краями своих материй, и каждый, втайне от других, выбирал по десять человек с нашего кладбища, сохраняя их в разряде невидимого.*

Выход из мира сновидений и вход в этот мир – очень распространенный прием в постмодернизме. Иная реальность проникает в жизнь героя, когда они в бессознательном состоянии или во сне.

Функции сна как мотива или художественного приема достаточно подробно описаны в произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова и др. [20; 22]. В произведении К. Качур «Ген Рафаила» Андрей, сын Анатолия Красавцева, который восхищался своим дедом Иваном, хотел так же, как он, быть военным, во время сна видит деда, который называет ему имя убийцы лисы Рафика. Сон создает иллюзию разговора с дедом и выполняет информативную функцию. Общение во сне с Иваном Красавцевым, о котором он столько знал и о

котором столько говорил, создает незримую связь поколений. Сон, во время которого Анатолю снился будущий поединок с его злейшим врагом Рафом, выполняет в ткани повествования прогнозирующую функцию. Философская функция сна позволяет автору представить свою идею в метафорическом виде. Так, идея вечности природы является в сне Андрея после выстрела Рафа, когда он опять видит деда: *Я ушел, ушел твой лис, ты уйдешь когда-нибудь, а у Земли каждый год будет бушевать такое божественное лето...*

Согласно канону чрезвычайно популярного в массовой литературе романа-фэнтези, герой должен был бы предстать Воином Света, а его противник – воплощением Зла [14, с. 156]. Таким Воином Света является генерал-майор МВД в отставке Анатолий Красавцев, герой романа «Ген Рафаила» (*когда Господь распределял реквизит, Толе досталась невидимая мантия освободителя, спасателя. Его наделили удивительным даром оказываться там, где кто-то погибал в одиночестве*), а воплощением Зла – его вечный враг, сын врага, рецидивист Раф Баилов. В процессе развития действия роли странным стечением обстоятельств меняются: остров называли в честь Рафа – Остров Рафаил, из-за «погоняла», которые ему дали в колонии как авторитету, что ассоциировалось с архангелом Рафаилом. И у Анатолия Красавцева возникает вопрос: *А кто тогда я сам? Демон? Дьявол? У кого просить помощи в битве с архангелом Рафаилом?* Такие же «перевертыши» происходят и с восприятием отца Рафа. Его имя – Икар – понравилось матери Рафа с первой встречи: *Икар – увлеченный полетом к солнцу, которое его погубило.*

Борьба Добра и Зла в романе К. Качур является сюжетообразующим мотивом: *Всяк на земле идет своим путем. Один – спасает этот мир, другой – губит. Этому в руки дают микроскоп, а тому – клинок. Да и корни твои, кровь твоя – деды да прадеды – не оставляют тебе выбора. Думаешь, сам все решаешь, везде рулишь, а оказывается, давно за тебя все продумано. Кто ты, какова твоя роль, за кого отомстишь, ради чего умрешь...*

Кроме того, в романе «Любимчик Эпохи» К. Качур наделяет своих умерших героев даром видеть и слышать особым образом – им доступно видеть и слышать мир реальный из мира нереального: *Я оглядел зал (крематория. – Ж.Л.). Точка моего зрения была несколько иной, чем при жизни, но весьма удобной. Я видел сверху и изнутри одновременно. Это «зрение» характерно для жанра фэнтези.*

Чаще всего фэнтезийный жанр строится на основе мифа. По мнению исследователей, фэнтези – современная форма мифа [23, с. 68], мифа как фантастического представления о мире [17, с. 172].

Миф об Азраиле – Ангеле Смерти в романе «Желчный ангел» имеет литературную традицию в виде в том числе двух ранних текстов М.Ю. Лермонтова – поэм «Азраил» и «Ангел смерти». В них ангелы, которые присутствуют с человеком в момент смерти не дают душе утешения, наоборот, вселяют страх, встреча с ними ужасна [4, с. 298-299]. А в стихотворениях Надежды Павлович Азраил не внушает страха, наоборот, его приход желанен, смерть от его руки будет радостной [1].

Миф об Азраиле в романе Кати Качур «Желчный ангел» является основой сюжетно-композиционной организации произведения: несколько веков назад с разрешения Азраила один арабский ювелир запечатал в бриллианте его облик, и с тех пор он повелевает желаниями людей. Но и у него есть «слабое звено», которое роднит его со смертными: *Мальши (Вася. – Ж.Л.) прорастал в самое сердце, заполнял кровеносные сосуды и плыл по ним, удавливаясь на развилках, утраиваясь на поворотах, разветвляясь по капиллярам и растворяясь в каждой клетке Азраила. Он любил человеческого ребенка и с трепетом возвращал Васе все то, чего он был лишен в земной жизни: материнское биение, объятия, поцелуи.*

Понятие «магический реализм», как и суть этого феномена, в современном литературоведении еще не утвердилось окончательно [7, с. 896]. Считается, что термин «магический реализм» постепенно заменил понятие «мистический реализм». Исследователи отмечают, что в самом общем представлении магический реализм – это мистический реализм, возведенный в степень [18, с. 410]. В магическом реализме сверхъестественное, мистическое интегрировано в повседневную жизнь как нечто нормальное, обыденное, часто не требующее объяснений.

В романах Кати Качур некоторые герои обладают сверхъестественной силой, мистическим даром. В книге «Желчный ангел» таким даром обладает подруга главного героя Мира, которая получила его от бабки, и *исход любого события, будь то оценка на экзамене или простуда, Мира видела заранее во снах. Видела не напрямую, аллегорически, но всякое иносказание ловко умела расшифровывать. Со временем к Мире пришло осознание, что ее собственные действия не хаотичны и не спонтанны, а управляются кем-то Иным.* Даже любимая кошка главного героя Сергея Герасимова Жюли обладала, как казалось ее хозяйину, *мисти-*

ческим даром – вселять в пальцы свет. Знахарка из романа «Капля духов в открытую рану» помогла прадеду отца Славочки избавиться от боли, раздав на десять поколений болезнь суставов пальцев. Колдун Юра помог Асе снять с крючка ее душу и освободиться от страданий.

Автофикшн – это кросс-жанровое направление литературы, смесь автобиографии и художественной прозы, в которой реальные события и достоверные факты переплетаются с авторским вымыслом. Автор может рассказывать о событиях, пережитых непосредственно им, но у него нет задачи достоверно описать факты и места. Гораздо важнее передать испытанные эмоции, чувства и ощущения [35]. Когда говорят об автофикшне, говорят о так называемом «буме мемуаров», связывая его с периодом, приблизительно охватывающим первое десятилетие XXI в. «Автофикшен недвусмысленно представляет собой форму жизнеописания, объединяющую в себе как факты автобиографии, так и вымысел» [19, с. 205].

Катя Качур выделяет в своих произведениях черты жанра автофикшн, «когда ты берешь линию своей жизни и вносишь в нее события, которых никогда не было. И читатель, особенно знающий тебя, не в силах понять, где правда, а где вымысел» [32]. Рассказывая о своей жизни, писательница обозначает такие факты, использованные в ее романах. Это знание Кати Качур повадок лис (автор окончила университет по специальности «биолог»), представленное в романе «Ген Рафаила», опыт общения с двумя ее братьями, противоположными во всем, но любившими друг друга (роман «Любимчик Эпохи»), принадлежность семьи писательницы к разным генетическим линиям (простые люди с Поволжья и академики), что отразилось в ее романе «Ген Рафаила», работа тележурналистом на Первом канале (Ася из «Капли духов в открытую рану»), опыт коллекционирования духов (в том же романе), воспоминания детства о сумасшедшей бабке с первого этажа дома в Самаре, которая называла себя эпохой (роман «Любимчик Эпохи»), история с малышом-отказником («Желчный ангел») [34].

Кинематографичность романов Кати Качур очевидна: взаимодействие экранных искусств и литературы обусловлено поиском новых выразительных возможностей, желанием динамизировать действие, усилить влияние над читательским восприятием. Появление кинематографического романа обсуждалось уже в 1920-х гг. [28, с. 123]. Этот эстетический феномен, для которого И.А. Мартыановой предложен термин «литературная кинематографичность», вызывает в последние десятилетия особый интерес исследователей. И.А.

Мартьянова определяет литературную кинематографичность как характеристику текста с монтажной техникой композиции, в котором различными средствами изображается динамическая ситуация наблюдения [15, с. 7].

В научной литературе композиционные приемы монтажа исследуются на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, В. Шукшина, В. Токаревой, Д. Рубиной, Л. Улицкой, В. Пелевина, Е. Водолазкина и мн. др. Возник даже термин «роман–кино», которым Б. Акунин назвал жанр, призванный «совместить литературный текст с визуальностью кинематографа» [24, с. 104], «который последовательно использует аудиовизуальность, монтаж, смену точек зрения, специфические жанровые аспекты для создания некоторого аналога кинокартины» [13, с. 598], а в издательстве АСТ выделена книжная серия «Роман-кино».

Такие киноприемы, как стоп-кадр, замедленная съемка, обратное прокручивание киноленты, повторный замедленный показ, нечеткий кадр, крупные и средние планы, фокализация, наличие визуальных деталей–метафор, панорамирование, рапид, наплыв, «контаминируются как в кинотексте, так и в тексте литературном» [16, с. 139]. Литературный монтаж предназначен для читателя, который должен получить целостную картину, картину в динамике [5, с. 27].

Для Кати Качур, бывшей тележурналистки, прием монтажа не является чем-то чужеродным. Элементы монтажной композиции видим уже в первых главах романа «Ген Рафаила», где описываются «баттлы» (сцены драк) Анатоля и Батутовны. Чередования средних планов дает автору возможность концентрации действия во времени, отбросить лишнее, отвлекающее внимание читателя:

Мизансцена первая: Маленькая деревенская кухня. Кадр первый: Батутовна с мясным ножом в поднятой руке вибрирует у окна. Кадр второй: Анатолий – напротив Батутовны возле открытой кухонной двери. Кадр третий: На этой фразе оба начинают круговое движение вдоль стен и, ввиду скромных габаритов помещения, уже через пару секунд меняются местами. Мизансцена вторая: Она – у двери. Он – у окна. Кадр последний: Спустя полчаса оба дуэлянта лежат на одном диване: она – с перевязанной ногой, он – напичканный таблетками с куском льда на лбу.

Действие в романах Кати Качур попеременно происходит в различных пространственных и временных локусах (Иной мир, Москва, Н-ск, остров Рафаил). Такая композиция не случайна, она определена усилением в романе монтажного принципа изображения. Обращение к истории семьи, к детским воспоминаниям героев выполнено методом

«монтажной склейки». Так, в формате набранных курсивом небольших фрагментов, не выделенных в отдельные главы, описаны воспоминания родственников о судьбе деда Ивана Красавцева в романе «Ген Рафаила». В одном случае это рассказ Андрея Красавцева, сын Анатолия, своим одноклассникам (*И вот однажды Иван получил приказ подорвать небольшой городок на линии фронта, население уже эвакуировали*), а во втором – рассказы Анатолия второй жене Олесе (*После взрыва в землянке, госпиталя и пяти оставшихся в теле осколков ближе к концу войны Красавцева–отца начали готовить к спецзаданию – решили забросить его в Италию*).

По мнению И.А. Мартьяновой, собственно зримость не является признаком литературной кинематографичности, но употребление в тексте лексем зрительного восприятия присуще многим современным текстам, отмеченным кинематографичностью [16, с. 137]. В этой связи необходимо определить визуальную составляющую кинематографического текста. Исследователи выделяют визуальную метафору [25], использование черно–белой гаммы немого кино [3, с. 92]. В романах Кати Качур такая визуальность достигается своеобразным визуальным стилем – спецификой цветовой палитры. Герои книг К. Качур воспринимают мир зримо, как художник рисует холст, когда на него находит озарение. Так произошло с писателем Сергеем Герасимовым из романа «Желчный ангел», нашедшим наконец свое вдохновение: *Сергей Петрович чувствовал, что отрывается от земли. Огромный холст, сырой, незагрунтованный, начал мазок за мазком наполняться красками, набросками, контурами, фигурами людей, связанных между собой. С особой отчетливостью цветовая палитра кинополотна произведений К. Качур проявляется и в пейзажных зарисовках ее романов: Этот набросок, не прозевай его начинающий живописец, сделал бы автора мгновенно знаменитым. <...>... Раф неспешно скрылся. А Андрюша остался лежать в маках и васильках, истекая кровью. Солнце подзолотило эти алые и голубые всполохи на июльском лугу, а также фигуру раненого героя, превратив происходящее в искусство, в шедевр нерукотворной живописи («Ген Рафаила»).* Описания в романах «переливаются» разными оттенками белого, бордового, фиолетового, зеленого, красного. Любимый цвет писательницы – розовый – создает образы *розовой мякоти*, ассоциируясь с женственностью, нежностью, романтикой, невинностью и наивностью (не случайно женский любовный роман еще называют «розовым» [27]). *Розовый песок* у Кати Качур искрился крупными стразами, солнце скользнуло по

керамическим зубам (старика. – Ж.Л.) перламутрово-розовым фломастером, цветущая яблоня покрывала эту композицию зефирно-розовыми лепестками («Ген Рафаила»). В романе «Капли духов в открытую рану» ведущим является сочетание черного и белого, представляя смысл жизни главного героя Славочки Ключева, известного музыканта: *Он подумал, что в его жизни всегда были только эти два цвета. Черный фрак – белая манишка, черный зал – белая сцена, черный рояль – белое платье аккомпаниаторши. Черный памятник Филизуга – белая кожа Ванессы.* А в книге «Любимчик Эпохи» преобладает желтый цвет – цвет золота во внешности череды златокудрых девочек: *Нюрка росла худой, робкой, но, как и юная мать, обладала золотыми волнистыми волосами и ярко-рыжими кошачьими глазами в пшеничных густых ресницах; Зинка выросла полной копией мамы, а значит, и бабки – тоненькая, светло-золотистая дурочка с солнечным светом в глазах; у Златы сначала на серых радужках стали появляться рыжие лучики, потом они образовали между собой солнечную паутину и наконец засветились оранжевыми подсолнухам, волосы закудрились золотыми бликами, появились веснушки.* Золотой цвет при всей своей «солнечности» в романе является знаком проклятого рода – трех одиноких женщин с одной судьбой. Но в день великого перевоплощения Эпоха, кургузая бабка, бывшая золотая девочка Злата, идя по взлетной полосе навстречу своему сыну Илюше, слилась с тремя одинаковыми женщинами (бабка, мать и дочь Корзинкины), которые светились рыжим нимбом как три дур, три дивы, три великомученицы.

Выводы

Как утверждают исследователи, в наше постмодернистское время нет «чистых» методов [18, с. 410]. В романах Кати Качур можно обнаружить черты других творческих методов, но, думается, что ее романы при всем их жанровом разнообразии можно все-таки отнести к женским любовным романам. Они написаны для женщин и востребованы женской аудиторией, как указывают сами читательницы: *Целевая аудитория романа «Капли духов в открытую рану» – современные, работа-*

ющие, самостоятельные женщины 35-45 [36]. И герои ее романов, как отмечает сама автор, совершают поступки ради Любви, все ради любви, даже поступки самого страшного преступника ради любви [34].

Современная женская литература с ее жанровым разнообразием оказывается пространством новых способов взаимодействия писателя с читателем (см. об этом по отношению к современной детской литературе в [29]). Жанровые эксперименты в области любовного романа обусловлены необходимостью обновления коммуникативных стратегий, рассчитанных на нового читателя, новый тип культуры, функционирующий на том или ином этапе социокультурного развития.

Желание Кати Качур сделать своих читателей счастливыми заставляет ее писать так, *чтобы прожарившись, перемоловшись вместе с моими героями в жерновах времени и событий, они вышли оттуда чистыми, промытыми до костей и абсолютно перезагружившимися [37].*

Так, обращение к классике как к черте постмодернистского романа помогает читателю осознать смысловую глубину романов Кати Качур, а актуализация интереса к рассказу подлинных историй (жанр житейских историй, как у М. Метлицкой, или автофикшн), характерному для метамодернизма, вызывает доверие к героям и их поведению. Жанр фэнтези может привлечь к романам писательницы более молодую аудиторию, так как исследователями отмечено бытование персонажа демо-нологического типа в текстах молодежного ролевого фольклора [6, с. 8]. Жанр магического реализма, обозначенного в творчестве Кати Качур, привлекателен для читателей, потому что это своего рода терапевтическое чтение, которое напоминает, что чудеса прячутся в повседневности [30]. Такое же ощущение внереальности создают элементы кинематографичности в романах.

Жанровые скрещения в романах Кати Качур, таким образом, создают ощущение «вне» и «внутри» жизненной ситуации «сейчас / всегда» и «здесь / там», когда иллюзии сочетаются с реальностью.

Список источников

1. Александрова А.В. Особенности восприятия мира в романе И. В. Одоевцевой «Ангел смерти» // Сибирский филологический форум. 2025. № 1 (30). С. 71 – 83.
2. Аникеева Н.Н., Черняк М.А. Проблема жанрового самоопределения в контексте жанрово-родовой трансформации художественного текста (на примере романов А. Володиной «Протагонист» и С. Олонцевой «Дислексия») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 5 (122). С. 97 – 115. DOI: 10.23859/1994-0637- 2024-5-122-9
3. Белоусова Е.Г. О кинематографичности романа В. Набокова «Машенька» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 88 – 99.

4. Бугорская В.В. Образы ангелов в творчестве М.Ю. Лермонтова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология. 2020. Т. 3. Вып. 2. С. 296 – 302.
5. Васиярова О.А. Монтажная техника как актуальный метод отражения действительности в современной литературе // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2013. № 4 (80). Ч. 1. С. 32 – 39.
6. Гусарова А.Д. Жанр фэнтези в русской литературе 90-х гг. двадцатого века: проблемы поэтики : автореф. дис. ...канд. филол. наук. Петрозаводск, 2009. 23 с.
7. Иванова Е.Р. Черты магического реализма в романе Н.Ю. Абгарян «С неба упали три яблока» // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология. 2023. Т. 33. Вып. 4. С. 896 – 902.
8. Качур К. Капля духов в открытую рану. М.: «Эксмо», 2020. 352 с.
9. Качур К. Любимчик Эпохи. М. : «Эксмо», 2022. 320 с.
10. Качур К. Ген Рафаила. М. : «Эксмо», 2024. 320 с.
11. Качур К. Желчный ангел. М. : «Эксмо», 2024. 352 с.
12. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики: пер. с франц. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 656 с.
13. Куряев И.Р. Кинематографичность романа «Саша, привет!» Дмитрия Данилова // Неофилология. 2023. Т. 9. № 3. С. 596 – 606. DOI: 10.20310/2587-6953-2023-9-3-596-606
14. Маркова Т.Н. Художественные реконструкции Великой Отечественной войны в современной массовой литературе // Научный диалог. 2019. № 12. С. 152 – 160. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-152-160
15. Мартыанова И.А. Кинематограф русского текста. СПб.: Свое издательство, 2011. 240 с.
16. Мартыанова И.А. Кинематографичность литературного текста (на материале современной русской прозы) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 136 – 141.
17. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 406 с. URL: https://biblio.imli.ru/images/abook/folklor/Meletinskij_E.M._Poetika_mifa._1976.pdf (дата обращения: 18.02.2025)
18. Мескин В.А., Гайдаш Л.В. Роман М. Петросян «Дом, в котором...» в контексте литературной традиции магического реализма // Вестник РУДН. Серия : Литературоведение. Журналистика. 2019. Vol. 24. № 3. С. 404 – 413.
19. Метамоде́рнизм. Истори́чность, А́ффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер : [пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова]. М. : РИПОЛ классик, 2020. 342 с.
20. Миллионщикова Т.М. Мотив сна в произведениях русских писателей XIX в. в работах литературоведов США (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: Реферативный журнал. 2019. С. 48 – 52.
21. Михновец Н.Г. Явление прецедентности: лингвистический литературоведческий подходы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 7. № 21-2. С. 41 – 50.
22. Нагорная Н.А. Онейросфера в русской прозе XX века : модернизм, постмодернизм: монография. М.: МАКС-Пресс, 2006. 260 с.
23. Нестерова Е.А. Вещь как конструирующий элемент поэтики фэнтези // Сибирский филологический форум. 2018. № 1 (1). С. 65 – 74.
24. Осьмухина О.Ю., Куряев И.Р. Цикл повестей «Смерть на брудершафт» Б. Акунина в аспекте литературной кинематографичности // Неофилология. 2021. Т. 7. № 25. С. 102 – 110. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-25-102-110
25. Пименова А.В. Визуальная метафора в кинематографичной прозе Дмитрия Данилова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 129 – 137. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/ 2024/1/129-137
26. Постмодернизм. Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1040 с.
27. Черняк М.А. «Розовый роман» в контексте современной массовой литературы: тенденции развития жанра // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 6. С. 101 – 106.
28. Черняк М.А. Массовая литература XX века: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 432 с.
29. Черняк М.А. Диалог со «школьным каноном» в современной подростковой литературе // Филологический класс. 2024. Т. 29. № 4. С. 67 – 76. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-67-76
30. <https://eksmo.ru/authors/kachur-katya-ITD47246/reviews/>
31. <https://irecommend.ru/content/lyubimchik-epokhi-kati-kachur-moshchnaya-semeinaya-saga-s-magicheskim-realizmom-detektivnoi>

32. <https://sgpress.ru/news/446316>
33. <https://irecommend.ru/content/interesnaya-semeinaya-saga-na-malo-stranits>
34. https://vk.com/video-195576129_456239888
35. <https://blog.selfpub.ru/autofiction>
36. <https://dzen.ru/a/ZBl9W9rIGzgOEb5G>
37. <https://www.maximonline.ru/entertainment/katya-kachur-angelu-plevat-chto-ya-v-nego-ne-veryu-i-on-postoyanno-menya-ekspluatiruet-diktuya-o-chem-pisat-id5953014/>

References

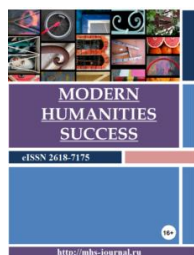
1. Aleksandrova A.V. Features of the perception of the world in the novel by I.V. Odoevtseva "Angel of Death". Siberian Philological Forum. 2025. No. 1 (30). P. 71 – 83.
2. Anikeeva N.N., Chernyak M.A. The problem of genre self-determination in the context of genre-generic transformation of the artistic text (on the example of the novels by A. Volodina "Protagonist" and S. Olontseva "Dyslexia"). Bulletin of Cherepovets State University. 2024. No. 5 (122). P. 97 – 115. DOI: 10.23859/1994-0637-2024-5-122-9
3. Belousova E.G. On the cinematographic nature of V. Nabokov's novel "Mashenka". Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2017. No. 47. P. 88 – 99.
4. Bugorskaya V.V. Images of angels in the works of M.Yu. Lermontov. Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology. 2020. Vol. 3. Issue 2. P. 296 – 302.
5. Vasiliyarova O.A. Montage technique as a relevant method of reflecting reality in modern literature. Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev. 2013. No. 4 (80). Part 1. P. 32 – 39.
6. Gusarova A.D. Fantasy genre in Russian literature of the 90s of the twentieth century: problems of poetics: author's abstract. dis. ... candidate of philological sciences. Petrozavodsk, 2009. 23 p.
7. Ivanova E.R. Features of magical realism in the novel by N.Yu. Abgaryan "Three apples fell from the sky". Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology. 2023. Vol. 33. Issue. 4. Pp. 896 - 902.
8. Kachur K. A drop of perfume in an open wound. Moscow: "Eksmo", 2020. 352 p.
9. Kachur K. Favorite of the Era. Moscow: "Eksmo", 2022. 320 p.
10. Kachur K. Gen Raphael. Moscow: "Eksmo", 2024. 320 p.
11. Kachur K. Gall Angel. M.: Eksmo, 2024. 352 p.
12. Kristeva Yu. Selected Works: The Destruction of Poetics: trans. from French. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. 656 p.
13. Kuryaev I.R. Cinematography of Dmitry Danilov's Novel "Sasha, Hello!". Neofilology. 2023. Vol. 9. No. 3. Pp. 596–606. DOI: 10.20310/2587-6953-2023-9-3-596-606
14. Markova T.N. Artistic Reconstructions of the Great Patriotic War in Contemporary Popular Literature. Scientific Dialogue. 2019. No. 12. P. 152 – 160. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-152-160
15. Martyanova I.A. Cinematography of Russian Text. SPb.: Svoe Publishing House, 2011. 240 p.
16. Martyanova I.A. Cinematography of Literary Text (based on modern Russian prose). Bulletin of the Chel-yabinsk State Pedagogical University. 2017. No. 1. P. 136 – 141.
17. Meletinsky E.M. Poetics of Myth. Moscow: Nauka, 1976. 406 p. URL: https://biblio.imli.ru/images/abook/folklor/Meletinskij_E.M._Poetika_mifa._1976.pdf (date accessed: 18.02.2025)
18. Meskin V.A., Gaidash L.V. Roman M. Petrosyan "The House in Which ..." in the Context of the Literary Tradition of Magical Realism. Bulletin of RUDN. Series: Literary Criticism. Journalism. 2019. Vol. 24. No. 3. P. 404 – 413.
19. Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism. R. van den Akker: [trans. from English. V.M. Lipka; introduction. art. A.V. Pavlova]. M.: RIPOL classic, 2020. 342 p.
20. Millionshchikova T.M. The motif of sleep in the works of Russian writers of the 19th century in the works of literary scholars of the USA (Review). Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 7. Literary criticism: Abstract journal. 2019. P. 48 – 52.
21. Mikhnovets N.G. The phenomenon of precedent: linguistic literary approaches. Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2006. Vol. 7. No. 21-2. P. 41 – 50.
22. Nagornaya N.A. Oneirosphere in Russian prose of the 20th century: modernism, postmodernism: monograph. Moscow: MAKS-Press, 2006. 260 p.
23. Nesterova E.A. Thing as a constructive element of fantasy poetics. Siberian Philological Forum. 2018. No. 1 (1). P. 65 – 74.

24. Osmukhina O.Yu., Kuryaev I.R. The cycle of stories "Death on Brotherhood" by B. Akunin in the aspect of literary cinematography. *Neophilology*. 2021. Vol. 7. No. 25. P. 102 – 110. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-25-102-110
25. Pimenova A.V. Visual metaphor in the cinematic prose of Dmitry Danilov. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2024. No. 1. P. 129 – 137. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/ 2024/1/129-137
26. Postmodernism. *Encyclopedia*. Mn.: Interpressservice; Book House, 2001. 1040 p.
27. Chernyak M.A. "Pink Novel" in the Context of Modern Mass Literature: Trends in the Development of the Genre. *Bulletin of the Cherepovets State University*. 2015. No. 6. P. 101 – 106.
28. Chernyak M.A. *Mass Literature of the 20th Century: Textbook. Manual*. 3rd ed. M.: Flinta: Nauka, 2009. 432 p.
29. Chernyak M.A. Dialogue with the "school canon" in modern teenage literature. *Philological class*. 2024. Vol. 29. No. 4. P. 67 – 76. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-4-67-76
30. <https://eksmo.ru/authors/kachur-katya-ITD47246/reviews/>
31. <https://irecommend.ru/content/lyubimchik-epokhi-kati-kachur-moshchnaya-semeinaya-saga-s-magicheskimi-realizmami-detektivnoi>
32. <https://sgpress.ru/news/446316>
33. <https://irecommend.ru/content/interesnaya-semeinaya-saga-na-malo-stranits>
34. https://vk.com/video-195576129_456239888
35. <https://blog.selfpub.ru/autofiction>
36. <https://dzen.ru/a/ZBl9W9rIGzgOEb5G>
37. <https://www.maximonline.ru/entertainment/katya-kachur-angelu-plevat-chto-ya-v-nego-ne-veryu-i-on-postoyanno-menya-ekspluirovat-diktuya-o-chem-pisat-id5953014/>

Информация об авторе

Ли Жуй, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8900-446X>, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 1020354287@qq.com

© Ли Жуй, 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>

2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.11:81'373

Метафорическая репрезентация гастрономического дискурса в английском, русском и даргинском языках

¹ Омарова А.М., ¹ Дарбишева Х.А., ¹ Омарова П.М.,
¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: статья посвящена сопоставительному исследованию метафорической репрезентации гастрономического дискурса в английском, русском и даргинском языках. Авторы анализируют роль гастрономических метафор со сферой-источником и сферой-мишенью ЕДА/ПИЩА, выявляя универсальные и культурно-специфические особенности гастрономической метафоры. В результате анализа паремий и художественных текстов, как носителей этнокультурной информации, установлено, что еда чаще служит источником метафоризации, чем мишенью, и во всех трех языках наиболее эффективными метафорическими моделями для концептуализации абстрактных понятий через пищевые образы являются персонификация и синестетическая метафора. Еда выступает не только как важный элемент культурного кода, отражающий ценности, эмоции и социальные отношения, но и как средство концептуализации сложных понятий, таких как истина, красота, трудности в достижении цели. Полученные данные могут служить основой для дальнейших исследований гастрономической метафоры в других языках и культурах.

Ключевые слова: гастрономический дискурс, метафора, сфера-источник, сфера-мишень, персонификация, синестезия

Для цитирования: Омарова А.М., Дарбишева Х.А., Омарова П.М. Метафорическая репрезентация гастрономического дискурса в английском, русском и даргинском языках // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 46 – 51.

Поступила в редакцию: 4 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Metaphorical representation of gastronomic discourse in the English, Russian and Dargin languages

¹ Omarova A.M., ¹ Darbisheva Kh.A., ¹ Omarova P.M.,
¹ Dagestan State University

Abstract: the article presents a comparative study of the metaphorical representation of gastronomic discourse in the English, Russian and Dargin languages. The authors analyze the role of gastronomic metaphors with the source-domain and target-domain FOOD, identifying universal and culture-specific features of the gastronomic metaphor. The analysis of paroemia and literary texts as the carriers of ethnocultural information has shown that food is liable to function as a source-domain rather than target-domain; in all the three languages the most effective metaphorical model for conceptualizing abstract concepts through food is personification and synesthetic metaphor. The study has revealed that food is not only an important element of the culture code, reflecting values, emotions and social relations, but also a means of conceptualizing complex concepts such as truth, beauty, difficulties in achieving a goal. The data obtained can serve as a basis for further research of gastronomic metaphors in other languages and cultures.

Key words: gastronomic discourse, metaphor, source-domain, target-domain, personification, synesthesia

For citation: Omarova A.M., Darbisheva Kh.A., Omarova P.M. Metaphorical representation of gastronomic discourse in the English, Russian and Dargin languages. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 46 – 51.

The article was submitted: April 4, 2025; Approved after reviewing: June 3, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Современная лингвистическая наука развивается в русле антропоцентрического подхода к описанию языка, в рамках которого сформировались такие направления, как лингвокультурология и этнолингвистика, изучающие национально-культурные особенности мировосприятия и миропонимания. В этом контексте особое значение приобретает изучение гастрономического дискурса, который выступает как один из ключевых инструментов для исследования национальной идентичности и межкультурных связей [4, с. 26; 9, с. 64-65].

Гастрономический дискурс представлен в любой лингвокультуре метафорическими моделями, репрезентирующими гастрономический код культуры посредством метафоры, когда наименования еды, продуктов питания могут служить как источником, так и сферой-мишенью метафоры [12, 11].

Гастрономическая метафора занимает важное место в языке, так как во все времена элементы питания входили в состав специального культурного кода. Пищевой код культуры – это ментальная схема, зафиксированная в сознании человека. Важность пищевого кода в обществе объясняется жизненной необходимостью еды для человека.

Гастрономическая или пищевая метафора понимается в данном исследовании, вслед за Е.А. Юриной, в широком смысле, как «концептуальная модель осмысления различных явлений окружающего мира и внутреннего мира человека в терминах еды и гастрономии» [7, с. 153]. Как указывает К.Г. Апресян, использование гастрономической метафоры выполняет аттрактивную функцию, привлекая внимание читателя, вызывая у него ассоциации с едой, как значимой сферой жизни [2, с. 50].

На сегодняшний день существует достаточно большое количество исследований гастрономического дискурса. Тем не менее, вопрос изучения его репрезентации в разноструктурных языках, особенно в сопоставлении с малоизученными, младописьменными языками, к которым относится даргинский, остается актуальным.

Материалы и методы исследований

Для анализа метафорической репрезентации гастрономического дискурса нами были отобраны паремии и фрагменты художественных текстов, представленные в национальных корпусах англий-

ского и русского языков [10, 6], на интернет-сайтах [14, 7], и собственно печатных изданиях (даргинский язык) [1, 3, 5]. Перевод примеров в даргинского на русский язык выполнен нами – А.М. Омаровой, Х.А.Дарбишевой, П.М. Омаровой.

Методами исследования послужили описательный и классификационный методы, концептуальный анализ, метод сравнительно-сопоставительного анализа языковых фактов, интерпретационный метод и прием сплошной выборки.

Результаты и обсуждения

В ходе анализа метафорической репрезентации гастрономического дискурса мы обнаружили примеры метафоризации еды во всех трех языках – английском, русском и даргинском. При этом, еда может выступать и как источник метафоризации, и как ее цель. Рассмотрим примеры гастрономической метафоры, которую мы подразделили на метафоры со сферой – источником ЕДА/ПИЩА и метафоры со сферой – мишенью ЕДА/ПИЩА.

В данном типе метафоры еда выступает источником метафоризации, перенося свои свойства как на объекты и явления окружающего мира, так и на абстрактные понятия. Проекция свойств еды на несъедобные предметы или явления указывают на их важность, незаменимость объектов метафорического переноса по аналогии с жизненной важностью пищи для человека. Анализ паремий всех трех языков показал, что в качестве сферы-мишени метафорического переноса могут выступать материальные и духовные ценности, важные для человека реалии и понятия (жизнь, истина, красота).

Приведем примеры метафорического переноса, основанного на проекции свойств еды на свойства различных объектов и явлений в английском языке.

(Англ.) *Bread is the staff of life, but beer's life itself. Life is like a block of cheese, hard and smelly* [14]. В данных пословицах жизнь ассоциируется с хлебом и сыром. В первом случае подчеркивается важность хлеба для человека, во втором сложность и неоднозначность жизни.

The moon is made of green cheese [14]. Данная метафора используется для описания чего-либо нереального и явно абсурдного и используется для описания доверчивого человека, который верит в очевидно ложные вещи.

Hunger is the best sauce [14]. В данной пословице голод концептуализируется как приправа, соус к еде, который усиливает удовольствие даже от неаппетитной еды и делает вкусной и приятной.

Наиболее ярко метафоры со сферой-источником ЕДА/ПИЩА представлены в художественных произведениях. Так, в английском языке мы обнаружили следующие примеры:

Their food was robbery and their pastime murder (J. Milton. The History of England) [10]. В приведенных примерах грабеж и убийства являются такой же естественной и неотъемлемой частью жизни, какой для обычных людей является еда.

В следующем примере разговор персонажа произведения, возможно, должен касаться ее заработка или повышения по службе. В данном контексте пищевая метафора подчеркивает исключительную важность этого разговора: <...> *because she kept putting off the dreaded bread and butter telephone call, and that made her feel guilty and irritable* (William Fox. Willoughby's Phoney War) [10]

Не только неодушевленные объекты, но и человек может концептуализироваться как пища в английском языке. Так, в нижеприведенном примере метафора с источником *butter* используется для описания характера персонажа: *Mind yer, 'e ain't that sort. Soft as butter 'e is.* (H. Bowling. The girl from Cotton Lane) [10].

Пища служит источником для гендерной метафоры, обозначающей женский пол. При этом, ученые отмечают отрицательную коннотацию таких метафорических наименований. Такие прозвища, как *cookie, pancake, honey cup cake, pumpkin*, по мнению И. Монташери, указывают на то, что данные метафоры, концептуализирующие женщин как сладкую еду и хлебобулочные изделия, в действительности обезличивают женщину, отрицают ее идентичность. Данный тип метафоры, по мнению ученого, символизирует беспомощность и безропотность [13, с. 107-108].

Метафора со сферой-источником ЕДА/ПИЩА характерна и для русской лингвокультуры. Так, среди рассмотренных паремий были обнаружены примеры концептуализации абстрактных понятий в виде продуктов питания. Например, *Чужую беду не посоля уплету, а свою и подсахарив не проглочу* [7].

В художественных произведениях на русском языке также были обнаружены метафоры со сферой-источником ЕДА/ПИЩА. При этом следует отметить, что сфера-мишень гастрономической метафоры в художественных произведениях представлена намного разнообразнее и шире, чем в пословицах. Так, в образе еды или пищи могут вы-

ступать такие понятия как ум, душа, истина, а также конкретные предметы и явления. При этом, сферой-источником метафорических моделей выступают наиболее распространенные блюда и продукты (хлеб, масло, пирожки, мясо). Например, *грубый хлеб истины, пирожки обожаю, черный хлеб драматургии, вырванных с мясом страниц, сладкая пища нашей гордости*

Душа у Холмогорова была что добрая каша (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней) [6].

Следует также отметить идиоматические выражения со сферой-источником «масло», например, *ерунда на постном масле, чушь с маслом, фигу с маслом, шии с маслом*. В составе данных выражений масло служит для усиления, подчеркивания незначительности какого-либо явления – предмета разговора.

В качестве источника метафоры выступают также яблоки, как наиболее распространенный фрукт. Например, *Август кончался малиновой улыбочкой великого Пинкертон, хладнокровными антоновскими яблоками гладковыбритых американских щек.* (С. Шаргунов. Дача, Жанна, драка с дураком) [6].

Анализ гастрономического дискурса даргинского языка (паремий и фрагментов художественных произведений) также обнаружил примеры гастрономической метафоры со сферой-источником ЕДА/ПИЩА. Например, *Бархъагардеиша варъаличиб, бархъдеиша агъу гIяхIси саби.* / (букв.) *Чем мед неправды, лучше яд истины. Дунъя пулав, хIу къулса.* / Мир – это плов, а ты – ложка. *Жагадеиш агарси чехъер – зе агарси хурегъуна сари.* / Некрасивая девушка (букв. «девушка без красоты») подобна блюду без соли [3].

В даргинском художественном дискурсе гастрономическая метафора представлена достаточно разнообразно. Так, еда служит источником концептуализации эмоций (*децIанира дарданира чIямдарес* / (букв.) *горе, насчастье прожевать*), природных объектов и ценностей (*гIямрули велкъунси* / насытившийся жизнью), человека (девушка, глаза), фитоморфные образы (*хъярла шинван ретахъиб/пропала, как грушевый сок*).

Приведем пример:

(Дарг.) *Дунъя, дила уриш, ил байлаб хIядурси муцIрусра сабра бухъмуй саби: къисбирен ва укен* [1, с. 166]. / Мир, сынок – это курдюк в воткнутом в центре ножом: отрезай и ешь.

К гастрономической метафоре относится и синестетическая вкусовая метафора, представленная во всех трех анализируемых языках. Многие явления и понятия окружающего мира концептуализируются как пища, имеющая горький, соленый или

сладкий вкус. Например, (англ.) *Life is sweet. A bitter truth is always better than a sweet lie.* (рус.) *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь. Корень учения горек, а плоды его сладки.* (дарг.) *бизиси гъанкI / вкусный сон; мурили диаб жагътала гIямру / пусть будет сладкой жизнь молодых; къутIкъуси макъамличил / с горькой мелодией.*

Горечь, как неприятный вкус, обычно ассоциируется с негативными концептами и понятиями, но в приведенных паремиях горечь предпочтительнее, чем сладкий вкус, при этом, в виде горечи/горького вещества концептуализируются универсальные ценности (истина, трудности в учении и т.п.).

Рассмотрим метафору со сферой-мишенью ЕДА/ПИЩА, где еда выступает объектом метафоризации и репрезентируется как человек, предмет, понятие или явление окружающего мира.

В английском, русском и даргинском языках представлена персонификация, как наиболее характерный вид концептуализации еды. Рассмотрим примеры на английском языке. (англ.) *Eat-well is Drink-well's brother. Surely, the apple is the no-blest of fruits. Gluttony kills more than sword* [14].

В приведенных паремиях персонификация еды и ее неконтролируемого потребления, питья, фруктов способствует более образному восприятию важности сбалансированного питания, тех или иных фруктов (яблок), опасность чрезмерного переизбытка, придавая еде.

В английском художественном тексте мы также встречаем метафорическую концептуализацию еды и продуктов питания. Например,

(Англ.) *Bruce Davidson was making a meal of explaining a straightforward case essentially because he was trying to impress Catherine Crane* (J. Neel. *Death of a Partner*) [10].

For him it held a special appeal; the one day of the week he could break bread with his family and not have to feel that they were only loaned to him for the while (D. Marcus. *A Land not Theirs*) [10].

В русскоязычном гастрономическом дискурсе ЕДА/ПИЩА также выступает как сфера-мишень метафоры. Так, паремии на русском языке ярко иллюстрируют использование персонификации и образных сравнений, связанных с пищей, в русской народной культуре (рус.) *Хлебушко – калачу дедушка. Хлебушко – батюшка, картошка – матушка. Хлеб с солью не бранится* [7]. Персонификация хлеба и картофеля как близких родственников фигур подчеркивает их важность для русской культуры, как одного из главных источников пропитания, а также важность дружбы, гостеприимства.

Рассмотрим интересный пример персонификации, обнаруженный нами в ходе анализа: (рус.) *Чужой хлеб в горле петухом поет* [7]. В данной паремии сферой-источником метафоры служит зооморфный образ домашней птицы – петуха. В паремии указывается на неприятные последствия чужой помощи или чужих ресурсов.

Художественный дискурс русского языка также богат пищевыми метафорами. Рассмотрим примеры гастрономических метафор, где еда выступает в качестве сферы-мишени метафорического переноса. Большинство обнаруженных метафор представляют собой персонификацию как самих продуктов, так и процесса их потребления: *добрый ужин, расправился с завтраком, вареник в сметане с ног до головы обвалился*. Также мы обнаружили пример фитоморфной метафоры – *вялый завтрак*.

(рус.) *Жрал яблоки смачно и безжалостно, как личных врагов* (С. Шаргунов. *Дача, Жанна, драка с дураком*) [6]. В данном примере еда предстает как враг, с которым можно расправиться.

В ходе анализа концептуализации еды в художественном дискурсе мы обнаружили социоморфную метафору, где в качестве источника метафоры выступают формы искусства (*песня, поэзия, история*), а в качестве сферы-мишени – блюда. Например, *Это не суп, – подтвердила Анна. Это песня* (В. Токарева. *Своя правда*) [7].

Но гоголь-моголь – более романтическое блюдо, более поэтическое (М. Блехман. *Римские цифры*). *Этот пирог был слоеный, как сама история* (М. Салтыков-Щедрин, *Господа Головлевы*) [7].

Рассмотрим гастрономические метафоры со сферой-источником ЕДА/ПИЩА в даргинском языке. Обнаруженные в ходе анализа паремии также, как и в английском и русском языках, демонстрируют персонификацию еды. Например, (дарг.) *КъацIли чарх балха, жузли – гIякълу. / Хлеб накормит тело, книга – ум. КъацI – хинкIала душман саби. / Хлеб враг хинкалу* [3].

Приведенные паремии отражают, с одной стороны, важность и ценность хлеба, с другой – хлеб, как пища для тела, противопоставляется книгам, которые питают ум. Понятия хлеб и книга персонифицируются. Не только хлеб получает метафорическое выражение в паремиях. Так, важный и целебный продукт – мед – персонифицируется в следующих паремиях: *Варъа – верхIел изайс дарман. / Мед – лекарство от семи недугов. Варъа ва букан жерши арадешила гъалмагъуни сари. / Мед и лук – залог здоровья (букв. «друзья здоровья»)* [7]. В данных пословицах подчеркивается польза меда и лука для здоровья, которые вместе способствуют

укреплению организма и поддержанию хорошего самочувствия.

Приведем примеры из художественных произведений с гастрономической метафорой со сферой-мишенью ЕДА/ПИЩА. Например,

Сунела гЯмрулизиб иибархли ахли Шагърус чудни-хинкIачи сунела уркIли бяргIили гьанхIебиркур. <...> Сенал гьанна илис лерил секIал кьалтиван дилзулри: дямдизурли гIявали лямIдикIлутти (чучи сари хIулдукIибти!) чудни-хинкIира; [5, с. 219]. / Шахру не помнил, чтобы его сердце за всю жизнь было так равнодушно (букв. «остыло») к курзе (аналог пельменей) <...> Ему все казалось неправильным, и даже полные, блестящие от масла (сами собой восторгающиеся) курзе.

Выводы

Рассмотрев способы метафорической репрезентации гастрономического дискурса в английском, русском и даргинском языках можно заключить, что метафоризация еды и ее концептуализация в виде других объектов и явлений подчеркивает важность и пользу определенных продуктов. Гастрономический код может быть репрезентирован посредством метафоры, которую мы подразделили

на два вида – метафора со сферой-источником ЕДА/ПИЩА и метафора со сферой-мишенью ЕДА/ПИЩА. Для выявления гастрономической метафоры были проанализированы, наряду с пословицами, фрагменты художественных произведений. Анализ показал, что пища, продукты питания служат чаще как сфера-источник метафоры. Наиболее употребительной и эффективной является персонификация (антропоморфная метафора).

Жизненная необходимость и важность еды для человека делает возможным концептуализацию других важных понятий, явлений и объектов в виде пищи. Наделение еды человеческими качествами подчеркивает ее важность и влияние на человека. Анализ данного типа метафоры выявил также ассоциацию еды с растительными, животными и социальными образами (фитоморфная, зооморфная и социоморфная) в русском языке при концептуализации еды, антропоморфные образы представлены во всех трех языках. Через богатство метафорических образов, связанных с едой и вкусами в языке отражаются ценности народа, его эмоциональный мир и мировосприятие.

Список источников

1. Абу-Бакар А. Даргинские девушки / Собрание сочинений: Т. 1. Повести и рассказы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1991. 464 с.
2. Апресян К.Г. Аппетитная функция метафоры в современном англоязычном и русскоязычном финансовом дискурсе. Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 49 – 57.
3. Гасанова У.У. Даргинско-русский словарь пословиц и поговорок. Махачкала, 2014. 224с.
4. Косицкая Ф.Л., Зайцева И.Е. Французский гастрономический дискурс и его жанровая палитра// Вестник ТГПУ. 2016. № 2. С. 25 – 30.
5. Магомед-Расул, Р. Горная гвоздика / Чужой муж. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1986. 526 с.
6. Национальный корпус русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 18.03.2025)
7. Пословицы и поговорки про еду / Сборник народной мудрости. URL: <https://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-pro-edu/> (дата обращения: 19.03.2025)
8. Юрина Е.А., Живаго Н.А. Метафоризация поглощения пищи в образном строе русского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (35). С. 107 – 121.
9. Яковлева Е.Л. Гастрономический дискурс романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Научный Татарстан. 2021. № 2. С. 64 – 69.
10. British National Corpus. URL : <https://www.english-corpora.org/bnc/> (date of access: 15.06.2025)
11. Hines, C. Rebaking the Pie: The WOMAN AS DESSERT Metaphor // Reinventing Identities: The Gendered Self in Discourse. Sutton : Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 145 – 162.
12. Korthals M. Food as a source and target of metaphors: inclusion and exclusion of foodstuffs and persons through metaphors // Configurations. Johns Hopkins University Press. 2008. Vol. 16. № 1. P. 77 – 92.
13. Montashery I. Figurative Construction of Gender through Metaphor and Metonymy // Advances in English Linguistics (AEL). 2013. Vol. 2. № 1. P. 105 – 109.
14. Christy R. comp. Proverbs, Maxims and Phrases of All Ages. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=coo1.ark:/13960/t25b0pt68&view=1up&seq=9&skin=2021> (accessed: 13.03.2025)

References

1. Abu-Bakar A. Dargin girls. Collected works: T. 1. Novels and stories. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1991. 464 p.
2. Apresyan K.G. Attractive function of metaphor in modern English-language and Russian-language financial discourse. Vestnik of VSU. Series: Linguistics and intercultural communication. 2020. No. 4. P. 49 – 57.
3. Gasanova U.U. Dargin-Russian dictionary of proverbs and sayings. Makhachkala, 2014. 224 p.
4. Kositskaya F.L., Zaitseva I.E. French gastronomic discourse and its genre palette. Vestnik of TSPU. 2016. No. 2. P. 25 – 30.
5. Magomed-Rasul, R. Mountain Carnation. Someone Else's Husband. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1986. 526 p.
6. National Corpus of the Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru/> (date of access: 18.03.2025)
7. Proverbs and Sayings about Food. Collection of Folk Wisdom. URL: <https://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-pro-edu/> (date of access: 19.03.2025)
8. Yurina E.A., Zhivago N.A. Metaphorization of Food Absorption in the Figurative Structure of the Russian Language. Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2015. No. 3 (35). P. 107 – 121.
9. Yakovleva E.L. Gastronomic discourse of G. Yakhina's novel "Zuleikha opens her eyes". Nauchny Tatarstan. 2021. No. 2. P. 64 – 69.
10. British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (date of access: 15.03.2025)
11. Hines, C. Rebaking the Pie: The WOMAN AS DESSERT Metaphor. Reinventing Identities: The Gendered Self in Discourse. Sutton : Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 145 – 162.
12. Korthals M. Food as a source and target of metaphors: inclusion and exclusion of foodstuffs and persons through metaphors. Configurations. Johns Hopkins University Press. 2008. Vol. 16. No. 1. P. 77 – 92.
13. Montashery I. Figurative Construction of Gender through Metaphor and Metonymy. Advances in English Linguistics (AEL). 2013. Vol. 2. No. 1. P. 105 – 109.
14. Christy R. comp. Proverbs, Maxims and Phrases of All Ages. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=coo1.ark:/13960/t25b0pt68&view=1up&seq=9&skin=2021> (date of access: 03.13.2025)

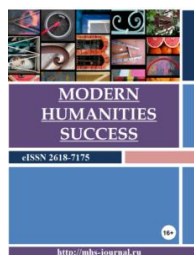
Информация об авторах

Омарова А.М., Дагестанский государственный университет, assik131@gmail.com

Дарбишева Х.А., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, darbishewa@mail.ru

Омарова П.М., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, orm30@mail.ru

© Омарова А.М., Дарбишева Х.А., Омарова П.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.4

Развитие игровой индустрии и формирование имиджа государства – на примере игры "Чёрный миф: Укун"

¹ Сунь Сывэнь,

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: в условиях глобализации культурная коммуникация играет ключевую роль в формировании имиджа государства. Бурное развитие китайской игровой индустрии все отчетливее демонстрирует ее значимость в сфере культурного обмена и формирования имиджа государства. В данной статье на примере игры «Чёрный миф: Укун», эта игра сочетает традиционную культуру с современными технологиями, вызвав интерес за рубежом и культурную идентификацию, что способствовало усилению международного влияния выдающейся китайской традиционной культуры. Автор анализирует использование китайских элементов в игре, исследует формируемый ею имидж государства и его позитивное воздействие, раскрывая уникальную ценность и значение отечественных игр в построении национального имиджа в новую эпоху. В результате делаются три вывода: цифровые инновации как инструмент культурной коммуникации, формирование премиального бренда, активизация гражданского потенциала и подготовка кадров. Надеемся, что данная статья сможет послужить ориентиром для формирования новых подходов к построению национального имиджа в новую эпоху, а также предоставить рекомендации по обеспечению устойчивых движущих сил развития.

Ключевые слова: игровая индустрия, имидж государства, культурная коммуникация, китайская культура, культурный экспорт, Чёрный миф: Укун

Для цитирования: Сунь Сывэнь Развитие игровой индустрии и формирование имиджа государства – на примере игры "Чёрный миф: Укун" // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 52 – 56.

Поступила в редакцию: 5 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

The development of gaming industry and the formation of national image – a case study of Black Myth: Wukong

¹ Sun Siwen,

¹ *Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba*

Abstract: in the context of globalization, cultural communication plays a pivotal role in shaping national image. The rapid development of China's gaming industry increasingly demonstrates its significance in the sphere of cultural exchange and national image formation. This article examines the game Black Myth: Wukong as a case study – a game that blends traditional culture with modern technology, generating international interest and cultural identification, thereby enhancing the global influence of China's outstanding traditional culture. The author analyzes the use of Chinese elements in the game, explores the national image it projects and its positive impact, while revealing the unique value and significance of domestic games in constructing a national image in the new era. Three key conclusions are drawn: digital innovation as a tool for cultural communication, the creation of a premium brand, and the mobilization of civil potential and talent development. It is hoped that this article can serve as a reference for developing new approaches to national image-building in the new era, while providing recommendations for ensuring sustainable drivers of development.

Keywords: gaming industry, national image, cultural communication, Chinese culture, cultural export, Black Myth: Wukong

For citation: Sun Siwen The development of gaming industry and the formation of national image – a case study of Black Myth: Wukong. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 52 – 56.

The article was submitted: April 5, 2025; Approved after reviewing: June 3, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В условиях глобализации формирование и продвижение государственного имиджа приобретает критическую важность. Он представляет собой не только внешнюю репрезентацию государства на международной арене, но и концентрированное воплощение совокупной мощи, культурного наследия и ценностных ориентиров.[1] Видеоигры, являющаяся динамично развивающейся культурной силой, признается наиболее быстрорастущим сектором с исключительными рыночными перспективами. Данная сфера постепенно трансформируется в значимый канал культурного экспорта и ключевой элемент формирования имиджа государства. Игра постепенно выходит за рамки узкого определения как «просто развлекательной деятельности», её культурная ценность получает всё более глубокое раскрытие и интерпретацию [2].

В отличие от западных игровых продуктов, ориентированных на приключенческие, научно-фантастические и хоррор-сюжеты, китайские игры преимущественно черпают творческие ресурсы из глубины исторического наследия и богатства традиционной культуры. Разрабатывавшийся в течение семи лет «Чёрный миф: Укун», выпущенный в августе 2024 года, немедленно занял лидирующую позицию в глобальном рейтинге продаж платформы Steam. Данный игровой продукт искусно интегрирует классические литературные произведения, элементы нематериального культурного наследия и известные исторические достопримечательности, сохраняя при этом игровую привлекательность и одновременно актуализируя традиционная культура.

В данной статье посредством анализа экспорта традиционной китайской культуры в проекте «Чёрный миф: Укун» исследуется достигнутый прорыв в формировании имиджа государства и его глобальное воздействие. Результаты исследования формируют методологическую основу для разработки эффективных стратегий формирования и трансляции имиджа государства.

Материалы и методы исследований

В исследовании применялся системный подход для анализа влияния игры «Чёрный миф: Укун» на формирование имиджа Китая через призму культурной коммуникации и технологических инноваций. Использовались методы анализа и синтеза,

сравнительно-сопоставительный и контент-анализ отзывов игроков и медиаматериалов. Материалами послужили сама игра, научные публикации по теме и статистические данные о её коммерческом успехе и культурном воздействии. Результаты позволили выявить ключевые механизмы влияния игровой индустрии на национальный имидж.

Результаты и обсуждения

Элементы традиционной китайской культуры в «Чёрном мифе: Укун»

Мифы и легенды. Игра основана на одном из четырёх классических романов Китая «Путешествие на Запад», соединяя игру с китайской мифологией. Во-первых, Укун является представительным персонажем китайской мифологии, его «72 превращения» и «облачный прыжок» представляют уникальные фантастические элементы китайских мифов. Во-вторых, игра воспроизводит множество сюжетов и персонажей из «Путешествия на Запад», таких как бунт в Небесном дворце, кража рясы чёрным медведем-оборотнем, битва у Огненной горы, что не только предоставляет богатый материал для построения игры, но и позволяет игрокам ощутить уникальное очарование китайской классической мифологии.

Традиционные инструменты и народная музыка. 40 музыкальных композиций игры включают элементы китайского стиля, в них используются традиционные китайские инструменты: гучжэн, пипа, эрху, бамбуковая флейта, суона, а также интегрированы элементы пекинской оперы и региональных народных театров, таких как шаньбэйские сказки.

Дизайн игровых сцен с китайскими элементами. Использование передовых технологий сканирования и цифрового моделирования позволило точно воссоздать многочисленные исторические достопримечательности, включая храм Юйхуанмяо в Шаньси и каменные рельефы Дацзу в Чунцине. В сценах присутствует многочисленные элементы традиционного китайского искусства и обычаев: традиционные постройки как пещерные храмы Юньган, деревянная пагода Инсянь; традиционные виды искусства – цветная скульптура, фрески, маски, одежда, доспехи; а также традиционные обычаи: жертвоприношения, алхимия, земледелие, храмовые ярмарки.

*Формирование имиджа государства
в игре «Чёрный миф: Укун»*

Имидж культурной державы с богатым историческим наследием. Популярность игры вызвала всплеск интереса иностранных игроков к оригинальному произведению, появилось множество научно-популярных видео и статей о «Путешествии на Запад», что способствует более глубокому пониманию культурного подтекста и философских идей. Древнекитайские мифы демонстрируют концепции мужества, честности, стойкости и сотрудничества, соответствующие ценностям современного общества.

Имидж прекрасной державы с величественными пейзажами. Впечатляющий дизайн игровых сцен производит сильное визуальное воздействие, а воссозданные достопримечательности стали популярными туристическими объектами, турпоток в провинции Шаньси вырос на 156%, а количество посетителей в районе Сяоситянь увеличилось более чем на 300% [3], что демонстрирует положительное влияние игры.

Имидж инновационной державы с развитыми технологиями. Как первая китайская игра уровня AAA с инновационным геймплеем и оригинальным сюжетом, проект достиг мировых продаж в 28 миллионов копий [4], подтверждая высокий уровень игровой индустрии и технологические возможности Китая.

Позитивное влияние «Чёрного мифа: Укун»

Образец интеграции традиционной культуры и современных технологий. Интеграции традиционной культуры и современных технологий является одним из ключевых способов современного выражения национального имиджа. Ключевой аспект культурного экспорта заключается в передаче глубины культурного наследия. [5] Эта игра представляет глобальной аудитории культурное богатство «Путешествия на Запад» через современные игровые механизмы. одновременно благодаря выдающемуся графическому дизайну, анимационным технологиям и интерактивному опыту, «Чёрный миф: Укун» значительно усиливает выразительность повествования. Использование передового 3D-движка и технологии захвата движения создаёт потрясающие визуальные эффекты, оживляя мифологический мир игры. Глубокое осмысление и новаторская интерпретация традиционной китайской культуры в игре демонстрируют усилия и достижения Китая в сфере культурных инноваций. Она не только находит отклик у отечественных игроков, но и пробуждает интерес зарубежной аудитории к традиционной китайской культуре. Например, в процессе игры иностранные игроки глубже знакомятся с китай-

ской историей, культурой и системой ценностей через игровые локации, персонажей и сюжет. Они активно делятся своими впечатлениями и новыми знаниями о китайской культуре в социальных сетях, такой культурный обмен помогает преодолевать барьеры и укреплять взаимопонимание между людьми из разных стран. [6] Такой симбиоз технологий и культуры усиливает глобальное влияние китайских культур, открывает новые пути для международного коммуникации культуры.

Укрепление культурной уверенности китайского народа. «Чёрный миф: Укун» демонстрирует духовную сущность и культурные ценности китайской цивилизации. Наглядный пример - переводческие решения в игре: вместо адаптации к западным концепциям был выбран более точный вариант - "Укун" вместо "Царя обезьян" ("Monkey King"), "Яогуай" вместо "Монстров" ("Monster"). Эти изменения в переводе отражают не только фундаментальные различия между китайской и западной культурами, но и подчеркивают независимость и уверенность в китайском культурном самовыражении.

Укрепление международного признания китайской культуры. Вопрос имиджа государства по своей сути является вопросом потребности в идентификации. [7] В условиях доминирования западного дискурса «Чёрный миф: Укун» добился прорыва, установил рекорд продаж среди одиночных игр на Steam с 96% положительных оценок [4]. Высокое качество производства получило международное признание, одновременно усиливая глобальное понимание и позитивное восприятие китайской культуры, побуждая мировую аудиторию к самостоятельному изучению подлинного, многогранного Китая.

Выводы

Откровение от успеха игры «Чёрный миф: Укун»

Цифровые инновации как инструмент культурной коммуникации. Игра обеспечивает международной аудитории непосредственный доступ к китайской культуре, преодолевая пространственно-временные ограничения. Интерактивная природа видеоигр трансформирует пользователей в активных субъектов, деконструируя традиционные односторонние модели коммуникации и обогащая восприятие.

Формирование премиального бренда. Как подчеркивал продюсер Фэн Цзи: «Трансляция китайских нарративов зарубежной аудитории аналогична преподнесению дара – насильственное навязывание контрпродуктивно. Эстетичная „оболочка“ в виде визуального ряда и спецэффектов формирует первоначальный интерес, тогда как вскрытие упаковки позволяет оценить подлинную цен-

ность – культурное ядро» [8]. Формирование имиджа государства требует приоритизации качества контентного наполнения [9].

Активизация гражданского потенциала и подготовка кадров. «Чёрный миф: Укун» продемонстрировал значительные возможности гражданских команд в сфере культурных инноваций. В этой связи критически важными становятся стимулирование творческой активности гражданских команд и развитие кадрового потенциала. Необходимо увеличить объёмы финансирования для поддержки команд, создающих продукты с национальным колоритом; сформировать комплексную систему подготовки специалистов и мо-

тивационные механизмы, обеспечивающие устойчивую кадровую базу.

Игры как современный инструмент усиления коммуникационного потенциала государства, построения международной системы коммуникации и презентации многогранного имиджа государства [10]. «Чёрный миф: Укун» позволяет мировому сообществу увидеть более подлинный Китай. Синтез традиционной культуры и технологических инноваций создаёт новый формат повышения эффективности культурного распространения, открывая новую главу в формировании имиджа государства.

Список источников

1. 李彦. 新时代国家形象的塑造与传播[J]. 人民论坛, 2019(17):124-125. (Ли Янь. Формирование и продвижение национального имиджа в новую эпоху // Народный форум. 2019. № 17. С. 124 – 125.)
2. 杨奇光, 张宇. 国产游戏出海的可能性空间与 策略启示—以《黑神话: 悟空》的火热出圈为例[J]. 对外传播, 2024(10):45-49. (Ян Цигуан, Чжан Юй. Пространство возможностей и стратегические выводы по выходу китайских игр на международный рынок: на примере вирусного успеха «Чёрный миф: Укун» // Внешние коммуникации. 2024. № 10. С. 45 – 49.)
3. 曹英, 尹琳岑. 山西文旅让“悟空效应”变成长效流量. 中国经济时报, 2024.08.30 (Цао Ин, Инь Линьцэн. Туристическая отрасль Шаньси превращает "эффект Укуна" в устойчивый поток посетителей // Экономическая газета Китая. 2024.08.30). URL: https://www.fjlib.net/zt/fjstsgjcx/gddt/202408/t20240830_476676.htm
4. 卢扬, 刘曼华. 《黑神话: 悟空》销售额破 90 亿 国风游戏 2025 年迎投资好时机. 北京商报, 2025.01.16. (Лу Ян, Лю Маньхуа. «Чёрный миф: Укун» достиг объёма продаж в 9 миллиардов юаней: 2025 год станет удачным временем для инвестиций в игры китайского стиля // Пекинская коммерческая газета. 2025.01.16) URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1821405092420258900>
5. 吕岩. 中华优秀传统文化国际传播精准化: 要素、困境与实现路径. 江淮论坛, 2025 (1) : 13-19 (Люй Янь. Прецизионная международная трансляция превосходной традиционной китайской культуры: элементы, проблемы и пути реализации // Цзянхуайский форум. 2025. № 1. С. 13 – 19.)
6. 张秀丽, 窦博乐, 操诗悦. 以连接促可知: 新时代国际传播的媒介化可见考察. 新媒体 与社会, 2024 (2) : 359-367 (Чжан Сюли, Доу Болэ, Цао Шиюэ. Продвижение узнаваемости через связность: изучение медиатизированной видимости международных коммуникаций в новую эпоху // Новые медиа и общество. 2024. № 2. С. 359 – 367.)
7. 王清. 中国网络游戏对外传播与国家形象的海外建构[D]. 浙江工商大学, 2023 (Ван Цин. Международное распространение китайских онлайн-игр и зарубежное формирование национального имиджа // Чжэцзянский университет коммерции.) DOI: 10.27462/d.cnki.ghzhc.2023.001567
8. 韩维正. 冲! 跟着游戏体验中国 (“融”观中国). 2025.01.27. (Хань Вэйчжэн. Вперёд! Исследуем Китай через видеоигры ("Интеграционный" взгляд на Китай) // Жэньминь жибао). URL: https://paper.people.com.cn/rmrhwb/pc/content/202501/27/content_30054209.html
9. 张秀丽, 聂玉治. 以数字游戏为媒: 中华优秀传统文化国际传播效能提升的实践进路. 中国编辑, 2025 (3) : 70-76. (Чжан Сюли, Не Юйчжи. Использование цифровых игр в качестве медиа: практические подходы к повышению эффективности международной трансляции превосходной традиционной китайской культуры // Китайский редактор. 2025. № 3. С. 70 – 76.)
10. 张毓强, 潘璟玲. 国家形象的建构与传播[J]. 新闻战线, 2021. (19) : 42-45. (Чжан Юйцян, Пань Цзинлин. Формирование и распространение национального имиджа // Фронт журналистики. 2021. № 19. С. 42 – 45.)

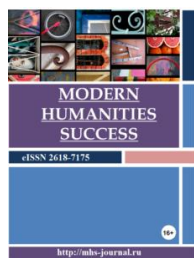
References

1. 李彦.新时代国家形象的塑造与传播[J].人民论坛,2019(17):124-125. (Li Yan. Formation and promotion of a national image in a new era. People's Forum. 2019. No. 17. P. 124 – 125.)
2. 杨奇光,张宇.国产游戏出海的可能性空间与策略启示—以《黑神话：悟空》的火热出圈为例[J].对外传播,2024(10):45-49. (Yang Qiguang, Zhang Yu. Opportunity Space and Strategic Conclusions for Entering Chinese Games into the International Market: A Case Study of the Viral Success of “Black Myth: Wukong”. External Communications. 2024. No. 10. P. 45 – 49.)
3. Cao Ying, Yin Lincen. Shanxi's Tourism Industry Turns the “Wukong Effect” into a Steady Flow of Visitors. China Economic Newspaper. 2024.08.30. URL: https://www.fjlib.net/zt/fjstsgjcx/gddt/202408/t20240830_476676.htm
4. 卢扬,刘曼华. 2025.01.16. (Lu Yan, Liu Manhua. "Black Myth: Wukong" Achieved 9 Billion Yuan in Sales: 2025 Will Be a Good Time to Invest in Chinese-Style Games. Beijing Commercial Newspaper. 2025.01.16) URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1821405092420258900>
5. The Chinese-style game industry has a long history of developing and producing games: Chinese-style games, Chinese-style games, and Chinese-style games. 2025 (1): 13-19 (Lu Yan. Precise International Broadcast of Excellent Traditional Chinese Culture: Elements, Problems, and Ways of Implementation. Jianghuai Forum. 2025. No. 1. P. 13 – 19.)
6. (2024) Promoting Recognition through Connectedness: Studying the Mediatized Visibility of International Communications in the New Era. New media and society. 2024. No. 2. P. 359 – 367.)
7. 王清.中国网络游戏对外传播与国家形象的海外建构[D].浙江工商大学,2023 (Wang Qing. International distribution of Chinese online games and overseas formation national image. Zhejiang University of Commerce.) DOI: 10.27462/d.cnki.ghzhc.2023.001567
8. 韩维正. Han Weizheng. Forward! Exploring China through Video Games (An "Integration" View of China). People's Daily. 2025.01.27. URL: https://paper.people.com.cn/rmrbhwb/pc/content/202501/27/content_30054209.html
9. 张秀丽 · 聂玉治.以数字游戏为媒：中华优秀传统文化国际传播效能提升的实践进路.中国编辑 · 2025 (3) : 70-76. (Zhang Xiuli, Nie Yuzhi. Using Digital Games as Media: Practical Approaches to Enhance the Effectiveness of International Broadcasting of Excellent Traditional Chinese Culture. Chinese Editor. 2025. No. 3. P. 70 – 76.)
10. China: Digital Games and Games in the Media and the International Broadcasting of Excellent Traditional Chinese Culture [J]. Chinese Journal of International Relations, 2021. (19): 42-45. (Zhang Yuqiang, Pan Jingling. Formation and Dissemination of National Image. Journalism Front. 2021. No. 19. P. 42 – 45.)

Информация об авторе

Сунь Сывэнь, аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-6315-5753>, SPIN-код автора:5287-1734, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1042238226@pfur.ru

© Сунь Сывэнь, 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1

Экспрессивно-стилистический потенциал грамматических категорий глагола

^{1, 2} Довлеткиреева Л.М.,

¹ Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,

² Академия наук Чеченской Республики

Аннотация: в статье рассматривается экспрессивно-стилистический потенциал глагола, заключающийся в его специфических грамматических категориях вида, залога, наклонения и времени. Автор рассматривает, каким образом данные категории способны придать выразительность тексту различной функционально-стилистической направленности: публицистическому, научному, художественному, канцелярскому. Отмечается, что выразительный потенциал этой части речи заключается не столько в его семантической составляющей, сколько в грамматических особенностях, связанных с выражением реальности-ирреальности (наклонение), аспектуальности (вид), темпоральности (время), субъективности и объективности (залог). Также обращается внимание на то, что глагол играет особую роль в идиостиле таких писателей, как Лев Николаевич Толстой, Федор Михайлович Достоевский. Подчеркивается, что глагол обладает повышенной возможностью метафоризации.

Ключевые слова: глагол, вид, залог, наклонение, время, экспрессивность, стиль

Для цитирования: Довлеткиреева Л.М. Экспрессивно-стилистический потенциал грамматических категорий глагола // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 57 – 62.

Поступила в редакцию: 5 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Expressive and stylistic potential of grammatical categories of the verb

^{1, 2} Dovletkireeva L.M.,

¹ Kadyrov Chechen State University,

² Academy of Science of Chechen Republic

Abstract: the article examines the expressive and stylistic potential of the verb, which consists in its specific grammatical categories of type, voice, mood and tense. The author examines how these categories are able to give expressiveness to a text of various functional and stylistic orientation: journalistic, scientific, artistic, clerical. It is noted that the expressive potential of this part of speech lies not so much in its semantic component as in the grammatical features associated with the expression of reality – unreality (mood), aspectuality (type), temporality (time), subjectivity and objectivity (pledge). Attention is also drawn to the fact that the verb plays a special role in the idiosyncrasy of such writers as Leo Nikolaevich Tolstoy, Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. It is emphasized that the verb has an increased possibility of metaphorization.

Keywords: verb, type, voice, mood, tense, expressiveness, style

For citation: Dovletkireeva L.M. Expressive and stylistic potential of grammatical categories of the verb. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 57 – 62.

The article was submitted: April 5, 2025; Approved after reviewing: June 3, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Особое место в системе частей речи русского языка в силу специфики грамматических категорий и грамматического значения занимает глагол. Значимость глагола подчеркивал и академик В.В. Виноградов, отмечая, что в речи все должно «глаголить» [1, с. 125], А.С. Пешковский подчеркивал, что «в глаголе течет живая артериальная кровь языка» [2, с. 89].

Глагол обозначает действие как процесс и выражает это значение в грамматических категориях вида, залога, наклонения, лица, числа и времени, одни из них связаны с персональностью, другие с темпоральностью, третьи с аспектуальностью. Это многообразие отношений глагольных категорий к реальности позволяет использовать глаголы и в прямом, и в переносном смысле в многообразных проявлениях значений в текстах различной направленности.

Глагол и за счет своей семантики, и за счет своеобразия грамматических категорий обладает большим запасом экспрессивной энергии, которую авторы активно используют в публицистике и художественном стиле.

Актуальность нашего исследования определяется интересом современных ученых не к грамматической стороне языковых единиц, а к их функциональному употреблению, поэтому популярными становятся исследования языка во взаимосвязи с текстологией и стилистикой.

В нашей работе мы ставим перед собой цель проанализировать, каким образом грамматические категории глагола способны выражать экспрессивно-выразительные значения в текстах различной функциональной направленности.

Материалы и методы исследований

Глагол всегда выделялся знатоками слова как часть речи, отличающаяся особой сложностью и в то же время обладающая мощным стилистическим потенциалом. На это обращают внимание и представители академической грамматической школы, и ведущие специалисты по стилистике.

Изучению стилистического использования глагола посвящены труды отечественных грамматистов и стилистов: В.В. Виноградова [1], Г.О. Винокура [3], Н.К. Гарбовского [4], И.Б. Голуб [5], Н.И. Греча [6], С.П. Обнорского [7], Д.Э. Розенталя [5], А.А. Пешковского [2] и др.

Выдающийся лингвист А.А. Пешковский отмечал, что глагол пригоден для олицетворения неодушевленных предметов более, чем любая другая часть речи [2].

На эту же особенность указывал и известный лингвист Ефимов А.И., он обратил внимание на

то, что очень часто для одушевления пейзажа или характеристики человека используются в переносном метафорическом значении глаголы, относящиеся к животному миру типа «реветь, лаять, ржать, выть», а также различные глаголы движения. Причем это характерно не только для глаголов в художественных текстах, но и для употребления их в разговорно-просторечных высказываниях, что придает им эмоциональность и своеобразный колорит [8, с. 184-186].

Методологической основой исследования стали приемы лингвистического анализа художественного текста, метод сплошной выборки, синтез, сопоставительный и стилистический анализ.

Результаты и обсуждения

Глагол позволяет описать действительность в развитии, динамике, ритме, движении. Поэтому писатели обращают особое внимание на эту особенность глагола, широко используя экспрессивный потенциал этой части речи в художественных текстах. Например, Лев Толстой считал, что «глагол придает движение фразе», поэтому очень важно найти именно верный, нужный, подходящий глагол [9]. Люди и события будут представлены живо, наглядно, в действии. Лев Николаевич в своем идиостиле тяготел именно к «глагольному повествованию», мастером которого он и был, по общему призванию. Он говорил, что именно глагол помогает ему передать психологию персонажа, охарактеризовать его как личность. При этом он отмечал, что глагол он использует, чтобы передать характерный жест, и если вдруг этого оказывается недостаточно, то тогда он ищет какую-то деталь, например, описывает руку или глаза, может быть, волосы, но опять же с помощью глагола. Таким образом, второй глагол усиливает то впечатление, которое создано первым, описывающим жест [9].

Писатели стремятся найти один глагол, назовем его ключевым, который одновременно передаст несколько действий – реакцию героя на реплику, событие, особенно когда пишутся диалоги. Мастера речи редко используют глаголы коммуникации, то есть говорения: сказал, ответил, спросил, проронил, проговорил и пр. Они находят такие глаголы, которые будут указывать на адресанта речи, но в то же время передавать эмоции, чувства, переживания, реакцию, впечатления героя.

Классический пример из «Преступления и наказания»: «Как!» – вспыхнула Дуня; По крайней мере вы-то на меня не сердитесь? – протянул ему руку Ставрогин. – Нисколько, – воротился Кириллов, чтобы пожать руку [10, с. 137]. Этот прием называется компрессией, потому что в одном глаголе «вспыхнула» содержится три смысла: сказала

Дуня, но прежде она засмущалась, покраснела. То есть два состояния и одно действие переданы посредством одного глагола. Круг метафоризируемых глаголов достаточно широк и все больше увеличивается за счет своеобразия индивидуально-образного авторского мышления.

Глагольные сочетания в художественном стиле речи преобладают над именными, также они преобладают в разговорной речи и в некоторых жанрах публицистического стиля, так как это придает высказыванию живость. Именные же сочетания, напротив, обедняют речь, делают ее менее выразительной, по-канцелярски скучной, сухой.

Динамизм фразе придают и отглагольные существительные. Этот прием использовал, например, А.С. Пушкин, описывая Полтавскую битву: «Бой барабанный, клики, скрежет, / Гром пушек, топот, ржанье, стон, / И смерть и ад со всех сторон» [11, с. 157]. Намеренный пропуск глагола в эллиптическом предложении также способен придать изображаемой картине динамизм и стремительность. Например, о сне Татьяны в «Евгении Онегине» автор пишет: «Татьяна – в лес, медведь – за нею», пропуская глаголы движения, которые здесь уместны, например, «побежать, мчаться, броситься».

То есть можно сделать вывод о том, что не только глагол способен придать речи динамизм, есть и другие средства и способы. К тому же, необходимо учитывать и тот факт, что не все глагольные лексемы семантически могут позволить себе решать указанные задачи. Не все глаголы передают действия, большая группа представителей этой части речи обозначает состояние – физическое, психическое, эмоциональное и пр.

Выразительный потенциал этой части речи заключается не столько в его семантической составляющей, сколько в грамматических особенностях. Выражение действия как процесса передается в специфических глагольных категориях вида, времени, залога и наклонения. Именно стилистические возможности указанных морфологических категорий позволяют использовать глагол в соответствии с указанными творческими целями и задачами для выражения действия как процесса. Названные грамматические категории связывают действие с реальностью: так, вид указывает на актуальность, то есть на то, достигло ли действие своего результата или находится в процессе, время связывает действие с моментом речи – это темпоральная категория, лицо указывает на участие персоны в речи, залог выражает отношения субъектности и объектности.

Вид и время обладают большими экспрессивными возможностями, особенно в разговорной

речи. Глаголы совершенного вида указывают на некий итог, точку, достижение результата в настоящем, прошедшем или будущем временах. Глаголы несовершенного вида указывают на процесс, поэтому, в отличие от совершенного вида, сочетаются с фазовыми глаголами.

Формы настоящего времени употребляются во всех стилях речи, но по-разному. Например, в научном стиле не используется настоящее историческое, зато часты обороты с настоящим предпологающим: допустим... предположим... существует... Часто применяется расширенное настоящее: в последнее время применяется... в последние годы используется... разрабатывается... Будущее время применимо в различных теоремах или задачах: проведем перпендикулярную прямую...

В канцелярском стиле часто используется настоящее долженствования в различных нормативно-правовых актах: данные меры позволят выявить... решить... заявить...

В различных жанрах публицистики, помимо обычной формы настоящего времени, используется настоящее историческое, что и позволяет придать экспрессивность тексту. Формы прошедшего и будущего времен используются в материалах, связанных с хроникой событий. Репортажи в настоящем времени помогают живо передать события, при этом используется все многообразие видовых форм.

В художественном стиле речи категория времени используется в зависимости от типа текста. Например, при описании предпочтительны формы прошедшего времени, для повествования больше подходят формы настоящего времени. Художественное время не совпадает с реальным временем, поэтому в прозе часто используются настоящее историческое, которое позволяет говорить о прошедшем как о настоящем, то есть как бы сокращает дистанцию между читателем и изображаемым. В контексте будущего может использоваться прошедшее время, то есть допустимы различные вариации переносного употребления временных форм. Так, прошедшее время может употребляться вместо будущего и настоящего в диалогах.

В пространстве художественного текста более свободно проявляют себя категории залога и лица глагола. Это связано с тем, что обе категории ориентированы на личностное начало, в отличие от обезличенного канцелярского (официально-делового) стиля или научного, в котором у лица «ущербная» (неполная) парадигма, так как в этом стиле не представлены формы второго лица единственного числа (ты) и редким является словоупотребление во втором лице множественного числа

(на вы), распространенным же является использование авторского первого лица множественного числа «мы», что соответствует этике научного сообщества.

Также со стилистическим употреблением глагола связаны понятия «недостаточные» и «изобилующие» глаголы. К первым относят глагольные лексемы, не обладающие полной парадигмой, обычно отсутствует форма первого лица, которая не образуется по фонетическим причинам из-за так называемого неблагозвучия: в частности, не образуются победу – от победить, тузю – от тузить, бузю – от бузить и т.д. В этих случаях используются описательные конструкции: могу, хочу с добавлением инфинитива: могу победить, например. Также данная форма может отсутствовать по причине того, что действие, обозначаемое глаголом, не может быть по своей семантике отнесено к лицу – ржаветь, колоситься...

Изобилующие глаголы противопоставлены недостаточным тем, что их парадигма не просто полная, но и располагает дополнительными стилистическими вариантами: колыхается – колышется, брызгает – брызжет, двигает – движет. В первой паре мы наблюдаем функционально-стилистическую разницу: слово «колышет» является книжным по употреблению, а «колыхает» – разговорным. В последних двух примерах имеется отличие в лексическом значении и сочетаемости: двигает употребляется в значении «перемещает», двигает стол, например, а движет – в значении «побуждает», например, им движет непомерное самолюбие. Брызгает на цветы, то есть «окропляет» и струи фонтана брызжут, то есть разбрасывают каплями воду.

В разговорной речи проявляется наибольшее многообразие форм вида. Это, конечно, объясняется экстралингвистическими причинами и факторами. Причем в разговорной речи и в художественной прозе распределение видовых форм СВ и НСВ происходит равномерно, поскольку элементом художественного текста является диалог героев, который носит разговорно-бытовой характер. В публицистическом стиле также представлено разнообразие видовых форм, так как жизнь с ее реальными событиями отражается в нем в динамическом развитии, поэтому текст находится под определенным влиянием разговорной и даже художественной речи.

Большой экспрессией и выразительностью обладают глаголы СВ. В видовой корреляции глагол СВ выступает как сильный член пары, поэтому если его значение меняется, то это сразу же привлекает к нему внимание. Например, если речь идет о повторяющемся действии, то у автора появляется

возможность передать обобщенное (типичное) значение посредством единичного.

Глаголы же НСВ используются с целью указать на действие, которое обычно характерно для СВ, то есть фактическое: Скорее бы все это кончилось!

Образность, связанная с нестандартным употреблением видовых форм в художественной речи, увеличивается также за счет нейтрализации противопоставленности по виду. Это происходит тогда, когда глагол получает функции СВ в таких временных формах, которые обычно исключают саму возможность использования СВ. Так, к примеру, в настоящем историческом или когда настоящее используется в функции будущего или прошедшего, глаголы НСВ выступают в роли глаголов СВ: Приезжаю я вчера и сразу же узнаю, что Марию Федоровну замуж за Павла Алексеевича прочат. Глаголы НСВ в этом случае обозначают единичный и вполне конкретный факт, а не обобщенное действие.

Подобная нейтрализация значительно увеличивает выразительные возможности глаголов НСВ. Например, они могут выступать в функции единичного действия, которое произошло после длительного действия. Например: Вдруг Акулина говорит. Грамматическая сочетаемость тоже меняется. Появляется возможность, характерная для разговорной речи, сочетаться с наречиями смены событий: вдруг, неожиданно-негаданно, нечаянно, неожиданно.

Наклонение также обладает большими стилистическими перспективами, поскольку имеет большие синонимические ресурсы и яркую выразительность глагольных единиц в разных стилистических формах.

Формы глагола в изъявительном наклонении более распространены хотя бы по той причине, что они связаны со стилистическим разнообразием временных конструкций русского языка. Напомним, что только глаголы изъявительного наклонения имеют категорию времени.

Возникновению различных оттенков экспрессии способствует использование грамматических средств для передачи значения наклонения. Например, в разговорной стилистике с этой целью применяют постфикс –ка: Взгляни-ка на это! Он позволяет смягчить приказную форму высказывания. К тому же постфикс –ка способен придать повелительному наклонению не свойственное для него значение темпоральности, ведь он приближает обозначенное действие к моменту высказывания: Дай-ка, спроси-ка, вернись-ка, сделай-ка, помолчи-ка. Для придания разговорности еще одним грамматическим средством в повелительном наклонении является частица –пускай: пускай все

подумают и узнают, пускай будет так, пускай поет. Частица «пусть» хоть и имеет то же синонимичное значение, но стилистически отличается от «пускай», поскольку придает торжественное звучание высказыванию и потому используется в лозунгах, воззваниях, восклицаниях: «Пусть сильнее грянет буря!», «Пусть навеки воссияет знамя мира и свободы!».

К грамматическим средствам формирования экспрессивности повелительного наклонения относятся и частицы «да» и «же». Их обычно присоединяют к СВ глагола в повелительном наклонении, в результате возникает оттенок настойчивости: Говори же! Да не спеши же! Думай же! Да отстань же!

В формировании глагольной экспрессии участвуют и неспрягаемые формы глагола: инфинитив, причастие и деепричастие.

Мы уже отмечали, что об экспрессивности глагола говорили многие ученые и писатели. По мнению Н.И. Греча, глагол обладает животворящей миссией [6, с.27]. Семантические, морфологические и синтаксические возможности глагола позволяют этой части речи быть огромным источником эмоций и выразительности.

В первую очередь, глагол используется в художественной речи для того чтобы показать движение, но необязательно в прямом смысле – это динамика и внутреннего мира в том числе, и окружающей среды. Для этой цели глагол активно используется в описаниях. Также глагол служит для того, чтобы конкретизировать художественное описание или повествование, причем сделать это метафорично, образно.

Выводы

Таким образом, экспрессивность глагола заключена не столько в его семантической природе, сколько в грамматической. Ведь глагольность действия как процесс представлена в специфических категориях лица, наклонения, залога, времени, что позволяет именно «изображать» действие.

Каждый глагол и даже отдельные его категории по-разному проявляют себя в различных функциональных стилях речи. Так, в канцелярском стиле – сухом и шаблонном, в котором главное – это констатация или описание фактов – глаголу отводится минимальная роль, частотность глагола в этом стиле сводится к шестидесяти словам на тысячу лексем, здесь преимущественно используются отглагольные существительные. Глаголы же в основном имеют семантику долженствования (следует осуществить, вменяется в обязанности, обязуется выполнить, обязаны воспитывать и пр.) или отвлеченности со значением наличия (является нарушением, имеется в наличии, иметь право).

В научном стиле речи частотность возрастает и сводится к девяти на тысячу и в несколько раз увеличивается средняя частотность употребления этой части речи в художественном стиле – сто пятьдесят один глагол на тысячу слов. Научному стилю речи тоже соответствует именной характер, так как события сводятся к минимуму, но в то же время дается характеристика закономерностей тех или иных процессов, за счет этого и увеличивается количество глаголов по сравнению с канцелярским письмом. Также за счет абстрагирования, характерной для этого стиля.

Публицистический стиль, как и художественный, тяготеет к выразительности, поэтому глагольность является одной из его определяющих характеристик. Кроме того, в различных жанрах, например, в репортажах, других новостных жанрах присутствует повествовательный тип текста, ориентированный на событийность. Отсутствие глагольности стандартизирует текст, что не поощряется в публицистике, так как приближает материал к деловому письму. Также в этом стиле речи значительно больше возможностей для применения всевозможных лексико-семантических глагольных групп. Безусловно, все зависит от жанра и тематики конкретного материала, так как автор должен находиться в этих рамках, что ограничивает его выбор слов.

Глагольность в художественном стиле с позиции морфологической стилистической черты является параметральным признаком. Это обеспечивается образностью и повествовательностью художественного произведения.

Спецификой глагола как части речи и источником его в художественном тексте является стилистическое употребление его морфологических синтаксических категорий. Взаимосвязь же их с семантической природой глагола создает огромные, неисчерпаемые возможности сюжетостроения при описании и повествовании и передачи различных смыслов, в том числе и тончайших движений человеческой души. Действие изображается за счет этих двух факторов полно и точно, достоверно и выразительно. Художественный и публицистический стиль позволяют наиболее мощно использовать экспрессивный потенциал рассматриваемой части речи.

В художественном письме писатели используют различные семантические глагольные группы, вне конкретного контекста они нейтральны, но в то же время они очевидно неуместны в других стилях речи, помимо художественного, так как они призваны называть детализированно конкретные действия. Например, крадется, мечется, зашагал, подпрыгнул, поперхнулся и другие. Глаголы

детализации действия составляют около семидесяти процентов всех глаголов в художественном тексте. Показывая своего персонажа посредством совершаемых им действий, автор не только пере-

дает сюжет, но и погружает нас в психологию его поступков, вскрывая читателю его истинные чувства и желания, его сущность.

Список источников

1. Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1985. 457 с.
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 3-е, совершенно переработанное, издание. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1928. 579 с.
3. Винокур Г. О. Глагол или имя? Опыт стилистической интерпретации // Винокур Г.О. Избранные труды по русскому языку. М., 2019. 784 с.
4. Гарбовский Н.К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи: На материале русского и французского языков. М., 2022. 142 с.
5. Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Занимательная стилистика. Как мы говорим. А как мы пишем! М., 2021. 304 с.
6. Греч Н. Чтения о русском языке. В 2 ч. Ч. 1-2. СПб.: В Тип. Н. Греча, 1840. Ч. 1. С. 292.
7. Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 2009. 248 с.
8. Ефимов А. И. Стилистика русского языка. М., 1969. 260 с.
9. Толстой А. Н. Собр. соч.: в 10 т. М., 1961. Т. 10. С. 212.
10. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М., 2002. 456 с.
11. Пушкин А.С. Стихотворения и поэмы. СПб, 2015. 516 с.

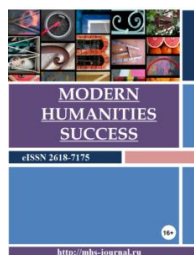
References

1. Vinogradov V.V. The Language of Pushkin: Pushkin and the History of the Russian Literary Language. Moscow; Leningrad: Academia, 1985. 457 p.
2. Peshkovsky A.M. Russian Syntax in Scientific Interpretation. 3rd, completely revised edition. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1928. 579 p.
3. Vinokur G.O. Verb or Name? An Experience of Stylistic Interpretation. Vinokur G.O. Selected Works on the Russian Language. Moscow, 2019. 784 p.
4. Garbovsky N.K. Comparative Stylistics of Professional Speech: Based on the Russian and French Languages. Moscow, 2022. 142 p.
5. Golub I.B., Rosenthal D.E. Entertaining Stylistics. How We Talk. And how we write! M., 2021. 304 p.
6. Grech N. Readings about the Russian language. At 2 p.m. Parts 1-2. SPb.: V Type. N. Grecha, 1840. Ch. 1. P. 292.
7. Obnorsky S.P. Essays on the morphology of the Russian verb. M., 2009. 248 p.
8. Efimov A.I. Stylistics of the Russian language. M., 1969. 260 p.
9. Tolstoy A. N. Collection. cit.: in 10 volumes. M., 1961. T. 10. P. 212.
10. Dostoevsky F.M. Crime and punishment. M., 2002. 456 p.
11. Pushkin A.S. Poems and poems. St. Petersburg, 2015. 516 p.

Информация об авторе

Довлеткиреева Л.М., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8299-5651>, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, ведущий научный сотрудник сектора литературы и фольклора Академии наук Чеченский Республики, e-mail: dlida@inbox.ru

© Довлеткиреева Л.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакommunikации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.4

Современные тенденции продвижения косметических брендов Китая, в условиях экономической глобализации

¹ Ли С.,

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: с двойным развитием информационных технологий и системы цепочек поставок глобальная модель потребления представляет собой новую тенденцию высокой степени сетевого взаимодействия и переплетения регионов [1].

Цель данной работы – систематически исследовать, как экономическая глобализация и изменения в региональных системах управления совместно влияют на международный путь развития китайских косметических брендов, уделяя особое внимание структурным изменениям в условиях сосуществования модернизации потребления и замирания рынков, деконструктивной перестройке традиционной экологии каналов трансграничной электронной коммерции, а также растущим требованиям нового поколения потребителей к ценности бренда и чувству принадлежности к культуре.

Синергетическая эволюция технологических возможностей и культурных возможностей души станет основной движущей силой в процессе глобализации китайской индустрии красоты. Такие передовые инструменты, как система персонализированных рекомендаций на основе искусственного интеллекта, механизм отслеживания блокчейн и технология виртуального опыта XR, способствуют более глубокой интерактивной логике между брендами и пользователями. В то же время с помощью имплантации кино- и теледрамы и матрицы короткого видео для создания «гибкого повествовательного поля» [2] ожидается бесконфликтное распространение ценностей.

Между тем, в условиях ужесточения экологических и этических стандартов и религиозных норм на глобальном рынке китайские бренды должны одновременно создавать институциональные дискурсивные возможности в области экологичной упаковки, халяльной сертификации, управления углеродным следом и т.д., чтобы повысить уровень своего соответствия и моральной привлекательности в международной конкуренции.

Ключевые слова: косметический бренд, бренд-маркетинг, международное развитие, цифровая маркетинговая матрица

Для цитирования: Ли С. Современные тенденции продвижения косметических брендов Китая, в условиях экономической глобализации // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 63 – 68.

Поступила в редакцию: 6 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Modern trends in the promotion of cosmetic brands in China, in the context of economic globalization

¹ Li X.,

¹ *Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba*

Abstract: with the dual evolution of information technology and supply chain system, the global consumption pattern presents a new trend of highly networked and regional intertwining [1].

This paper aims to systematically explore how economic globalization and changes in regional governance systems jointly affect the international development path of Chinese beauty brands, focusing on analyzing the structural changes under the coexistence of consumption upgrading and sinking markets, the deconstructive reshaping of the traditional channel ecology by

cross-border e-commerce, as well as the growing demands of the new generation of consumer groups for brand value and a sense of cultural belonging.

The synergistic evolution of technological empowerment and cultural empowerment of the soul will become the core driving force in the globalization process of China's beauty industry. Artificial intelligence personalized recommendation system, blockchain traceability mechanism, XR virtual experience technology and other cutting-edge tools are empowering a deeper interactive logic between brands and users. At the same time, with the help of film and TV drama implantation and short video matrix to build a "flexible narrative field" [2], it is expected to realize the non-conflict communication of values.

Meanwhile, in the face of strengthening environmental and ethical standards and religious norms in the global market, Chinese brands must simultaneously establish institutional discourse capabilities in sustainable packaging, halal certification, carbon footprint management, etc., so as to enhance their compliance and moral appeal in international competition.

Keywords: cosmetic brand, brand marketing, international development, digital marketing matrix

For citation: Li X. Modern trends in the promotion of cosmetic brands in China, in the context of economic globalization. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 63 – 68.

The article was submitted: April 6, 2025; Approved after reviewing: June 4, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В условиях углубления глобализации и усложнения системы регионального экономического управления косметическая промышленность Китая находится в критической точке трансформации и модернизации стратегии от «производства OEM» к «экспорту бренда» и от «внешнего роста» к «формированию внутреннего ядра». К «формированию ядра» стратегическое обновление перехода переломный момент. Это изменение является не только результатом экономической логики пространственной реконструкции промышленной цепочки, но и отражает структурный сдвиг в перераспределении культурной власти и технологического капитала в глобальной коммуникационной модели.

Цель исследования: при разработке маркетингово-развитийных стратегий китайских косметических брендов в условиях экономической глобализации должна охватывать глубокий анализ глобальных рыночных трендов и потребительских инсайтов, инновации в области продуктов и устойчивости, адаптацию к культурным различиям и нормативным требованиям целевых рынков.

Материалы и методы исследований

Материалы и методы включают качественный анализ теоретических концепций (теория культурного капитала П. Бурдьё, концепция сетевого общества М. Кастельса), нормативно-правовых документов (Регламент ЕС № 1223/2009, стандарты халяль) и отраслевых практик (кейсы китайских брендов, стратегии цифровых платформ). Применены методы системной деконструкции трансформации цепочек создания стоимости под влиянием DTC-моделей, сравнительного анализа региональных потребительских паттернов и регуляторных требований, а также дискурс-анализа нарративов устойчивого развития и культурной иден-

тичности в маркетинговых коммуникациях. Работа носит теоретико-аналитический характер с акцентом на case study технологических инструментов (AI, блокчейн, XR) и визуальной семиотики, без сбора первичных эмпирических данных.

Результаты и обсуждения

В результате исследования выявлено, что глобальная конкурентоспособность китайских косметических брендов базируется на триединстве технологической адаптации (AI, блокчейн, XR), культурно-релевантных коммуникациях и институциональном комплаенсе. Ключевым достижением является разработка двухуровневой стратегии преодоления регуляторных барьеров: научная верификация ингредиентов через омиксные технологии с параллельным диалогом о стандартизации, а также глубокая интеграция специфических требований рынков. Доминирующим трендом признан переход от количественной экспансии к качественному влиянию через право установления технологических стандартов и контроль над культурными нарративами.

К «формированию ядра» быстрый прогресс этого процесса обусловлен механизмом «двойного привода», который совместно образуют технологическая революция и культурное пробуждение. В технологическом измерении модернизация инфраструктуры, представленная 5G, Интернетом вещей, искусственным интеллектом и блокчейном, разрушает временные и пространственные барьеры между традиционным производством и потреблением. Популярность систем прослеживаемости blockchain привела к повышению порога доверия к происхождению продукции, ингредиентам сырья и экологическим характеристикам, когда потребители размещают заказы на китайские бренды за рубежом, что обеспечивает техниче-

скую гарантию для китайских брендов в создании нового типа репутационной структуры.

Углубление механизмов регионального сотрудничества, особенно официальное подписание соглашения RCEP, придало новый импульс процессу интернационализации китайских косметических брендов. RCEP эффективно снижает системные затраты на сырье, упаковочные материалы и логистику в регионе Восточной Азии, а также способствует совместным инновациям Китая, Японии и Южной Кореи в области добычи сырья, биоферментации и экологически чистых упаковочных материалов. С точки зрения пространственной экономики, этот процесс регионального пересоединения не только породил новые формы организаций, такие как «транснациональные центры исследований и разработок», но и способствовал тому, что такие города, как Шанхай, Гуанчжоу и Хайнань, стали «кураторами культуры» и «инициаторами стандартной повестки дня» индустрии красоты Азиатско-Тихоокеанского региона. Она также подталкивает Шанхай, Гуанчжоу, Хайнань и другие города стать «культурными кураторами» и «инициаторами стандартной повестки дня» Азиатско-Тихоокеанской индустрии красоты [3], повторяя теоретическую предпосылку Дайи Тусу о «дезападнизации центра тяжести глобальной коммуникационной власти».

Неравномерное развитие глобализации глубоко изменяет структуру рынка и культурную модель косметической промышленности Китая, особенно двойные тенденции «расслоения потребления» и «расщепления каналов», которые представляют собой наиболее напряженный экологический ландшафт современного рынка красоты. С одной стороны, потребители в городах первого уровня Китая быстро формируются в группы «партии ингредиентов» и «эффективный уход за кожей», стремясь к точности формулы, научно-техническому одобрению бренда и поддержке клинических данных; с другой стороны, в обширных уездах и городах третьего уровня все более популярными становятся «легкие роскошные национальные продукты». С другой стороны, в обширных уездах и городах ниже третьего уровня позиционирование «легких роскошных национальных продуктов» и «текстур за 100 юаней» все больше становится путем к просветлению красоты для молодежи из маленьких городов [4]. Такой контраст в сценариях потребления является не только отражением разницы в доходах, но и отражает несбалансированное распределение культурного капитала в пространственном измерении.

Взрывной рост трансграничной электронной коммерции меняет традиционную структуру кана-

лов сбыта, заставляя косметическую индустрию стремительно переходить на модель DTC (Direct-to-Consumer). Традиционная трехступенчатая цепочка распределения «бренд – дистрибьютор – розничный продавец» была быстро прервана такими платформами, как Ali International, TikTok Shop и Pinduoduo Temu, которые обеспечивают эффективное прямое соединение от производителя-изготовителя до конечного потребителя за рубежом. Это не только повышает скорость реагирования цепочки поставок и прозрачность цен, но и коренным образом меняет структуру взаимодействия между брендами и потребителями. Пользователи участвуют в производстве брендового контента и разработке дизайна продукта с помощью платформ прямых трансляций, коротких видеороликов с демонстрацией продукта и новых типов информационных интерфейсов, создавая логику ценности «совместного творчества потребителей». Этот феномен является лучшей иллюстрацией теории «сетевого общества»[5].

В децентрализованной сети, созданной цифровыми платформами-посредниками, контроль над брендами постепенно переходит от предприятий к алгоритмическим сетям и сетям совместного взаимодействия пользователей. Более масштабное влияние отражается в изменении эстетического восприятия и философии ценностей [6]. Местные китайские косметические бренды все больше интегрируют китайскую эстетику и международную философию минималистского дизайна при выборе сырья, дизайне упаковки и даже названии продукта. Традиционные концепции ухода за кожей, такие как «использование масла для питания кожи» и «трехвольтовый пластырь для питания кожи», подкрепляются новыми научными рассуждениями благодаря модернизации и клиническим данным, а в плане визуального выражения часто можно увидеть вдохновленную китайской эстетикой упаковку с минималистской геометрической планировкой и технологией белого пространства, что приводит к уникальной эстетике и эстетической ценности. С точки зрения визуального выражения, упаковка, вдохновленная китайской эстетикой, обычно используется вместе с минималистской геометрической типографикой и технологией «белого пространства», образуя эстетическую систему, характеризующуюся «восточным минимализмом».

Матрица цифрового маркетинга является для брендов ключевым инструментом «проникновения через культурные барьеры». В условиях социальной платформы, управляемой алгоритмами, традиционная модель «запуск - клик - конверсия» уже не может соответствовать все более сложному

культурному контексту глобального рынка [7]. Поэтому бренды должны развивать способность к «культурным контекстным вычислениям»: использовать такие инструменты, как анализ семантических сетей и модели распознавания настроений, для определения эстетической чувствительности и ценностных предпочтений различных культурных регионов и корректировки семантической пригодности коммуникационного контента. Логика «воспроизводства культурного капитала» Бурдьё: сообщества – это не просто маркетинговые каналы, а динамичные пространства, где постоянно обсуждаются и воспроизводятся культурные идентичности [8]. Посредством стимулирования сообществ бренды превращают потребителей из «пользователей» в членов «контент-сообщества», создавая таким образом высоколипкую межкультурную коммуникационную сеть. Стремительный рост зарубежных пулов частного трафика стал для брендов основной позицией для повышения «липкости» пользователей. Глубокая культурная связь через механизм сообщества – основной путь к достижению долгосрочной лояльности к бренду.

Повествование об устойчивом развитии постепенно превращается в новый этический стандарт и конкурентный порог в мировой индустрии красоты. Если китайские косметические бренды хотят занять лидирующие позиции в глобальной цепочке создания стоимости, они должны превратить «экологическую ответственность» из обязательства по соблюдению норм в часть своих основных ценностей. Это отражается не только в дизайне продукции на уровне «альтернативной упаковки», «зеленого сырья», «углеродно-нейтральной цепочки поставок» и других конкретных операций, но и, что более важно, в упаковке этих технологических инициатив в культурное выражение, богатое восточной философией. Еще важнее то, что эти технологические инициативы упаковываются как культурные выражения с восточными философскими смыслами.

Если говорить о построении международной системы соответствия, то одной из основных проблем, с которой сталкиваются бренды, выходящие за рубеж, является строгое регулирование косметических ингредиентов и эффективности на европейском и американском рынках. Например, Регламент ЕС по косметике (ЕС № 1223/2009)[9] содержит четкие положения по управлению ингредиентами продукции, спецификации маркировки эффективности и запрет на проведение испытаний на животных. Из-за отсутствия систематической научной проверки некоторых растительных ингредиентов традиционная система знаний о травах

сталкивается с определенными препятствиями при принятии международных стандартов. Для решения этой проблемы китайские бренды могут создать «двухуровневый механизм дискурсивного реагирования»: на уровне научных исследований безопасность и эффективность китайских травяных лекарств могут быть проверены с помощью метаболомики, эпигенетики и других технологических средств, чтобы достичь научного выражения традиционных знаний; на уровне политики может быть создан механизм диалога между промышленными организациями и научно-исследовательскими институтами и международными стандартными платформами, чтобы постепенно способствовать выходу знаний китайской медицины на международную арену. На уровне политики был создан механизм диалога между промышленными организациями, научно-исследовательскими институтами и международными стандартными платформами для постепенного продвижения знаний о китайской медицине в международную систему обсуждения соответствия.

Кроме того, для мусульманского рынка стандарты «Халаль» – это не только отражение соответствия продукции требованиям, но и часть внутренней логики функционирования системы верований. Построение системы сертификации «Халаль», соответствующей нормам ислама, не должно ограничиваться только производственным процессом и цепочкой поставок, но и должно быть расширено до более глубокого встраивания культурного значения. Для этого компаниям необходимо изменить концепцию дизайна своей продукции в соответствии с культурной основой тахара, например, использовать не содержащие спирта, водостойкие, но легко удаляемые тональные средства, чтобы удовлетворить религиозную потребность в очистительных ритуалах перед поклонением.

Если смотреть в будущее, то основная логика конкуренции в мировой индустрии красоты претерпевает глубокую эволюцию. Речь идет не только об оптимизации дизайна продукции и коммуникационных стратегий, но и о перестройке когнитивной парадигмы в верхних звеньях цепочки создания стоимости и пользовательского опыта в нижних звеньях. Стратегия глобализации китайских косметических брендов должна быть сосредоточена на трех перспективных направлениях: интеграция технологий для создания инновационных ценностей, культурная коммуникация для развития эмоциональной связи и экологическое сотрудничество для формирования глобального влияния [10]. С точки зрения технологий, система

персонализированной настройки AI станет основным модулем системы обслуживания нового поколения. Предприятия смогут обучать точные алгоритмы качества кожи без прямого обмена исходными данными пользователей и способствовать внедрению формул по уходу за кожей для «тысяч людей». Более того, благодаря перекрестному анализу поведения пользователей и культурных переменных для формирования «портрета культурных предпочтений», что позволяет реализовать двустороннюю интеграцию разработки формул и культурного познания, можно предположить, что культурные алгоритмы станут важным инструментом для брендов в построении моста между культурной идентичностью и научной ценностью. коммуникаций.

Выводы

В условиях усложняющейся глобальной коммуникационной среды ключ к преодолению барьера культурного познания для китайских брендов лежит в создании механизма культурного перевода с возможностью кросс-культурной адаптации. Этот механизм отражается не только в адаптации визуальных и лингвистических символов, но и охватывает глубокое внедрение ценностей и динамическую эволюцию коммуникационной грамматики. На этой основе экологическая инновационная система, сосредоточенная на цифровых платформах, способствует установлению связей и синергии между предприятиями, технологическими платформами и культурными ресурсами, создавая тем самым устойчивую системную мощь для глобальной коммуникации. С точки зрения триединой синергетической модели «культурный резонанс – технологическая адаптация – институциональное признание», китайские косметические бренды выходят из прежних фрагментированных и унитарных путей продвижения и переходят к стратегической интеграции и систематическому выходу.

В будущем центр тяжести глобализационной конкуренции будет в большей степени сосредоточен на таких двойных точках, как «право на культурную интерпретацию» и «право на технический стандарт». С одной стороны, тенденция кастомизации и децентрализации, вызванная такими передовыми технологиями, как искусственный интеллект, виртуальная реальность и блокчейн, будет продолжать изменять когнитивную структуру восприятия потребителями эстетики, идентичности и доверия; с другой стороны, культурная коммуникация больше не ограничивается языковыми символами и продукцией, а скорее достигает глубокого вмешательства через составные пути кино и телеповествования, цифровые коллекции и сцены мета-вселенной. Если китайские косметические бренды смогут добиться более инклюзивного выражения глобальной коммуникации на уровне ценностей и овладеть правом формулировать стандарты в контексте новых технологий с помощью институциональных средств, они смогут взять на себя стратегическую инициативу в конкурентной борьбе мировой индустрии красоты. Глобализационная стратегия китайских косметических брендов не должна ограничиваться расширением доли рынка и тиражированием каналов сбыта, а должна быть направлена на построение парадигмы индустриальной цивилизации с восточными качествами. Эта парадигма должна быть совместима с логической эффективностью современной науки и техники, но при этом глубоко укоренена в этических традициях китайской культуры, в двойном измерении цивилизационного диалога и промышленного сотрудничества, формируя глобальную коммуникационную карту с эстетическим напряжением и культурной глубиной. Только так китайские бренды смогут не только участвовать в игре, но и стать формирователем правил и соавтором цивилизационных нарративов на новом витке глобальной культурной реконструкции.

Список источников

1. Фролова Е.Д., Андреева Е.Л., Беляева Ж.С. и др. Мировая экономика и международные экономические отношения: современное состояние, проблемы и основные тенденции развития: учебное пособие. 2016.
2. Суслов И.В. Инакомыслие как социокультурный феномен. (Дис.). 2011.
3. Чжан Ц.-В., Хэ Ц.-И. Путь к возрождению бренда для местных косметических компаний с точки зрения культуры «Гочао»// Современный бизнес. 2022. № 12. С. 12 – 14.
4. Шэнь Ч.-Ю. Краткий анализ цифрового маркетинга отечественной косметики в эпоху новых медиа. 2022. № 5. С. 11–16. DOI: 10.16834/j.cnki.issn1009-5292.2022.05.053.
5. Kali Y., Baram-Tsabari A., Schejter A. Learning in a networked society. New York: Springer International Publishing. 2019.
6. Нью С.-Ц. Исследование влияния контент-маркетинга на намерение потребителей в отношении бренд-коммуникации в контексте социальных сетей – на основе перспективы идентичности бренда: магистерская диссертация. Университет Ханчжоу Дяньцзы, 2020. 56 с.

7. Писарева Е.В. Инфлюенс-маркетинг как инструмент эффективной коммуникации в цифровой среде // *Beneficium*. 2023. № 4 (49). С. 85 – 91.
8. Бурдые П. Различение: Социальная критика суждения: пер. с фр. А.Т. Бикбова, Т.А. Дмитриева; под ред. А.Т. Бикбова. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2004. 352 с. ISBN 5-89329-673-X.
9. Savić S., Paunović J. Safety of cosmetic products in the light of European legislation: Cosmetic Regulation (EC) No 1223/2009 // *Arhiv za farmaciju*. 2018. Т. 68. № 5. С. 911 – 933.
10. Цзао Ф. Перспективные пути развития прямых продаж международной электронной торговли между Китаем и Россией // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2020. Т. 22. № 4. С. 44 – 59.

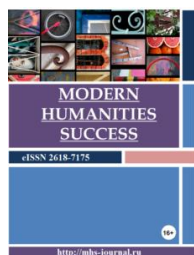
References

1. Frolova E.D., Andreeva E.L., Belyaeva Zh.S., et al. Global economy and international economic relations: current state, problems and main development trends: study guide. 2016.
2. Suslov I.V. Dissent as a socio-cultural phenomenon. (Diss.). 2011.
3. Zhang C.-W., He C.-Yi. The path to brand revival for local cosmetics companies from the point of view of the "Guochao" culture. *Modern business*. 2022. No. 12. P. 12 – 14.
4. Shen C.-Yu. Brief analysis of digital marketing of domestic cosmetics in the era of new media. 2022. No. 5. P. 11 – 16. DOI: 10.16834/j.cnki.issn1009-5292.2022.05.053.
5. Kali Y., Baram-Tsabari A., Schejter A. Learning in a networked society. New York: Springer International Publishing. 2019.
6. Niu S.-Ts. Research on the Impact of Content Marketing on Consumers' Intention Towards Brand Communication in the Context of Social Media - Based on the Brand Identity Perspective: Master's Thesis. Hangzhou Dianzi University, 2020. 56 p.
7. Pisareva E.V. Influence Marketing as a Tool for Effective Communication in the Digital Environment. *Beneficium*. 2023. No. 4 (49). P. 85 – 91.
8. Bourdieu P. Distinction: Social Critique of Judgment: trans. from French. A.T. Bikbova, T.A. Dmitrieva; edited by A.T. Bikbov. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 2004. 352 p. ISBN 5-89329-673-X.
9. Savić S., Paunović J. Safety of cosmetic products in the light of European legislation: Cosmetic Regulation (EC) No 1223/2009. *Arhiv za farmaciju*. 2018. Vol. 68. No. 5. P. 911 – 933.
10. Zao F. Promising ways of developing direct sales of international e-commerce between China and Russia. Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2020. Vol. 22. No. 4. P. 44 – 59.

Информация об авторе

Ли С., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-3203-6937>, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1042235169@pfur.ru

© Ли С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 008:130.2+392.81

Трапеза власти и порядка: сравнительная семиотика политики в китайских и русских банкетных ритуалах

¹ Ван Тянью,

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: статья посвящена компаративному исследованию семиотических механизмов политической легитимации, воплощённых в банкетных ритуалах китайской и российской культурных традиций. В центре анализа гастрономические практики как сложные семиотические системы, опосредующие властные отношения через символизацию иерархий и коллективных идентичностей. На стыке антропологии питания и политической семиотики автором исследуются исторические (императорские пиры, царские застолья) и современные кейсы (государственные приёмы, дипломатические банкеты), содержащие универсальные и культурно-специфические паттерны.

Структурный анализ фокусируется на пространственной семантике стола (расположение гостей, топография блюд), семиотике утвари (материал, форма, орнаменты) и жестовых кодах (тосты, ритуалы подачи), реконструируется их связь с космологическими моделями. Особый акцент сделан на трансформации ритуалов: от сакрализации власти через метафоры «небесного пира» в конфуцианской традиции до современных медийных репрезентаций банкетов как инструментов «мягкой силы». Сравнительный подход позволяет выявить, как пищевые коды, наследуя архаические пласты, адаптируются для конструирования политических нарративов в меняющихся исторических контекстах.

Ключевые слова: гастрономическая культура, семиотика, культурный код, сравнительный анализ

Для цитирования: Ван Тянью Трапеза власти и порядка: сравнительная семиотика политики в китайских и русских банкетных ритуалах // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 69 – 74.

Поступила в редакцию: 7 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

The meal of power and order: comparative semiotics of politics in Chinese and Russian banquet rituals

¹ Wang Tianyou,

¹ Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstracts: the article is devoted to a comparative study of semiotic mechanisms of political legitimisation embodied in banquet rituals of Chinese and Russian cultural traditions. The analysis focuses on gastronomic practices as complex semiotic systems mediating power relations through the symbolisation of hierarchies and collective identities. At the intersection of food anthropology and political semiotics, the author explores historical (imperial feasts, royal meals) and contemporary cases (state receptions, diplomatic banquets) containing universal and culturally specific patterns.

Structural analysis focuses on the spatial semantics of the table (the arrangement of guests, topography of dishes), the semiotics of utensils (material, shape, ornaments) and gesture codes (toasts, serving rituals), and reconstructs their connection with cosmological models. Special emphasis is placed on the transformation of rituals: from the sacralisation of power through metaphors of the 'heavenly feast' in the Confucian tradition to contemporary media representations of banquets as instruments of 'soft power'. The comparative approach reveals how food codes, inheriting archaic layers, are adapted to construct political narratives in changing historical contexts.

Keywords: gastronomic culture, semiotics, cultural code, comparative analysis

For citation: Wang Tianyou The meal of power and order: comparative semiotics of politics in Chinese and Russian banquet rituals. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 69 – 74.

The article was submitted: April 7, 2025; Approved after reviewing: June 5, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Пищевые практики, выходящие за рамки биологической необходимости, исторически выступают сложными семиотическими системами, кодирующими властные отношения и социальные иерархии. В контексте современных антропологических исследований еда перестаёт быть просто «топливом для тела» – она превращается в «текст», пронизанный политическими, экономическими и культурными кодами. В контекст обсуждения пищевой семиотики органично вписывается концепция Р. Барта, который в работе «Мифологии» [1] анализирует еду как культурный текст, где обычные продукты становятся носителями идеологических смыслов. На примере французского стейка он демонстрирует, как гастрономический объект превращается в «мифологический знак», символизирующий национальную жизненную силу и буржуазные ценности. Этот подход особенно продуктивен для сравнительного анализа пищевых кодов в разных культурах, где, подобно бартовскому «мифу», ритуальные блюда становятся материализованной метафорой коллективной идентичности. Сравнительный анализ китайской и русской гастрономических традиций в этом аспекте приобретает особую значимость, позволяя выявить универсальные механизмы конструирования власти через пищевые ритуалы. Проблематика пищевой семиотики получила широкое освещение в работах западных учёных. М. Фуко в «Надзирать и наказывать» [16] анализировал пищевые нормы как инструмент дисциплинарной власти, П. Бурдьё в «Различении» [3] рассматривал гастрономические предпочтения как маркеры социального капитала. В последние годы появилось множество исследований, посвящённых этой теме. Например, Г.С. Доржиева и Гао Цзяньго в своей работе отметили, что «пищевые ритуалы являются символическим отображением народных верований, традиционных знаний и коллективного опыта, актуальных для китайского общества, а также служат подтверждением его общественных ценностей» [9]. Данная тема также рассматривается в трудах Ли Сяотао, С.А. Колоды и Ван Цзы.

Китайская цивилизация, с её тысячелетней историей «ли» (ритуала), зафиксированной в классических трактатах вроде «Ли цзи» (礼记) [18], и русская культура, сформировавшаяся на пересечении православной аскетики и имперской роскоши,

представляют собой уникальные лаборатории для изучения гастрономической семиотики власти. Если в Китае «искусство стола» (食礼) стало инструментом легитимации мандата Неба, то в России застолье превратилось в театр имперской идентичности – от царских пиров до советских банкетов.

Проблема, связанная с гастрономической культурой и семиотикой политики, нашла отражение в теориях данных исследователей. Чжао Жунгуан в монографии «История китайской пищевой культуры» [17] детально реконструирована связь между ритуальными банкетами и политической легитимностью династий. Ван Жэньсян в работе «Археология ритуальной посуды» [4] доказывает, что бронзовые треножники «дин» эпохи Шан служили не просто кухонной утварью, а символами сакрального права на власть. Ю.М. Лотман в «Беседах о русской культуре» [13] раскрыл семиотику дворянских обедов как форму социальной коммуникации. Исследование «Русские традиционные праздники» [19] И.И. Шангиной продемонстрировало, как крестьянские застолья кодировали общинные ценности. С.В. Журавлёв проанализировал в «Феномене советской кухни» трансформацию пищевых практик в условиях социалистического эксперимента [10].

Однако кросс-культурные исследования в этой области остаются фрагментарными. Работы типа «Food and Power» фокусируются преимущественно на западноевропейском материале, тогда как диалог китайской и русской традиций до сих пор не получил системного осмысления.

Симбиоз космологических представлений и политической власти в древних китайской и русской традициях находил своё наиболее яркое выражение в ритуальных пищевых практиках, где каждый элемент трапезы превращался в иероглиф вселенского миропорядка. Сравнительный анализ этих систем позволяет выявить универсальные механизмы кодирования власти через гастрономическую семиотику.

Материалы и методы исследований

Методология данной статьи основана на синтезе сравнительной семиотики, историко-культурного анализа и теории ритуалов (В. Тернер, Ю.М. Лотман). Используются методы деконструкции материальных артефактов (ритуальная посуда, меню), анализа архивных источников и

междисциплинарной интерпретации (антропология, политология, искусствоведение).

Китай: Ли-ритуал как космическая модель

В китайской традиции, уходящей корнями в эпоху Шан-Инь (1600-1046 гг. до н.э.), ритуальные сосуды служили материальным воплощением «мандата Неба» (天命). Археологические находки из Аньяна демонстрируют строгую корреляцию между формой бронзовых треножников «дин» (鼎) и социальным статусом:

- Императорские динны высотой 120-150 см с четырьмя цилиндрическими ножками, украшенные мотивами таоте (饗饗纹) – мифического прожорливого существа, символизирующего поглощение хаоса [4].

- Аристократические сосуды высотой 60–80 см с тремя ножками в форме драконов, несущих на спинах черепах – знак связи с подземным миром.

В трактате «Ли цзи» детально прописана система жертвенных трапез:

«При жертвоприношении Небу используют быков рыжей масти; Земле – жёлтого; предкам – чёрного» [18].

Эта цветовая символика, как показал Чжао Жунгуан, отражала теорию пяти элементов: красный (огонь) – небо, жёлтый (земля) – центр, чёрный (вода) – подземный мир.

Эпоха Цин (1644-1912) довела эту систему до совершенства через институт маньчжурско-ханьских банкетов (满汉全席). Согласно меню 1793 года из архива Запретного города :

- 54 «северных» блюда (жаренье на углях) символизировали янскую энергию и воинскую доблесть маньчжуров.

- 54 «южных» (варка на пару) воплощали иньскую мудрость ханьцев.

В Московской Руси XV–XVII вв. царские пиры и обрядовые трапезы стали инструментом легитимации власти. Например, в «Домострое» (XVI в.) и записках иностранных дипломатов (Сигизмунд Герберштейн, Адам Олеарий) подробно описано, как ритуализированное застолье подчеркивало са-кральный статус государя [8].

Политическая символика:

Сакрализация власти:

- Царь как «помазанник Божий» возглавлял постные трапезы в церковные праздники (например, «Панагия» – обряд раздачи освященного хлеба после литургии). Это визуально связывало монарха с Христом, уподобляя его «хлебу небесному».

- Венчание на царство включало ритуальное вкушение мёда и вина из «царских чар» – символ

избранности (по летописи «Чин венчания Ивана IV», 1547 г.).

Иерархия через еду:

Рассадка и меню на пирах отражали «местничество». Бояре получали блюда в зависимости от чина: осетр «с груздем» для высшей знати, солёные огурцы – для низших (см. «Роспись царским кушаньям», 1610-1613 гг.).

Иностранные послы отмечали, что подача «перепечи» (ритуального пирога) царём гостю означала признание его статуса (записки Джерома Горсея, XVI в.).

Еда как дипломатия:

- Приём послов в Грановитой палате с угощением «заморскими винами» и лебедями демонстрировал богатство Руси. Отказ послов есть определённые блюда (например, свинину для мусульман) использовался как повод для политических конфликтов [7].

Иноземные послы оставили важные свидетельства. Сигизмунд Герберштейн в «Записках о Московии» фиксирует: «Когда великий князь вкушает, дьяк провозглашает: «Государь кушает, и вы, бояре, кушайте!» – и тогда все одновременно подносят ложки ко рту, как солдаты по команде» [7].

Этот синхронизированный жест, по мнению профессора Е.Е. Левкиевской, воспроизводил модель небесной литургии, где царь выступал как земной аналог Христа-Пантократора [12].

Петровские реформы превратили трапезу в инструмент политической семиотики. В указе 1721 года «О порядке ассамблей» предписывалось:

- Кофейная церемония как знак европеизации (кофейники с двуглавыми орлами работы тульских заводов).

- Ананасный этикет: привозные тропические фрукты сервировались только на столах сенаторов 1-го класса. Эта практика, подтверждаемая другими источниками, отражала политизацию быта в эпоху становления самодержавия.

На коронации Екатерины II (1762) символика имперской власти воплощалась через монументальные кулинарные сооружения. По свидетельству современников, на банкете подавали «пирог величиной с дом», украшенный фигурами, изображавшими подданные народы. Эта практика, возможно, вдохновлялась европейскими придворными спектаклями, такими как «живые аллегории» на праздниках Версаля [2].

Пространственная организация трапезы в древних китайской и русской культурах превращала обеденный зал в сложный семиотический текст, где каждая деталь – от геометрии стола до материала посуды – служила визуальным манифестом политической иерархии. Сравнительный анализ

этих систем позволяет выявить удивительные параллели в использовании гастрономического пространства как инструмента сакрализации власти, где сохранены уникальные культурные коды каждой цивилизации.

В китайской традиции эпохи Чжоу (1046-256 гг. до н.э.) банкетный зал являлся микрокосмом империи, материализуя концепцию «Небесного мандата» через строгую геометрию. Центральным элементом выступал восьмиугольный стол, чьи стороны символизировали восемь направлений света, подконтрольных Сыну Неба. Археологические находки из захоронения маркиза демонстрируют, как бронзовые треножки «дин» расставлялись по квадрантам, повторяя расположение звёздных созвездий: главный сосуд с изображением девяти драконов помещался строго на северной стороне, обращённой к трону, тогда как сосуды с мотивами фениксов и цилиней занимали восточный и западный сектора [4]. Эта система достигла апогея в эпоху Цин, когда маньчжурско-ханьские банкеты превращали Запретный город в съедобную карту империи: на северной стене, украшенной вышитыми драконами, возвышался нефритовый сосуд с супом «Фо-тяоцян», чьи 18 редких ингредиентов символизировали провинции Поднебесной, в то время как маньчжурские жареные блюда на серебряных подносах и ханьские паровые деликатесы в голубом фарфоре занимали противоположные стороны зала, материализуя политику «единства в многообразии».

В русской традиции пространственная организация трапезы формировала сложный топографический код, где каждое движение и расположение объектов материализовывали социальные отношения. Археологические данные из Новгородских раскопок (слои XIII-XIV вв.) демонстрируют строгую дифференциацию зон в боярских хоромы: «красный угол» с иконами и княжеским местом отделялся резной перегородкой от «служилой» части зала, где на дубовых лавках без спинок рассаживались младшие дружинники. Эта модель достигает апогея в эпоху Московского царства, когда согласно «Домострою» (глава 43 «О столовом обиходе») расстояние от государя до сотрапезников измерялось не шагами, а «чинами» – каждые три локтя (около 1.5 м) соответствовали понижению на один ранг в местнической системе.

Церемониал царских обедов XVI-XVII вв., детально описанный голландским купцом Исааком Массой в «Московских хрониках», превращал стол в микрокосм империи: золотая посуда с двуглавыми орлами формировала центральную ось, от которой радиально расходились серебряные блюда удельных князей, оловянные тарелки слу-

жилых людей и деревянные миски «чёрных людей» [7].

Особую роль в обеих культурах играла семиотика посуды, превращавшая материал и декор в визуальный код статуса. В Китае императорские пиры эпохи Мин использовали жёлтый глазурованный фарфор с пятикоготными драконами – привилегия, закреплённая императорским указом 1391 года, где предписывалось «разбивать любой сосуд, дерзнувший превысить установленную меру украшений» (《大明會典》, 卷五十一). Напротив, русские цари XVII века демонстрировали власть через сложную игру светоотражения: золотые кубки работы кремлёвских мастеров, инкрустированные рубинами, специально ставились под люстры так, чтобы слепящие блики затмевали лица придворных, – приём, описанный в дневниках голштинского посла Адама Олеария (1636 г.).

Ритуальные жесты за столом довершали этот пространственный театр власти. В Китае чиновники, удостоенные чести присутствовать на императорском пиру, обязаны были совершить «саньсяньли» – три церемониальных поклона с чашей в руках, каждый из которых символизировал этапы конфуцианской добродетели: преданность, сыновнюю почтительность и мудрость. В России аналогичную роль играл обряд «царской чаши».

Результаты и обсуждения

Таким образом, сравнительный анализ китайских и русских гастрономических ритуалов эпохи древности и Средневековья демонстрирует, что пища никогда не была просто физическим субстратом – она выступала сложным семиотическим конструктом, сплетающим воедино космологические представления, политические амбиции и социальные иерархии. Если китайская традиция, укоренённая в конфуцианском идеале «ли» (ритуала), превращала банкет в микрокосм имперской гармонии, то русская культура, балансируя между православной аскезой и имперской роскошью, создавала театр сакральной власти, где каждый кусок хлеба становился причастием державного величия. В китайской традиции, как показал Чжао Жунгуан, ритуальные сосуды эпохи Шан-Инь с их зооморфными узорами выполняли функцию «съедобных карт»: драконы на ножках треножников «дин» обозначали связь с подземным миром, фениксы на тулове – земное царство, облачные мотивы на крышке – небесную сферу [17]. Этот принцип достиг совершенства в маньчжурско-ханьских банкетах Цин, где географическое происхождение ингредиентов (северные грибы, южные морепродукты) визуализировало идею «вселенской империи». В России аналогичную роль играла структура православной трапезы: пасхаль-

ный кулич с его дрожжевым «воскрешением» уподоблялся телу Христову, а строгая последовательность блюд от постных шей до скоромной ветчины воспроизводила годовую цикличность церковного календаря. Как отмечает Б.А. Успенский [15], даже простонародные блины Масленицы с их соляной символикой становились «съедобными иконами» царской власти.

Архитектура застолья в обеих культурах превращалась в материализованный текст социальных отношений. Китайские восьмиугольные столы эпохи Тан, строго ориентированные по сторонам света, не просто отражали космологическую модель – они предписывали порядок взаимодействия: чиновники высших рангов занимали северные места «под защитой Полярной звезды», а военные сановники располагались на западе, символизируя оборону границ [4]. В русских гридницах XVI века радиальная структура, исходящая от царского места, превращала трапезу в «солнечную систему»: бояре ближней думы сидели в первых трёх рядах, подобно планетам, тогда как провинциальные дворяне теснились у дверей, подобно кометам на окраинах мироздания. Петровские реформы, установившие европейский принцип ранжирования за столом по чинам, сохранили эту символику, но перевели её на язык абсолютизма: серебряные судки с вензелями и фарфоровые сервизы с двуглавыми орлами стали визуальными маркерами новой имперской идентичности. Телесные практики за столом превращались в ин-

струмент политической дисциплины. В Китае конфуцианский принцип «не протягивай руку дальше трёх цуней» (《礼记·曲礼》) регламентировал не только этикет, но и социальную дистанцию: использование длинных бамбуковых палочек для взятия пищи с центральных блюд символизировало дистанцированность элиты от «грязного» процесса распределения. В России, как показывает И.И. Шангина, ритуал «целования края царской чаши» превращал физический контакт с монаршей посудой в акт политического инкорпорирования – губы боярина, коснувшиеся места, где пил государь, как бы впитывали частицу его сакральной власти [19].

Выводы

Современные реконструкции исторических банкетов в Пекине и Москве демонстрируют удивительную живучесть этих архаических кодов. Китайские «императорские ужины» с их точным воспроизведением меню эпохи Цин и российские «царские обеды» с копиями посуды из Оружейной палаты не просто коммерческие аттракционы, а попытки ревитализации традиционных механизмов легитимации через гастрономическую ностальгию. Даже в эпоху молекулярной кухни, когда дегидрированные «облака» из соевого соуса имитируют древние лаковые шкатулки, а борщ подаётся в форме сфер, базовые принципы сохраняются: еда остаётся текстом, где власть пишется съедобными иероглифами.

Список источников

1. Барт Р. Мифологии: пер. с франц. С. Зенкина. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1972. С. 85 – 88.
2. Берк П. Создание Людовика XIV: пер. с англ. М.: Yale University Press, 1994. С. 120.
3. Бурдьё П. Различение: Социальная критика суждения: пер. с франц. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2004. С. 120 – 150.
4. Ван Жэньсян. Исследование древнекитайских столовых приборов. Пекин: Наука, 2010. С. 81 – 118.
5. Ван Цзы. Развитие императорской кухни как элитарной части гастрономической культуры Китая // Общество: философия, история, культура. 2021. № 12 (92).
6. Гваньини А. Московия: Сочинение итальянского наёмника XVI века: пер. с лат. Г.Г. Козловой. М.: Альфа-книга, 2019. 288 с. ISBN 978-5-9922-3011-4.
7. Герберштейн С. Записки о Московии [Rerum moscoviticarum commentarii]: пер. с лат. И. Анонимов. Базель: 1556; СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1866. С. 258.
8. Домострой: Литературные памятники / подгот. В.В. Колесов, В.В. Рождественская. 2-е изд. М.: Наука, 2007. 400 с. ISBN 978-5-02-034678-5.
9. Доржиева Г.С., Гао Цзяньго Лингвосомиотическое содержание и функциональные характеристики пищевых ритуалов (на примере китайских гастронимов) // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 60 – 72.
10. Журавлёв С.В. Феномен советской кухни. М.: РОССПЭН, 2017. С. 100 – 148.
11. Колода С.А., Ли Сяотао Национальная кухня Китая как культурный код (часть 2) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29).
12. Левкиевская Е.Е. Символика пищи в славянской традиции. М.: РГГУ, 2012. С. 50 – 80.
13. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство-СПб, 1994. С. 200 – 230.
14. Олеарий А. Дневник голштинского посла. 1636 г.: пер. М. П. Алексеева. М.: Наука, 1986. С. 280.

15. Успенский Б.А. Культ Николая на Руси // Языки культуры. М.: Школа, 1987. С. 100 – 145.
16. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы: пер. с франц. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. С. 318.
17. Чжао Жунгуан История китайской пищевой культуры. Пекин: Народное издательство, 2006. С. 90 – 130.
18. Чжан Шилиан, Чжун Чжаопэн, Чжоу Гуйдянь Весенние и осенние анналы. Пекин: Китайский книжный магазин, 2012. С. 78.
19. Шангина И. И. Русские традиционные праздники. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 180 – 210.

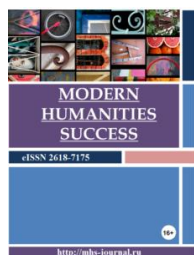
References

1. Barthes R. Mythologies: trans. from French by S. Zenkin. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1972. P. 85 – 88.
2. Burke P. The Creation of Louis XIV: trans. from English. Moscow: Yale University Press, 1994. Pp. 120.
3. Bourdieu P. Distinction: Social Critique of Judgment: trans. from French. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia, 2004. P. 120 – 150.
4. Wang Renxiang. A Study of Ancient Chinese Cutlery. Beijing: Science, 2010. P. 81 – 118.
5. Wang Zi. The Development of Imperial Cuisine as an Elite Part of China's Gastronomic Culture. Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 12 (92).
6. Guagnini A. Muscovy: The Work of an Italian Mercenary of the 16th Century: trans. from Latin by G.G. Kozlova. Moscow: Alfa-book, 2019. 288 p. ISBN 978-5-9922-3011-4.
7. Herberstein S. Notes on Muscovy [Rerum moscoviticarum commentarii]: trans. from Latin by I. Anonymous. Basel: 1556; St. Petersburg: Type. V. Bezobrazova and K. °, 1866. P. 258.
8. Domostroy: Literary Monuments. prepared by V.V. Kolesov, V.V. Rozhdestvenskaya. 2nd ed. Moscow: Nauka, 2007. 400 p. ISBN 978-5-02-034678-5.
9. Dorzhieva G.S., Gao Jianguo Semio-linguistic content and functional characteristics of food rituals (on the example of Chinese gastronomy). Bulletin of Moscow University. Series 19, Linguistics and Intercultural Communication. 2022. No. 4. P. 60 – 72.
10. Zhuravlev S.V. Phenomenon of Soviet cuisine. Moscow: ROSSPEN, 2017. P. 100 – 148.
11. Koloda S.A., Li Xiaotao National cuisine of China as a cultural code (part 2). Upper Volga Philological Bulletin. 2022. No. 2 (29).
12. Levkieskaya E.E. Symbolism of food in the Slavic tradition. M.: RSUH, 2012. Pp. 50 – 80.
13. Lotman Yu.M. Conversations about Russian culture. SPb.: Iskusstvo-SPb, 1994. Pp. 200 – 230.
14. Olearius A. Diary of the Holstein Ambassador. 1636: trans. M. P. Alekseev. M.: Nauka, 1986. P. 280.
15. Uspensky B.A. The Cult of St. Nicholas in Rus'. Languages of Culture. M.: Shkola, 1987. P. 100 – 145.
16. Foucault M. Supervise and Punish: The Birth of Prison: trans. from French by V. Naumov. M.: Ad Marginem, 1999. P. 318.
17. Zhao Rongguang History of Chinese Food Culture. Beijing: People's Publishing House, 2006. P. 90 – 130.
18. Zhang Shiliang, Zhong Zhaopen, Zhou Guidian Spring and Autumn Annals. Beijing: Chinese Bookstore, 2012. P. 78.
19. Shangina I.I. Russian Traditional Holidays. St. Petersburg: Azbuka-classic, 2008. P. 180 – 210.

Информация об авторе

Ван Тянью, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

© Ван Тянью, 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 327.2

Освещение в зарубежных СМИ избирательной кампании выборов на пост Президента США 2024 г.

^{1, 2, 3, 4} *Абуева Н.А., ⁵ Абуев У.А., ⁶ У Яньцю, ^{3, 4} Бузелю А.С.,*

¹ *Институт европейских языков,*

² *Чжэцзянский университет иностранных языков Юесю, Китай,*

³ *Университет «Туран», Республика Казахстан,*

⁴ *Высшая школа медиа и межкультурной коммуникации,*

⁵ *Казахский государственный женский педагогический университет, Республика Казахстан,*

⁶ *Институт иностранных языков, Университет Тайчжоу, Китай*

Аннотация: статья посвящена анализу освещения избирательной кампании на пост Президента США 2024 г. в ведущих зарубежных СМИ. Актуальность исследования обусловлена ростом влияния международных медиа на формирование представлений о политических процессах в США и их воздействием на глобальное общественное мнение. Цель работы – выявить ключевые тематические и тональные особенности зарубежного новостного дискурса о выборах 2024 г. Для исследования применялись методы контент- и фрейм-анализа. Были отобраны публикации в 15 ведущих печатных и онлайн-изданиях из трёх регионов (Европа, Азия, Ближний Восток) за период с января по ноябрь 2023 г. Всего проанализировано более 1 200 материалов. Каждому тексту присваивался код по тематике (экономика, внешняя политика, социальные вопросы и т.д.), по преобладающему тону (позитивный, негативный, нейтральный) и по используемым фреймам (конфронтация, сотрудничество, непредсказуемость). В европейских СМИ доминировали темы трансатлантических отношений и климатической повестки, при этом тон публикаций был преимущественно нейтрально-критическим в отношении кандидата Дональда Трампа и умеренно позитивным по отношению к Джо Байдену. Азиатские издания фокусировались на вопросах торговли и политики в отношении Китая, часто демонстрируя настороженно-конфликтный тон в описании потенциальных изменений курса при Трампе. В СМИ Ближнего Востока основное внимание уделялось миграционной политике и международной безопасности, при этом материалы склонялись к драматизации возможных рисков. Общая тональность в большинстве регионов характеризовалась как сбалансированная, однако с заметными региональными и идеологическими вариациями.

Ключевые слова: зарубежные СМИ, избирательная кампания, президентские выборы США 2024, медиа-освещение, международный анализ

Для цитирования: Абуева Н.А., Абуев У.А., У Яньцю, Бузелю А.С. Освещение в зарубежных СМИ избирательной кампании выборов на пост Президента США 2024 г. // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 75 – 81.

Поступила в редакцию: 7 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Coverage of the 2024 U.S. Presidential Election Campaign in foreign media

^{1, 2, 3, 4} Abueva N.A., ⁵ Abuev U.A., ⁶ Wu Yanqiu, ^{3, 4} Buzelo A.S.,
¹ Institute of European Languages,
² Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, China,
³ Turan University, Republic of Kazakhstan,
⁴ Graduate School of Media and Intercultural Communication,
Institute of Foreign Languages, Taizhou University, China

Abstract: this article is devoted to an analysis of the coverage of the 2024 U.S. presidential election campaign in leading foreign media outlets. The relevance of the study stems from the growing influence of international media on the formation of perceptions about political processes in the United States and their impact on global public opinion. The objective of the paper is to identify the key thematic and tonal characteristics of foreign news discourse on the 2024 elections. The study employed content and frame analysis methods. Publications from 15 leading print and online outlets across three regions (Europe, Asia, Middle East) for the period from January to November 2023 were selected. In total, more than 1,200 materials were analyzed. Each text was assigned codes by theme (economy, foreign policy, social issues, etc.), predominant tone (positive, negative, neutral), and the frames used (confrontation, cooperation, unpredictability). In European media, topics of transatlantic relations and the climate agenda dominated, with the tone of publications being predominantly neutrally critical toward candidate Donald Trump and moderately positive toward Joe Biden. Asian outlets focused on trade issues and policy toward China, often displaying a wary and conflictual tone when describing potential shifts in course under Trump. In Middle Eastern media, primary attention was given to migration policy and international security, with coverage tending to dramatize possible risks. Overall tonality in most regions was characterized as balanced, albeit with noticeable regional and ideological variations.

Keywords: foreign media, election campaign, 2024 U.S. presidential election, media coverage, international analysis

For citation: Abueva N.A., Abuev U.A., Wu Yanqiu, Buzelo A.S. Coverage of the 2024 U.S. Presidential Election Campaign in foreign media. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 75 – 81.

The article was submitted: April 7, 2025; Approved after reviewing: June 5, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Избирательная кампания на пост Президента США в 2024 году привлекла к себе исключительное внимание зарубежных СМИ, поскольку на кону стоит не только будущее американской внутренней политики, но и глобальное распределение сил. Уже на предварительной стадии гонки наблюдатели подчеркнули высокую степень поляризации общества, которая сказывается на том, как различные кандидаты доносят свои идеи до избирателей. При этом репортажи издания публикуют зачастую информацию, ориентируясь не только на фактические заявления политиков, но и на общественные ожидания, сформировавшиеся за последние выборные циклы. Многие европейские журналисты указывают, что в этот раз ключевой фактор – отношение к вопросам экономики и социальной стабильности [8]. Несмотря на то что массовые акции протеста вокруг вопросов расового неравенства и миграции несколько снизили свою интенсивность, отрицать их влияние на общую политическую атмосферу не представляется возможным. Значение этого контекста подчеркивается экспертами, которые рассматривают внешние и внутренние факторы в

совокупности, чтобы дать прогноз потенциального влияния результатов выборов на глобальную экономику. И хотя эта кампания лишь приближается к кульминации, зарубежные СМИ уже активно формируют у своих аудиторий ожидания относительно победителя и его политической повестки.

Материалы и методы исследований

Многие политические обозреватели подчеркивают, что в предстоящей гонке ключевые дебаты будут сосредоточены вокруг вопросов внешней политики США. Учитывая, что международная ситуация характеризуется нестабильностью в разных регионах, позиция будущего президента по таким вопросам, как поддержка союзников, участие в военных блоках и санкционное давление, станет определяющей. С другой стороны, зарубежные СМИ из Латинской Америки больше акцентируют внимание на миграционной политике, так как от неё напрямую зависит жизнь миллионов людей, пересекающих границы для поиска лучшей доли [3]. Многие журналисты обращают внимание и на то, как кандидаты выстраивают риторику, направленную либо на ужесточение миграционного законодательства, либо на его либерализацию. В

этом контексте отдельные авторы указывают, что будущее взаимодействие США с государствами Южной и Центральной Америки может кардинально измениться и повлиять на торговые отношения и геополитический баланс сил. При этом ряд европейских ресурсов рассматривает вопрос миграции в сочетании с проблемами глобального потепления и доступности природных ресурсов, пытаясь связать эту тему с перспективными направлениями развития американской экономики. Подобное комплексное освещение затрагивает и вопросы национальной безопасности США, которая формируется на стыке внутренних и внешних факторов.

Результаты и обсуждения

В азиатском регионе, особенно в Китае и Японии, тему президентских выборов США 2024 года нередко преподносят через призму торговых войн и технологического противостояния. Медиа указывают, что от победы конкретного кандидата может зависеть дальнейшее развитие вопросов, связанных с экспортом высокотехнологичной продукции и контролем над стратегически важными отраслями [4]. При этом китайские эксперты часто связывают американские выборы с перспективами политики «изготовления внутри страны», которая частично ограничивает доступ на рынок США для иностранных компаний. Такие тенденции напрямую затрагивают интересы крупных азиатских корпораций, что делает освещение выборов особенно детальным и аналитически насыщенным. В японском дискурсе можно встретить более сдержанные комментарии, где основное внимание уделяется возможности укреплять экономические связи с США путём соглашений о свободной торговле и совместных научно-исследовательских проектах. Однако, как отмечают некоторые западные журналисты, международная напряженность, связанная с Тайванем, может стать тем фактором, который существенно повлияет на внешнеполитические приоритеты нового президента. В конечном счете данные процессы служат не только фоном, но и катализатором для многих электоральных заявлений, так как кандидаты вынуждены реагировать на волнующие нацию глобальные вызовы.

Активная роль социальных сетей в предвыборных кампаниях США уже стала неотъемлемой характеристикой выборов, и зарубежные СМИ уделяют этому феномену немалое внимание. Репортажи подчеркивают, что благодаря социальным платформам политические месседжи молниеносно распространяются по всему миру, оказывая влияние на международное

общественное мнение [10]. Кроме того, отдельные европейские издания обращают внимание на феномен «фейковых новостей» и манипуляций в цифровом пространстве, которые могут повлиять не только на избирателей внутри США, но и на восприятие Америки за рубежом. В частности, журналисты Германии и Франции озабочены тем, что разрастающиеся цифровые сети дезинформации подогревают антиамериканские настроения и усиливают скептицизм по отношению к традиционным институтам демократии. При этом в некоторых азиатских странах, например, в Южной Корее, интерес к американским выборам сопровождается дискуссиями о роли местных социальных платформ и степени их доступности для зарубежных политических рекламных кампаний. Наблюдатели предостерегают, что расширение возможностей политического таргетинга создаёт новые риски вмешательства во внутреннюю политику других государств. В целом же, этот цифровой аспект современной политики рассматривается как фактор, способный как укреплять, так и подрывать доверие к выборам.

Особое внимание зарубежные СМИ уделяют личностям лидирующих кандидатов и их окружению. Многие издания делают исторические параллели, сравнивая текущую кампанию с предыдущими выборами, когда неожиданные повороты сюжета приводили к смене расстановки сил в самый последний момент [9]. По мнению политологов, подобные внезапные перемены часто обусловлены не только внутренними экономическими факторами, но и глобальной конъюнктурой. Например, критические ситуации в здравоохранении или в сфере экологии могут радикально сдвигать настроение избирателей, а вместе с ним и тон зарубежных публикаций. Таким образом, личные качества кандидата – его способность к оперативной реакции на непредвиденные обстоятельства, умение общаться с разными социальными группами и презентовать программу привлекательным образом – становятся объектом постоянного анализа. При этом важность команды экспертов и советников, которая стоит за каждым лидером, также фигурирует в статьях многих региональных СМИ, подчёркивая, что президент США не может в одиночку формировать все решения. Читатели этих материалов часто сталкиваются и с критическим взглядом, который фокусируется на недостатке опыта или противоречиях в биографиях претендентов.

Одной из дискуссионных тем остаётся вопрос вмешательства зарубежных сил в американские

выборы. В медиа периодически появляются материалы, которые обвиняют те или иные государства в попытках повлиять на ход политической кампании, используя кибератаки, дезинформацию или лоббистские механизмы [7]. Эта риторика, естественно, становится актуальной в первую очередь в самих Соединённых Штатах, где нередко возникает волна публикаций о необходимости ужесточения законодательства в сфере интернет-безопасности и контроля за иностранными финансовыми потоками. Однако зарубежные СМИ тоже не остаются в стороне, поскольку подобные обвинения или подозрения затрагивают и их собственные государства. В ряде случаев иностранные обозреватели отвергают обвинения, заявляя, что это очередной приём политической борьбы внутри США, где каждая партия пытается обвинить другую в связях с внешними врагами. Но есть и те, кто признаёт реальность проблемы, указывая, что в современном мире информационные кампании могут вестись с разных континентов и с непредсказуемыми результатами. Насколько эти подозрения действительно повлияют на исход выборов, остаётся открытым вопросом, который активно обсуждается в глобальном медиапространстве.

Немаловажную роль в формировании международного общественного мнения об американских выборах играет и тот факт, что сам избирательный процесс в США довольно сложен. Зарубежные корреспонденты продолжают объяснять своим аудиториям механизм электронного голосования в некоторых штатах, феномен «перевешивающих» штатов и принципы системы выборщиков [2]. Наблюдается также детальное описание политических праймериз, где на этапе внутренних партийных споров кандидаты пытаются найти компромиссные решения, чтобы понравиться одинаково и умеренным, и радикально настроенным группам. Европейская пресса, в частности, подчёркивает, что такая система может вызывать недоумения у читателей, привыкших к прямым выборам по принципу «один человек — один голос». Журналисты подробно освещают, каким образом эта специфика влияет на стратегию ведения кампании, поскольку кандидаты вынуждены концентрироваться именно на тех штатах, где исход голосования наиболее непредсказуем. Подобный акцент на избирательном процессе формирует у мировой публики более глубинное понимание того, почему борьба в США зачастую имеет вид яркого спектакля с участием огромных финансовых и организационных ресурсов.

В контексте международных отношений многие СМИ уделяют внимание тому, как будущий лидер США будет выстраивать взаимодействие с ведущими державами, включая Китай, Россию, страны ЕС. При этом в западноевропейской прессе преобладает точка зрения, что США останутся главным гарантом безопасности в рамках НАТО, хотя и с возможной переоценкой собственной роли и финансовых затрат [1]. Для стран Центральной и Восточной Европы такой аспект особенно важен в свете нестабильной ситуации на восточных границах и необходимости сдерживания потенциальных угроз. В свою очередь, Россия занимает особое место в дискурсе, посвящённом выборам в США, поскольку многим зарубежным наблюдателям интересно, увеличится или уменьшится интенсивность санкционной политики, продолжатся ли переговоры по вопросам стратегической стабильности. С другой стороны, азиатский регион концентрируется на экономических вопросах, считая, что новая администрация, кем бы она ни была, продолжит политику сдерживания экспорта критически важных технологий, в особенности связанных с искусственным интеллектом и производством полупроводников. Тем временем СМИ из ряда ближневосточных стран ожидают пересмотра подходов к урегулированию конфликтов в регионе, поскольку обещания некоторых кандидатов предполагают значительное сокращение военных операций за рубежом.

Пандемия коронавируса и её последствия до сих пор влияют на политическую жизнь США и, соответственно, становятся важным элементом зарубежного освещения кампании 2024 года. В некоторых изданиях, особенно в странах, переживших тяжёлые волны пандемии, подчёркивается, что выборы могут стать своеобразным референдумом по поводу эффективности мер, предпринятых предыдущей администрацией [4]. В то же время часть аналитиков указывает, что COVID-19 уже не занимает верхние строчки повестки, поскольку экономическая стабилизация и высокие темпы вакцинации в ряде развитых государств сместили акценты в пользу обсуждения инфляции и социальной защиты. Таким образом, пандемия постепенно теряет статус главной темы, однако её «шлейф» продолжает влиять на динамику доверия к государственным институтам. Это проявляется в дебатах об объёмах бюджета на здравоохранение и социальные программы, а также в вопросах о том, стоит ли США возвращаться к концепции глобальной кооперации в области медицины. Для

зарубежных наблюдателей этот аспект важен не только с точки зрения здоровья населения, но и в свете дальнейшего сотрудничества в сфере научных исследований, обмена данными и совместного противодействия новым возбудителям.

Не менее значимым кажется и вопрос о роли климатической повестки в речах кандидатов, что в зарубежных СМИ часто подаётся как проверка готовности США к глобальным вызовам. Европейские страны в этом плане традиционно уделяют внимание Парижскому соглашению, поэтому их журналисты стараются оценить, кто из претендентов на президентский пост поддерживает «зелёную» энергетику и какие меры предлагает для снижения выбросов углекислого газа [15]. В странах Азии, особенно в прибрежных районах, активно обсуждают последствия изменения климата и связывают это с продолжительностью участия США в соответствующих многосторонних инициативах. При этом замечается, что в электоральной гонке в самих Штатах климатическая тема может отступать на второй план из-за внутренних экономических вопросов. Однако многие зарубежные экологи предупреждают, что без участия США в общемировых усилиях результативность программы по стабилизации климата может оказаться недостаточной, что добавляет ещё один уровень напряжения в ожиданиях мирового сообщества. Это подтверждается тем, что крупные медиаресурсы в Европе и Азии продолжают публиковать экспертные колонки и аналитические статьи о том, как политика будущего президента повлияет на глобальные усилия по борьбе с климатической катастрофой.

Неотъемлемой частью освещения становятся и вопросы социального равенства, особенно гендерного и расового, которые за последние годы приобрели дополнительную актуальность. Журналисты за пределами США фиксируют, как кандидаты реагируют на призывы к полицейской реформе и реформе уголовного правосудия [5]. С одной стороны, зарубежные информагентства расширяют понимание этих проблем, рассматривая их через призму прав человека и международного права. С другой стороны, для иностранных наблюдателей важно, какую политику предложит возможный победитель: усиление социальных программ, расширение доступа к образованию для меньшинств или, наоборот, жёсткую консервативную линию. В некоторых арабских и африканских СМИ эту тематику соотносят с собственной ситуацией, видя

в американских реформах потенциальную модель для себя, хотя и адаптируя её к местным условиям. При этом освещение нередко сопровождается историями людей, проживающих в США, которые делятся личным опытом и дают понять, что на фоне громких политических лозунгов реальный прогресс может идти медленно и сталкиваться с сопротивлением различных групп интересов. Таким образом, всегда присутствует напряжение между риторическими обещаниями и институциональными изменениями.

Средства массовой информации стран Южной Америки также рассматривают американские выборы как фактор, влияющий на экономическую кооперацию в регионе. Часто можно встретить материалы, где делается упор на Нафту и её переформатированные аналоги, поскольку торговые соглашения между США, Канадой и Мексикой напрямую влияют на экономические потоки во всём западном полушарии [6]. В бразильской прессе обсуждают, как политика нового президента может отразиться на сельскохозяйственном экспорте, а в аргентинских аналитических колонках сравнивают разные сценарии развития экономической конкуренции. Одновременно некоторые колумнисты предупреждают, что без гибкой дипломатии и взаимопонимания с Южной Америкой США рискуют уступить часть своего влияния странам, претендующим на новую роль в глобальной торговле. Всё это рождает комплексную картину, где избирательная кампания в Соединённых Штатах становится уже не только американской внутренней историей, а приобретает общепланетарный масштаб. Однако, как отмечают специалисты, интерес к этому событию естественно подпитывается и тем, что США остаются значимым мировым игроком с обширными международными обязательствами и партнёрствами.

Определённую специфику несёт в себе и отражение электоральной борьбы в российских СМИ, где внимание сосредоточено на политике санкций, дипломатической риторике и военном потенциале США. Некоторые публикации анализируют заявления кандидатов, касающиеся возможного смягчения или ужесточения санкционных списков, а также перспективы переговоров по контролю над стратегическими вооружениями [1]. В российских политических шоу и аналитических программах часто делается упор на том, что выборы являются внутренней американской повесткой, однако их исход затрагивает весь мир. В то же время определённая часть материалов стремится показать, что США

переживают внутренние кризисы, которые ослабляют их лидерские позиции. Эта точка зрения, разумеется, не единодушна и в самом российском обществе, но в ряде случаев преобладает именно критический взгляд на американскую демократию. С другой стороны, независимые наблюдатели подчеркивают, что результирующий вектор отношений Россия

США будет во многом зависеть не только от итогов голосования, но и от общей геополитической конъюнктуры, которая зачастую развивается независимо от смены президентов. Вследствие этого российское медиапространство соотносит предстоящие выборы с более широким контекстом мировой безопасности и экономики.

Выводы

Часть авторитетных международных изданий публикует материалы, в которых выборы в США рассматриваются сквозь призму исторического развития. Они напоминают, что американская демократия прошла через множество этапов – от

борьбы за права женщин и афроамериканцев до формирования институтов контроля за исполнительной ветвью власти. Поэтому грядущие выборы становятся очередной проверкой на прочность для системы, которая, несмотря на все несовершенства, постоянно эволюционирует [4] уже появлялся, но сейчас речь об исторической оптике. В Европе, где также есть вековые традиции парламентаризма, проводят параллели с собственной историей реформ, подчеркивая, что каждая страна переживает уникальный путь развития. Вопрос в том, станет ли 2024 год очередной вехой, которая даст толчок к обновлению демократических институтов и укреплению международного сотрудничества, или же приведёт к ещё большей внутренней поляризации и эскалации конфликтов. Подобные размышления проецируют значительную степень неопределённости, при этом указывая на постоянный характер динамики политической системы США.

Список источников

1. Борисенко В.И., Чернышева Е.Н. Выборы президента Российской Федерации 2018. Этапы избирательной кампании // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 9. С. 16 – 25.
2. Володин А.Г., Чудодеев А.Ю. Прощальным костром догорает эпоха // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 4 (10). С. 9 – 19.
3. Зенухина Л.В. Освещение предвыборной президентской кампании 2004 г. российскими общественно-политическими изданиями (на примере газеты "Комсомольская правда") // Материалы научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. 2004. № 1. С. 202 – 205.
4. Илюхина Е.В. Президентские выборы 1872 г. в США в отражении политической карикатуры: Томас Наст против Мэтта Моргана // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Курск, 2019. С. 326 – 348.
5. Карицкая Л.Ю. Освещение избирательных кампаний средствами СМИ // В сборнике: Современные информационные и коммуникативные технологии в глобальном мире: вызовы и возможности. Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. Главный редактор Л. В. Савченко. 2017. С. 205 – 207.
6. Лафитский В.И. Президентские выборы США 2016 года // Избирательное законодательство и практика. 2017. № 1. С. 20 – 22.
7. Лютиков М.Ю. Предвыборная борьба перед вторым туром президентских выборов 1996 г. // Клио. 2015. № 2 (98). С. 120 – 126.
8. Мостяев Ю.Н. Выборы в Госдуму VII созыва: итоги и оценки // Выборы: теория и практика. 2016. № 3 (39). С. 16 – 21.
9. Полканов В.Д. Фальсификация истории СССР как метод предвыборной борьбы за голоса электората // Омский научный вестник. 2007. № 2 (54). С. 214 – 219.
10. Рогова Н.В., Рогов С.М. Первый этап избирательной кампании в США. Март 2024 // Россия и Америка в XXI веке. 2024. № 3. С. 1.

References

1. Borisenko V.I., Chernysheva E.N. Elections of the President of the Russian Federation 2018. Stages of the election campaign. Social and humanitarian knowledge. 2018. No. 9. P. 16 – 25.
2. Volodin A.G., Chudodeev A.Yu. The era burns out like a farewell fire. Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World. 2016. No. 4 (10). P. 9 – 19.
3. Zenukhina L.V. Coverage of the 2004 presidential election campaign by Russian socio-political publications (using the Komsomolskaya Pravda newspaper as an example). Proceedings of the scientific conference of students, master's students, postgraduates and students of lyceum classes. 2004. No. 1. P. 202 – 205.
4. Ilyukhina E.V. The 1872 US Presidential Election as Reflected in Political Cartoons: Thomas Nast vs. Matt Morgan. American Studies: Current Approaches and Modern Research. Interuniversity Collection of Scientific Papers. Kursk, 2019. P. 326 – 348.
5. Karitskaya L.Yu. Coverage of Election Campaigns by the Media. In the collection: Modern Information and Communication Technologies in the Global World: Challenges and Opportunities. Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. Editor-in-Chief L.V. Savchenko. 2017. P. 205 – 207.
6. Lafitsky V.I. US Presidential Election of 2016. Electoral Legislation and Practice. 2017. No. 1. P. 20 – 22.
7. Lyutikov M.Yu. The pre-election struggle before the second round of the 1996 presidential elections. Clio. 2015. No. 2 (98). P. 120 – 126.
8. Mostyaev Yu. N. Elections to the State Duma of the VII convocation: results and assessments. Elections: theory and practice. 2016. No. 3 (39). P. 16 – 21.
9. Polkanov V.D. Falsification of the history of the USSR as a method of pre-election struggle for the votes of the electorate. Omsk Scientific Bulletin. 2007. No. 2 (54). P. 214 – 219.
10. Rogova N.V., Rogov S.M. The first stage of the election campaign in the USA. March 2024. Russia and America in the 21st century. 2024. No. 3. P. 1.

Информация об авторах

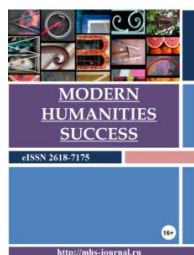
Абуева Н.А., Чжэцзянский университет иностранных языков Юесю, Шаосин, Китай; Университет Туран, Республика Казахстан; доктор политических наук, профессор; визит-профессор, Институт европейских языков; профессор-исследователь Высшей школы Медиа и межкультурной коммуникации, abu2007@bk.ru

Абуев У.А., кандидат политических наук, ассоциированный профессор, Казахский государственный женский педагогический университет, Казахстан, onerbek.adilbek.62@mail.ru

У Яньцю, кандидат исторических наук, доцент, Институт иностранных языков, Университет Тайчжоу, Китай, 254319172@qq.com

Бузелю А.С., Университет Туран, Республика Казахстан; кандидат филологических наук, профессор, директор Высшей школы Медиа и межкультурная коммуникация, buzelo70@mail.ru

© Абуева Н.А., Абуев У.А., У Яньцю, Бузелю А.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 82-31

Анималистические образы в произведениях Наринэ Абгарян

¹ Куликова О.Ф.,

¹ Тихоокеанский государственный университет

Аннотация: в данной статье рассматриваются анималистические образы в произведениях Наринэ Абгарян.

Цель исследования – выявление форм присутствия и анализ художественных приемов репрезентации образов животных в произведениях Наринэ Абгарян.

Задачи работы включают в себя отбор и анализ образов животных в произведениях Наринэ Абгарян, а также анализ художественно-стилистических приемов их репрезентации.

Исследование проведено на материале текстов произведений Наринэ Абгарян «С неба упали три яблока», «Зулали», «Симон», «Дальше жить».

В исследовании использовались методы литературоведческого анализа, метод сплошной выборки, методы анализа и обобщения научной литературы.

Ключевые слова: анималистические образы, антропоморфизм, форма присутствия, художественно-стилистические приемы

Для цитирования: Куликова О.Ф. Анималистические образы в произведениях Наринэ Абгарян // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 82 – 86.

Поступила в редакцию: 7 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Animalistic images in the works of Narine Abgaryan

¹ Kulikova O.F.,

¹ Pacific National University

Abstract: this article examines animalistic images in the works of Narine Abgaryan.

The purpose of the study is to identify forms of presence and analyze artistic techniques for representing animal images in the works of Narine Abgaryan.

The objectives of the work include the selection and analysis of animal images in the works of Narine Abgaryan, as well as the analysis of artistic and stylistic techniques for their representation.

The study was conducted on the basis of the texts of Narine Abgaryan's works "Three Apples Fell from the Sky", "Zulali", "Simon", "To Live Further".

The study used methods of literary analysis, the method of continuous sampling, methods of analysis and generalization of scientific literature.

Keywords: animalistic images, anthropomorphism, form of presence, artistic and stylistic techniques

For citation: Kulikova O.F. Animalistic images in the works of Narine Abgaryan. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 82 – 86.

The article was submitted: April 7, 2025; Approved after reviewing: June 5, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Для творчества Наринэ Абгарян характерно активное использование анималистических образов, на страницах произведений автора представлены образы домашних и диких животных. Многообразие форм их присутствия и художественно-стилистические решения при изображении естественно-аутентичной деревенской жизни, требуют осмысления.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования были определены формы присутствия и проанализированы художественные приемы репрезентации образов животных в произведениях Наринэ Абгарян.

Соответственно, задачи работы включают в себя отбор и анализ образов животных в произведениях Наринэ Абгарян, а также анализ художественно-стилистических приемов их репрезентации.

Материалом для данной работы послужили тексты произведений Наринэ Абгарян «С неба упали три яблока», «Зулали», «Симон», «Дальше жить».

Результаты и обсуждения

Домашние животные во все времена являются неизменными помощниками, охранниками, кормильцами человека. Традиционно в армянских деревенских семьях, переживших голод во время войны, большое хозяйство. В рассказе «Голод», главный герой, отвечая на вопрос, чего он боится больше всего, не задумываясь говорит: голода. Поэтому в его хозяйстве: «два сада, огород, птичник, пасека в тридцать ульев, хлев на три коровы и восемь овец, свинарник» [1, с. 133].

В армянской культуре, как и в русской, корове отводится важное место. Традиционная армянская кухня богата молочными продуктами. Одним из главных кисломолочных продуктов является мацун, напоминающий вкусом простоквашу. На его основе готовят супы (спас – кисломолочный суп на пшеничной крупе, летом его едят холодным, а зимой – горячим) и соусы (схтор-мацун), упоминание которых есть во многих произведениях Наринэ Абгарян:

«Обрадовав дочь о чудом раздобытом просвиряке, она ушла на кухню – варить суп. Мацуна для чесночного соуса осталось совсем мало, пришлось разбавлять водой» [3, с. 49].

В рассказе «Гулпа» представлен образ коровы. Корову, которая родилась в самый лютый год войны, невестка (Катя) главного героя (Хорена) назвала Малишка. Малишка была пугливой, робкой и осторожной коровой, не подпускала к себе никого, но привязалась к собаке пастуха. Малиш-

ку автор изображает существом, способным чувствовать, страдать, обижаться, прощать. Здесь автор использует прием антропоморфизма. (Антропоморфизм – это прием, с помощью которого автор наделяет животных и неодушевленные предметы человеческими чертами). Малишка плачет, когда ее обижают «слезы аж с виноградину», она мычит обиженно и с укором, но она прощает «словно ребенок – раз и навсегда».

В данном образе прослеживается мотив родственного чувства. Главный герой рассказа ставит корову в один ряд с родными людьми, которых забрала война. Он шепчет умирающей корове, что не смог уберечь ее, как не уберег невестку и дочь. Он ухаживает за ней преданно, отказывается «за-резать, пока не поздно», как советует ему ветеринар. Умирающая корова пахнет не болезнью, «...а росой и незабудками» [1, с. 61]. Одорическая лексика (лексика с общим значением обоняния) нередко используется автором для описания образов животных. Например, так с помощью одорической лексики описано стадо домашних животных, идущее на выпас: «...пахнувший сырым хлебом и навозной горечью животный поток» [4, с. 81]. Совсем по-другому пахнет стадо вечером: «Стадо, пахнувшее закатным солнцем и майским полем» [4, с. 117].

В романе «Симон» также находим образ коровы. Героиня романа Элиза работает в коровнике, она ждет ребенка, муж ее избегает, изменяет. Здесь автор вновь использует одорическую лексику: муж говорит Элизе, что она пропахла коровником: «От тебя коровником несет» [3, с. 134]. Позже в романе реализуется прием антитезы: для мужа Элиза пахнет коровником, а для любимого человека и сына – она пахнет медом. В последний рабочий день перед декретом Элиза гладит измученную корову, которая вот-вот должна отелиться, и сравнивает ее с собой: неуклюжая, беспомощная, напуганная, с телом, ставшим таким чужим и малопривлекательным. В данном случае автор использует прием развернутого сравнения.

Героиня повести «С неба упали три яблока» также относится к домашним животным, как к равным существам. Во время холодной военной зимы она забрала беременную козу в дом да так и провела всю долгую зиму с козой и козлятами. Вместе ели, вместе спали, при этом хозяйка стыдилась мыться перед козой, отворачивалась спиной.

Однако не все персонажи произведений Наринэ Абгарян относятся к домашним животным как к равным себе существам.

Главная героиня рассказа «Стадо» Мануш от-

носятся к домашним животным как к бесправным существам рангом ниже, она не испытывает к ним ни малейшей жалости, считая, что все разговоры «о жалости к животному – от лукавого» [1, с. 160]. Мануш ругает домашнюю живность: кота за то, что он обедает пса, кур за то, что они несутся не в курятнике, козу за то, что она бодается и дает мало молока. Особенно достается козе: «*Чтоб шерсть с тебя слезла клочками, а рога стали такими длинными, что ты ими всюду застревала..., чтоб язык твой порос колючками, а вымя покрылось ядовитыми грибами*» [1, с. 159]. Такое отношение неспроста: ее муж погиб, перегоняя в блокаду исхудавшее деревенское стадо на безопасную территорию (может там прокормят), сын на всю жизнь остался калекой.

Животные в произведениях Наринэ Абгарян представлены в разных ипостасях (формах присутствия, существования).

Животные как жертвоприношение (матах – обряд принесения животных в жертву). Обряд подразумевает собой принесение в жертву животного мужского пола, без физических недостатков, мясо отваривают без соли и разносят по домам соседей, раздавать и принимать жертвенное мясо необходимо в полном молчании. В книге «С неба упали три яблока» описан траурный обряд жертвоприношения: «*...забили трех породистых телков, отварили мясо без соли и разнесли его по деревне на больших подносах*» [4, с. 17].

Животные как составляющие натурального обмена. Строгие, давно заведенные правила рыночного обмена описаны в книге «С неба упали три яблока»: «*За корову там давали лошадь, годовалого мози (бычка) меняли на двух овец, за свинью можно было получить овцу и барана, за нетель – три козы, за телившуюся корову – вола*» [4, с. 48].

Животные как мерило физической силы. В повести «С неба упало три яблока» кузнец Василий в молодости на спор убил быка: «*...крепко привязанный... фырчал и мотал лобастой башкой огромный иссиня-черный бык... Василий усмехнулся, занес над быком кулак – и свалил его точным ударом в затылок*» [4, с. 52]. Здесь еще раз подчеркивается бесправность домашних животных и отношение к ним, как к существам рангом ниже.

Интересно отметить библейские мотивы, связанные с образами животных. В повести «С неба упали три яблока» описан эпизод прибытия в деревню, измотанную трехлетним голодом, грузовика с домашней живностью: корова, овца, две козы, свинья. В описании свиньи, которая поразила жителей деревни своей непохожестью на местных свиней, используется прием сравнения:

«*...аккуратная и чистенькая, словно бережно промытая под проточной водой репка*» (свинья – репка) и прием антитезы: «*...у нее маленькие ушки и гладкая кожа*», а у местных свиней «*...огромные, почти слоновьи уши и повышенная шерстистость*» [4, с. 97]. Животных назвали Ноевым стадом и поселили в самый просторный двор и определили распределять молоко только по семьям с детьми, а приплод раздавать по всем дворам. Так и началась новая жизнь в деревне. Здесь автор использовал метафору «Ноево стадо» – «Ноев ковчег».

Необходимо отметить еще одну форму присутствия животных в произведениях Наринэ Абгарян – животное как главный персонаж. В рассказе «Марлезон» главным персонажем является осел Марлезон. Такую кличку он получил неслучайно. Здесь автор использует прием аллюзии (стилистический прием, заключающийся в использовании намек на реальные общеизвестные факты, события). Ме(а)рлезонский балет (дословно «балет об охоте на дроздов») – балет, поставленный Людовиком XIII, в настоящее время фразеологизм «Второй акт Марлезонского балета» употребляется в значении «Что-то долгое, утомительное; неожиданный поворот событий». Осел, как и положено, имел непростой характер, но удивил всех неожиданным поведением. Сначала купленный за большие деньги «домашний транспорт» наотрез отказался заходить во двор нового хозяина, простоял трое суток на улице, пока хозяйка не распахнула перед ним калитку. А потом неожиданно стал самым преданным и понимающим другом хозяина, а однажды даже спас его от смерти. При описании Марлезона автор использует прием антропоморфизма: Марлезон думает, волнуется, голосит во время опасности, кивает, соглашаясь с хозяином. Кроме этого, в описании осла находим эпитет «большие вишневыя глаза», перифраз «домашний транспорт».

В рассказе «Дионис» главным героем тоже является осел. В данном случае характер главного персонажа осла Диониса подтверждает традиционные ассоциации с образом этого животного: своенравие, упрямство, злопамятность, высокомерие: «*К дворовой живности он относился с царским высокомерием*», к людям относился по-разному, чаще – «*источал холодное безразличие*» [2, с. 278]. А вот черепаху Милену Дионис воспринял, как чудо, словно «превратили воду в вино или повернули реки вспять». Когда черепаха спряталась в свой панцирь, Дионис расстроился и начал реветь: «Ревел он самозабвенно, на износ... охрипнув от рева, сипел и сокрушенно мотал головой» [2, с. 280]. Описывая впечатлительного

осла, автор прибегает к метафоре и окказиональному перифразу: хозяйка с трудом перекричала *противовоздушную сирену* Диониса; хозяйка, утешая осла, гладит его по морде и называет горемыкой и *чемоданом с копытами*.

Одним из самых преданных и давно прирученным домашним животным традиционно считается собака. Образ собаки достаточно часто упоминается на страницах произведений Наринэ Абгарян. Главной функцией собаки является функция охраны дома, огорода, усадьбы, людей, домашних животных и птиц.

Образ животного как средство создания юмористического эффекта. В рассказе «Берд» автор вспоминает маленькую, смешную, вредную собаку Белку из своего детства, которая однажды в лапшу изорвала брюки-клеш дяди Жоры. Описывая Белку, автор наделяет ее человеческими чертами: поедая топиамбур она чавкала и закатывала глаза от удовольствия; имела фальшиво-виноватый вид, когда ее ругали; у нее могло лопнуть терпение и т.д.).

Автор награждает Белку забавными именами-перифразами и сравнениями: *заслуженное пугало сада* (Белка охраняла подсолнухи от воробьев), *крот* (она выкапывала и съедала топиамбур), *диверсант в тылу врага* (провинившись Белка передвигалась по двору «по-пластунски, воровато двигая мелкими лопатками»).

Не менее комично описан в повести «С неба упали три яблока» белоснежный гампр (армянский волкодав) Патро. Патро охранник и пастух, описывая его, автор вновь прибегает к приему антропоморфизма: пес может жалобно канючить, выпрашивая у хозяйки сыр; может захныкать, провинившись, может обидеться, если его не понимают. Хозяин ласково-уважительно обращается к псу Патро-джан («джан» в армянском языке – «дорогой, милый» – обращение к человеку).

В цикле рассказов о войне «Дальше жить» и в рассказе «Мачуча» образ собаки представлен трагично. Страх и беспомощность во время бомбежек передается с помощью описания поведения животных и птиц *«сходила с ума домашняя живность»* [1, с. 48]: Обезумевшие пеструшки захлебываются в хриплом кудахтании, страшный крик которых заглушают взрывы; пес беззвучно и жалобно скулит, визжит, плачет, реагирует на смерть хозяина совсем как человек: *«Пес громко вздохнул, запричитал совсем по-человечьи, но сразу же притих»* [1, с. 47].

Рыжий пес, с перебитым во время бомбежки позвоночником, в рассказе «Мачуча», как экзамен на человечность. Пес жил на улице, передвигался только на передних лапах, а задние подволакивал и постоянно заглядывал в глаза прохожим. Пристрелить его, чтоб не мучился, никто не решался, но каждый об этом думал. А фотограф Таро, вернувшийся с войны калекой, забрал пса к себе.

В рассказах о войне автор достаточно часто упоминает шакалов. Образ шакала ассоциируется с войной, страхом, смертью. Отношение к шакалам у людей крайне отрицательное, даже название этого животного часто используется в качестве ругательства. Шакалы не брезгают нападать на больных и истощенных животных, питаются падалью. Протяжный и жуткий вой шакалов нагоняет страх не только на людей, но и на домашнюю живность *«доводя собак до бешенства – те лаяли до хрипоты, вырываясь из цепей. Шакалы были частью войны, они пахли ею»* [1, с. 74]. Здесь автор вновь использует одорическую лексику: шакалы пахнут войной.

Еще один образ животных, реализуемых на страницах произведений Наринэ Абгарян – летучая мышь. Используя перифраз, автор называет летучих мышей охранниками ночной тишины. Кроме этого, в образе летучих мышей реализуются мотивы детского фольклора (детские страшилки): если летучая мышь вцепится в лицо, то ее уже не отцепить, так и *«придется жить с летучей мышью на лице...»* [1, с. 70].

Интересно в анализируемых произведениях реализуется образ улитки. Герой рассказа «Возвращение» (Дальше жить) с иронией рассуждая о том, что армяне, уезжая из родного края, увозят собой всё (от вида из окна до могильных камней предков) сравнивает свой народ с улиткой: *«Народ-улитка... в хорошем смысле слова: все свое носим с собой»* [1, с. 103]. Метафорический образ улитки находим в другом рассказе цикла «Дальше жить» – «Хачкар». Хачкар – это крест-камень – одна из древнейших армянских святынь. К старому хачкару каждый день ходит Аванец Мишик, который потерял в войне своих родных. Хачкар здесь выступает образом памяти и надежды. Надежды на исполнение земного предназначения, надежды на спасение. Улитка ползет по прохладному боку хачкара, неся на спине весь мир [1, с. 122].

Выводы

Таким образом, исследование показало, что в галерее анималистических образов произведений Наринэ Абгарян наиболее ярко представлены образы домашних животных (корова, коза, осел, собака), что вполне объяснимо, так как место действия в подавляющем количестве рассказов – ар-

мянская деревня с большим хозяйством, традиционным укладом и национальным колоритом.

В своих произведениях автор реализует разнообразные формы присутствия животных, исполь-

зуя при этом следующие художественные средства и приемы: метафору, сравнение, аллюзию, перифраз, антропоморфизм, одорическую лексику, антитезу.

Список источников

1. Абгарян Н.Ю. Дальше жить. М.: Издательство АСТ, 2018. 252 с.
2. Абгарян Н.Ю. Зулали. М.: Издательство АСТ, 2017. 315 с.
3. Абгарян Н.Ю. Симон. М.: Издательство АСТ, 2021. 349 с.
4. Абгарян Н.Ю. С неба упали три яблока. М.: Издательство АСТ, 2020. 318 с.
5. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: энцикл. слов.-справ. М.: Флинта: Наука, 2020. 480 с.
6. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. М: Издательство АСТ, 2006. Т. 1. 1168 с.
7. Крупчанов Л.М. Теория литературы: учебник. М., 2012. 360 с.
8. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М.: 2023. 624 с.
9. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

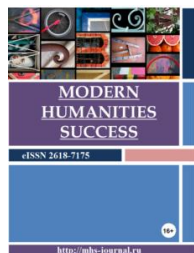
References

1. Abgaryan N.Yu. To live further. Moscow: AST Publishing House, 2018. 252 p.
2. Abgaryan N.Yu. Zulali. Moscow: AST Publishing House, 2017. 315 p.
3. Abgaryan N.Yu. Simon. Moscow: AST Publishing House, 2021. 349 p.
4. Abgaryan N.Yu. Three apples fell from the sky. Moscow: AST Publishing House, 2020. 318 p.
5. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings: encyclical. words-reference. Moscow: Flinta: Science, 2020. 480 p.
6. Efremova T.F. Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 volumes. Moscow: AST Publishing House, 2006. Vol. 1. 1168 p.
7. Krupchanov L.M. Theory of literature: textbook. Moscow, 2012. 360 p.
8. Rosenthal D.E. Handbook of the Russian language. Dictionary of linguistic terms. Moscow: 2023. 624 p.
9. Timofeev L.I., Turaev S.V. Dictionary of literary terms. Moscow: Education, 1974. 509 p.

Информация об авторе

Куликова О.Ф., Тихоокеанский государственный университет, 16080211@mail.ru

© Куликова О.Ф., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 303.63:070.433:929.2

Исследование имиджа Шаньдуна в российских СМИ: обзор литературы

¹ Жчао Тяньтянь, ¹ Лу Гохун, ¹ Ли Тэн,

¹ Политехнический университет Цилу (Шаньдунская академия наук), Китай

Аннотация: с развитием стратегического партнерства между Китаем и Россией местное и региональное сотрудничество между двумя странами также активно расширяется. Настоящая работа представляет собой обзор научных трудов китайских и российских исследователей, посвящённых изучению имиджа региона Шаньдун. Анализ показывает, что в настоящее время как в Китае, так и в России исследования образа Шаньдуна остаются недостаточно развитыми. Особенно это касается изучения комплексного регионального имиджа Шаньдуна на примере российских официальных СМИ – в данной области научные публикации практически отсутствуют, и подобные исследования требуют дальнейшего углубления.

Ключевые слова: российские СМИ, имидж Шаньдуна, обзор исследований

Для цитирования: Жчао Тяньтянь, Лу Гохун, Ли Тэн Исследование имиджа Шаньдуна в российских СМИ: обзор литературы // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 87 – 92.

Поступила в редакцию: 8 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

A study of the image of Shandong in the Russian media: a literature review

¹ Zhao Tiantian, ¹ Lu Guohong, ¹ Li Teng,

¹ Qilu University of Technology (Shandong Academy of Sciences), China

Abstract: with the development of the strategic partnership between China and Russia, local and regional cooperation between the two countries is also actively expanding. This work is a review of the scientific works of Chinese and Russian researchers devoted to the study of the image of the Shandong region. The analysis shows that at present, both in China and in Russia, studies of the image of Shandong remain underdeveloped. This is especially true for the study of the complex regional image of Shandong on the example of the Russian official media – there are practically no scientific publications in this area, and such studies require further deepening.

Keywords: Russian media, image of Shandong, review of studies

For citation: Zhao Tiantian, Lu Guohong, Li Teng A study of the image of Shandong in the Russian media: a literature review. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 87 – 92.

The article was submitted: April 8, 2025; Approved after reviewing: June 6, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В Докладе о работе правительства провинции Шаньдун (2025) была представлена программа развития региона, в которой ставятся задачи по

созданию новой зоны высокого уровня открытости внешнему миру [6], использованию преимуществ перекрёстной зоны инициативы “Один пояс, один путь” и центра регионального

сотрудничества в Северо-Восточной Азии, а также по формированию ключевого узла, обеспечивающего эффективное сопряжение внутреннего и внешнего экономических циклов [1]. Вместе с этим, в документе подчёркивается важность качественного рассказа о Шаньдуне миру в процессе продвижения строительства сильной социалистической модернизированной провинции в новую эпоху. Всё это создаёт новые возможности и вызовы для формирования и распространения международного имиджа Шаньдуна [5].

Материалы и методы исследований

В «Совместном заявлении Председателя Китайской Народной Республики и Президента Российской Федерации о плане развития приоритетных направлений китайско-российского экономического сотрудничества до 2030 года» чётко указано на необходимость «глубоко раскрывать потенциал межрегионального сотрудничества двух стран» во всех сферах.

Благоприятный региональный имидж способствует развитию такого сотрудничества, поэтому данное исследование имеет важное практическое значение.

1. Анализ материалов российских СМИ, посвящённых Шаньдуну, позволяет понять особенности медиа повестки и характер освещения этой тематики в России [2]. Это, в свою очередь, помогает выявить недостатки внешней коммуникации провинции Шаньдун, а также выработать соответствующие предложения для улучшения международного распространения регионального имиджа и разработки стратегий позиционирования Шаньдуна за рубежом.

2. Шаньдун, как передовая провинция Китая в области внешней открытости, придаёт большое значение участию в строительстве инициативы «Один пояс, один путь» [4]. В число стран, расположенных вдоль этого маршрута, входят 16 государств, в которых русский язык является официальным или широко распространённым. Российские СМИ, в свою очередь, обладают значительным охватом аудитории в этих странах. Настоящее исследование способствует лучшему пониманию имиджа Шаньдуна в русскоязычном медиапространстве, что может стать основой для расширения и углубления сотрудничества между провинцией и странами вдоль «Пояса и пути».

Результаты и обсуждения

В настоящее время в китайской академической среде исследования по данной теме в основном сосредоточены в следующих направлениях:

Региональный имидж – это совокупное восприятие и оценка определённой территории

людьми. В Китае изучение данной области началось в 1990-х годах, то есть относительно поздно. Однако с ростом интереса различных регионов к формированию собственного имиджа исследования в этой области получили активное развитие. В настоящее время теоретические исследования регионального имиджа можно условно разделить на несколько направлений:

1. Фундаментальные теоретические вопросы – такие как базовые понятия, структура имиджа, проектирование и управление региональным имиджем, а также его функции [3]. Учёные Ло Чжиинин и Ю Гун заложили прочную теоретическую основу, на которой впоследствии строились более глубокие исследования. Независимо от того, шла ли речь об основателях направления или более поздних исследователях, в вопросе функций регионального имиджа существует консенсус: региональный имидж представляет собой ресурс и производительную силу, являясь движущей силой устойчивого экономического развития региона, что делает его формирование и продвижение объективно необходимым.

2. Исследования, посвящённые формированию и распространению регионального имиджа.

В рамках этого направления учёные выделяют два аспекта: внутреннее формирование имиджа и внешнее восприятие. По количеству работ преобладают исследования самоконструирования.

Что касается формирования собственного имиджа, исследователи считают, что местные органы власти должны активно продвигать международную коммуникацию своих городов и провинций.

В части исследования «внешнего имиджа» исследователи, как правило, анализируют материалы западных СМИ, чтобы понять, как они представляют тот или иной китайский регион. Так, учёный Дэн Юаньбин (2017) на примере провинции Хэнань проанализировал образ региона в ведущих СМИ Великобритании и США, отметив важность слежения за международной информационной повесткой, недопущения «молчания» в медиапространстве и активного использования инструментов публичной дипломатии.

3. Исследования взаимосвязи между региональным и национальным имиджем.

В этом направлении учёные, как правило, рассматривают тему с точки зрения «мягкой силы», подчёркивая, что региональный имидж является важным компонентом региональной мягкой силы. Чжао Цичжэн, например, утверждал, что региональный имидж – это основа национального имиджа, и без него последний

становится абстрактным и необидительным.

При выборе российских СМИ в качестве материала для анализа китайского имиджа, отечественные исследователи чаще склоняются к изучению образа Китая как государства.

1. На сегодняшний день существует довольно обширный пласт исследований, посвящённых анализу национального образа Китая в России, основанных на материалах российских СМИ. Несмотря на различия в выборе конкретных СМИ, большинство исследований, опирающихся как на контент-анализ новостных источников, так и на социологические опросы, приходят к схожим выводам: на фоне дружественного развития китайско-российских отношений образ Китая, создаваемый российскими медиа, в целом позитивен, при этом особое внимание уделяется политическому и экономическому облику Китая.

2. Научные исследования, посвящённые анализу имиджа отдельных провинций и городов Китая в российских СМИ, встречаются крайне редко и считаются нишевыми. Среди немногочисленных работ можно отметить исследования Ван Наньнань (2017), которые проанализировали образ города Пекина, формируемый в российских СМИ. В частности, Ван Нань нань рассмотрела положительные и отрицательные аспекты имиджа Пекина, созданного российскими средствами массовой информации. Согласно её выводам, российская пресса высоко оценивает экономическое развитие Пекина. В то же время в исследовании подчёркивается, что основными факторами, влияющими на формирование негативного образа города, являются загрязнение воздуха и проблемы с дорожными пробками. Эти наблюдения могут служить отправной точкой для совершенствования городского управления и улучшения имиджа Пекина.

Вопросы имиджа провинции Шаньдун в научной литературе можно условно разделить на две категории: во-первых, исследования, посвящённые формированию и распространению внутреннего (национального) имиджа Шаньдуна; во-вторых, изучение международного имиджа Шаньдуна с точки зрения внешнего восприятия.

1. Что касается внутреннего имиджа провинции Шаньдун, здесь исследований достаточно много как по количеству, так и по разнообразию перспектив и уровню глубины. В последние годы внимание исследователей сосредоточено, главным образом, на таких региональных брендах, как «Шаньдун ручной работы» (山东手造), «Цифровой Шаньдун» (数字山东), «Качественные

товары из Шаньдуна» (好品山东), «Гостеприимный Шаньдун» (好客山东) и т.д.

2. Исследования международного имиджа провинции Шаньдун в основном сосредоточены на анализе конкретных иностранных СМИ, в которых содержатся новости о Шаньдуне. Учёная Лю Жунжунь исследовала образ Шаньдуна в южнокорейской газете Chosun Ilbo, рассматривая его через призму политики, экономики и культуры. Она отметила, что общий тон публикаций о Шаньдуне является нейтральным и дружественным, при этом корейские СМИ особенно подчёркивают экономическое развитие провинции и её глубокое культурное наследие. Аналогичные выводы делаются и при анализе англоязычных СМИ: согласно исследованию Чжан Сяонин (2014), образ Шаньдуна за рубежом прежде всего ассоциируется с экономически развитым регионом.

3. Что касается имиджа Шаньдуна в России, то на сегодняшний день в отечественной академической среде этот вопрос изучен крайне слабо. Только в отдельных журналистских материалах можно встретить упоминания таких выражений, как «бренд Шаньдуна» или «гостеприимный Шаньдун».

В области фундаментального изучения теории регионального имиджа российские учёные имеют множество точек соприкосновения с китайскими коллегами. В частности, они также признают, что региональный имидж способен повысить конкурентоспособность региона. Кроме того, считается, что самым распространённым способом формирования представлений о регионе являются средства массовой информации [2].

Под влиянием трудов Саймона Анхольта [1] российские исследователи, как правило, рассматривают региональный бренд и региональный имидж в неразрывной связи, полагая, что бренд является важнейшим техническим инструментом в процессе формирования и продвижения имиджа региона. Так, И.С. Важенина определяет региональный имидж как своего рода «территориальную индивидуальность», а наиболее прямым выражением этой индивидуальности является преобразование региональных особенностей в региональный бренд. Похожие взгляды присутствуют и в работах Е.П. Топорковой, которая трактует региональный имидж как «добрую репутацию» территории, передача которой также должна опираться на создание бренда.

В связи с углубляющимся развитием дружественных отношений между Китаем и Россией, интерес к теме имиджа Китая в российской научной среде остаётся высоким. Круг

дисциплин, вовлечённых в это исследование, постоянно расширяется — от истории и политологии до менеджмента, медиа коммуникаций, культурологии и социологии.

Анализ доступных исследований позволяет выделить следующие особенности:

1) Тематика национального имиджа Китая преобладает, в то время как исследования, посвящённые региональному имиджу отдельных провинций Китая, крайне редки. Как правило, российские учёные выбирают в качестве объекта анализа крупные государственные инициативы Китая или значимые политические события, изучая тем самым общий образ страны в России [9].

2) Среди немногочисленных исследований конкретных регионов Китая можно отметить две характерные черты: во-первых, они преимущественно фокусируются на приграничных с Россией территориях; во-вторых, чаще всего выполняются в рамках менеджмента [7]. Так, Е.П. Топоркова (2015), используя метод кейс-анализа, сравнивает успешные практики брендинга в Чунцине и Внутренней Монголии с реализуемой в России стратегией «Успешная Россия», делая вывод, что китайская стратегия построения регионального бренда заслуживает пристального внимания и может быть полезной для российской практики. Она также подчёркивает, что в настоящее время исследований по теме регионального имиджа Китая в российской науке всё ещё недостаточно.

Согласно результатам поиска по ключевому слову «Шаньдун» в базе данных e-library, количество научных публикаций, содержащих эту тему, достигает 4458. Область охвата данных исследований весьма широка и включает в себя конфуцианскую культуру, религию, традиционную культуру, туризм, архитектуру, морское и рыбное хозяйство, развитие сельского хозяйства и др. Однако при использовании ключевого слова «имидж Шаньдуна» научных публикаций оказывается крайне мало.

А.В. Челнокова-Щейка [8] на примере бренда «Гостеприимный Шаньдун» проанализировала формирование регионального бренда Китая в социальных сетях. Она отметила, что «Гостеприимный Шаньдун» является успешным примером региональной и брендовой стратегии провинции Шаньдун. Этот туристический бренд включает в себя традиционные культурные идеи, туристические достопримечательности, местную кухню и другие элементы, а его ядром служит философия Конфуция.

Выводы

В заключение можно отметить следующее: несмотря на то, что как китайские, так и зарубежные исследователи уже провели определённую работу по теме регионального имиджа Китая, и их труды предоставляют полезную теоретическую основу для настоящего исследования, остаётся ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения.

Во-первых, хотя научных работ, посвящённых образу Китая в российских СМИ, достаточно много, исследований, касающихся имиджа регионов Китая в иностранных медиа, пока недостаточно. Поскольку региональный имидж является важной составляющей национального имиджа, крайне важно изучить, в чём состоят сходства и различия между их формированием в зарубежных СМИ, и каковы причины этих различий. Эти данные могут оказаться полезными как для построения образа страны в целом, так и для продвижения конкретных регионов за рубежом.

Во-вторых, исследования, посвящённые внутреннему имиджу провинции Шаньдун, довольно многочисленны, в то время как международному имиджу уделяется значительно меньше внимания. Для всестороннего и многогранного продвижения регионального имиджа необходимо развивать как внутренний, так и внешний его аспекты, и международная репрезентация провинции Шаньдун заслуживает большего внимания.

В-третьих, выбор стран и регионов, в отношении которых проводятся исследования имиджа Шаньдуна за рубежом, пока что довольно ограничен. Основное внимание уделяется Южной Корее и англоязычным странам, а исследований, касающихся России или других стран, крайне мало.

В-четвёртых, как показывают данные из российской академической базы, интерес к образу Китая и теме Шаньдуна в российской научной среде достаточно высок. Однако исследования, посвящённые образу провинции Шаньдун как части национального имиджа Китая в российском информационном пространстве, всё ещё крайне ограничены.

И наконец, как китайские, так и российские исследователи при изучении регионального имиджа уделяют особое внимание региональным брендам и построению брендов. Российские учёные положительно оценивают успехи Китая в формировании региональных брендов и склонны рассматривать китайский опыт как пример для заимствования. Тем не менее, практически отсутствуют эмпирические исследования, посвящённые восприятию брендов провинции Шаньдун в России. Этот вопрос также нуждается в дальнейшей проработке.

Финансирование

Проект Цилюсского технологического университета No RCKY275, Исследование образа Шаньдуна в российских СМИ

Список источников

1. Анхольт С. Брендинг: дорога к мировому рынку. М.: Кудиц-Образ, 2004. 272 с.
2. Важенина И.С. Концептуальные основы формирования имиджа и репутации территории в конкурентной среде: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2008. 48 с.
3. Гурулева Т.Л. Разработка бренда приграничных территорий в условиях российско-китайского взаимодействия (на примере Забайкальского края) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 5. С. 127 – 133.
4. Макеева С.Б. Китай: региональное развитие на пути к экологической цивилизации // Азия и Африка сегодня. 2021. № 7. С. 14 – 20.
5. Полякова Н.В., Залешин В.Е., Поляков В.В., Ван Сюй. Формирование и реализация стратегии развития туристской дестинации на основе концепции территориального маркетинга // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12. № 3. С. 12.
6. Топоркова Е.П. Имидж и бренд приграничной территории: человеческий капитал и технологии развития: монография. Чита, 2015. 168 с.
7. Топоркова Е.П. Практики бренд-билдинга территорий России и Китая // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сб. вост. центра. 2015. № 16-1. С. 86 – 92.
8. Челнокова-Щейка А.В. Культурный аспект брендинга территорий в китайских соцсетях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 11 (866). С. 165 – 172.
9. Шахэти А. Анализ отношения к Китаю в разных типах сообщений российских СМИ // ИСОМ. 2021. № 2. С. 183 – 190.

References

1. Anholt S. Branding: the road to the world market. Moscow: Kudits-Obraz, 2004. 272 p.
2. Vazhenina I.S. Conceptual foundations of image and reputation formation of the territory in a competitive environment: author's abstract. diss. ... doctor of economic sciences. Ekaterinburg, 2008. 48 p.
3. Guruleva T.L. Development of the brand of border territories in the context of Russian-Chinese interaction (on the example of the Trans-Baikal Territory). Problemy Dalnego Vostok. 2013. No. 5. P. 127 – 133.
4. Makeeva S.B. China: regional development on the way to an ecological civilization. Asia and Africa today. 2021. No. 7. P. 14 – 20.
5. Polyakova N.V., Zaleshin V.E., Polyakov V.V., Wang Xu. Formation and implementation of a tourist destination development strategy based on the concept of territorial marketing. Baikal Research Journal. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 12.
6. Toporkova E.P. Image and brand of a border territory: human capital and development technologies: monograph. Chita, 2015. 168 p.
7. Toporkova E.P. Brand building practices for the territories of Russia and China. Russia and China: problems of strategic interaction: collection of papers from the eastern center. 2015. No. 16-1. P. 86 – 92.
8. Chelnokova-Shcheika A.V. Cultural aspect of territorial branding in Chinese social networks. Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2022. No. 11 (866). P. 165 – 172.
9. Shaheti A. Analysis of attitudes towards China in different types of Russian media messages. ISOM. 2021. No. 2. P. 183 – 190.

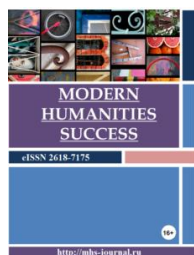
Информация об авторах

Жчао Тяньтянь, старший преподаватель, Политехнический университет Цилу (Шаньдунская академия наук), Китай, wyzhaotiantian@163.com

Лу Гохун, старший преподаватель, Политехнический университет Цилу (Шаньдунская академия наук), Китай, 648726923@qq.com

Ли Тэн, старший преподаватель, Политехнический университет Цилу (Шаньдунская академия наук), Китай, liteng@126.com

© Жчао Тяньтянь, Лу Гохун, Ли Тэн, 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1

Активные процессы в лексической системе современного русского языка на рубеже XX-XXI веков

^{1, 2} Довлеткиреева Л.М.,

¹ Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,

² Академия наук Чеченской Республики

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы современной русистики, связанные с изменениями в лексической системе русского языка на рубеже XX-XXI веков. Предпринята попытка системного описания основных процессов, происходящих на современном этапе развития языка на уровне лексики. Рассмотрены такие явления, как заимствование иноязычной лексики, неологизация, нейтрализация лексики, эвфемизация, детерминологизация, метафоризация, сдвиг в семантике в результате языковой практики в процессе адаптации заимствованного слова. В работе также анализируется влияние средств массовой информации на изменения в лексической системе языка. Приводятся примеры удачного и ошибочного использования новой лексики. Обращается внимание на функциональный аспект ее применения в стилистических и номинативных целях.

Ключевые слова: лексика, лексема, заимствованное слово, текст, термин, детерминологизация, семантика, язык

Для цитирования: Довлеткиреева Л.М. Активные процессы в лексической системе современного русского языка на рубеже XX-XXI веков // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 93 – 99.

Поступила в редакцию: 9 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Active processes in the lexical system of the modern Russian language at the turn of the XX-XXI centuries

^{1, 2} Dovletkireeva L.M.,

¹ Kadyrov Chechen State University,

² Academy of Science of Chechen Republic

Abstract: the article examines the current problems of modern Russian studies related to changes in the lexical system of the Russian language at the turn of the 20th and 21st centuries. An attempt is made to systematically describe the main processes occurring at the present stage of language development at the lexical level. Such phenomena as borrowing foreign vocabulary, neologization, neutralization of vocabulary, euphemization, determinologization, metaphORIZATION, and a shift in semantics as a result of linguistic practice in the process of adaptation of a borrowed word are considered. The work also analyzes the influence of mass media on changes in the lexical system of the language. Examples of successful and erroneous use of new vocabulary are given. Attention is drawn to the functional aspect of its application for stylistic and nominative purposes.

Keywords: vocabulary, lexeme, borrowed word, text, term, determinologization, semantics, language

For citation: Dovletkireeva L.M. Active processes in the lexical system of the modern Russian language at the turn of the XX-XXI centuries. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 93 – 99.

The article was submitted: April 9, 2025; Approved after reviewing: June 6, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Тема статьи представляется нам *актуальной*, так как именно в наше время наблюдается активизация изменений в русском языке, и все эти процессы требуют внимательного изучения. Динамичность современного этапа развития языка вызывает ряд дискуссий как среди ученых, так и в прессе, и даже среди граждан, которые профессионально не связаны с лингвистикой. Почему происходит ускорение языковых процессов? На это влияют не столько внутренние законы развития языка, сколько экстралингвистические факторы: общественные, экономические, политические. На рубеже веков, как известно, страна претерпела существенные изменения во всех сферах общественной жизни, которые продолжаются до сих пор. Катаклизмы в политике и экономике не могут не отражаться на языковой ситуации и, прежде всего, на лексической системе.

Цель исследования: описать актуальные проблемы, связанные с активными процессами в системе русского языка, которые происходят под влиянием различных внешних (политических, социальных, экономических) и внутренних (языковых) причин.

Материалы и методы исследований

Предмет исследования – изменения в лексике русского языка на рубеже XX–XXI столетий.

Теоретической основой нашей работы послужили научные разработки современных русистов: Валгиной Н.С., Караулова Ю.Н., Костомарова В.Г., Ермаковой О.П., Крысина Л.П., Какориной Е.В., Мурашова А.А., Поспеловой Г.М., Савицкого Н.П., Ферм Л., Чохонилидзе Н.С., Шмелева Д.Н. и др.

Методология исследования: анализ языковых единиц в синхроническом аспекте, систематизация, сопоставление языковых фактов, социальный подход к осмыслению языковых изменений.

Результаты и обсуждения

Российское общество после падения «железного занавеса» в конце XX века стало более открытым, оно во многом стало ориентироваться на западный образ жизни, этим обусловлен массовый поток англицизмов в русскую речь, количество которых, на наш взгляд, зашкаливает допустимые пределы. Пристрастие к американизмам демонстрируют журналисты, их тексты бывают перенасыщены иноязычной лексикой, что затрудняет восприятие и понимание информации. Эту ситуацию нельзя назвать нормальной, когда говорящий на русском языке, чтобы понимать медиатекст российских СМИ, должен еще и хорошо владеть английским языком.

Многие лингвисты выступают за сохранение чистоты русского языка. Эта проблема волновала ученых и деятелей русской культуры еще в XIX–XX веках. Так называемые «пуристы», среди которых, к примеру, лексикограф В. Даль, основоположник и идеолог русского футуризма В. Хлебников, выступали за ограничение заимствований в русском языке и за необходимость замены иноязычных слов русскими эквивалентами. При их отсутствии предлагалось придумывать новые слова, но на базе русского языка с использованием словообразовательных моделей последнего, то есть идти по пути французов, которые не заимствуют, а создают свои номинации для новых предметов и явлений, оберегая тем самым свой язык. В. Хлебников был против определения «футуризм» для своего поэтического направления, основной целью которого он видел эксперименты со словом. Он называл себя «будетлянином», латинский корень и суффикс ему претили. Существительное «будетлянин» образовано по модели «будет» + суффикс «янин» и фонема [л], по аналогии с «землянин». Пуристы предлагали, к примеру, называть калоши мокроступами, фонтан – водометом, туриста – чистяком, автомат – живулей, аллею – просадом, бильярд – шарокатом, библиотеку – книжницей и т.д.

Порой логика таких новообразований не просматривается или угадывается весьма смутно, как в случае с «чистяком» и «живулей». Вероятно, это одна из причин, почему такой путь неприемлем для русского языка, который сам отбирает нужные ему единицы. Никакие искусственные директивы и предложения «сверху» и «со стороны» он не приветствует, они просто не приживаются. Образно говоря: язык, как живой организм, сам на своих волнах выносит то, что ему нужно, на поверхность, а то, что не нужно, выбрасывает на берег. Еще А.С. Пушкин четко определил, когда русскому языку необходимо иностранное слово. В своем романе «Евгений Онегин» он извиняется перед читателем за излишнее злоупотребление иноязычной лексикой, но говорит, что слов «панталоны, фрак, жилет – всех этих слов на русском нет», то есть, когда нет наименований в своем языке, их следует взять в готовом виде.

В тот момент, когда заимствованное слово входит в практику говорящих на русском языке, кажется, что оно является полным эквивалентом существующим. Например, краткий – лаконичный – лапидарный. Но что происходит с ним с течением времени? Вступая в синтагматические отношения с единицами принимающего языка, оно постепенно отталкивается от существующих эквивалентов,

развивает дополнительные оттенки лексического значения либо приобретает новую стилистическую окраску. И уже в таком измененном формате занимает определенную нишу в словарном составе языка-реципиента. То есть иноязычная лексика не засоряет в этом случае русский язык, а под его же влиянием трансформируется и обогащает.

Одной из тенденций современной лексики является обилие варваризмов в публицистике и рекламных текстах. Еще не освоенные или не до конца освоенные языком иностранные слова, как правило, записываются латиницей, либо в транслитерации, либо частично в латинице, частично в кириллице, образуя в этом случае сложносоставные слова (CD, CD-ROM, BMW, Coca-Cola, Hi-fi, IBM, mass-media, PR-акция, VIP-клиент, Windows). Порой такой симбиоз двух графических систем рождает слово, образованное с помощью суффиксации, типа VIPовский, PRщик.

Многие журналисты способствуют появлению заимствований-эквивалентов. То есть, вроде бы, обозначение в языке уже имеется, но стремление к оригинальности толкает на привлечение иностранных словарных ресурсов. Спортивные журналисты, светские хроникеры и другие представители масс-медиа этим отличаются.

Эта тенденция привела к тому, что русский язык в публицистике стали называть «интеррусским» или «англо-русским», что, конечно, подчеркивает негативный характер данного процесса и профессиональной установки – «ради украшения», «из-за ауры неизвестности, новизны». Это все приводит к тому, что предельный порог допустимости заимствований в современной публицистике явно завышен. Например, к чему говорить: «Я к вам отношусь индифферентно», если есть нейтральное слово «равнодушно»?

Заимствования без меры засоряют язык, но, с другой стороны, они необходимы, так как обогащают его, придавая большую смысловую точность. Злоупотребление иноязычной лексикой приводит к множеству речевых ошибок, связанных с непониманием лексического значения слова. Например, «дать по харизме» (из диалога двух друзей), «Ионыч гарцевал с ленивым кучером на козлах» (из школьного сочинения), «лапидарное выступление» (из комментария к исполнению песни участником шоу «Голос» на Первом канале, который дала член жюри П. Гагарина). Называть российскую газету «таблоидом» неправильно, ведь таблоид в Англии – это не любая газета, а имеющая специфический тип верстки.

Приведенные примеры – это речевые ошибки, связанные с употреблением слова без учета семантики. Бывают также ошибки, связанные с наруше-

нием валентности (говорить *конспективно*), или плеоназм (выступить *единым монолитом*).

Кроме того, неоправданное смешение в речи иноязычной и русской лексики получило наименование «макаронический стиль», который иногда является художественным приемом, особенно в массовой поп-культуре. Например, Земфира в песне «Ромашки» поет строчку: «Не нужны мне твои камбэги». О чем идет речь? Только знающий английский язык понимает, что имеются в виду расставания с последующими возвращениями.

Слово «шоу-бизнес» называет развлекательную индустрию, то есть в принципе выполняет номинативную функцию, однако в СМИ оно зачастую используется в ироничном контексте.

В связи с изменением политических условий произошла актуализация и таких слов, как «рейтинг», «популизм», «баллотироваться», «плюрализм», «легитимный». Эти лексемы появились на страницах газет и в эфире радио и телевидения в конце XX века в связи с изменением политической парадигмы. Слово «легитимный» в процессе своего применения расширило свое лексическое значение, оно переводится как «законный», но в последнее время стало употребляться в смысле «тот, кого поддерживает большинство населения». За счет этого прилагательное «легитимный» приобрело возможность использования в экспрессивных целях.

Слово «сепаратисты» в советское время могло быть использовано только по отношению, например, к событиям в Кашмире или Пенджабе, но оно стало чрезвычайно активно использоваться в российских СМИ в 90-е годы в связи с событиями в Чеченской Республике.

При закреплении в языке расширяется значение не только лексем, но и иноязычных морфем. Так, в свое время префикс «супер» вытеснил русский «сверх», в данное же время он стал употребляться в значении «большая степень, чем сверх», ведь этот элемент стал употребляться как самостоятельное слово: «Твое выступление супер!» – что также повлекло образование на его основе сленговых слов типа прилагательного «суперский» и наречия «суперски».

В связи с распространением интернета большую популярность приобрели слова из техножаргона: сеть, инет, паутина, мыло, западня, узел, юзер (вместо русского «пользователь»), хайп, троллить, хейтер, веб-дизайн, веб-страница (веб – сеть), нет (в значении Интернет). Поскольку последнее совпадает с русским отрицанием «нет», то может возникнуть недопонимание, например, в таком словоупотреблении как «неткультура» – это не отрицание культуры, как может сначала пока-

заться, а культура сетевого общения. Неточное понимание значений приводит к тавтологическим ошибкам, например, «сеть Интернет», «сетевой онлайн» – в каждом из этих выражений одно из слов, безусловно, является лишним.

На телевидении и в прессе активно используются такие слова, как «транш», «дедлайн», «оффшор», «пиар», «джок-дайл», причем такую лексику вряд ли может правильно объяснить рядовой носитель языка. В результате мы имеем дело с тем, что они не выполняют даже номинативной нагрузки, не говоря уже о стилистической.

Слово «спам» тоже используется журналистами в номинативном значении, так как нет его синонима в русском языке. Оно обозначает рекламную или иную рассылку по адресам электронной почты, чаще всего засоряющую почтовый адрес и не нужную получателю.

Следовательно, при отсутствии эквивалента в русском языке заимствованное слово чаще всего употребляется в номинативных целях, если же эквивалент есть, то, как правило, заимствование может быть использовано не только в номинативном значении, но и в экспрессивном в стилистических целях, а также возможен сдвиг лексического значения.

Политики умело коррелируют значения слов со своими политическими интересами. Вспомним военную кампанию в Чеченской Республике. В прессе воюющих с федералами чеченцев именовали сначала «незаконными бандитскими формированиями», «бандитами, дудаевцами, наемниками, террористами». Но, когда изменилась целевая установка, их стали называть «сепаратистами» (термин нейтральный, так как обозначает сторонников отделения), также начали фигурировать понятия «чеченские оппозиционеры», «боевики», «незаконные вооруженные формирования», «сторонники независимости».

Нейтрализация лексики – одна из тенденций современной публицистики. Так, профессиональная лексика стала активно включаться в литературный язык. Со многими лексемами происходит утрата налета специального слова и расширение семы. К примеру, «накладка, ляп, спайка, прокладка».

В то же время идет и обратный нейтрализации процесс, когда книжные слова выходят за рамки литературности и приобретают разговорный характер: «давеча, загодя, кабы, сговор, сборище»...

Интересным явлением, на наш взгляд, стала эвфемизация, то есть в языке на уровне семантики происходит не только нейтрализация по принадлежности к функциональным стилям, но и по смыслу: нежелательный для говорящего по поли-

тическим или нравственным понятиям смысл вуальруется: непопулярные меры (сокращение штата), крайние меры (ввод войск), бесперспективная семья (семья, в которой по каким-то причинам не может быть детей), высшая мера наказания (расстрел), лица без определенного места жительства (бомжи, бродяги), дом ночного пребывания (ночлежка), физически устранить (убить), контртеррористическая операция, специальная военная операция, наведение конституционного порядка (военные действия). Обычно подобные эвфемизмы используются в юридических, военных текстах и в официальных СМИ.

Еще одна примета современной функциональной речи – повышенная метафоризация в публицистических текстах. Метафора направлена не только на образное выражение мысли, как в художественном стиле речи, но и на стремление вскрыть общественно-политические процессы и идеологические перемены.

Изучение метафорики определенного этапа общественного развития, по мнению исследователей, позволяет выявить особенности мышления людей той эпохи. К примеру, так считают А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, В.Г. Гак, О.П. Ермакова [1, 4, 5, 8].

Приведем примеры некоторых метафор, ставших в итоге клише, из современной публицистики: *коридоры власти, окопы партократии, грязное закулисье, острова тоталитаризма, оранжевая революция, черный вторник, национальные квартиры...*

Процесс метафоризации привел и к такому явлению в лексике как детерминологизация, в результате чего литературный язык активно обогащается. Например, в связи с пандемией коронавируса встречаем выражение «пандемия страха». Детерминологизация происходит тогда, когда термин включается в несвойственное для него словесное окружение и употребляется в переносном значении: «саморефлексия», то есть самоанализ, «гигиена мыслей», «гигиена власти», то есть слово употребляется для обозначения нравственных или общественно-политических понятий. С использованием названий различных заболеваний или болезненных состояний создаются фразеологизмы с острой политической формулировкой: «агония властной структуры, подагра нравственности, склероз совести, цензурная лихорадка, проказа соцреализма, гангрена тоталитаризма».

Тенденция детерминологизации активизировалась в три последних десятилетия. Обычно во всех случаях не утрачивается связь с термином из конкретной научной области, просто лексема применяется по отношению к какому-то другому факту

реальности. Однако бывает так, что какие-то термины приобретают устойчивое метафоричное значение, например, математические понятия «формула, аксиома, сумма, теорема». Более расширенное значение получили термины химии: «брожение в умах, элемент нашей жизни, ответная реакция простых людей».

Современная терминологическая метафора очень широко используется в публицистике. Это термины из медицины, юриспруденции, военные, спортивные, географические, философские, термины искусства и других отраслей знаний. Очень широка и тематическая сфера их применения в метафорических выражениях: от государственного устройства до нравственных состояний. Приведем некоторые примеры из современной публицистики: «власть возбудила вирус недоверия, искусственная инъекция радости, энтропия души, коррозия смысла, девальвация интеллекта, остеохондроз экономики, геометрия любви, глаукома образовательных услуг». Мы видим, что в основном это не новая терминология, а новая речевая практика, которая расширяет сферу использования лексем, в большинстве случаев метафоризация терминов имеет оценочно-негативный характер описываемого явления действительности. Хотя порой в статьях встречаются и нейтральные словосочетания, которые не имеют явно выраженного негативного или положительного оценочного значения: «лексика танца, геометрия любви». Они не содержат индивидуальной образности, так как быстро клишируются, но достаточно экспрессивны.

Как было отмечено, результатом детерминологизации становится расширение семантического поля термина за счет метафоризации.

Выводы

Языковые перемены в конце XX-начале XXI века были восприняты носителями языка активно, так как они стали отражением изменившейся исторической парадигмы. К основным изменениям можно отнести следующие: уход в пассивный пласт советизмов, то есть слов и выражений, обозначающих реалии советской эпохи; актуализация слов, которые в советское время ушли в пассив, но вернулись в наше время, так как понятия, ими обозначаемые, вновь стали актуальными; вторже-

ние просторечий и жаргонизмов в литературный язык, так называемая «демократизация» языка, нейтрализация лексики; поток заимствованной лексики для обозначения новых экономических и политических реалий, достижений науки и техники, а также мода на заимствования в целом; детерминологизация; в области семантики – расширение, сужение и переосмысление семантики многих слов; изменение валентности ряда слов и др. Все эти процессы имеют столь интенсивный характер, что словари не успевают фиксировать происходящие изменения, поэтому понятия «норма» и «отклонение от нормы» стали размытыми, стихийный характер приводит к субъективным оценкам явлений языка. Это значительно затрудняет деятельность лингвистов и лексикографов, в частности, в нормализаторстве. Особенно влияют на распространение новых слов и словоупотреблений СМИ и интернет. Однако язык имеет самоочищающую функцию и сам в состоянии снять «бурлящую пену», отбросить все ненужное.

Заимствованная лексика выполняет в СМИ не столько номинативную функцию (служит для обозначения новых явлений и предметов), сколько экспрессивно-стилистическую (придает образность либо оценочность, а также способствует созданию эффекта иронии).

Заимствованное слово, войдя в русский язык, несколько изменяется и начинает жить своей жизнью, подстраиваясь под законы и нормы языка-приемника. Например, в результате семантической адаптации может произойти значительный сдвиг лексического значения и слово получит совершенно не тот смысл, который оно имело в языке-источнике.

Также проведенный анализ показал, что существует обоснованное употребление заимствований и необоснованное. Во втором случае возникает обратный эффект: текст теряет свою информативность, так как значение заимствования может быть затемнено для читателя.

Заимствованная лексика, с одной стороны, обогащает словарный состав русского языка, с другой стороны – чрезмерное употребление англицизмов в языке современных газет засоряет язык, вызывает негативное восприятие текста у читателя.

Список источников

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: ИРЯ, 1991. 193 с.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001. 302 с.
3. Введенская Л.В., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 544 с.

4. Гак В.Г. Рецензия на учебное пособие Валгиной Н.С. «Активные процессы в современном русском языке» // Вопросы языкознания, 2003. № 3. С. 50 – 56.
5. Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000. 481 с.
6. Замальдинов В.Е. Новообразования в современных СМИ как сигналы речевого воздействия // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: сборник научных работ (по материалам международной научно-практической конференции, НИУ «БелГУ», 4-7 октября 2017 г.) / под ред. А.В. Полонского, М.Ю. Казак, С.В. Ушаковой. Белгород, 2017. С. 293 – 297.
7. Какорина Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000. С. 73 – 79.
8. Караулов Ю.Н. Великий... могучий... многострадальный... // Неделя. 2009. № 40. С. 15 – 17.
9. Касьянова Л.Ю. Лингвокреативная природа неологизации // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, приуроченной к юбилею Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Белгородского государственного университета Николая Фёдоровича Алефиренко. Белгород, 2016. С. 58 – 64.
10. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык в конце XX столетия. М., 2008. С. 142 – 161.
11. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 2004. 340 с.
12. Пушкарёва Н.В. Русский язык: активные лексические процессы в эпоху нестабильности // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ, 2016. № 4 (24). С. 7 – 12.
13. Савицкий Н.П. Позитивное и негативное отражение общества в языке // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 155-158.
14. Чохонелидзе Н.С. Активные процессы в современном русском языке (Курс лекций для студентов гуманитарного факультета). Тбилиси, 2007. 456 с.
15. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского глагола). М., 1999. 317 с.
16. Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). М., 1994. 236 с.

References

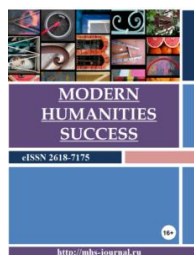
1. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. Russian political metaphor (materials for the dictionary). Moscow: IRYa, 1991. 193 p.
2. Valgina N.S. Active processes in the modern Russian language. Moscow: Logos, 2001. 302 p.
3. Vvedenskaya L.V., Pavlova L.G., Kashaeva E.Yu. Russian language and culture of speech. Rostov-on-Don: Phoenix, 2004. 544 p.
4. Gak V.G. Review of the textbook by Valgina N.S. "Active processes in the modern Russian language". Issues of Linguistics. 2003. No. 3. P. 50 – 56.
5. Ermakova O.P. Semantic processes in vocabulary. Russian language of the late 20th century (1985-1995). Moscow, 2000. 481 p.
6. Zamal'tinov V.E. New formations in modern media as signals of speech impact. Discourseology and media criticism of mass media: collection of scientific papers (based on the materials of the international scientific and practical conference, National Research University "BelSU", October 4-7, 2017). Edited by A.V. Polonsky, M.Yu. Kazak, S.V. Ushakova. Belgorod, 2017. P. 293 – 297.
7. Kakorina E.V. Transformation of lexical semantics and collocation. Russian language of the late 20th century (1985-1995). Moscow, 2000. P. 73 – 79.
8. Karaulov Yu.N. Great... mighty... long-suffering... Nedelya. 2009. No. 40. P. 15 – 17.
9. Kasyanova L.Yu. The linguo-creative nature of neologization. Cognitive-discursive strategies for language development: a collection of scientific papers based on the results of the International scientific conference dedicated to the anniversary of Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor of Belgorod State University Nikolai Fedorovich Alefirenko. Belgorod, 2016. Pp. 58 – 64.
10. Krysin L.P. Foreign-language word in the context of modern public life. Russian language at the end of the 20th century. Moscow, 2008. P. 142 – 161.
11. Kostomarov V.G. The language taste of the era. Moscow, 2004. 340 p.

12. Pushkareva N.V. Russian language: active lexical processes in the era of instability. Actual problems of philology and pedagogical linguistics. Vladikavkaz, 2016. No. 4 (24). P. 7 – 12.
13. Savitsky N.P. Positive and negative reflection of society in language. Dictionary. Grammar. Text. M., 1996. P. 155 – 158.
14. Chokhonelidze N.S. Active processes in the modern Russian language (Lecture course for students of the Faculty of Humanities). Tbilisi, 2007. 456 p.
15. Shmelev D.N. Problems of semantic analysis of vocabulary (based on the Russian verb). M., 1999. 317 p.
16. Ferm L. Features of the development of Russian vocabulary in the modern period (based on newspapers). M., 1994. 236 p.

Информация об авторе

Довлеткиреева Л.М., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8299-5651>, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, ведущий научный сотрудник сектора литературы и фольклора Академии наук Чеченский Республики, e-mail: dlida@inbox.ru

© Довлеткиреева Л.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1

Единицы с логически несовместимыми компонентами как разновидность фигур абсурда (на материале текстов русской поэзии начала XX века)

¹ Силаев И.В.,

¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Аннотация: статья посвящена анализу единиц с логически несовместимыми компонентами как разновидности фигур абсурда. В статье описаны отличительные признаки единиц с логически несовместимыми компонентами, к которым относятся вербализация несовместимых понятий и обострение в смысловой структуре категориальных и семантических противоречий. На материале текстов русской поэзии начала XX века были рассмотрены различные подходы к определению сущностных признаков таких единиц с логически несовместимыми компонентами, как оксюморон, катахреза, литота, гипербола. Катахреза и оксюморон рассматриваются как стилистические приемы, построенные по принципу алогизма, особенностью которых является обострение семантических противоречий в результате объединения онтологически несовместимых слов или слов, вербализирующих антонимические понятия. Гипербола и литота относятся к стилистическим приемам, построенным по принципу неправдоподобия, отличительным признаком которых является обострение семантических противоречий смысловых элементов, характеризующих количественные признаки объектов номинации. В статье были подробно рассмотрены фигуры алогизма и фигуры неправдоподобия, которые не могут быть отнесены к единицам с логически несовместимыми компонентами, также в их смысловой структуре отсутствует семантическое противоречие изначально или оно утрачивается вследствие фразеологизации стилистических приемов. В заключении статьи говорится о том, что ЕЛНК относятся к фигурам интерпретируемого абсурда, так как в процессе их смыслообразования семантические противоречия нивелируются вследствие переосмысления значений некоторых слов.

Ключевые слова: единицы с логически несовместимыми компонентами, катахреза, оксюморон, гипербола, литота, фигура абсурда, семантическое противоречие, алогизм, неправдоподобие

Для цитирования: Силаев И.В. Единицы с логически несовместимыми компонентами как разновидность фигур абсурда (на материале текстов русской поэзии начала XX века) // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 100 – 106.

Поступила в редакцию: 10 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Units with logically incompatible components as a kind of figures of the absurd (based on the texts of Russian poetry of the early 20th century)

¹ Silaev I.V.,

¹ Volgograd State Socio-Pedagogical University

Abstract: the article is devoted to the analysis of units with logically incompatible components as a kind of figures of the absurd. The article describes the distinctive features of units with logically incompatible components, which include the verbalization of incompatible concepts and the aggravation of categorical and semantic contradictions in the semantic structure. Based on the texts of Russian poetry of the early twentieth century, various approaches to defining the essential features of such units with logically incompatible components as oxymoron, catachresis, litota and hyperbole were considered. Catachresis and oxymoron are considered as stylistic devices built on the principle of alogism, the peculiarity of which is the aggravation of semantic contradictions as a result of combining ontologically incompatible words or words verbalizing antonymic

concepts. Hyperbole and litote refer to stylistic techniques based on the principle of improbability, the distinguishing feature of which is the aggravation of semantic contradictions of semantic elements characterizing the quantitative characteristics of the objects of the nomination. The article considered in detail the figures of alogism and figures of improbability, which cannot be attributed to units with logically incompatible components, and there is no semantic contradiction in their semantic structure initially or it is lost due to phraseologization of stylistic techniques. The conclusion of the article says that ELNAS are figures of interpreted absurdity, since in the process of their semantic formation semantic contradictions are leveled after rethinking the meanings of certain words.

Keywords: units with logically incompatible components, catachresis, oxymoron, hyperbole, litote, figure of the absurd, semantic contradiction, alogism, improbability

For citation: Silaev I.V. Units with logically incompatible components as a kind of figures of the absurd (based on the texts of Russian poetry of the early 20th century). Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 100 – 106.

The article was submitted: April 10, 2025; Approved after reviewing: June 7, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью более глубокого изучения экспрессивного потенциала единиц с логически несовместимыми компонентами как разновидностей фигур абсурда в поэтическом тексте. В современном языкознании исследованию фигур абсурда посвящено немало работ [11, 12]. В ходе изучения когнитивного, структурно-семантического, функционального своеобразия разных видов фигур абсурда была выделена группа стилистических приемов, которая была названа К.И. Декатовой и Н.Ф. Алефиренко единицами с логически несовместимыми компонентами (далее – ЕЛНК) [1, 6].

В отечественной лингвистике ЕЛНК исследовались в разных аспектах: анализировалась специфика значения отдельных стилистических приемов, относящихся к ЕЛНК, рассматривались семантические признаки, которые отличают ЕЛНК от других стилистических приемов [7, 16], описывались семантические механизмы преодоления противоречий в значении ЕЛНК [2, 18]. Исследование значения ЕЛНК проводилось на материале разговорной речи, публицистических, художественных прозаических и поэтических текстов [14, 15]. Особое внимание к смыслообразованию ЕЛНК в последнем типе текстов обусловлено частотой и разнообразием их использования в поэтических произведениях. ЕЛНК вызывают большой интерес у исследователей поэзии, так как данные стилистические приемы обладают противоречивой природой и позволяют точно и ярко воплотить поэтический образ, комбинируя несовместимые понятия, помогают вскрыть диалектическое противоречие, разнообразие и многогранность объектов поэтической номинации.

Задачи исследования:

- выявить и описать отличительные признаки ЕЛНК;

- рассмотреть особенности ЕЛНК, построенные по принципу алогизма и неправдоподобия в текстах русской поэзии первой половины XX века;

- проанализировать процессы смыслообразования таких ЕЛНК, как оксюморон, катахреза, гипербола и литота в русской поэзии первой половины XX века.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили тексты русской поэзии первой половины 20 века.

Методы исследования, применяемые в работе:

– метод компонентного анализа, который применяется с целью выявить и описать семантические признаки, составляющие значение слова, и показать, как эти признаки отличают одно слово от другого.

– метод контекстуального анализа, позволяющий определить и уточнить значение слова или выражения, исходя из контекста, в котором оно употребляется

Результаты и обсуждения

Во многих лингвистических исследованиях к фигурам абсурда относят разные стилистические приемы, которые обладают таким признаком, как противоречие их семантики традиционной картине мира. Однако не все из фигур абсурда можно отнести к ЕЛНК. Анализируя характерные черты последних единиц, К.И. Декатова отмечает, что ЕЛНК представляют собой «фигуры, которые содержат языковые единицы, вербализирующие противоречивые или несовместимые понятия» [6, с. 126]. Отталкиваясь от данного определения, уточним, что в нашей работе термином ЕЛНК называются выразительные средства языка, в состав которых входят компоненты, вербализирующие несовместимые понятия, содержащие в своей семантике противоречивые смысловые элементы. Исследования структурно-семантических признаков ЕЛНК позволило выявить следующие особен-

ности, отличающие их от других групп, относящихся к фигурам абсурда стилистических приемов:

1) ЕЛНК включают в свой состав слова-компоненты, вербализирующие логически несовместимые понятия;

2) в смысловой структуре ЕЛНК содержатся семы значений слов-компонентов, вступающие в противоречие;

3) семантическое противоречие в смысловой структуре ЕЛНК разрешается в результате переосмысления слов-компонентов, что позволяет отнести данные стилистические фигуры к интерпретируемым фигурам абсурда. Например, такая фигура абсурда, как оксюморон в стихотворении А.А. Ахматовой «Царскосельская статуя», обладает вышеперечисленными признаками, поэтому может быть отнесена к ЕЛНК:

*И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...*

*Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.* [4, т. 1, с. 92].

В данном отрывке стихотворения оксюморон **весело грустить** является фигурой абсурда с признаками ЕЛНК: 1) в состав стилистической фигуры входят слова, вербализирующие логически несовместимые понятия «радость» и «грусть»; 2) в процессе смыслообразования оксюморона обостряется семантическое противоречие – сопряжение несовместимых сем в сигнификате речевого смысла языковой единицы, – которое на сигнификативном уровне и представляет собой оппозицию несовместимых смыслов: ‘доставлять радость’ и ‘испытывать чувство уныния’; 3) важнейшим этапом смыслового структурирования данного стилистического приема является этап преодоления семантического противоречия путем переосмысления слова *грустить*, которое утрачивает смысловые элементы, связывавшие его с категорией «отрицательные эмоции», а оксюморонное сочетание слов *весело грустить* приобретает значение ‘притворяться грустной, в действительности испытывая положительные эмоции’, которыми, по мнению А. Ахматовой, исполнена ставшая благодаря А.С. Пушкину бессмертной статуя Царскосельского парка.

Анализ русской поэзии первой половины 20 века показал, что в поэтических текстах встречаются ЕЛНК, построенные по принципу алогизма и по принципу неправдоподобия.

К ЕЛНК, построенным по принципам алогизма, относятся оксюморон и катахреза. В связи с различным пониманием сущности данных стилистических фигур в современных лингвистических исследованиях уточним, что в нашем исследовании

термины «оксюморон» и «катахреза» используются в значении, отраженном в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой. Ученый дает следующее определение оксюморона: «Оксюморон – это фигура речи, состоящая в соединении двух антонимических понятий (двух слов, противоречащих друг другу по смыслу)». [3, с. 286]. Примером оксюморона может послужить ЕЛНК из известного отрывка произведения В. В. Маяковского «Облако в штанах»:

Дантесам в мой не целить лоб.

Четырежды состарюсь – четырежды омоложенный,

до гроба добраться чтоб. [8, т. 4, с. 180].

В данном отрывке стихотворения оксюморон *четырежды состарюсь – четырежды омоложенный* представлен сочетанием противоречащих друг другу по смыслу спрягаемой формы глагола *состариться* с причастием *омоложенный* в рамках одной стилистической фигуры приводит к явному нарушению логики. Анализ семантического состава входящих в состав оксюморона слов: *состариться* – ‘стать стариком’ и *омоложенный* – ‘сделаться молодым’ – показывает, что одному объекту одновременно приписываются противоположные свойства и признаки, что нарушает закон противоречия (непротиворечия).

Катахрезой в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой называется «троп, состоящий в употреблении слов в значениях, им естественно не принадлежащих, часто как разновидность гиперболической метафоры» [3, с. 189]. М.Л. Гаспаров пишет о катахрезе как о понятии амбивалентном: «Катахреза <...> метафора, не ощущаемая как стилистический прием, т.е. или слишком привычная (“ножка стола”, “красные чернила”), или непривычная, ощущаемая как недостаток» [5, с. 152]. Примером такого вида ЕЛНК, как катахреза, может послужить стилистический прием в стихотворении Б.Л. Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать!»:

Февраль. Достать чернил и плакать!

Писать о феврале навзрыд,

Пока грохочущая слякоть

Весною чёрною горит. [10, с. 6].

В приведенном отрывке произведения поэт употребляет разные стилистические приемы для достижения выразительности и создания уникальных образов. Однако наиболее ярким является катахреза *писать навзрыд*, которая создается путем объединения несочетаемых слов: навзрыд можно только плакать, но не писать. Противоречие обостряется в результате первичного восприятия и мыслится как логическая ошибка. Однако данное противоречие преодолевается, так как в процессе

смыслообразования катахрезы происходит перекаатегоризация слова *навзрыд*, которое начинает характеризовать действие. Семантическое противоречие в значении катахрезы основывается на совмещении таких смыслов как 'молча', 'беззвучно' (совершать действие, писать) и 'громко' (плакать навзрыд). В результате переосмысления слова *навзрыд* противоречие преодолевается: нивелируются смыслы, характеризующие плач, и смысловая структура наполняется новыми смысловыми элементами 'судорожно', 'испытывая сильные эмоции'. Используя катахрезу, поэт создает в стихотворении необычный образ.

К ЕЛНК, построенным по принципам неправдоподобия, относятся гипербола и литота.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахманова дает следующее определение гиперболы, характеризуя ее как фигуру речи, состоящую «в заведомом преувеличении, усиливающем выразительность, придающем высказываемому эфатический характер» [3, с. 99]. В.П. Москвин, рассматривая сущностные признаки гиперболы, подчеркивал, что данный стилистический прием представляет собой фигуру речи, состоящую «в преувеличении настолько неправдоподобном, что буквальное истолкование исключается» [9, с. 47]. Гиперболы обладают всеми признаками ЕЛНК. Например, в стихотворении В.В. Маяковского «Специально для сартов и киргизов будет эта сказка об одном верблюде» содержится стилистическая фигура с логически несовместимыми компонентами:

*Росла на верблюде дармоедов куча,
до самого неба горб навьюча.
Проснулся верблюд
от тяжести лишней,
и все посыпались, как гнилые вишни.*
[8, т. 3, с. 76].

Компоненты гиперболы *до самого неба горб навьюча* вербализуют понятия, объединение которых нарушает законы логики. В процессе смыслового структурирования данной ЕЛНК обостряется категориальное противоречие: такой части животного, как горб, приписывается неправдоподобный количественный признак – величина до самого неба. И таким образом число сидевших на горбе дармоедов явно преувеличивается. Категориальное противоречие проявляется и на семантическом уровне: семантическое противоречие заключается в том, что компоненты анализируемой нами ЕЛНК содержат противоречивые семные комплексы 'очень большой', 'достигающий неба' (по высоте, до самого неба) и 'небольшой нарост' (горб). Используя данную гиперболу, поэт показывает свое

отношение к тем, кто не работает, используя также эмоционально-оценочную лексику *дармоеды*.

Литотой в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой называется стилистический прием, «состоящий в употреблении антонима с отрицанием, как средство риторического «умаления» [3, с. 220]. В нашем исследовании литота рассматривается как фигура абсурда, близкая по механизмам смыслообразования к гиперболе, используемая как нарочитое преуменьшение количественного признака объекта номинации. Смысловая структура литоты, как и гиперболы, образуется в результате сочетания слов, соотносящихся с понятиями, содержащими несовместимые количественные характеристики. Например, в поэтическом тексте В.В. Маяковского «Стих резкий о рулетке и железке» употребляется литота:

*«Господин товарищ – свободное место», –
и проводит вас чрез человежье тесто.*

Глазки у «крупьи» – две звездочки-точки. [8, т. 4, с. 44].

Литота *глазки – две звездочки-точки* формируется вследствие объединения компонентов *глазки* и *звездочки-точки*, которые вербализуют понятия с несовместимыми количественными характеристиками: даже самые маленькие глаза человека не могут быть такого же размера, как точки.

В процессе смыслообразования литоты на семантическом уровне противоречие обостряется между потенциальными смысловыми элементами, вербализующими представление о размере объектов: 'размера человеческого глаза' (глазки) и 'маленького размера' (точки). В процессе перекаатегоризации и семантического переосмысления сочетания сложного слова *звездочки-точки* происходит разрешение категориальных и семантических противоречий, и литота приобретает значение 'очень, чрезмерно маленькие глазки'.

Важно отметить, что не все фигуры алогизма и фигуры неправдоподобия в произведениях русской поэзии первой половины XX века могут быть отнесены к ЕЛНК, поскольку существуют группы описанных фигур абсурда, не обладающие семантическим противоречием. Как показал анализ, не обладают признаками ЕЛНК следующие группы оксюморонов, катахрез, гипербол и литот:

1) фразеологизированные фигуры алогизма и неправдоподобия, так как во фразеологическом значении отсутствуют семантические противоречия: «*Ваш сын прекрасно болен!*» [8, т. 1, с. 180].

2) относительные гиперболы и литоты, то есть фигуры неправдоподобия, которые номинируют маловероятные в количественном отношении, но возможные явления, предметы: «*На ручках перчатки вечно таскает,* – / Общеизвестная манера

шулерская» [8, т. 5 с. 118]. Пример относительной литоты – «И видно бежала: **чуть-чуть** запылен / Ее голубой баимачок» [17, т. 1 с. 169].

3) местоименные гиперболы – фигуры, которые не содержат в семантической структуре противоречий смысловых элементов и не обладают яркой образностью. В русской поэзии первой половины XX века менее других используются гиперболы, в состав которых входят такие местоимения со значением преувеличения, как, например, местоимения всякий, каждый, любой: «У него глаза такие, / Что запомнить **каждый** должен» [4, т. 1, с. 167].

4) образованные при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов и приставок со значением неполноты действия литоты, если в значении слов-компонентов стилистической фигуры не содержится семантического противоречия: «Взглянув кокетливо в трюмо, / Запрячется в **конвертик** маленький» [13, т. 4, с. 48]; «Стали ночи теплее, **подтаивал** снег, / Вышла я поглядеть на луну» [4, т. 1, с. 281].

5) нетропеические литоты, образованные на основе двойного отрицания: «Нам необходим **не безголовый** рекордист, / нужен массу подымающий спортсмен» [8, т. 9, с. 177].

Выводы

Таким образом, в русской поэзии первой половины XX века одним из ярких выразительных средств являются единицы с логически несовместимыми компонентами. Данные единицы являются разновидностью фигур абсурда, которые обладают рядом отличительных признаков: выражают логически несовместимые понятия, в процессе их смыслообразования формируются семантические противоречия, которые преодолеваются в ходе переосмысления всех или некоторых компонентов фигур алогизма и фигур неправдоподобия. Последний признак позволяет отнести единицы с логически несовместимыми компонентами к фигурам интерпретируемого абсурда.

Список источников

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград: Перемена, 1993. 149 с.
2. Атаева Е.А. Лингвистическая природа и стилистические функции оксюморона: на материале английского языка: дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 1975. 145 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. Москва: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.
4. Ахматова А.А. Собрание сочинений: в 6 т. / сост., подгот. текста, коммент., ст. Н.В. Королевой. Москва: Эллис Лак, 1998-2002.
5. Гаспаров М.Л. Фигуры стилистические // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. 466 с.
6. Декатова К.И. Когнитивная динамика смысловой дистрибуции слова в процессе русского фразеомообразования: на материале фразеологизированных стилистических фигур: дис. ... канд. филолог. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2001. 181 с.
7. Крысин Л.П. Гипербола в русской разговорной речи // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. Москва: Яз. славян. культуры, 2004. С. 244 – 261.
8. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. / Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. Москва: Гослитиздат, 1955-1961.
9. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Москва: ФЛИНТА, 2016. 630 с.
10. Пастернак Б.Л. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. Москва: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. 1279 с.
11. Пекарская И.В. Стилистические фигуры принципа алогизма: к проблеме дефиниции и типологии // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2014. № 7. С. 72 – 80.
12. Полторацкий А.И. Риторические алогизмы: перенесение эпитета в англоязычной художественной речи // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность речи / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова. Москва, 1990. С. 139 – 147.
13. Северянин И. Сочинения: в 5-ти т. / Состав., вступ. статья, коммент. В.А. Кошелева и В.А. Сапогова. Санкт-Петербург: Издательство "Logos", 1995-1996.

14. Степанова Н.Ю. Литота в Художественном тексте как способ выражения категории недосказанности // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы XIII международной научной конференции: в 2-х ч. Москва – Коломна, 16-17 апреля 2020 года. Том Вып. 13. Часть I. Москва – Коломна: Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", 2020. С. 102 – 106.
15. Супряга С.В. Оксюморон в творчестве поэтов конца XIX – начала XX века // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 3(50). С. 247 – 258.
16. Харченко В.К. Литота в речевом жанре бытового разговора // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 273 – 280.
17. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Москва: Эллис Лак, 1994-1995.
18. Шестакова Э.Г. Оксюморон как категория поэтики (на материале русской поэзии XIX – первой трети XX веков). Донецк: НОРД-ПРЕСС, 2009. С. 209.

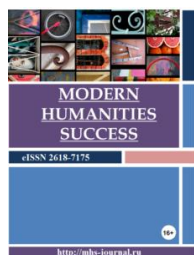
References

1. Alefirenko N.F. Phraseology in the System of the Modern Russian Language. Volgograd: Peremena, 1993. 149 p.
2. Ataeva E.A. Linguistic Nature and Stylistic Functions of Oxymoron: Based on the English Language: Diss. ... Cand. Philological Sciences. Moscow, 1975. 145 p.
3. Akhmanova O.S. Dictionary of Linguistic Terms. 2nd ed., reprinted. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969. 607 p.
4. Akhmatova A.A. Collected Works: in 6 volumes. compiled, text prep., commentary, art. by N.V. Koroleva. Moscow: Ellis Luck, 1998-2002.
5. Gasparov M.L. Stylistic figures. Literary encyclopedic dictionary. Moscow, 1987. 466 p.
6. Dekatova K.I. Cognitive dynamics of semantic distribution of a word in the process of Russian phrase formation: based on phraseologized stylistic figures: dis. ... Cand. of Philology. Volgograd State Pedagogical University. Volgograd, 2001. 181 p.
7. Krysin L.P. Hyperbole in Russian colloquial speech. Russian word, one's own and someone else's: Research in the modern Russian language and sociolinguistics. Moscow: Language of Slavic Culture, 2004. P. 244 – 261.
8. Mayakovsky V.V. Complete Works: in 13 volumes. USSR Academy of Sciences. Institute of World Literature named after A.M. Gorky. Moscow: Goslitizdat, 1955-1961.
9. Moskvina V.P. Stylistics of the Russian language. Moscow: FLINTA, 2016. 630 p.
10. Pasternak B.L. Complete collection of poetry and prose in one volume. Moscow: "ALFA-KNIGA Publishing House", 2017. 1279 p.
11. Pekarskaya I.V. Stylistic figures of the principle of alogism: on the problem of definition and typology. Bulletin of the Khakass State University named after N.F. Katanov. 2014. No. 7. P. 72 – 80.
12. Poltoratsky A.I. Rhetorical alogisms: transfer of the epithet in English-language artistic speech. Logical analysis of language. Inconsistency and abnormality of speech. Ed. N.D. Arutyunov. Moscow, 1990. P. 139 – 147.
13. Severyanin I. Works: in 5 volumes. Composition, introduction, commentary by V.A. Kosheleva and V.A. Sapogov. St. Petersburg: Logos Publishing House, 1995-1996.
14. Stepanova N.Yu. Litotes in a Fiction Text as a Way of Expressing the Category of Understatement. Language: Categories, Functions, Speech Action: Proceedings of the XIII International Scientific Conference: in 2 parts. Moscow – Kolomna, April 16-17, 2020. Vol. Iss. 13. Part I. Moscow – Kolomna: State Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region "State Social and Humanitarian University", 2020. Pp. 102 - 106.
15. Supryaga S.V. Oxymoron in the Works of Poets of the Late 19th – Early 20th Century. Language Theory and Intercultural Communication. 2023. No. 3 (50). P. 247 – 258.
16. Kharchenko V.K. Litotes in the Speech Genre of Everyday Conversation. Speech Genres. 2019. No. 4 (24). P. 273 – 280.
17. Tsvetaeva M.I. Collected Works: in 7 volumes. Moscow: Ellis Luck, 1994-1995.
18. Shestakova E.G. Oxymoron as a category of poetics (based on Russian poetry of the 19th – first third of the 20th centuries). Donetsk: NORD-PRESS, 2009. P. 209.

Информация об авторе

Силаев И.В., аспирант, Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
i.postkoff@yandex.ru

© Силаев И.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1

Лексема *далее*: развитие текстовых функций

¹ Би Цзин,

¹ Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: статья посвящена анализу функционирования лексемы *далее* в современном русском языке. Объект настоящей статьи – лексема *далее*, в разных контекстах выполняющая функции как наречия, так и текстовой скрепы. Предметом исследования являются условия функционирования и контекстная сочетаемость данной лексемы. Цель исследования – установить условия, при которых у наречия *далее* развиваются функции текстовой скрепы. В статье анализируются разные формулировки значения лексемы *далее* в толковых словарях, автор выявляет условия функционирования лексемы *далее* в качестве наречия, определяет контекстную сочетаемость лексемы, обуславливающую реализацию пространственной и временной семантики лексемы, и обращает внимание на компонент семантики лексемы, предопределивший появление у нее текстовой функции. Особое внимание уделяется текстам, в которых лексема *далее* занимает позицию начала предложения, в которой может развиваться функция текстовой скрепы. Материал для исследования взят из Национального корпуса русского языка, при анализе материала применялся описательный метод, метод контекстуального анализа, а также корпусная методика сбора материала. Научная ценность работы состоит в том, что в результате исследования выявлена еще одна текстовая скрепа и установлены ее функции. Выводы исследования показывают, что лексема *далее* в пространственном и временном значении способна указывать на последовательность чего-либо, и эта способность лексемы является семантической базой, на основе которой у лексемы в определенной синтаксической позиции между фрагментами текста развивается текстовая функция. Результаты исследования могут быть использованы в лексикографической практике для уточнения функции и статуса лексемы, а также в практике преподавания теории текста в курсе русского языка как иностранного.

Ключевые слова: наречие, пространственное значение, временное значение, синтаксис, служебные слова, текст, текстовая скрепа, контекст

Для цитирования: Би Цзин Лексема *далее*: развитие текстовых функций // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 107 – 112.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Lexeme *Next*: development of text functions

¹ Bi Jing,

¹ Far Eastern Federal University

Abstract: the article analyzes the functioning of lexeme *next* in modern Russian language. The object of this article is lexeme *next*, which in various contexts functions both as an adverb and as a text clip. The subject is the conditions of functioning and contextual compatibility of this lexeme. This study aims to identify the conditions under which adverb *next* develops text functions. The article analyzes various definitions of lexeme *next* in dictionaries, the author identifies conditions under which lexeme *next* functions as an adverb, determines the contextual compatibility of the lexeme with spatial or temporal semantics, and draws attention to the component of the semantics, which predetermined its text function. Special attention is paid to texts where the lexeme occupies the position of the beginning of a sentence. The research material is taken from the Russian National Corpus, and selected through lexical and grammatical search. The descriptive method, method of contextual analysis, and corpus technique for collecting material were used in the study. The scientific value lies in the identification of an additional

text clip and the establishment of its functions. The findings confirm that lexeme *next* is capable of indicating the sequence of something in spatial and temporal meaning, and this is the semantic base on which the lexeme develops a text function in a certain syntactic position. The study's results can be used in lexicographic practice to clarify the function and status of the lexeme, as well as in the practice of teaching text theory in the course of Russian as a foreign language.

Keywords: adverb, spatial meaning, temporal meaning, syntax, service words, text, text clip, context

For citation: Bi Jing Lexeme *Next*: development of text functions. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 107 – 112.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 8, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Одним из активных процессов в русском языке является процесс развития у знаменательных слов служебных функций. Это процесс имеет долгую историю и не прекращается и в настоящее время.

Существует два класса служебных слов, функцией которых является оформление связей и отношений в предложении и тексте – это предлоги и союзы. Оба класса обладают общей функцией – быть средством связи, поэтому в союзы и предлоги переходят знаменательные слова, которые обладают семой релятивности. Процесс развития служебных функций у знаменательных слов длительный, в ходе этого процесса в языке появляются такие единицы, которые, с одной стороны, подобны союзам, а с другой стороны, существенно от них отличаются. В результате в русском языке формируется класс связующих единиц, роль которых – оформлять разные типы отношений в тексте. Такие единицы обозначаются в русистике термином «текстовые скрепы» [8, 9 и др.]. Определение текстовой скрепы – «выражает отношения между высказываниями внутри абзаца, между частями текста, оформленными в виде абзаца, или соотносит между собой сколь угодно крупные части текста» [8, с. 335-336] – показывает, что такие связующие единицы функционируют именно в тексте, поэтому в термин включено определение «текстовая».

Текстовые скрепы как особый класс связующих единиц активно исследуются в рамках многопараметрового подхода к изучению и описанию служебных слов русского языка [10, 11]. Исследования последних лет показали, что функция текстовых скреп может развиваться у вводно-модальных слов, например, таких, как *наоборот* [6], *кстати* [7], лексикализованных предложно-падежных словоформ, например, у словоформы *к примеру* [3], существительных с абстрактным значением, таких как существительное *дело*, ставшее базой для возникновения межфразовой скрепы *дело в том, что* [5]. Активно текстовые функции развиваются у местоименных наречий *теперь* [2], *потом* [13].

Однако и местоименные наречия тоже могут выполнять функции текстовых скреп [1].

Объект настоящей статьи – лексема *далее*, в разных контекстах выполняющая функции как наречия, так и текстовой скрепы.

Цель настоящей статьи – показать выявленные в ходе исследования текстовые функции лексемы и определить условия развития этих функций у названной лексемы.

Материалы и методы исследований

Материал для исследования взят из Национального корпуса русского языка, из Основного подкорпуса.

Материал отбирался с помощью лексикограмматического поиска: необходимо было собрать тексты, в которых лексема *далее* занимает позицию начала предложения, так как именно в этой позиции может развиваться функция текстовой скрепы. Были заданы следующие параметры для поиска лексемы *далее* в наречной функции: *Далее – Vf на расстоянии от 1 до 2 от слова 1*. По этому запросу было получено и проанализировано 4500 употреблений. Для поиска лексемы *далее* в функции текстовой скрепы были заданы следующие параметры: (1). *Далее (bcolon) & (capital) – Далее перед двоеточием*. По этому запросу было получено и проанализировано 148 употреблений. (2). *Далее (bdot) & (capital) – Далее перед точкой*. По данному запросу было получено и проанализировано 405 употреблений. В целом материал исследования составил около 4 690 фактов употребления лексемы *далее*.

В ходе исследования применялся описательный метод, метод контекстуального анализа, а также корпусная методика сбора материала.

Результаты и обсуждения

1. Данные словарей

Лексема *далее* в толковых словарях современного русского языка представлена в отдельной словарной статье и имеет несколько значений. Первое значение дается через отсылку к прилагательному *далекий* [12, с. 179], а также к наречию *далеко* [4, с. 238]. В [Толковый словарь ..., 2011]

лексема квалифицируется как наречие. В [БТС, 1999] в первом значении отмечается, что это форма сравнительной степени. Формулировки второго значения в указанных словарях различаются. В словаре под общей редакцией Н.Ю. Шведовой дается такое толкование: «В отдалении от кого-чего-н., а также продолжая путь или какое-н. действие, то, что начато; потом, затем, вслед за тем, после чего-н.» [12, с. 179], а в словаре, составителем и главным редактором которого является С. А. Кузнецов, формулировка: «Затем, в дальнейшем» и «Продолжая начатое» [4, с. 238]. Обобщение данных словарей позволяет сделать вывод, что лексема *дальше* также имеет пространственную и временную семантику.

2. Специфика сочетаемости наречия «дальше»

Для наречия характерна сочетаемость с глаголами, в таком случае проявляется категориальное значение наречия обозначать непроецессуальный признак действия. В таких контекстах у лексемы *дальше* реализуется либо пространственная, либо временная семантика. Это зависит от лексической сочетаемости.

Пространственная семантика наречия *дальше* реализуется в сочетаниях с глаголами передвижения или расположения в пространстве, например: глаголы передвижения:

(1). *Возле двери криво нависал пролет запасной лестницы, ведущей на чердак. Дальше надо было пройти* коридором, *потом свернуть в другой коридор, в конце которого и был расположен буфет.* [Фазиль Искандер. Мой кумир (1965-1990)].

(2). *На поезде они добрались до городка Лутепе между Браззавилем и Пуэнт-Нуаром. Дальше ехали на попутных грузовиках.* [«Столица», 15.07.1997].

глаголы расположения в пространстве:

(3). *Спуск прошли быстро. <...> Кучум повизгивал и прибавлял шагу. Дальше тропа тянулась по распадку.* [Александр Купер. Истопник // «Дальний Восток», 2019].

(4). *Задумавшись, даже не заметил, как миновал поле, которое простирается так далеко на запад, что смешанный лес, обнимающий его серповидно, похож на приближающуюся грозу. Дальше дорога берет правее и вводит под своды сосновой роуи <...>* [Вячеслав Пьецух. Деревенские дневники // «Октябрь», 2001].

(5). *Места посуше были заняты обыкновенной полынью с перистыми листьями, издающими приятный запах, если их потереть между пальцами, и тростниками <...>. Дальше виднелась* какая-то полудревесная, полукустар-

никовая растительность. [В.К. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня (1937)].

Временная семантика наречия *дальше* реализуется в контекстах, не имеющих ограничений на сочетаемость с глаголами определенного типа. На временную семантику может указывать как общее содержание текста (6), так и наличие в контексте других показателей временных значений (7,8):

(6). *Параджанов сидел на балконе на втором этаже, в халате, и приветствовал нас, глядя сверху: Какие красивые люди идут по лестнице! В воздухе запахло «Шанелью»! Таковы были его первые слова. Дальше все напоминало действие параджановских фильмов* [Сати Спивакова. Не всё (2002)]. В таких контекстах *дальше*, как показано в словарях, синонимично наречиям *потом, затем*.

(7). *Ему [И. Северянину] надо было умереть в 1918-м, в тот год, когда закончилась его слава в России. Дальше он жил, как в том давнем таинственном сне <...>* [В.М. Недошивин. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург (2012)]. В данном тексте на временную семантику наречия указывает предшествующее предложение, в котором называется год – рубеж славы И. Северянина в России.

(8). *Решать нужно сейчас – переезжать или нет. Дальше будет сложнее.* [И.Л. Шолохова. Дневник (2012)]. В данном тексте на временную семантику наречия *дальше* указывает соотношение с наречием времени *сейчас*.

При сочетаемости с многозначными глаголами временная или пространственная семантика наречия выявляется в контексте:

(9). *Спасатели подъезжают максимально близко, а затем километры преодолевают пешком. Сложно проходимый лес, ручьи и болотистая местность <...>. Дальше начинаются гектары тлеющего леса, где растительности уже почти не осталось.* [Vesti.ru, 16.09.2020]. Контекст представляет собой описание местности и трудности передвижения по этой местности, наречие *дальше* реализует пространственную семантику.

(10). *Как только "штрафник" попадает "на поле" коллекторского агентства, все его данные заносят во внутреннюю базу. В ней вся информация – кто этот человек, где живет, сколько должен. Дальше начинаются телефонные переговоры.* [Известия, 21.06.2006]. Временной союз *как* только соотносится с наречием *дальше* и выявляет временную семантику наречия.

В устойчивой фразе *Дальше будет видно*, а также в контекстах с компаративами слов категории состояния типа *Дальше будет хуже / лучше / тяжелее* проявляется временная семантика лек-

семь. В то же время лексика, определяющая контекст как пространственный (степь, горы, дорога), выявляет пространственное значение лексемы. В собранном материале контексты с глаголом «быть» в разных формах представляют 12,5%.

То же самое можно сказать о глаголе *идти*: в прямом значении он выявляет пространственное значение лексемы (*Дальше спуск идет роскошным лугом* [В. М. Броннер. Теберда. Путеводитель]), в переносном, десемантизированном значении проявляет временной характер лексемы *дальше* (*Дальше идет сильнейшее увлечение пантомимами* [Народное творчество, 1937]). Контексты с формами глагола *идти* в прямом и переносном значениях занимают 10% от всех собранных фактов.

Наречие *дальше* и в пространственных, и во временных контекстах указывает на последовательность расположения предметов в пространстве, на последовательность развития действий, событий. Этот же компонент семантики реализуется, когда лексема *дальше* используется для описания структуры письменного текста или описания развития устной речи, например, какого-либо разговора или устного выступления. Например:

Письменный текст:

Пример, ярко демонстрирующий использование лексемы *дальше* в сочетании с десемантизированным глаголом *идти* для организации структуры текста:

(11). *Представьте себе, что у вас есть мать. Что она живет, допустим, в Милуоки вместе с вашим братом. И вдруг вы узнаете, что ваша мать тяжело заболела и попала в госпиталь. Вы посылаете брату телеграмму с вопросом: Что с матерью? Отвечай немедленно!» Брат немедленно отвечает примерно следующее: У нас в Милуоки скверная погода». Дальше идет талантливое и яркое описание климата в Милуоки. Но о матери ни слова. Вы начинаете еще больше волноваться. Вы посылаете еще одну телеграмму с тем же вопросом: Что с матерью?» Брат отвечает: Транспорт у нас в Милуоки работает плохо». Дальше идет подробное, талантливое описание работы транспорта в Милуоки. Но о матери — ни слова.* [Сергей Довлатов. Блеск и нищета русской литературы (1982)].

Следующий пример демонстрирует взаимодействие нескольких средств организации связи между фрагментами текста, *дальше* является одним из этих средств:

(12). *В первой части доклада переговоры о сотрудничестве описываются как жанр межкультурной коммуникации. Затем описывается их макроструктура, которая претерпела*

существенные изменения за исследуемый срок. <...>. Дальше анализируется уровень содержания кооперационных переговоров [Р. Ратмайр. Изменение скрытой нормы в научно-деловой речи (на примере немецко-русских переговоров о сотрудничестве университетов) (2006)].

Описание хода устной речи:

(13). *Говорил об инвентаризации и систематизации хранящихся экслибрисов. Пополнение музеев идет по нескольким путям, в том числе и покупка, и дарение во время выставок. Пока, сказал Покатов, я не знаю, сколько книжных знаков хранится в музее. Дальше говорил о выставочной деятельности.* [С.Н. Есин. Дневник (2008)].

Такие контексты, как приведенные выше, в которых лексема *дальше* используется для отражения последовательности разворачивания устной или письменной речи, стали базой для развития у этой лексемы текстовой функции.

3. Текстовые функции лексемы *дальше*

Текстовая функция у наречия *дальше* развивается в определенных условиях. Как и у других наречий, которые приобрели функцию текстовой скрепы (*потом, теперь*), обязательными условиями являются:

- позиция абсолютного начала предложения, входящего в структуру текста, имеющего предшествующий контекст;
- отсутствие глагола, с которым может сочетаться *дальше* на основе подчинения;
- особая интонация паузы, которая на письме отражается с помощью двоеточия, тире и точки после слова *дальше*;
- организация связи с предшествующим контекстом.

Все 148 фактов употребления *дальше* перед двоеточием и 405 фактов употребления перед точкой отражают текстовую функцию лексемы *дальше*. В ходе исследования было выявлено несколько функций текстовой скрепы у лексемы *дальше*. Функция текстовой связи реализуется у лексемы в больших по объему контекстах, поэтому в приведенных ниже примерах пришлось делать купюры.

3.1. Функция указания на последовательность мысли говорящего

(14). *Жили мы в общежитии. <...>. Ни родных, никого. В Москве уже больная мама. В театре я еще никто. Здесь же его брат с женой, которые вернулись из Германии и с настороженностью к нам относились, потому что была семья, которую Владик оставил (там дочь). Дальше. Я видела, как он легко ушел из той семьи, имея там двухлетнего ребенка. Это меня настораживало. «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск),*

07.06.2003]. Лексема *далее* используется говорящим для перехода к новой микротеме в повествовании.

Структурирование текста, отражающее последовательность в развитии мысли, может оформляться совокупностью текстовых средств, в таком случае *далее* взаимодействует с другими текстовыми скрепами, например:

(15). *Во-первых, пауза в разговоре должна быть чуть дольше, чем ты делаешь. <...>. Затем: пауза нужна не сама по себе, а чтобы дать клиенту время на развитие темы, а тебе для тактики разговора. Далее: в разговоре должна быть динамика. <...>. В-третьих, в каждом человеке живет самолюбие, в норме или патологии, не важно.* [Игорь Адамацкий. Утешитель // «Звезда», 2001].

В примере (15) текстовые скрепы *во-первых* и *затем* организуют один микротематический блок в тексте: микротема этого блока – «пауза в речи». Лексема *затем* в данном примере является текстовой скрепой, так как ее позиция и роль полностью соответствуют названным выше признакам. Лексема *далее* в роли текстовой скрепы вводит новую микротему: «динамика в разговоре». Для говорящего тексте ее роль в данном тексте идентична текстовой скрепе *во-вторых*. Поэтому следующая микротема («самолюбие») вводится с помощью скрепы *в-третьих*, что одновременно еще раз подчеркивает функцию лексемы *далее* как текстовой скрепы.

3.2. Функция введения дополнительной цитаты

(16). «Я подошёл в геологии к новому для меня и для других и тогда забытому пониманию природы – к геохимическому и к биогеохимическому, охватывающему и косную и живую природу с одной и той же точки зрения», – писал

Вернадский. *Далее*: «Биогенные породы (т. е. созданные живым веществом) ... идут далеко за пределы биосферы». [В. О. Авченко. Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы о воде и камнях (2015)].

Эта функция очень характерна для лексемы *далее*. С ее помощью также происходит организация структуры текста, *далее* в таких контекстах имеет значение «далее говорится» или «далее он пишет» и подобные. Но отсутствие глагола и точка или двоеточие после лексемы превращают ее в единственный показатель связи между двумя цитатами и, следовательно, необходимое средство связи в таких фрагментах текста.

Выводы

Лексема *далее* в определенной синтаксической позиции развила способность быть средством связи между фрагментами текста, то есть выполнять функции текстовой скрепы. Семантической базой, на основе которой у лексемы развивается текстовая функция, является релятивный компонент семантики – способность лексемы во всех контекстах указывать на последовательность (действий, событий). Формальной основой развития текстовой функции стала возможность употребления этой лексемы без сочетания с подчиняющим ее глаголом. В то же время в контекстах с глаголами разной семантики, от которых лексема формально зависит, также может проявляться ее способность связывать фрагменты текста. Поскольку наречные функции и функции текстовой скрепы реализуются у лексемы *далее* в разных условиях и не меняют коренным образом семантику лексемы, можно утверждать, что лексема *далее* является полифункциональным словом.

Список источников

1. Би Цзин. Функции текстовой скрепы «Далее» в современном русском языке // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104). С. 430 – 432.
2. Ван Цяюши. Функционирование текстовых скреп Теперь о N6 и И последнее в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2022. 211 с.
3. Вэй Хуэйминь. Текстовые функции лексикализованной словоформы «к примеру» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 625 – 628.
4. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт, 1998. 1536 с.
5. Лапынина Н.Н. О текстообразующей функции стандартизированной единицы «дело в том, что» // Вестник ВГУ. 2013. № 2. С. 120 – 125.
6. Линь Лимэй. Функции слова «наоборот» в контекстах разных типов // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2. С. 594 – 596.
7. Откидыч Е.В. Прагматический потенциал текстовой скрепы «КСТАТИ» // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 255 – 266.
8. Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т. 2007. 390 с.

9. Прияткина А.Ф. Текстовая скрепа: функция или класс языковых единиц? // Дни славянской письменности и культуры: материалы и тезисы докладов к научно-практической конференции. Владивосток, 1997. С. 75 – 77.
10. Стародумова Е.А., Шереметьева Е.С., Завьялов В.Н. Лексикографические портреты служебных слов. Владивосток: ДВФУ, 2022. 322 с.
11. Тюрин П.М. Текстовые скрепы таким образом и итак в современном русском языке: особенности функционирования и семантики. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2016. 202 с.
12. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слова. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.
13. Шереметьева Е.С., Цао Сяоминь. Формально-смысловая структура контекстов текстовой скрепы И потом. Научный диалог. 2022. № 4. С. 172 – 185.

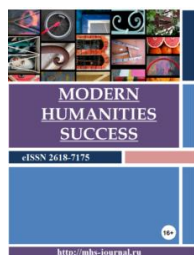
References

1. Bi Jing. Functions of the text connector "Next" in modern Russian. World of science, culture, education. 2024. No. 1 (104). P. 430 – 432.
2. Wang Qiaoshi. Functioning of text connectors Now about N6 and And the Last in modern Russian: diss. ... Cand. Philological sciences. Vladivostok, 2022. 211 p.
3. Wei Huimin. Text functions of the lexicalized word form "for example". World of science, culture, education. 2020. No. 6 (85). P. 625 – 628.
4. Kuznetsov S.A. Large explanatory dictionary of the Russian language. SPb: Norint, 1998. 1536 p.
5. Lapynina N.N. On the text-forming function of the standardized unit "the fact is that". Vestnik of VSU. 2013. No. 2. P. 120 – 125.
6. Lin Limei. Functions of the word "on the contrary" in contexts of different types. The world of science, culture, education. 2020. No. 2. P. 594 – 596.
7. Otkydych E.V. Pragmatic potential of the textual bond "BY THE WAY". Siberian Philological Journal. 2020. No. 1. P. 255 – 266.
8. Priyatkina A.F. Russian syntax in the grammatical aspect (syntactic connections and constructions). Selected works. Vladivostok: Far Eastern Federal University. 2007. 390 p.
9. Priyatkina A.F. Textual bond: function or class of linguistic units? Days of Slavic writing and culture: materials and abstracts of reports for the scientific and practical conference. Vladivostok, 1997. P. 75 – 77.
10. Starodumova E.A., Sheremetyeva E.S., Zavyalov V.N. Lexicographic portraits of function words. Vladivostok: FEFU, 2022. 322 p.
11. Tyurin P.M. Textual bonds thus and so in the modern Russian language: features of functioning and semantics. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2016. 202 p.
12. Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information on the origin of the word. M.: Azbukovnik, 2011. 1175 p.
13. Sheremetyeva E.S., Cao Xiaomin. Formal and semantic structure of textual scrappy contexts And then. Scientific dialogue. 2022. No. 4. P. 172 – 185.

Информация об авторе

Би Цзин, аспирант, Дальневосточный федеральный университет, sdbj1992@mail.ru

© Би Цзин, 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 82-3

Персонажи-мусульмане в произведениях А.П. Чехова сквозь призму авторской концепции творчества

¹ Галимова О.М.,

¹ Башкирский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Аннотация: образы мусульманских народов в имагологической чеховиане встречаются редко. Имеющиеся работы по данной тематике указывают на специфическое представление этих образов в прозе А.П. Чехова, основанное в большей степени на этнических стереотипах. В статье предпринята попытка объяснить отсутствие полноценных художественных образов среди персонажей-мусульман сквозь призму концепции творчества Чехова, в соответствии с которой важнейшая задача каждого человека заключается в реализации его творческого потенциала. В картине мира приверженцев ислама творческое, созидательное начало присуще единственному подлинному творцу, создателю – Аллаху. Такое принципиальное расхождение двух мировоззренческих установок моделирует специфику изображения мусульман в творчестве писателя. Результаты исследования могут быть использованы при чтении историко-литературных и теоретико-литературных учебных курсов, а также спецкурсов по творчеству А.П. Чехова. Кроме того, обобщения, сделанные нами, могут оказаться полезными для исследователей искусствоведения, теоретиков и историков культуры, специалистов в области эстетики ислама.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Коран, мусульманские образы, искусство ислама, концепция творчества, искусство и действительность

Для цитирования: Галимова О.М. Персонажи-мусульмане в произведениях А.П. Чехова сквозь призму авторской концепции творчества // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 113 – 118.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Muslim characters in A.P. Chekhov's works through the prism of the author's concept of creativity

¹ Galimova O.M.,

¹ Bashkir State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract: images of Muslim peoples in imagological Chekhovianism are rare. The available works on this topic indicate a specific representation of these images in Chekhov's prose, based largely on ethnic stereotypes. The article attempts to explain the lack of full-fledged artistic images among Muslim characters through the prism of Chekhov's concept of creativity, according to which the most important task of every person is to realize his creative potential. In the worldview of the adherents of Islam, the creative, creative principle is inherent in the only true creator – Allah. This fundamental discrepancy between the two worldviews underlies the specific portrayal of Muslims in the writer's work. The results of the research can be used when reading historical, literary and theoretical literary training courses, as well as special courses on Chekhov's work. In addition, the generalizations made by us may be useful for researchers of art studies, cultural theorists and historians, and specialists in the field of aesthetics of Islam.

Keywords: A.P. Chekhov, Quran (Koran), Muslim images, the art of Islam, the concept of creativity, art and reality

For citation: Galimova O.M. Muslim characters in A.P. Chekhov's works through the prism of the author's concept of creativity. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 113 – 118.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 8, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Творческое наследие Антона Павловича Чехова насчитывает более 500 произведений, в которых представлены тысячи персонажей разных сословий, национальностей, конфессий. Достаточно много среди них иностранцев и инородцев. Но, как справедливо отметил Ю.А. Шатунов в статье «Мусульмане и мусульманский мир в творчестве А.П. Чехова», образы представителей мусульманских народов «в имагологической чеховиане встречаются редко» [1, с. 307-308]. Стремясь восполнить этот пробел, ученый проанализировал образы татар, турок, чеченцев, черкесов, киргизов, персов, афганцев в более 60 рассказах. Нам показались интересными для дальнейших исследований выводы, к которым пришел Ю. Шатунов: среди персонажей этого типа нет ни одного полноценного художественного образа, способного претендовать на статус главного героя (в качестве исключений могут быть названы лишь персонажи повести «Дуэль» (1891 г.) и рассказов «Пьяные» (1887 г.) и «В ссылке» (1892 г.), выступающие заметными фигурами второго плана). И что более удивительно, в большинстве случаев восточные народы у Чехова описаны через этнонимы, которые используются как уничижительные характеристики, ассоциируясь с грубостью, дикостью и отсутствием культуры [1, с. 309].

Согласимся с автором статьи в том, что подобные описания не отражают мировоззрение Чехова, а являются литературными приемами [1, с. 312]. Доказательством тому служат высказывания А.П. Чехова о мусульманах в книге «Остров Сахалин», в письмах, которые свидетельствуют об уважении и симпатии к поволжским и сибирским инородцам, воспоминания современников о жизни писателя в Ялте и тесном общении в этот период с крымскими татарами [2, П., Т. 4 с. 69-82]. Что касается представления о якобы присущих мусульманам «дикости, бескультурье», то общеизвестно, что уровень грамотности мусульманского населения в некоторых регионах Российской империи был выше, чем у русских (речь идет о респондентах, входящих в категорию «грамотных на других языках») [3, 4].

Все это доказывает, что писатель в своих произведениях лишь использует этнические и конфессиональные стереотипы, сформировавшиеся в обществе (мы не беремся проследить их гене-

зис). Но в то же время не может не обратить на себя внимание тот факт, что ироничный, подчас способный проявить категоричность в высказываниях (наблюдающуюся, например, в переписке с братом Николаем), Чехов в то же время отличался деликатностью, обоснованной безусловным уважением к личности Человека. Почему же в произведениях писателя наблюдается такая односложная трактовка мусульманских образов? Ответ, думается, скрывается в чеховской концепции творчества, где ключевой идеей является реализация творческого потенциала человека.

Материалы и методы исследований

Методологической основой предлагаемой работы служит комплексный подход, синтезирующий культурологические и собственно литературоведческие принципы. Предметом исследования выступают работы исламских богословов, трактующих суры Корана, касающиеся вопросов творческой деятельности, и художественные произведения и письма А.П. Чехова, в которых нашли отражение теоретико-литературные проблемы, раскрывающие представления автора о концепции творчества.

Результаты и обсуждения

С самых ранних рассказов, многие из которых воспринимались и самим автором, и многими критиками лишь как источник дополнительного заработка студента, а позже молодого доктора Чехова, начинающий писатель последовательно создает собственную художественную систему, в которой озвучивает главные эстетические вопросы, волнующие его на протяжении всей творческой жизни: проблемы художественного восприятия и соотношения искусства и действительности, вопрос о сущности и специфике литературы и ее общественных функциях, идеи необходимости обновления литературных форм и проблемы массовой культуры. Озвучивая эти вопросы, Чехов выводит на авансцену представителей разных сфер искусства: героем каждого четвертого его рассказа выступает художник или критик, писатель или музыкант, актер или драматург. При характеристике «творческих натур» писатель часто откровенно иронизирует над ними, демонстрируя несоответствие их творений или образа жизни идеалам высокого искусства. Представители массовой культуры – персонажи многочисленных пародий мо-

лодого Чехова, в которых он превращает в предмет изображения псевдотворчество.

Осмыслением вопросов восприятия творчества обусловлено устойчивое обращение Чехова к образу читателя – одному из самых распространенных образов в его произведениях. Чехов, будучи сам гениальным читателем, прекрасно понимал, что талантливое чтение (как и восприятие любого произведения искусства) – это всегда творческая работа, активное сотворчество. И в зависимости от творческих установок читателя, его культурного кругозора, литературной грамотности в литературоведении выделяют разные типы читательской рецепции. Мы используем классификацию, предложенную профессором Башкирского государственного университета (в настоящее время – Уфимский университет науки и технологий) Р.Г. Назировым в спецкурсе «Проблемы художественного восприятия», в основе которой лежит принцип критического отношения к искусству. А.П. Чехов в своих произведениях изображает все шесть типов восприятия, выделенных исследователем, но особое внимание уделяет утилитарно-моралистическому подходу, когда литература воспринимается как прямое руководство к действию.

Образы персонажей с «олитературенным» сознанием отражают особое явление в культуре – искусство становится моделью для житнетворчества. Ю.М. Лотман в работе «Беседы о русской культуре» отмечал, что в начале XIX века искусство часто выступало в качестве образца для подражания в жизни [5, с. 209]. Однако феномен «олитературенного» сознания чеховского периода основан на иной концепции. Чтобы продемонстрировать, в чем заключается это различие, приведем цитату из той же работы: «Ведя себя в соответствии с принятой на себя ролью, русский дворянин не переставал быть именно русским дворянином своей эпохи» [5, с. 186]. Однако чеховские герои не стремятся соответствовать высоким литературным идеалам, а используют их как маски для оправдания своих поступков – созидательного активного взаимодействия высокого искусства и внехудожественной реальности, характерного для начала века, уже нет.

Для данной работы по сути разница между подражанием читателями литературным героям как нравственным ориентирам и механическим копированием их поведения не существенная; нам важен сам факт отображения в творчестве Чехова достаточно распространенной модели поведения человека – подражания, копирования, когда место творчества занимает псевдотворчество. Необходимо отметить, что, когда мы говорим о

проблемах творчества в произведениях А.П. Чехова, мы рассматриваем не только рассказы, посвященные создателям произведений искусства и их аудитории. Каждый человек занимается в своей жизни творчеством, когда он пытается не просто механически выполнить свою работу, а занят созидательной деятельностью. Анализ чеховского наследия убеждает нас в том, что писатель так или иначе стремился найти и запечатлеть тот момент, где будничное существование человека соприкасается с творческим порывом, где творчество начинает вдохновлять и наставлять на путь творческого жизнеустройства, наполнять его смыслом. Чехов безусловно верил в способность человека к творческому созидательному акту, к восприятию прекрасного. «Демократизм Чехова, – по мнению Б. Зингермана, – в его понимании таланта – не принадлежности единственного, а неотъемлемого, само собою разумеющегося свойства каждого человека – уже потому, что он человек – венец Вселенной» [6, с. 269]. Эта вера в одаренность Человека во многом обусловлена той средой, в которой жил писатель: он всегда был окружен талантливыми людьми. И тесно общаясь с несомненно одаренными людьми разных профессий, Чехов не мог не замечать, как лучшие человеческие качества этих людей, возвышенные идеалы, воспетые ими в их творениях, могли удивительным образом соседствовать с пороками, сомнительными этическими установками (пьянство брата Николая, спорная общественная позиция редактора «Нового времени» А. Суворина). И тем не менее Чехов продолжал верить и даже настаивать на том, что в каждом человеке заложен потенциал для творчества как в искусстве, так и в жизни.

Эта вера была сродни безусловной вере в человека, о которой говорит герой «Рассказа старшего садовника» (1894 г.): «Что же касается меня, господи, то я всегда с восторгом встречаю оправдательные приговоры... Судите сами, господа: если судьи и присяжные более верят человеку, чем уликам, вещественным доказательствам и речам, то разве эта вера в человека сама по себе не выше всяких житейских соображений?» [2, т. VIII, с. 343].

Сам Чехов безусловно верил в Человека, как верил и в свою читательскую аудиторию: так, иронизируя над персонажами-читателями в своих рассказах, писатель надеялся на то, что его реальный читатель поймет эту иронию и верно ее прочтет. Потому как каждый способен увидеть истинное, важное, подлинное. И в этом ряду, безусловно, находится одна из главных эстетических кате-

горий – категория прекрасного. В письмах, записных книжках, художественных произведениях Чехов отмечал примеры естественного притяжения человека к прекрасному – будь то красота природы, женщины, искусства – и в этом видел одно из главных достоинств и отличительных качеств человеческой личности.

В рассказе «Недобрая ночь» автор так описывает впечатление свидетелей ночного пожара: «Все сознают, что видят страшное бедствие, дрожат, но прекратись вдруг пожар, они почувствуют себя неудовлетворенными... Как бы ни была зловеща красота, но она все-таки красота, и чувство человека не в состоянии не отдать ей дани» [2, т. V, с. 386].

В 1886 году в рождественском номере суворинского издания «Новое время» публикуется рассказ А. Чехова «На пути», в котором автор вновь озвучивает мысль о том, что чувство красоты и гармонии изначально заложено в природе человека. Описывая комнату, рассказчик обращает внимание читателя на характерную деталь: «Соблюдая самую строгую и осторожную постепенность в переходе от божественного к светскому, от образа, по обе стороны угла, тянулся ряд лубочных картин» [2, т. V, с. 462]. Эта деликатность, желание соблюсти должный порядок – проявление врожденной способности человека чувствовать гармонию.

В рассказе «Красавицы» автор пишет о воздействии на человека красоты природы: «И подпасок, гонящий коров, и землемер, едущий в бричке через плотину, и гуляющие господа – все глядят на закат и все до одного находят, что он страшно красив, но никто не знает и не скажет, в чем тут красота» [2, т. VII, с. 160-161]. По Чехову, законы красоты (как и законы искусства) не поддаются определению. Тем не менее, не зная этих законов, человек *узнает* прекрасное. Тяга к красоте объединяет и подпаска, и землемера, и гуляющих господ – это признак творческого начала каждого человека.

Итак, в основе концепции творчества Чехова заложена мысль о том, что в каждом человеке таится творческий потенциал: каждый способен увидеть, отметить, оценить подлинно прекрасное. Более того, каждый человек сам способен создать прекрасное, выступить в роли творца. И процесс творчества в миропонимании Чехова не ограничивается пределами мира искусства, понятие «творчество» тесно связано с его философией жизни, а точнее, философией жизнетворчества.

Теперь обратимся к эстетике ислама. Первообразным эстетическим каноном мусульман является Коран. Хотя в Коране нет ни одного места, кон-

кретно запрещающего изображения людей и животных, музыку, эти запреты существуют в сознании мусульманина. Мы не будем вдаваться в нюансы трактовок Священного писания. Укажем лишь на то, что данные запреты богословы выводят из аята 92 суры 5 «Трапеза», а также ссылаются на пророка Мухаммеда, считающего великим грехом изображение и музыку: «Что опьяняет в большом количестве, запретно и в малом». Под опьяняющим подразумевается все, что одурманивает разум, рассудок, в том числе и музыка. Под запрет попадает также деятельность художников. Шамиль Аляутдинов, автор многочисленных книг по исламской тематике, в статье «Изображение в Исламе» так комментирует запрет на изображение живых существ: «Пророк предупреждал: «Воистину, наихудшее наказание в Судный День ожидает художников [изображавших людей или животных]»... Имам ат-Табари дал интересное пояснение по данному нюансу: «В хадисе имеются в виду те художники, которые преднамеренно изображали людей или животных, зная, что в последующем простой люд будет поклоняться этому помимо Бога, Единого и Вечного... Те же художники, которые не имеют подобных намерений и уверены, что их художественные изображения людей или животных не будут обожествлены и превращены людьми в предметы поклонения, не подпадают под упомянутое наказание, но все равно являются ... грешниками (аль-‘асы, аль-‘уса)»» [7].

Заявленные запреты на изображение и музыку не могли не оказать влияние на своеобразие развития мусульманской культуры. О специфике этого процесса подробно рассказывал в спецкурсе «Религия и культура» профессор Р.Г. Назиров. Ученый отмечал красоту и в то же время «односторонность исламской культуры (отсутствие изобразительного искусства, театра; слабое развитие инструментальной музыки, поскольку она никогда не входила в культ)» [8, с. 22]. Искусство мусульманских народов самобытно, оно обогатило мировое культурное наследие изящной восточной поэзией, монументальной архитектурой, прикладными видами искусства (керамика, ковроткачество), каллиграфией [9]. Но, как это часто бывает, искусство отдельных стран бурно расцветает под культурным воздействием соседей, и в архитектуре ислама нельзя не отметить очевидное влияние Византии, Испании, Индии не только в русле преломлений сквозь этническое своеобразие соседствующих или поработанных государств, но и религиозное. Так, например, один из самых известных османских архитекторов и инженеров, которого называют Микеланджело ислама –

Синан, был рожден в христианской семье и был исламизированным греком или армянином.

Кроме того, все великие образцы искусства – это результат творческой деятельности отдельной личности. Если же анализировать специфику мусульманского менталитета в аспекте творческой деятельности в целом, то уместна будет цитата из указанной выше статьи Ш. Аляутдинова: «Ислам всесторонне *благоприятствует* и *поощряет* развитие образования, науки, культуры, но запрещает ту часть искусства, которая претендует на творение... Творить присуще только Творцу – Богу» [7]. Закономерно, что в числе главных атрибутов Аллаха указаны имена «Творец» (аль Халик) и «Образователь» (аль Мусаввир) [10].

Выводы

Ключевая установка – греховности творчества – сказалась на формировании мусульманского менталитета: Творец один. Все прекрасное, совершенное уже создано Всевышним. А для

Чехова персонаж интересен постольку, поскольку он проявляет творческую, созидательную активность, даже если речь идет о лжетворцах или подражателях. Писатель выбирает героев, способных к творческому преображению жизни: чем более творческий человек, чем ярче он преобразует свою жизнь, тем более он для писателя интересен. Но в исламской традиции такая активность недопустима: в мусульманской картине мира чеховские творцы – это или создатели идолов, или те, кто этим идолам поклоняется, подражает. Сопоставление чеховской концепции творчества с исламским отношением к созидательной деятельности позволило выявить причины, по которым персонажи – мусульмане лишены индивидуальности и глубины: то, что важно для писателя, запрещено в исламе, и этим можно объяснить исключение образов мусульман из творческого поля зрения А.П. Чехова.

Список источников

1. Шатунов Ю.А. Мусульмане и мусульманский мир в творчестве А.П. Чехова // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 305 – 322.
2. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти тт. // Чехов А.П. М.: «Наука», 1983-1988.
3. Хачидогов Р.А. К вопросу об особенностях образования мусульман в Российской империи в XVIII-XIX вв.// Современная научная мысль. 2020. № 5. С. 14 – 17. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osobennostyah-obrazovaniya-musulman-v-rossiyskoy-imperii-v-xviii-xix-vv>
4. Якупов Р.И., Мавликасов А.Х. Из истории отечественного мусульманского образования (середина XVI в. – начало 90-х гг. XX в.// Общество: философия, история, культура. 2020. № 1. 9 с. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-otechestvennogo-musulmanskogo-obrazovaniya-seredina-xvi-v-nachalo-90-h-gg-xx-v-1>.
5. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2000. 250 с.
6. Зингерман Б.И. Театр Чехова и его мировое значение. М., 1988. 521 с.
7. Аляутдинов Ш. Р. Изображение в Исламе [Электронный ресурс]: https://umma.ru/izobrazhenie-v-islame#_ftn23
8. Назиров Р.Г. Религия и культура: программа спецкурса для студентов 2 курса филологического факультета. Уфа, РИО БашГУ, 2003. 31 с.
9. Ахмадуллин В.А., Ахунов А.М. Исламский фактор в мировом историческом процессе (Ближний и Средний Восток, Северная Африка, Восточная Европа): учебное пособие. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 2017. 298 с.
10. Михайлов А.Н., Михайлова Л.Б. Художественно-эстетическая парадигма ислама и классическое арабо-мусульманское искусство // Культура. Духовность. Общество. 2013. № 4. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvenno-esteticheskaya-paradigma-islama-i-klassicheskoe-arabo-musulmanskoe-iskusstvo>

References

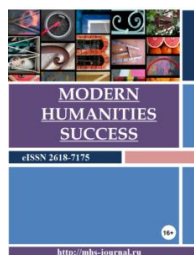
1. Shatunov Yu.A. Muslims and the Muslim world in the works of A.P. Chekhov. Imagology and comparative studies. 2022. No. 18. P. 305 – 322.
2. Chekhov A.P. Complete works and letters in 30 volumes. Chekhov A.P. Moscow: "Science", 1983-1988.

3. Khachidogov R.A. On the issue of the peculiarities of the education of Muslims in the Russian Empire in the 18th-19th centuries. Modern scientific thought. 2020. No. 5. P. 14 – 17. [Electronic resource]: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osobennostyah-obrazovaniya-musulman-v-rossiyskoy-imperii-v-xviii-xix-vv>
4. Yakupov R.I., Mavlikasov A.Kh. From the history of domestic Muslim education (mid-16th century – early 90s of the 20th century). Society: philosophy, history, culture. 2020. No. 1. 9 p. [Electronic resource]: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-otechestvennogo-musulmanskogo-obrazovaniya-seredina-xvi-v-nachalo-90-h-gg-xx-v-1>.
5. Lotman Yu.M. Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII - early XIX century). St. Petersburg, 2000. 250 p.
6. Zingerman B.I. Chekhov's theater and its global significance. Moscow, 1988. 521 p.
7. Alyautdinov Sh.R. Image in Islam [Electronic resource]: https://umma.ru/izobrazhenie-v-islame#_ftn23
8. Nazirov R.G. Religion and Culture: Special Course Program for 2nd-Year Students of the Philological Faculty. Ufa, RIO BashGU, 2003. 31 p.
9. Akhmadullin V.A., Akhunov A.M. Islamic Factor in the World Historical Process (Near and Middle East, North Africa, Eastern Europe): Textbook. Kazan, Kazan University Publishing House, 2017. 298 p.
10. Mikhailov A.N., Mikhailova L.B. Artistic and Aesthetic Paradigm of Islam and Classical Arab-Muslim Art.Culture. Spirituality. Society. 2013. No. 4. [Electronic resource]: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvenno-esteticheskaya-paradigma-islama-i-klassicheskoe-arabo-musulmanskoe-iskusstvo>

Информация об авторе

Галимова О.М., кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный медицинский университет Минздрава России, oxramazanova@mail.ru

© Галимова О.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 811.133.1

Лексические и грамматические особенности региональных бельгизмов

¹ Денисенко И.Е.,
¹ Оренбургский государственный педагогический университет

Аннотация: представленная статья посвящена исследованию особенностей бельгийского варианта французского языка, функционирующего на территории франкоязычной Бельгии. Бельгийский вариант французского языка представляет собой особую языковую систему относительно референтного французского языка.

Для выявления лексико-грамматических особенностей материала исследования, применяется сравнительно-сопоставительный анализ лексических единиц, функционирующих на территории Бельгии и их аналогов в стандартном французском языке.

В исследовании проведен анализ языкового материала с опорой на данные одноязычных и двуязычных французских, бельгийских и диалектных словарей, что обусловлено особенностями функционирования французского языка на территории Бельгии. Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в спецкурсах по ареальной вариантологии, при составлении словарей и написании выпускных квалификационных работ.

Ключевые слова: регионализмы, бельгизмы, франкоязычный ареал Бельгии, языковая интерференция

Для цитирования: Денисенко И.Е. Лексические и грамматические особенности региональных бельгизмов // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 119 – 124.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Lexical and grammatical features of regional belgicisms

¹ Denisenko I.E.,
¹ Orenburg State Pedagogical University

Abstract: the presented article is devoted to the study of the peculiarities of the Belgian version of the French language, functioning on the territory of French-speaking Belgium. The Belgian version of French is a special language system relative to the reference French language.

To identify the lexical and grammatical features of the research material, a comparative analysis of lexical units operating in Belgium and their analogues in standard French is used.

The study analyzes the linguistic material based on data from monolingual and bilingual French, Belgian and dialect dictionaries, which is due to the peculiarities of the functioning of the French language in Belgium. The practical significance of the conducted research lies in the possibility of using the results obtained in special courses on areal variantology, in compiling dictionaries and writing final qualifying papers.

Keywords: regionalisms, Belgicisms, French-speaking area of Belgium, language interference

For citation: Denisenko I.E. Lexical and grammatical features of regional belgicisms. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 119 – 124.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 8, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Многочисленные исследования разговорного французского языка в Бельгии были посвящены в основном лексике [6], сегментным аспектам речи [10] или языковым установкам, репрезентациям и лингвистической политике [11].

Исследованию специфики региональных бельгийцизмов посвящены работы как отечественных, так и зарубежных лингвистов.

Термин бельгийцизм впервые появляется в 1806 году работе А. Пуайяра «Фландризмы, валлонизмы и неверные выражения во французском языке». В данной работе автор указывает на ошибки, которые бельгийцы часто допускают, когда говорят или пишут на французском языке. Автор описывает эти особенности как ошибки и его работа представляет собой инструмент, направленный на их исправление с целью защиты стандартного французского языка, который французские учреждения считают правильным.

Бельгийский лингвист М. Пирон считает, что проведение критического исследования регионального французского языка в Бельгии требует наличия прочных диалектных знаний, поскольку развитие сравнительного исследования «подразумевает постоянную ссылку на них» [13, с. 35].

В последнее время бельгийцизмы стали рассматриваться как настоящее лингвистическое богатство бельгийской территории. Список бельгийцизмов, пользующихся популярностью у франкоговорящих жителей Бельгии, довольно велик, но некоторые из них сегодня устаревают, что свидетельствует об эволюции и адаптации этого варианта французского языка к коммуникативным потребностям страны.

Цель исследования: Выявление лексико-грамматических особенностей бельгийцизмов и их функционирование в современном бельгийском варианте французского языка на территории франкоязычного ареала Бельгии.

Материалы и методы исследований

Материалом для настоящего исследования послужили лексические единицы бельгийского варианта французского языка, отобранные из словарей бельгийцизмов М. Франкара [8], Ж. Лёбука [11], Ф. Масьёна [12] и лексические единицы метропольного французского языка, зафиксированные во французских словарях.

Методы и приёмы предопределены поставленной целью исследования, а также спецификой материала: метод сплошной выборки, описательный метод, наблюдение лингвистических фактов. При анализе языкового материала применялись проце-

дуры сравнительного анализа с целью выявления лексико-грамматических особенностей исследуемых лексем стандартного французского языка и лексем бельгийского варианта французского языка.

Результаты и обсуждения

Бельгия – страна с чрезвычайно богатым и разнообразным социокультурным и историческим наследием. Благодаря влиянию народов, населявших этот европейский регион, здесь сформировался особенно насыщенный вариант французского языка, лингвистической особенностью которого является наличие "бельгийцизмов" [1, с. 34]. Этот термин относится к языковым особенностям французского языка, на котором говорят в этой стране, отличающимся от стандартного французского языка, который используется для выражения местных реалий или является историческим наследием взаимодействия нескольких языков на бельгийской территории [2, с. 324].

Лингвистические особенности бельгийцизмов представляют собой уникальную область исследования, отражающую сложное взаимодействие французского и нидерландского языков в контакте бельгийской культуры. Эти элементы языка проявляются в различных сферах: от повседневной речи до официальной документации, формируя своеобразный языковой стиль, в котором сочетаются элементы французского и нидерландского языков: францизмы и нидерландизмы [4, с. 121].

Одной из ярких особенностей бельгийцизмов является наличие специфических словосочетаний и выражений, которые трудно перевести на другие языки без потери их первоначального значения. Так, многие слова, производные от французского корня, приобретают уникальные оттенки значений, присущие именно бельгийскому контексту. Кроме того, в устной речи бельгийцев часто можно наблюдать смешение языков, где одни и те же концепты могут быть выражены через элементы обоих языковых систем [3, с. 103].

Важным аспектом является восприятие бельгийцизмов местным населением. Для одних это признак идентичности и культурного многообразия, для других – символ языковой неоднозначности и поиска языковой чистоты.

Таким образом, бельгийцизмы играют важную роль в формировании как национального самосознания, так и в динамике языковых изменений в Бельгии.

В силу культурной и языковой многообразности Бельгии, такие лексемы часто несут в себе уникальные аспекты повседневной жизни и быта

местного населения.

Рассмотрим особенности бельгицизмов на лексическом уровне языковой системы.

Одним из ярких примеров бельгицизмов является слово “*fricadelle*” [9, с. 240] – «фрикаделька, котлета», которое в бельгийском контексте обозначает «мясной шарик, часто жареный во фритюре». Этот термин не так распространен в других франкоязычных странах, где чаще используются слова “*boulette*” [7, с. 250] или “*meatball*”. В Бельгии фрикадели часто подаются с картофелем фри и специфическими соусами, что демонстрирует местную кулинарную традицию.

Другим примером является выражение “*faire le pont*” [12, с. 721], что в буквальном переводе означает «сделать мост». В бельгийском языке это означает взять выходной день между выходным и праздником, чтобы создать длинные выходные. Эта практика широко распространена и отражает отношение бельгийцев к празднику и отдыху.

Такие выражения как “*pistolet*” [12, с. 803] – «булочка» и “*brol*” [9, с. 54] – «беспорядок» также хорошо иллюстрируют местные реалии, отражая не только особенности языка, но и культурные реалии Бельгии.

Бельгицизм “*casse-croûte*” [7, с. 145], обозначает легкий перекус или закуску, обычно употребляемую между приемами пищи. В отличие от французского использования слова, в Бельгии “*casse-croûte*” часто ассоциируется с пивом и закусками, что подчеркивает местную гастрономическую культуру. Это слово также отражает дружелюбную атмосферу бельгийских кафе и баров.

Кроме того выражение “*être en bonne forme*” [12, с. 200] в бельгийском языке обычно используется в значении «быть в хорошем настроении», что может вызвать недоумение у носителей других вариантов французского языка. Это свидетельствует о непередаваемых культурных нюансах и о том, как язык может адаптироваться к разным реалиям.

В Бельгии числительное “*quinze*” часто используется вместо франкоязычного “*quatorze*” для обозначения одного и того же значения «четное число». Это может быть связано с влиянием нидерландского языка на бельгийский французский язык. Такие примеры показывают, что языковая интерференция формирует уникальные особенности общения жителей Бельгии.

Еще одним аспектом бельгийского языка является употребление глагола “*déguster*” [9, с. 123] – «дегустировать, пробовать». В то время как во Франции этот термин в основном ассоциируется с наслаждением продуктами питания, в Бельгии он приобрел более повседневный оттенок и часто ис-

пользуется для описания вкуса закусок или местных блюд. Этот нюанс подчеркивает более неформальный подход бельгийцев к еде и гастрономическим удовольствиям, что отражает их общий стиль жизни.

Бельгийский французский язык также находит-ся под влиянием нидерландского и немецкого языков. Это проявляется как в лексике, так и в фонетике. Например, некоторые слова, заимствованные из нидерландского, стали привычными в ежедневном общении. Это многоязычие обогащает язык и создает площадку для культурного обмена, что особенно важно в многонациональном бельгийском обществе.

Изучение бельгийского варианта французского языка является актуальным направлением для лингвистов, которое позволяет глубже понять нюансы местной культуры.

Бельгийский исследователь Жан-Батист Бароньян указывает, что существует две категории бельгицизмов. С одной стороны, «лексические» бельгицизмы, а с другой стороны, «грамматические, синтаксические, этимологические и фонетические бельгицизмы». Он добавляет к этому, что лексические бельгицизмы являются выражением географической особенности, при этом подразумевается, что в каждом регионе, где говорят на французском языке, есть свои собственные слова, которые могут иметь другое значение или значения в других регионах. Что касается второй категории, автор указывает, что она «в основном включает в себя особые конструкции предложений и слова, характерные для бельгийского французского языка» [5, с. 201].

Это показывает, что легитимность лексических бельгицизмов не ставится под сомнение, но они представляются как альтернативная лексическая реальность, характерная для бельгийской территории.

Однако автор указывает, что вторая категория содержит «неправильные» формы и «неправильные» слова. Ж.-Б. Бароньян считает, что изучение этих форм составляет настоящую проблему. Таким образом, он использует термин «неправильный», чтобы отразить разрыв между этими региональными формами и литературной нормой [5, с. 203].

В своем исследовании Кляйн и Ламирау проводят различие между бельгийскими глаголами, принимая во внимание их типологию, так что они выделяют: глаголы, не функционирующие в метропольном варианте французского языка, архаичные глаголы и глаголы с особой синтаксической конструкцией [10, 347].

Рассмотрим грамматические особенности бель-

гицизмов.

Проведем анализ глаголов с особой синтаксической конструкцией, представляющих интерес с морфосинтаксической точки зрения и имеющих особый способ обозначения конкретных действий. Например, в глаголы, не функционирующие во Франции: *'barbeler'* в стандартном французском языке означает «болтать»; *'acheter'* [7, с. 21] «купить» в Бельгии употребляется в значении «завести ребёнка». Что касается бельгийских архаизмов, то глагол *'frauder'* – «жульничать, мошенничать» сохраняет значение термина «контрабанда товаров». Если изучение этих категорий интересно с семантической точки зрения, то изучение глаголов с различной синтаксической конструкцией позволит нам выделить вариации конструкций, которые существуют для одного и того же глагола во французском языке Франции и во французском языке Бельгии [10, с. 345].

В каждом варианте языка глаголы могут иметь различную синтаксическую конструкцию. Бельгийские лингвисты Кляйн и Ламируа в своем исследовании представляют «различные формальные элементы, в которых проявляется синтаксическая вариативность» [10, с. 346]. Таким образом, для конструкций предложений в бельгийском варианте французского языка характерны следующие аспекты: варианты предлога, варианты местоименной, безличной или абсолютной глагольной конструкции.

В некоторых случаях определенные глаголы, которые в стандартном французском языке не требуют предлога, в бельгийском варианте французского языка сопровождаются предлогом. Например, глагол *'bouger'* – «двигать», который во Франции является переходным, в Бельгии вводится предлогом *'à'*. То есть употребляется вариант *'Ne bouge pas à cette chaise'* [7, с. 52] вместо фразы *'Ne bouge pas cette chaise'* – «Не двигай этот стул». То же самое касается прямопереходного глагола *'attendre'* – «ждать», который употребляется в бельгийском французском языке с предлогом *'après'* – «за»: *'attendre après son avion'* [7, с. 20] – «ожидать свой самолет». Может иметь место и обратное явление: некоторые глаголы, введен-

ные в стандартном французском языке с предлогом, в бельгийском варианте французского языка появляются без предлога. Например, *'Jean déblatère son ami'* [12, с. 405] вместо *'Jean déblatère contre son ami'* – «Жан ругается на своего друга».

Также часто один и тот же глагол используется с разными предлогами. Например, глагол *'se fâcher'* – «сердиться» во Франции образуется с помощью предлога *'contre'* – «против», а в Бельгии – с помощью предлога *'sur'* – «на». Например, *'Je me suis fâché sur toi'* [9, с. 107] вместо *'Je me suis fâché contre toi'* – «Я разозлился на тебя». Глагол *'s'habiller'* может употребляться с предлогами *'à'* и *'pour'*, р. ех. *'Je me suis habillé à femme (en femme)'* – «Я одет как женщина» или глагол *'demander'* – «спрашивать», *'Il a demandé pour manger tôt aujourd'hui (de manger tôt)'* – «Он попросил поесть сегодня пораньше». Другим довольно частым случаем в бельгийском французском языке является обстоятельственное употребление предлога, случай, когда местоимение в конце предложения опускается: *'Nous allons au cinéma: est-ce que tu viens avec (nous) ?'* [3, 102] – «Мы идем в кино: ты идешь с нами?», *'Mes enfants le connaissent, mais ils ne veulent jamais jouer avec (lui)'* [6, с. 240]. – «Мои дети его знают, но никогда не хотят с ним играть».

Выводы

В ходе проведенного исследования была проведена систематизация синтаксических и лексических характеристик бельгизмов. Анализ лексического материала позволил определить языковое развитие франкоговорящего ареала Бельгии и показать, что особенности лексического уровня наиболее полно отражают языковые изменения.

Синтаксические конструкции бельгийского французского языка иногда отвечают иной вербальной логике, чем стандартный французский язык, и по-другому используют дополнения и предлоги. Устойчивые глагольные сочетания представляют собой синтаксические конструкции, заимствованные из местных диалектов, что свидетельствует о жизнеспособности диалектного субстрата бельгийского французского языка.

Список источников

1. Денисенко И.Е. Фразеологическая эквивалентность региональных бельгизмов // Успехи гуманитарных наук. М.: Изд-во БГУ, 2024. № 1. С. 33 – 38.
2. Денисенко И.Е. Фонетико-просодические характеристики региональных вариантов французского языка // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества // Материалы II Всеросс. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 16 янв. 2024 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2024. С. 322 – 326.
3. Денисенко И.Е. К вопросу о типологии бельгийских глаголов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 1 (106). С. 100 – 109.

4. Соболева К.В. Иноязычные компоненты в брюссельском варианте французского языка (фразеологический аспект) // Германские и романские языки в высшей школе России: Сб. материалов Всероссийской научн.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора А.Л. Зеленецкого. Калуга, 2021. С. 117 – 128.
5. Baronian J., Bouldouyre A. Dictionnaire amoureux de la Belgique. Paris: Plon., 2015. 720 p.
6. Bernard B. Le français dans la région bruxelloise. Un panorama historique // Le français en Belgique. Une langue, une communauté (Blampain D., Goosse A., Klinkenberg J-M., Wilmet M.). Louvain-la-Neuve : Duculot, 2000. P. 239 - 250.
7. Delcourt Ch. Dictionnaire du français de Belgique. Bruxelles: Le Cri Edition, 1998. Vol 1 (A-F). 241 p.; Vol. 2 (G-Z). 347 p.
8. Francard M. Variétés de français en Belgique // La langue française dans sa diversité. Quebec: Gouvernement de Quebec, 2008. P. 39 – 57.
9. Francard M. Dictionnaire des belgicisms. Bruxelles: De Boeck – Duculot, 2010. 400 p.
10. Lamiroy B., Klein J. La structure de la phrase en français de Belgique. Dans Laporte, C. Leclère, M. Piot, M. Silberstein (eds.), Syntaxe, lexique et lexique-grammaire. Volume dédié à Maurice Gross . Amsterdam: Benjamins, 2004. P. 343 – 347.
11. Lebouc G. Le belge dans tous ses états. Bruxelles: Bonneton, 1999. 160 p.
12. Massion F. Dictionnaire de belgicisms. Francfort – sur – le – Main: Peter Lang, 1987. Vol. 2. 946 p.
13. Piron M. Aperçu des études relatives au français de Belgique // Le français en France et hors de France. II. Les français régionaux, le français en contact. Actes du colloque sur les ethnies francophones. Nice: Institut d'études et de recherches interethniques et interculturelles. 1970. P. 31 – 47.

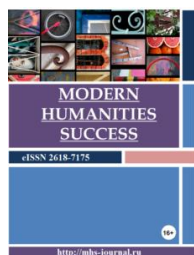
References

1. Denisenko I.E. Phraseological equivalence of regional Belgianisms. Humanitarian Sciences Success. Moscow: Publishing house of BSU, 2024. No. 1. P. 33 – 38.
2. Denisenko I.E. Phonetic and prosodic characteristics of regional variants of the French language. Education, innovation, research as a resource for community development. Proceedings of the II All-Russian scientific-practical. conf. (Cheboksary, January 16, 2024). Cheboksary: ID "Sreda", 2024. P. 322 – 326.
3. Denisenko I.E. On the typology of Belgian verbs. Bulletin of Cherepovets State University. 2022. No. 1 (106). P. 100 – 109.
4. Soboлева K.V. Foreign-language components in the Brussels variant of French (phraseological aspect). Germanic and Romance languages in higher education in Russia: Collection of materials of the All-Russian scientific-practical. conf. with international participation, dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Philology, Professor A.L. Zelenetsky. Kaluga, 2021. P. 117 – 128.
5. Baronian J., Bouldouyre A. Dictionnaire amoureux de la Belgique. Paris: Plon., 2015. 720 p.
6. Bernard B. Le français dans la région bruxelloise. A historical panorama. Le français en Belgium. A language, a community (Blampain D., Goosse A., Klinkenberg J-M., Wilmet M.). Louvain-la-Neuve: Duculot, 2000. P. 239 – 250.
7. Delcourt Ch. Dictionnaire du français de Belgique. Bruxelles: Le Cri Edition, 1998. Vol 1 (A-F). 241 p.; Vol. 2 (G-Z). 347 p.
8. Francard M. Variétés de français en Belgique. La langue française dans sa diversité. Quebec: Gouvernement de Quebec, 2008. P. 39 – 57.
9. Francard M. Dictionnaire des belgicisms. Bruxelles: De Boeck – Duculot, 2010. 400 p.
10. Lamiroy B., Klein J. La structure de la phrase en français de Belgique. Dans Laporte, C. Leclère, M. Piot, M. Silberstein (eds.), Syntaxe, lexique et lexique-grammaire. Volume dédié à Maurice Gross. Amsterdam: Benjamins, 2004. P. 343 – 347.
11. Lebouc G. Le belge dans tous ses états. Bruxelles: Bonneton, 1999. 160 p.
12. Massion F. Dictionnaire de belgicisms. Francfort – sur – le – Main: Peter Lang, 1987. Vol. 2. 946 p.
13. Piron M. Aperçu des études relatives au français de Belgique. Le français en France et hors de France. II. Les français régionaux, le français en contact. Actes du colloque sur les ethnies franco-phones. Nice: Institut d'études et de recherches interethniques et interculturelles. 1970. P. 31 – 47.

Информация об авторе

Денисенко И.Е., кандидат филологических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет, irina_denisenko_66@mail.ru

© Денисенко И.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.25

Передача национально-культурной специфики бытовых реалий в переводах рассказов А.П. Чехова на арабский язык

¹ Х. Йегни,

¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Аннотация: в статье рассмотрены особенности передачи бытовых реалий при переводе рассказов А.П. Чехова на арабский язык. Выделены основные классы бытовых реалий, исследована их специфика. Установлено, что при переводе подобных реалий переводчиком практически всегда используется стратегия доместикации, что не позволяет сохранить национально-культурную специфику оригинального русского текста. Показано, что, используя приемы модуляции и функциональной замены, переводчик пытается передать русские реалии через схожие и более понятные арабскому читателю образы арабской культуры, что обедняет перевод в национально-культурном плане.

Ключевые слова: арабская лингвокультура, русская лингвокультура, национально-культурная специфика, реалии, стратегии перевода, стратегия доместикации, стратегия форенизации

Для цитирования: Х. Йегни Передача национально-культурной специфики бытовых реалий в переводах рассказов А.П. Чехова на арабский язык // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 125 – 131.

Поступила в редакцию: 12 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Conveying national and cultural specifics of everyday realities in translations of A.P. Chekhov's short stories into Arabic

¹ H. Yeghni,

¹ Volgograd State Socio-Pedagogical University

Abstract: the article examines specifics of conveying everyday realities when translating A.P. Chekhov's stories into Arabic. The main classes of everyday realities are identified and their specificity is studied. It is established that when translating such realities, the translator almost always uses the strategy of domestication, which does not allow to preserve the national and cultural specificity of the original Russian text. It is shown that using the techniques of modulation and functional substitution, the translator tries to convey Russian realities using similar and more understandable to the Arab reader images of Arab culture, which impoverishes the translation in national and cultural aspects.

Keywords: Arabic linguistic culture, Russian linguistic culture, national and cultural specificity, realities, strategies of translation, strategy of domestication, strategy of foreignization

For citation: H. Yeghni Conveying national and cultural specifics of everyday realities in translations of A.P. Chekhov's short stories into Arabic. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 125 – 131.

The article was submitted: April 12, 2025; Approved after reviewing: June 9, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Исследование способов и существующих вариантов переводов рассказов А.П. Чехова на арабский язык показало ряд существующих сложностей, не позволяющих донести до арабского читателя содержание произведений писателя в полном объеме. Данное положение объясняется рядом причин, к числу которых относятся, во-первых, временной разрыв между эпохой создания писателем его произведений и, как результат, изменениями в интерпретации окружающей действительности носителями разных языков в прошлом и в настоящее время и, во-вторых, спецификой реалий, обозначающих предметы быта людей, принадлежащих к иной культуре (каковой является для арабского читателя культура русская). Всё вышесказанное предопределило как выбор тематики, так и ракурс рассмотрения феноменов, исследуемых в данной статье. Предметом нашего рассмотрения стали русскоязычные бытовые реалии, имеющие место в рассказах русского писателя А.П. Чехова; в качестве предмета определена специфика их перевода на арабский язык.

Целью исследования выступает изучение и описание особенностей перевода русских реалий, обозначающих различные предметы быта и имеющих место в рассказах А.П. Чехова, определение степени адекватности существующих вариантов перевода таких реалий и выявление причин невозможности, в ряде случаев, достижения адекватности при их передаче средствами арабского языка.

Релевантные для проводимого нами исследования вопросы затрагивались в работах следующих ученых, в частности: общие вопросы специфики перевода художественного текста изучались Е.М. Масленниковой [1], О.А. Филипповой [2] и др.; проблемы дифференциации национально-культурных реалий рассматривались С.Ю. Булгаковой [3], А.А. Гергерт [4] и др.; бытовые реалии, как особый класс единиц, исследовались Т.С. Давыдовой [5], Т.В. Низовцевой [6] и др.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужила выборка контекстов, в которых функционируют реалии, обозначающие предметы быта русского народа характерные для эпохи создания А.П. Чеховым его произведений и, соответственно, варианты перевода указанных реалий на арабский язык.

В качестве основных методов были использованы методы семантического, дефиниционного анализа (для рассмотрения значения исследуемых

русских реалий, а также сопоставления дефиниций арабских лексических единиц, выбранных переводчиком для их передачи), метод контекстуального анализа (для анализа значения, реализуемого данной реалией в конкретном контексте оригинального текста, а также значения той же реалии в тексте перевода), метод сопоставительного анализа (для сопоставления вариантов русскоязычного и арабоязычного текста, выявления приобретаемых или утрачиваемых реалией оттенков значения), а также прием количественных подсчетов (для наглядной демонстрации частотности возможности адекватной передачи русской реалии и сохранение при этом ее национально-культурной специфики).

Результаты и обсуждения

Рассуждение относительно особенностей перевода реалий, условно обозначаемых многими учеными, как реалии бытовые, следует начать с того, что класс бытовых реалий является наиболее разноплановым. По мнению Г.М. Ярмаркиной, «бытовая лексика составляет важный пласт словарного состава любого языка» [7, с. 1092]. Изучение и всестороннее описание такой лексики очень важно для анализа этнокультурных особенностей языкового коллектива, который использует ее в своей речи. «Исследование бытовой лексики позволяет не только выявить лексико-семантические особенности, характер функционирования данного разряда лексики, но и познакомиться с материальной культурой народа, с его настоящим и историческим прошлым» [8, с. 3].

Рассмотрение данной группы реалий и анализ особенностей их перевода на арабский язык позволяет через данную лексику более детально понять и глубже осмыслить важные черты национальной русской культуры.

В результате анализа отобранных нами бытовых реалий, мы пришли к выводу о возможности выделения во всей массе данных единиц ряда групп, а именно: реалий, обозначающих части жилища и его устройства; реалий, обозначающих предметы одежды; реалии, передающие названия продуктов питания; реалий, обозначающих названия единиц меры; реалии, обозначающие наименования денежных знаков и некоторые другие.

а) *Реалии, обозначающие части жилища и его устройство.* В рассказах русскоязычных авторов XVIII-XIX вв. мы встречаем массу слов, обозначающих жилище и его части – лексические единицы, которые не используются сейчас, но которые в силу наличия исторической памяти и определенных знаний, понятны современному

носителю русского языка. Но, естественно, арабоязычному читателю данные лексические единицы не знакомы. Именно поэтому часто переводчик «осовременивает» вновь создаваемый им текст, заменяя такие единицы современными аналогами. Рассмотрим примеры.

В рассказе А.П. Чехова «Ванька» есть такой фрагмент: *«Днем он спит в людской кухне или балагурит с кухарками, ночью же, укутанный в просторный тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку»*. Раньше в России в домах богатых людей было специальное помещение, в котором жила прислуга. Такое место в XVIII-XIX вв. именовалось «людской». Не имея адекватного арабского соответствия, переводчик заменяет эту единицу более современной – *مطبخ*, прямое значение которой – «кухня для рабочих /работников». Но «людская» и «кухня для работников», на наш взгляд, вещи совершенно разные. Таким образом, арабский вариант перевода звучит так: *«كان نهاراً ينام في مطبخ الخدم أو يثرثر مع الطاهيات، أما في الليل فيطوف حول بيت السادة متدثراً بمعطف»* (т.е., Днем он спал на кухне для работников или сплетничал с поварами, а по ночам бродил по господскому дому, закутавшись в просторную баранью шубу, и стучал палкой). Кроме вышеуказанной смысловой подмены, переводчик производит и замену понятия «тулуп» понятием «баранья шуба», поскольку, действительно, это более понятно арабскому читателю. Серьезная ошибка, полностью меняющая смысл сказанного автором оригинала в том, что дед ходил не «по господскому дому», а «вокруг усадьбы», охраняя ее. Эквивалентность понятий «господский дом» и «усадьба» также в данном случае может быть поставлена под сомнение.

В другом рассказе «Человек в футляре» А.П. Чехов, описывая дом учителя греческого языка Беликова, детализирует особенности его жилья: *«Спальня у Беликова была маленькая, точно ящик, кровать была с пологом»*. Цель писателя, в данном случае, показать затворнический образ жизни героя, его характер, страх перед внешним миром, привычку довольствоваться малым. Арабский вариант этой фразы выглядит так: *«كانت غرفة نوم «ببليكوف» صغيرة، كالصندوق وكان سريره تحت ناموسية»* (т.е., Спальня Беликова была маленькая, как коробочка, а кровать его стояла под москитной сеткой). Тогда как с эквивалентом «коробочка», вместо «ящик», можно до определенной степени согласиться, подмена понятия «полог (кровати)» понятием «москитная сетка», не только меняет восприятие описываемого жилища, но несколько снижает

оценку его переводчиком, а потом и читателем (представителем арабской лингвокультуры).

Чрезвычайно интересной представляется интерпретация переводчиком русского выражения «иметь свой угол» (и его производных: «снять угол» и т.п.). В том же рассказе «Человек в футляре», описывая жизнь героини Вареньки, которая жила с братом и которой было пора устраивать свою жизнь, А.П. Чехов пишет: *«Такая жизнь, вероятно, ей наскучила, хотелось своего угла, да и возраст принять во внимание; тут уж перебирать некогда, выйдешь за кого угодно, даже за учителя греческого языка»*. Интересен перевод данного примера на арабский: *«ويبدو أن هذه الحياة ارهقتها، ثم أنها أرادت أن تستقل بركانها، زد على ذلك السن أيضاً. عندئذ لا يكون هناك متسع للخيار، وتصبح مستعدة للزواج بأي (كان، حتى بمدرس اللغة اليونانية)»* (т.е., Кажется, эта жизнь ее утомила, и тогда ей захотелось занять свое место, не говоря уже о ее возрасте. Тогда выбора не остается, и она готова выйти замуж за кого угодно, даже за учителя греческого языка). Как мы видим, передача русского выражения «иметь свой угол» (т.е., свое жилье) на арабский язык в данном случае не может быть признана адекватной. Переводчик транслирует его как: «занять свое место». Это высказывание не только не передает сути, заложенной автором в оригинал, но и не до конца понятно: занять место – где? в обществе? Очевидно, переводчик не до конца сам понял используемое в данном контексте русское выражение «хотеть/желать своего угла».

В другом месте, в том же произведении понятие «угол» переводчик интерпретирует несколько иначе: *«Видеть и слышать, как лгут, – проговорил Иван Иванович, поворачиваясь на другой бок, – и тебя же называют дураком за то, что ты терпишь эту ложь; сносить обиды, унижения, не смея открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому лгать, улыбаться, и всё это из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из-за какого-нибудь чинишка, которому грош цена, – нет, больше жить так невозможно!»*. Герой признается, что не может больше терпеть ложь и лгать самому только ради того, чтобы иметь «кусочек хлеба» и «теплый угол». Переводчиком этот пассаж переведен следующим образом: *«ودمد إيفان إيفانيتش وهو ينقلب إلى الجانب الآخر: أن ترى وتسمع كيف يكذبون، ثم يرمونك أنت بالغباء لأنك تطيق هذا الكذب. أن تتحمل الإهانات و الأدلال، دون أن تجرؤ على الإعلان صراحة أنك في صف الشرفاء الأحرار، بل تكذب أنت نفسك، وتبتسم، وكل ذلك من أجل لقمة العيش، من أجل ركن دافئ، من أجل وظيفة «حقيرة لا تساوي مليماً..كلاً، حياة كهده لم تعد محتملة»* (т.е., Видеть и слышать как они лгут, а потом тебя обвиняют в глупости, потому что ты терпишь эту ложь. Терпеть оскорбления и баловство, не смея

заявить открыто, что ты на стороне честных и свободных людей и лгать себе и улыбаться, и все это ради заработка, ради теплого уголка, ради презренной работы, которая не стоит и гроша... Нет, такая жизнь уже невыносима). Выражения: ради «теплого угла» и «куска хлеба» переданы переводчиком как: «ради заработка» и «ради теплого уголка». Если в паре «кусочек хлеба» и «заработок» можно найти некую логическую связь (имея заработок, можно купить хлеб и не умереть с голода), то не до конца понятно, почему переводчик передает русское «теплый угол» как «теплый уголок» – очевидно, используя такую форму, он хотел подчеркнуть презрительное отношение к тем, которые ради материальных благ готовы предать свои идеалы и ценности.

Интересен и вариант передачи переводчиком такого понятия как «сени», которое переводчик заменяет более современным эквивалентом «веранда».

б) *Реалии, обозначающие предметы одежды.* Приступая к анализу специфики перевода реалий, обозначающих предметы одежды, начнем с того, что следует разграничить те предметы одежды, которые известны современному носителю русского языка (используются сейчас, но именуются по-другому), а также те, которые могут быть отнесены к прошлой эпохе и в настоящее время практически не используются и могут быть не понятны даже носителями русского языка.

В рассказе «Дочь Альбиона» находим следующее описание: *«Одета она была в белое кисейной платье, сквозь которое сильно просвечивали тощие, желтые плечи»*. Кисея – «легкая, хлопчатобумажная, прозрачная ткань», изделия из которой (в основном предметы женской одежды) были популярны в XIX веке. Сейчас вряд ли кто-то точно сможет дать точное определение характера такого материала, как кисея. В переводе на арабский *«وكانت ترتدي فستاناً أبيض من المولتين بدت من خلال نسيجها الشفاف بوضوح كتفها الصفراوان النحيلتان»* — «кисейный» передано эквивалентом «муслиновый» – материал, более известный современному читателю (муслин – ткань полотняного переплетения из хлопка, шерсти, шёлка или льна). В принципе, перевод оригинального текста осуществлен переводчиком верно, и, скорее всего, читатель может не знать об осуществленной подмене, хотя она присутствует в тексте перевода, который выглядит так: На ней было белое муслиновое платье, сквозь прозрачную ткань которого хорошо были видны ее тонкие желтые плечи. Отметим, что в данном случае переводчиком, до определенной степени, образ персонажа корректируется в сторону «улучшения»:

определение «тощие плечи» (выражение, создающее не очень приятный образ) передано как «тонкие плечи» (придающее образу оттенок изысканности).

В рассказе «Человек в футляре» находим реалии, обозначающие предметы одежды, характерные исключительно для российского общества (необходимые в силу особого климата /погоды): *«Он был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате»*. Калоши и пальто на вате не характерны для арабского социума и вряд ли будут понятны арабоязычному читателю, далекому от русской культуры. Рассмотрим перевод данного фрагмента на арабский: *«كان يمتاز بأنه كان دائماً، وحتى في الجو الجيد لا يخرج إلا بالخف فوق الحذاء وبشمسية، وحتماً في معطف ثقيل ببطانة من القطن»* (т.е., Его отличало то, что он всегда был рядом и даже в хорошую погоду выходил на улицу только в тапочках поверх туфель и с зонтиком и обязательно в тяжелом пальто на хлопчатобумажной подкладке). Не будучи знаком со спецификой надевать калоши поверх ботинок или валенок в дождливую погоду, переводчик передает лексическую единицу «калоши» довольно далекой от нее (но более понятной арабскому читателю) единицей «тапочки (поверх туфель)», которая полностью меняет образ героя, а вместе с тем и задумку автора относительно его внешности и характера. То же справедливо и в отношении описательного перевода «тяжелое пальто на хлопчатобумажной подкладке» вместо «теплое пальто на вате», который изменяет образ героя и также не может быть оценен нами как до конца адекватный.

В переводе следующего отрывка из рассказа «Ванька»: *«Довольный тем, что ему не мешали писать, он надел шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо в рубахе выбежал на улицу...»* переводчик не допускает фактологической ошибки, но, при этом, просто опускает не понятные ему фрагменты русского текста: *«لأن أحداً لم يعطله عن الكتابة، و لم يضع المعطف على كتفيه، بل انطلق إلى الخارج بالقميص فقط»*. Обратный перевод арабской фразы на русский будет выглядеть так: Потому что никто не мешал ему писать, он не надел пальто на плечи, а вышел на улицу в одной рубашке. Во-первых, шуба – особый тип пальто из меха – не знаком арабской аудитории, а потому использование единицы «пальто» вместо «шуба» представляется более логичным (хотя и лишенным национальной русской специфики); во-вторых, переводчик игнорирует фразу «надеть шапку»; и, в-третьих, лексическая единица с уменьшительно-ласкательным суффиксом «шубейка» и лексичес-

кая единица «рубашка» переданы, как: «пальто» и «рубашка», что значительно меняет восприятие образа и отношение автора к своему герою.

Не вполне соответствует русскому оригиналу и перевод фрагмента из рассказа А.П. Чехова «Радость»: «Митя надел фуражку с кокардой и, торжествующий, радостный, выбежал на улицу». Рассмотрим, как переводчик передает такую реалию, как «фуражка с кокардой»: «وارتدى ميثيا», «العمره ذات الشريط المعقود، وانطلق إلى الشارع متتشيأ فرحاً», обратный (дословный) перевод данного предложения на русский выглядит так: Митя надел шляпу с повязанной поверх нее лентой и в восторге от радости вышел на улицу. «Фуражка с кокардой» и «шляпа с повязанной поверх нее лентой» также не могут быть, на наш взгляд, быть признаны соответствующими эквивалентами.

Сложности вызывает и перевод таких названий предметов одежды, как «мундир» и «вицмундир», которые являются реалиями исключительно русской культуры. Так, высказывание из рассказа «Толстый и тонкий»: «Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира.....» передано на арабский как: «وشد نافانائيل قامته وزرر جميع» (т.е., Наванаэль выпрямил свою фигуру и застегнул все пуговицы своего пиджака). Видимо, не знакомая арабскому переводчику лексическая единица «мундир», представляется ему близкой такому современному предмету одежды как «пиджак». Кроме того, переводчик также не знаком с устойчивым русским выражением «вытянуться во фрунт», которое в настоящее время относится к числу устаревших, а раньше означало «выпрямиться, встать по стойке смирно, в знак внимания и уважения вышестоящему по званию лицу». Для передачи указанного выражения на арабский переводчик использует описательный прием – выпрямить фигуру.

Также осуществлен и перевод такого предмета одежды, как «вицмундир»: «На другой день Червяков надел вицмундир, постригся и пошел к Брижжалову объясняться» (рассказ «Смерть чиновника»). Как и лексическая единица «мундир», единица «вицмундир» передана современным эквивалентом «пиджак»: «وفي اليوم التالي ارتدى تشرفياكوف خلة جديدة، وقص شعره، وذهب إلى بريز «جالوف لتوضيح الأمر» (т.е., На следующий день Червяков надел новый костюм /пиджак, постригся и пошел к Брижжалову объяснять ситуацию).

При переводе следующего эпизода из рассказа «Хамелион» переводчик игнорирует специфику русскоязычной реалии, обозначающей такой предмет военной одежды как «шинель» (верхняя военная одежда, форменное пальто со складками

на спине), передавая ее далеким от оригинала словом «пальто»: «Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке». Арабский вариант перевода звучит так: «عبر ميدان السوق يسير مفتش الشرطة» «أتشوميلوف في معطف جديد و يحمل في يده لفافة» (т.е., По рыночной площади идет инспектор полиции Ачумилов в новом пальто и со свитком в руке). Кроме некорректной передачи лексической единицы «шинель» эквивалентом «пальто», в данном эпизоде допущен и еще ряд неточностей: должность «полицейский надзиратель» переведена как «инспектор полиции», а «узелок» (который герой держит в руке) переведен как «свиток». Такие неточности в деталях кардинально изменяют образ героя, его восприятие читателем и всю ситуацию в целом.

в) Реалии, передающие названия *продуктов питания*. Выдвинем предположение, что в настоящее время, под влиянием всеобщих процессов глобализации, практически не осталось блюд, которые были бы исключительно принадлежностью какой-либо нации и не были знакомы представителям других культур. Вероятно, по данной причине, реалии, описывающие продукты питания, блюда русской кухни и т.п. часто оказываются переданы на арабский язык верно и национальная специфика, заложенная в оригинальном произведении, сохраняется.

Но в данном случае нами отмечены некоторые нюансы иного плана. При переводе реалий, передающих названия продуктов питания, переводчик, вероятно, желая сделать текст перевода более ярким, иногда добавляет в текст перевода детали, которых не было в оригинале. Рассмотрим пример из рассказа «Толстый и тонкий»: «Пахло от него ветчиной и кофейной гущей» – эту фразу переводчик передал так: «وافحت منه رائحة لحم الخنزير والقهوة الرخيصة» (т.е., От него пахло ветчиной из свинины и дешевым кофе). Мы видим, что в оригинале не было указания – «ветчина (из свинины)»; кроме того, выражение «кофейная гуща» интерпретировано переводчиком как «дешевый кофе», хотя в тексте оригинала нет определения кофе, как не очень качественного, т.е., дешевого.

г) Реалии, передающие названия *национально-специфических единиц меры*. Говоря о переводе единиц меры (расстояния, веса и т.п.), которые также относятся к прошлой эпохе, отметим, что в большинстве случаев переводчик использует прием «осовременивания», пытаясь сделать текст понятным нынешнему читателю. Если русскоязычный читатель еще может предположить

или имеет некоторые знания о том, что означали используемые в прошлом единицы «грош», «полушка», «сажень», «верста» и т.п., то читатель, принадлежащий к иной культуре, не знаком с ними. Поэтому использование их в тексте перевода может создать барьер для понимания. В рассказе «Человек в футляре» есть такой отрывок: «Была уже полночь. Направо видно было всё село, длинная улица тянулась далеко, верст на пять». Как мы видим, в оригинале использована лексическая единица «верста». Перевод на арабский язык вышеприведенного фрагмента выглядит так: «كان الوقت منتصف الليل. وإلى اليمين بدت القرية. وامتد شارعها الطويل بعيداً، حوالي خمسة كيلومترات» (т.е., Была полночь. Справа показалась вся деревня, длинная улица которой простиралась далеко, примерно на пять километров). Переводчик заменяет малопонятную единицу «верста» более знакомой «километр». Фактуальная информация передана верно (верста – 1,06 км.), но потеряна национально-культурная специфика оригинала.

д) Реалии, передающие названия денежных знаков. Также как и при переводе названий продуктов питания, при передаче на арабский язык наименований денежных знаков не вызывает особых сложностей, а потому передача таких реалий может быть признана до определенной степени адекватной.

В рассказе «Ванька» есть такой фрагмент: «И видал которые лавки, где ружья всякие на манер бариновых, так что небось рублей сто каждое», который передан на арабский язык как: «ورأيت دكاكين فيها مختلف أنواع البنادق التي تشبه بنادق السادة، ويمكن...الواحدة منها تساوي مائة روبل». Данная фраза, если будет дословно переведена обратно на русский язык, будет иметь следующий вид: Я видел магазины, в которых были различные виды винтовок, похожих на барские, и каждая из них могла стоить сто рублей. Если не принимать во внимание нивелирование переводчиком просторечных выражений, типа «на манер» и «каждое», то, в принципе, оригинал передан верно и при чтении текста перевода арабоязычный читатель получит всю необходимую информацию, которую вложил в оригинал автор.

Выводы

Проведенное исследование показало, что при переводе бытовых реалий переводчик чаще

прибегает к стратегии доместикации (однако, только в 90% случаев). Бытовые реалии специфичны и переводчику приходится найти способ их адекватной передачи на арабский язык, поскольку иначе, во многих случаях, будет просто не понятен сюжет повествования или его важные детали, опущение которых может привести к искажению смысла. Таким образом, переводчик пытается находить компромисс между необходимостью быть понятным читателем и возможностью сохранения национальной специфики текста. В рамках данной стратегии используются приемы перифрастического перевода, описательного перевода, а также перевода-уподобления, при котором переводчик пытается адаптировать имеющуюся в его родном языке реалию в соответствии с русской национально-языковой картиной мира.

При переводе бытовых реалий в рассказах А.П. Чехова имеет место потеря национально-культурной специфики. Переводчиком редко используется стратегия форенизации, позволившая бы в ряде случаев сохранить национально-культурную специфику оригинала. Вместо этого переводчик прибегает к использованию стратегии доместикации, пытаясь подогнать вновь создаваемый перевод под образы и смыслы родной арабской культуры. В рамках данной стратегии им используются приемы нахождения аналога (61%);, уподобляющего перевода (37%) и, в незначительном числе случаев, прием функциональной замены (2%). При верной передаче общего смысла произведения А.П. Чехова, переводчик не сохраняет национальную специфику оригинала, а потому ему не удастся донести до арабского читателя все детали русской национально-культурной картины мира.

При переводе бытовых реалий (наиболее значимых для построения образа национально-культурной картины мира) стратегия форенизации переводчик использует не так часто, пытаясь передать русские реалии через схожие и более понятные арабскому читателю образы. А это обедняет перевод, лишая его национально-культурной специфики и, таким образом, читатель имеет возможность воспринять только общий смысл (сюжет) рассказа.

Список источников

1. Масленникова Е.М. Художественный перевод: когнитивная матрица и лингвистическая (не)равноценность // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 3 (040). С. 111 – 117.
2. Филиппов О.А. Восприятие художественного текста в разных культурах (фрагмент экспериментального исследования) / Язык. Коммуникация. Культура: тенденции XXI века. Красноярск, 2007. С. 359 – 364.

3. Булгакова С.Ю. Корреляция реалий и лакун при переводе художественного текста // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 188 – 182.
4. Гергерт А.А. Особенности перевода культурных реалий (на материале произведений Е. Замятина и А. Гавальда) // Вестник ВолГУ. Лингвистика, лингводидактика и переводоведение. 2014. Серия 9. Вып. 12. С. 103 – 105.
5. Давыдова Т.С. Особенности передачи наименований реалий на английский язык (на материале произведений русских писателей) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 3. С. 41 – 47.
6. Низовцева Т.В. Особенности перевода бытовых реалий с русского языка на английский в произведениях фантастического жанра (на материале повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине» и ее перевода на английский язык) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Лингвистика. 2019. № 4. С. 107 – 114.
7. Ярмаркина Г.М. Бытовая лексика в деловых текстах XVIII века (на материале писем хана Аюки и их русских переводов) // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 1092 – 1102.
8. Хайрутдинова Т.Х. Бытовая лексика татарского языка. Казань: Фикер, 2000. 128 с.

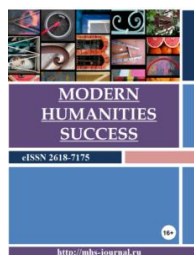
References

1. Maslennikova E.M. Literary translation: cognitive matrix and linguistic (in)equivalence. Questions of cognitive linguistics. 2014. No. 3 (040). P. 111 – 117.
2. Filippov O.A. Perception of fiction in different cultures (fragment of experimental research). Language. Communication. Culture: trends of the 21st century. Krasnoyarsk, 2007. P. 359 – 364.
3. Bulgakova S.Yu. Correlation of realities and lacunae in the translation of fiction. Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2013. No. 2. P. 188 – 182.
4. Gergert A.A. Features of the translation of cultural realities (based on the works of E. Zamyatin and A. Gaval'd). Bulletin of VolSU. Linguistics, linguodidactics and translation studies. 2014. Series 9. Issue 12. P. 103 – 105.
5. Davydova T.S. Features of the transfer of names of realities into English (based on the works of Russian writers). Scientific notes of Petrozavodsk State University. 2021. Vol. 43. No. 3. P. 41 – 47.
6. Nizovtseva T.V. Features of the translation of everyday realities from Russian into English in works of the fantasy genre (based on the story of A. and B. Strugatsky "Roadside Picnic" and its translation into English). Bulletin of Moscow State Regional University. Linguistics Series. 2019. No. 4. P. 107 – 114.
7. Yarmarkina G.M. Everyday vocabulary in business texts of the 18th century (based on the letters of Khan Ayuki and their Russian translations). Oriental Studies. 2020. T. 13. No. 4. P. 1092 – 1102.
8. Khairutdinova T.Kh. Everyday vocabulary of the Tatar language. Kazan: Fiker, 2000. 128 p.

Информация об авторе

Х. Йегни, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400005, г. Волгоград, Российская Федерация, пр. Ленина, 27, ilenagabriel.ig@gmail.com

© Х. Йегни, 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 81'27:327.51

Исследование конструирования международного дискурсивного права Китая в рамках инициативы «Пояс и путь»

¹ Ли Цзявэй,

¹ Даляньский университет иностранных языков, Китай

Аннотация: исследование формирования международного дискурсивного права способствует созданию позитивного внешнего имиджа государства и повышению его международного статуса. В данном исследовании на основе теории дискурсивной власти Фуко и модель власти Френча, рассматривается текущее состояние конструирования международного дискурсивного права Китая в контексте инициативы «Пояс и путь», а также обобщаются предложения для повышения международного дискурсивного права России и Китая. Были сделаны выводы, что Китай способствует усилению дискурсивного права в сфере общественного мнения путем построения новой системы внешнеполитического дискурса, а также через семантическую ассоциацию проекта с позитивной лексикой, параллельно Китай повышает институциональное дискурсивное право в продвижении инициативы способами: активно создавая соответствующие повестки в рамках существующих многосторонних механизмов; легитимируя и институционализируя концепции и механизмы сотрудничества; используя дипломатические мероприятия на своей территории для усиления способности формирования международной повестки дня. В дальнейшем Россия и Китай могут повышать свое международное дискурсивное право, опираясь на данную модель: совершенствуя подходы к распространению внешнеполитического дискурса, используя международные платформы для захвата инициативы в формировании глобальной повестки и улучшая институциональное обеспечение. Результаты данного исследования могут служить ориентиром для России при анализе политики Китая в рамках инициативы «Пояс и путь», а также стать основой для совместного укрепления международного дискурсивного права двух стран.

Ключевые слова: политический дискурс, Китай международное дискурсивное право, инициатива «Пояс и путь», дискурсивное право в сфере общественного мнения, институциональное дискурсивное право

Для цитирования: Ли Цзявэй Исследование конструирования международного дискурсивного права Китая в рамках инициативы «Пояс и путь» // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 132 – 140.

Поступила в редакцию: 13 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Research on the construction of China's international discourse power under the "Belt and Road" Initiative

¹ Li Jiawei,

¹ Dalian University of Foreign Languages, China

Abstract: the study of international discourse power construction helps nations shape a positive external image and enhance their international status. This paper employs a corpus-assisted discourse analysis approach to explore the current state of China's international discourse power construction under the Belt and Road Initiative (BRI) and proposes corresponding recommendations for the development of international discourse power in both Russia and China. The findings indicate that China enhances its discursive discourse power in BRI construction by establishing a new political discourse system for external relations and creating semantic co-occurrences between the BRI and positive vocabulary. Additionally, China strengthens institutional discourse power in BRI construction through two institutional construction methods: leveraging existing multilateral mechanisms to actively set BRI-related agendas and legitimizing and institutionalizing BRI's cooperative concepts and mechanisms.

anisms, while utilizing host diplomacy to improve agenda-setting capabilities. In the future, Russia and China may refer to this model to enhance their international discourse power by refining the perspective of external discourse dissemination, leveraging international platforms to gain initiative in setting global agendas, and continuously improving the supply of international institutions. The conclusions of this study not only provide a reference for Russia's research on China's BRI-related policies but also offer insights for the future construction of international discourse power in both Russia and China.

Keywords: political discourse, China; international discourse power Belt and Road Initiative, discursive discourse power, institutional discourse power

For citation: Li Jiawei Research on the construction of China's international discourse power under the "Belt and Road" Initiative. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 132 – 140.

The article was submitted: April 13, 2025; Approved after reviewing: June 9, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Международное дискурсивное право определяется как способность государства влиять на действия или когнитивные установки других стран посредством собственной системы внешнеполитического дискурса [1, с. 33]. Уровень развития этого права оказывает существенное воздействие на формирование внешнего имиджа и международного статуса государства, что делает его критически важным элементом в процессе национального развития. Следовательно, укрепление международного дискурсивного права представляет собой непрерывную стратегическую задачу. Как крупнейший публичный продукт эпохи социализма с китайской спецификой новой эры, инициатива «Пояс и путь» привлекла значительное международное внимание, предоставив Китаю уникальную возможность для усиления своего международного дискурсивного права. Данная инициатива служит ключевым инструментом не только для конструирования и продвижения дискурсивного права Китая, но и для формирования его позитивного внешнего имиджа. Это обуславливает важность исследования процесса конструирования международного дискурсивного права Китая в рамках реализации инициативы «Пояс и путь».

Французский философ Мишель Фуко [10, с. 465] первым выдвинул классический тезис «дискурс - власть», утверждая, что любой дискурс является продуктом власти и сам представляет собой форму власти, тем самым раскрыв симбиотическую связь между языком и властью. Это положило начало концепции «дискурсивного права» – свободы выражения, при которой субъект дискурса распространяет и направляет влияние через языковые формы, что отражает интериоризацию власти в дискурсе. С углублением глобализации и усилением межгосударственных взаимодействий роль дискурса в международных отношениях стала ключевой, что привело к формированию понятия «международного дискурсивного права». Оно

представляет собой расширение концепции дискурсивного права на уровень государства, определяясь как способность страны влиять на действия или восприятие других государств через собственную систему внешнеполитического дискурса. По сути, это влияние, доминирование и контроль национального дискурса над международной дискурсивной системой [1, с. 35; 2, с. 142].

Согласно модели источников власти Джона Френча (John French) и Бертрама Рэйвена (Bertram Raven), выделяющей пять типов власти (принудительная, вознаграждающая, референтная, институциональная и экспертная), в академической сфере международное дискурсивное право классифицируется на: 1. Дискурсивное право в сфере общественного мнения (включая академическое), 2. Институциональное дискурсивное право, 3. Принудительное дискурсивное право, 4. Вознаграждающее дискурсивное право [3, с. 119]. «Дискурсивное право в сфере общественного мнения» (ситуационная власть) формирует международную идентичность и имидж государства через внешний дискурс. «Институциональное дискурсивное право» преобразует национальные интересы в международные правила через постановку повестки и институциональный дизайн. «Принудительное дискурсивное право» подразумевает гегемонию, достигаемую угрозой применения военной или экономической силы. «Вознаграждающее дискурсивное право» основано на обещании выгод странам-последователям. Данное исследование фокусируется на анализе конструирования дискурсивного права Китая в контексте «Пояса и пути», поэтому принудительное и вознаграждающее дискурсивные права (имеющие общий источник - национальную мощь) исключены из исследования. Основное внимание уделяется «дискурсивному праву в сфере общественного мнения» (прямая связь с дискурсом) и «институциональному дискурсивному праву» (косвенная связь через механизмы продвижения инициатив).

С момента выдвижения инициативы «Пояс и путь» исследования международного дискурсивного права Китая в данном контексте активно развиваются, охватывая экономику, политологию, право и коммуникативистику [4, с. 71-74; 5, с. 127-131; 6, с. 90-98]. Ван Цюнь [9, с. 181-184] отмечает проблемы Китая в области содержания, платформ и обратной связи международно-правового дискурса, предлагая инновации в формулировках и усилении использования медиаресурсов. Се Чжоухуа [8, с. 8-11] анализирует коммуникацию инициативы в АСЕАН, подчеркивая необходимость глобализированной стратегии продвижения. Ма Лижун [7, с. 21-39+155-156] выделяет ключевые аспекты укрепления академического дискурсивного права: новые концепции исследований, интерпретационный потенциал и китайскую модель реализации. Однако фрагментарность тематики и ограниченность методологии сдерживают углубление исследований.

В исследовании, опираясь на теорию дискурсивной власти Мишеля Фуко и модель власти Джона Френча и применяя корпусный дискурс-анализ, анализируется текущее состояние конструирования международного дискурсивного права Китая в контексте инициативы «Пояс и путь». Результаты исследования призваны стать ориентиром для России в изучении политики Китая, связанной с данной инициативой, а также предоставить практические рекомендации для совместного укрепления международного дискурсивного права и формирования благоприятного внешнего имиджа двух стран.

Материалы и методы исследований

Политический дискурс руководителей государства играет важную роль в разъяснении позиций страны, демонстрации направленности политики и формировании внешнего имиджа государства. Он также служит ориентиром для других стран, желающих понять вектор развития государства. Поэтому выбор внешнеполитических речей Председателя КНР, посвящённых инициативе «Пояс и путь», в качестве материала исследования, обладает высокой степенью репрезентативности и достоверности в контексте изучения конструирования дискурсивного права в сфере общественного мнения Китая. Кроме того, различные механизмы обсуждения, активно создаваемые Китаем после выдвижения инициативы, непосредственно связаны с конструированием институционального дискурсивного права. На основе вышеизложенного, в исследовании были собраны соответствующие данные о текущем состоянии конструирования дискурсивного права в сфере общественного мнения и институционального дискурсивного права в

рамках инициативы «Пояс и путь» Китая, с использованием ресурсов таких сайтов, как Синьхуа (xinhuanet.com), официальный сайт инициативы «Один пояс, один путь» и «Жэньминь жибао» (people.cn). Процесс обработки данных и процедуры исследования включали следующие этапы.

Для ответа на поставленные исследовательские вопросы был реализован следующий алгоритм: в качестве основной платформы для формирования корпуса текстов использовалась база данных «Речи Председателя КНР» на сайте «Жэньминь жибао», с использованием ключевого слова «Пояс и путь», при этом были установлены ограничения по типу и тематике речей – отобраны только внешнеполитические выступления и визитные речи, связанные с такими областями, как экономика, политика, экология, дипломатия, социум и культура (исключая военно-политическую сферу). Временной диапазон охватывает период с 2013 года – года выдвижения инициативы – по 2023 год. В результате по годам было отобрано в общей сложности 185 текстов внешнеполитических речей Председателя КНР, посвящённых теме «Поясом и путем».

С помощью инструмента Octoparse тексты были извлечены с платформы, затем очищены от дубликатов и структурированы с использованием текстового редактора EmEditor, в результате чего был сформирован корпус речей Председателя КНР по инициативе «Один пояс, один путь», который стал важной базой данных для анализа дискурсивного права в сфере общественного мнения Китая. Далее с помощью соответствующих Инструментов был проведён базовый лингвистический анализ корпуса: посредством CorpusWordParser тексты были сегментированы и размечены по частям речи; затем обработанные тексты были импортированы в программу AntConc для анализа частотной лексики, тематических слов и их семантической сочетаемости терминов. Это позволило исследовать, каким образом руководитель Китая усиливает выразительность и качество политического дискурса, а также способствует формированию дискурсивного права в сфере общественного мнения через внешнеполитические выступления.

Одновременно с этим с официального сайта «Пояса и пути», «Синьхуа» и других ресурсов были собраны материалы, отражающие формирование повестки дня и институты в рамках «Одного пояса, одного пути». Наконец, на основе анализа процесса формирования международного дискурсивного права Китая в рамках данной инициативы, в исследовании предлагаются рекомендации по укреплению международного дискурсивного права как России, так и Китая в будущем.

Данное исследование направлено на решение следующих вопросов:

(1) Каким образом Китай повышает своё международное дискурсивное право через конструирование дискурсивного права в сфере общественного мнения и институционального дискурсивного права в рамках инициативы «Пояс и путь»?

(2) Какие практические уроки и рекомендации для России и Китая можно вывести из текущего состояния конструирования международного дискурсивного права Китая?

Результаты и обсуждения

1. Анализ конструирования международного дискурсивного права Китая в рамках инициативы «Пояс и путь»

1.1 Дискурсивное право в сфере общественного мнения

Дискурсивное право в сфере общественного мнения формирует международный имидж посредством внешнеполитического дискурса. С момента выдвижения инициативы «Пояс и путь» председатель КНР Си Цзиньпин последовательно использует различные дипломатические площадки - как внутренние дипломатические мероприятия, так и государственные визиты и международные форумы - для продвижения своей позиции через политические выступления, опирающиеся на историко-культурные традиции страны, тем самым формируя благоприятное общественное мнение зарубежной аудитории. Проведенный с помощью программного обеспечения Antconc корпусный анализ выявил, что Китай укрепляет дискурсивное право в сфере общественного мнения в рамках строительства "Пояса и пути" посредством: (1) Конструирования новой системы внешнеполитического дискурса; (2) Семантической сочетаемости концепции «Пояс и путь» с позитивной лексикой. Данные механизмы способствуют формированию адекватного восприятия инициативы среди

населения стран-участниц и снижению сопротивления её реализации.

(1) Конструирования новой системы внешнеполитического дискурса

Согласно результатам анализа с использованием AntConc, в речах Си Цзиньпина по инициативе «Пояс и путь» часто встречаются оригинальные концепции, такие как «сообщество единой судьбы человечества», «китайская мечта» и «новый тип международных отношений», которые появляются соответственно 3535, 2014 и 1543 раза. Эти концепции обладают как внутренней оригинальностью, так и глобальной применимостью, являясь образцами инновационного внешнеполитического дискурса Китая. Например, концепция «сообщества единой судьбы человечества», предложенная Си Цзиньпином, является важной дипломатической идеей и значительным вкладом современного Китая в глобальные ценности. Семантический анализ показывает, что эта концепция тесно связана с такими словами, как «сотрудничество», «развитие», «история», «культура», «новый тип» и «глобализация», что свидетельствует о её глубокой связи с традиционной китайской культурой и духом международного сотрудничества. В 2017 году концепция «сообщества единой судьбы человечества» впервые была включена в резолюцию ООН и с тех пор неоднократно упоминалась в документах ООН, получив широкое признание и поддержку со стороны международного сообщества. Таким образом, в своих внешнеполитических речах по инициативе «Пояс и путь» Си Цзиньпин умело интегрирует такие концепции, как «сообщество единой судьбы человечества», в новую систему внешнеполитического дискурса, что способствует повышению дискурсивного влияния Китая в сфере общественного мнения в рамках инициативы «Пояс и путь».

Таблица 1

Частотности знаменательных слов в политических выступлениях по инициативе «Пояс и путь» (2013-2023 гг.).

Table 1

Frequency of significant words in political speeches on the Belt and Road Initiative (2013-2023).

№	Частота	Термин	№	Частота	Термин
1	4369	"Пояс и путь"	1	4369	«Пояс и путь»
2	2294	развитие	2	3535	«Сообщество единой судьбы человечества»
3	1555	сотрудничество	3	2014	«Китайская мечта»
4	1067	экономика	4	1543	«Новый тип международных отношений»

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

5	701	народ	5	1449	«Совместное строительство и взаимовыгодное сотрудничество»
6	437	мир	6	1338	«Правильные взгляды на справедливость и выгоду»
7	363	безопасность	7	768	«Общие ценности»
8	325	открытость	8	549	«Новый путь межгосударственных отношений»
9	323	цивилизация	9	532	«Взаимное обогащение цивилизаций»
10	301	взаимовыгодность	10	490	«Общие ценности»

(2) Семантической сочетаемости концепции «Пояс и путь» с позитивной лексикой

Инициатива «Пояс и путь» основана на историческом Шёлковом пути, который имеет глубокие исторические корни и оказывает значительное влияние на мировое сообщество, вызывая ассоциации с мирным культурным обменом. Согласно таблице 1, в речах Си Цзиньпина по инициативе «Пояс и путь» часто упоминаются такие слова, как «развитие», «сотрудничество» и «экономика». Эти высокочастотные концепции являются позитивными и универсальными, признаваемыми людьми независимо от расы, национальности, религии и вероисповедания. Тесная связь этих позитивных слов с инициативой «Пояс и путь» придаёт последней положительную семантическую окраску. Таким образом, инициатива «Пояс и путь» сочетает в себе традиционную китайскую культуру и глубокий исторический контекст с универсальными ценностями, позволяя людям во всём мире осознать, что «Пояс и путь» – это инициатива мира и взаимной выгоды, способствующая формированию правильного восприятия инициативы среди населения стран-участниц и повышению дискурсивного влияния в сфере общественного мнения.

1.2 Институциональное дискурсивное право

Институциональное дискурсивное право проявляется в возможности участия в международных институтах и выражения собственной позиции, представляя собой структурную власть по транс-

формации национальных интересов в международных правилах через постановку повестки и институциональный дизайн. Китай укрепляет институциональное дискурсивное право в рамках «Пояса и пути» посредством двух ключевых механизмов: (1) Активное выдвижение повестки дня в рамках существующих многосторонних механизмов; (2) Институциональное строительство.

(1) Активное выдвижение повестки дня в рамках существующих многосторонних механизмов

С 2013 года Китай последовательно использует двусторонние и многосторонние форматы сотрудничества для продвижения повестки "Пояса и пути" (табл. 2). От выдвижения инициативы создания Экономического пояса Шелкового пути на площадке ШОС в 2013 году до включения «Пояса и пути» в резолюцию ГА ООН в 2016 году и инициативы о партнерстве по вакцинам в 2021 году – Китай активно продвигает идеи и достижения инициативы, систематически расширяет сферы сотрудничества, расширяя её влияние, чтобы больше людей узнали о ней и больше стран и регионов смогли принять участие в её реализации. По данным официального портала инициативы, к настоящему моменту подписано 198 двусторонних и многосторонних документов, что свидетельствует о повышении институционального дискурсивного влияния Китая в процессе реализации инициативы.

Таблица 2

Ключевые инициативы Китая по продвижению «Пояса и пути» в многосторонних форматах.

Table 2

Key initiatives of China to promote the Belt and Road in multilateral formats.

Дата	Формат сотрудничества	Ключевые инициативы/Достижения
09.2013	Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)	Визит в Казахстан, выдвижение инициативы создания Экономического пояса Шелкового пути
10.2013	Саммит АТЭС	Выступление о строительстве сообщества единой судьбы Китая и АСЕАН, инициатива совместного создания Морского Шелкового пути
06.2014	6-е заседание Совета министров Китайско-арабского форума сотрудничества	Разъяснение принципов сотрудничества "совместные обсуждения, совместное строительство, совместное пользование" в рамках «Пояса и пути»
03.2016	Совет Безопасности ООН	Первое включение инициативы «Пояс и путь» в документы ООН
11.2016	71-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН	Первое упоминание инициативы в резолюции ООН
2017	72-я сессия ГА ООН	Включение принципов «совместные обсуждения, совместное строительство, совместное пользование» в резолюцию «ООН и глобальное экономическое управление»
12.2017	4-я Всемирная интернет-конференция	Инициатива международного сотрудничества в цифровой экономике в рамках «Пояса и пути»
09.2018	Саммит Форума сотрудничества Китай-Африка (Пекин)	Подписание меморандумов о взаимопонимании по «Поясу и пути» с 28 африканскими странами
11.2019	22-я встреча лидеров Китай-АСЕАН (10+1)	Совместное заявление о сопряжении инициативы «Пояс и путь» с Генеральным планом взаимосвязи АСЕАН 2025
04.2021	Основной доклад на Форуме Боао для Азии 2021	Определение направлений углубления сотрудничества по «Поясу и пути» в условиях пандемии
06.2021	Высокий уровень международного сотрудничества по "Поясу и пути" в АТР	Инициатива партнерства по вакцинам в рамках «Пояса и пути», содействие сотрудничеству в области вакцин

(2) Институциональное строительство

Институциональное строительство является наиболее прямым и эффективным способом повышения институционального дискурсивного права. Китай повышает институциональное дискурсивное право в процессе реализации инициативы «Пояс и путь» двумя способами: 1. Легитимация и институционализация концепции и механизмы сотрудничества в рамках инициативы. 2. Усиление способности к постановке повестки через проведение дипломатических мероприятий на своей территории.

Согласно табл. 3, Китай стремится создать международные организации с широким участием стран вдоль маршрута «Пояса и пути», а также сопутствующие механизмы, чтобы легализовать и институционализировать идеи и механизмы сотрудничества в рамках инициативы, способствуя объединению большего числа стран под общими принципами совместного

обсуждения, совместного строительства и совместного использования. Например, в 2014 году Китай создал финансовый инвестиционный механизм, учредив Фонд Шелкового пути для поддержки проектов в странах и регионах вдоль маршрута инициативы; в 2019 году Китай создал механизм информационного распространения, учредив Альянс новостного сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь».

Формирование повестки дня как ключевой элемент институционального дискурсивного права. Способность формировать повестку дня позволяет захватывать дискурсивную инициативу, избегать пассивной реактивной позиции и направлять мышление аудитории через использование специфических дискурсивных конструкций, в процессе которого они понимают ценности и когнитивные модели, заложенных в дискурсе. Повышение степени признания дискурса способствует увеличению международного дискурсивного влияния. В

процессе построения институционального дискурсивного права в рамках инициативы «Пояс и путь» Китай также использует дипломатические мероприятия на своей территории, проводя форумы и саммиты, связанные с инициативой, и выступая с речами по соответствующим темам (табл. 4). Темы этих выступлений тесно связаны с основными глобальными ценностями и актуальными международными событиями, что полностью отражает стремление Китая к миру, развитию и сотрудниче-

ству с другими странами. Дипломатические мероприятия на территории Китая не только создают открытую и инклюзивную платформу для совместного обсуждения и сотрудничества стран вдоль маршрута инициативы, но и позволяют Китаю эффективно использовать преимущества принимающей стороны, поэтому Китай постепенно переходит от участника международной повестки в архитектор глобальных инициатив.

Таблица 3

Примеры институционализации «Пояса и пути».

Table 3

Examples of the institutionalization of the Belt and Road.

Дата	Созданный механизм/организация	Функции и значение
11.2014	Создание Фонда Шёлкового пути с капиталом 40 млрд долл. США	Финансирование проектов в области инфраструктуры, освоения ресурсов, промышленного сотрудничества и финансовой сферы в странах «Пояс и путь»
12.2015	Создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) (26,06% голосов Китая; 109 стран-членов на сентябрь 2023 г.)	Первый опыт Китая по созданию многостороннего финансового института в рамках «Пояс и путь», свидетельство практической реализации инициативы
04.2019	Первое заседание совета Альянса медиа-сотрудничества «Пояс и путь» в Пекине	Официальное создание и запуск Альянса медиа-сотрудничества «Пояс и путь»
04.2019	Создание Комитета международного сотрудничества мозговых центров «Пояс и путь» в Пекине	Новый этап сотрудничества экспертных сообществ в рамках инициативы

Таблица 4

Проведение дипломатических мероприятий на своей территории Китая по тематике «Пояс и путь» с XVIII съезда КПК.

Table 4

Conducting diplomatic events on the territory of China on the theme of "Belt and Road" since the 18th Congress of the CPC.

Дата	Место проведения	Мероприятие	Тема выступления
05.2017	Пекин	Первый Форум международного сотрудничества «Пояс и путь»	«Совместное продвижение строительства Пояс и путь»
06.2018	Циндао	Саммит ШОС в Циндао	«Развитие Шанхайского духа, построение сообщества единой судьбы»
09.2018	Пекин	Саммит Форума сотрудничества Китай-Африка	«Вместе разделять общую судьбу, сообща содействовать развитию»
04.2019	Пекин	Второй Форум международного сотрудничества "Пояс и путь"	«Совместное строительство Пояса и пути, создание прекрасного будущего»
06.2020	Онлайн	Видеоконференция высокого уровня по международному сотрудничеству "Пояс и путь"	«Укрепление международного сотрудничества по Поясу и пути, совместная борьба с пандемией COVID-19»

Продолжение таблицы 4
Continuation of Table 4

02.2021	Пекин	Саммит лидеров Китай-Центральная и Восточная Европа	«Совместно открыть новую главу сотрудничества»
04.2021	Онлайн	Ежегодное заседание Форума Боао для Азии 2021	«Вместе преодолевать трудности, сообща создавать будущее»
10.2023	Пекин	Третий Форум международного сотрудничества "Пояс и путь"	«Строительство открытого, взаимосвязанного мира совместного развития»

2. Рекомендации и предложения

Предпринятые Китаем усилия по укреплению международного дискурсивного права в рамках инициативы «Пояс и путь» значительно улучшили условия её реализации, повысив как дискурсивное право в сфере общественного мнения, так и институциональное дискурсивное право. Этот опыт представляет ценность для России и Китая в контексте совместного укрепления международного дискурсивного права.

2.1 Оптимизация подходов к распространению внешнеполитического дискурса

Китай добился определённых успехов в построении дискурсивного права через создание новой системы внешнеполитического дискурса и ассоциативную связь инициативы с позитивной лексикой. Однако излишняя политизированность и формальность подачи информации начинает ограничивать эффективность этих усилий. Например, китайские СМИ часто освещают достижения «Пояса и пути» в глобальном, но безличном ключе, тогда как основными реципиентами информации являются не только официальные лица, но и простые граждане. Такой «холодный» формат снижает восприимчивость аудитории. В этой связи России и Китаю следует: выбирать более приближенные к повседневной жизни ракурсы подачи информации; сокращать дистанцию между дискурсом и массовой аудиторией; использовать «очеловеченные» нарративы в медиаподаче.

2.2 Активное формирование повестки дня и институциональное проктирование

Китайский опыт демонстрирует важность способности к постановке повестки и институциональному творчеству. Через визиты лидеров, форумы, дипломатические мероприятия на своей территории и публикации в зарубежных СМИ Китай активно участвует в формировании международной дискурсивной повестки. России и Китаю целесообразно: использовать международные площадки для продвижения собственной повестки; задействовать неформальные дипломатические каналы, например, встречи неправительственных организаций, партийные форумы, неофициальные

визиты; разрабатывать новые международные институты, связывая инновации с ценностными ориентирами и наращивать предложение международных общественных благ через институциональное строительство.

Выводы

Инициатива «Пояс и путь» представляет собой важный канал для укрепления международного дискурсивного права и формирования внешнего имиджа Китая. В данном исследовании на основе теории дискурсивной власти Фуко и модель власти Френча, рассматривается текущее состояние строительства международного дискурсивного права Китая через призму: дискурсивного права в сфере общественного мнения и институционального дискурсивного права, и обобщаются предложения для повышения международного дискурсивного права России и Китая. Выяснилось, что Китай формирует правильное восприятие инициативы «Пояс и путь» среди населения стран-участниц путем построения новой системы внешнеполитического дискурса, а также через семантическую ассоциацию проекта с позитивной лексикой, что способствует усилению его дискурсивного права в сфере общественного мнения. Параллельно Китай повышает институциональное дискурсивное право в продвижении инициативы способами: во-первых, активно создавая соответствующие повестки в рамках существующих многосторонних механизмов; во-вторых, легитимируя и институционализируя концепции и механизмы сотрудничества; во-третьих, используя дипломатические мероприятия на своей территории для усиления способности формирования международной повестки дня.

В перспективе Россия и Китай могут использовать данную модель, совершенствуя подходы к распространению внешнеполитического дискурса: выбирать более приближенные к повседневной жизни форматы освещения, продолжать опираться на международные платформы для укрепления инициативы в формировании глобальной повестки, а также улучшать предложение международных институтов, обеспечивая больше глобальных общественных благ, что позволит усилить их международное дискурсивное право.

Список источников

1. Ли Синьлэй Поставка знаний и конкуренция за дискурсивное право в глобальном климатическом управлении: на примере влияния китайских климатических исследований на формирование знаний МГЭИК // Вестник Дипломатической академии. 2019. № 4 (36). С. 32 – 70.
2. Лун Юй Нарратив. Институты. Академический дискурс: пути повышения международного дискурсивного права Китая // Журнал Центрального Южного университета (Социальные науки). 2022. № 6 (28). С. 140 – 153.
3. Син Лицзюй, Чжао Цзин Строительство национального имиджа Китая в перспективе международного дискурсивного права: вызовы и решения // Северо-Восточный азиатский форум. 2021. № 3 (30). С. 111 – 126.
4. Юань Сайнань Практические трудности и своевременный поворот в международном дискурсивном праве Китая: на примере новой системы внешнего дискурса в рамках стратегии «Пояс и путь» // Теоретический горизонт. 2015. № 6. С. 71-74.
5. Гао Чжоюнь, Чэнь Фэнцзяо Перевод и распространение китайского дискурса в Африке в контексте «Пояса и пути» // Исследования Мао Цзэдуна. 2017. № 4 (34). С. 127-131.
6. Юань Липин Инициатива «Пояс и путь»: китайское решение для повышения международного дискурсивного права в глобальном управлении образованием // Чжунчжоуский академический журнал. 2022. № 11. С. 90-98.
7. Ма Лижун Исследования Китая по «Поясу и пути» и пути повышения академического дискурсивного права // Исследования международных отношений. 2023. № 4. С. 21 – 39.
8. Се Чжохуа Распространение инициативы «Пояс и путь» в АСЕАН и конструирование международно-го дискурсивного права в условиях псевдосреды // Любители новостей. 2019. № 8. С. 8 – 11.
9. Ван Цюнь Обсуждение международно-правового дискурсивного права Китая в стратегии «Пояс и путь» // Теоретическое исследование. 2017. № 2. С. 181 – 184.
10. Foucault M. Dits et écrits. T. III: 1976-1979. Paris: Gallimard, 1994. 465 p.

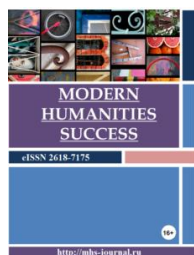
References

1. Li Xinlei Knowledge Supply and Competition for Discursive Law in Global Climate Governance: The Case of the Influence of Chinese Climate Research on IPCC Knowledge Formation. Bulletin of the Diplomatic Academy. 2019. No. 4 (36). P. 32 – 70.
2. Long Yu Narrative. Institutions. Academic Discourse: Ways to Enhance China's International Discursive Law. Journal of Central South University (Social Sciences). 2022. No. 6 (28). P. 140 – 153.
3. Xing Liju, Zhao Jing Construction of China's National Image in the Perspective of International Discursive Law: Challenges and Solutions. Northeast Asian Forum. 2021. No. 3 (30). P. 111 – 126.
4. Yuan Sainan Practical Difficulties and Timely Turn in China's International Discourse Law: The Case of the New External Discourse System under the Belt and Road Strategy. Theoretical Horizon. 2015. No. 6. P. 71 – 74.
5. Gao Zhuoqun, Chen Fengjiao Translation and Dissemination of Chinese Discourse in Africa in the Context of the Belt and Road. Mao Zedong Studies. 2017. No. 4 (34). P. 127 – 131.
6. Yuan Liping The Belt and Road Initiative: China's Solution to Enhance International Discourse Law in Global Education Governance. Zhongzhou Academic Journal. 2022. No. 11. P. 90 – 98.
7. Ma Lirong Research on China's "Belt and Road" and the Path to Enhance Academic Discursive Law. Studies of International Relations. 2023. No. 4. P. 21 – 39.
8. Xie Zhuohua The Spread of the Belt and Road Initiative in ASEAN and the Construction of International Discursive Law in the Conditions of a Pseudo-Environment. Novosti Lovers. 2019. No. 8. P. 8 – 11.
9. Wang Qun Discussion of China's International Legal Discursive Law in the Belt and Road Strategy. Theoretical Study. 2017. No. 2. P. 181 – 184.
10. Foucault M. Dits et écrits. T. III: 1976-1979. Paris: Gallimard, 1994. 465 p.

Информация об авторе

Ли Цзявэй, аспирант, Даляньский университет иностранных языков, 116044, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, Люйшуньское шоссе, 6, 1761867544@qq.com. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4280-6622>

© Ли Цзявэй, 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.351.32

Микротопонимы в аспекте исследования лексических диалектизмов в лезгинском языке

¹ Рамазанова Л.Д.,

¹ Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы,
Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Аннотация: в статье представлены некоторые результаты диалектологического изучения микротопонимии территории Ахтынского района Республики Дагестан, условно ареала распространения ахтынского диалекта лезгинского языка и его говоров, а также ряда смешанных диалектов (и говоров). Факт выявления в лезгинской топонимии лексических диалектизмов и предопределил их дальнейшее исследование в аспекте функционирования в современном состоянии идиом. Исследование в таком направлении обнаружило лексические диалектизмы: 1) функционально устойчивые во времени и актуализирующиеся в соответствии с конкретной речевой ситуацией или контекстом; 2) устаревшие, вышедшие из повседневного употребления и находящиеся в пассивном словарном запасе информантов или отдельных представителей диалекта.

Исследование региональных топонимов, в частности функционально устойчивых в диалекте, выявило в ряде случаев лексико-семантическую лакуарность в литературном языке. Таким образом, вводимый в ходе исследования в научный оборот новый фактический материал может рассматриваться и как ресурс для обогащения лезгинского литературного языка.

Ключевые слова: лезгинский язык, ахтынский диалект, говор, микротопонимы, лексика, лексические диалектизмы

Для цитирования: Рамазанова Л.Д. Микротопонимы в аспекте исследования лексических диалектизмов в лезгинском языке // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 141 – 146.

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Microtoponyms in the aspect of the study of lexical dialectisms in the Lezgin language

¹ Ramazanova L.D.,

¹ Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa,
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Abstract: the article presents some results of dialectological study of microtoponymy of territory of Akhty district of the Republic of Dagestan, conditionally area of distribution of Akhty dialect of Lezgin language and its speech, as well as a number of mixed dialects (and speech). The fact that lexical dialects have been identified in the Lezgin toponymy and has predetermined their further study in terms of functioning in the modern state of idiom. The study in this direction found lexical dialects: 1) functionally stable over time and actualizing according to a specific speech situation or context; 2) obsolete words that have fallen out of everyday use and are found in the passive vocabulary of informants or individual representatives of the dialect.

The study of regional toponymic lexemes, in particular functionally stable in dialect, has revealed in a number of cases lexical-semantic lacunarity in literary language. Thus, the new factual material introduced in the course of research can be considered as a resource for enriching the Lezgin literary language.

Keywords: dialect vocabulary, the Lezgin language, Akhty dialect, vocabulary, native vocabulary

For citation: Ramazanova L.D. Microtoponyms in the aspect of the study of lexical dialectisms in the Lezgin language. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 141 – 146.

The article was submitted: April 14, 2025; Approved after reviewing: June 10, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Лезгинская диалектология на протяжении многих лет продолжает оставаться в центре внимания исследователей. Классификации и описанию лезгинских диалектов и говоров посвящены работы П.К. Услара [23], А.Н. Генко [11, 12], Л.И. Жиркова [15], М.М. Гаджиева [5], Ш.М. Саадиева [20], Р.И. Гайдарова [6, 7], У.А. Мейлановой [17, 18], Н.А. Абдулжамалова [1, 2], А.Г. Гюльмагомедова [13, 14], Ф.А. Ганиевой [8, 9, 10], В.А. Бабаева [3] и др.

Выполненные диалектологические работы имеют большое значение для исследования лексики лезгинского языка – в них имеется объемный фактический материал, характеризующий словарное богатство отдельных диалектов и языка в целом. Благодаря данным исследованиям в научный оборот введено много «новых» лексических единиц лезгинского языка. Однако в связи с проведенной разноуровневой характеристикой диалектов, проблема фиксации лексических диалектизмов носит еще отрывочный характер. А исследование по данному разряду слов по отдельным идиомам и вовсе не проводилось. Первая попытка более обширной подачи диалектных лексических единиц как элементов общенародной лексической системы предпринята в Лезгинско-русском словаре М.Б. Бабаханова [4]. Таким образом, лексические диалектизмы в лезгинском языке за исключением отдельных фактов еще не имеют письменной фиксации, и в условиях урбанизации и нивелирования диалектов и говоров находятся под угрозой исчезновения.

Новым является и исследование диалектной лексики лезгинского языка по следам топонимических названий. Выбор топонимической единицы как источника выявления лексических диалектизмов не случаен. Известно, что топонимия существует на диалектах и отражает их фонетические, грамматические и лексическо-семантические особенности, в том числе архаичные формы языка, которые представляют интерес в плане изучения диалектологии и истории языка в целом. Кроме того, опрос «от топонима», как показало исследование, помогает пробудить память информантов, расширить материал исследования и пополнить картотеку и словари уже исчезающими словами.

Материалы и методы исследований

В работе используются метод лингвистическо-

го анализа, описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, классификация имен, а также ареальный метод, связанный с изучением диалектных особенностей и географией различных тополеков.

Материалы, привлеченные в работе, собраны путем опроса информантов и анкетирования.

Результаты и обсуждения

В настоящей статье предпринята попытка исследовать лезгинскую микротопонимию населенных пунктов территории Ахтынского района республики Дагестан на предмет выявления лексических диалектизмов и изучения с точки зрения их функционирования в современном состоянии диалекта или говора. Несмотря на то, что еще не имеется полной и завершенной диалектологической картины лезгинского языка (неисследованными остаются говоры ряда высокогорных сел), считаем целесообразным дать общий обзор диалектологической ситуации исследуемой территории. На территории Ахтынского района выявляют ахтынский диалект лезгинского языка, условно представленный ахтынским (с. Ахты, Хкем, Усур, Хуля, Гра, Балуджа, Калук, Гдынк, Курукал, Куджах), хрюгским (с. Хрюг, Луткун, Зрых, Кака), храхским (с. Храх, Ухул), миджахским (с. Миджах, Хал, Лга), смугульским (с. Смугул), гогазским (с. Гогаз), ялакским (с. Ялак), ялджухским (с. Ялджух) говорами, а также «смешанные» говоры (или диалекты) сел Маза, Фий, Джаба и Гдым.

Лексические диалектизмы в лингвистической справочной литературе различают следующих типов – этнографизмы, собственно лексические диалектизмы и семантические диалектизмы [16]. Собственно лексические диалектизмы имеют синонимы-эквиваленты в литературном языке. Семантические диалектизмы имеют иное, чем в литературном языке, значение. Этнографизмы, как правило, порождены особенностью флоры и фауны данной территории, специфическими атрибутами и укладом жизни местного населения. Поэтому они вместе с эквивалентами отсутствуют в литературном языке, в отдельных случаях их значение в литературном языке передается описательно. Таким образом, они лексико-семантически лакунарны в лезгинском литературном языке и рассматриваются как сугубо индивидуальная или исконно диалектная лексика. Все три разновидности охвачены в лезгинской топонимии и заслуживают внимания

с точки зрения грамматических форм и лексического содержания, способствующих выявлению системных и этимологических связей.

В ходе исследования микротопонимического материала зафиксирован ряд лексических диалектизмов – лексически и лексико-семантически лакунарные в литературном языке, а также имеющие в нем полные или частичные исконные или заимствованные синонимы-эквиваленты. Как показывают данные диалектов и говоров, некоторые из них продолжают активно функционировать как элементы живой разговорной речи, другие сохранились лишь в топонимии как памятники языка.

Ниже мы приводим некоторые лексические диалектизмы, продолжающие функционировать в самом диалекте и его говорах. В большинстве они обладают словообразовательными и фразообразовательными возможностями. Приводится: 1) микротопоним (рядом в круглых скобках село где он зафиксирован), 2) диалектное слово и его значение (в круглых скобках с соответствующей пометой его эквивалент на литературном языке или другом говоре, если имеется и известен исследователю), 3) пример его актуализации в говоре, ср.:

1) *Гъуьйи муьгъ* «Большой мост», *Гъуьйи ким* «Большой годекан» (с. Ахты), *Гъуьйи тагъар* «Большая скала» (с. Гдынк), *Гъуьйи кам* «Большой ручей (ущелье)» (с. Калук), *Гъуьйи латар* «Большие колода» (с. Смугул), *Гъуьйи ким* «Большой годекан» (с. Хрюг), *Гъуьйи никер булах* «Родник Больших пашен» (с. Кахул), *Къузай гъуьйуьн кыл* «Большая вершина теневого склона» (с. Куджах), *Гъвайи ляхъвя* «В большой лунке» (с. Фий), *Гъвайи пуна* «Большая стоянка (стан для овец)» (с. Гдым) и т. д.

Все приведенные микротопонимы объединены лексемой диал. *гъвейи* // *гъуьйи* «большой», «главный» (лит. *члехи*, *еке* «большой»). Лексема *гъвейи* // *гъуьйи* широко употребляется в ахтынском диалекте и актуализируется в составе следующих устойчивых выражений:

- *гъвейиф* (*гъвейи йиф*) 1) ночь с четверга на пятницу (лит. *хемис*, *хемискъан*); 2) четверговое традиционное пожертвование в память умерших;

- *гъвейифкъар* «четверг, пятница»;

- *гъвейи тIыб* «большой палец» (ср. лит. *члехи тIуб* // маз. *къекъен тIуб* «большой палец») и т. д.

2) *Къасым пыры* «Касума улочка» (с. Ахты), *Пуруд кыл* «Начало улочки» (квартал, с. Миджах), диал. *пыры* // *пуру* «улочка»; *пырыратIуз фин* «идти по улочкам», *шики пыры хътин* «узкая как улочка» и т. д.

3) *Лайа мяхIле* (новый микрорайон, возникший на месте садов жителей квартала *ЯргъикIар* с. Ахты), *Лайа мягъле* (квартал, с. Луткун). Лексема

лай не употребляется в современном ахтынском говоре, однако, функционирует в гдымском говоре в значении «полоса скошенной травы» (ср. лит. *маргъв* «полоса скошенной травы»).

4) *Шарвилизин къыхар* «Скалы Шарвили» (с. Ахты), *Къханад* «Скальная сторона» (с. Смугул), *Хъахъун пад* «Скальная сторона» (с. Ухул), *Салманан къых* «Скала Салмана» (с. Зрых), *Къхан гъвар* букв. «Скальное бревно» (с. Хрюг), *Къхан пир* «Скальное святилище» (с. Кака), диал. *къых* (генитив *къха(н)*) // *хъахъ* «скала, утес» (ср. лит. *раг*, *къаяб*, *чарх* «скала, утес»); *къых авахъзва* «скала осыпается».

5) *ЭкIер кам* «Плоских камней овраг» (с. Ахты) (название соответствует географической реалии – в ущелье всегда сильный камнепад плоских камней), ахт. *экIер* 1) «плоские камни» (ср. курах. *членIкъен* «плоские камни», лит. *чархи къванер* «камни (осколки) скальной породы»); 2) «тонко нарезанные хинкалики, лапша» (ср. лит. *хинкIер* «тонко нарезанные хинкалики, лапша»); *экIерар кIватIун* «собирать плоские камни» и т. д.

В словарях слово *экIер* «плоские камни» не зафиксировано, однако, корень *экI(ер)* мы прослеживаем в составе следующих глаголов:

- *экIя хъун* «стлаться, расстилаться, раскидываться»; *дагъдин ценерив хуьр экIя хъанва* «у подножия горы раскинулось село» [21, с. 392], [4, с. 564];

- *экIягъун* 1) «стлать, класть, раскладывать (по поверхности)»; *кIвалин чил тирвал гамар экIягънавай* «весь пол комнаты был устлан коврами»; 2) «расстилать, вешать (для сушки)»; *суса гъаятда аялдин пекер епера экIягъзава* «невестка во дворе развешивает на веревках детское белье» [4, с. 564].

Как мы видим, лексемы диал. *экIер* 1) «плоские камни», 2) «тонко нарезанные хинкалики, лапша»; *экIя хъун* «стлаться, расстилаться, раскидываться»; *экIягъун* 1) «стлать, класть, раскладывать (по поверхности)»; 2) «расстилать, вешать (для сушки)» имеют устойчивые ассоциативные связи и несут одну смысловую идею.

6) *ЛуьртIуь булах* букв. «Грязевой родник (из-за отсутствия стока у родника, вокруг него образовывается жидкая грязь)», *ЛуьртIуь кам* «Грязевая балка» (с. Гдынк), диал. *луьртI* «жидкая грязь»; *рекъе луьртI ава* «дорога в грязи».

Аппелятив *луьртI* «жидкая грязь» представлен также в ахтынской антропонимии, в частности в качестве родового прозвища *ЛуьртIар*.

7) *Къверигар* «Серпантин» (дорога, с. Хкем), *Яргъи къуьруьк* «Длинный серпантин» (дорога, с. Старый Хкем), диал. *къуьруьк* «серпантин» (ср. *къуьруьк* 1) лит., диал. «проделка, трюк, фокус»; 2)

диал. «серпантин»); *машин кьурьукрай дагъдиз физва* «машина по серпантинам едет в гору».

Аппелятив *кьурьук* «серпантин» зафиксирован и в хрюгском говоре. Так, по одной из народных версий, название села *Хурьуг* связывают с лексемой *кьурьукар* «серпантины» и объясняют тем, что первоначально село располагалось на горе *Му-кьалар*, дорога к которой представляла серпантин [22, с. 7].

Обращают на себя внимание разные формы фиксации слова «серпантин»: в селах Хрюг и Старый Хкем – *кьурьук*, в с. Хкем – *кьвериг*. Это может указать на этапы исторического развития лексемы.

8) *Гьажиюсуфан туламаяр* «Серпантин Гаджиосуфа» (дорога, с. Гдым), диал. *туламаяр* «серпантины»;

9) *Фечлер ятах* «Ночная кошара» (с. Смугул), *Фечлер булах* «Ночной родник» (с. Смугул), *Фечлек булах* «Ночной родник» (с. Зрых), диал. *фечлер* «глубокая ночь», *фичли* «фиолетовый (цвет)»; *фичли ранг* «фиолетовый цвет». Лексема *фичли* под пометой диал. зафиксирована в словах [21, с. 336] [4, с. 480].

10) *Хтумар* (пастбище, с. Кахул), *Хтумар* (пастбище, с. Хуля), *Хтумар* (пастбище, с. Курукал), *Хтумар* (пастбище, с. Маза), *Хтумар авай дере* «Долина, в которой есть пруды» (с. Усур), диал. *хтумар* – водянистые места, пруды, лужи после дождя; *кьвал кьвайила дерада хтумар пайда хьана* «после дождя в долине появились лужи».

11) *ШинкIур булах* «Шинкур родник» (с. Миджах), диал. *шинкIур* – очень старый, дряхлый; *шинкIур кьари* «дряхлая старуха».

12) *Вешин там* «Березовый лес» (с. Гдым), диал. *веш* – разновидность горной березы, древесина которой имеет характерный запах; *устIарди вешин кларасдикай алатар гьазурзавай* «мастер изготавливал инструменты из березовой древесины».

13) *Шран* (пастбище, с. Джаба), *шран* – разновидность полыни, которую использовали для производства красок; *шран ранг* «цвет полыни» и т.д.

14) *Вейил дере* «Закрытая долина» (участок между с. Фия и Смугул), диал. *вейил* «закрытый».

15) *Кафа мигьий* «Неплодородная пашня» (с. Миджах), диал. *кафа* «скупой, неплодородный» (ср. лит. *мутIлакь* «скупой, неплодородный») и т.д.

Как мы видим, границы распространения диалектной лексики в микротопонимии и в самом диалекте или говоре не всегда совпадают. В одних случаях лексические диалектизмы единичны в составе топонимии, однако, сохраняют семантику и находятся в пассивном словарном запасе местного населения, в других – имеют функциональную

устойчивость во времени и повсеместно представлены в ареале распространения диалекта или говора (ср.: *гьвейи* // *гьуйи* «большой», «главный»; *кьых* // *хьахь* «скала» и т. д.).

По справедливому замечанию В.А. Никонова, «ареалы топонимических основ драгоценны для исторической лексикологии, для исторической диалектологии, так как очерчивают границу распространения слова в прошлом. Однако обязательно надо учитывать сложность отношений между распространением одной и той же основы в топонимии и вне нее. Непонимание этого уже привело ко многим досадным промахам. Слово, распространенное в речи, может только в одной местности стать излюбленной топонимической основой. И обратно: топонимической основой может оказаться слово, никогда не употреблявшееся в этой местности вне топонимии (например, при переносе готового топонима переселенцами, при заимствовании, через личное имя или прозвище и т. д.)» [19, с. 66]. В этом отношении обращают на себя внимание раритетные топонимические единицы.

Выводы

Анализ топонимии региона помогает уточнить ареал распространения слова в прошлом, выявить исчезнувшие лексемы и утраченные значения слов. Выявленные по следам топонимических названий лексические единицы обнаруживаем в составе различных выражений как на уровне идиом, так и лезгинского литературного языка. Таким образом, исследование диалектной лексики дает возможность восстановить системные связи слов и лексемные ряды, выявить некоторые этимологии.

Исследование региональных тополекем, в частности функционально устойчивых в диалекте, выявило лексико-семантическую лакуарность в лезгинском литературном языке. Таким образом, вводимый в ходе исследования в научный оборот новый фактический материал может рассматриваться и как ресурс для обогащения лезгинского литературного языка. В условиях интенсивного размывания диалектов, обращение к топонимии помогает в описании и реконструировании лексической системы диалекта и языка в целом.

Список условных сокращений языков и диалектов:

ахт. – ахтынский диалект лезгинского языка,
диал. – диалект,
курах. – курахский диалект лезгинского языка,
лит. – литературный язык,
маз. – мазинский смешанный говор (диалект) лезгинского языка.

List of abbreviations of languages and dialects:

akht. – Akhtyn dialect of the Lezgin language,
dialect. – dialect,
kurakh. – Kurakh dialect of the Lezgin language,

lit. – literary language,
maz. – Mazin mixed dialect (dialect) of the Lezgin
language.

Список источников

1. Абдулжамалов Н.А. Фийский диалект лезгинского языка (Особенности консонантизма. Система глагола) / Под ред. Б. Ханмагомедова. Махачкала: Дагучпедгиз. 1965. 66 с.
2. Абдулжамалов Н.А. Фийский диалект лезгинского языка: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала. 1966. 265 с.
3. Бабаев В.А. Яргунский говор лезгинского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала. 1998. 22 с.
4. Бабаханов М.Б. Лезгинско-русский словарь. Махачкала: Алеф. 2020. 623 с.
5. Гаджиев М.М. О некоторых особенностях аныхского говора лезгинского языка // Ученые записки Института истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР. 1957. Т. 2. С. 211 – 227.
6. Гайдаров Р.И. Ахтынский диалект лезгинского языка: (по данным сел. Ахты). Махачкала: Дагучпедгиз. 1961. 166 с.
7. Гайдаров Р.И. Лезги чІалан диалектология (студентар патал пособие). Махачкала. 1963.
8. Ганиева Ф.А. Диалекты и говоры самурского наречия лезгинского языка: (мазинский и гутумский диалекты, мичахский и смугульский говоры). Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН. 2011. 471 с.
9. Ганиева Ф.А. Курушский говор лезгинского языка. 2-е изд., доп. Махачкала. 2012. 263 с.
10. Ганиева Ф.А. Джабинский диалект лезгинского языка. 2-е изд., доп. Махачкала: ДНЦ РАН. 2012. 218 с.
11. Генко А.Н. Ахтынские тексты // Доклады АН СССР. Серия В, 1926, март-апрель. С. 17 – 18.
12. Генко А.Н. Материалы по лезгинской диалектологии. Кубинское наречие // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук, серия VII, Л. 1929. № 4. С. 317 – 342.
13. Гюльмагомедов А.Г. Куткашенские говоры лезгинского языка: автореф. дисс.... канд. филол. наук. Махачкала. 1966. 21 с.
14. Гюльмагомедов А.Г., Гаджиев М.М. (Из лингвистического наследия). Кубинский диалект лезгинского языка. Махачкала: изд. ИЯЛИ ДНЦ РАН. 1997. 225 с.
15. Жирков Л.И. Грамматика лезгинского языка / под ред. М.М. Гаджиева. Махачкала: Даггиз. 1941. 132 с.
16. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
17. Мейланова У.А. Гюнейский диалект – основа лезгинского литературного языка. Махачкала. 1970. 192 с.
18. Мейланова У.А. Очерки лезгинской диалектологии / под общ. ред. Ш.И. Микаилова. М.: Наука. 1964. 417 с.
19. Никонов В.А. Пути топонимического исследования // Принципы топонимики. М., 1964. С. 66.
20. Саадиев Ш.М. Кимильский говор лезгинского языка (из фонетики) // Известия АН Азерб. ССР. Серия обществ. наук, 1961. №4. С. 83 –96.
21. Талибов Б.Б., Гаджиев М.М. Лезгинско-русский словарь; под общ. ред. Р. И. Гайдарова. Москва: Сов. Энциклопедия. 1966. 603 с.
22. Усамов А.У. Хуьруьгер – гордость узденов. Дербент: ГУП «Типография № 3», 2001. 115 с.
23. Услар П.К. Этнография Кавказа: языкознание: в 6 т. Кюринский язык. Тифлис: Упр. Кавк. учеб. Округа. Т. 6. 1896. 645 с.

References

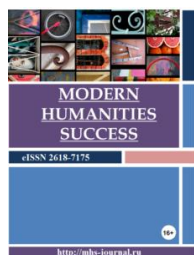
1. Abdulzhamalov N.A. The Fian dialect of the Lezgin language (Features of consonantism. The verb system). Ed. B. Khanmagomedov. Makhachkala: Daguchpedgiz. 1965. 66 p.
2. Abdulzhamalov N.A. The Fian dialect of the Lezgin language: diss. ... Cand. Philological Sciences. Makhachkala. 1966. 265 p.
3. Babaev V.A. Yargunsky dialect of the Lezgin language: author's abstract. diss. ... Cand. Philological Sciences. Makhachkala. 1998. 22 p.
4. Babakhanov M.B. Lezgin-Russian dictionary. Makhachkala: Alef. 2020. 623 p.

5. Gadzhiev M.M. On some features of the Anykh dialect of the Lezgin language. Scientific notes of the Institute of History, Language and Literature Dag. branch of the USSR Academy of Sciences. 1957. Vol. 2. P. 211 – 227.
6. Gaidarov R.I. Akhty dialect of the Lezgin language: (according to the village of Akhty). Makhachkala: Daghchpedgiz. 1961. 166 p.
7. Gaidarov R.I. Lezgi chIalan dialectology (student manual). Makhachkala. 1963.
8. Ganieva F.A. Dialects and dialects of the Samur dialect of the Lezgin language: (Mazin and Gutum dialects, Michakh and Smugul dialects). Makhachkala: IYALI DSC RAS. 2011. 471 p.
9. Ganieva F.A. Kurush dialect of the Lezgin language. 2nd ed., add. Makhachkala. 2012. 263 p.
10. Ganieva F.A. Jabin dialect of the Lezgin language. 2nd ed., add. Makhachkala: DSC RAS. 2012. 218 p.
11. Genko A.N. Akhtyn texts. Reports of the USSR Academy of Sciences. Series B, 1926, March-April. P. 17 – 18.
12. Genko A.N. Materials on Lezgin dialectology. Cuban dialect. News of the USSR Academy of Sciences. Department of Humanities, series VII, L. 1929. No. 4. P. 317 – 342.
13. Gyulmagomedov A.G. Kutkashen dialects of the Lezgin language: author's abstract. diss.... candidate of philological sciences. Makhachkala. 1966. 21 p.
14. Gulmagomedov A.G., Gadzhiev M.M. (From the linguistic heritage). The Cuban dialect of the Lezgin language. Makhachkala: Publishing House of IYALI DSC RAS. 1997. 225 p.
15. Zhirkov L.I. Grammar of the Lezgin language / edited by M.M. Gadzhiev. Makhachkala: Daggiz. 1941. 132 p.
16. Linguistic encyclopedic dictionary. Ed.-in-chief V.N. Yartseva. Moscow: Sov. Encyclopedia, 1990. 683 p.
17. Meylanova U.A. The Güney dialect is the basis of the Lezgin literary language. Makhachkala. 1970. 192 p.
18. Meylanova U.A. Essays on Lezgin dialectology. edited by Sh. I. Mikailov. Moscow: Nauka. 1964. 417 p.
19. Nikonov V.A. Ways of toponymic research. Principles of toponymy. Moscow, 1964. P. 66.
20. Saadiev Sh.M. Kimil dialect of the Lezgin language (from phonetics). Bulletin of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. Series of social sciences, 1961. No. 4. P. 83 – 96.
21. Talibov B.B., Gadzhiev M.M. Lezgin-Russian dictionary; edited by R.I. Gaidarov. Moscow: Sov. Encyclopedia. 1966. 603 p.
22. Usamov A.U. Khu'ru'ger – the pride of the Uzdens. Derbent: State Unitary Enterprise "Printing House No. 3", 2001. 115 p.
23. Uslar P.K. Ethnography of the Caucasus: linguistics: in 6 volumes. The Kyurinsky language. Tiflis: Administration of the Caucasian educational district. Vol. 6. 1896. 645 p.

Информация об авторе

Рамазанова Л.Д., кандидат филологических наук, научный сотрудник Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, sherifalieva.latifa@yandex.ru

© Рамазанова Л.Д., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 372.881.1

Универбаты в современной разговорной речи в свете обучения русскому языку как иностранному

¹ Федосеев А.А., ¹ Лидина И.Ю.,
¹ Байкальский государственный университет

Аннотация: статья посвящена вопросам, связанным с обучением иностранных студентов-лингвистов распознаванию и использованию универбатов в повседневной разговорной речи. Универбаты широко представлены в современном устном общении. Знакомство иностранных студентов-лингвистов с особенностями образования и использования данного пласта разговорной лексики играет важную роль в обучении русскому языку как иностранному и способствует формированию культурологических компетенций, позволяющих адекватно воспринимать и продуцировать устные тексты. В этой связи учебные материалы по русскому языку как иностранному должны быть ориентированы не только на знакомство с нормативной книжной речью, но и на овладение разговорными вариантами языка, регулярно используемыми носителями языка в повседневном бытовом общении. Результатом обучения на основе разработанного и апробированного авторами статьи учебно-методического комплекса должно стать приобретение студентами-лингвистами следующих знаний, умений и навыков: знать принципы универбации, уметь распознавать в письменной и звучащей речи универбаты; понимать выражаемое отношение говорящего/пишущего на основе контекста и адекватно его оценивать; оценивать допустимость услышанного/прочитанного употребления универбата в конкретной ситуации и адекватным образом реагировать на него.

Ключевые слова: универбаты, словообразование, разговорная речь, обучение РКИ, коммуникативный и компетентностный подход, значение слова, семантизация, разговорная практика

Для цитирования: Федосеев А.А., Лидина И.Ю. Универбаты в современной разговорной речи в свете обучения русскому языку как иностранному // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 147 – 153.

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Univerbates in modern conversational speech in light of teaching Russian as a foreign language

¹ Fedoseev A.A., ¹ Lidina I.Yu.,
¹ Baikal State University

Abstract: the article deals with teaching foreign students of linguistics to recognize and use univerbates in everyday conversation. Univerbates are widely represented in modern oral communication. Familiarization of foreign students of linguistics with peculiarities of formation and usage of this layer of conversational lexis is absolutely crucial for teaching Russian as a foreign language and makes a great contribution to the formation of cultural competency which allows for adequate reception and production of oral texts. The communicative and competency-based approaches define the goal of learning a foreign language as the capacity for cross-cultural communication, that is why teaching materials for Russian as a foreign language must be aimed not only at normative and formal written speech, but at acquisition of colloquial variants of the language which are regularly used by native speakers in their everyday speech as well. Teaching based on the training package developed by the authors of this article is to result in the following: the students students of linguistics will know the principles of univerbation, be able to recognize univerbates in written and oral speech, understand the attitude of the speaker/writer based on the context and adequately assess it and the acceptability of the read or heard usage of a univerbate in the given situation and react appropriately.

Keywords: univerbates, word formation, informal speech, teaching Russian as a foreign language, communicative and competency-based approach, word meaning, semantization, conversation practice

For citation: Fedoseev A.A., Lidina I.Yu. Univerbates in modern conversational speech in light of teaching Russian as a foreign language. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 147 – 153.

The article was submitted: April 14, 2025; Approved after reviewing: June 10, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В настоящей статье рассматриваются приемы и методы обучения иностранных студентов использованию универбатов в повседневной разговорной речи. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью расширять работу по словообразованию русского языка на практических занятиях с иностранными студентами, обучающимися по направлению 45.03.02 Лингвистика. А. Н. Щукин отмечает, что «знание словообразовательных компонентов слова (приставка, корень, суффикс, окончание) способствует обогащению словарного запаса, пониманию значения слова и запоминанию слов, в которых встречаются известные словообразовательные компоненты» [14, с. 101]. Это касается прежде всего знакомства обучающихся с продуктивными словообразовательными моделями, в том числе и теми, которые свойственны разговорной речи. Обучение разговорной речи, ее характерным особенностям является частью формирования коммуникативной компетенции иностранных студентов. По мнению М.Б. Успенского, знания, включаемые в коммуникативную компетенцию, – «это усвоенные сведения об употреблении в речевом общении аспектных единиц языка (звуков, морфем, слов, словосочетаний, предложений и т.д.), о различении их с целью правильного употребления в речи. Это те знания, которые даются в форме правил, приемов различения и употребления единиц языка, различных инструкций и рекомендаций по функционированию языка в речевом общении» [12, с. 73].

Целью исследования является лингвометодическое описание русских универбатов. Для достижения данной цели решались следующие задачи:

- рассмотреть универбацию как один из продуктивных способов русского словообразования;
- выделить и проанализировать группы универбатов;
- предложить систему работы с универбатами, начиная от их презентации и заканчивая активным употреблением в различных видах речевой деятельности.

Универбаты довольно широко представлены в современном устном общении, поэтому важно дать студентам-лингвистам, изучающим русский

язык как иностранный, представление о значении этих слов, то есть предоставить студентам информацию, «которой необходимо овладеть, чтобы правильно употреблять слово в собственной речи и понимать его при восприятии чужой» [13, с. 132], а также разработать комплекс учебно-методических материалов, нацеленных на овладение студентами умениями и навыками использования данного пласта современной разговорной лексики. При этом важно учитывать, что «при организации учебного процесса с позиций разговорной практики необходимо найти правильные пропорции для корректировки речевых навыков и умений: это умение правильно продуцировать монологические высказывания разной степени сложности и умение участвовать в диалоге (пользоваться необходимыми речевыми стереотипами, характерными для определенных ситуаций повседневного общения)» [7, с. 94].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили наиболее распространенные, по наблюдению Г.А. Гасановой, «отадъективные суффиксальные универбы, мотивированные двухкомпонентным словосочетанием», то есть такие, «в которых формально универб мотивируется прилагательным или причастием, входящим в производящую базу (... *уцененка* – *уцененная вещь*)» [4, с. 571-572], выделенные путем сплошной выборки из «Толкового словаря русской разговорной речи» [11]. Из рассмотрения были исключены лишь такие отадъективные суффиксальные универбаты, которые не являются общеупотребительными и относятся к сфере узкопрофессиональной или иной жаргонной лексики.

Универбаты (универбы) являются результатом одного из способов компрессивного словообразования, при котором от основ имен прилагательных посредством суффикса *-к(а)* образуются номинативы, «являющиеся лексическими эквивалентами словосочетания из прилагательного и из определенного этим прилагательным существительного» [3, с. 120]. Данный тип словообразования является одним из наиболее продуктивных в русском языке, «что связано со стремлением к языковой экономии, сокращению и цельнооформленности языковых единиц» [2]. Особенно активно он исполь-

зуется в «непринужденной разговорной речи, стремящейся к удобству и экономии речевых усилий» [5, с. 9], а также в речи профессиональной и является «основным средством образования однословных неофициальных наименований предметов и явлений, которые в официальной речи обозначаются сочетаниями прилагательного с существительным» [10, с. 171].

Коммуникативные ситуации, в которых используются предлагаемые для изучения универбаты, наиболее приближены к повседневной жизни, к реальному непосредственному разговорному общению. Поэтому знание этого пласта разговорной лексики, умение им пользоваться позволяет студентам чувствовать себя более уверенными в ситуациях разговорного бытового общения, что, в свою очередь, придает им уверенности в изучении языка. Как представляется, первой задачей при обучении иностранных студентов использованию универбатов является их семантизация. А.М. Плотникова, определяя семантизацию, как «процесс и результат сообщения необходимых сведений о значении слова», уточняет, что «семантизация предполагает процесс создания словарного толкования как отображения «кванта знаний» о мире» [8, с. 47-50]. Ключевым термином в контексте обучения русскому языку как иностранному является «значение слова».

С учетом того, что «в методическом плане значение слова включает: а) *абсолютную ценность*, которую составляют лексическое понятие (смысл слова) и страноведческий фон... б) *относительную ценность*, которую составляют свойства, характеризующие слово как элемент лексической системы... в) *сочетаемость*, т.е. способность сочетаться с определенными словами... г) *словообразовательную ценность*...» [13, с. 132-133], авторами был разработан и апробирован комплекс заданий и упражнений, нацеленный на овладение рассматриваемым пластом современной разговорной лексики и рассчитанный на студентов-лингвистов, владеющих русским языком как неродным на уровне В2.

Результаты и обсуждения

Слова-универбаты узко представлены в лексических минимумах. На уровне В2 представлены только слова *визитка*, *страховка*, *дублинка*, которые переведены на английский язык адъективным словосочетанием без предъявления русского словосочетания, от которого образовано данное слово. Таким образом, можно предположить, что авторы лексических минимумов не считают необходимым знакомить иностранцев, имеющих достаточно высокий уровень владения языком, ни с универбацией как продуктивным способом слово-

образования, ни со словами-универбатами. Как нам кажется, это связано с тем, что данные лексические единицы в словарях помечены как разговорные, а разговорная лексика достаточно скромно представлена в лексических минимумах от уровня А1 до уровня В2 включительно. Вместе с тем, мы согласны И.Н. Афанасьевой, Л.А. Дунаевой, Л.П. Клобуковой, Л.В. Красильниковой, И.И. Яценко в том, что «важнейшим критерием при отборе словообразовательных моделей выступает критерий коммуникативной актуальности для иностранных учащихся на том или ином этапе обучения русскому языку как иностранному» [1, с. 36]. Принимая во внимание тот факт, что разговорная лексика активно проникает в различные сферы общения, необходимо включать данные лексические единицы на ранних этапах обучения языку, тем более что знакомство с такими словами, как *зачетка*, *читалка*, *страховка* происходит уже на первом курсе бакалавриата. Это способствует формированию и совершенствованию как лингвистической компетенции обучающихся, так и их коммуникативной компетенции. Как нам кажется, усвоение универбатов студентами-лингвистами происходит при изучении нескольких дисциплин. Теоретическое знакомство с данными словами и способом их образования проходит на занятиях по морфологии. Практическое усвоение может проходить на ряде практических дисциплин, таких как «Практический курс русского языка», «Коммуникативный практикум», «Практикум по культуре речевого общения» и т.д.

Из более чем 150-ти отадъективных универбатов, полученных путем сплошной выборки из «Толкового словаря русской разговорной речи», для усвоения студентам были предложены следующие: *аварийка*, *автогражданка*, *административка*, *анонимка*, *аскорбинка*, *безналичка (безнал)*, *бетонка*, *боковушка*, *бюджетник*, *взбивалка*, *визитка*, *временка*, *встречка*, *гаишник*, *гречка*, *гримерка*, *двустволка*, *двухполоска (двухпутка)*, *двухсменка*, *двух-*, *тех-*, *...этажка*, *душка*, *дежурка*, *дешевка*, *дистанционка*, *заочка*, *заправка*, *зачетка*, *иномарка*, *кладовка*, *кожанка*, *комиссионка*, *кредитка*, *кругосветка*, *курилка*, *легковушка*, *лесопилка*, *липучка*, *литровка*, *малолетка*, *маломерка*, *маршрутка*, *мигалка*, *микроволновка*, *молочка*, *морозилка (морозильник)*, *моторка*, *мультик (мультишка)*, *нарезка*, *недоделка*, *незамерзайка*, *нержавейка*, *нефтянка*, *овсянка*, *однодневка*, *однушка*, *парилка*, *планишетник*, *платежка*, *повторка*, *подземка*, *подсобка*, *продленка*, *просрочка*, *распашонка*, *сменка*, *сокращенка*, *социалка*, *спецовка*, *стеганка*, *стиралка*, *стометровка*, *трешка*, *удаленка*, *учебка*. Выбор указанных универба-

тов объясняется тем, что языковые примеры со всеми из них широко представлены в НКРЯ (ruscorpora.ru) и доступны студентам для исследования их употребления в конкретных речевых ситуациях.

По мнению Д. В. Дозоровой, «к наиболее продуктивным словообразовательным моделям, по которым образуются универбаты, относятся модели «имя прилагательное + (имя существительное) + -к(а)» (*методич-ка* – методическое пособие, *маршрут-ка* – маршрутное такси), «имя прилагательное + (имя существительное) + -ик» (*военн-ик* – военный билет, *мобильн-ик* – мобильный телефон) с общим значением ‘предмет, имеющий отношение к признаку, выраженному в мотивирующей основе’, а также частотная модель «имя прилагательное + (имя существительное) + -ик» (*частн-ик* – частный предприниматель) со значением ‘лицо’» [5, с. 7-8].

Для иностранных студентов важно, с одной стороны, научиться понимать слова-универбаты на слух в реальной коммуникативной ситуации, с другой стороны, научиться употреблять их в собственных высказываниях с учетом особенностей коммуникативной ситуации и используемого регистра речи. К наиболее существенным трудностям понимания и самостоятельного употребления универбатов можно отнести следующие:

- неспособность сопоставить слово со словосочетанием, от которого оно образовано, и в связи с этим непонимание его значения;

- незнание сферы употребления слова, его стилистической окраски.

Работа над словами-универбатами, как и над другими лексическими единицами, начинается с их презентации и семантизации. Учитывая разговорный характер презентуемой лексики, знакомство с ней должно происходить в диалогах. Например:

- *Где можно получить зачетку?*
- *В деканате, конечно.*
- *В Англии на завтрак едят овсянку.*
- *Не люблю овсянку.*

Семантизировать слова можно как с помощью наглядности (*зачетка*), так и с помощью словосочетаний, от которых образованы данные универбаты (*овсянка* – овсяная каша). Следует также обратить внимание на морфемный состав слов, их стилевую маркированность, на причины распространенности подобных моделей в разговорном стиле (краткость, динамизм, экономия языковых средств). Особое внимание обучающихся следует обратить на то, что род слова-универбата зависит не от рода главного слова в словосочетании, имени существительного, а исключительно от слово-

образовательной модели, то есть от суффикса, который используется при образовании слова. Например, *маршрутка* (маршрутное такси) – женского рода, в то время как существительное *такси* среднего рода; *безналичка* (безналичный платеж, безналичные деньги) – женского рода, в то время как существительное *платеж* мужского рода, существительное *деньги* имеет форму множественного числа; *платежка* (платежный документ) – женского рода, в то время как существительное *документ* мужского рода; *заочка* (заочное отделение, заочное обучение) – женского рода, в то время как существительные *отделение*, *обучение* среднего рода и др.

На стадии формирования лексического навыка выполняется ряд упражнений, включающих универбаты, а именно:

- 1) выбрать из ряда слов с суффиксом *-к* универбаты (слова – *читалка*, *уборка*, *грузинка*, *микроволновка*, *дочка*, *кредитка*, *строчка*);

- 2) назвать словосочетание, от которого образован универбат (*микроволновка* – микроволновая печь, *спальник* – спальный мешок, *легковушка* – легковая машина...);

- 3) по модели образовать универбаты от словосочетаний (канатная дорога – *канатка*, маршрутное такси – ..., кредитная карта – ..., страховой полис – ...).

Универбаты являются принадлежностью разговорной речи, поэтому речевые упражнения, совершенствующие лексический навык употребления данных слов, связаны с устной речью (аудированием и говорением). Для того чтобы иностранные студенты могли понимать данные слова на слух, им предлагается прослушать диалоги и записать универбаты, которые они в них слышали. Для самостоятельного использования данных лексических единиц выполняются ситуативные упражнения, в задания включаются ролевые игры. Чтобы студенты получили представление о том, в каких ситуациях чаще всего употребляются универбаты, используются их тематические классификации. Внимание авторов привлекла классификация Д.В. Дозоровой [5, с. 100-101]. В ней представлено 28 тематических классов универбатов. Выбор для обучения наиболее актуальных для той или иной коммуникативной ситуации тематических групп позволяет сформулировать коммуникативные задания, требующие употребления универбатов по ситуативно-тематическому принципу. При этом задания можно варьировать, исходя из индивидуальных предпочтений и интересов студентов, а также использовать при формулировке заданий региональные особенности, достопримечательности и другие хорошо известные обучаю-

щимся факторы. Например, задание с использованием региональной достопримечательности Иркутской области Кругобайкальской железной дороги «Готовимся к экскурсии на Кругобайкалку (Кругобайкальскую железную дорогу)». В формулировку задания включаются следующие разделы: обсуждение того, что берем с собой в дорогу (продукты: тушенку, сгущенку, гречку; другие предметы: спальник, мобильник); проработка маршрута движения (маршрутка, электричка, канатка, подъемник), описание природных и искусственных достопримечательностей (скальник, однокотелька) и др.

Очевидно, что для точного понимания рассматриваемого употребления универбатов необходимо хорошее понимание контекста, причем иностранцу требуется для понимания больше контекстуальной информации, чем носителю языка. Эти факторы следует учитывать при составлении упражнений, отборе текстов для чтения и аудирования. При их выполнении для точного понимания контекста необходимо понимать каждое слово в предложении, неизвестные слова проверять по словарю. Поскольку материал для изучения и освоения довольно трудный, необходим постоянный доступ студентов к справочной литературе и готовность преподавателя дать необходимые разъяснения и исправить ошибки вследствие межъязыковой интерференции [9].

Выводы

Результатом обучения должно стать приобретение студентами следующих навыков:

- слышать и уметь распознать универбаты в реальной речевой ситуации;
- уметь понимать универбаты и трансформировать их в первичное словосочетание с целью их адекватного восприятия;
- оценивать необходимость и возможность употребления универбата в конкретной речевой ситуации и адекватным образом реагировать на него.

Исходя из этого, преподавателю необходимо разработать систему упражнений, которые должны включать следующие типы заданий:

- упражнения на распознавание универбатов в устной и письменной речи;
- задания на нахождение и анализ примеров употребления универбатов в Национальном корпусе русского языка;
- упражнения на оценку допустимости употребления универбатов в тех или иных ситуациях устного речевого общения.

В контексте обучения иностранных студентов-лингвистов использованию универбатов в современной русской разговорной речи необходимым условием закрепления изученного материала является обсуждение особенностей и возможностей образования и употребления схожих лексических единиц в родном языке обучающихся.

Список источников

1. Афанасьева И.Н., Дунаева Л.А., Клобукова Л.П., Красильникова Л.В., Яценко И.И. Лингводидактические аспекты отбора и презентации словообразовательного материала в Лексическом минимуме Третьего уровня общего владения русским языком как иностранным // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному // Сборник статей / отв. ред. Л.С. Крючкова. Москва, 2016. Издательство: Московский государственный областной университет (Москва) С. 35 – 41
2. Ван Ян. Субстантивация и универбация: сходство и различие // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-21. С. 4814 – 4818. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38076> (дата обращения: 23.02.2025)
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова. Москва: Высш. шк., 1986. 640 с.
4. Гасанова Г.А. Активизация универбации в современном словотворчестве // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 6 (103). С. 570 – 572.
5. Дозорова Д.В. Структура, семантика и функции универбатов в современной русской речи: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2018. 209 с.
6. Копоть Л.В. Универбация как вид компрессивного словообразования в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2005. 22 с.
7. Купрадзе С. Д. Разговорная речь в преподавании русского языка как иностранного // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы VI Международной конференции, посвященной 91-летию образования Белорусского государственного университета, 30 октября 2012 г. / редкол.: В.Г. Шадурский и др. Минск: Изд. центр БГУ, 2012. 246 с.

8. Плотникова А.М. Семантизация слова в современных толковых словарях и словарях концептов: новые тенденции Филологический класс / гл. ред. Н.И. Коновалова; учред. Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. № 3 (33). С. 47 – 50. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=455727> (дата обращения 12.03.2025).
9. Рогозная Н.Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев. Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. 332 с.
10. Авилова Н.С., Бондаренко А.В., Брызгунова Е.А. и др. Русская грамматика: в 2-х т. / Редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Москва: Наука, 1980. 783 с.
11. Толковый словарь русской разговорной речи / Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; под ред. Л.П. Крысина. Москва: Языки славянской культуры (ЯСК). 2014.
12. Успенский М.Б. Курс современного русского языка в педагогическом вузе: учеб. пособие. Москва : Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО "МОДЭК", 2004. 190 с.
13. Шибко Н.Л. Общие вопросы методики преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для иностранных студентов филологических специальностей. Санкт-Петербург: Златоуст, 2014. 336 с.
14. Щукин А.Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном: Учебно-методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. Москва: Русский язык. Курсы, 2012. 784 с.

References

1. Afanasyeva I.N., Dunaeva L.A., Klobukova L.P., Krasilnikova L.V., Yatsenko I.I. Lingvodidactic aspects of selection and presentation of word-formation material in the Lexical Minimum of the Third Level of General Proficiency in Russian as a Foreign Language. Actual Problems of Teaching Russian as a Foreign Language and Russian as a Non-Native Language. Collection of articles.ed. L.S. Kryuchkova. Moscow, 2016. Publisher: Moscow State Regional University (Moscow) P. 35 – 41
2. Wang Yang. Substantivization and univervation: similarities and differences. Fundamental research. 2015. No. 2-21. P. 4814 – 4818. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38076> (date of access: 23.02.2025)
3. Vinogradov V.V. Russian language (Grammatical doctrine of the word): textbook for universities. Ed. G.A. Zolotov. Moscow: Higher. school, 1986. 640 p.
4. Gasanova G.A. Activation of univervation in modern word creation. The world of science, culture, education. 2023. No. 6 (103). P. 570 – 572.
5. Dozorova D.V. Structure, semantics and functions of univervats in modern Russian speech: dis. ... cand. philological sciences. Moscow, 2018. 209 p.
6. Kopot L.V. Univervation as a type of compressive word formation in modern Russian: author's abstract. dis. ... cand. philological sciences. Maikop, 2005. 22 p.
7. Kupradze S.D. Colloquial speech in teaching Russian as a foreign language. Intercultural communication and professionally oriented teaching of foreign languages: materials of the VI International conference dedicated to the 91st anniversary of the Belarusian State University, October 30, 2012. editorial board: V.G. Shadursky et al. Minsk: Publishing center of BSU, 2012. 246 p.
8. Plotnikova A.M. Semantization of the word in modern explanatory dictionaries and dictionaries of concepts: new trends Philological class. ed. in chief N.I. Konovalova; ed. Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2013. No. 3 (33). P. 47 – 50. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=455727> (date of access 12.03.2025).
9. Rogoznaya N.N. Linguistic atlas of violations in Russian speech of foreigners. Irkutsk: Publication of the OGUP "Irkutsk Regional Printing House No. 1", 2001. 332 p.
10. Avilova N.S., Bondarenko A.V., Bryzgunova E.A. et al. Russian grammar: in 2 volumes. Editorial board: N.Yu. Shvedova (ed. in chief) and others. T. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology. Moscow: Nauka, 1980. 783 p.
11. Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech. Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language; edited by L.P. Krysin. Moscow: Languages of Slavic Culture (YASK). 2014.
12. Uspensky M.B. Course of Modern Russian Language in a Pedagogical University: textbook. Moscow: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: Publishing House of NPO "MODEK", 2004. 190 p.

13. Shibko N.L. General Issues of Methods of Teaching Russian as a Foreign Language: textbook for foreign students majoring in philology. St. Petersburg: Zlatoust, 2014. 336 p.

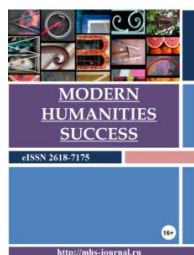
14. Shchukin A.N. Teaching speech communication in Russian as a foreign language: A teaching aid for teachers of Russian as a foreign language. Moscow: Russian language. Courses, 2012. 784 p.

Информация об авторах

Федосеев А.А., кандидат филологических наук, доцент, Байкальский государственный университет

Лидина И.Ю., кандидат педагогических наук, доцент, Байкальский государственный университет

© Федосеев А.А., Лидина И.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.4(47)

¹Доброва Д.О., ¹Шевченко К.О.,
¹Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна

Особенности формирования профессионального бренда в специализированных СМИ (на материале этнокультурной журналистики)

Аннотация: статья посвящена исследованию формирования профессионального бренда журналиста на примере деятельности Маргариты Лянге – одной из ведущих фигур этнокультурной журналистики в современной России. В качестве эмпирической базы использованы материалы специализированного интернет-портала «Национальный акцент», интервью, публичные выступления и журналистские проекты, инициированные или курируемые Лянге. Особое внимание уделено стратегиям профессионального позиционирования, реализуемым в условиях нишевых медиа. Работа опирается на контент- и дискурс-анализ, биографический и институциональный подходы. Рассматриваются теоретические основания понятия «профессиональный бренд», специфика этнокультурной журналистики как сферы общественно значимого медиапроизводства, а также роль специализированных СМИ в формировании медийной идентичности.

Ключевые слова: профессиональный бренд, журналистика, специализированные СМИ, этнокультурная журналистика, идентичность, Лянге

Для цитирования: Доброва Д.О., Шевченко К.О. Особенности формирования профессионального бренда в специализированных СМИ (на материале этнокультурной журналистики) // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 154 – 158.

Поступила в редакцию: 15 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Features of professional brand formation in specialized media (based on ethnocultural journalism)

¹Dobrova D.O., ¹Shevchenko K.O.,
¹Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design.

Abstract: the article is devoted to the study of the formation of a journalist's professional brand, using the activities of Margarita Lyanche as an example—one of the leading figures in ethnocultural journalism in contemporary Russia. The empirical basis includes materials from the specialized internet portal "National Accent", interviews, public speeches, and journalistic projects initiated or curated by Lyanche. Special attention is given to the strategies of professional positioning implemented in niche media. The work relies on content and discourse analysis, as well as biographical and institutional approaches. The theoretical foundations of the concept of "professional brand", the specifics of ethnocultural journalism as a sphere of socially significant media production, and the role of specialized media in shaping media identity are discussed.

Keywords: professional brand, journalism, specialized media, ethnocultural journalism, identity, Lyanche

For citation: Dobrova D.O., Shevchenko K.O. Features of professional brand formation in specialized media (based on ethnocultural journalism). Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 154 – 158.

The article was submitted: April 15, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Профессиональный бренд журналиста – это устойчивая совокупность характеристик, определяющих его уникальность, ценностную позицию и общественную репутацию. Он включает в себя тематическую специализацию, стиль подачи информации, ценности, публичные ассоциации и степень доверия аудитории.

По мнению Т. Питерса, бренд личности – это обещание определённой ценности и качества [8]. В журналистике профессиональный бренд становится показателем компетентности и устойчивости в выбранной нише [1] подчёркивает, что в условиях конкуренции и цифровизации журналист сталкивается с необходимостью индивидуального позиционирования: «имя журналиста становится неотъемлемой частью восприятия информации, а иногда и заменяет институт СМИ».

Отличие журналистского бренда от бренда в других профессиях заключается в его публичности и сопряжённости с медийным доверием: в отличие от маркетинга или политики, журналист не просто предлагает продукт или услугу, он опосредует социальную реальность. Его имя может влиять на восприятие новостей и интерпретацию общественно значимых событий.

Сильный профессиональный бренд обеспечивает:

- устойчивое внимание и доверие со стороны аудитории;
- экспертное признание в профессиональной и научной среде;
- возможность влиять на общественную повестку в определённой тематике.

Одной из актуальных сред формирования профессионального бренда являются специализированные СМИ — платформы, ориентированные на определённую тематику. Они отличаются высокой степенью экспертности, глубокой проработкой материала и устойчивым вниманием к одной проблематике. Гончарова указывает, что специализированные СМИ в цифровую эпоху трансформируются в экспертные платформы, где формируются новые формы идентичности и профессиональной репутации [3]. Именно здесь стратегия специализации журналиста реализуется в полной мере. Этнокультурная журналистика как пример такой среды позволяет проследить особенности взаимодействия профессионального бренда журналиста с общественными задачами, связанными с межнациональными отношениями.

Материалы и методы исследований

Объектом исследования выступает деятельность Маргариты Лянге, редактора и автора специализированного СМИ «Национальный акцент». Предмет – стратегии формирования её профессионального бренда в рамках этнокультурной журналистики.

Методологическая база включает:

- контент-анализ авторских и редакционных публикаций на портале «Национальный акцент» (2010-2024 гг.),
- анализ публичных выступлений М.Лянге (форумы, конференции, интервью) и спецпроектов, в том числе документального фильма «Единство непохожих», рубрики «СМИротворец», цикла публикаций по межнациональной политике.

Исследование основано на принципах репрезентативности: в выборку вошли материалы, отражающие ключевые аспекты профессиональной специализации, редакторской позиции и экспертной активности. Применялись методы дискурс-анализа, биографического и институционального подходов..

Результаты и обсуждения

Этнокультурная журналистика как профессиональная ниша.

Этнокультурная журналистика – направление, освещающее вопросы межэтнических отношений, идентичности, прав меньшинств и культурного многообразия. В многонациональной стране она приобретает не только информационное, но и общественно-миссионерское значение. Михайлова (2019) подчёркивает, что этножурналистика – это не просто медиапрактика, а инструмент общественного согласия. Она формирует ценности толерантности, уважения к иному, а также способствует социальной интеграции этнических общин.

Задачи этнокультурной журналистики:

- противодействие ксенофобии и дискриминации;
- освещение проблем малочисленных народов и диаспор;
- популяризация культурных традиций и языков;
- участие в формировании политики межнационального взаимодействия.

Этнокультурная журналистика предъявляет к журналисту особые требования: владение языками, знание истории и традиций этносов, высокая коммуникативная и правовая компетентность. Кривошеев подчёркивает, что «этническая тема

тика в СМИ требует от автора не только эмпатии, но и академической подготовки, иначе легко скатиться к стереотипам и неточностям» [5]. В интервью исследователям фонда «Общественное мнение» (2020), журналисты региональных этнокультурных изданий отмечали, что доверие со стороны национальных сообществ формируется «годами работы в поле, не через абстрактные тексты, а через личное участие, диалог, сопровождение инициатив» [7].

Исследование Копылова показывает, что бренд этнокультурного журналиста строится на следующих основаниях:

- личная включённость в межэтнические процессы;
- активность в просветительской и диалоговой деятельности;
- взаимодействие с НКО, этнокультурными организациями и научным сообществом [6].

В исследовании РГГУ «Медиаобраз этничности» (2019) подчёркивается, что аудитория этномедиа выше всего ценит «компетентность, уважительность и узнаваемое лицо журналиста».

Маргарита Лянге как пример устойчивого профессионального бренда в этнокультурной журналистике. Формирование профессионального бренда журналиста в нишевых сегментах медиасферы – в частности, в этнокультурной журналистике – включает в себя как «текстовую», так и институциональную активности. В данном случае объектом исследования выступила деятельность журналиста и редактора Маргариты Лянге, а также возглавляемых ею медийных проектов и экспертных площадок. Предметом анализа стали материалы, опубликованные под её авторством или под её редакцией, интервью, публичные выступления, а также институциональные инициативы, отражающие специфику профессионального позиционирования в поле этнокультурной журналистики.

В ходе исследования были проанализированы следующие источники:

- 75 публикаций и материалов, размещённых на портале «Национальный акцент» за период 2010-2024 гг.. В выборку включены авторские статьи Маргариты Лянге, редакционные материалы, спецпроекты, интервью с представителями этнических сообществ, аналитика по вопросам межнациональной политики, а также мультимедийные формы (видеорепортажи и спецвыпуски YouTube-канала «НацАкцент»).
- 9 публичных выступлений, включая доклады на форумах, участие в круглых столах,

интервью в СМИ и записи выступлений на профессиональных мероприятиях, таких как Медиафорум этнических и региональных СМИ (2022–2024), международные конференции «Платформа народной дипломатии», Форумы народов России, сессии Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям.

- 4 спецпроекта и журналистских цикла, включая документальный фильм «Единство непохожих» (2013), рубрику «СМИротворец» на портале «Национальный акцент», а также серии материалов по итогам ежегодных форумов и конкурсов этнической направленности.

Тематика материалов, созданных или курируемых Лянге, демонстрирует устойчивую направленность на ключевые зоны межэтнической журналистики:

- освещение этнокультурного разнообразия народов России (цикл «Праздники народов», интервью с этнокультурными лидерами, спецпроекты о традициях малочисленных народов); Например, В 2024 году дала большое интервью изданию «Якутия.Инфо» о проблемах межнациональных отношений, роли СМИ в противодействии сепаратизму и сохранении национального единства [11]
- вопросы государственной национальной политики (анализ ФЦП «Укрепление единства российской нации», мониторинги межнациональной напряженности, интервью с экспертами ФАДН);
- поддержка интеграции и адаптации мигрантов (серия интервью и кейсов о практиках взаимодействия в регионах);
- развитие региональной этножурналистики (регулярные обзоры этномедиа, подготовка молодых специалистов, проведение образовательных семинаров).

Таким образом, профессиональный бренд Лянге опирается не только на редакционную деятельность, но и на активное участие в публичной сфере, просветительских инициативах и экспертных сообществах.

Центральной медийной платформой для этнокультурной журналистики, где наиболее полно проявляется профессиональная и ценностная позиция Лянге, является портал «Национальный акцент». Он выступает не только как информационный ресурс, но и как институциональный хаб, объединяющий тематические рубрики, экспертные площадки, проекты, конкурсы и обучающие мероприятия.

Портал представляет собой специализированное СМИ, которое освещает деятельность

более чем 60 национально-культурных автономий, Дома дружбы народов в 30 регионах России, а также крупных этнических фестивалей и конференций. Стратегия редакции предполагает акцент на аналитике, отказ от сенсационализма, привлечение экспертов и лидеров этнокультурных сообществ. Ключевыми рубриками являются: «Этнополитика», «СМИротворец», «Портрет этносообщества», «Площадка диалога».

Кроме того, в поле анализа включены и другие СМИ, сотрудничающие с Лянге или публиковавшие её материалы: Российская газета, Россия Сегодня, Якутия.Инфо, Наука и религия, Эхо Кавказа. Эти публикации в основном касаются вопросов этнополитической экспертизы, межкультурного диалога, миграционной политики и национальной идентичности.

Не менее значимой частью профессионального бренда выступает публичная деятельность Лянге, включающая:

- Организацию профильных форумов, таких как Медиафорум этнических и региональных СМИ (с 2010 года по настоящее время), где она выступает не только как организатор, но и как идеолог – формирующий тематическую повестку.
- Экспертное участие в государственных институтах – Совете при Президенте РФ по межнациональным отношениям, Общественной палате РФ, Федеральном агентстве по делам национальностей.
- Выступления в СМИ и лекции – участие в просветительских проектах, открытых школах для журналистов, лекциях в МГУ, РАНХиГС и других вузах.

Эти площадки служат не только каналами влияния, но и способами укрепления профессионального бренда: Лянге транслирует через них устойчивую ценностную позицию, основанную на диалоге, толерантности и конструктивной критике национальной политики.

Типология стратегий брендинга на примере Лянге

На основе проведённого анализа можно выделить три ключевые стратегии, которые синтезируются в профессиональной траектории Маргариты Лянге:

Эмпатийная стратегия – базируется на доверии со стороны этнических сообществ, поддерживается личным присутствием, открытостью к диалогу, вниманием к конкретным кейсам.

Институциональная стратегия – проявляется в создании и долгосрочном развитии медийной инфраструктуры (портал, гильдия, форумы, конкурсы), а также в формализации роли журналиста как медиатора.

Экспертная стратегия – реализуется через постоянное участие в аналитической и консультативной работе, взаимодействие с органами власти, научным сообществом и НКО.

Уникальность кейса Лянге состоит в синтезе всех трёх стратегий. Благодаря этому она не только формирует узнаваемый профессиональный бренд, но и задаёт стандарты для будущих поколений этнокультурных журналистов в России.

Выводы

Исследование показало, что профессиональный бренд журналиста в нишевом медиаполе формируется через устойчивую тематическую специализацию, институциональную активность и ценностную позицию.

Деятельность Маргариты Лянге демонстрирует, как в условиях полиэтнического общества возможно выстраивание устойчивого, институционально и этически обоснованного профессионального бренда. Её пример позволяет расширить представления о нишевых медиа не как о периферийных сегментах журналистики, а как о полях высокой профессиональной ответственности, экспертизы и социальной значимости.

Этнокультурная журналистика, несмотря на свою узость, оказывается значимым пространством для формирования сильных профессиональных идентичностей.

Список источников

1. Войскунский А.А. Личностный бренд как форма медиарепрезентации журналиста // Журналистика и медиакommunikation. 2015. № 4. С. 112 – 119.
2. Давыдов С.В. Конкуренция брендов в журналистике: от СМИ к персоналиям // Медиафера. 2018. № 3. С. 65 – 73.
3. Гончарова О.В. Специализированные СМИ: роль и трансформация в цифровую эпоху // Медиа. Информация. Коммуникация. 2020. № 2. С. 84 – 90.
4. Михайлова Е.Ю. Этножурналистика как инструмент общественного согласия // Журналистика и толерантность. 2019. № 1. С. 56 – 62.
5. Кривошеев А.И. Этнические образы в региональных СМИ: вызовы и ответственность // Вестник журналистики. 2021. № 2. С. 43 – 51.

6. Копылов Н.П. Профессиональные идентичности в этнокультурной журналистике // Медиа и общество. 2022. № 1. С. 92 – 99.
7. Плугарев И.В. Этнокультурная журналистика в условиях цифровизации: вызовы и перспективы // Медиаобразование. 2020. № 3. С. 120 – 128.
8. Peters T. The Brand Called You // FastCompany. 1997. 31 Aug. URL: <https://www.fastcompany.com/28905/brand-called-yo> (дата обращения: 08.11.2024)
9. Aaker J. Dimensions of Brand Personality // Journal of Marketing Research. 1996. Vol. 34, № 3. P. 347 – 356.
10. Лянге М. Этнокультурная журналистика как миссия // Национальный акцент. 2022. URL: <https://nazaccent.ru> (дата обращения: 20.02.2025)
11. Якутина А.В. В Якутии откроется новый центр по борьбе с наркоманией [Электронный ресурс] // Yakutia.info. 2023. 15 сент. URL: <https://yakutia.info/article/212898> (дата обращения: 20.02.2025)

References

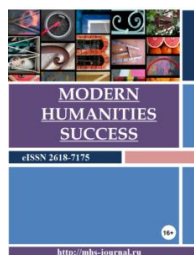
1. Voyskunskiy A.A. Personal brand as a form of media representation of a journalist. Journalism and media communications. 2015. No. 4. P. 112 – 119.
2. Davydov S.V. Brand competition in journalism: from media to personalities. Mediasphere. 2018. No. 3. P. 65 – 73.
3. Goncharova O.V. Specialized media: role and transformation in the digital age. Media. Information. Communication. 2020. No. 2. P. 84 – 90.
4. Mikhailova E.Yu. Ethnojournalism as an instrument of public consent. Journalism and tolerance. 2019. No. 1. P. 56 – 62.
5. Krivosheev A.I. Ethnic Images in Regional Media: Challenges and Responsibility. Journalism Bulletin. 2021. No. 2. P. 43 – 51.
6. Kopilov N.P. Professional Identities in Ethnocultural Journalism. Media and Society. 2022. No. 1. P. 92 – 99.
7. Plugarev I.V. Ethnocultural Journalism in the Context of Digitalization: Challenges and Prospects. Media Education. 2020. No. 3. P. 120 – 128.
8. Peters T. The Brand Called You. FastCompany. 1997. 31 Aug. URL: <https://www.fastcompany.com/28905/brand-called-yo> (date of access: 08.11.2024)
9. Aaker J. Dimensions of Brand Personality. Journal of Marketing Research. 1996. Vol. 34, No. 3. P. 347 – 356.
10. Lange M. Ethnocultural Journalism as a Mission. National Accent. 2022. URL: <https://nazaccent.ru> (date of access: 20.02.2025)
11. Yakutina A.V. A New Drug Abuse Control Center to Open in Yakutia [Electronic Resource]. Yakutia.info. 2023. September 15. URL: <https://yakutia.info/article/212898> (date of access: 20.02.2025)

Информация об авторах

Доброва Д.О., ассистент, аспирант, Высшая школы печати и медиатехнологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, rinashevchen@mail.ru

Шевченко К.О., Высшая школа технологии и энергетики, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, shevchenkoks16@gmail.com

© Доброва Д.О., Шевченко К.О., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакommunikации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.1:004.738.5

Специфика реализации мультимедийного нарратива в спецпроектах интернет-издания Lenta.ru

¹ Лапко А.В., ¹ Айнулова С.Е.,
¹ Тихоокеанский государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются особенности построения мультимедийного нарратива в специальных проектах интернет-издания Lenta.ru. Анализируются способы конструирования смыслового пространства путем взаимодействия различных мультимедийных элементов. На основе нарративного анализа поликодовых проектов издания выявлены ключевые принципы их построения.

Исследование демонстрирует, что мультимедийность выступает конструктивным, а не дополняющим принципом, где объединение текста, видео, инфографики, аудио и интерактивных элементов создает целостные, иммерсивные и эмоционально насыщенные истории. Выявлено, что характерными признаками мультимедийного нарратива издания Lenta.ru являются гипермедийность, позволяющая органично сочетать форматы без дублирования смысла; нелинейность, обеспечивающая свободу выбора пути пользователя через «точки входа»; иммерсивность, реализуемая через модульную структуру и визуализацию и оказывающая мультисенсорное воздействие; интерактивность как элемент драматургии, которая через игровые механики и персонализированные сценарии превращает читателя в соавтора смыслов.

Ключевые слова: нарратив, мультимедийный нарратив, принцип повествования, спецпроект, цифровой сторителлинг, интернет-журналистика, интернет-СМИ, Lenta.ru

Для цитирования: Лапко А.В., Айнулова С.Е. Специфика реализации мультимедийного нарратива в спецпроектах интернет-издания Lenta.ru // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 159 – 164.

Поступила в редакцию: 15 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Specifics of the implementation of multimedia narrative in special projects of the Internet publication Lenta.ru

¹ Lapko A.V., ¹ Aynulova S.E.,
¹ Pacific National University

Abstract: the article examines the features of constructing a multimedia narrative in special projects of the online publication Lenta.ru. The methods of constructing a semantic space through the interaction of various multimedia elements are analyzed. Based on the narrative analysis of the publication's polycode projects, the key principles of their construction are identified.

The study demonstrates that multimedia is a constructive, rather than a complementary principle, where the combination of text, video, infographics, audio and interactive elements creates holistic, immersive and emotionally rich stories. It was revealed that the characteristic features of the multimedia narrative of the Lenta.ru publication are hypermedia, which allows organically combining formats without duplicating meaning; nonlinearity, which ensures freedom of choice of the user's path through “entry points”; immersion, implemented through a modular structure and visualization and providing a multisensory impact; interactivity as an element of dramaturgy, which through game mechanics and personalized scenarios turns the reader into a co-author of meanings.

Keywords: narrative, multimedia narrative, principle of storytelling, special project, digital storytelling, Internet journalism, Internet media, Lenta.ru

For citation: Lapko A.V., Aynulova S.E. Specifics of the implementation of multimedia narrative in special projects of the Internet publication Lenta.ru. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 159 – 164.

The article was submitted: April 15, 2025; Approved after reviewing: June 12, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Адаптация контента к особенностям потребления в цифровую эпоху привела к трансформации традиционных жанров в интернет-среде и появлению новых форматов, включающих мультимедийные элементы, интерактивные функции и персонализированный интерактивный контент.

В условиях переизбытка информации и фрагментации аудитории стратегическим ресурсом для интернет-изданий становятся спецпроекты – комплексный журналистский продукт, позволяющий СМИ бороться за внимание и глубину погружения, укреплять лояльность и доверие через демонстрацию экспертизы и эмоциональную связь, эффективно монетизировать контент, а также качественно освещать сложные темы, стимулируя общественный диалог и социальные изменения.

Центральную роль в создании качественных спецпроектов играет мультимедийный нарратив – способ конструирования смысла и воздействия на аудиторию, выходящий за пределы традиционного линейного текста, который позволяет не просто рассказать историю, а погрузить в нее, сделать сложное ясным, абстрактное осязаемым, а факты переживаемыми.

Материалы и методы исследований

Одним из способов подачи информации в медиапространстве являются нарративы. Универсальные свойства нарративов позволяют с помощью последовательности отдельных событийных фрагментов формировать в смыслообразующем плане в сознании адресата целостную картину действительности.

В цифровой среде актуальной техникой создания журналистского контента является мультимедийный нарратив, позволяющий преодолевать когнитивные и информационные барьеры современного медиапотребления.

Как отмечает Е.В. Прасолова, контент сетевых СМИ образует бесконечную гипертекстуальную сеть или гиперисторию, которая состоит из миллиона повествований, воспроизводящих события, происходящих как последовательно, так и одновременно [6]. В повествовательных структурах интернет-СМИ комбинирование различных знаковых систем на одной платформе через взаимодействие текста, аудиовизуальных элементов и интерактивности создает среду восприятия, организует пространство медийной картины мира. Нарратив-

ность этого пространства позволяет удерживать внимание аудитории, задавая направление интерпретации событий, придавая им определенную эмоциональную окраску [10]. В мультимедийном контенте это свойство усиливается за счет аудиовизуальной формы.

В рамках мультимедийной журналистики функционирует новый тип нарратива – мультимедийный нарратив, характерный для сетевого пространства и сочетающий разные семиотические элементы. Это новая повествовательная форма коммуникации, в которой через интеграцию мультимедийных элементов отражена последовательность событий реальной действительности [3]. Выход за рамки одной знаковой системы трансформирует тексты СМИ и приводит к изменению восприятия их содержания, в котором особые смысловые связи возникают между разными элементами повествования. Смысл в таком нарративе может зависеть от комбинации различных мультимедийных компонентов журналистского текста, а может быть независим в каждой отдельной форме. Нарратив становится коммуникативной техникой, где гипертекстуальность, мультимедийность и интерактивность не только создают новые повествовательные возможности, но предлагают читателю расширенные средства погружения в историю [8].

Естественной средой для мультимедийного нарратива являются спецпроекты, где мультимедийность является не техническим дополнением, а конструктивным принципом. Именно в них мультимедийный контент становится средством наррации.

По своей природе специальные проекты являются ресурсоемким журналистским продуктом, призванным выйти за рамки новостной ленты и позволяющим аудитории всесторонне погрузиться в сложную или обширную тему. Мультимедийный нарратив становится основным инструментом достижения этой цели. Туомо Хийппала выделяет семиотические элементы (текст, фотография, видео, карта, дизайн, анимация, динамическая и статическая иллюстрация, рисунок-комикс) и типы их демонстрации (кнопка-гиперссылка, плавное растворение, скроллинг, параллакс-скроллинг, зумирование и статика), сочетание которых и создает повествовательную структуру [9]. Их комбинирование позволяет создать нелинейную, много-

мерную и сенсорно обогащенную среду восприятия. Способ объединения в нарративный поток большого объема разноформатных данных в рамках мультимедийного проекта А.М. Анохина обозначает цифровым сторителлингом – методом последовательного изложения истории в интернет-пространстве с использованием всех современных типов медиа [1].

Мультимедийный нарратив в спецпроектах СМИ проявляется через комплекс характерных признаков, которые трансформируют традиционное повествование в уникальный иммерсивный опыт.

Гипермедийность как органичная интеграция разноформатных элементов создает единое смысловое поле. Текст выполняет информационную функцию, создавая контекст и связывая полимодальные блоки. Визуальные элементы являются катализатором нарратива, оказывая эмоциональное воздействие. Аудио задает атмосферу и выполняет роль документального свидетельства. Инфографика и анимация – инструменты для объяснения сложных процессов, визуализации данных. Интерактивные форматы – от раскрытия блоков до персонализированных сценариев – используются для вовлечения аудитории. Все компоненты минимизируют дублирование смысла, каждый формат дополняет другие, раскрывая многогранность темы.

Нелинейность навигации, реализуемая через разные «точки входа», предоставляет пользователю свободу исследования контента через интерактивные интерфейсы (например, кликабельные карты и таймлайны), превращая пассивного зрителя в активного соучастника повествования. Доминирование визуализации данных создает основу для иммерсивности, погружая аудиторию в контекст события, усиливая эмпатию и понимание через мультисенсорное воздействие. Структурирование контента по модульному принципу, где смысловые блоки сохраняют автономность, но связаны единой дизайн-системой, вместе с мультисенсорным сторителлингом обеспечивают эмоциональную глубину пользовательского опыта и формируют объемную картину затрагиваемых проблем.

Результаты и обсуждения

Спецпроекты издания Lenta.ru демонстрируют эффективное использование новых форматов предъявления информации для современного пользователя интернета – визуала, чье внимание привлекают яркий и динамичный контент, предлагающий уникальный мультимедийный опыт.

В проекте «Мифы о России» [4] мультимедийный нарратив становится инструментом декон-

струкции сложных историко-культурных стереотипов.

Драматургическим стержнем является интерактивность, реализуемая через возможность выбора индивидуального пути. Представлены пять популярных мифов, которые родились в российской истории и современности. Навигация построена на игровой механике пошагового разоблачения. Развенчание мифов составляет ядро спецпроекта.

Историческая аналитика и контекст раскрываются через комбинацию форматов – видеоинфографику, дающую объяснение статистики и эволюции понятий; таймлайны, показывающие распространенность явлений и их изменение во времени; цитаты экспертов и литературные и фольклорные отсылки, интегрированные в повествование. Глубокий анализ подается фрагментарно, контент дозируется, раскрываясь по мере скроллинга, что облегчает восприятие материала и поддерживает интригу. Опирающиеся на традиционную нарративную технику смены «пункта наблюдения» [2] параллакс-эффекты и анимация создают эффект кинематографичности и управляют вниманием, подчеркивая ключевые моменты аргументации. Повествование фокусируется на эмоциональном интеллекте, предлагая аудитории совместный анализ. Отсутствие назидательности, ироничный тон, демонстрация широкой базы доказательств работают на построение доверия.

Дизайн спецпроекта является частью нарратива. Элементы интерфейса стилизованы под тематический каталог или архив, что усиливает ощущение исследования и работы с первоисточниками.

В спецпроекте «Мифы о России» мультимедийный нарратив используется не просто для информирования, а для интерактивного переосмысления стереотипов. Синтез форматов переводит сложные вопросы национальной идентичности в плоскость доказательного и вовлекающего диалога. Деконструкция реализуется через игровую механику выбора, что делает процесс развенчания мифа личным опытом пользователя. Нелинейная структура, стилистика каталога, фокус на фактах и иронии позволяют избежать морализаторства, способствуя рефлексии, создают пространство атмосферной убедительности для процесса познания историко-культурного контекста, в котором рассматривается каждый миф. Комплексность подхода, сочетающего традиционные журналистские жанры журналистики с современными технологиями представления информации, ориентация на повышение осведомленности аудитории делают этот проект примером качественного мультиме-

дийного сторителлинга, что становится важным вкладом в понимание культурного кода России.

Мультимедийный нарратив как иммерсивная лаборатория по исследованию неопределенности реализован в футурологическом спецпроекте «Неизвестное будущее» [5]. Это многослойный тематический анализ, который охватывает разные аспекты процесса глобальных изменений в мировой политике и экономике после пандемии коронавируса и начала специальной военной операции на Украине.

Название проекта отражает его основную идею – исследование неизвестного будущего, превратившегося из предмета футурологических прогнозов в реальность, в которой предстоит жить. Через обсуждение возможных сценариев и вариантов развития событий авторы подчеркивают сложность современного мира и отсутствие однозначных решений. Это обусловило выбор мультимедийных средств для нарратива.

Так как спецификой проекта является отказ от иллюзии контроля над будущим, то интерактивность в нем выступает как инструмент рефлексии. Персонализированный сценарий погружает в атмосферу прохождения психологического теста. Каждый сценарий начинается с вопроса (например, «Каким станет мир после украинского кризиса?», «Какой будет новая гонка вооружений?», «Как изменится интернет и цифровое пространство?» и т.п.). Ответы визуализируются в «досье» с разными типами контента – текст, видеоролики, графики, диаграммы, карты. Подобная кастомизация конструируемого будущего обеспечивает многоуровневое представление информации и делает ее подачу привлекательной для разных групп читателей, упрощая процесс чтения.

Важной частью нарратива являются комментарии и прогнозы специалистов различных специальностей, мнение которых добавляет проекту глубину и увеличивает уровень доверия со стороны аудитории.

Технофутуристический интерфейс проекта, посвященного исследованию мировых тенденций и перспективам будущего мирового порядка, концентрирует внимание пользователей на грядущих изменениях в мире, в особенности касающихся технологического прогресса и влияния новых технологий на международные отношения и экономику. Четкая иерархия элементов и простая навигация способствуют удобству использования.

Проект «Неизвестное будущее» демонстрирует современный подход к созданию мультимедийного нарратива, ориентированного на привлечение широкой аудитории и предоставление комплексного понимания сложных общественных процес-

сов. При глобальном масштабировании содержания большая часть материалов посвящена роли России в формирующемся миропорядке. Как и любой футурологический проект, он не претендует на абсолютную точность прогнозов, но дает пищу для размышлений и помогает лучше понять тенденции современного мира.

Спецпроект «Синдром отмены: Россия» [7] фокусируется на последствиях беспрецедентного санкционного давления на Россию и его влияния на различные аспекты жизни – от экономики до культуры и спорта. Его цель – проследить, как современные события создают новый «железный занавес», который из-за западных санкций и культурных ограничений, вызванных специальной операцией на Украине, отделяет Россию от западного мира. Вопрос, вынесенный в заголовок проекта: «Что будет с миром, в котором нет России?», мотивирует задуматься о последствиях разрыва связей и культурного обмена, активизируя критическое осмысление происходящего.

Нарратив подкрепляется примерами личного опыта представителей различных сфер деятельности, ставших жертвами санкций, а также рассуждениями экспертов о глобальных последствиях изоляционистской политики. Общее звучание проекта – тревожно-предупредительное, призывающее к внимательному отношению к возможным последствиям санкционной политики и превращающее проект в площадку для общественного диалога.

Мультимедийный нарратив реализуется через формат публикации. Проект построен как серия отдельных глав («Отмена спорта», «Отмена русских», «Отмена науки», «Отмена культуры», «Отмена интернета»), что позволяет последовательно раскрывать общую картину происходящего и углублять понимание проблемы с рефлексией на социальные последствия.

Одним из наиболее эффективных элементов разворачивания нарратива являются личные микроистории людей, пострадавших от введенных ограничений. Они превращают глобальный процесс в индивидуальное переживание, придают проекту человеческое измерение и повышают эмпатию пользователей. Их подкрепляет инфографика «артефактов» недавнего прошлого со стикерами «Отменен», «Запрещен», «Стоп». Доминирующая черно-белая гамма интерфейса подчеркивает утрату привычной реальности.

Мультимедийный нарратив проекта реализует медицинский термин «синдром отмены» как аллерегию для любых системных кризисов. Как организм страдает без лекарства, так и общество «болеет» при потере стабильности в международных

отношениях. В этой нестабильности кроется причина русофобии, в которой все русское становится объектом отмены. В отношении России происходит попытка реализовать «отмену» на двух уровнях: формальном – посредством санкций и неформальном – через отказ от сотрудничества со стороны различных профессиональных сообществ.

Выводы

Таким образом, мультимедийный нарратив является неотъемлемой частью ДНК современного спецпроекта. В интернет-издании Lenta.ru он проявляется как целостная система взаимосвязанных признаков. Преобладание нелинейных и модульных структур, доминирование визуальных и интерактивных элементов, использование стратегий глубокого погружения и эмоционального вовлечения формируют уникальный пользовательский опыт, усиливая функции воздействия медийного материала. Интерактивность в них – не просто функция, а драматургический инструмент. Благодаря ей читатель становится активным исследователем, способным выбирать путь погружения в

материал, что важно для понимания комплексных проблем. Он не потребляет контент, а проживает его. Повествование становится объемным за счет взаимодействия текста и визуальных компонентов. Смыслообразующими являются дизайн и навигация. Интерфейс и метафорически, и физически воплощает концепцию каждого проекта.

Спецпроекты проектируются как «живые» системы с долгосрочной актуальностью. Они создают иммерсивную среду для проживания идей. Гармония взаимодействия всех мультимедийных элементов, работающих на реализацию нарратива, рождает глубину вовлечения. Усилению рефлексии пользователя служат используемые технологии.

В совокупности эти признаки формируют не просто контент, а интерактивную среду для когнитивного и эмоционального погружения, где мультимедийный нарратив становится языком, транслирующим сложность реальности, преодолевающим барьеры клипового мышления и превращающим пользователя в соавтора смыслов.

Список источников

1. Анохина А.М. Феномен мультимедийного лонгрида и digital storytelling в сетевых медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования, 2017. № 2 (24). С. 146 – 150.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидоров М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т рус. яз. РАН им. В.В. Виноградова, 2004. 540 с.
3. Качанов Д.Г. Мультимедийный журналистский нарратив: к определению понятия // Меди@льманах, 2021. № 3 (104). С. 20 – 29.
4. Мифы о России // Lenta.ru. URL: <https://myths.lenta.ru> (дата обращения: 11.03.2025)
5. Неизвестное будущее // Lenta.ru. URL: <https://future.lenta.ru> (дата обращения: 11.03.2025)
6. Прасолова Е.В. К вопросу о нарративности мультимедийной истории как нового жанра интернет-СМИ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-2. С. 253 – 256.
7. Синдром отмены: Россия // Lenta.ru. URL: <https://otmena.lenta.ru> (дата обращения: 11.02.2025)
8. Berning N. Narrative Journalism in the Age of the Internet: New Ways to Create Authenticity in Online Literary Reportages // Textpraxis. Digital Journal for Philology. 2011. № 3. URL: <https://www.textpraxis.net/en/noraberning-narrative-journalism-in-the-age-of-the-internet> (дата обращения: 30.0.2025)
9. Hiippala T. The Multimodality of Digital Longform Journalism // Digital Journalism, 2017. № 5 (4). P. 420 – 442.
10. White H. Historical text as literary artifact. Tropics of Discourse. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1978. P. 81 – 100.

References

1. Anyukhina A.M. The phenomenon of multimedia longread and digital storytelling in online media. Znak: problematic field of media education, 2017. No. 2 (24). P. 146 – 150.
2. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorov M.Yu. Communicative grammar of the Russian language. Moscow: In-t rus. lang. RAS named after V.V. Vinogradov, 2004. 540 p.
3. Kachanov D.G. Multimedia journalistic narrative: towards defining the concept. Medi@lmanakh, 2021. No. 3 (104). P. 20 - 29.
4. Myths about Russia. Lenta.ru. URL: <https://myths.lenta.ru> (date of access: 11.03.2025)
5. Unknown Future. Lenta.ru. URL: <https://future.lenta.ru> (date of access: 11.03.2025)
6. Prasolova E.V. On the Issue of Narrativeness of Multimedia History as a New Genre of Internet Media. Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. 2015. No. 11-2. P. 253 – 256.
7. Withdrawal Syndrome: Russia. Lenta.ru. URL: <https://otmena.lenta.ru> (date of access: 11.02.2025)

8. Berning N. Narrative Journalism in the Age of the Internet: New Ways to Create Authenticity in Online Literary Reportages. Textpraxis. Digital Journal for Philology. 2011. No. 3. URL: <https://www.textpraxis.net/en/noraberning-narrative-journalism-in-the-age-of-the-internet> (date of access: 00.30.2025)

9. Hiippala T. The Multimodality of Digital Longform Journalism. Digital Journalism, 2017. No. 5 (4). R. 420 – 442.

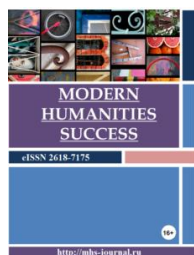
10. White H. Historical text as literary artifact. Tropics of Discourse. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1978. P. 81 – 100.

Информация об авторах

Лапко А.В., старший преподаватель, Высшая школа медиа, коммуникаций и сервиса, Институт социально-политических технологий и коммуникаций, Тихоокеанский государственный университет, 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136, [reddaktor@mail.ru](mailto:redaktor@mail.ru)

Айнулова С.Е., Высшая школа медиа, коммуникаций и сервиса, Институт социально-политических технологий и коммуникаций, Тихоокеанский государственный университет, 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136, aynulova04@inbox.ru

© Лапко А.В., Айнулова С.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'253

Сопроводительный перевод в англоязычных странах: стандарты, аккредитация и юридический статус

¹ Замараева Г.Н., ¹ Зейналова А.К.,

¹ Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Аннотация: в представленной статье рассматривается важность устного сопроводительного перевода в условиях межкультурной коммуникации, а также анализируется его текущее положение в англоязычных странах.

Выявлены основные проблемы в сфере сопроводительного перевода, а также рассмотрены различия между терминами, используемыми для обозначения данного вида перевода. Особое внимание уделяется изучению определения сопроводительного перевода и его основных характеристик. Выделены требования к профессиональной подготовке сопровождающих переводчиков, а также отмечено отсутствие правового регулирования их деятельности в англоязычных странах. Подчеркивается необходимость закрепления статуса сопроводительного перевода как одного из самых важных инструментов обеспечения грамотного и эффективного взаимодействия между представителями различных культур. Показана важность и значимость исследований в данной сфере, а также разработки конкретных стандартов для подготовки специалистов данной области.

Ключевые слова: сопроводительный перевод, переводчик, межкультурная коммуникация, устный перевод, правовое регулирование

Для цитирования: Замараева Г.Н., Зейналова А.К. Сопроводительный перевод в англоязычных странах: стандарты, аккредитация и юридический статус // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 165 – 169.

Поступила в редакцию: 16 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Escort interpreting in English-speaking countries: standards, accreditation, and legal status

¹ Zamaraeva G.N., ¹ Zeynalova A.K.,

¹ Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

Abstract: this article explores the significance of escort interpreting in the context of intercultural communication and examines its current state in English-speaking countries

It identifies the main challenges within escort interpreting and considers the distinctions between terms used to describe this type of interpreting. Special attention is given to defining escort interpreting and outlining its key characteristics. The article also highlights the requirements for the professional training of escort interpreters and points out the absence of legal regulation of their activities in English-speaking countries. It underscores the need to formally recognise escort interpreting as one of the essential tools for ensuring clear and effective communication between representatives of different cultures. Moreover, the article emphasizes the importance of further research in this area and the development of specific standards for training professionals in the field.

Keywords: escort interpreting, interpreter, intercultural communication, interpreting, legal regulation

For citation: Zamaraeva G.N., Zeynalova A.K. Escort interpreting in English-speaking countries: standards, accreditation, and legal status. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 165 – 169.

The article was submitted: April 16, 2025; Approved after reviewing: June 13, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В современном мире, в период активного взаимодействия с представителями разных культур, язык перестает играть роль только средства общения, он также становится инструментом, который помогает людям понимать традиции и особенности других стран. Одним из наиболее важных аспектов межкультурной коммуникации является работа сопровождающих переводчиков, которые являются связующим звеном во взаимодействии различных культур, языков и традиций. Важно подчеркнуть, что деятельность специалистов данной сферы достаточно сильно отличается от работы их коллег, обеспечивающих другие виды перевода. В нашем случае переводчик выполняет не только языковую, но и культурно-посредническую функцию, поскольку он сопровождает своего клиента в различных ситуациях, как официальных, так и бытовых.

Цель исследования: описать особенности сопроводительного перевода на основе изучения опыта англоязычных стран, в том числе сферы его применения, наличие стандартов, определяющих юридический статус и требования к деятельности сопровождающего переводчика.

Материалы и методы исследований

Изучены материалы научных статей, сайтов университетов, переводческих компаний, обучающих центров, руководства и рекомендации, стандарты, в которых дается терминология, определение, описана роль сопровождающего переводчика, сопроводительный перевод сравнивается с другими видами устного перевода по разным параметрам. Проведенное исследование доступных документов и работ позволяет сравнить различные точки зрения и сделать выводы о месте сопроводительного перевода в англоязычных странах и степени признания сопроводительного перевода как самостоятельного вида деятельности, требующего специальной подготовки.

Результаты и обсуждения

В первую очередь, обсудим терминологию.

В области перевода существуют определенного рода разногласия по поводу самого термина «сопроводительный перевод» и его определения [1].

Об этой проблеме говорила Рода П. Робертс, возглавлявшая школу письменного и устного перевода в университете Оттавы, и она уже использовала термин «сопроводительный перевод». Обсуждая сферу социального перевода, она утверждала, что эта сфера слабо изучена и не четко определена, и это демонстрируется большим ко-

личеством терминов, которые используются для того, чтобы обозначить эту неопределенную концепцию: community interpreting, public service interpreting, cultural interpreting, dialogue interpreting, ad hoc interpreting, liaison interpreting, escort interpreting, medical и legal interpreting [11]. Более того, автор отмечала, что это лишь часть терминов, в реальности их намного больше. Робертс считала, что они не являются синонимами, и единственное, что их объединяет – это использование для перевода в ситуациях, отличных от конференции.

По мнению автора, наиболее общим и универсальным термином является ad hoc interpreting. Данный вид перевода условно разделяют на два подвиды: деловой и общественный, в зависимости от ситуации, в которой он осуществляется. Что касается liaison и escort interpreting, то данные виды перевода в большей степени относятся к деловому ситуационному переводу, при сопровождении клиентов, дипломатов, бизнесменов на различных мероприятиях. В отдельную подгруппу она выделила следующие виды: community interpreting, cultural interpreting, dialogue interpreting, а также public service interpreting, medical interpreting и legal interpreting. Они определяются как виды перевода, осуществляемые для помощи иммигрантам, которые не знают официального языка государства, для того чтобы получить равный доступ к государственным услугам [11].

Holly Mikkelsen в своей статье «Interpreting Is Interpreting – Or Is It?» дает следующее определение сопроводительного перевода: «Сопроводительный перевод – это вид устного перевода, осуществляемого для государственных служащих, руководителей бизнеса, инвесторов, наблюдателей и других лиц в ходе их выездных визитов» [5]. Он цитирует авторов исследования «Fundamentals of court interpretation: theory, policy and practice»: «Сопроводительный перевод отличается спонтанностью и большим разнообразием ситуаций, в которых может оказаться переводчик, от официальных встреч до экскурсий по заводам и светских приемов».

В своем отчете «Translating, Interpreting and Communication Support: A Review of Provision in Public Services in Scotland» Isabelle A. Perez и др. предлагают в глоссарии термин «Face to face interpreting» и обсуждают его синонимы, в том числе ad hoc (редко употребляемый, по их мнению) – вид устного перевода, не предполагающего предварительной подготовки, и сопроводительный пе-

ревод, термин, который обозначает вид устного перевода, при котором переводчик сопровождает гостя (например, бизнесмена, политика или других высокопоставленных гостей), а также в случаях, когда переводчик сопровождает такого гостя во время зарубежных поездок [3].

В соответствии с национальным руководством Канады по обеспечению устного социального перевода, устный сопроводительный перевод (*escort interpreting, elbow interpreting*) охарактеризован как перевод, происходящий при сопровождении клиента с ограниченным уровнем владения английским языком в течение заранее оговоренного времени и облегчающим коммуникацию в различных обстоятельствах [6].

Сопровождающие переводчики играют очень важную роль, поскольку они сопровождают людей в совершенно разных ситуациях [9]. Следовательно, сфера их деятельности почти безгранична. Им приходится работать в разных местах: это могут быть экскурсии по различным заводам, дипломатические встречи, медицинские и образовательные учреждения. Как правило, они всегда находятся рядом со своими клиентами, выступая в качестве посредника [12]. Их главная задача – это оказание перевода на месте, тем самым помогая клиентам преодолевать языковой барьер и лучше понимать друг друга.

Для того, чтобы быть квалифицированным сопровождающим переводчиком, специалист должен уметь адаптироваться к различным ситуациям, владеть обоими языками на профессиональном уровне, а также уметь работать со специальной терминологией (например, медицинской, технической или юридической) [13]. Для осуществления качественного сопроводительного перевода от специалиста требуется не только знание языков на высоком уровне, но и понимание культурных особенностей. Они не только переводят сказанное, но и помогают клиенту погрузиться в незнакомый ему мир, с правилами и традициями, которые ему не известны.

В большинстве случаев сопровождающие переводчики обращаются к устному последовательному переводу. Таким образом, когда мы сталкиваемся с термином «устный сопроводительный перевод», мы чаще всего имеем в виду переводчика, который выполняет устный последовательный перевод сопровождая своего клиента. Очень важно понимать, что данные термины взаимосвязаны.

Несмотря на безусловную необходимость и важность этой формы перевода, к сожалению, на данный момент, только в незначительном количестве стран сопроводительный перевод получает достаточное признание и грамотно регулируется.

В англоязычных странах не существует конкретных профессиональных стандартов, позволяющих рассмотреть требования, выдвигаемые к специалистам. Кроме того, отсутствует какая-либо правовая база, регулирующая деятельность сопровождающих переводчиков.

При анализе правового статуса сопровождающих переводчиков в англоязычных странах, мы обнаружили, что в большинстве случаев выделяют два вида перевода с точки зрения сферы деятельности переводчика – медицинский и судебный. Различные переводческие организации выпускают этические кодексы и прописывают профессиональные нормы, которые захватывают только указанные выше сферы перевода. Кроме того, данные объединения не рассматривают сопроводительный перевод как самостоятельную единицу, они больше нацелены на регулирование перевода в целом, следовательно, не представляют конкретные критерии и рамки.

Также отсутствуют конкретные программы, готовящие специалистов в области сопроводительного перевода. Большинство желающих осваивают данную специальность в рамках курсов повышения квалификации и приобретают навыки во время прохождения практики. Так, например, в Великобритании существуют достаточно строгие и конкретные требования для людей, желающих работать на данной должности только в государственных учреждениях. Кандидаты должны не только продемонстрировать свои знания, но и доказать тот факт, что они обладают признанной квалификацией. Одно из основных требований – быть действительным членом Национального реестра переводчиков, официального органа, который регулирует деятельность переводчиков на государственном уровне [4]. Если же специалист не состоит в данной организации, тогда ему необходимо иметь одну из признанных квалификаций.

Для вступления в национальный реестр переводчиков, специалист должен иметь определенный пакет документов. Если речь идет о полном регистре, то в таком случае мы сталкиваемся с полностью квалифицированным переводчиком, имеющим большой опыт за плечами. Такой переводчик может работать в полиции, суде, больнице, министерствах и т.д. Для того, чтобы быть включенным в данный регистр, необходимо иметь диплом, который подтверждает квалификацию на уровне QCF 6 и выше, а также необходимо иметь не меньше 400 часов опыта перевода именно на территории Великобритании. Что касается временного регистра, то он бывает двух видов. Первый – это когда у человека есть необходимое образование, однако отсутствует какой-либо опыт

работы, и второй – это, наоборот, когда у человека неполное образование (например, сдана лишь часть курса), но у него практический опыт, превышающий 400 часов [11].

Даже в такой стране, как США, где население многоязычное, и существует острая необходимость в специалистах, помогающих наладить точную коммуникацию, статус сопроводительного перевода остается неопределенным. Можно выделить ключевые организации, которые регулируют деятельность переводчиков в данной стране. Первая организация – это Американская ассоциация переводчиков. Это самое крупное объединение в стране, которое было основано в 1959 году. Данная организация публикует Кодекс этики и стандарты практик для специалистов [7]. Вторая организация сосредоточена на более узкой направленности, а именно на судебном переводе. Третья – некоммерческая организация, которая занимается сертификацией только медицинских устных переводчиков [8]. В данном случае мы снова сталкиваемся с незащищенностью сопровождающих переводчиков, поскольку в отличие от тех же судебных переводчиков, они не попадают под те правила и законы, следовательно, их правовое поле не защищено.

Для улучшения этой системы, необходимо создать совершенно новую структуру, которая бы регулировала вопросы обучения, аккредитации, правовых обязанностей и этики. Параллельно необходимо признать сопроводительный перевод, как отдельный вид перевода и создать необходимые правовые акты для специалистов данной сферы. Таким образом, были бы обеспечены комфортные условия для развития этой разновидности перевода.

Выводы

Итак, опираясь на изученные точки зрения, мы видим, что на настоящий момент в англоязычной

научной и профессиональной литературе используется несколько терминов, соответствующих русскому «сопроводительный перевод»: *escort interpreting*, *elbow interpreting*, *travel interpreting*, *ad hoc interpreting*. Исходя из рассмотренных определений, сопроводительный перевод – это вид устного перевода, при котором переводчик сопровождает людей с ограниченным знанием языка во время визитов заказчиков в зарубежные страны или зарубежных гостей во время приема приема в своей стране. От других видов перевода его отличает то, что в данном случае переводчик выступает в роли личного ассистента, выполняющего различные функции (в том числе, например, бронирование гостиницы, разрешение конфликтных ситуаций, выбор блюд и т.д.). Он осуществляет перевод как в бытовых (заказ билетов, еды, покупки, обращение к врачу и т.д.), так и в деловых (интервью, деловые встречи, переговоры и пр.) ситуациях. Такие особенности требуют, по нашему мнению, специальной подготовки сопровождающих переводчиков.

Важно также отметить, что сопроводительный перевод – это значимая, но, к сожалению, недооцененная сфера деятельности. Несмотря на то, что в настоящее время идут разговоры о том, что на смену глобализации приходит деглобализация, потребность в таких квалифицированных специалистах, не только осуществляющих перевод, но и строящих так называемый «мостик» между представителями разных культур, не исчезает. Ведь глобализация – это не только интеграция национальных экономик, поэтому «глобализация была и остается реальностью современного мира» [2]. Регулирование вопросов в области сопроводительного перевода способствует защите интересов работников, выполняющих столь важную работу.

Список источников

1. Бабанина Т.М. Устный социальный перевод как особый вид перевода // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сб. статей международной научно-практической конференции студентов и аспирантов (Екатеринбург, 22 апреля 2014 г.): в 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург: УрФУ, 2014. С. 90 – 95.
2. Леонова О.Г. Деглобализация против глобализации // Век глобализации. 2024. № 2 (50). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/deglobalizatsiya-versus-globalizatsiya>
3. Изабель А. Перес, Кристин В.Л. Уилсон, Кэтрин Кинг, Селин Панье. Перевод, устный перевод и поддержка коммуникации: обзор обеспечения в общественных службах шотландии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pure.hw.ac.uk/ws/files/5062507/Translating_Interpreting_and_Communication_Support.pdf
4. Как попасть в реестр [Электронный ресурс] // Национальный реестр переводчиков общественных служб: сайт. Режим доступа: <https://www.nrpsi.org.uk/>
5. Микельсон Х. Устный перевод – это перевод... или нет? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/41373508_Interpreting_Is_Interpreting_-_Or_Is_It
6. Sara C Designs Национальное руководство по стандартам услуг социальных переводчиков. 1-е изд. Торонто: The Healthcare Interpretation Network, 2010. 29 с.

7. О нас [Электронный ресурс] // Американская ассоциация переводчиков: сайт. Режим доступа: <https://www.atanet.org/certification/>
8. Получение сертификации в ССНН [Электронный ресурс] // Комиссия по сертификации медицинских переводчиков (ССНН): сайт. Режим доступа: <https://cchicertification.org/>
9. Понимание различных типов устных переводчиков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://learnq.co.uk/blog/interpreting/understanding-the-different-types-of-language-interpreters/>
10. Робертс Рода П. Социальный перевод в обществе сегодня и завтра // Критическая связь: Переводчики в обществе: Материалы 1-й международной конференции по устному переводу в юридических, медицинских и социальных учреждениях. Женева-Парк, Канада, 1995. С. 7 – 28.
11. Руководство для внештатных переводчиков UKVI [Электронный ресурс] // GOV.UK: сайт. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/guidance-for-interpreters/guidance-for-interpreters>.
12. Что такое сопроводительный перевод? [Электронный ресурс] // Language Scientific: сайт. Режим доступа: <https://www.languagescientific.com/what-is-escort-interpreting/>
13. Что такое сопроводительный перевод и когда он используется? [Электронный ресурс] // Кентский Университет: сайт. Режим доступа: <https://www.kent.edu/mcls/what-escort-interpreting-and-when-it-used>

References

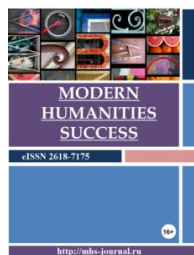
1. Babanina T.M. Oral social translation as a special type of translation. Language in the field of professional communication: collection of articles from the international scientific and practical conference of students and postgraduates (Ekaterinburg, April 22, 2014): in 2 parts. Part 1. Ekaterinburg: UrFU, 2014. P. 90 – 95.
2. Leonova O.G. Deglobalization versus globalization. The Age of Globalization. 2024. No. 2 (50). Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/deglobalizatsiya-versus-globalizatsiya>
3. Isabelle A. Perez, Christine V.L. Wilson, Catherine King, Celine Pannier. Translation, interpretation and communication support: an overview of provision in public services in Scotland [Electronic resource]. Access mode: https://pure.hw.ac.uk/ws/files/5062507/Translating_Interpreting_and_Communication_Support.pdf
4. How to get into the register [Electronic resource]. National Register of Public Service Interpreters: website. Access mode: <https://www.nrpsi.org.uk/>
5. Mickelson H. Interpreting is translation... or is it? [Electronic resource]. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/41373508_Interpreting_Is_Interpreting_-_Or_Is_It
6. Sara C Designs National Guide to Standards for Community Interpreting Services. 1st ed. Toronto: The Healthcare Interpretation Network, 2010. 29 p.
7. About us [Electronic resource]. American Translators Association: website. Access mode: <https://www.atanet.org/certification/>
8. Obtaining Certification in CCHI [Electronic resource]. Commission on Certification of Medical Interpreters (CCHI): website. Access mode: <https://cchicertification.org/>
9. Understanding the Different Types of Interpreters [Electronic resource]. Access mode: <https://learnq.co.uk/blog/interpreting/understanding-the-different-types-of-language-interpreters/>
10. Roberts Rhoda P. Social Interpreting in Society Today and Tomorrow. Critical Communication: Interpreters in Society: Proceedings of the 1st International Conference on Interpreting in Legal, Medical and Social Services. Geneva Park, Canada, 1995. P. 7 – 28.
11. Guide for Freelance Interpreters UKVI [Electronic resource]. GOV.UK: website. Access mode: <https://www.gov.uk/government/publications/guidance-for-interpreters/guidance-for-interpreters>.
12. What is Escort Interpreting? [Electronic resource]. Language Scientific: website. Access mode: <https://www.languagescientific.com/what-is-escort-interpreting/>
13. What is Escort Interpreting and When is it Used? [Electronic resource]. University of Kent: website. Access mode: <https://www.kent.edu/mcls/what-escort-interpreting-and-when-it-used>

Информация об авторах

Замараева Г.Н., старший преподаватель, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, galyonka@mail.com

Зейналова А.К., Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, ay-sel.zeynalova2610@gmail.com

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.5. Теория и методика спорта (педагогические науки)
УДК 796.01

Типологические особенности командообразования в спорте: от индивидуальных достижений к коллективному взаимодействию

¹ Быков А.В.,

¹ Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация: в статье представлен типологический анализ особенностей развития командных качеств в различных видах спорта. Рассматривается классификация командных видов спорта по характеру взаимодействия участников, включающая пять основных типов: виды спорта с прямым физическим взаимодействием, с опосредованным взаимодействием, эстафетные, синхронные и командно-индивидуальные виды спорта. Для каждого типа определены специфические требования к командному развитию и процессу командообразования. Выявлены общие закономерности командного развития, характерные для всех видов спорта. Результаты исследования могут быть использованы тренерами и спортивными психологами для оптимизации процесса командообразования с учетом специфики конкретного вида спорта.

Ключевые слова: командные виды спорта, командообразование, спортивный коллектив, типология видов спорта, командное взаимодействие

Для цитирования: Быков А.В. Типологические особенности командообразования в спорте: от индивидуальных достижений к коллективному взаимодействию // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 170 – 174.

Поступила в редакцию: 1 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Typological features of team building in sports: from individual achievements to collective interaction

¹ Bykov A.V.,

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Abstract: the article presents a typological analysis of the peculiarities of team qualities development in various sports. A classification of team sports by the nature of participants' interaction is considered, including five main types: sports with direct physical interaction, with indirect interaction, relay sports, synchronous sports, and team-individual sports. Specific requirements for team development and team building process are determined for each type. General patterns of team development characteristic of all sports are identified. The research results can be used by coaches and sports psychologists to optimize the team building process taking into account the specifics of a particular sport.

Keywords: team sports, team building, sports team, typology of sports, team interaction

For citation: Bykov A.V. Typological features of team building in sports: from individual achievements to collective interaction. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 170 – 174.

The article was submitted: April 1, 2025; Approved after reviewing: June 2, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Современный спорт высших достижений характеризуется, как отмечают ведущие исследователи, возрастающей ролью командного взаимодействия в обеспечении спортивного результата [3]. Следует подчеркнуть, что понимание особенностей развития спортивной команды как коллектива требует учета специфики различных видов спорта, поскольку характер спортивной деятельности существенно влияет на процессы командообразования, структуру командного взаимодействия и требования к развитию коллективных качеств. Актуальность данной проблемы подтверждается исследованиями зарубежных авторов, которые указывают на необходимость дифференцированного подхода к командообразованию в зависимости от специфики вида спорта [6, 7, 8, 10].

Необходимо отметить, что традиционные подходы к развитию спортивных команд часто не учитывают кардинальные различия в характере взаимодействия участников в различных видах спорта, что, безусловно, снижает эффективность тренировочного процесса и командной подготовки. В связи с этим представляется важным систематизировать и проанализировать специфические особенности командного развития в различных типах спортивной деятельности.

Целью данного исследования является выявление и систематизация специфических особенностей развития командных качеств в различных типах спортивных команд на основе типологического анализа видов спорта.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось с использованием методов теоретического анализа и систематизации научной литературы, сравнительного анализа различных видов спорта, типологического подхода к классификации спортивной деятельности. Анализировались особенности командного взаимодействия в командных видах спорта различной направленности.

Результаты и обсуждения

Прежде всего, следует отметить, что в спортивной науке существуют различные классификации видов спорта [4, 5, 9]. Однако для целей данного исследования наиболее релевантной является классификация, основанная на характере взаимодействия участников в процессе соревновательной деятельности. В соответствии с этим принципом предлагается следующая типология командных видов спорта (табл. 1).

Во-первых, необходимо выделить виды спорта с прямым физическим взаимодействием, к которым относятся флорбол, футбол, баскетбол, хоккей с шайбой, хоккей с мячом, мини-футбол, гандбол и другие. Данные виды спорта характеризуются непосредственным контактом с соперником, высокой динамичностью игровых ситуаций, необходимостью мгновенного принятия решений в условиях противодействия. Во-вторых, следует рассмотреть виды спорта с опосредованным взаимодействием, включающие волейбол, теннис парный, бадминтон парный, где взаимодействие с соперником происходит через игровой снаряд, отсутствует прямой физический контакт, что создает иные требования к командной координации. В-третьих, важно выделить эстафетные виды спорта, такие как эстафетный бег, плавание эстафетой, лыжные эстафеты, в которых командный результат складывается из последовательных индивидуальных выступлений участников. В-четвертых, необходимо рассмотреть синхронные виды спорта, включающие синхронное плавание и групповые упражнения в художественной гимнастике, которые требуют высочайшего уровня координации и синхронности действий участников. Наконец, в-пятых, следует проанализировать командно-индивидуальные виды спорта, например, теннис командный или легкую атлетику командный зачет, где командный результат определяется суммой индивидуальных достижений участников.

Таблица 1

Типология командных видов спорта и специфические требования к развитию командных качеств.

Table 1

Typology of team sports and specific requirements for the development of team qualities.

Тип взаимодействия	Примеры видов спорта	Основные характеристики	Специфические требования к командному развитию
Прямое физическое взаимодействие	футбол, баскетбол, хоккей с шайбой, хоккей с мячом, мини-футбол, гандбол и другие	Непосредственный контакт с соперником, высокая динамичность, мгновенное принятие решений	Высокий уровень взаимопонимания, четкая ролевая структура, эмоциональная сплоченность, коллективное тактическое мышление

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Опосредованное взаимодействие	Волейбол, теннис парный, бадминтон парный и другие	Взаимодействие через игровой снаряд, отсутствие прямого контакта, четкое разделение пространства	Точность и своевременность взаимодействий, эффективная коммуникация, взаимное доверие
Эстафетные виды	Эстафетный бег, плавание эстафетой, лыжные эстафеты	Последовательное участие, различные психологические условия, передача ответственности	Коллективная ответственность, психологическая поддержка, устойчивость к стрессу
Синхронные виды	Синхронное плавание, групповые упражнения в художественной гимнастике	Абсолютная синхронность, эстетический компонент, длительная подготовка	Высочайший уровень взаимопонимания, единый ритм, эмоциональное единство
Командно-индивидуальные	Теннис командный, легкая атлетика командный зачет и другие	Сумма индивидуальных результатов, двойственность мотивации, различный вклад участников	Баланс мотивов, взаимная поддержка, справедливость взаимодействия

Рассматривая специфику игровых видов спорта с прямым физическим взаимодействием, необходимо подчеркнуть, что данная группа видов спорта характеризуется наиболее сложными требованиями к командному взаимодействию [1]. Прежде всего, следует отметить высокую степень взаимозависимости участников, поскольку успех каждого игрока напрямую зависит от действий партнеров, что требует развития высокого уровня взаимопонимания и согласованности. Кроме того, важно подчеркнуть необходимость мгновенного принятия коллективных решений, так как динамичность игровых ситуаций требует от команды способности к быстрой адаптации и перестройке тактических схем.

Далее необходимо отметить выраженную ролевую дифференциацию, поскольку различные игровые позиции предполагают специфические функции и ответственность, что требует четкого понимания и принятия каждым участником своей роли. Также следует подчеркнуть высокий уровень эмоционального напряжения, который создается контактным характером игры, присутствием зрителей и важностью результата. Наконец, важно отметить необходимость развития коллективного интеллекта, поскольку сложность игровых ситуаций требует от команды способности к коллективному анализу, планированию и принятию решений.

В то же время анализ видов спорта с опосредованным взаимодействием показывает иные особенности командного взаимодействия. Прежде всего, следует выделить четкое разделение игрового пространства, поскольку наличие сетки или других барьеров создает ясные границы ответственности каждого игрока. Кроме того, важно отметить последовательность игровых действий,

так как взаимодействие происходит в рамках определенной последовательности, что позволяет планировать действия заранее. Необходимо подчеркнуть высокие требования к координации движений, поскольку отсутствие прямого контакта с соперником позволяет сосредоточиться на координации с партнерами [2].

Рассматривая эстафетные виды спорта, следует отметить их специфические особенности командного взаимодействия, связанные с последовательным характером участия в соревновательной деятельности. Прежде всего, важно выделить последовательную взаимозависимость участников, поскольку результат каждого участника влияет на условия выступления последующих, что создает особый тип ответственности. Кроме того, необходимо подчеркнуть различные психологические условия выступления, так как первый участник начинает "с нуля", а последующие выступают в условиях определенного результата команды. Также следует отметить важность психологической передачи эстафеты, которая включает передачу не только физического предмета, но и психологического состояния, уверенности, мотивации.

Анализируя синхронные виды спорта, необходимо подчеркнуть, что они предъявляют максимальные требования к координации действий участников. Прежде всего, следует выделить абсолютную синхронность выполнения движений, поскольку малейшие отклонения в синхронности критически влияют на результат. Кроме того, важно отметить высочайшие требования к взаимопониманию, так как участники должны чувствовать друг друга на уровне интуиции. Также необходимо подчеркнуть эстетический компонент выступления, поскольку важна не только техническая, но

и художественная составляющая, требующая эмоционального единства.

Рассматривая командно-индивидуальные виды спорта, следует сказать, что в данных видах спорта командный результат определяется суммой индивидуальных достижений, что создает особые условия для командного развития. Прежде всего, важно выделить двойственность мотивации, поскольку необходимо сочетание индивидуальных и командных мотивов. Кроме того, следует отметить различный вклад участников в командный результат, так как неравномерность индивидуальных результатов может создавать внутри командные противоречия. Также необходимо подчеркнуть важность психологической поддержки, поскольку взаимная поддержка участников критически влияет на индивидуальные результаты.

Вместе с тем анализ различных видов спорта позволяет выделить общие закономерности командного развития. Следует отметить поэтапность развития командных качеств, поскольку независимо от вида спорта команда проходит определенные стадии развития от группы к коллективу. Важно подчеркнуть значимость общих целей и ценностей, так как во всех видах спорта формирование единых целей и ценностей является основой командной интеграции. Необходимо выделить важность эффективной коммуникации, поскольку качество внутри командного общения критически влияет на результативность во всех видах спорта. Следует отметить роль лидерства, так как наличие эффективного лидерства является важным факто-

ром командного развития независимо от специфики вида спорта. Наконец, важно подчеркнуть значение совместного опыта, поскольку накопление позитивного совместного опыта способствует командной интеграции во всех видах спорта.

Выводы

Таким образом, проведенный типологический анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, характер взаимодействия участников в различных видах спорта определяет специфические требования к развитию командных качеств и процессу командообразования. Во-вторых, каждый из выделенных типов командных видов спорта требует дифференцированного подхода к командному развитию с учетом специфических особенностей взаимодействия. В-третьих, наряду со специфическими особенностями существуют общие закономерности командного развития, характерные для всех видов спорта. В-четвертых, эффективность командообразования в спорте может быть повышена за счет учета типологических особенностей конкретного вида спорта при планировании и реализации программ командного развития.

Следовательно, полученные результаты имеют практическое значение для тренеров, спортивных психологов и специалистов по командообразованию в спорте, предоставляя теоретическую основу для дифференцированного подхода к развитию спортивных команд.

Список источников

1. Васенков Н.В., Фазлеев Н.Ш., Мартыанов О.П. Формирование командных компетенций средствами спортивных игр // Вестник педагогических наук. 2024. № 3. С. 101 – 104.
2. Дубков Р.В., Илюшин О.В. Формирование командных действий в различных видах спорта // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98-2. С. 100 – 103.
3. Ильин Е.П. Психология спорта. Санкт-Петербург: Питер, 2021. 352 с.
4. Генералов А.В., Турзин П.С., Лукичев К.Е., Евсеев А.С. Различные подходы к классификации видов спорта // Теория и практика физической культуры. 2019. № 3. С. 40 – 42.
5. Смолевский В.М. Классификация видов спорта с учетом характера контакта с соперниками // Теория и практика физической культуры. 2009. № 2. С. 57 – 58.
6. Beauchamp M.R., McEwan D., Waldhauser K.J. Team building: conceptual, methodological, and applied considerations // Current opinion in psychology. 2017. Vol. 16. P. 114 – 117. DOI 10.1016/j.copsyc.2017.02.031.
7. Chen X. Dimensions of Team Effectiveness: Towards an Improved Team-Building Program for Beginning Athletes // Journal of Education and Educational Research. 2024. Vol. 7. № 1. P. 130 – 132. DOI 10.54097/h77xec97
8. Salcinovic B., Drew M., Dijkstra P. et al. Factors Influencing Team Performance: What Can Support Teams in High-Performance Sport Learn from Other Industries? A Systematic Scoping Review // Sports Medicine – Open. 2022. Vol. 8. Article 25. DOI 10.1186/s40798-021-00406-7

9. Loland S. Classification in sport: A question of fairness // European journal of sport science. 2021. Vol. 21. № 11. P. 1477 – 1484. DOI 10.1080/17461391.2021.1923816

10. Stewart P., Fletcher D., Arnold R., McEwan D. Performance support team effectiveness in elite sport: a narrative review // International Review of Sport and Exercise Psychology. 2024. P. 1 – 24. DOI 10.1080/1750984X.2024.2411215

References

1. Vasenkov N.V., Fazleev N.Sh., Martyanov O.P. Formation of team competencies by means of sports games. Bulletin of pedagogical sciences. 2024. No. 3. P. 101 – 104.

2. Dubkov R.V., Ilyushin O.V. Formation of team actions in various sports. Trends in the development of science and education. 2023. No. 98-2. P. 100 – 103.

3. Ilyin E.P. Psychology of sports. St. Petersburg: Piter, 2021. 352 p.

4. Generalov A.V., Turzin P.S., Lukichev K.E., Evseev A.S. Various approaches to the classification of sports. Theory and practice of physical education. 2019. No. 3. P. 40 – 42.

5. Smolevsky V. M. Classification of sports taking into account the nature of contact with opponents. Theory and practice of physical education. 2009. No. 2. P. 57 – 58.

6. Beauchamp M. R., McEwan D., Waldhauser K. J. Team building: conceptual, methodological, and applied considerations. Current opinion in psychology. 2017. Vol. 16. P. 114 – 117. DOI 10.1016/j.copsy.2017.02.031.

7. Chen X. Dimensions of Team Effectiveness: Towards an Improved Team-Building Program for Beginning Athletes. Journal of Education and Educational Research. 2024. Vol. 7. No. 1. P. 130 – 132. DOI 10.54097/h77xec97

8. Salcinovic B., Drew M., Dijkstra P. et al. Factors Influencing Team Performance: What Can Support Teams in High-Performance Sport Learn from Other Industries? A Systematic Scoping Review. Sports Medicine – Open. 2022. Vol. 8. Article 25. DOI 10.1186/s40798-021-00406-7

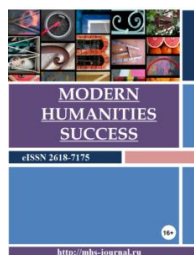
9. Lolan, S. Classification in sport: A question of fairness. European journal of sport science. 2021. Vol. 21. No. 11. P. 1477 – 1484. DOI 10.1080/17461391.2021.1923816

10. Stewart P., Fletcher D., Arnold R., McEwan D. Performance support team effectiveness in elite sport: a narrative review. International Review of Sport and Exercise Psychology. 2024. P. 1 – 24. DOI 10.1080/1750984X.2024.2411215

Информация об авторе

Быков А.В., кандидат педагогических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, av.bykov@narfu.ru

© Быков А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)
УДК 331.5+378.147

Особенности реализации дисциплин проектного цикла в высшей школе

¹ Дудина В.Ю., ² Жулькова Ю.Н., ² Синева Н.Л.,

¹ *Нижегородский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,*

² *Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина*

Аннотация: на сегодняшний день система государственного управления сталкивается с рядом вызовов, что отражается в установленных законодателем целях и задачах, связанных с обеспечением ускоренного развития страны в целом и отдельных ее регионов. Понимая уровень амбиций всех участников указанного процесса и предстоящие масштабы деятельности, важно отметить значение и роль высококвалифицированных управленческих кадров в решении поставленных вопросов.

По итогу изучения учебной и практической литературы, научных источников, а также основываясь на собственном опыте преподавательской деятельности, авторы приходят к выводу о том, что реализация дисциплин проектного цикла целесообразна на базе комплексного подхода, учитывающего и раскрывающего особенности не только непосредственно дисциплины, но и конкретной образовательной программы.

Опыт показал, что обучающиеся в большинстве своем демонстрируют не достаточный уровень интереса к дисциплине, что делает необходимым поиск решения данной проблемы. Одним из решений вполне может стать создание единой структуры курса для всех специальностей, однако с условием обязательной его адаптации (как теоретической, так и практической его части) к требованиям перечня компетенций в рамках конкретного направления подготовки.

В работе представлен ряд учебных и научных публикаций, в которых рассмотрены различные варианты адаптации курсов, отвечающих проектной тематике, к тем или иным направлениям подготовки. Считаем, что представленный материал может быть полезен кругу читателей, заинтересованных в вопросах совершенствования реализуемых как образовательных программ, так и отдельных курсов и повышения уровня компетенции обучающихся в вопросах проектной деятельности.

Ключевые слова: управление, управление проектами, образование, учебный процесс, высшее учебное заведение

Для цитирования: Дудина В.Ю., Жулькова Ю.Н., Синева Н.Л. Особенности реализации дисциплин проектного цикла в высшей школе // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 175 – 180.

Поступила в редакцию: 1 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Features of the implementation of project cycle disciplines in higher education

¹ Dudina V.Yu., ² Zhulkova Yu.N., ² Sineva N.L.,

¹ *Nizhny Novgorod Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,*

² *Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University*

Abstract: today, the public administration system faces a number of challenges, which is reflected in the goals and objectives set by the legislator related to ensuring the accelerated development of the country as a whole and its individual regions. Understanding the level of ambition of all participants in this process and the upcoming scale of activities, it is important to note the importance and role of highly qualified management personnel in solving the issues raised.

Based on the results of studying educational and practical literature, scientific sources, as well as based on their own teaching experience, the authors come to the conclusion that the implementation of project-based disciplines is advisable on the basis of an integrated approach that takes into account and reveals the features of not only the discipline itself, but also a specific educational program.

Experience has shown that most students do not demonstrate a sufficient level of interest in the discipline, which makes it necessary to find a solution to this problem. One of the solutions may well be the creation of a single course structure for all specialties, but with the condition of its mandatory adaptation (both theoretical and practical parts) to the requirements of the list of competencies within a specific training area. The work presents a number of educational and scientific publications that examine various options for adapting courses that meet project topics to certain training areas. We believe that the presented material may be useful to readers interested in improving both the educational programs and individual courses being implemented and increasing the level of students' competence in project activities.

Keywords: management, project management, education, educational process, higher education institution

For citation: Dudina V.Yu., Zhulkova Yu.N., Sineva N.L. Features of the implementation of project cycle disciplines in higher education. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 175 – 180.

The article was submitted: April 1, 2025; Approved after reviewing: June 3, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В условиях ограниченности ресурсов управление проектами, как подход к организации деятельности, в последние несколько десятилетий получил широкое распространение в различных сферах. Образовательные, равно как и другие организации, являющиеся активными участниками рынка, вынуждены не только внедрять проектный подход в свою текущую деятельность, но и формировать у обучающихся независимо от направления подготовки соответствующие управленческие проектные компетенции.

В этой связи считаем, что применяемые образовательные технологии должны отвечать основным требованиям, предъявляемым всеми участниками образовательного процесса, к которым относятся не только обучающиеся и преподаватели высшей школы, но и юридические лица, работодатели. Важно указать, что именно они, в ответ на поставленные государством цели, устанавливают требования к уровню образования своих сотрудников.

Вместе с тем стремление к повышению уровня компетенций должно быть осмысленным, а не только обусловленным происходящими и предстоящими изменениями на рынке. В этом случае суть деятельности образовательного учреждения будет заключаться в организации работы, проводимой в первую очередь с профессорско-преподавательским составом. Основная цель указанных действий будет заключаться в разработке логики будущих инициатив с неременным свободным участием коллектива в обсуждении данного вопроса. Причину такого подхода мы видим в необходимости донесения данной идеи до каждого сотрудника с тем, чтобы ее воплощение было максимально качественным, а также тактически и

стратегически полезным как для образовательной организации, так и для ее выпускников – молодых специалистов, обладающих всеми требуемыми компетенциями на установленном уровне.

На сегодняшний день, с учетом объективной необходимости следования изменениям, происходящим на рынке, в части подготовки высококвалифицированных специалистов, все нововведения должны быть адаптированы как к сфере деятельности конкретной организации, предъявляющей запрос на специалистов, обладающих определенным набором компетенций соответствующего уровня, так и предлагаемым направлениям подготовки образовательными учреждениями. В этой связи считаем важным найти своего рода компромисс, поскольку существует естественное опережение в развитии государственных и коммерческих структур, имеющих явную тенденцию к ускоренному развитию, в том числе за счет весомой финансовой поддержки, и образовательных учреждений, основная функция которых сводится к теоретическому и практическому обучению.

Определенно можно указать на тот факт, что все значимые изменения и положительные результаты невозможны без существенных изменений на местах, то есть с понимания сути компетенций и их возможного развития у будущих специалистов. Дисциплины проектного профиля в данном случае играют ключевую роль, поскольку тематика и объем получаемых на них знаний и умений в полной мере соотносится с ситуацией во внешней и внутренней по отношению к стране ситуации.

Цель исследования: установление особенностей формирования, определенного учебными планами, перечня компетенций по конкретным специальностям, предлагаемым к реализации в высшем учебном заведении.

Материалы и методы исследований

Качественная реализация дисциплин проектного цикла предполагает внедрение комплексного подхода, учитывающего все особенности как профессиональной подготовки обучающихся, так и непосредственно преподавателей.

Так, с учетом достижения поставленной образовательным учреждением цели формирования у обучающихся установленного уровня знаний, умений и навыков управления проектами, целесообразно в рамках курса определить следующие реперные точки:

- изучение теоретических основ управления проектами (основных понятий, методологий, инструментов, а также международных, межгосударственных и государственных стандартов в области управления проектами, что изложено как в учебной [3], так и в научной [13] литературе;

- знакомство обучающихся с современными информационными технологиями и инструментами, применяемыми в управлении проектами [8], что позволит обеспечить большую степень интереса к изучению дисциплины;

- овладение традиционными и современными методами планирования, контроля (с разработкой системы контроля) и оценки реализации проектов [10];

- определение состава команды проекта, а также развитие навыков коммуникации и непосредственно командной работы [12, 14];

- приобретение опыта решения проблем, возникающих в ходе осуществления проектов, на основе организации командной работы и открытого обсуждения результатов.

Таким образом, реализацию дисциплин проектного цикла целесообразно организовать на основе комплексного подхода, учитывающего особенности не только непосредственно дисциплины, но и конкретной образовательной программы.

Результаты и обсуждения

Реализация в педагогическом вузе дисциплин проектного цикла имеет ряд особенностей, соблюдение которых обусловлено спецификой направления подготовки обучающихся.

Считаем важным отметить тот факт, что у студентов педагогических специальностей необходимо сформировать компетенции в области проектирования образовательных процессов, разработки учебных планов, подготовки методического обеспечения дисциплин, организации проектной деятельности как педагогического коллектива, так и обучающихся, а также их совместного участия в проектах.

Изучив значительный объем материала в виде научных публикаций, представленных в открытом доступе, авторы пришли к ряду выводов.

Так, в научных кругах исследуются вопросы особенностей реализации рассматриваемой дисциплины в различных вузах. Вопросы изучения дисциплины в техническом вузе рассмотрены в работе Артемьевой Г.С. и Гущиной Л.И. [1]. Авторы указывают на важность внимания к вопросам активного применения информационных технологий в целях формирования у обучающихся компетенций, адекватных реальному рынку труда. В публикации Оглоблина В.А., Вихоревой М.В. и Халетской С.А. [9] изложен опыт преподавания дисциплин проектного профиля, в том числе уделено внимание типичным ошибкам обучающихся. Авторы также указывают на необходимость особого подхода к организации учебного процесса, применение кейс-метода (имеется ввиду «семестровый длинный кейс-метод») с индивидуальным разбором ситуаций, а также методики «перевернутый класс».

Пример реализации курса в нетехническом вузе изложен в публикации Глушаковой О.В. [5], в которой автор предлагает адаптированное к навыкам обучающихся творческих вузов видение дисциплины «Управление проектами». Важно отметить, что в статье представлен план пояснительной записки к проекту, выполнение которого позволяет обучающимся получить практико-ориентированные знания.

Стоит отметить, что как в представленных выше, так и в других работах указанной тематики, независимо от вуза учитываются все обязательные составляющие проектирования курса, однако делается упор на отдельные компетенции и особенности заявленного направления подготовки.

Собственное видение реализации курсов проектной направленности авторами настоящей статьи заключается в создании единой структуры курса, которая может быть адаптирована под требования конкретного направления подготовки.

Считаем важным в качестве базовых аспектов рассматривать следующие: курс должен включать как теоретические, так и практические занятия, которые направлены на освоение традиционных и инновационных методов проектирования, современных методов анализа результатов и оценки эффективности проектов, что отмечено в работе Фомичева А.Н. [15].

Поскольку особое внимание целесообразно уделять развитию исследовательских способностей, креативного и критического мышления, что более подробно описано в работах Баталовой Д.В. [2] и Игнатъевой Э.А. [6], а также способности

решать нестандартные проблемы, считаем важным прорабатывать эти вопросы при применении любой из форм организации образовательного процесса: лекционные или практические занятия, семинары, разработка и реализация проектов, а также индивидуальные и групповые/командные консультации.

Отдельное внимание, на наш взгляд, стоит уделить и внедряемым инновационным подходам, поскольку сама суть дисциплины именно это и предполагает. Проект является уникальным и выполняемым в определенные сроки, что делает необходимым принятие руководством оригинальных решений на всем временном отрезке. Так, изучение и проработка ситуаций на конкретных примерах посредством как указанных выше методик, так и методик моделирования ситуаций, внедрения интерактивных форм обучения, а также разбора реальных ситуаций с известными контингенту слушателей участниками (хозяйствующими субъектами), что будет способствовать более активному вовлечению обучающихся в процесс.

Последнее находит свое подтверждение в статье Меньшиковой А.А. [7], в которой автор, на основании результатов проведенного опроса обучающихся, делает вывод о том, что в большинстве своем они не заинтересованы в предмете по причине того, что разделы проекта не в полной мере относятся к выбранному ими направлению подготовки, являются сложными для понимания и объемными для выполнения.

Авторы настоящей статьи, исходя из собственного опыта, полностью согласны в данном утверждении, поскольку ранее проведенное в разных группах анонимное анкетирование по итогу прохождения курса выявило схожие данные. Отметим, что опрос был размещен в разделе «Обратная связь по курсу» в электронном учебно-методическом комплексе по дисциплине «Организация проектной деятельности» в 2024 г. Респондентами являлись студенты двух направлений подготовки: 44.03.04 Профессиональное обучение (по отраслям) профилю «Дизайн и декоративно-прикладное искусство» (где дисциплина изучается на 4 курсе) и 44.03.01 Педагогическое образование профиль Физическая культура (указанная дисциплина изучается на 1 курсе).

В рамках данного вопроса интерес представляет работа Смирнова С.И. [11], в которой автор рассматривает проект «Динамичное Созвучие Веков» в г. Екатеринбурге. Считаем, что изучение

особенностей проектов этой и иной подобной направленности может быть полезно как студентам для расширения тематики рассматриваемых кейсов, обучающихся на различных направлениях подготовки, в том числе 38.03.02 Менеджмент и 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление». Этот опыт вполне может быть применен и на других направлениях подготовки с целью обеспечения повышенного интереса как к теоретической, так и к практической части курса.

Важным элементом курса является построение системы контроля. В реализуемых авторами настоящей статьи курсах проектного цикла разработана и применяется система мониторинга и контроля знаний. Оценка является комплексной и включает тренировочное и промежуточное тестирования; открытую защиту работ по отдельным областям проекта; выполнение текущих практических заданий и заданий для самостоятельной работы, которые впоследствии также требуют открытого обсуждения в рамках учебной группы; внеаудиторную работу, выполняемую в адаптивной команде с последующей презентацией или отчетом. Итоговое тестирование организовано в индивидуальном формате и представляет собой прохождение теста, включающего вопросы разного уровня сложности и свойства, что позволяет проверить знания, умения и навыки каждого слушателя курса.

С целью постоянного повышения качества выполняемых обучающимися работ в курсе представлены не только непосредственно тексты заданий, но и довольно значительный по своему объему материал, имеющей своей целью информационную поддержку [4].

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию и изложенному опыту авторов настоящей статьи, считаем важным указать, что на сегодняшний день реализация дисциплин проектного цикла в высших учебных заведениях должна быть нацелена в первую очередь на активное внедрение практико-ориентированного подхода, применение современных методик на всем протяжении изучения дисциплины, поскольку только указанная база может обеспечить максимально качественную подготовку специалистов, имеющих высокий уровень развития профессиональных и личностных компетенций и способных управлять проектами независимо от уровня их сложности и отраслевой принадлежности.

Список источников

1. Артемьева Г.С., Гущина Л.И. Методические аспекты преподавания дисциплины «Управление ИТ-проектами» // Методические вопросы преподавания инфокоммуникаций в высшей школе. 2025. Т. 14. № 1. С. 4 – 10.
2. Баталова Д.В. Трансформация проектного метода при работе со студентами вузов в современных реалиях высшей школы // Научное обозрение. Серия 2, Гуманитарные науки. 2024. № 8. С. 32 – 43. DOI: 10.26653/2076-4685-2024-08-03
3. Буторина Г.Ю. Управление проектами : учебное пособие / сост.: Г.Ю. Буторина, Л.Г. Агапитова, Л.Б. Медведева. Тюмень: ГАУ Северного Зауралья, 2024. 122 с. URL: <https://www.gausz.ru/nauka/setevye-izdaniya/2024/upravlenieproektami.pdf>
4. Бокова Е.А., Большаков А.А., Голубева И.Э. Информационная поддержка дистанционного изучения дисциплины "Управление проектами" с использованием платформ MOODLE и TEAMS // Математические методы в технологиях и технике. 2021. № 10. С. 79 – 85.
5. Глушакова О.В. Особенности преподавания дисциплины "Управление проектами" в творческом вузе // Вестник Новосибирского государственного театрального института. 2022. № 11. С. 58 – 77.
6. Игнатьева Э.А. Анализ практики применения креативных технологий в образовании // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12. № 1. С. 2. DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-1-2
7. Меньшикова А.А. Особенности организации и реализации проектной деятельности обучающихся по результатам опроса о качестве преподавания дисциплины // В сборнике: Проблемы инженерного и социально-экономического образования в техническом вузе в условиях модернизации высшего образования. Материалы XXII Международной научно-практической конференции: в 2-х т. / Отв. ред. С.Д. Погорелова. Тюмень, 2023. С. 54 – 57.
8. Немыкина О.И., Немыкина А.С. Использование информационных технологий в проектном управлении // Финансовая экономика. 2021. № 5. С. 284 – 287.
9. Оглоблин В.А., Вихорева М.В., Халетская С.А. Формирование проектных компетенций обучающихся транспортных университетов // Экономика и предпринимательство. 2023. № 5 (154). С. 1294 – 1298. DOI: 10.34925/EIP.2023.154.5.260
10. Райков А.Н., Бауэр В.П., Еремин В.В. Формирование системы контроля выполнения решений в процессе государственного проектного управления // Проблемы управления. 2019. № 2. С. 9 – 18. DOI: 10.25728/ru.2019.2.2
11. Смирнов С.И. Разработка рекламного проекта по продвижению территориального бренда г. Екатеринбург // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 107-3. С. 75 – 78. DOI: 10.18411/trnio-03-2024-119
12. Соколов С.А. Проблемы формирования команды проекта // Наукосфера. 2023. № 6-1. С. 312 – 317.
13. Еремин В.В. и др. Стандартизация проектного управления: монография /под ред. Н.В. Кузнецова, С.Н. Сильвестрова. Москва: Дашков и К, 2024. 183 с.
14. Федорова Г.В. Развитие навыка командной работы // В сборнике: Актуальные проблемы управления. Сборник научных статей по итогам XI Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2025. С. 178 – 182.
15. Фомичев А.Н. Использование инструментов проектного управления для повышения эффективности стратегического менеджмента в условиях санкционного давления // Экономические системы. 2024. Т. 17. № 1 (64). С. 12 – 18. DOI 10.29030/2309- 2076-2024-17-1-12-18

References

1. Artemyeva G.S., Gushchina L.I. Methodological aspects of teaching the discipline "IT Project Management". Methodological issues of teaching infocommunications in higher education. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 4 – 10.
2. Batalova D.V. Transformation of the project method when working with university students in the modern realities of higher education. Scientific Review. Series 2, Humanities. 2024. No. 8. P. 32 – 43. DOI: 10.26653/2076-4685-2024-08-03
3. Butorina G.Yu. Project management: a tutorial. compiled by: G.Yu. Butorina, L.G. Agapitova, L.B. Medvedeva. Tyumen: GAU Severnogo Zauralya, 2024. 122 p. URL: <https://www.gausz.ru/nauka/setevye-izdaniya/2024/upravlenieproektami.pdf>
4. Bokova E.A., Bolshakov A.A., Golubeva I.E. Information support for distance learning of the discipline "Project Management" using the MOODLE and TEAMS platforms. Mathematical methods in technology and engineering. 2021. No. 10. P. 79 – 85.

5. Glushakova O.V. Features of teaching the discipline "Project Management" in a creative university. Bulletin of the Novosibirsk State Theater Institute. 2022. No. 11. P. 58 – 77.
6. Ignatyeva E.A. Analysis of the practice of applying creative technologies in education. Bulletin of Minin University. 2024. Vol. 12. No. 1. P. 2. DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-1-2
7. Menshikova A.A. Features of the organization and implementation of project activities of students based on the results of a survey on the quality of teaching the discipline. In the collection: Problems of engineering and socio-economic education in a technical university in the context of the modernization of higher education. Proceedings of the XXII International scientific and practical conference: in 2 volumes. Responsible editor S.D. Pogorelov. Tyumen, 2023. P. 54 – 57.
8. Nemykina O.I., Nemykina A.S. Use of information technologies in project management. Financial Economics. 2021. No. 5. P. 284 – 287.
9. Ogloblin V.A., Vikhoreva M.V., Khaletskaya S.A. Formation of project competencies of students of transport universities. Economy and entrepreneurship. 2023. No. 5 (154). P. 1294 – 1298. DOI: 10.34925/EIP.2023.154.5.260
10. Raikov A.N., Bauer V.P., Eremin V.V. Formation of a system for monitoring the implementation of decisions in the process of state project management. Problems of Management. 2019. No. 2. P. 9 – 18. DOI: 10.25728/pu.2019.2.2
11. Smirnov S.I. Development of an advertising project to promote the territorial brand of Yekaterinburg. Trends in the development of science and education. 2024. No. 107-3. P. 75 – 78. DOI: 10.18411/trnio-03-2024-119
12. Sokolov S.A. Problems of forming a project team. Naukosphere. 2023. No. 6-1. P. 312 – 317.
13. Eremin V.V. et al. Standardization of project management: monograph. Edited by N.V. Kuznetsov, S.N. Silvestrov. Moscow: Dashkov i K, 2024. 183 p.
14. Fedorova G.V. Development of teamwork skills. In the collection: Actual problems of management. Collection of scientific articles based on the results of the XI All-Russian scientific and practical conference. Nizhny Novgorod, 2025. P. 178 – 182.
15. Fomichev A.N. Using project management tools to improve the efficiency of strategic management in the context of sanctions pressure. Economic systems. 2024. Vol. 17. No. 1 (64). P. 12 – 18. DOI 10.29030/2309-2076-2024-17-1-12-18

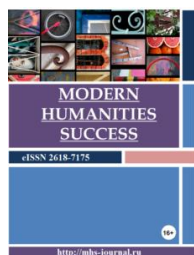
Информация об авторах

Дудина В.Ю., кандидат экономических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9452-0677>, Нижегородский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 46, v.tsyganova@mail.ru

Жулькова Ю.Н., кандидат экономических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9016-920X>, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 603950, г. Н. Новгород, ул. Ульянова, д. 1, zhulkova@mail.ru

Синева Н.Л., кандидат экономических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7766-6017>, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 603950, г. Н. Новгород, ул. Ульянова, д. 1, sinevanl2015@gmail.com

© Дудина В.Ю., Жулькова Ю.Н., Синева Н.Л., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.6. Оздоровительная и адаптивная физическая культура
(педагогические науки)
УДК 796.015.12

Влияние игровых видов спорта на снижение уровня утомления при научной работе аспирантов технических специальностей

¹ Коваленко А.М.,

¹ Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова

Аннотация: в статье подчеркивается, что в качестве одной из приоритетных задач государственной программы в области развития технологического лидерства выделяют ультрасовременную подготовку научно-педагогических кадров технических специальностей, где научной работе отводится значительное количество учебного времени. Отметим, что научная работа аспирантов, с одной стороны, включает в себя подготовку диссертации, написание научных статей и монографий, а с другой стороны, связана с мультизадачностью, повышенными интеллектуальными и эмоциональными нагрузками, ненормированным рабочим графиком, монотонной и сидячей работой, что значительно отражается на состоянии здоровья человека, на его продуктивности и работоспособности. Одним из путей решения проблемы утомления автор предлагает включение игровых видов спорта (волейбол, футбол) в образовательный процесс подготовки аспирантов, и реализовать их в специально отведенное внеучебное время.

В статье описан процесс и фазы утомления, систематизированы причины, детерминирующие состояние хронического утомления аспирантов при выполнении научной деятельности, а также выявление влияния игровых видов спорта как эффективного педагогического средства на восстановление организма после утомления.

Ключевые слова. Технологическое лидерство, научная деятельность, игровые виды спорта, волейбол, футбол, утомление, работоспособность, спорт, физическое воспитание

Для цитирования: Коваленко А.М. Влияние игровых видов спорта на снижение уровня утомления при научной работе аспирантов технических специальностей // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 181 – 184.

Поступила в редакцию: 2 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Influence of game sports on reducing fatigue in scientific work of postgraduate students of technical specialties

¹ Kovalenko A.M.,

¹ Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)

Abstract: the article emphasizes that one of the priority tasks of the state program for the development of technological leadership is the ultra-modern training of scientific and pedagogical personnel in technical specialties, where a significant amount of study time is devoted to scientific work. It should be noted that the scientific work of postgraduate students, on the one hand, includes the preparation of dissertations, the writing of scientific articles and monographs, and, on the other hand, is associated with multitasking, increased intellectual and emotional stress, irregular work schedules, and monotonous and sedentary work, which significantly affects a person's health, productivity, and efficiency. One of the ways to solve the problem of fatigue is to include team sports (volleyball, football) in the educational process of postgraduate students, and to implement them during specially allocated extracurricular time.

The article describes the process and phases of fatigue, systematizes the causes that determine the state of chronic fatigue of graduate students when performing scientific activities, as well as identifying the impact of game sports as an effective pedagogical tool for body recovery after fatigue.

Keywords: technological leadership, scientific activity, team sports, volleyball, football, fatigue, performance, sports, physical education

For citation: Kovalenko A.M. Influence of game sports on reducing fatigue in scientific work of postgraduate students of technical specialties. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 181 – 184.

The article was submitted: April 2, 2025; Approved after reviewing: June 4, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

На современном этапе в качестве ключевых целей в области технологического лидерства государство обозначило повышение конкурентоспособности на глобальном рынке, стимулирование инноваций в приоритетных отраслях экономики. Так, в технических вузах реализуются в полном объеме программы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, где научной работе отводится значительное количество учебного времени.

Научная деятельность представляет собой сложный, многоуровневый процесс, включающий, во-первых, многозадачность, выражающуюся в одновременной работе над написанием научных статей, анализом литературы и подготовкой экспериментальной части, во-вторых, высокую концентрацию, поскольку предполагает глубокое погружение в узкоспециализированную тему исследования, в-третьих, креативное напряжение, связанное с поиском научной новизны, нахождением оригинальных решений проблем, поставленных в диссертационном исследовании.

На практике мы видим, что процесс обучения в аспирантуре связан с высокими интеллектуальными нагрузками, сопряженными с хроническим стрессом, высокими когнитивными нагрузками и дефицитом двигательной активности, что в свою очередь приводит к эмоциональному выгоранию, хроническому утомлению молодых людей. В этой связи поиск немедикаментозных методов коррекции утомления у обучающихся становится актуальной задачей педагогической науки.

На уровне университета для аспирантов действуют спортивные секции по легкой атлетике, тяжелой атлетике, плаванию, теннис, а также традиционно проводятся спортивно-массовые мероприятия по выполнению нормативов ГТО.

Однако этого недостаточно для поддержания физического состояния обучающихся при интенсивном интеллектуальном труде, связанном с научной работой, концентрацией внимания, активизацией творческого мышления, и необходимо на постоянной основе два - три раза в неделю во внеучебное время организовывать

игровые виды спорта для аспирантов разных технических специальностей.

Обратим внимание, что игровые виды спорта объединяют в себе волейбол, футбол и др., требующие высокой скорости, выносливости, способствующие повышению работоспособности за счет сочетания физической активности, эмоциональной разгрузки и социального взаимодействия с командой.

Материалы и методы исследований

Цель исследования – изучить влияние двигательной активности на снижение показателей утомления, вызванных выполнением систематической монотонной научной работой аспирантов технических специальностей, средствами игровых видов спорта.

Исследование базируется на комплексном, системном и человекоориентированном подходе, определивших методологические основы педагогического исследования влияния игровых видов спорта на утомление аспирантов при научной работе. В основе описания процесса утомления, его фаз лежит метод библиографического анализ документов и научных источников по теме исследования, базирующихся на принципах системности, последовательности, доступности и индивидуализации.

В работе использовались идеи Р.А. Амбарцумяна, К.В. Переделкиной занимающихся изучением вопроса влияния физических нагрузок на трудоспособность студента [1]; А.В. Кабачковой, А.Н. Захаровой, С.Г. Кривошекова, Л.В. Капилевича выявившие механизмы влияния двигательной активности на когнитивную деятельность [4]; И.А. Корягиной, Г.В. Королёва проанализировавшие источники стресса среди студентов вузов [5]; И.Ю. Головиновой, А.Р. Аветисян, А.В. Ивлева, Е.Л. Суханова, В.М. Паршаковой, Н.И. Шадиной, Ю.В. Калабина, Г.А. Яковлева, Т.А. Ширшовой, Р.Е. Шановой описавших влияние физических нагрузок на стрессоустойчивость, нервно-психическое состояние и работоспособность человека, снижение утомления у обучающихся [2, 3, 6, 9, 11]; А.В. Пономарева, С.Е. Банникова, А.М. Аверина, Н.Г. Улеевой раскрывших потенциал игровых видов

спорта в формировании гибких навыков, а также специфику организации спортивных соревнований по игровым видам спорта среди студентов [7, 8]. С.А. Шалыгиной, П.А. Лукашова выявивших достаточный объем и интенсивность физических упражнений с учетом умственной учебной нагрузки [10].

В качестве мероприятий программы внедрения игровых видов спорта для аспирантов в период обучения в вузе с целью повышения продуктивности научной работы можно предложить организацию регулярных тренировок по мини-футболу, волейболу, проведение межфакультетских турниров и соревнований по баскетболу.

Результаты и обсуждения

Процесс утомления аспирантов при научной работе развивается поэтапно и носит кумулятивный характер, затрагивает когнитивные функции и физическое здоровье. К основным источниками утомления при работе над диссертацией относятся высокая публикационная активность в научных журналах, финансовая нестабильность, недостаток естественного движения, нарушения зрения и осанки, замедление лимфотока, мышечные зажимы в шее и спине, боли в запястьях.

Выделим фазы утомления при научной работе, а именно: а) фаза компенсированного утомления (первые два часа непрерывной работы), где физиологические изменения отражаются в учащении пульса и легком повышении артериального давления, сохраняется высокая концентрация и продуктивность, эмоциональное состояние выражается в энтузиазме; б) фаза субкомпенсации (от трех до пяти часов работы без перерыва), где в качестве физиологических изменений происходит ухудшение кровоснабжения мозга из-за гиподинамии, нарастание уровня кортизола, происходит замедление скорости обработки информации, трудности переключения между разноуровневыми задачами, нарастает раздражительность и чувство усталости, постепенно снижается эффективность работы; в) фаза декомпенсации или переутомления (более 6 часов работы без отдыха), на физиологическом уровне происходит нарушение циркадных ритмов, проблемы со сном, апатия, когнитивные дисфункции, творческий ступор и эмоциональное выгорание.

Понимание фаз развития утомления помогает тренерскому педагогическому составу технического вуза внедрить в образовательный процесс подготовки аспирантов своевременные профилактические оздоровительные меры, игровые виды спорта.

Например, футбол как динамичный командный вид спорта, оказывает комплексное воздействие на организм, улучшает память, концентрацию, повышает общую физическую и ментальную выносливость, развивает пространственное мышление, увеличивает скорость выполнения задач и снижает количество ошибок в аналитической работе. Утренняя игра в футбол способствует повышению тонуса на весь день, а в вечернее время снимает накопленный стресс.

Волейбол как игровой вид спорта включает прыжковую нагрузку, мышечную активность, усиливает периферическое зрение, позволяет быстро восстанавливаться при когнитивном типе утомления, а в команде наладить тактическое взаимодействие.

Отметим, что оба вида спорта эффективны при борьбе с утомлением, но действуют через разные механизмы, а именно: футбол через выносливость и эмоциональную разгрузку, а волейбол через реактивность и когнитивную гибкость. Благодаря внедрению гибридных программ, сочетающих занятия волейболом и футболом во внеучебное время для аспирантов технических специальностей в вузе, происходит оптимизация эмоциональных, интеллектуальных и физических нагрузок в зависимости от этапа работы над диссертацией, профилактика опорно-двигательных заболеваний, оздоровление организма в целом.

Выводы

Игровые виды спорта (волейбол, футбол) выступают необходимым элементом образовательной программы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре технического вуза, позволяющим объединить обучающихся разных медицинских групп, направлений подготовки и курсов обучения в игровые команды, сочетать в себе аэробную и анаэробную нагрузку, стимулировать нейропластичность, компенсировать гипоксине-зию и когнитивную усталость, улучшить психоэмоциональное состояние обучающихся при научной работе над диссертацией.

Список источников

1. Амбарцумян Р.А., Переделкина К.В. Влияние физических нагрузок на трудоспособность студента // Молодежный вестник ИрГТУ. 2024. Т. 14 № 1. С. 111 – 114.
2. Головинова И.Ю., Аветисян А.Р. Влияние физических нагрузок на нервно-психическое состояние человека // Наука-2020. 2023. № 1 (62). С. 64 – 68.
3. Ивлев А.В., Суханов Е.Л. Достижение стрессоустойчивости посредством занятий физической культурой и спортом // Биология и интегративная медицина. 2024. № 6 (71). С. 434 – 442.
4. Кабачкова А.В., Захарова А.Н., Кривошеков С.Г., Капилевич Л.В. Двигательная активность и когнитивная деятельность: особенности взаимодействия и механизмы влияния // Физиология человека. 2022. Т. 48. № 5. С. 126 – 136.
5. Корягина И.А., Королёв Г.В. Изучение источников стресса среди студентов высших учебных заведений // Гуманитарные науки. 2020. № 3 (47). С. 155 – 158.
6. Паршакова В.М. Физическая культура как средство борьбы с утомлением при умственной и физической работе у студентов // Эпоха науки. 2021. № 25. С. 221 – 224.
7. Пономарев А.В., Банников С.Е., Аверин А.М. Потенциал игровых видов спорта в формировании гибких навыков у студентов вуза // Primo Aspectu. 2024. № 3(59). С. 49 – 55.
8. Улеева Н.Г. Специфика организации спортивных соревнований по игровым видам спорта среди студентов в техническом вузе // Обществознание и социальная психология. 2023. № 1-3 (45). С. 54 – 59.
9. Шадрина Н.И., Калабин Ю.В. Физическая культура как средство борьбы с переутомлением при умственной и физической работе // Научный альманах Центрального Черноземья. 2022. № 2-8. С. 235 – 241.
10. Шалыгина С.А., Лукашов П.А. Планирование объема и интенсивности физических упражнений с учетом умственной учебной нагрузки // Заметки ученого. 2021. № 11-1. С. 228 – 233.
11. Яковлев Г.А., Ширшова Т.А., Шанава Р.Е. Повышение работоспособности и физические упражнения при утомлении // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 3-4(90). С. 32 – 35.

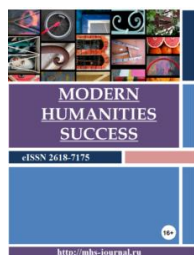
References

1. Ambartsumyan R.A., Peredelkina K.V. The influence of physical activity on the student's ability to work. Youth Bulletin of IrSTU. 2024. Vol. 14 No. 1. P. 111 – 114.
2. Golovinova I.Yu., Avetisyan A.R. The influence of physical activity on the neuropsychic state of a person. Science-2020. 2023. No. 1 (62). P. 64 – 68.
3. Ivlev A.V., Sukhanov E.L. Achieving stress resistance through physical education and sports. Biology and Integrative Medicine. 2024. No. 6 (71). P. 434 – 442.
4. Kabachkova A.V., Zakharova A.N., Krivoshchekov S.G., Kapilevich L.V. Motor activity and cognitive activity: interaction features and mechanisms of influence. Human Physiology. 2022. Vol. 48. No. 5. P. 126 – 136.
5. Koryagina I.A., Korolev G.V. Study of stress sources among students of higher educational institutions. Humanities. 2020. No. 3 (47). P. 155 – 158.
6. Parshakova V.M. Physical education as a means of combating fatigue during mental and physical work in students. The Age of Science. 2021. No. 25. P. 221 – 224.
7. Ponomarev A.V., Bannikov S.E., Averin A.M. Potential of game sports in the formation of flexible skills among university students. Primo Aspectu. 2024. No. 3(59). P. 49 – 55.
8. Uleeva N.G. Specifics of organizing sports competitions in game sports among students at a technical university. Social Science and Social Psychology. 2023. No. 1-3 (45). P. 54 – 59.
9. Shadrina N.I., Kalabin Yu.V. Physical education as a means of combating fatigue during mental and physical work. Scientific Almanac of the Central Black Earth Region. 2022. No. 2-8. P. 235 – 241.
10. Shalygina S.A., Lukashov P.A. Planning the volume and intensity of physical exercises taking into account the mental educational load. Notes of a scientist. 2021. No. 11-1. P. 228 – 233.
11. Yakovlev G.A., Shirshova T.A., Shanava R.E. Increasing performance and physical exercises during fatigue. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 3-4 (90). P. 32 – 35.

Информация об авторе

Коваленко А.М., кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова

© Коваленко А.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.5. Теория и методика спорта (педагогические науки)
УДК 796.853

Планирование физической нагрузки у дзюдоистов средней весовой категории в годичном цикле

¹ Гвоздков А.Д., ¹ Морозов А.П.,
¹ Московская государственная академия физической культуры

Аннотация: в представленной статье описываются основные параметры физической нагрузки дзюдоистов средней весовой категории на этапе совершенствования спортивного мастерства при планировании годичного цикла тренировочного процесса. Определение объективных параметров нагрузки для формирования тренировочных планов у дзюдоистов данной весовой категории является необходимым условием дальнейшего развития спортивной формы и сохранения высокого потенциала в многолетнем процессе спортивной подготовки. В связи с этим значительное внимание должно уделяться структуре каждого годичного макроцикла, выделению отдельных фаз и этапов, направленных на централизованное развитие и совершенствование физических качеств. Следует также отметить, что особенностями подготовки в данной весовой категории, которые необходимо учитывать при планировании, являются возможность выбора различных методов и средств подготовки, внесение оперативных изменений в планы тренировочных занятий и высокая универсальность спортсменов, обеспечивающая адаптацию к новым тренировочным программам. Проведенное исследование позволило разработать комплексы упражнений, применение которых позволяет более дифференцированно влиять на уровень физической подготовленности спортсменов, обеспечивая положительную динамику спортивных результатов и позволяя дифференцированно подходить к построению индивидуального подхода к каждому спортсмену.

Ключевые слова: содержание тренировочного плана, весовые категории, нагрузка, оценка динамики, комплексы физических упражнений

Для цитирования: Гвоздков А.Д., Морозов А.П. Планирование параметров физической нагрузки у дзюдоистов средней весовой категории в годичном цикле // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 185 – 188.

Поступила в редакцию: 2 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Planning of physical activity for judoists of the middleweight category in an annual cycle

¹ Gvozdkov A.D., ¹ Morozov A.P.,
¹ Moscow State Academy of Physical Education

Abstract: the presented article describes the main parameters of physical activity of judoists of the middleweight category at the stage of improving sports skills when planning a one-year cycle of the training process. The determination of objective load parameters for the formation of training plans for judoists of this weight category is a necessary condition for the further development of athletic fitness and the preservation of high potential in the long-term process of sports training. In this regard, considerable attention should be paid to the structure of each annual macrocycle, the allocation of individual phases and stages aimed at the centralized development and improvement of physical qualities. It should also be noted that the features of training in this weight category, which must be taken into account when planning, are the possibility of choosing different methods and means of training, making operational changes to training plans and the high versatility of athletes, ensuring adaptation to new training programs. The conducted research has made it possible to develop sets of exercises, the use of which allows for a more differentiated effect on the level of physical fitness of athletes, ensuring positive dynamics of sports results and allowing a differentiated approach to building an individual approach to each athlete.

Keywords: the content of the training plan, weight categories, load, assessment of dynamics, sets of physical exercises

For citation: Gvozdkov A.D., Morozov A.P. Planning of physical activity for judoists of the middleweight category in an annual cycle. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 185 – 188.

The article was submitted: April 2, 2025; Approved after reviewing: June 4, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Определение параметров физической нагрузки, как общей, так и специальной, у дзюдоистов средней весовой категории, является в настоящее время весьма актуальной задачей. Ряд специалистов [1, 3, 5] предполагает, что объемные показатели физической нагрузки в дзюдо на этапе совершенствования спортивного мастерства и высшего спортивного мастерства должны формироваться исходя из оптимального соотношения объема и интенсивности физических упражнений для дзюдоистов, выступающих в различных весовых категориях, выявления наиболее эффективной их последовательности. В течение многих лет процесс подготовки отечественных спортсменов испытывает влияние зарубежных практик, прежде всего японских и французских, отдельные методики которых постепенно перенимаются отечественными специалистами [7, 9, 10]. Вместе с тем именно российская школа подготовки в дзюдо уделяет больше времени на развитие физических качеств спортсменов, предлагает применение не только скоростно-силовых и силовых упражнений, но и игровых [4].

Цель исследования: разработать и применить программу физической подготовки дзюдоистов средней весовой категории в годичном цикле.

Материалы и методы исследований

Для проведения исследования были применены педагогическое наблюдение (фиксируются структура, содержание и оценка переносимости выполняемой физической нагрузки), педагогическое тестирование, включавшее в себя задания характеризующие уровень общей и специальной подготовленности, педагогический эксперимент по внедрению разработанных программ физической подготовки в тренировочный процесс, опросы спортсменов и тренеров, методы математической статистики. Исследование проводилось на базе СШ «Север», в группах совершенствования

спортивного мастерства, исследуемый контингент – юноши 16-18 лет, имеющие уровень квалификации кандидат в мастера спорта по дзюдо (n=29) и выступающие в средней весовой категории. В течение исследования пять человек выполнили нормативы на присвоение спортивного звания «Мастер спорта России».

Результаты и обсуждения

Планирование физической подготовки у дзюдоистов средней весовой категории непосредственным образом связано с учётом особенностей данных спортсменов – подвижностью на ковре, достаточно высоким уровнем общей и специальной выносливости, возможностью быстро перестраиваться под противодействие конкретного противника [2].

От спортсменов более лёгких категорий средневесы отличаются большим количеством силовых приемов, от более тяжёлых категорий – быстротой и гибкостью.

В рамках проводимого исследования были проанализированы различные варианты планирования физической нагрузки у дзюдоистов средней весовой категории в рамках годичного цикла [6, 8].

Основными требованиями к содержанию физической подготовки дзюдоистов, по мнению ряда ведущих специалистов, являются следующие:

- комплексность программы;
- вариативность упражнений и дозировка физической нагрузки согласно индивидуальным возможностям спортсменов;
- взаимодополняемость всех компонентов и их направленность на соревновательную деятельность.

Проведенное исследование позволило определить наиболее оптимальное содержание структуры годичного тренировочного цикла, прежде всего в типизации и количестве микроциклов подготовки, что представлено в табл. 1.

Таблица 1

Основные типы микроциклов подготовки при планировании годовичного тренировочного процесса у дзюдоистов средней весовой категории.

Table 1

The main types of microcycles of preparation when planning a one-year training process for judoka of the middle-weight category.

№ пп	Тип микроцикла	Продолжительность, дней	Количество в годовичном цикле подготовки
1	Втягивающий	3-7	4
2	Базовый	7	14
3	Одинарный	7	6
4	Ударный	3-5	7
5	Соревновательный	7	9
6	Восстановительный	7-10	4

Проведенная структуризация годовичного цикла подготовки в свою очередь позволила более рации-

онально переаспределить часы отводимые на физическую подготовку, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Параметры физической подготовки годовичном цикле.

Table 2

Parameters of the training load in the annual cycle in the areas of training.

№ пп	Основные разделы физической подготовки	Объем, ч
1	Развитие скоростно-силовых качеств	234
2	Развитие силовых качеств	126
3	Развитие общей выносливости	90
4	Развитие специальной выносливости	130
5	Развитие ловкости	90
6	Развитие гибкости	70

В каждом разделе разработанной программы физической подготовки дозировка нагрузки зависела от текущего уровня подготовленности дзюдоиста и результатов соревнований. Спортсмены, чья масса тела находилась ближе к нижней границы весовой категории, выполняли больше упражнений координационной и скоростно-силовой направленности, те, чья масса тела находилась в пределах верхней границы весовой категории – больше упражнений, связанных со специальной выносливостью. Адаптация к физической нагрузке определялась после прохождения спортсменами плановых тестирований уровня физической подготовленности с оценкой динамики спортивной формы. Наибольший прирост показателей подготовленности наблюдался в следующих тестах:

- количество перебросов в партере за 30 сек +

5,4%

- количество оценок в рандори +6,2%

- набрасывание на скорость за 20 сек + 5,1%

Выводы

Разработанные и внедренные в тренировочный план годовичного цикла подготовки дзюдоистов средней весовой категории программы физической подготовки позволили повысить уровень специальной выносливости и скоростно-силовых качеств, уровень координации движений. Следствием эффективности определенных параметров физической нагрузки стало успешное выступление спортсменов экспериментальной группы на региональных и всероссийских соревнованиях, повышение уровня показателей физической подготовленности.

Список источников

1. Иванов С.Н., Петров В.Г. Методика развития взрывной силы у дзюдоистов с использованием резиновых амортизаторов // Теория и практика физической культуры. 2020. № 5. С. 34 – 38.
2. Латыпов И.К., Хамидуллина Г.Ф. О программе подготовки юных дзюдоистов на спортивно-оздоровительном этапе // Теория и практика физической культуры. 2018. № 12. С. 84.

3. Морозов А.В. Влияние интервальных тренировок на специальную выносливость дзюдоистов // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2023. № 2. С. 45 – 49.
4. Сидоров А.К., Михайлов В.В. Влияние специальных силовых упражнений на эффективность бросков через бедро // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 3. С. 112 – 116.
5. Шахов А.А., Балбеков П.А., Исаева Е.Б. Эффективность различных средств теоретической подготовки юных дзюдоистов // Учёные записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2011. № 6 (76). С. 184 – 186.
6. Ширшиков Е.О. Аппаратно-методическое обеспечение комплексного мониторингового контроля в спортивной борьбе // Университетский спорт: здоровье и процветание нации: мат-лы V междунаrod. науч. конф. студентов и молод. ученых: в 2 т. Казань: Поволжская ГАФКСи Т. 2015. Т. 1. С. 209 – 212.
7. Шустин Б.Н. Современная система спортивной подготовки: монография. 2-е изд., с испр. и измен. Москва: Спорт, 2021. 440 с.
8. Шулика Ю.А. Анализ соревновательной деятельности дзюдоистов // Ученые записки университета Лесгафта. 2020. № 5. С. 123 – 127.
9. Müller L. Biomechanics of Throws in Judo // Journal of Human Kinetics. 2022. Vol. 81. P. 15 – 23.
10. Franchini E. Judo Training: Energy Systems and Performance // International Journal of Sports Physiology. 2023. Vol. 18 (2). P. 89 – 94.

References

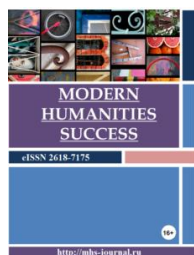
1. Ivanov S.N., Petrov V.G. Methodology for developing explosive strength in judokas using rubber shock absorbers. Theory and practice of physical education. 2020. No. 5. P. 34 – 38.
2. Latypov I.K., Khamidullina G.F. On the training program for young judokas at the sports and health stage. Theory and practice of physical education. 2018. No. 12. P. 84.
3. Morozov A.V. The influence of interval training on the special endurance of judokas. Physical education: upbringing, education, training. 2023. No. 2. P. 45 – 49.
4. Sidorov A.K., Mikhailov V.V. The influence of special strength exercises on the effectiveness of hip throws. Scientific notes of the P.F. Lesgaft. 2021. No. 3. P. 112 – 116.
5. Shakhov A.A., Balbekov P.A., Isaeva E.B. Efficiency of various means of theoretical training of young judokas. Scientific notes of P.F. Lesgaft University. 2011. No. 6 (76). P. 184 – 186.
6. Shirshchikov E.O. Hardware and methodological support for comprehensive monitoring control in wrestling. University sport: health and prosperity of the nation: materials of the V international. scientific conf. students and young scientists: in 2 volumes. Kazan: Povolzhskaya GAFKSi T. 2015. T. 1. P. 209 – 212.
7. Shustin B.N. Modern system of sports training: monograph. 2nd ed., with corrections and changes. Moscow: Sport, 2021. 440 p.
8. Shulika Yu.A. Analysis of competitive activity of judoists. Scientific notes of Lesgaft University. 2020. No. 5. P. 123 – 127.
9. Müller L. Biomechanics of Throws in Judo. Journal of Human Kinetics. 2022. Vol. 81. P. 15 – 23.
10. Franchini E. Judo Training: Energy Systems and Performance. International Journal of Sports Physiology. 2023. Vol. 18 (2). P. 89 – 94.

Информация об авторах

Гвоздков А.Д., аспирант, Московская государственная академия физической культуры, moonskok@mail.ru

Морозов А.П., кандидат педагогических наук, доцент, Московская государственная академия физической культуры, morozov_anton_87@mail.ru

© Гвоздков А.Д., Морозов А.П., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка (педагогические науки)
УДК 796.01

Обзор публикаций по разным аспектам профессионально-прикладной физической культуры и подготовки

^{1,2} Шредер А.Ю., ³ Спатаева М.Х., ² Антонов А.В.,
¹ Омский государственный медицинский университет,
² Омский автобронетанковый инженерный институт,
³ Военный институт физической культуры

Аннотация: профессионально-прикладная физическая культура является важной составляющей для специалистов разных сфер. Физическая подготовка профессионально-прикладной направленности способствует более качественно осуществлять трудовую деятельность, что в свою очередь влияет на экономическую составляющую нашей страны.

В статье рассматривается направленность научных публикаций по профессионально-прикладной физической культуре и профессионально-прикладной подготовке. Проанализированы статьи для разных специальностей и возрастных групп.

Ключевые слова: профессионально-прикладная физическая культура, профессионально-прикладная подготовка, студенты, специалисты

Для цитирования: Шредер А.Ю., Спатаева М.Х., Антонов А.В. Обзор публикаций по разным аспектам профессионально-прикладной физической культуры и подготовки // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 189 – 193.

Поступила в редакцию: 2 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Review of publications on various aspects of professionally applied physical education and training

^{1,2} Schroeder A.Yu., ³ Spataeva M.H., ² Antonov A.V.,
¹ Omsk State Medical University,
² Omsk Armored Engineering Institute,
³ Military Institute of Physical Education

Abstract: professionally applied physical education is an important component for specialists in various fields. Physical training of a professionally applied orientation contributes to a better quality of work, which in turn affects the economic component of our country. The article examines the focus of scientific publications on professionally applied physical culture and professionally applied training. Articles for different specialties and age groups are analyzed.

Keywords: professional and applied physical education, professional and applied training, students, specialists

For citation: Schroeder A.Yu., Spataeva M.H., Antonov A.V. Review of publications on various aspects of professionally applied physical education and training. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 189 – 193.

The article was submitted: April 2, 2025; Approved after reviewing: June 4, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Получая образование в высшем или среднем учебном заведении для успешной профессиональной деятельности студент должен овладеть профессиональными навыками, обладать знаниями, уметь использовать их для решения производственно-практических задач. Чтобы производительность труда была достаточно высокой необходимо развивать и поддерживать уровень профессионально-прикладных физических качеств и применять принципы здорового образа жизни [1].

Развитие современного производства требует внедрения новых методов управления и организации производства. Необходимость работников адаптироваться к постоянно меняющимся условиям научно-технического прогресса требует развитых профессиональных, личностных и физических качеств, которые послужат продуктивной реализации трудовой деятельности, обеспечат высокий уровень готовности к ней [2].

В отличие от профессионально-прикладной физической подготовки (ППФП), профессионально-прикладную физическую культуру невозможно представить в отрыве от духовности, без интеллектуального и воспитательного компонентов в процессе формирования целостной гармоничной личности.

Однако в свете лично-ориентированной парадигмы образования и переоценки значимости физической культуры для развития общества и личности, ППФП не может ограничиваться только формированием профессионально значимых двигательных действий, навыков и способностей. Он должен быть направлена не столько на формиро-

вание знаний и опыта использования физических упражнений в процессе профессиональной деятельности, сколько на формирование с ее помощью профессионально-прикладной физической культуры личности учащегося [2].

У военных и сотрудников органов внутренних дел профессионально-прикладная физическая подготовка является составной частью их трудовой деятельности, необходимой для осуществления основных профессиональных функций.

Цель исследования: анализ основных направлений публикаций в рамках профессионально-прикладной физической культуры и профессионально-прикладной физической подготовки.

Материалы и методы исследований

Был проведен анализ научных публикаций в журналах рекомендованных ВАК по тематике профессионально-прикладная физическая культура на сайте elibrary.ru. Статьи были рассмотрены с 1996 по 2024 года. Было проанализировано 90 статей. Были рассмотрены ключевые слова: «профессионально-прикладная физическая культура» (ППФК) и «профессионально-прикладная физическая подготовка» (ППФП).

Результаты и обсуждения

Физическая подготовка является неотъемлемой частью профессиональной деятельности, и ученые в области военно-профессиональной деятельности изучают и ищут новые подходы для совершенствования тренировочного и образовательного процесса как курсантов, так и военнослужащих. Анализ публикаций выявил большой интерес к изучению ППФП у военных специальностей, что составило 22% от общего числа статей, рис. 1.

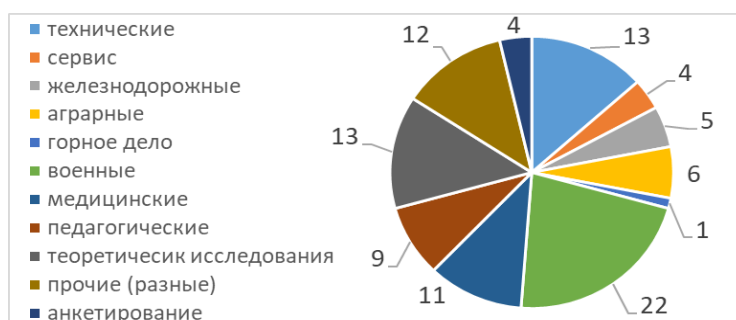

Рис. 1. Процентное соотношение публикаций в различных областях профессиональной деятельности.

Fig. 1. Percentage of publications in various fields of professional activity.

Почти в два раза меньше публикаций по ППФК и ППФП у технических специальностей – 13%, чуть меньше у медицинских – 11% и педагогических – 9%. Для работников сервиса, железнодорожного, аграрного и горного дела наблюдается маленькое количество публикаций, что составило

1-6%, хотя эти специальности, как и другие нуждаются в изучении и совершенствовании данного вопроса. Развитие научно-технологического прогресса в разных сферах деятельности человека требует поиска новых технологий, упражнений с

учётом изменяющихся условий трудовой деятельности.

Теоретические основы, важность, значимость ППФК и подготовки специалистов были рассмотрены в 13% статьях. Учёные в своих статьях обращают внимание на проблему формирования ППФК будущих специалистов в условиях лично-ориентированного образования, разработке концептуальных положений образовательной системы, нормативно-правовые документы, теоретико-методологические позиции ППФК, проблему соотношения общей и ППФК индивида, понятия

ППФК как совокупности социально-обусловленных, биологических и дидактических факторов, взаимосвязь базовых компонентов (собственно биологического, социально-психологического и интеллектуального) [4, 5, 6]. В статьях представлены данные опроса студентов о знании, понимании значимости ППФК (4%).

Анализ публикаций показал высокую активность в изучении влияния новых подходов в ППФК и ППФП на студентов разных специальностей (93%), количество статей по изучению ППФП рабочих специалистов составило всего 7%, рис. 2.

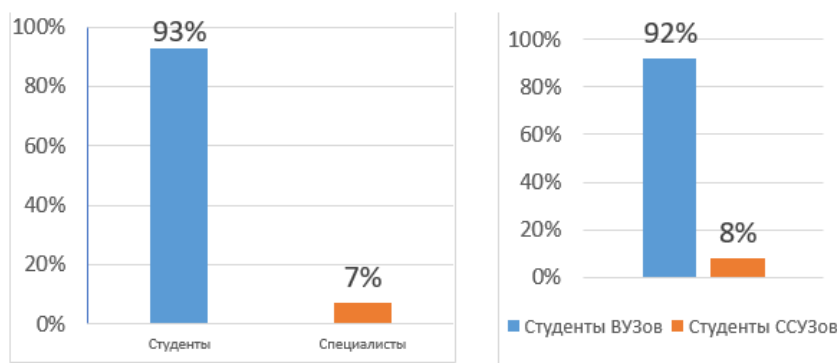

Рис. 2. Рассматриваемые возрастные категории в литературе.

Fig. 2. Age categories considered in the literature.

Исследования студентов вузов составляет 92% и всего 8% студентов ссузов, хотя эти студенты получают рабочие специальности и в большой степени нуждаются в знаниях и навыках применения средств ППФП.

В процессе обучения в вузе авторы предлагают для совершенствования ППФК и ППФП применять профессионально-ориентированные, акмеологические подходы, развивать определенные физические качества (статическую и динамическую выносливость, профессионально-значимые коор-

динационных способности и др.), моторную память. Большое внимание ученые уделяют применению определенного вида спорта или его элементов (плавание, спортивные игры, легкая атлетика и др.) для развития профессионально-прикладных физических качеств с учетом вида профессиональной деятельности. Показано положительное влияние использования в учебном процессе различных элективных курсов по ППФК, в которые входят теоретические и практические занятия, рис. 3.

Рис. 3. Применение теоретических и практических компонентов ППФК и ППФП в образовательном процессе.

Fig. 3. Application of theoretical and practical components of the PPFK and PPF in the educational process.

Актуальность формирования знаний и навыков по ППФП и ППФК, их научное обоснование требует публикационной активности преподавателей, что является одним из ведущих факторов указанной деятельности. Другим фактором публикаци-

онной активности, является научный интерес.

Для специалистов разных сфер осуществляющих трудовую деятельность ученые предлагают средства, программы ППФК учётом возраста, индивидуальных особенностей и условий труда. В

статьях представлены рекомендации для следующих специалистов: нефтегазовой отрасли, строителей, сервиса, машинистов, сотрудников внутренних дел, работников дошкольных образовательных учреждений.

Выводы

Подводя итог анализа научных публикаций можно сделать следующие выводы: направление ППФК и ППФП является актуальным для изучения, учёные ведут поиск новые теоретико-методологические аспекты для дальнейшего развития и совершенствования этого направления.

Высокий интерес проявляется в изучении ППФК и ППФП у военных и специалистов силовых структур, что связано с их основной профессиональной деятельностью.

Небольшой процент исследований наблюдается у технических, медицинских и педагогических специальностей. Необходимо обратить внимание на работников сервиса, железнодорожного, аграрного и горного дела, где наблюдается малое количество исследований, хотя данные специалисты так же нуждаются в подборе средств и методов с учетом трудовой деятельности.

Список источников

1. Мартиросова Т.А., Быкова А.И. Мотивация студентов к занятиям физической культурой в вузах // Актуальные проблемы физической культуры и спорта. Развитие и перспективы: материалы I Международной научно-практической конференции. Секция 1: Актуальные проблемы и пути развития физического воспитания, спорта и туризма в системе образования. Донецк, 2019. С. 215 – 219.
2. Черняев В.В. Образование по физической культуре в высшей школе как гуманитарный феномен // Педагогическое образование и наука. 2010. № 11. С. 11 – 16.
3. Шредер А.Ю., Кайсин А.С., Бакаева А.В., Нечаев А.В. Формирование компетенций здорового образа жизни в процессе обучения студентов в медицинском вузу // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2024. № 3 (229). С. 278 – 282.
4. Моисеева А.Г. От профессионально-прикладной физической подготовленности – формированию профессионально-прикладной физической культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2007. № 3. С. 307 – 310.
5. Чернышенко Ю.К., Медников А.Б., Витютнев Е.Е., Чернышенко К.Ю., Соболев А.Н. Соотношение существенных характеристик феноменов общей физической и профессионально-прикладной физической культуры // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2013. № 4. С. 84 – 87.
6. Ахметов Р.С. Теоретико-методологические основы формирования личностной профессионально-прикладной физической культуры специалиста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2017. № 3 (203). С. 106 – 113.

References

1. Martirosova T.A., Bykova A.I. Motivation of students to engage in physical education in universities. Actual problems of physical education and sports. Development and prospects: materials of the I International scientific and practical conference. Section 1: Actual problems and ways of development of physical education, sports and tourism in the education system. Donetsk, 2019. P. 215 – 219.
2. Chernyaev V.V. Physical education education in higher education as a humanitarian phenomenon. Pedagogical education and science. 2010. No. 11. P. 11 – 16.
3. Shredder A.Yu., Kaisin A.S., Bakaeva A.V., Nechaev A.V. Formation of healthy lifestyle competencies in the process of teaching students in a medical university. Scientific notes of P.F. Lesgaft University. 2024. No. 3 (229). P. 278 – 282.
4. Moiseeva A.G. From professionally applied physical fitness to the formation of professionally applied physical culture. Bulletin of the Adyghe State University. Series: Pedagogy and Psychology. 2007. No. 3. P. 307 – 310.
5. Chernyshenko Yu.K., Mednikov A.B., Vityutnev E.E., Chernyshenko K.Yu., Sobol A.N. Correlation of the essential characteristics of the phenomena of general physical and professionally applied physical culture. Physical Culture, Sport – Science and Practice. 2013. No. 4. P. 84 – 87.
6. Akhmetov R.S. Theoretical and methodological foundations of the formation of personal professional and applied physical culture of a specialist. Bulletin of the Adyghe State University. Series: Pedagogy and Psychology. 2017. No. 3 (203). P. 106 – 113.

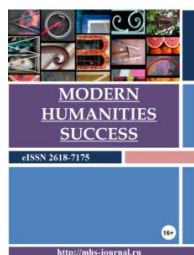
Информация об авторах

Шредер А.Ю., кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой физической культуры, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-5674-4423>, Омский государственный медицинский университет, 644099 Омская обл. г. Омск, Ленина 12; Омский автобронетанковый инженерный институт, 644098, г. Омск, 14 военный городок, ОАБИИ, AShreder@mail.ru

Спатаева М.Х., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-4241-7615>, Военный институт физической культуры, 194044, г. Санкт-Петербург, Большой Сампсониевский проспект, д. 63, spataeva@mail.ru

Антонов А.В., старший преподаватель, Омский автобронетанковый инженерный институт, 644098, г. Омск, 14 военный городок ОАБИИ, madtrr952@yandex.ru

© Шредер А.Ю., Спатаева М.Х., Антонов А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)
УДК 37.013

Наставничество в учреждениях ВОО как фактор перелома демографической ситуации в России

¹ Аникина Э.М., ¹ Ерохина П.В.,
¹ Сибирский государственный университет путей сообщения

Аннотация: в статье рассматривается наставничество в молодежной среде, получающей высшее образование. Значимость исследования эффективности наставничества в настоящее время определяется исключительно негативными демографическими показателями. Приведены данные опросов, проведенных среди российских студентов и, в частности, студентов Сибирского государственного университета путей сообщения, предложены рекомендации по укреплению традиционных семейных ценностей в молодых семьях. Исследование представлений о них в сознании молодежи даст возможность корректировать молодежную политику и просветительскую деятельность в части роста рождаемости.

Ключевые слова: наставничество, семейные ценности, молодежная политика, профилактика спада рождаемости, диалог со студентами

Для цитирования: Аникина Э.М., Ерохина П.В. Наставничество в учреждениях ВОО как фактор перелома демографической ситуации в России // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 194 – 198.

Поступила в редакцию: 2 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Mentoring in institutions of higher education as a factor in the turning point of the demographic situation in Russia

¹ Anikina E.M., ¹ Yerokhina P.V.,
¹ Siberian State Transport University

Abstract: the article examines mentoring among young people receiving higher education. The importance of studying the effectiveness of mentoring is currently determined exclusively by negative demographic indicators. The article presents data from surveys conducted among Russian students and, in particular, students of the Siberian State Transport University, and offers recommendations for strengthening traditional family values in young families. A study of ideas about them in the minds of young people will make it possible to adjust youth policy and educational activities in terms of increasing the birth rate.

Keywords: mentoring, family values, youth policy, prevention of a decline in the birth rate, dialogue with students

For citation: Anikina E.M., Yerokhina P.V. Mentoring in institutions of higher education as a factor in the turning point of the demographic situation in Russia. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 194 – 198.

The article was submitted: April 2, 2025; Approved after reviewing: June 4, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Родители и наставники – это единственная опора для молодых людей в нашем турбулентном обществе. «Воспитание, скромное по наружности

дело, в то же время является одним из величайших дел в истории» [1]. Президент нашей страны цитирует в своих обращениях слова Константина Дмитриевича Ушинского. И мы сегодня возвраща-

емя к традициям воспитания, заложенным этим великим педагогом. Для нашего национального самосознания это так же важно, как и технологическая независимость.

Формировать сознание молодых людей так же важно, как и наращивать темпы экономики. Сейчас российское общество находится в отрицательной точке демографического воспроизводства. Правительство буквально кричит о необходимости увеличения населения нашей страны за счет ее коренных жителей, а не мигрантов. Но воспроизводство населения, а именно рождение детей требует усилий, умения и готовности жертвовать. А мы вырастили поколения потребителей, сознание которых отвергает саму мысль, что нужно поступаться своими интересами. «Зачем? Для чего, ради кого? Сам способ существования потребителя из рыночной эпохи построен на законах выгоды, а жертвовать – это «нерентабельно» [2].

Рождение и воспитание детей – это в любом случае большая самоотдача, и если семья не закладывает в ребенка в свое время жертвенность, то и ожидать перемен в демографической ситуации не стоит. «Однако жертвенность можно привить, и к этому стоит стремиться, в каком бы возрасте человек ни находился. Если он еще молод – есть все шансы «достучаться» до сознания, способствовать в переоценке ценностей» [3]. И этому в значительной степени может помочь наставник учебного заведения.

Материалы и методы исследований

Предметом настоящего исследования служит деятельность кураторов и приглашенных спикеров из общественных организаций по укреплению традиционных российских ценностей в ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения», для получения результатов используются методы анализа информации и эксперимента.

Результаты и обсуждения

В последнее время в российском обществе все большее внимание уделяется укреплению традиционных ценностей как противовес навязываемым со стороны мирового сообщества. Для дальнейшего оперирования терминами «ценности», «традиционные российские ценности» необходимо определить, что мы под этим понимаем. В общечеловеческом смысле ценность – то, что «чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием, почтением» (П. Менцер) [цит. по 4]. Традиционные российские ценности закреплены в Указе Президента Российской Федерации «Об укреплении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных рос-

сийских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 и определяются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны» [5]. Когда мы говорим о переоценке ценностей, мы подразумеваем поворот к формированию и сохранению именно тех российских ценностей, следование которым даст возможность сохранить в нашей стране целостность «русского мира» как единого принципа, лежащего в основе социальной жизни. В числе 17 традиционных ценностей не последнее место занимает понятие крепкой семьи.

Крепкая семья – это основа сильного государства. Традиционная российская семья – это союз мужчины и женщины, дающих рождение большому количеству детей. Многочисленное народонаселение – база для экономического потенциала страны, оплот ее независимости. Но все эти определения остаются теорией, если люди не слышат или не применяют эту информацию по отношению к себе и бездействуют. Кажется, что ситуация изменится за чей-то другой счет. Российские женщины прежде всего ставят себе задачи по саморазвитию, реализуют свои интересы, откладывая рождение ребенка на какое-то время либо спокойно избавляясь от случайно зачатого плода. Мужчины зачастую не отговаривают, либо напрямую сами толкают женщину к такому шагу, будучи мужьями и даже отцами [3]. «Каждая пятая женщина решается на аборт, потому что не встретила поддержки партнера, или он прямо возражал. В каждом десятом случае аборт женщины объясняют желанием отложить появление ребенка на более удобное время или проблемами со здоровьем» [6]. По мнению Н. М. Антufьевой, «мы относимся к тем странам, где прерывание беременности является обычным делом» [7].

Среди россиян распространены два полярных представления об аборте. На это указывает в своей статье Л.Н. Нацун [8]. Согласно первому только женщина вольна решать, оставлять ли ребенка или нет. Второе представление заключается в том, что аборт – это убийство еще нерожденного человека, на каком бы сроке беременности он ни производился.

Одно из исследований, проведенное Р.Н. Киселевой среди рязанских студентов, свидетельствует о том, что «почти 60% опрошенных согласны с утверждением, что аборт – это нормальное явление в современном обществе; 63% не считают, что аборт – это лишение жизни неродившегося человека. Запрет на аборты не поддерживала половина

опрошенных, только 21% респондентов относились к этой идее с одобрением. При этом прослеживалась высокая корреляционная связь между воспитанием в многодетных семьях и поддержкой запрета на аборт» [6]. Таким образом, структура семьи закладывает картину мира, при этом структура многодетной семьи определяет конструктивность жизненной позиции [3].

«Пока не изменится смысловая основа нашего существования – у России не будет шансов. Любые поверхностные меры – это только примочки. Сейчас нужно выиграть время, чтобы не просто перезагрузиться – «перепрограммироваться». Не сделаем этого – только отсрочим итог. Нужно другое образование и воспитание, нужно прекратить поощрять аборт по прихоти, нужно рожать детей и учить их быть людьми, а не потребителями» [2]. И действительно, большая семья должна стать модной, она должна стать нормой. Картина мира у поколения, от которого зависит наш демографический прорыв, изменится тогда, когда мы начнем показывать плюсы большой многодетной семьи и открыто говорить о том, что такая семья – залог личного счастья [3].

Основы семейных ценностей закладываются в детстве в самой семье родителями. Говоря словами героя Фамусова из бессмертной комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», можно достаточно четко иллюстрировать этот доказанный тезис: «Не надобно другого образца, когда в глазах пример отца». При этом роль классного руководителя или студенческого куратора, его личное понимание создавшейся в стране ситуации и путей ее решения также достаточно важна. В 2020 году вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся», акцентирующий внимание преподавателей образовательных учреждений на формирование у обучающихся социокультурных и духовно-нравственных ценностей, а также правил и норм поведения в российском обществе [9]. Принятые и реализуемые в вузах Программы воспитания, входящие по структуре в каждую основную профессиональную образовательную программу, позволили расширить спектр методов взаимодействия со студентами на темы сохранения ценности семьи и важности брачных отношений.

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения» последнее десятилетие ведет большую работу в области наставничества для студентов. Это один из тех вузов, который в непростое время реформации образовательной сферы сохранял и приумножал социально-

патриотическую и духовно-нравственную составляющую в воспитательной работе со студентами. Ежегодно работа кураторов проверяется путем опроса студентов Управлением по молодежной политике и воспитательной деятельности вуза. Данные этого опроса свидетельствуют о том, что нравственные и воспитательные вопросы затрагиваются максимально часто, занимая третью позицию в ответах после организационной и патриотической темы соответственно.

За последние годы накоплен достаточно серьезный опыт по взаимодействию с представителями различных общественных организаций, позволяющий осуществлять информационную и просветительскую деятельность среди молодежи. Большое количество встреч организовывается при участии Новосибирской митрополии Русской православной церкви, Новосибирского областного совета ветеранов, благотворительных фондов и организаций Новосибирска, Центров психологической помощи Новосибирска, партнеров департамента культуры и молодежной политики Новосибирской области. Несколько лет подряд на кураторских часах проводятся встречи студентов с представителями Всероссийского благотворительного фонда «Радость материнства». Сотрудники фонда проводят беседы о семейных ценностях, о значимости отцовства и материнства, а также семинары по обучению специалистов для работы с детьми и молодежью. Они не читают лекции, но разговаривают со студентами, моделируя социальные ситуации и предлагая быстро принимать значимые для всей их жизненной траектории решения. Поднимаемые вопросы заставляют ребят задуматься. Так спикер формирует у них понимание того, что мужчина и женщина несут ответственность за свои действия.

В ноябре 2024 года в Новосибирске состоялся семинар по теме «Формирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей в области семьи, брака и культуры взаимоотношения полов», где широко обсуждались такие смысловые блоки, как подмена ценностей, любовь и счастье, целомудрие, контрацепция, семья, дети и аборт. Кураторы СГУПС приняли участие в семинаре для получения опыта по работе с обучающимися. Отличительной характеристикой данного семинара было мотивированное мнение ведущего спикера и координатора направления «Просвещение» АНО «Спаси жизнь», кандидата социологических наук Константина Шестакова, о том, что каждый молодой человек нуждается в беседе на данные темы, независимо от того, как он ее воспринимает. Большой опыт и аргументированные истории лектора наглядно иллюстрировали про-

блемы и пути, возможные решения, предлагаемые автором семинара. Большим подспорьем в работе для кураторов и учителей является возможность общения и поддержки от «включенного» лектора, а также накопленный методический материал в электронном и бумажном виде, которым щедро делился лектор.

Если рассматривать отдаленные последствия таких диалогов с молодежью, то косвенные результаты наставнической работы можно проанализировать на основании всероссийского опроса «Семья. Семейные ценности студенческой молодежи», проводимого Министерством науки и высшего образования среди молодых людей, обучающихся в учреждениях ВОО с 18 по 31 марта 2024г., и приуроченного к Году семьи. В целом мнение студентов СГУПСа по отношению к семье соответствует общим тенденциям по стране. Но есть определенные моменты, которые дают основания полагать, что проведенная наставниками и спикерами работа дает свои положительные плоды. Так, в реакции на утверждение «Создать крепкую семью – главная задача каждого человека» ответ «Скорее согласен» дали 38% новосибирских студентов, в то время как по России эта цифра составляет всего 35%, а на утверждение «Дети – это смысл жизни» подобный ответ дали 34% новосибирцев против 30% по стране. Определенный интерес также вызывают ответы на вопрос «Когда вы хотели бы вступить в брак?» Всего 31% российских студентов определили этот период как ближайшие 4-5 лет, в то же время у студентов СГУПСа эта цифра составляет 39%, что говорит об их непосредственном желании создать семью.

В ответ на вопрос «Какой самый оптимальный возраст для рождения первого ребенка?» 68% опрошенных студентов СГУПСа назвали временной промежуток между 25 и 29 годами; в целом по России этот возраст предпочтителен для рождения первенца всего лишь у 59% молодых людей. Более поздний возраст 30-35 лет определяется лучшим

для рождения первого ребенка лишь у 6% новосибирцев, у россиян в целом эта цифра составляет 10%. Это говорит о том, что новосибирская молодежь более заинтересована в своевременном создании традиционной семьи. Полный отказ от рождения детей зафиксирован на отметке 7% у представителей СГУПСа, по стране же это убеждение выражено у 10% респондентов.

При этом желание родить ребенка не является мотивирующим моментом в создании семьи для 45% опрошенных студентов российских вузов, а для студентов СГУПСа эта цифра составляет всего 36%. В целом новосибирская молодежь заинтересована в тренингах по семейным отношениям и воспитанию детей (64%!), этот вид мероприятий и проектно-программной деятельности наиболее предпочтителен и занимает первое место в ряду прочих, в то время как у российской молодежи они находятся на третьем месте, уступая целых 30% (!) вышеназванным (34%).

Приведенные данные опроса свидетельствуют о высокой результативности работы наставников и приглашенных спикеров.

Выводы

Сегодня в государстве принимается много инициатив в поддержку семей. Прошедший Год Семьи показал, как сильно политика государства повернулась в приоритетную сторону поддержки семейственности. В этом плане нужна пропаганда семьи. Необходимо вернуть единственную семью как норму жизни и основу бытия, не предавая вниманию молодых людей ничего деструктивного. В образовательные учреждения нужно приглашать многодетных отцов семей, поощрять и поддерживать молодые студенческие семьи, семьи с детьми. По словам К.А. Шестакова, «к теме беседы о многодетности можно перейти от блока ДЕМОГРАФИЯ, поскольку для преодоления демографического кризиса необходимо, чтобы многодетность стала нормой» [10].

Список источников

1. Путин В.В. Материалы заседания государственного совета по вопросу «О повышении роли и престижа педагога и наставника» от 27.12.2023 г. URL: <https://kremlin.ru/events/state-council/73188> (дата обращения: 29.01.2025)
2. Ходаковский А.С. России нужно другое образование и воспитание, нужен человек труда на пьедестале. URL: <https://iarex.ru/fd-all/98517.html> (дата обращения: 08.02.2025)
3. Аникина Э.М. Диалог со студентами как инструмент становления правильных семейных ценностей в сознании молодых людей // Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции «Непрерывное профессиональное образование: теория и практика», 26 июня 2025г.
4. Философский словарь / авт.-сост.: С.Я. Подопрigора, А.С. Подопрigора. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 564 с.
5. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. ОСНОВЫ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

6. Киселева Р.Н. Исследование представлений современной молодежи об абортах // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2023. Т. 11. № 4 (43). С. 365 – 376. Доступно по: <http://humjournal.rzgmu.ru/art&id=586>.
7. Антufьева Н.М. Кровь абортот залила Россию // Газета «Центр Азии». 21-27 июня 2002. № 26.
8. Нацун Л.Н. Здоровье женщин репродуктивного возраста // Социальные, культурные исследования и безопасность. 2020. № 3. С. 167 – 174.
9. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" по вопросам воспитания обучающихся"
10. Шестаков К.А. Формирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей в области семьи, брака и культуры взаимоотношения полов. М.: АНО «Спаси жизнь», 2023. С. 121.

References

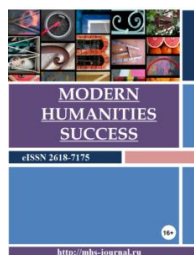
1. Putin V.V. Materials of the meeting of the State Council on the issue "On increasing the role and prestige of the teacher and mentor" dated December 27, 2023. URL: <https://kremlin.ru/events/state-council/73188> (date of access: January 29, 2025)
2. Khodakovsky A.S. Russia needs a different education and upbringing, we need a working man on a pedestal. URL: <https://iarex.ru/fd-all/98517.html> (date of access: February 8, 2025)
3. Anikina E.M. Dialogue with students as a tool for developing correct family values in the minds of young people. Collection of materials of the XIV International scientific and practical conference "Continuous professional education: theory and practice", June 26, 2025.
4. Philosophical dictionary. author-compiler: S. Ya. Podoprighora, A.S. Podoprighora. Rostov-on-Don: Phoenix, 2010. 564 p.
5. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809. BASICS of state policy on the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values.
6. Kiseleva R.N. Study of ideas of modern youth about abortions. Personality in a changing world: health, adaptation, development. 2023. Vol. 11. No. 4 (43). P. 365 – 376. Available at: <http://humjournal.rzgmu.ru/art&id=586>.
7. Antufyeva N.M. Blood of abortions flooded Russia. Newspaper "Center of Asia". June 21-27, 2002. No. 26.
8. Natsun L.N. Health of women of reproductive age. Social, cultural research and security. 2020. No. 3. P. 167 – 174.
9. Federal Law of July 31, 2020 No. 304-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation" on the issues of upbringing of students"
10. Shestakov K.A. Formation of traditional Russian spiritual and moral values in the field of family, marriage and culture of gender relations. Moscow: ANO "Save Life", 2023. P. 121.

Информация об авторах

Аникина Э.М., кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана факультета «Бизнес-информатика» по МП и ВД, Сибирский государственный университет путей сообщения, elina_anikina200@mail.ru

Ерохина П.В., ведущий специалист по молодежной политике и воспитательной деятельности, Сибирский государственный университет путей сообщения, uvsr@sgups.stu.ru

© Аникина Э.М., Ерохина П.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.5. Теория и методика спорта (педагогические науки)
УДК 796.355

Анализ результативности атакующих действий команд XXXI Чемпионата России по хоккею с мячом

¹ Быков А.В.,

¹ Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация: в статье представлены результаты количественного анализа атакующих действий мужских команд XXXI Чемпионата России (Суперлига) по хоккею с мячом за первый круг сезона 2022–2023 (первый круг). На основе анализа игровых показателей 14 команд были определены общие показатели результативности и их временное распределение в течение матча. Исследование выявило значительные различия в результативности между командами: от 2,15 до 7,76 гола за матч при среднем показателе по лиге 4,56 гола. Анализ временных параметров реализации голевых ситуаций показал неравномерное распределение результативности в течение игры: наибольшая активность зафиксирована в последние 15 минут матча (20,8% от общего количества голов) и в первые 15 минут (16,6%), минимальная – в интервале 30–45 минут (14,2%). Установлено преобладание результативности во втором тайме (53,9%) над первым (46,1%). Лидеры чемпионата демонстрируют равномерное распределение голов между таймами, что свидетельствует о высоком уровне физической выносливости и тактической подготовки. Результаты исследования могут быть использованы для оптимизации тренировочного процесса, разработки тактических схем и повышения эффективности атакующих действий команд элитного уровня.

Ключевые слова: хоккей с мячом, атакующие действия, результативность, временные параметры, соревновательная деятельность, анализ игры, спортивная команда, тактическая подготовка

Для цитирования: Быков А.В. Анализ результативности атакующих действий команд XXXI Чемпионата России по хоккею с мячом // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 199 – 204.

Поступила в редакцию: 3 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Analysis of the effectiveness of attacking actions of teams of the XXXI Russian Championship in bandy

¹ Bykov A.V.,

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Abstract: the article presents the results of a quantitative analysis of attacking actions of men's teams in the XXXI Russian Championship (Super League) in bandy for the first round of the 2022–2023 season (first round). Based on the analysis of game performance indicators of 14 teams, general productivity indicators and their temporal distribution during matches were determined. The study revealed significant differences in productivity between teams: from 2.15 to 7.76 goals per match with an average league indicator of 4.56 goals. Analysis of temporal parameters for goal situation implementation showed uneven distribution of productivity throughout the game: the highest activity was recorded in the last 15 minutes of the match (20.8% of total goals) and in the first 15 minutes (16.6%), while the minimum was in the 30–45 minute interval (14.2%). The predominance of productivity in the second half (53.9%) over the first half (46.1%) was established. Championship leaders demonstrate even distribution of goals between halves, which indicates a high level of physical endurance and tactical preparation. The research results can be used to optimize the training process, develop tactical schemes, and improve the effectiveness of attacking actions of elite-level teams.

Keywords: bandy, attacking actions, productivity, temporal parameters, competitive activity, game analysis, sports team, tactical preparation

For citation: Bykov A.V. Analysis of the effectiveness of attacking actions of teams of the XXXI Russian Championship in bandy. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 199 – 204.

The article was submitted: April 3, 2025; Approved after reviewing: June 5, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В науке о спорте одной из ключевых задач является оценка соревновательной деятельности команд с целью выявления их сильных и слабых сторон и оптимизации тренировочного процесса [5, 6, 8]. Современный хоккей с мячом характеризуется высокой интенсивностью и динамичностью игры, требующей от спортсменов максимальной реализации технико-тактического потенциала в условиях жесткой конкуренции и временных ограничений [1, 4, 7, 9, 10].

Анализ атакующих действий команд является важным компонентом оценки эффективности наступательной стратегии и определения факторов, влияющих на результативность [2, 3]. Исследование подобных показателей позволяет оценить эффективность атакующей стратегии команд в динамике соревновательного процесса и выявить закономерности распределения голевых ситуаций в зависимости от временных интервалов игры. Особое значение приобретает анализ временных параметров реализации атакующих действий, поскольку это позволяет выявить критические периоды игры и разработать целенаправленные тактические решения.

Цель исследования - провести количественный анализ атакующих действий мужских команд XXXI Чемпионата России (Суперлига) по хоккею с мячом в сезоне 2022-2023 и выявить закономерности временного распределения результативности в течение матча.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на основе анализа соревновательной деятельности 14 мужских команд, участвовавших в первом круге XXXI Чем-

пионата России (Суперлига) по хоккею с мячом среди мужских команд в сезоне 2022-2023. Общий объем выборки составил данные по всем играм первого круга чемпионата.

Методы исследования: педагогическое наблюдение за соревновательной деятельностью, анализ официальных протоколов игр, статистический анализ показателей результативности, математическая обработка данных с использованием методов описательной статистики.

Анализировались следующие показатели: общее количество забитых голов за игру и за сезон, средняя результативность команды за матч, распределение голов по таймам (первый и второй тайм), временные параметры реализации голевых ситуаций по 15-минутным интервалам (0-15, 15-30, 30-45, 45-60, 60-75, 75-90 минут), сравнительный анализ результативности между командами различного уровня подготовки.

Статистическая обработка данных включала расчет средних арифметических значений, процентного распределения показателей и сравнительный анализ результативности команд по различным временным параметрам.

Результаты и обсуждения

В рамках проведенного исследования представлен количественный анализ атакующих действий команд XXXI Чемпионата России (Суперлига) по хоккею с мячом за первый круг сезона 2022-2023. Данные анализа демонстрируют значительные различия в результативности между командами, а также позволяют сделать выводы о закономерностях их соревновательной деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Показатели атакующих действий в играх первого круга XXXI Чемпионата России (Суперлига) среди мужских команд в сезоне 2022-2023 по хоккею с мячом.

Table 1

Attacking performance indicators in the first round games of the XXXI Russian Championship (Super League) among men's teams in the 2022-2023 bandy season.

№	Команды	Средняя результативность за первый круг в матче	Всего голов	1 тайм	2 тайм
1	СКА-Нефтяник	7,61	99	49	50
2	Кузбасс	6,84	89	44	45
3	Водник	6,07	79	38	41
4	Динамо	7,76	101	42	59

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

5	Енисей	5,3	69	38	31
6	Волга	4,07	53	27	26
7	Байкал-Энергия	5,3	69	32	37
8	АК Барс-Динамо	2,92	38	21	17
9	Старт	3,3	43	19	24
10	Мурман	3,38	44	17	27
11	Кировец	2,69	35	16	19
12	Уральский Труб- ник	2,84	37	14	23
13	Сибсельмаш	3,53	46	14	32
14	Родина	2,15	28	12	16
		В среднем 4,56	830	383	447

Наибольшую результативность продемонстрировала команда «Динамо», которая забила 101 гол, что соответствует среднему показателю 7,76 гола за матч. Несколько уступает ей команда «СКА-Нефтяник» с результатом 99 голов (7,61 гола в среднем за матч). Примечательно, что результативность данной команды равномерно распределена между первым и вторым таймами (49 и 50 голов соответственно), что свидетельствует о высоком уровне физической и тактической подготовки игроков. Средний показатель результативности по лиге составил 4,56 гола за матч, что подтверждает высокий уровень атакующей игры большинства команд и их конкурентоспособность.

На основании полученных данных можно сделать вывод, что наиболее успешные команды, такие как «Динамо» и «СКА-Нефтяник», отличаются

стабильной результативностью на протяжении всего матча, что указывает на их высокий уровень физической выносливости, тактической гибкости и способности поддерживать высокий темп игры. Средний показатель результативности в лиге (4,56 гола за матч) может быть использован в качестве ориентировочного уровня эффективности атакующих действий для команд элитного уровня.

Анализ временных параметров реализации голевых ситуаций, представленный в табл. 2, позволяет выявить ключевые закономерности результативности команд XXXI Чемпионата России (Суперлига) по хоккею с мячом сезона 2022-2023. На основании полученных данных можно сделать ряд выводов, значимых как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Таблица 2

Временные параметры реализации голевых ситуаций в играх первого круга XXXI Чемпионата России (Суперлига) среди мужских команд в сезоне 2022-2023 по хоккею с мячом.

Table 2

Time parameters for the implementation of goal situations in the games of the first round of the XXXI Russian Championship (Super League) among men's teams in the 2022-2023 season in bandy.

№	Команды	Всего голов	1 тайм			2 тайм		
			0-15 ми- нута	15-30 минута	30-45 минута	45-60 минута	60-75 минута	75-90 минута
1	СКА-Нефтяник	99	21	17	11	12	20	18
2	Кузбасс	89	14	12	18	16	7	22
3	Водник	79	17	17	4	13	12	16
4	Динамо	101	13	13	16	17	18	24
5	Енисей	69	18	6	14	6	14	11
6	Волга	53	7	10	10	10	7	9
7	Байкал-Энергия	69	14	10	8	16	9	12
8	АК Барс-Динамо	38	10	8	3	5	6	6
9	Старт	43	5	9	5	7	6	11
10	Мурман	44	5	4	8	7	9	11
11	Кировец	35	2	7	7	6	7	6

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

12	Уральский Трубник	37	5	6	3	7	7	9
13	Сибсельмаш	46	4	4	6	11	10	11
14	Родина	28	3	4	5	5	5	6
Итого		830 голов	138	127	118	138	137	172
В процентном соотношении		100 %	16,6 %	15,3 %	14,2 %	16,6 %	16,5 %	20,8 %

Прежде всего, следует отметить, что наибольшая результативность зафиксирована в последние 15 минут матча (75-90 минуты), когда было забито 172 гола, что составляет 20,8 % от общего числа забитых мячей. Это, вероятно, связано с усилением атакующей активности команд в заключительной фазе игры, а также с усталостью обороняющихся игроков, что создает дополнительные возможности для создания голевых моментов. Кроме того, высокий показатель результативности в первые 15 минут игры (138 голов или 16,6 %) подчеркивает важность стартового напора и быстрой адаптации команд к игровым условиям.

Интересно, что минимальная результативность наблюдается в промежутке 30-45 минут, когда команды забили всего 118 голов, что составляет 14,2%. Этот спад может быть обусловлен тактическими перестроениями и снижением активности перед перерывом, когда команды стремятся сохранить ресурсы для второй половины игры.

Сравнительный анализ результативности между таймами демонстрирует, что во втором тайме (447 голов, 53,9 %) команды забивают больше, чем в первом (383 гола, 46,1 %). Это свидетельствует о возрастании атакующей активности после перерыва, что, вероятно, связано с тактическими корректировками, проведенными тренерами, и ростом напряженности матча. Динамика результативности по временным интервалам подтверждает эти выводы: в первом тайме распределение голов относительно равномерное (16,6% в первые 15 минут, 15,3% во втором интервале, 14,2% в последнем), тогда как во втором тайме отчетливо выделяется финальный отрезок с его 20,7% голов.

Научно обоснованные выводы из анализа таблицы 2 акцентируют внимание на значении ключевых периодов игры. Высокая результативность в последние минуты матча подчеркивает необходимость развития физической выносливости и психологической устойчивости игроков, так как именно в этом временном интервале зачастую решается исход игры. Аналогично, высокий процент голов в начале матча свидетельствует о значении

тщательной подготовки к активному старту, включающей проработку тактических схем и стратегии быстрого нападения.

Выводы

На основе проведенного количественного анализа атакующих действий мужских команд XXXI Чемпионата России (Суперлига) по хоккею с мячом в сезоне 2022-2023 в первом круге можно сделать следующие выводы:

1. Выявлены значительные различия в результативности между командами элитного дивизиона. Разброс показателей составил от 2,15 до 7,76 гола за матч, что свидетельствует о существенной дифференциации уровня атакующего мастерства команд. Средний показатель результативности по лиге (4,56 гола за матч) может служить ориентировочным критерием эффективности атакующих действий для команд высшего уровня.

2. Установлена неравномерность распределения результативности в течение матча. Наибольшая концентрация голевых ситуаций зафиксирована в заключительные 15 минут игры (20,8% от общего количества голов), что подтверждает критическое значение финальной стадии матча для определения его исхода. Высокая активность в первые 15 минут (16,6%) указывает на важность качественного стартового периода.

3. Выявлен феномен снижения результативности в середине первого тайма (30-45 минуты – 14,2% голов), что может быть обусловлено тактическими перестроениями команд и психологическими факторами подготовки к перерыву.

4. Подтверждено преобладание результативности во втором тайме (53,9%) над первым (46,1%), что свидетельствует о возрастании атакующей активности после тактических корректировок в перерыве и усилении напряженности игры во второй половине матча.

5. Лидирующие команды демонстрируют более равномерное распределение голов по таймам, что является индикатором высокого уровня физической выносливости, тактической гибкости

и способности поддерживать стабильную результативность на протяжении всего матча.

6. Временные закономерности реализации атакующих действий имеют практическое значение для планирования тренировочного процесса. Необходимость акцентированной работы над физической выносливостью для поддержания активности в заключительной фазе игры и развитие способности к быстрому игровому старту должны стать приоритетными направлениями подготовки.

7. Полученные данные подтверждают необходимость системного подхода к анализу соревно-

вательной деятельности с учетом не только общих показателей результативности, но и их временного распределения для разработки целенаправленных тактических и физических программ подготовки команд элитного уровня.

Результаты исследования могут быть использованы тренерами и специалистами по спортивной подготовке для оптимизации тренировочных программ, разработки тактических схем и повышения эффективности атакующих действий команд по хоккею с мячом.

Список источников

1. Галицын С.В., Зиганшин О.З., Чилигин Д.В. и др. Функциональное состояние игроков команды по хоккею с мячом "СКА – Нефтяник-2005" в подготовительном периоде // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 1 (191). С. 43 – 46. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2021.1.p43-46.

2. Зиганшин О.З., Попов П.Д., Гришин Д.Е. Динамика результативности угловых ударов команды "СКА – Нефтяник" в матчах чемпионата России по хоккею с мячом среди команд суперлиги в спортивном сезоне 2020-2021 годов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 1 (203). С. 124 – 127. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.1.p124-127

3. Зиганшин О.З., Попов П.Д., Мариненко М.В. Результативность ударов в ворота игроками сборной команды России на Чемпионатах мира по хоккею с мячом // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36. С. 1487 – 1490.

4. Иванова С.Ю., Воеводский С.А. Методика обучения технике катания в хоккее с мячом на этапе начальной подготовки // Успехи гуманитарных наук. 2024. № 5. С. 314 – 318. DOI 10.58224/2618-7175-2024-5-314-318

5. Ключникова С.Н., Малофеев А.Ю., Немытов Д.Н. Анализ соревновательной деятельности юных спортсменов в хоккее с мячом // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2016. Т. 11. № 3. С. 16 – 22. DOI 10.14526/01_1111_120

6. Малофеев А.Ю., Ключникова С.Н., Швецова Т.В. Критерии подготовленности юных спортсменов в хоккее с мячом на предсоревновательном этапе // Теория и практика физической культуры. 2021. № 2. С. 62 – 64.

7. Малофеев А.Ю., Илькин А.Н., Немытов Д.Н. Хоккей с мячом на этапе спортивного долголетия // Поволжский педагогический поиск. 2020. № 1 (31). С. 109 – 114. DOI 10.33065/2307-1052-2020-1-31-109-114.

8. Пальчикова Н.Ю., Добровольский С.С., Гончар Е.А. Моделирование подготовки юных игроков в хоккее с мячом // Теория и практика физической культуры. 2017. № 7. С. 72 – 74.

9. Попов П.Д. Динамика функционального состояния игроков команды по хоккею с мячом "СКА – Нефтяник-2005" г. Хабаровска в годичном цикле // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 1 (203). С. 321 – 324. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.1.p321-324.

10. Ходкевич В.А., Чумичев А.В., Бойко Ю.И. и др. Техничко-тактическая деятельность вратарей студенческих команд по хоккею с мячом // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 11 (189). С. 537 – 540. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2020.11.p537-540

References

1. Galitsyn S.V., Ziganshin O.Z., Chiligin D.V., et al. Functional state of the players of the SKA-Neftyanik-2005 bandy team in the preparatory period. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2021. No. 1 (191). P. 43 – 46. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2021.1.p43-46.

2. Ziganshin O.Z., Popov P.D., Grishin D.E. Dynamics of the effectiveness of corner kicks of the SKA – Neftyanik team in matches of the Russian Bandy Championship among super league teams in the 2020-2021 sports season. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2022. No. 1 (203). P. 124 – 127. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.1.p124-127

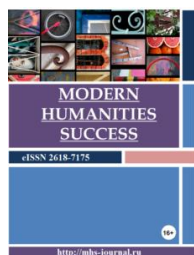
3. Ziganshin O.Z., Popov P.D., Marinenko M.V. The effectiveness of shots on goal by players of the Russian national team at the Bandy World Championships. Innovations. Science. Education. 2021. No. 36. P. 1487 – 1490.

4. Ivanova S.Yu., Voevodsky S.A. Methods of teaching skating technique in bandy at the initial training stage. *Successes of the Humanities*. 2024. No. 5. P. 314 – 318. DOI 10.58224/2618-7175-2024-5-314-318
5. Klyuchnikova S.N., Malofeev A.Yu., Nemytov D.N. Analysis of competitive activity of young athletes in bandy. *Pedagogical, psychological and medical-biological problems of physical education and sports*. 2016. Vol. 11. No. 3. P. 16 – 22. DOI 10.14526/01_1111_120
6. Malofeev A.Yu., Klyuchnikova S.N., Shvetsova T.V. Criteria for the readiness of young athletes in bandy at the pre-competition stage. *Theory and practice of physical education*. 2021. No. 2. P. 62 – 64.
7. Malofeev A.Yu., Ilkin A.N., Nemytov D.N. Bandy at the stage of sports longevity. *Volga region pedagogical search*. 2020. No. 1 (31). P. 109 – 114. DOI 10.33065/2307-1052-2020-1-31-109-114
8. Palchikova N.Yu., Dobrovolsky S.S., Gonchar E.A. Modeling the training of young players in bandy. *Theory and practice of physical education*. 2017. No. 7. P. 72 – 74.
9. Popov P.D. Dynamics of the functional state of the players of the SKA-Neftyanik-2005 bandy team from Khabarovsk in the annual cycle. *Scientific Notes of P.F. Lesgaft University*. 2022. No. 1 (203). P. 321 – 324. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.1.p321-324.
10. Khodkevich V.A., Chumichev A.V., Boyko Yu.I. et al. Technical and tactical activities of goalkeepers of student bandy teams. *Scientific Notes of P.F. Lesgaft University*. 2020. No. 11 (189). P. 537 – 540. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2020.11.p537-540

Информация об авторе

Быков А.В., кандидат педагогических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, av.bykov@narfu.ru

© Быков А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)
УДК 37.013.42

Поворот китайской дисциплины «Иностранные языки и литература» в сторону регионоведения и страноведения: движущие силы, современное состояние и перспективы

¹ Ван До,
¹ Даляньский университет иностранных языков, Китай

Аннотация: цель данной статьи – системный анализ стратегического поворота китайской дисциплины «Иностранные языки и литература» в сторону регионоведения и страноведения. В статье в первую очередь рассматриваются тройственные движущие силы этого поворота: потребности национальной стратегии, внутреннее развитие дисциплины и давление со стороны технологических изменений. Далее анализируется современное состояние практической деятельности в таких областях, как реструктуризация учебных программ и инновации в исследовательских парадигмах, а также указываются существующие структурные противоречия. Основной тезис статьи заключается в том, что дисциплина «Иностранные языки и литература», опираясь на свои уникальные многоязычные компетенции и глубокую гуманитарную методологию интерпретации, активно способствует обогащению системы производства знаний в области регионоведения. Эта трансформация является не просто пассивной реакцией дисциплины на кризис, но и её активным выбором в новом историческом контексте, направленным на внесение ключевого вклада в построение суверенной китайской системы знаний о регионах и странах и на повышение международного авторитета китайского дискурса.

Ключевые слова: иностранные языки и литература, регионоведение и страноведение, трансформация дисциплины, методологическое обогащение, китайская система дискурса

Для цитирования: Ван До Поворот китайской дисциплины «Иностранные языки и литература» в сторону регионоведения и страноведения: движущие силы, современное состояние и перспективы // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 205 – 213.

Поступила в редакцию: 4 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

The turn of the Chinese discipline of “Foreign Languages and Literature” toward area studies: driving forces, current state, and prospects

¹ Wang Duo,
¹ Dalian University of Foreign Languages, China

Abstract: this article provides a systematic analysis of the strategic turn of the Chinese discipline of Foreign Languages and Literature toward Area Studies. The article first examines the threefold driving forces behind this turn: the demands of national strategy, the discipline's internal development, and the impetus from technological change. It then analyzes the current state of practice in areas such as curriculum restructuring and innovations in research paradigms, while also highlighting existing structural contradictions. The article's core thesis is that the discipline of Foreign Languages and Literature, by leveraging its unique multilingual competencies and profound humanistic methodology of interpretation, is actively enriching the system of knowledge production within Area Studies. This transformation is not merely a passive reaction to crisis but an active choice in a new historical context, aimed at making a crucial contribution to the construction of a sovereign Chinese knowledge system for Area Studies and enhancing the international standing of Chinese discourse.

Keywords: foreign languages and literature, area studies, disciplinary transformation, methodological enrichment; Chinese discourse system

For citation: Wang Duo The turn of the Chinese discipline of “Foreign Languages and Literature” toward area studies: driving forces, current state, and prospects. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 205 – 213.

The article was submitted: April 4, 2025; Approved after reviewing: June 5, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В настоящее время китайская дисциплина «Иностранные языки и литература» (далее – «лингвистическая дисциплина») переживает глубокую парадигмальную революцию, ключевым признаком которой является стратегический поворот в сторону регионоведения и страноведения. В 2022 году Комитет по присуждению учёных степеней при Госсовете КНР и Министерство образования КНР совместно опубликовали новую редакцию каталога научных специальностей, в которой «Регионоведение и страноведение» было официально добавлено в качестве дисциплины первого уровня (код 1407) в категорию междисциплинарных наук. Это не только утвердило её стратегическое значение для удовлетворения насущных потребностей государства, но и предоставило беспрецедентные возможности для развития и институциональные гарантии для лингвистической дисциплины, которая долгое время являлась важной силой в области регионоведческих исследований [9]. Данный поворот не является изолированной внутренней перестройкой, а представляет собой закономерный результат совокупного воздействия факторов национального развития, академической эволюции и эпохальных перемен. Он направлен на то, чтобы ответить на два ключевых вопроса: во-первых, как в новых исторических условиях лингвистическая дисциплина может преодолеть традиционное «инструментальное» позиционирование и переосмыслить свою внутреннюю ценность и социальную функцию как «познавательной» дисциплины?

Во-вторых, как уникальные многоязычные компетенции, методологии внимательного чтения (close reading) и межкультурной интерпретации, присущие лингвистической дисциплине, могут эффективно обогатить исследования в области регионоведения, обеспечивая способность к глубокому культурному дешифрованию и тем самым восполняя возможные когнитивные «слепые зоны» в традиционных социально-научных исследованиях? В данной статье утверждается, что поворот лингвистической дисциплины является её активной инновацией, направленной на реализацию гуманитарного потенциала и переформатирование субъектности, и имеет незаменимое значение для построения регионоведения с китайской спецификой, китайским стилем и китайским духом.

Материалы и методы исследований

Цель данного исследования – изучить предпосылки, текущее положение и перспективы развития регионоведения в КНР на фоне развития дисциплин в области иностранных языков и литературы. Исследование основывается на методах литературного обзора и качественного анализа.

Результаты и обсуждения

1. Движущие силы: тройственный импульс от национальной стратегии, кризиса дисциплины и технологического давления

Поворот лингвистической дисциплины в сторону регионоведения и страноведения по своей сути является результатом синергетического действия трех факторов: внешнего притяжения со стороны потребностей национальной стратегии, внутреннего давления, вызванного необходимостью переосмысления ценности дисциплины, и стимулирующего воздействия технологических изменений. Эти три фактора тесно переплетены и формируют стратегическую движущую силу, способствующую трансформации дисциплины от «языкового инструмента» к «производству знаний».

(А) Национальная стратегия: насущная потребность в преодолении «когнитивного разрыва»

Изменение глобальной роли Китая породило стратегическую зависимость от знаний в области регионоведения и страноведения. В рамках инициативы «Один пояс, один путь», охватывающей 152 страны с совокупными инвестициями, превысившими 2 трлн долларов США (по состоянию на 2025 год), китайские компании, выходящие на зарубежные рынки, всё чаще сталкиваются с рисками, связанными с культурным комплаенсом, такими как религиозные табу на Ближнем Востоке или трудовое законодательство в странах Юго-Восточной Азии [15]. Однако существующие в нашей стране исследования в области регионоведения страдают от серьезного дисбаланса в региональном охвате: 43% исследовательских центров по страноведению сосредоточены на развитых странах Европы и Америки, в то время как совокупная доля центров, изучающих Африку и Латинскую Америку, составляет менее 30%, а количество исследовательских институтов по Центральной Азии – всего 7%. Этот значительный «когнитивный разрыв» напрямую ограничивает эффективность реализации национальных страте-

гий [19]. Например, в международных школах Юго-Восточной Азии уровень проникновения китайских образовательных программ составляет менее 5%, что значительно ниже культурно-экспортного потенциала, демонстрируемого европейскими и американскими образовательными системами [1]. В этом контексте лингвистическая дисциплина, обладающая мощной многоязычной базой (например, Пекинский университет иностранных языков уже охватывает официальные языки всех 101 страны, с которыми Китай установил дипломатические отношения) и глубокими возможностями межкультурной интерпретации, становится ключевой силой для построения незападноцентричной системы знаний и служения национальным интересам. Официальное включение регионоведения в качестве дисциплины первого уровня в категорию междисциплинарных наук Комитетом по присуждению учёных степеней в 2022 году является институциональным ответом на насущную потребность в создании этой «стратегической когнитивной инфраструктуры».

(Б) Внутренний кризис дисциплины: прорыв от «подготовки навыков» к «производству знаний»

Традиционная лингвистическая дисциплина сталкивается с двойным ценностным барьером, что заставляет её искать парадигмальный прорыв в сторону регионоведения. С одной стороны, существует серьёзный разрыв между фактическим позиционированием дисциплины и её исследовательской парадигмой. Хотя около 72% вузов страны относят курсы по регионоведению к факультетам иностранных языков, их содержание по-прежнему в основном ориентировано на тренировку языковых навыков и лишено глубокого анализа политико-экономических систем, религиозных и геополитических структур изучаемых стран. Курсы типа «Обзор культуры региона» часто сводятся к поверхностному знакомству с обычаями [2]. Также очевидно несоответствие между академическими результатами и потребностями государственной политики: прикладные результаты, такие как доклады аналитических центров (think tanks), составляют лишь около 12% от общего объема научных работ в лингвистической дисциплине, что ставит многих преподавателей перед дилеммой между «давлением публикационных показателей» и «спросом на политико-ориентированные услуги». С другой стороны, политические установки создали институциональные возможности для модернизации дисциплины. С 2013 года, когда Комитет по присуждению учёных степеней включил «Страноведение и регионоведение» в число пяти основных направлений исследований в рамках лингвистической дисциплины, и

до официального повышения статуса регионоведения до дисциплины первого уровня в 2022 году, путь развития стал ясен. Министерство образования, создав по всей стране 453 исследовательских центра по регионоведению, стремится интегрировать ресурсы и способствовать переходу лингвистической дисциплины от разрозненных индивидуальных исследований к систематизированному производству знаний [3]. Например, Институт регионоведения и страноведения Хэнаньского педагогического университета, опираясь на созданный им «Корпус переводов по международным делам», проводит глубокий анализ механизмов взаимодействия между культурой Центральных равнин Китая и цивилизациями Центральной Азии, что является ярким примером стремления дисциплины к переходу от инструментальной к познавательной парадигме [11].

(В) Эффект технологического давления: реструктуризация жизненного пространства под влиянием ИИ

Хотя искусственный интеллект (ИИ) не является главной движущей силой этого поворота, он, благодаря своему свойству «созидательного разрушения», значительно катализировал процесс трансформации дисциплины. Точность машинного перевода уже превысила 92% (на примере DeepL, данные за 2025 год), что привело к сокращению базовых должностей письменных переводчиков примерно на 40%. Это вынуждает лингвистическую дисциплину пересмотреть цели подготовки кадров – перейти от обучения низкоуровневым навыкам языкового преобразования к формированию компетенций более высокого порядка, требующих человеческого интеллекта, таких как «постредактирование» и «адаптация культурного контента» [6].

В то же время развитие вычислительной лингвистики и обработки естественного языка (NLP), основанных на данных, в определенной степени сужает академическое пространство традиционных гуманистических исследований. Например, зрелое применение таких технологий, как синхронный перевод от Baidu, заставляет лингвистическую дисциплину активно интегрировать инструменты ИИ для проведения междисциплинарных исследований, таких как анализ тональности политических текстов, или же концентрироваться на областях глубокого культурного дешифрования, которые в ближайшее время трудно заменить машинами. Кроме того, системы виртуальных преподавателей, такие как LingTutor, начинают брать на себя часть базовых задач по языковой подготовке, что способствует трансформации роли преподавателя-человека из «языкового тренера» в

«культурного дешифратора» и «стратегического аналитика» [12]. Инновационные практики, такие как созданные в Пекинском университете иностранных языков практикумы по многоязычному устному переводу «1+N», являются активным ответом на эту тенденцию. По сути, технологический удар обесценивает стандартизируемые навыки, тем самым вынуждая лингвистическую дисциплину сосредоточиться на вершинах человеческого интеллекта: межкультурной эмпатии, критической интерпретации и производстве стратегических знаний.

2. Современное состояние: практика методологического обогащения и структурные противоречия

Поворот лингвистической дисциплины в сторону регионоведения и страноведения, стимулируемый как национальными стратегиями, так и внутренними преобразованиями дисциплины, уже развернулся в полной мере. Ключевой характеристикой этого процесса является инновационное обогащение гуманитарной методологией: посредством глубокого переноса методов литературной критики, стратегического применения межкультурной интерпретации и критического анализа многоязычных исторических источников, лингвистическая дисциплина привносит в регионоведческие исследования незаменимую гуманитарную проницательность [7]. Например, анализ мотивов семейной судьбы и исторических циклов в латиноамериканской литературе «магического реализма» раскрывает, как колониальная травма формирует коллективные психологические мотивы общественных движений в Латинской Америке. Такой путь интерпретации, от текстовой метафоры к анализу национальной специфики, восполняет когнитивные «слепые зоны» позитивистских исследований в отношении глубинных культурных структур. Аналогичным образом, российские вузы через курс «Невербальная коммуникация» декодируют жесты и пространственную дистанцию в дипломатическом протоколе, превращая культурные символы в инструменты стратегического анализа, что демонстрирует способность лингвистической дисциплины к дешифровке поведенческой логики.

Тем не менее, практика трансформации постоянно сталкивается со структурными противоречиями, обусловленными размытым позиционированием дисциплины и институциональным отставанием. Около 72% исследовательских центров по регионоведению в стране аффилированы с факультетами иностранных языков, что, хотя и облегчает доступ к языковым ресурсам, затрудняет достижение подлинной междисциплинарной инте-

грации. Учебные программы демонстрируют явную фрагментарность: в большинстве вузов курсы «Обзор культуры региона» по-прежнему ограничиваются знакомством с обычаями, а ключевые модули, такие как политэкономический анализ и методы полевых исследований, недостаточно глубоки. По своей сути, позиционирование лингвистической дисциплины и регионоведения еще не определено четко: первая фокусируется на изучении истории, культуры и национального характера с гуманитарной точки зрения, в то время как вторая должна охватывать комплексные аспекты, включая политику, экономику и военное дело [4]. Это различие в позиционировании приводит к тому, что подготовка кадров оказывается в «тисках» между «укреплением языковых навыков» и «междисциплинарной интеграцией», не формируя целостной системы. Более глубокое противоречие проистекает из несоответствия механизмов оценки. Действующая система академической оценки по-прежнему ориентирована на публикации в научных журналах, в то время как прикладные результаты, такие как доклады аналитических центров и политические рекомендации, имеют недостаточный вес при аттестации на научные звания. Институциональные противоречия далее порождают реальные трудности в виде ресурсных барьеров и дисциплинарного протекционизма. Механизм распределения ресурсов в рамках традиционной структуры факультетов серьезно ограничивает устойчивость междисциплинарного сотрудничества. Типичный пример показывает, что три факультета одного из университетов проекта «985» дублировали создание региональных платформ больших данных, и из-за отсутствия механизма совместного использования коэффициент использования оборудования составил менее 40%; отсутствие механизма взаимного признания кредитов мешает студентам изучать ключевые курсы, такие как количественный анализ в политологии и антропологические методы полевых исследований [5]. Эти противоречия, по сути, являются неизбежным продуктом опережающего развития трансформации дисциплины по сравнению с институциональным проектированием: на организационном уровне вертикальная модель управления «университет-факультет-кафедра» не соответствует матричной структуре сотрудничества, необходимой для междисциплинарных наук, а борьба за ресурсы между факультетами усугубляет дисциплинарные барьеры; на уровне критериев оценки инерция дисциплинарно-ориентированной оценки игнорирует интегративную ценность междисциплинарных исследований, о чем свидетельствует провал попытки одного из вузов внедрить «метод

раздельного признания вклада» из-за споров о распределении весовых коэффициентов между факультетами [18]; в плане ресурсного обеспечения ограничения по кодам дисциплин в традиционных каналах финансирования, таких как Национальный фонд естественных наук Китая, ставят междисциплинарные проекты в затруднительное положение «ни рыба, ни мясо», а долгосрочные полевые исследования трудно поддерживать из-за нестабильности финансирования [17].

3. Перспективы: построение пути с китайской спецификой на основе «взаимного обогащения»

Поворот лингвистической дисциплины в сторону регионоведения требует, чтобы в центре внимания были теоретическая самостоятельность, сквозная подготовка кадров и институциональная синергия, с целью построения пути с китайской спецификой на основе «взаимного обогащения» дисциплины и национальной стратегии. Этот путь подчеркивает как миссию производства знаний для служения построению китайской системы дискурса, так и интерактивную логику, при которой потребности национальной практики обогащают содержание дисциплины, в конечном итоге достигая благотворного цикла «интерпретировать мир с помощью китайского дискурса и возвышать теорию с помощью китайской практики».

(А) Интеграция дисциплинарной системы: от «междисциплинарности» к «глубокой интеграции»

Теоретические инновации являются основной движущей силой построения дисциплинарной системы. Лингвисты-ученые должны выйти за рамки западноцентричного нарратива конфликтов и, опираясь на концепцию «Сообщества единой судьбы человечества», создавать локализованные академические парадигмы. Предложенная профессором Лю Хунью «парадигма региональных исследований, основанная на взаимном обучении цивилизаций», является образцовым примером: через анализ исторического обмена технологиями и религиозного диалога на «Шелковом пути» китайская философия «гармонии и единства» (хэ-хэ) встраивается в аналитическую рамку регионоведения, раскрывая логику развития, основанную на симбиозе, а не на противостоянии цивилизаций [10]. Такие парадигмы преодолевают презумпцию игры с нулевой суммой в традиционных региональных исследованиях и обеспечивают этическое обоснование участия Китая в глобальном управлении.

Исследовательская практика должна способствовать глубокой интеграции гуманитарных методов и социально-научной рациональности.

Например, часто встречающийся в современной литературе Юго-Восточной Азии мотив «споров о религиозной политике» может быть проанализирован с помощью способности литературной критики к дешифровке метафор, чтобы выявить стоящие за изменениями политики колебания общественных настроений и тревоги, связанные с идентичностью сообществ; в сочетании с институциональным анализом политологии это позволяет прогнозировать социальное сопротивление религиозным реформам и пути адаптации политики. Такие исследования преобразуют микроскопические прозрения, полученные в результате внимательного чтения текста, в макростратегическое прогнозирование, достигая диалектического единства гуманистической теплоты и научной рациональности. Институциональная реформа является залогом глубокой интеграции. Слабо аффилированные с факультетами иностранных языков «исследовательские центры» должны трансформироваться в независимые «институты регионоведения и страноведения», чтобы сломать барьеры в распределении ресурсов между дисциплинами. Создание Хэнаньским педагогическим университетом самостоятельного Института регионоведения и страноведения объединило многоязычные корпуса факультета иностранных языков, пограничные архивы исторического факультета и базу данных по международным отношениям факультета политологии для совместного создания специальной исследовательской платформы «Взаимное обучение цивилизаций Центральных равнин и Центральной Азии» [13]. Такие институты реорганизуют академические ресурсы, ориентируясь на проблемы, что позволяет междисциплинарному сотрудничеству перейти от формального пересечения к содержательной интеграции.

(Б) Сквозная подготовка кадров: построение модели «трехступенчатых компетенций»

Подготовка кадров должна следовать логической цепочке «языковая основа – углубленная специализация в области – практическая трансформация», формируя ступенчатую модель компетенций. Базовый уровень компетенций фокусируется на двойном углублении языковых способностей и навыков культурного дешифрования, требуя от студентов не только владения языком изучаемой страны, но и способности анализировать культурное бессознательное, стоящее за религиозными ритуалами, интернет-сленгом, устной историей семьи и другими символическими системами. Например, курс «Китайско-немецкая невербальная коммуникация» в Университете Тунцзи, анализируя ритм жестов и предпочтения в пространственной дистанции немецких политиков,

обучает студентов улавливать скрытые политические сигналы в дипломатической обстановке.

Профессиональный уровень компетенций подчеркивает глубокую связь между региональными знаниями и тематическими вопросами. Необходимо внедрять модульные курсы, такие как «Энергетическая геополитика Центральной Азии» и «Цифровое управление в Юго-Восточной Азии», для развития у студентов способности к системному анализу конкретных стратегических вопросов. Разработанная Фуданьским университетом «База данных кейсов по рискам трансграничных инвестиций» превращает реальные примеры выхода китайских компаний на рынки Юго-Восточной Азии в учебные материалы, направляя студентов на анализ реальных проблем с различных точек зрения, таких как правовое соответствие, культурные конфликты и управление общественным мнением. Такие курсы выходят за рамки общих обзоров регионов и поддерживают точность стратегических оценок с помощью «специализированных карт знаний» [8].

Практический уровень компетенций сосредоточен на содействии локальной трансформации знаний в стратегические действия. Студенты должны быть глубоко вовлечены в практические области, такие как локализация управления китайскими предприятиями и проекты международного вещания на местах. Проект «Переводя Хэнань» Хэнаньского педагогического университета является примером: студенты участвуют в переводе на арабский язык археологических отчетов по городу Эрлитоу, одновременно исследуя когнитивные искажения арабской аудитории в восприятии нарратива китайской цивилизации, и в конечном итоге разрабатывают «Руководство по межкультурной адаптации археологического дискурса», которое напрямую служит стратегии «выхода вовне» культуры Центральных равнин [13]. Такая практика встраивает академическую подготовку в контекст национальных потребностей, делая подготовку кадров живым источником «взаимного обогащения».

(В) Инновации в механизмах обеспечения: институциональная синергия и экологическая перестройка

Преодоление дисциплинарных барьеров требует системных инноваций на институциональном уровне. В механизмах оценки следует создать систему двойной сертификации «академической и политической», признавая академическую ценность таких результатов, как доклады аналитических центров, политические рекомендации и полевые дневники. Пилотная система аттестации «представительная работа + вехи», внедренная в

Цзилиньском аграрном университете, признает результаты, полученные преподавателем в рамках правительственного проекта «Оценка рисков продовольственной безопасности в Северо-Восточной Азии», в качестве ключевого показателя для продвижения по службе, что эффективно решает проблему дихотомии между «академическим продвижением» и «служением государству» [8].

Интеграция ресурсов требует создания междисциплинарных платформ совместного использования. Пекинский университет иностранных языков создал пул научных руководителей по системе «множественного научного руководства», отобрав 18 докторантов-руководителей с двойной аффилиацией для формирования междисциплинарной команды из политологов, антропологов и лингвистов, которые совместно создают базу данных «Предупреждение о религиозных рисках в рамках инициативы ‘Один пояс, один путь’», обеспечивая межотраслевой обмен данными и методологиями [20]. Такие платформы с помощью механизмов совместного использования устраняют ресурсную раздробленность между факультетами, превращая синергию дисциплин из лозунга в операционную парадигму.

Построение экосистемы требует налаживания синергетической цепочки «правительство-бизнес-академия». Чжэцзянский университет иностранных языков предложил ценностную ориентацию «четырех центров»: ориентация на ядро национальной стратегии, центр социальных потребностей, болевые точки предприятий и основу благосостояния народа. Через трансформацию результатов аналитических центров, индивидуальное обучение для предприятий, распространение культуры в сообществах и другие каналы, университет усилил социальную встроенность дисциплины. Такая экосистема включает академическое производство в жизненный цикл национального развития, делая поворот лингвистической дисциплины в сторону регионоведения опорной интеллектуальной инфраструктурой для подъема великой державы [20].

Суть пути «взаимного обогащения» с китайской спецификой заключается в повышении национального дискурсивного потенциала за счет академической самостоятельности и в обогащении теоретических инноваций за счет национальной практики. Когда лингвисты-ученые из строк и между строк романов Юго-Восточной Азии дешифруют социальные волнения, вызванные религиозной политикой, когда студенты в рамках проекта «Переводя Хэнань» перестраивают международный нарратив китайской цивилизации, когда доклады аналитических центров превращают по-

левые дневники в барьер от рисков для выходящих на зарубежные рынки предприятий – тогда регионоведение и страноведение выходят за пределы традиционных дисциплин, становясь «мостом смыслов», соединяющим Китай и мир, академическую науку и практику, гуманитарные науки и стратегию.

Выводы

Таким образом, поворот китайской дисциплины «Иностранные языки и литература» в сторону регионоведения и страноведения по своей сути представляет собой скачок в ценностном статусе дисциплины, осуществленный в новом историческом контексте и опирающийся на её глубокие преимущества в области гуманитарной методологии. Это не просто пассивная адаптация, а активное действие. В этом процессе ключевой вклад лингвистической дисциплины заключается в том, что она, благодаря своей уникальной способности к внимательному чтению текста и культурному

дешифрованию, восполняет возможные культурные «слепые зоны» в традиционных позитивистских исследованиях и способствует переходу регионального познания от «описания явлений» к «глубокой интерпретации».

Конечной целью этого поворота является служение построению суверенной китайской системы знаний. Как сказал ученый Цянь Чэндань: «Основная миссия регионоведения и страноведения заключается в построении системы знаний с китайской спецификой, а не в простом копировании западных парадигм [14]». Посредством основной локальной практики лингвистическая дисциплина предоставляет незаменимый методологический фундамент для этой исторической миссии. Это касается не только будущего одной дисциплины, но и того, как Китай, на основе глубокого понимания мира, сможет более эффективно рассказывать миру китайские истории и распространять голос Китая.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного совета по стипендиям КНР (CSC) в рамках проекта по двустороннему обмену с МГИМО(У). № 202407130063

Список источников

1. Ван Чуньхуэй Истоки, современное состояние и тенденции исследований в области международного китайского образования в контексте регионоведения // Вестник Гуйчжоуского педагогического университета (издание по общественным наукам). 2024. № 05. С. 33 – 43.
2. Ван Шуайдун Исследование страноведения и регионоведения в рамках дисциплин иностранных языков и пути подготовки кадров: на основе двойной перспективы истории дисциплины и реформы образования // Исследования иностранных языков Северо-Восточной Азии. 2025. Т. 13. № 1. С. 26 – 33, 48.
3. Ван Юйвэй, Лю Бэй Сравнительный анализ путей развития регионоведения и страноведения и строительства соответствующих дисциплин в китайских вузах // Регионоведческие исследования Нанкинского университета. 2024. № 03. С. 219 – 256, 265 – 266.
4. Го Г. Укрепление развития междисциплинарных направлений для глубокого служения стратегии создания сильной образовательной державы. URL: <http://edu.people.com.cn/n1/2025/0520/c1006-40483958.html> (дата обращения: 08.02.2025)
5. Жэнь Сяо Война, мир и история развития регионоведения и страноведения // Исследования международных отношений. 2023. № 04. С. 3 – 20, 155.
6. Замедление в языковом секторе: многогранный взгляд. URL: <https://csa-research.com/Blogs-Events/Blog/The-Language-Sector-Slowdown-A-Multifaceted-Outlook> (дата обращения: 08.03.2025)
7. Ли Ц. Содействие междисциплинарной интеграции: что мы можем сделать? URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202409/t20240927_5787508.shtml (дата обращения: 08.03.2025)
8. Ли Ю. Обеспечение гарантий для междисциплинарной интеграции через системные институциональные инновации. URL: <https://www.cahe.edu.cn/site/content/18059.html> (дата обращения: 08.03.2025)
9. Люй Пин, Ма Жохань Исследование стратегического пути развития «регионоведения и страноведения» в местных университетах иностранных языков // Исследования иностранных языков Северо-Восточной Азии. 2025. Т. 13. № 1. С. 34 – 48.
10. Лю Хунъю Цели и пути продвижения регионоведения и страноведения с китайской спецификой // Университет и дисциплина. 2022. Т. 3. № 3. С. 46 – 63.

11. Официально открыт Институт регионоведения и страноведения Хэнаньского педагогического университета, создающий центр междисциплинарных исследований для служения национальной стратегии. URL: <https://www.henan.gov.cn/2025/05-24/3161574.html> (дата обращения: 08.03.2025)
12. Сунь М., Чэнь Я. Исследование искусственного интеллекта для расшифровки тайн языка. URL: https://cssn.cn/skgz/202501/t20250116_5835473.shtml (дата обращения: 08.03.2025)
13. Состоялось открытие Института регионоведения и страноведения Хэнаньского педагогического университета. URL: <http://www.ha.xinhuanet.com/20250525/f3cb73d8e51d4508a29361bf12b1e03c/c.html> (дата обращения: 08.03.2025)
14. Цянь Чэндань, Инь Жуюй Эволюция и перспективы регионоведения и страноведения в Китае // Дайджест общественных наук. 2024. № 12. С. 69 – 71.
15. Чжай К. В чем заключаются ключевые вопросы регионоведения и страноведения в Китае? URL: <https://www.igcu.pku.edu.cn/info/1026/3793.htm> (дата обращения: 08.03.2025)
16. Чан Цзюньюэ Исследование и осмысление системы учебных программ для подготовки кадров в области регионоведения и страноведения по специальности иностранных языков // Иностранные языки в Китае. 2024. Т. 21. № 6. С. 17 – 25.
17. Чжан Г. Увеличение финансирования и совершенствование политики стимулирования для более естественной междисциплинарной интеграции. URL: <http://finance.people.com.cn/n1/2022/0306/c1004-32367480.html> (дата обращения: 08.03.2025)
18. Чэнь Цзе Построение дисциплины «Иностранные языки и литературы» и «Регионоведение и страноведение»: связи, преимущества и вызовы // Фуданьский форум по иностранным языкам и литературам. 2023. № 03. С. 110 – 114.
19. Юэ Ц., Дун С. Комплексное продвижение регионоведения и страноведения под руководством дисциплин иностранных языков. URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202308/t20230817_5679776.shtml (дата обращения: 08.03.2025)
20. 17 мая 2025 года в Чжэцзянском педагогическом университете состоялась Всекитайская конференция по развитию дисциплины «Регионоведение и страноведение» в вузах. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/?__biz=MzAwNDU1NTA0Ng==& (дата обращения: 08.03.2025)

References

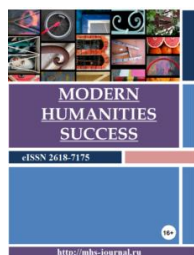
1. Wang Chunhui The Origins, Current Status, and Trends of Research in the Field of International Chinese Education in the Context of Regional Studies. Bulletin of Guizhou Normal University (social science publication). 2024. No. 05. P. 33 – 43.
2. Wang Shuaidong The Study of Regional Studies and Regional Studies in the Framework of Foreign Language Disciplines and the Path of Personnel Training: Based on the Dual Perspective of the History of the Discipline and Education Reform. Foreign Language Studies in Northeast Asia. 2025. Vol. 13. No. 1. P. 26 – 33, 48.
3. Wang Yuwei, Liu Bei Comparative Analysis of the Development Paths of Regional Studies and Regional Studies and the Construction of Relevant Disciplines in Chinese Universities. Regional Studies of Nanjing University. 2024. No. 03. P. 219 – 256, 265 – 266.
4. Guo G. Strengthening the Development of Interdisciplinary Directions to Deeply Serve the Strategy of Building a Strong Education Power. URL: <http://edu.people.com.cn/n1/2025/0520/c1006-40483958.html> (date of access: 08.02.2025)
5. Ren Xiao War, Peace and the History of the Development of Regional Studies and Country Studies. International Relations Studies. 2023. No. 04. P. 3 – 20, 155.
6. Slowdown in the Language Sector: A Multifaceted View. URL: <https://csa-research.com/Blogs-Events/Blog/The-Language-Sector-Slowdown-A-Multifaceted-Outlook> (date of access: 08.03.2025)
7. Li Q. Promoting Interdisciplinary Integration: What Can We Do? URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202409/t20240927_5787508.shtml (date of access: 08.03.2025)
8. Li Y. Ensuring Interdisciplinary Integration through Systemic Institutional Innovation. URL: <https://www.cahe.edu.cn/site/content/18059.html> (date of access: 08.03.2025)
9. Lu Ping, Ma Ruohan Research on the Strategic Development Path of "Regional Studies and Country Studies" in Local Foreign Language Universities. Foreign Language Studies in Northeast Asia. 2025. Vol. 13. No. 1. P. 34 – 48.

10. Liu Hongwu Goals and Paths for Promoting Regional Studies and Country Studies with Chinese Characteristics. University and Discipline. 2022. Vol. 3. No. 3. P. 46 – 63.
11. The Institute of Regional Studies and Country Studies of Henan Normal University was officially opened, creating a center for interdisciplinary research to serve the national strategy. URL: <https://www.henan.gov.cn/2025/05-24/3161574.html> (date of access: 03.08.2025)
12. Sun M., Chen Ya. Research on Artificial Intelligence to Decipher the Mysteries of Language. URL: https://cssn.cn/skgz/202501/t20250116_5835473.shtml (date of access: 03.08.2025)
13. The Institute of Regional and Country Studies of Henan Normal University was opened. URL: <http://www.ha.xinhuanet.com/20250525/f3cb73d8e51d4508a29361bf12b1e03c/c.html> (date of access: 08.03.2025)
14. Qian Chengdan, Yin Ruyu Evolution and Prospects of Regional Studies and Country Studies in China. Digest of Social Sciences. 2024. No. 12. P. 69 – 71.
15. Zhai K. What are the Key Issues of Regional Studies and Country Studies in China? URL: <https://www.igcu.pku.edu.cn/info/1026/3793.htm> (date of access: 08.03.2025)
16. Chang Junyue Research and understanding of the curriculum system for training personnel in the field of regional studies and country studies in the specialty of foreign languages. Foreign languages in China. 2024. Vol. 21. No. 6. P. 17 – 25.
17. Zhang G. Increasing funding and improving incentive policies for more natural interdisciplinary integration. URL: <http://finance.people.com.cn/n1/2022/0306/c1004-32367480.html> (date of access: 08.03.2025)
18. Chen Jie Construction of the discipline "Foreign Languages and Literatures" and "Regional Studies and Country Studies": connections, advantages and challenges. Fudan Forum on Foreign Languages and Literatures. 2023. No. 03. P. 110 – 114.
19. Yue Q., Dong S. Comprehensive promotion of regional studies and country studies under the guidance of foreign language disciplines. URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202308/t20230817_5679776.shtml (date of access: 08.03.2025)
20. On May 17, 2025, the All-China Conference on the Development of the Discipline of "Regional and Country Studies" in Universities was held at Zhejiang Normal University. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzAwNDU1NTA0Ng==& (date of access: 08.03.2025)

Информация об авторе

Ван До, аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-4521-7382>, Даляньский университет иностранных языков, Китай, duflduo1998@gmail.com

© Ван До, 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
(педагогические науки)
УДК 37.015.6

К вопросу участия в конкурсе проектов школьного инициативного бюджетирования сельских школ Республики Крым по итогам 3-х лет (на примере Ленинского и Первомайского районов)

¹ Анюхина И.А., ¹ Макуха Ю.Н.,

¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Аннотация: статья посвящена анализу причин участия/неучастия образовательных организаций сельских районов Республики Крым в конкурсе проектов школьного инициативного бюджетирования (далее – ШКИБ), на примере Ленинского и Первомайского районов, очерчены контуры социальной активности и социальной апатии. Пассивное отношение, нежелание школ принимать участие в проектах школьного инициативного бюджетирования является распространённой проблемой и не зависит от региона, численности города или структуры населения. Каждая образовательная организация имеет возможность улучшить инфраструктуру школы, однако не все ее используют. Авторы ищут ответы на следующие вопросы:

- каковы причины отсутствия у администрации школ осознания важности, эффективности и осуществимости улучшения школьной инфраструктуры в соответствии с реальными запросами участников учебно-воспитательного процесса в рамках ШКИБ?

- с чем связана пассивность школьных администраций в организации работы по ШКИБ, если его основная задача - внести позитивные перемены в распределение бюджета образовательной организации?

Ответы на эти вопросы являются одновременно и решением проблемы привлечения граждан к участию в управлении бюджетными средствами для благоустройства территорий, на которых сами же и проживают.

Ключевые слова: школьное инициативное бюджетирование, вовлеченность, субсидия, бюджет, проектная деятельность, конкурс

Для цитирования: Анюхина И.А., Макуха Ю.Н. К вопросу участия в конкурсе проектов школьного инициативного бюджетирования сельских школ Республики Крым по итогам 3-х лет (на примере Ленинского и Первомайского районов) // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 214 – 221.

Поступила в редакцию: 5 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

On the issue of participation in the competition of school initiative budgeting projects for rural schools of the Republic of Crimea based on the results of 3 years (using the example of Leninsky and Pervomaisky districts)

¹ Anyukhina I.A., ¹ Makukha Yu.N.,

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Abstract: the article analyzes the reasons for the participation / non-participation of educational organizations in rural areas of the Republic of Crimea in the competition of school initiative budgeting projects (hereinafter referred to as SchIB), using the example of Leninsky and Pervomaisky districts, outlines the contours of social activity and social apathy. The passive attitude and unwillingness of schools to participate in school initiative budgeting projects is a common problem and does not depend on the region, the size of the city or the population structure. Every educational organization has the opportunity to improve the school's infrastructure, but not all use it. The authors are looking for answers to the following questions:

- what are the reasons for the school administration's lack of awareness of the importance, effectiveness and feasibility of improving school infrastructure in accordance with the real demands of participants in the educational process within the framework of the school system?

- what is the reason for the passivity of school administrations in organizing work on the school budget, if its main task is to make positive changes in the allocation of the budget of the educational organization?

The answers to these questions are at the same time a solution to the problem of attracting citizens to participate in the management of budgetary funds for the improvement of the territories in which they themselves live.

Keywords: school initiative budgeting, engagement, subsidy, budget, project activity, contest

For citation: Anyukhina I.A., Makukha Yu.N. On the issue of participation in the competition of school initiative budgeting projects for rural schools of the Republic of Crimea based on the results of 3 years (using the example of Leninsky and Pervomaisky districts). Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 214 – 221.

The article was submitted: April 5, 2025; Approved after reviewing: June 5, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Для того, чтобы в стране росла численность сознательных и ответственных молодых граждан, активно участвующих в принятии решений и способных влиять на развитие общества, критически важны инновационные инструменты и механизмы гражданского участия. Голос таких граждан должен быть услышан, а их мнение – учтено. Школьное инициативное бюджетирование является одним из таких эффективных инструментов. В рамках данной программы школьники учатся формулировать и развивать идеи, разрабатывать проекты, реально необходимые школе в настоящее время, учатся эффективно общаться и работать в команде. Важно подчеркнуть, что процесс школьного инициативного бюджетирования вдохновляет и вовлекает граждан с раннего возраста, начиная со школьной скамьи, к участию в общественных делах на локальном уровне.

Таким образом, изучение степени вовлеченности, понимание основных причин неучастия общеобразовательных организаций Республики Крым в практике школьного инициативного бюджетирования представляет собой особый интерес.

Материалы и методы исследований

Отечественные ученые и исследователи Куприянов Б.В. [1, 2, 3], Карпова Е.М., Шевелёв М.А., Возняк С. А. [3], Филиппова Н.М., Кураколов М.В. [1, 4], Вагин В.В. [1] и другие занимаются теоретическими и методическими вопросами внедрения, анализа и реализации практик школьного инициативного бюджетирования в Российской Федерации. По мнению авторов, включение инициативного бюджетирования в проектную деятельность школьников, в рамках учебного предмета «Индивидуальный проект», может значительно усилить его воспитательный потенциал и формировать все направления функциональной грамотности, необходимые для эффективной деятельности в современных реалиях. Воспитательный потенциал ШКИБ высок благодаря его комплексности. В рамках каждого проекта инициативного

бюджетирования можно сосредоточиться только на одном аспекте воспитания или же попытаться реализовать широкий спектр возможностей, которые он предоставляет. Развитие практики школьного инициативного бюджетирования – это развитие и интеграция механизмов повышения финансовой грамотности школьников и функциональной грамотности в целом в соответствии с задачей вовлечения максимального количества граждан в принятии бюджетных решений. В Республике Крым ШКИБ развивается всего 3 года, охватывает только сельские районы, однако, первые общие выводы уже можно сделать.

Цель статьи – на примере двух из 14 сельских районов Республики Крым – Ленинского и Первомайского – выявить причины отказа участвовать в ШКИБ отдельных образовательных организаций.

Результаты и обсуждения

Конкурс проектов школьного инициативного бюджетирования был впервые запущен в 2023 году в Республике Крым с целью вовлечения школьного сообщества в принятие решений, позволяющих изменить к лучшему инфраструктуру школы. Главным распорядителем бюджетных средств по предоставлению субсидий выступило Министерство образования, науки и молодежи РК.

В Республике Крым разработана собственная нормативная база в отношении ШКИБ, где прописаны следующие важные пункты:

- размер субсидии на поддержку одного проекта составляет не более 350 тыс. руб;
- обязательным условием является софинансирование проекта со стороны бюджета муниципального района в сумме не менее 5% от стоимости проекта;
- на конкурсный отбор в республиканскую комиссию от одной школы может быть представлен только один проект в год;
- основными участниками разработки и реализации проектов наряду с администрациями школ, органами местного самоуправления и советами обучающихся (проект от каждой школы отбирает-

ся на основе общешкольного голосования) являются обучающиеся 8-11 классов школ.

Реализация проектов, основанных на инициативах обучающихся в муниципальных общеобразовательных организациях, на уровне Республики Крым, регламентируется нормами Закона Республики Крым от 29.05.2020 № 77-ЗРК/2020 «Об инициативном бюджетировании в Республике Крым» [5], Постановлениями Совета министров РК от 16.10.2020 № 658 «О некоторых вопросах реализации инициативного бюджетирования на терри-

тории Республики Крым» [6] и от 30.08.2021 № 501 «Об утверждении Порядка предоставления и распределения субсидий из бюджета Республики Крым бюджетам муниципальных образований Республики Крым на софинансирование проектов инициативного бюджетирования в Республике Крым» [7].

По итогам 3-х лет – с 2023 по 2025 – в конкурсе проектов ШКИБ участие приняли большинство школ от каждого из 14 сельских районов республики (табл. 1).

Таблица 1

Итоги развития школьного инициативного бюджетирования в Республике Крым с 2023 по 2025 год.

Table 1

Results of the development of school participatory budgeting in the Republic of Crimea from 2023 to 2025.

Год	Число сельских школ в РК	Число поданных на конкурс проектов	В % от количества школ	Число проектов-победителей	В %	Общая стоимость, млн руб
2023	335	204	60,9	197	96,6	66,1
2024	335	286	85,4	220	76,9	77,0
2025	335	290	86,6	236	81,4	88,0
Итого:	X	778	X	653	83,9	231,1

В предварительных обсуждениях на общешкольных собраниях приняли участие более 33 тысячи старшеклассников, которые за это время успели подготовить около 1500 инициатив (проектов) на выбор своих сверстников. В результате победителями стали 653 проекта на общую сумму 231,1 млн руб., в том числе субсидия из бюджета республики составила 209,9 млн руб [8].

На примере Ленинского и Первомайского районов Республики Крым рассмотрим показатели участия в конкурсе проектов школьного инициативного бюджетирования от общего числа школ в муниципальном районе. В Ленинском муниципальном районе 28 общеобразовательных организаций, в Первомайском районе – 18 (табл. 2).

Таблица 2

Участие в конкурсе проектов школьного инициативного бюджетирования школ Ленинского и Первомайского районов Республики Крым.

Table 2

Participation in the competition of projects of school initiative budgeting of schools of Leninsky and Pervomaysky districts of the Republic of Crimea.

Районы/ Годы	Ленинский район – 28 школ		Первомайский район – 18 школ	
	Школ-участниц: подано проектов/победило проектов	В % ко всем школам района	Школ-участниц: подано проектов/победило проектов	В % ко всем школам района
2023г	7/7	17	9/9	50
2024г	23/17	61	18/14	78
2025г	15/12	43	18	100
Число школ-участниц конкурса в течение 3 лет	15	54	9	50
Число школ-участниц конкурса в течение 2 лет	7	17	9	50
Число школ-участниц конкурса в течение 1 года	7	17	-	-

Анализ статистических данных участия в ШКИБ образовательных организаций двух районов, позволяет сделать вывод о том, что в разных районах республики отношение к участию в ШКИБ различно. Почему так происходит? Можно предположить, опираясь на данные исследований, проводимых в других регионах Российской Федерации [9], что все причины могут быть сведены в 2 большие группы:

- объективные, лежащие в плоскости финансовых отношений, административных решений более высокого уровня и т.д.;
- субъективные, лежащие в плоскости управле-

ния образовательной организацией.

С целью выявления уровня осведомленности о конкурсе, а также определения мотивации и барьеров участия в конкурсе, педагогам и администрациям школ Ленинского (50 респондентов) и Первомайского районов (37 респондентов) был задан вопрос: Каковы, по-вашему мнению, основные причины отсутствия желания участвовать в конкурсе проектов ШКИБ? Участникам было предложено 10 вариантов ответов, один из которых предполагал собственное мнение. Итоги опроса отражены в табл. 3.

Таблица 3

Итоги опроса педагогических работников школ Ленинского и Первомайского районов Республики Крым в отношении участия в конкурсе школьного инициативного бюджетирования.

Table 3

Results of the survey of teaching staff of schools in the Leninsky and Pervomaysky districts of the Republic of Crimea regarding participation in the school participatory budgeting competition.

Каковы, по-вашему мнению, основные причины отсутствия желания участвовать в конкурсе проектов ШКИБ?	Ленинский район		Первомайский район		Итого	
	Ответов	%	Ответов	%	Ответов	%
Всего число опрошенных	50	100	37	100	87	100
1. Отсутствие договоренностей о финансировании проекта со стороны муниципального района	9	18	2	5,4	11	13
2. Пугают требования конкурса	-	-	-	-	-	-
3. Перед оформлением и подачей документов, отчетностью	16	32	1	2,7	17	20
4. Отсутствие гарантии финансирования проекта со стороны РК (риск проиграть)	3	6	4	10,8	7	7
5. Отсутствие активных и заинтересованных кадров в образовательной организации	9	18	2	5,4	11	13
6. Нет необходимости в дополнительном финансировании образовательной организации	-	-	-	-	-	-
7. Отсутствие проблем, связанных с инфраструктурой и комфортом в образовательной организации	-	-	-	-	-	-
8. Отсутствие заинтересованности школьной администрации в школьных инициативах	13	26	4	10,8	17	20
9. Причин нет, есть нежелание что-то менять	-	-	24	64,6	24	27
10. Свой вариант ответа:	-	-	-	-	-	-

Перечисленные в табл. 3 ответы 1,4,6,7 условно можно отнести к объективным причинам; ответы 2,3,5,8,9 – к субъективным.

Условно объединив школы двух районов и ответы лиц, участников/ наблюдателей процесса ШКИБ, получим следующие показатели (Табл.3)

1. На долю объективных причин приходится лишь 20% ответов 87 респондентов двух районов (сложим проценты по номерам ответов 1,4,6,7)

2. 80% ответов приходится на долю субъективных причин 87 респондентов двух представленных районов (сложим проценты по номерам ответов 2,3,4,8,9).

Таким образом, причины отказа от участия в школьном инициативном бюджетировании находятся в основном в плоскости управления образовательными организациями.

Рассмотрим подробнее обе группы причин, начиная с объективных.

1. Отсутствие договоренностей о софинансировании проекта ШКИБ со стороны муниципального района. Софинансирование проекта со стороны бюджета муниципального района не менее 5% от стоимости проекта является обязательным условием в конкурсе проектов школьного инициативного бюджетирования в Республике Крым. Неисполнение данного условия является основанием для отказа в предоставлении субсидии с Республики Крым. Недостаточность бюджетного финансирования, дотационность сельских районов, отсутствие нормативно закрепленных единых подходов к социальной повестке, низкая информатизация, отсутствие устойчивой коммуникации между бизнесом, населением и властью, отсутствие стабильной экспертной и научно-академической поддержки управления и развития регионом, географическая отдаленность от индустриально развитых районов материковой части РФ – все эти аспекты Ленинского муниципального района являются причинами недостаточного софинансирования проектов ШКИБ. В 2023г и 2024г в Первомайском муниципальном районе, так же, как и в Ленинском, географически удаленном, глубоко дотационном, наблюдалась похожая ситуация. В 2025году сотруднику центра изучения гражданских инициатив удалось на обучающих семинарах пояснить выгоду участия в проекте как администрации муниципального района, так и администрациям школ (директорам, заместителям директоров). Несомненно, плюсом в этой ситуации был опыт, пусть и не совсем удачный, участия всех школ Первомайского района в проектах ШКИБ в 2024года.

2. Отсутствие гарантии финансирования проекта ШКИБ со стороны бюджета Республики Крым (в случае проигрыша). Школьное инициативное бюджетирование в Республике Крым – это конкурс проектов. Количество победителей проектов формируется исходя из запланированных средств из республиканского бюджета и автоматического рейтинга проектов на портале Открытый Бюджет Республики Крым. Рейтинг формируется по рангу среди всех поданных проектов ШКИБ по Республике Крым и оценке критериев конкурсного отбора проектов [6].

Среди внутренних, субъективных причин, были выделены следующие (по убыванию):

1. Страх перед оформлением, подачей документов, отчетность. Выбор данного варианта ответа свидетельствует, вероятнее всего, о непонимании процесса проведения конкурса и его требований, отсюда множество документов и процедур подготовки кажутся непреодолимыми и сложными. Возможны также негативный опыт или отсутствие опыта в работе над проектами, возможные дополнительные расходы на консультирование с узкими специалистами в процессе работы над проектом.

2. Отсутствие заинтересованности администрации школы в инициативах, предлагаемых школьниками. Не секрет, что среди педагогов многие критически воспринимают новаторство и изменения, считая, что намеченные школьные инициативы ничего не стоят и практически не осуществимы. Руководители школ могут направлять усилия на разработку инновационных проектов, но не до конца осознают или не умеют оценить комфортность инфраструктуры в соответствии с требованиями и запросами учащихся. Также руководители школ зачастую пытаются склонить к своему видению проекта и педагогов, и учащихся, что приводит к фиктивной деятельности, которая не вызывает интереса у школьников, а внедряется по приказу сверху, без понимания, что именно представляет собой этот процесс.

3. Отсутствие или дефицит на местах активных педагогов, заинтересованных в изменениях, обновлении образовательной инфраструктуры школы. Средний возраст крымских педагогов превышает отметку в 40 лет, при этом четверть учителей, работающих в республиканской системе образования даже старше 50. Такие данные в эфире «Радио Крым» озвучила министр образования, науки и молодежи Крыма В. . Лаврик [10]. Хотя количество молодых учителей до 25 лет растёт, многие из них не задерживаются в профессии надолго из-за низкой оплаты труда, возрастающей

ответственности, ограниченной возможности профессионального роста и большого объема работы.

Также отметим тот факт, что в Первомайском районе более половины отвечавших респондентов – 24 из 37 ответили, что причин неучастия нет, есть нежелание перемен (возможно, усталость, задержанность руководства школы бесконечными ВПР, пробными ОГЭ и ЕГЭ, подготовкой и прове-

дением этих ОГЭ и ЕГЭ и еще массой вопросов, которые необходимо решить в течение учебного года). В Ленинском районе наибольшее количество респондентов отметили причину неучастия – страх перед оформлением, подачей документов, отчетность, рассмотренную подробно выше.

Визуально значимые проблемы для Ленинского района выглядят следующим образом (рис. 1).

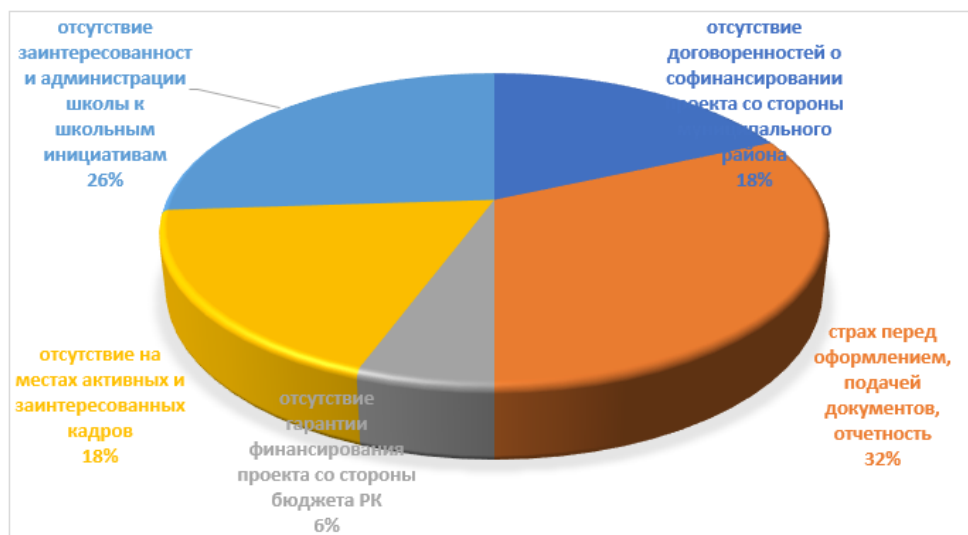

Рис. 1. Причины неучастия школ Ленинского района Республики Крым в школьном инициативном бюджетировании.

Fig. 1. Reasons for non-participation of schools of the Leninsky district of the Republic of Crimea in school participatory budgeting.

В Первомайском районе несколько другая картина причин (рис. 2).

Рис. 2. Причины неучастия школ Первомайского района Республики Крым в школьном инициативном бюджетировании.

Fig. 2. Reasons for non-participation of schools in the Pervomaysky district of the Republic of Crimea in school participatory budgeting.

Обозначенные проблемы на практике имеют свои пути решения, которые нельзя назвать легкими и быстрыми. Исследование показало, что интерес к школьному инициативному бюджетированию среди образовательных учреждений Первомайского и Ленинского района растет при наличии информационных и обучающих мероприятий, проводимых для школ по вопросам ШКИБ Центром изучения гражданских инициатив. Учителя и ученики активно обсуждают возможные идеи и проекты, которые могут быть представлены на конкурс. Это свидетельствует о том, что школьное сообщество районов стремится не только к улучшению своей материально-технической базы, но и к развитию навыков проектной деятельности, что в дальнейшем будет способствовать формированию активной гражданской позиции у подрастающего поколения, а навыки проектной деятельности позволят самостоятельно планировать, составлять бизнес-планы, отстаивать свои интересы, оперировать данными; действовать в ситуациях, ограниченных одним или несколькими факторами.

Выводы

1. Школьное инициативное бюджетирование предполагает самостоятельную, но всесторонне обсужденную со взрослыми (администрацией школы, родителями) инициативу школьников по улучшению инфраструктуры образовательной организации. Однако, инициативы детей зачастую игнорируются взрослыми в силу их собственного понимания первоочередности необходимых изменений. В школах, где администрации, родители и школьники слушают и слышат друг друга, формируется действительно инициативный проект, одинаково интересный всем сторонам учебно-воспитательного процесса. Задача Центра изучения гражданских инициатив освещать такие

проекты, пропагандировать среди администраций образовательных организаций делегирование полномочий по выбору проекта школьникам; объяснять управленцам, что такая ответственная деятельность под контролем взрослых является первым самостоятельным опытом решения действительно значимых задач не только лично для себя, но и для всего школьного сообщества.

2. Для поддержки интереса педагогов к участию в школьном инициативном бюджетировании у администраций школ есть множество рычагов: от благодарностей и грамот, представлению к более высоким наградам, до повышения категории педагогам-новаторам, участвующим неоднократно в инициативном бюджетировании.

3. И администрация школ, и администрации районов, несомненно, осознают выгоду участия в ШКИБ: образовательные организации получают средства вне запланированного на год бюджета, что укрепляет материально-техническую базу школы, создает новые образовательные пространства и возможности для сельских школьников.

4. Инициативное бюджетирование, формируя ответственное и равнодушное отношение к своей школе у обучающихся, тем самым способствует осознанию важности процесса проявления гражданской инициативы: и во время общественных слушаний законов, и на выборах разных уровней, и в социальных процессах на территории сельских поселений, районов и республики в целом. Ведь однажды проявив инициативу и получив результат, человек осознает, что он может и главное – понимает, как прийти к нужному результату.

Список источников

1. Куприянов Б.В., Вагин В.В., Кураколов М.В., Филиппова Н.М. Школьное инициативное бюджетирование в общеобразовательных организациях Российской Федерации: учебно-методическое пособие. М.: Издательство ООО «Сам Полиграфист», 2021. 52 с.: ил.
2. Куприянов Б.В. Диагностика школьной вовлеченности обучающихся – участников практик инициативного бюджетирования // ИТС. 2023. № 1 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-shkolnoy-vovlechnosti-obuchayushchih-sya-uchastnikov-praktik-initsiativnogo-byudzhetrovaniya>
3. Куприянов Б.В., Карпова Е.М., Шевелёв М.А., Возняк С.А. Региональная история одной социально-педагогической инновации (школьное инициативное бюджетирование в Ханты-Мансийском автономном округе – ЮГРЕ) // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. № 3. С. 177 – 183. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-istoriya-odnoy-sotsialno-pedagogicheskoy-innovatsii-shkolnoe-initsiativnoe-byudzhetrovanie-v-hanty-mansiyskom>
4. Филиппова Н.М., Кураколов М.В. Основные подходы к разработке моделей школьного инициативного бюджетирования в условиях системы образования России // Проблемы современного образования. 2020. № 4. С. 107 – 116. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-razrabotke-modeley-shkolnogo-initsiativnogo-byudzhetrovaniya-v-usloviyah-sistemy-obrazovaniya-rossii>

5. Закон Республики Крым от 29.05.2020 № 77-ЗРК/2020 «Об инициативном бюджетировании в Республике Крым» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/9100202006030006>
6. Постановление от 16.10.2020г. №658 О некоторых вопросах реализации инициативного бюджетирования на территории Республики Крым (со всеми изменениями и дополнениями) URL: <https://shkib.budget.rk.ifinmon.ru/dokumenty#325-npa>
7. Постановление от 30.08.2021 № 501 «Об утверждении Порядка предоставления и распределения субсидий из бюджета Республики Крым бюджетам муниципальных образований Республики Крым на софинансирование проектов инициативного бюджетирования в Республике Крым» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/9100202108310005>
8. Открытый бюджет Республики Крым. Итоги школьного инициативного бюджетирования URL: <https://shkib.budget.rk.ifinmon.ru/itogi>
9. Вагин В.В. 25 Вопросов об инициативном бюджетировании: учебное пособие. М.: Рипол Классик, 2023. 857 с.
10. Лаврик В.В. Средний возраст учителей в Крыму превышает отметку в 40 лет. Радио Крым URL: <https://crimea-radio.ru/sredniy-vozrast-uchiteley-v-krimu-prev/>

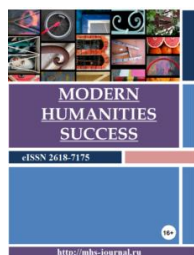
References

1. Kupriyanov B.V., Vagin V.V., Kurakolov M.V., Filippova N.M. School initiative budgeting in general education organizations of the Russian Federation: teaching aid. Moscow: Publishing house of OOO "Sam Polygraphist", 2021. 52 p.: ill.
2. Kupriyanov B.V. Diagnostics of school involvement of students – participants in initiative budgeting practices. ITS. 2023. No. 1 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-shkolnoy-vovlechnosti-obuchayushchih-sya-uchastnikov-praktik-initsiativnogo-byudzhetrovaniya>
3. Kupriyanov B.V., Karpova E.M., Shevelev M.A., Voznyak S.A. Regional history of one socio-pedagogical innovation (school initiative budgeting in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – YUGRA. Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2022. No. 3. P. 177 – 183. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-istoriya-odnoy-sotsialno-pedagogicheskoy-innovatsii-shkolnoe-initsiativnoe-byudzhetrovanie-v-hanty-mansiyskom>
4. Filippova N.M., Kurakolov M.V. Basic approaches to the development of models of school initiative budgeting in the context of the Russian education system. Problems of modern education. 2020. No. 4. P. 107 – 116. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-razrabotke-modeley-shkolnogo-initsiativnogo-byudzhetrovaniya-v-usloviyah-sistemy-obrazovaniya-rossii>
5. Law of the Republic of Crimea dated 05.29.2020 No. 77-ZRK/2020 "On participatory budgeting in the Republic of Crimea" URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/9100202006030006>
6. Resolution dated 10.16.2020. №658 On some issues of implementation of participatory budgeting in the territory of the Republic of Crimea (with all amendments and additions) URL: <https://shkib.budget.rk.ifinmon.ru/dokumenty#325-npa>
7. Resolution of 08/30/2021 No. 501 "On approval of the Procedure for the provision and distribution of subsidies from the budget of the Republic of Crimea to the budgets of municipalities of the Republic of Crimea for co-financing of participatory budgeting projects in the Republic of Crimea" URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/9100202108310005>
8. Open budget of the Republic of Crimea. Results of school participatory budgeting URL: <https://shkib.budget.rk.ifinmon.ru/itogi>
9. Vagin V.V. 25 Questions about participatory budgeting: a tutorial. M.: Ripol Klassik, 2023. 857 p.
10. Lavrik V.V. The average age of teachers in Crimea exceeds 40 years. Radio Crimea URL: <https://crimea-radio.ru/sredniy-vozrast-uchiteley-v-krimu-prev/>

Информация об авторах

Анюхина И.А., старший научный сотрудник Центра изучения гражданских инициатив, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Макуха Ю.Н., научный сотрудник Центра изучения гражданских инициатив, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)
УДК 57.048.613

Эковолонтерство и биоиндикация как инструменты экологического образования во внеурочной деятельности: анализ потребностей учителей

¹ Рожнова А.А., ¹ Лаврентьева Г.В., ¹ Рожнов А.А.,
¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: в статье рассматривается проблема нехватки методических материалов и ресурсов для внедрения эковолонтерства и биоиндикации в школьное экологическое образование во внеурочное время. Анализируется современное состояние экологического образования, изучаются научные и методические источники, раскрывающие принципы организации внеурочной деятельности в данном направлении. В результате исследования выявлены основные проблемы и предложены пути решения, в частности, через разработку новых методических рекомендаций, обеспечивающих интеграцию эковолонтерства и биоиндикации в образовательную практику.

Ключевые слова: экологическое образование, биоиндикация, эковолонтерство, флуктуирующая асимметрия, внеурочная деятельность, методические рекомендации, экологическая грамотность, школьники, исследовательская деятельность, листья березы, мониторинг окружающей среды, педагогическое сопровождение

Для цитирования: Рожнова А.А., Лаврентьева Г.В., Рожнов А.А. Эковолонтерство и биоиндикация как инструменты экологического образования во внеурочной деятельности: анализ потребностей учителей // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 222 – 226.

Поступила в редакцию: 6 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Eco-volunteering and bioindication as tools of environmental education in extracurricular activities: an analysis of teachers' needs

¹ Rozhnova A.A., ¹ Lavrentyeva G.V., ¹ Rozhnov A.A.,
¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: the article discusses the problem of the lack of methodological materials and resources for the introduction of eco-volunteerism and bioindication in school environmental education after school hours. The current state of environmental education is analyzed, scientific and methodological sources are studied, revealing the principles of organizing extracurricular activities in this area. As a result of the research, the main problems were identified and solutions were proposed, in particular, through the development of new methodological recommendations that ensure the integration of eco-volunteerism and bioindication into educational practice.

Keywords: environmental education, bioindication, eco-volunteering, fluctuating asymmetry, extracurricular activities, methodological recommendations, environmental literacy, schoolchildren, research activities, birch leaves, environmental monitoring, pedagogical support

For citation: Rozhnova A.A., Lavrentyeva G.V., Rozhnov A.A. Eco-volunteering and bioindication as tools of environmental education in extracurricular activities: an analysis of teachers' needs. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 222 – 226.

The article was submitted: April 6, 2025; Approved after reviewing: June 5, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Современные образовательные программы по биологии направлены на формирование у школьников экологической грамотности, ответственного отношения к окружающей среде и готовности участвовать в природоохранной деятельности. В рамках проведённого исследования установлено, что в настоящее время существует недостаток системных методических разработок, позволяющих эффективно внедрять эковолонтерство и биоиндикацию во внеурочную деятельность.

В современной научной литературе биоиндикация является одним из перспективных направлений в оценке окружающей среды, основанная на изучении реакции живых организмов на воздействие загрязнения [3] и определяется как инструмент экологического мониторинга. Например, рекомендованное к изучению установление уровня флуктуирующей асимметрии листьев древесных пород в биоиндикационных исследованиях. Что при правильной организации внеучебной деятельности в школе может способствовать развитию исследовательских навыков у учащихся. Данный вид исследования не представляет сложности для учеников школ и его можно проводить на любых билатерально симметричных листьях, в том числе видов родов *Betula*, *Tilia* и *Populus* [4]. Согласно популяционному составу лесного фонда города Калуги на 2024 год, одной из преобладающих пород является берёза. Этот факт свидетельствует о наличии благоприятных условий для привлечения школьников в качестве эковолонтеров к исследованию экологической обстановки в городе.

В процессе исследования отмечена важная особенность эковолонтерства, заключающаяся в формировании активной гражданской позиции и вовлекает детей в решение экологических проблем на практике. Для решения данной проблемы необходимо изучить потребности учителей в методическом сопровождении и изучить возможность интеграции биоиндикации и эковолонтерства.

Материалы и методы исследований

Исследование основано на анализе научной литературы, образовательных стандартов и существующих методических материалов по экологическому образованию. В процессе исследования изучены публикации отечественных и зарубежных авторов, посвященные проблемам эковолонтерства, биоиндикации и организации внеурочной экологической деятельности.

Выявлены ключевые тенденции и методические подходы, позволяющие интегрировать дан-

ные направления в образовательный процесс. Также проведено изучение официальных программ дополнительного экологического образования, представленных в различных регионах России, с целью выявления их сильных и слабых сторон.

В рамках данного исследования проведен теоретический анализ потребностей учителей биологии в методических материалах, посвященных биоиндикации в школьном образовании. Изучение проблемы позволило выделить следующие ключевые потребности педагогов:

1. Необходимость создания методических разработок, обеспечивающих ясное и структурированное изложение теоретических основ биоиндикации (с акцентом на использование листьев берёзы), так как существующие методические пособия часто страдают недостаточной адаптированностью к школьным программам, избыточной терминологической сложностью и отсутствием наглядных иллюстраций.

2. Разработка четких и лаконичных определений ключевых терминов для школьников.

3. Использование упрощенных, но научно корректных объяснений сложных биологических процессов.

4. Широкое применение визуальных средств обучения (иллюстрации, схемы, видеоматериалы).

5. Учет региональной специфики, представив информацию о различных видах берёзы и их чувствительности к различным типам загрязнения.

6. Разработка методики проведения исследований, включающей алгоритмы сбора и обработки данных, использование статистических методов анализа и интерпретации результатов.

7. Разработка методических материалов с учетом возрастных особенностей учащихся, в связи с чем необходимо обеспечить дифференциацию заданий, учитывающую уровень подготовки учащихся начальной, средней и старшей школы. Данные методические материалы должны быть интегрированы в действующие учебные программы, а также учтены возрастные особенности школьников:

- уровень когнитивного развития учащихся (например, игровые элементы для младших классов, исследовательские проекты для старших);

- включение активных методов обучения, таких как эксперименты, полевые исследования, практические занятия;

- использование мультимедийных ресурсов (видео, презентации) для визуализации процессов

биоиндикации;

- междисциплинарный подход, демонстрирующий связь биоиндикации с другими предметами (биология, химия, география);
- возможность включения аспектов экологии и охраны окружающей среды.

Результаты и обсуждения

Современные исследователи подчеркивают, что регулярная и целенаправленная исследовательская работа студентов значительно углубляет их знания в области экологии, способствует формированию практических навыков и развитию творческих способностей. Эта деятельность позволяет лучше осознать практическую значимость получаемых знаний, способствует возникновению устойчивого интереса к участию в экологических объединениях, а также улучшает познавательную активность учащихся. Кроме того, она стимулирует внимание к актуальным экологическим проблемам и вопросам, что является важным аспектом формирования экологической грамотности и ответственности среди молодежи [5]. Анализ литературы показал, что в образовательной практике встречаются единичные примеры успешного включения биоиндикации в эковолонтерские проекты, но в целом эти направления остаются слабо представленными, хотя в настоящее время экологический активизм является мировой тенденцией [2]. Отмечено, что большая часть существующих методических материалов имеют теоретическую направленность, и не имеют практической направленности необходимой для работы в полевых условиях. При этом, в научных источниках подчеркивается важность внедрения методов биоиндикации для мониторинга окружающей среды, так как они позволяют учащимся напрямую наблюдать за изменениями в экосистемах и оценивать уровень антропогенного воздействия [7].

Анализ образовательных программ показал, что в ряде регионов реализуются инициативы по развитию школьного эковолонтерства, но они редко включают элементы биоиндикации [8]. На наш взгляд, это может быть связано с недостаточной подготовкой педагогов и отсутствием соответствующих методических рекомендаций.

В рамках исследования отмечено, что важность интеграции биоиндикации в школьные волонтерские программы подтверждается опытом зарубежных образовательных систем, в которых данные практики активно применяются в проектной и исследовательской деятельности учащихся [9].

Применение биоиндикации в рамках школьного эковолонтерства открывает новые возможности для формирования у учащихся исследовательских компетенций и устойчивого интереса к экологии.

Включение таких методов в образовательный процесс способствует повышению уровня экологической грамотности, а также приобщает школьников к решению актуальных экологических проблем своей страны.

В данной связи заслуживает внимания педагогическое сопровождение формирования экологической культуры молодежи в системе публичного управления Краснодарского края. В рамках данного направления происходит развитие экологической культуры молодежи с вариацией по субъектному критерию, выявляются определенные ресурсы и функции различных субъектов формирования экологической культуры молодежи. В частности, в качестве одного из субъектов данной деятельности выступает система образовательных учреждений, в которых посредством данной деятельности у школьников запускается процесс восполнения дефицита знаний о содержании и механизмах формирования экологической культуры молодежи и её включенности в процесс обеспечения устойчивого регионального развития [1].

Таким образом, ситуация, характеризующаяся недостатком методических материалов и учебных пособий по организации эковолонтерства и биоиндикации во внеурочной деятельности, требует незамедлительного решения, так как выступает в качестве серьезного препятствия для учителей, которые заинтересованы в сохранении окружающей среды. Опираясь на знания, полученные в процессе данного исследования, мы считаем, что для её разрешения могут быть предприняты следующие меры:

1. Разработка пошаговых методических рекомендаций для педагогов, включающих сценарии проведения занятий и практических исследований.
2. Проведение обучающих курсов и семинаров для педагогов, направленных на освоение методов биоиндикации и организации эковолонтерских инициатив.
3. Создание цифровых образовательных ресурсов, позволяющих школьникам изучать основы биоиндикации и применять их на практике в рамках волонтерских программ.
4. Внедрение комплексных программ внеурочной деятельности, ориентированных на мониторинг состояния окружающей среды с участием школьников.

Выводы

Анализ литературы и образовательных программ подтвердил, что эковолонтерство и биоиндикация обладают значительным потенциалом для развития экологического образования, однако их внедрение требует методической и организацион-

ной поддержки учителей. Включение биоиндикации в эковолонтерскую деятельность позволяет не только повысить качество экологического образования, но и развить у школьников практические навыки в области природоохранной деятельности.

Будущие исследования могут быть направлены на создание интегрированных образовательных программ, объединяющих элементы эковолонтерства и биоиндикации, а также на разработку методических пособий для педагогов.

Список источников

1. Терешина М.В., Мирошниченко И.В., Шпиро Л.А. Педагогическое сопровождение формирования экологической культуры молодежи в системе публичного управления Краснодарского края // Передовые исследования Кубани: сборник материалов Ежегодной отчетной конференции грантодержателей Кубанского научного фонда, Сочи, 15-17 мая 2023 года. Краснодар: Кубанский научный фонд, 2023. С. 237 – 242.
2. Кочуров Б.И., Блинова Э.А., Ивашкина И.В. Биоиндикация при проведении урбоэкодиагностики городской среды // Экология урбанизированных территорий. 2024. № 1. С. 52 – 55.
3. Опекунова М.Г. и др. Сравнительный анализ эффективности методов биоиндикации при мониторинговых исследованиях состояния окружающей среды в Санкт-Петербурге // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. Т. 68. № 2. С. 331 – 356.
4. Опекунова М.Г., Башарин Р.А. Применение флуктуирующей асимметрии листьев березы (*Betula pubescens* Ehrh.) для оценки загрязнения окружающей среды в районе Костомукши // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2014. № 3. С. 58 – 70.
5. Топчиева Н.Л. Особенности изучения антропогенного воздействия на компоненты ландшафта в исследовательской работе школьников // XI Всероссийская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Естественнаучное направление. Филологическое направление: Сборник статей конференции, Новокузнецк, 15-30 апреля 2021 года / Под общей ред. О.С. Андреевой и др. Новокузнецк: Кузбасский гуманитарно-педагогический институт федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Кемеровский государственный университет", 2022. С. 24 – 25.
6. «Правительство Калужской области: официальный сайт. Калуга. URL: <https://www.kaluga-gov.ru/> (дата обращения: 19.02.2025)»
7. Марбах Л.И. Дополнительное геологическое образование учащихся на Городской станции юных туристов // Колпинские чтения по краеведению и туризму: материалы V Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2022 года. Том Часть 1. Санкт-Петербург: Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования "Ленинградский областной институт развития образования", 2022. С. 506 – 512.
8. Опекунова М.Г. и др. Сравнительный анализ эффективности методов биоиндикации при мониторинговых исследованиях состояния окружающей среды в Санкт-Петербурге // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. Т. 68. № 2. С. 331 – 356.
9. Певная М.В. и др. Волонтерская деятельность учащейся молодежи: социальная значимость и основания мотивированного отказа // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 10. С. 200 – 230.

References

1. Tereshina M.V., Miroshnichenko I.V., Shpiro L.A. Pedagogical support for the formation of environmental culture of young people in the public administration system of Krasnodar Krai. Advanced research in Kuban: collection of materials from the Annual reporting conference of grant holders of the Kuban Science Foundation, Sochi, May 15-17, 2023. Krasnodar: Kuban Science Foundation, 2023. P. 237 – 242.
2. Kochurov B.I., Blinova E.A., Ivashkina I.V. Bioindication in urban ecodiagnosics of the urban environment. Ecology of urbanized territories. 2024. No. 1. P. 52 – 55.
3. Opekunova M.G. et al. Comparative analysis of the effectiveness of bioindication methods in monitoring studies of the state of the environment in St. Petersburg. Bulletin of St. Petersburg University. Earth Sciences. 2023. Vol. 68. No. 2. P. 331 – 356.
4. Opekunova M.G., Basharin R.A. Application of fluctuating asymmetry of birch leaves (*Betula pubescens* Ehrh.) to assess environmental pollution in the Kostomuksha area. Bulletin of St. Petersburg State University. Earth Sciences. 2014. No. 3. P. 58 – 70.

5. Topchieva N.L. Features of the study of anthropogenic impact on landscape components in the research work of schoolchildren. XI All-Russian scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists. Natural science direction. Philological direction: Collection of conference articles, Novokuznetsk, April 15-30, 2021. Under the general editorship of O.S. Andreeva et al. Novokuznetsk: Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University", 2022. P. 24 – 25.

6. "Government of the Kaluga Region: official website. Kaluga. URL: <https://www.kaluga-gov.ru/> (date of access: 02.19.2025)"

7. Marbakh L.I. Additional geological education of students at the City Station of Young Tourists. Kolpino Readings on Local History and Tourism: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, St. Petersburg, March 24, 2022. Volume Part 1. St. Petersburg: State Autonomous Educational Institution of Additional Professional Education "Leningrad Regional Institute for Education Development", 2022. P. 506 – 512.

8. Opekunova M.G. and others. Comparative analysis of the effectiveness of bioindication methods in monitoring studies of the state of the environment in St. Petersburg. Bulletin of St. Petersburg University. Earth Sciences. 2023. Vol. 68. No. 2. P. 331 – 356.

9. Pevnaya M.V. et al. Volunteer activities of student youth: social significance and grounds for motivated refusal. Education and Science. 2022. Vol. 24. No. 10. P. 200 – 230.

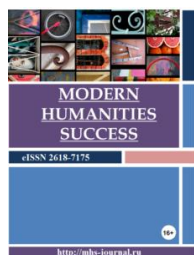
Информация об авторах

Рожнова А.А., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Лаврентьева Г.В., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Рожнов А.А., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Рожнова А.А., Лаврентьева Г.В., Рожнов А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.5. Теория и методика спорта (педагогические науки)
УДК 796.342.082.1

К вопросу о комплексной оценке техники выполнения плоской подачи в теннисе

¹ Степанова М.Е.,
¹ Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»

Аннотация: динамичное развитие тенниса на современном этапе требует постоянного поиска все новых средств и методов для совершенствования технической подготовки теннисистов, занимающихся на этапе совершенствования спортивного мастерства. Отмечается, что подача единственный компонент игры теннисиста, который не зависит от соперника и требует внимательного к себе отношения на тренировках [7].

В статье предлагается комплексный подход оценки техники выполнения подачи. Рассмотрены механизмы оценивания фазовой структуры плоской подачи, разработана балльная шкала. Предложены дополнительные средства контроля в виде оценки скорости полета мяча при выполнении подачи, а так же разделение по зонам и подсчет количества попаданий в каждую зону квадрата подачи. Что будет способствовать комплексной и объективной оценки технической подготовленности теннисистов, занимающихся на этапе ССМ.

Полученные данные свидетельствуют о практической ценности исследований в области анализа техники выполнения ударов в теннисе. Результаты исследования могут быть применены тренерами в тренировочном процессе теннисистов различного пола и возраста и занимающихся на разных этапах спортивной подготовки для коррекции техники выполнения подачи и повышения ее стабильности, эффективности и результативности.

Ключевые слова: теннисисты, этап ССМ, техническая подготовка, балльная шкала, плоская подача

Для цитирования: Степанова М.Е. К вопросу о комплексной оценке техники выполнения плоской подачи в теннисе // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 227 – 232.

Поступила в редакцию: 7 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

On the assessment comprehensive structure of flat serve technique in tennis

¹ Stepanova M.E.,
¹ Russian University of Sports "GTSOLIFK"

Abstract: the dynamic development of modern tennis necessitates the continuous exploration of new tools and methods to enhance the technical training of athletes at the stage of sports mastery improvement. It is noted that the serve is the only component of a tennis player's game that is independent of the opponent and requires meticulous attention during training sessions [7].

This article proposes a comprehensive approach to evaluating serve technique. The mechanisms for assessing the phase structure of a flat serve are examined, and a scoring scale is developed. Additional control measures are introduced, including the evaluation of ball speed during the serve, as well as the division of the service box into zones and the counting of successful serves into each zone. These methods contribute to a comprehensive and objective assessment of the technical proficiency of tennis players at the stage of sports mastery improvement.

The obtained data demonstrate the practical value of research in the field of tennis stroke technique analysis. The study results can be applied by coaches in the training process of tennis players of different genders, ages, and skill levels. These findings may be used to refine serve technique and improve its consistency, efficiency, and effectiveness across various stages of athletic development.

Keywords: tennis players, sports mastery improvement stage, technical training, scoring scale, flat serve

For citation: Stepanova M.E. On the assessment comprehensive structure of flat serve technique in tennis. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 227 – 232.

The article was submitted: April 7, 2025; Approved after reviewing: June 6, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В настоящее время подаче уделяется пристальное внимание со стороны специалистов в области тенниса [1, 7, 10]. По мнению многих специалистов подача – один из важнейших приемов техники тенниса. С подачи начинают каждый розыгрыш очка, от него во многом зависит ход игры [2, 9].

В последние годы возрастающее влияние оказывает научно-технический прогресс на развитие тенниса. Некоторые тренеры предпочитают использовать тренажерные устройства для совершенствования техники выполнения подачи, например эластичные амортизаторы [8], другие используют традиционные методы, кто-то использует интерактивные современные мишени для тренировки теннисистов этапа совершенствования спортивного мастерства, так же предпочитают использовать видеоанализ для коррекции техники [3, 4]. Но поиск новых подходов для тренировки современных молодых теннисистов сейчас как никогда актуален.

Цель исследования: разработка современной комплексной оценки техники, включающую фазовую структуру шкалы оценки выполнения плоской подачи для групп совершенствования спортивного мастерства.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования для достижения поставленной цели использовались следующие методы исследования: синтез, шкалирование, экспертная оценка, педагогическое наблюдение, тестирование, видеоанализ, методы математической статистики.

Исследование проходило на базе кафедры теории и методики тенниса, настольного тенниса и бадминтона ФГБОУ ВО «Российский университет

спорта (ГЦОЛИФК». Мы предположили, что разработанная нами шкала оценки техники выполнения плоской подачи [6], а так же оценка скорости полета мяча и точности попадания поможет более эффективно оценить уровень технической подготовленности теннисистов этапа совершенствования спортивного мастерства.

В процессе проведения эксперимента участвовали 6 юношей, занимающихся на этапе совершенствования спортивного мастерства.

Сущность эксперимента заключалась в подборе механизма для комплексной оценки техники выполнения плоской подачи для теннисистов, занимающихся на этапе ССМ.

Результаты и обсуждения

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе была рассмотрена техника выполнения современной подачи в теннисе ведущими теннисистами мира. Далее была составлена, согласно разработанным модельным требованиям, шкала оценки техники выполнения плоской подачи, которая представлена в табл. 1.

Для справедливой оценки, оценка подача разделена на три основные фазы удара. За каждую выполненную фазу игрок может быть оценен по трехбалльной шкале. Первая фаза была опущена, так как на данном этапе спортивной подготовки не целесообразно оценивать ее из-за индивидуального стиля техники теннисистов, что затруднило бы эксперту ее объективную оценку. Оценку техники выполнения подачи предлагается проводить с помощью эксперта. При отсутствии эксперта на корте, рекомендуется провести видеозапись с определенных точек для передачи эксперту для видеоанализа техники.

Таблица 1

Шкала оценки техники выполнения плоской подачи.

Table 1

Scale for assessing the technique of performing a flat serve.

Наличие значимых ошибок (3 балла – удовлетворительно) 3 балла за каждый пункт (максимально возможное количество баллов – 9)		
Перед началом выноса локтя вперед плоскость ракетки открыта полностью	Точка удара впереди туловища более чем на 40 см, отклонения вправо-влево составляют более 10 см.	Корпус разворачивается параллельно сетке сразу после подброса, пронации предплечья-кисть нет.
Наличие незначительных ошибок (4 балла – хорошо) 4 балла за каждый пункт (максимально возможное количество баллов – 12)		
Перед началом активного выноса локтя вперед плоскость ракетки незначительно открыта, угол, по отношению к туловищу, составляет примерно 45°	Точка удара впереди туловища на 40 см и строго по центру (отклонения вправо и влево – 5-7 см).	Корпус поворачивается несколько быстрее, чем начинает выноситься рука с ракеткой (вверх вперед). Пронация предплечья-кисть на 90°
Выполнение без ошибок (5 баллов – отлично) 5 баллов за каждый пункт (максимально возможное количество баллов – 15)		
Перед началом активного выноса локтя вперед плоскость ракетки перпендикулярна плоскости туловища, предплечье и кисть (тыльная сторона) составляют одну прямую линию, без излома.	Точка удара впереди туловища (20-30 см) и строго по центру (отклонения вправо и влево – не более 5 см).	Боковое положение туловища сохраняется до начала активного выноса руки с ракеткой (плеча) вверх-вперед ("в мяч").

Вторым показателем рассматривалось тестирование на точность выполнения подачи. Считается количество попаданий в каждую зону, попытка состоит из 5 подач в первую зону и 5 подач во

вторую зону. Для выполнения теста дается 1 попытка. Схема тестирования представлена на рис. 1.

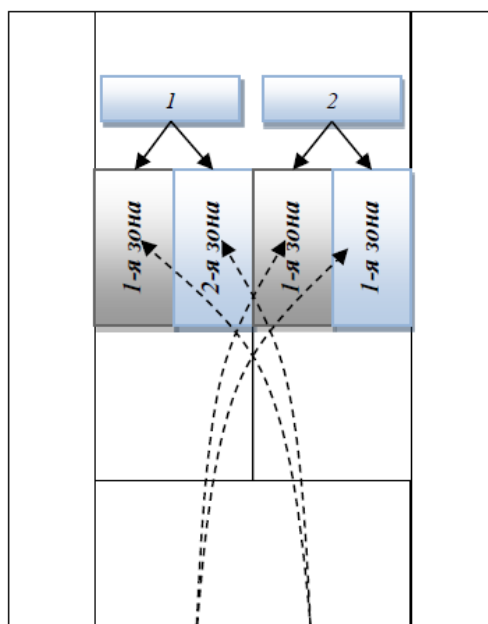

Рис. 1. Расположение зон подачи по квадратам.

Fig. 1. Location of feed zones by squares.

Третьим показателем предлагается рассматривать скорость полета мяча при выполнении подачи. При тестировании скорости первой подачи с предлагается использовать спидометр для тенниса (PowershotSmartPro). При замере скорости предлагается давать по 3 попытки на подачу.

Далее на рис. 2 рассмотрим схему оценки техники выполнения плоской подачи, которая отображает комплексный характер тестирования подачи, по нашему мнению следует рассматривать несколько показателей про которые говорилось выше.

Рис. 2. Схема комплексной оценки техники выполнения подачи.
Fig. 2. Scheme of complex assessment of serving technique.

На базе кафедры теории и методики тенниса, настольного тенниса и бадминтона РУС «ГЦОЛИФК» было произведено тестирование 6 юношей, занимающихся на этапе совершенствования

спортивного мастерства. В табл. 2 представлены сводные результаты тестирования подачи по 3 предлагаемым показателям.

Таблица 2
Сводная таблица оценка техники плоской подачи у теннисистов, занимающихся на этапе ССМ.
Table 2

Summary table of flat serve technique assessment in tennis players training at the SSM stage.

Игрок	Экспертная оценка 1 квадрат (Σ баллов)	Кол-во попаданий 1 зона	Кол-во попаданий 2 зона	Скорость (км\ч)
Игрок 1	12	4	3	172
Игрок 2	9	3	5	164
Игрок 3	10	3	4	162
Игрок 4	15	4	4	158
Игрок 5	13	5	4	170
Игрок 6	12	3	3	168
$X \pm \sigma$	$11,83 \pm 1,95$	$3,67 \pm 0,82$	$3,83 \pm 0,75$	$165,67 \pm 5,28$

Анализируя табл. 2, видно, что среднегрупповой показатель экспертной оценки составляет $11,83 \pm 1,95$ баллов, среднее количество попаданий у теннисистов в 1 квадрат в 1 зону составило $3,67 \pm 0,82$, во 2 зону $3,83 \pm 0,75$, а средняя скорость подачи $165,67 \pm 5,28$ (км\ч).

Для проведения корреляционного анализа таблицы, мы можем рассчитать коэффициент корреляции Пирсона (r) между различными парами переменных.

Скорость подачи демонстрирует слабую отрицательную корреляцию с точностью попаданий ($r \approx -0,21$) и незначимую связь с экспертной оценкой техники ($r \approx -0,10$). Это согласуется с классическими исследованиями [8, 11], где отмечается, что чрезмерное увеличение скорости снижает контроль, особенно у игроков с нестабильной техникой.

Экспертная оценка техники (разбитая по фазам) не коррелирует напрямую со скоростью, но её высокие баллы чаще встречаются у игроков со стабильными попаданиями (косвенная зависимость). Это подтверждает исследования о том, что правильная биомеханика важнее "силы" [9, 10].

Точность попаданий в квадрат сильнее зависит от стабильности подброса мяча и угла наклона плеча при ударе, чем от скорости.

Выводы

В ходе исследования было установлено, что для эффективной подачи необходим баланс между: технической правильностью, оцениваемой экспертами по фазам, скоростью, как вторичным фактором, и точностью, которая достигается через повторяемость движений [3, 4, 10].

Таким образом, можно констатировать, что разработанный трехступенчатый механизм оценки

техники выполнения подачи в теннисе позволит реально оценить техническую подготовку спортсменов групп совершенствования спортивного мастерства и проводить анализ и вносить коррективы в тренировочную деятельность и следить за динамикой соревновательного и тренировочного процесса.

Исследование подтверждает, что техника первична, а скорость – вторична [7, 9]. Однако требуется и в дальнейшем проводить более углублённое изучение с большей выборкой и контролем внешних переменных.

Список источников

1. Аль Халили М.С., Аль Халили М. Средние показатели процентов стабильности подачи и приема подачи Даниила Медведева на турнирах (2019г-2023г) // Наука и инновации – современные концепции : Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума, Москва, 16 ноября 2023 года. Москва: Инфинити, 2023. С. 29 – 35. DOI 10.34660/INF.2023.88.10.238
2. Аль Халили М.М., Степанова Е., Аль Халили С.М. Динамика показателей технико-тактической подготовки теннисистов тренировочного этапа // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 3 (217). С. 20 – 23. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2023.03.p20-24
3. Аль Халили М. Показатель стабильности подачи теннисистов на турнире кубка АТП (Ассоциация профессиональных теннисистов) // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 2 (192). С. 13-16. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2021.2.p13-16
4. Моханед А.Х., Степанова М.Е. Особенности показателей приема подачи теннисистов высокой квалификации на турнирах US Open 2020 года, итоговом турнире АТР 2020 года и Australian Open 2021 года // Теория и практика физической культуры. 2022. № 7. С. 99 – 102.
5. Моханед Аль Халили, Степанова М.Е. Анализ показателей приема подачи лучших теннисистов мира в 2020 году // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 1 (203). С. 255 – 259. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.1.p255-259
6. Степанова М.Е. Оценка уровня сформированности базовых умений и навыков у юных теннисистов // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2018. № 3. С. 24.
7. Степанова М.Е. Анализ тенденций развития подачи теннисистов высокой квалификации // Спортивные игры в физическом воспитании, рекреации и спорте: Материалы XVI Международной научно-практической конференции, Смоленск, 27-29 января 2022 года / Под общей ред. А.В. Родина, Е.Н. Бобковой. Смоленск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма", 2022. С. 250 – 252.
8. Sánchez-Pay A. et al. Fitness testing in tennis: Influence of anthropometric characteristics, physical performance, and functional test on serve velocity in professional players // PloS one. 2021. T. 16. № 11. С. e0259497. URL: <https://www.journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0259497> (дата обращения: 21.02.2025)
9. Ali M. et al. Profile of the physical condition of the determinant of the serve and skills on the court tennis service // Jurnal SPORTIF: Jurnal Penelitian Pembelajaran. 2021. T. 7. № 2. С. 258 – 269.
10. Hayes M.J. et al. Relationship between tennis serve velocity and select performance measures // The Journal of Strength & Conditioning Research. 2021. T. 35. № 1. С. 190 – 197.

References

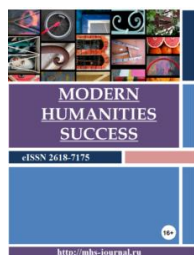
1. Al Khalili M.S., Al Khalili M. Average percentage stability indicators of Daniil Medvedev's serve and return of serve at tournaments (2019-2023). Science and Innovation – Modern Concepts: Collection of scientific articles based on the results of the International Scientific Forum, Moscow, November 16, 2023. Moscow: Infinity, 2023. Pp. 29 - 35. DOI 10.34660 / INF.2023.88.10.238
2. Al Khalili M.M., Stepanova E., Al Khalili S.M. Dynamics of technical and tactical training indicators of tennis players at the training stage. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2023. No. 3 (217). P. 20 – 23. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2023.03.p20-24
3. Al Khalili M. The stability indicator of tennis players' serve at the ATP Cup tournament (Association of Professional Tennis Players). Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2021. No. 2 (192). P. 13 – 16. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2021.2.p13-16
4. Mohaned A.Kh., Stepanova M.E. Features of serve reception indicators of highly qualified tennis players at the 2020 US Open, 2020 ATP Final Tournament and 2021 Australian Open tournaments. Theory and Practice of Physical Culture. 2022. No. 7. P. 99 – 102.

5. Mohaned Al Khalili, Stepanova M.E. Analysis of serve return performance of the best tennis players in the world in 2020. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2022. No. 1 (203). P. 255 – 259. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.1.p255-259
6. Stepanova M.E. Assessment of the level of formation of basic skills and abilities in young tennis players. Physical Culture: Upbringing, Education, Training. 2018. No. 3. P. 24.
7. Stepanova M.E. Analysis of trends in the development of serve of highly qualified tennis players. Sports games in physical education, recreation and sport: Proceedings of the XVI International scientific and practical conference, Smolensk, January 27-29, 2022. Under the general editorship of A.V. Rodin, E.N. Bobkova. Smolensk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism", 2022. P. 250 – 252.
8. Sánchez-Pay A. et al. Fitness testing in tennis: Influence of anthropometric characteristics, physical performance, and functional test on serve velocity in professional players. PloS one. 2021. Vol. 16. No. 11. P. e0259497. URL: <https://www.journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0259497> (date of access: 02.21.2025)
9. Ali M. et al. Profile of the physical condition of the determinant of the serve and skills on the court tennis service. Jurnal SPORTIF: Jurnal Penelitian Pembelajaran. 2021. T. 7. No. 2. P. 258 – 269.
10. Hayes M.J. et al. Relationship between tennis serve velocity and select performance measures. The Journal of Strength & Conditioning Research. 2021. T. 35. No. 1. P. 190 – 197.

Информация об авторе

Степанова М.Е., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-2624-9940>, Российский университет спорта «ГЦОЛИФК», 105122, г. Москва, Сиреневый бульвар, д. 4, stepanova.me@gtsolifk.ru

© Степанова М.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)
УДК 373.23

Факторы создания мотивации к обучению танцу детей дошкольного возраста в хореографических коллективах

¹ Шанкина С.В., ¹ Шанкин Ю.В., ¹ Шушпанова Е.Ю.,
¹ Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Аннотация: в рамках изучения рассматриваемой проблематики авторы раскрывают сущность особенности развития детей дошкольного возраста средствами хореографии.

В статье определены основные факторы создания мотивации к обучению танцу детей дошкольного возраста в хореографических коллективах.

В статье также представлено научно-методическое обеспечение, которое является приоритетным фактором в развитии системы дошкольного образования, обеспечивая соответствие современным требованиям законодательства Российской Федерации «Об образовании» и способствуя созданию целостного образовательного процесса. Ключевыми элементами данного обеспечения выступают нормативно-правовые документы, которые определяют основные параметры общеобразовательной деятельности дошкольных учреждений и создают универсальные основы для формирования типового положения в области дошкольного образования. Грамотно структурированная система научно-методического обеспечения способствует развитию личности ребенка дошкольного возраста, обеспечивая сбалансированное развитие всех его аспектов – эмоционального, физического, творческого и нравственного компонентов. Интегрированный подход восприятия образования как целого в таком контексте снижает вероятность возникновения дисбаланса между разными областями развития, что создает условия для формирования разносторонних способностей и потенциала ребенка.

Такая ситуация в хореографических коллективах демонстрирует необходимость кардинальных изменений в подходах к организации занятий по хореографии, которые в идеальном представлении выходят за рамки традиционных музыкально-ритмических игр, включая в себя многие элементы (к примеру, основы классического, балетного и народного танца).

Основные положения работы могут быть использованы в учебно-воспитательном процессе хореографических коллективов, а также различных учреждениях системы дополнительного образования.

Ключевые слова: мотивация, педагог-хореограф, обучение детей дошкольного возраста, хореографический коллектив

Для цитирования: Шанкина С.В., Шанкин Ю.В., Шушпанова Е.Ю. Факторы создания мотивации к обучению танцу детей дошкольного возраста в хореографических коллективах // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 233 – 239.

Поступила в редакцию: 8 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Factors of motivation for teaching dance to children of pre-school age in choreographic groups

¹Shankina S.V., ¹Shankin Yu.V., ¹Shushpanova E.Yu.,
¹Tambov State University named after G.R. Derzhavin

Abstract: as part of the study of the considered issues, the authors reveal the essence of the development of preschool children through choreography.

The article identifies the main factors of creating motivation for teaching dance to preschool children in choreographic groups.

The article also presents scientific and methodological support, which is a priority factor in the development of the pre-school education system, ensuring compliance with modern requirements of the legislation of the Russian Federation "On Education" and contributing to the creation of an integrated educational process. The key elements of this provision are regulatory and legal documents that define the basic parameters of the educational activities of preschool institutions and create universal foundations for the formation of a model provision in the field of preschool education. A well-structured system of scientific and methodological support contributes to the development of a preschool child's personality, ensuring the balanced development of all its aspects - emotional, physical, creative and moral components. An integrated approach to the perception of education as a whole in this context reduces the likelihood of an imbalance between different areas of development, this creates conditions for the formation of a child's versatile abilities and potential.

This situation in choreographic groups demonstrates the need for fundamental changes in approaches to the organization of choreography classes, which ideally go beyond traditional musical and rhythmic games, including many elements (for example, the basics of classical, ballroom and folk dance).

The main provisions of the work can be used in the educational process of choreographic groups, as well as various institutions of the additional education system.

Keywords: motivation, teacher-choreographer, teaching preschool children, choreographic collective

For citation: Shankina S.V., Shankin Yu.V., Shushpanova E.Yu. Factors of motivation for teaching dance to children of pre-school age in choreographic groups. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 233 – 239.

The article was submitted: April 8, 2025; Approved after reviewing: June 6, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Одной из актуальных проблем, с которой сталкиваются педагоги в хореографических коллективах, является разнообразие мотивационных факторов, влияющих на учеников. Каждый участник обладает уникальным опытом, предпочтениями и ожиданиями, что требует от преподавателей гибкости в подходах и методах работы. В таком контексте важно создание среды, способствующей развитию как внутренней мотивации – стремления к самосовершенствованию и самовыражению, так и внешней – желания соответствия ожиданиям группы и руководителя.

Еще одной значимой стороной актуальности данной темы является влияние на долгосрочную приверженность обучающихся к занятию хореографией. На первоначальных этапах многие учащиеся мотивированы лишь эстетическим восприятием танца, но со временем важным элементом является формирование более глубокой связи с искусством, превращая танец в важную часть их жизни, что требует от педагогов профессионального преподавания технических аспектов и работы

над созданием эмоциональной связи с искусством, развитием навыков сотрудничества и поддержки среди участников.

Материалы и методы исследований

Широко стали применяться методики связанные с мотивацией в работах Н.И. Аксеновой, Н.Г. Александровой, А.В. Александрович, В.Л. Аношкиной, В.К. Бальсевич, С.В. Бармина, Т.К. Барышниковой, А.И. Бурениной, А.Н. Брусницыной, Н.А. Ветлугиной, С. Герберт, А. Гришон, С.А. Горшковой, Е.А. Екжановой, Н.Е. Ефименко, А.В. Запорожец, Е.А. Земскова, Р.Э. Зимницкой, Т.Ф. Кореновой, В.Б. Кронберг, Т.С. Лисицкой и другими авторами.

Значительный вклад в формирование мотивации в образовательном процессе внесли Б.Т. Лихачев, И.Г. Малкина-Пых, Т.С. Назарова, А.М. Новиков, С.Л. Слуцкая, В.М. Смоленский, С.В. Филатов, Э. Фромм, Д. Холл, А.В. Хуторской и другие авторы.

Результаты и обсуждения

Мотивация, происходящая от латинского слова «movere», обозначает внутренние и внешние силы,

которые побуждают человека к действию [10].

«На современном этапе изучение мотивации как психического явления демонстрирует множество подходов – мотивация рассматривается через призму структурных факторов и мотивов, где акцент ставится на влияние потребностей, целей, условий деятельности и личных характеристик, что показывает, как личные и внешние обстоятельства формируют намерения и принимаемые решения» [11]. В то же время мотивация представляется как динамический процесс, постоянно изменяющийся и развивающийся в зависимости от контекста, самих действий и внутренних побуждений, что открывает возможности для дальнейшего изучения ее механизмов и регуляции. «В совокупности, все подходы подчеркивают, что мотивация не является одноразовым явлением, а представляет собой процесс, который включает в себя взаимодействие структуры и динамики, обогащая понимание того, как и почему человек действует в различных ситуациях, и создает предпосылки для применения полученных знаний на практике» [2].

На современном этапе в учебно-воспитательном процессе учреждений дошкольного образования прослеживается динамика мотивации каждого ребенка в целомном обучении и создании педагогических условий его всестороннего развития [9]. С учетом изменения менталитета общества и требования времени, ключевым аспектом становятся инновационные методические подходы, которые интегрируют элементы хореографии и музыки, способствующие развитию слуха, чувства ритма и физической активности, закладывая основы для дальнейшего обучения и личностного роста детей дошкольного возраста в хореографических коллективах [3].

Стремление педагогов-хореографов к созданию уникальных образовательных программ, обогащенных личным опытом и индивидуальными подходами, является необходимым аспектом современного дошкольного образования. Отметим, что такие программы не игнорируют в образовательный процесс основные принципы и традиционные каноны работы с детьми в дошкольном возрасте. Всестороннее развитие личности ребенка дошкольного возраста требует сбалансированного сочетания инновационных методик с проверенными временем подходами, обеспечивая творческое самовыражение и индивидуальность каждого ребенка через его комплексное развитие в эмоциональном, социальном и физическом аспектах. Только при условии интеграции уникального содержания с основами классической педагогической практики можно говорить о создании полно-

ценной образовательной среды, способствующей формированию гармоничной личности, способной адаптироваться и успешно функционировать в быстро меняющемся мире [1].

Требования к уровню дошкольного образования, основанные на теоретических основах педагогического процесса и международных принципах «Конвенции о правах ребенка», служат основой для обеспечения комплексного развития детей, в таком контексте многими авторами исследований с специалистами в области хореографического искусства отмечается, что требования не воспринимаются как ограничения, а, наоборот, как платформы, открывающие педагогам-хореографам возможность применения разных методов обучения и воспитания, в том числе и через хореографию. Повышая качество образовательного процесса и соблюдая баланс между стандартами и индивидуальным подходом, педагоги-хореографы разрабатывают и внедряют инновационные технологии и модели, учитывающие уникальные потребности и интересы детей дошкольного возраста [6].

На данный момент педагогами-хореографами, работающими с детьми дошкольного возраста определен ряд факторов, влияющих на мотивацию обучению танцу: содержание учебного материала; организация учебной деятельности; стиль педагогической деятельности; сравнение результатов ребёнка с предыдущими и только затем с общими нормами [4].

Занятия хореографией с детьми дошкольного возраста, построенные на принципах динамичной смены пространства и активности, создают увлекательную образовательную среду, способствующую физическому развитию и эмоциональному благополучию детей [5].

Система смены музыкального сопровождения на занятиях хореографией для детей дошкольного возраста, где каждая блокировка движений сопровождается определенной музыкой – от детской эстрадной до классической и народной, обогащает детей знанием различных музыкальных стилей, способствуя развитию их способности к восприятию и интерпретации движения, соответствующих характеру каждой музыкальной композиции. Аналогичное разнообразие стилей формирует у детей дошкольного возраста внимание, художественный вкус и активный интерес к хореографии как виду искусства. Внедрение системы поощрений (наклеек или сюрпризов для лучших танцоров), дополнительно стимулирует их мотивацию, создавая позитивную атмосферу во время занятий, которая способствует более глубокому усвоению хореографических навыков и самовыражению через танец. Подобный подход к организации занятий де-

ляет обучение формирует у детей устойчивую заинтересованность в танцевальном творчестве и различиях музыкальных жанров, что является основой для их эмоционального и культурного развития [3].

Разнообразие музыкально-танцевальных игр, творческих заданий которые развивают: креативность мышление; природные данные; актерское мастерство; социализацию детей дошкольного возраста в хореографических коллективах которая, играет ключевую роль в формировании гармоничного и всестороннего развития детей, способствуя развитию образного мышления, повышению уровня физической активности и навыков взаимодействия в группе. Интеграция игровых элементов помогает детям в более продуктивном усвоении новых движений и техник, увеличивая их вовлеченность и мотивацию, создавая условия для формирования положительного отношения к физической культуре и искусству танца в целом [7].

Проведение мероприятий совместно с родителями, таких как «праздник красавиц» (танцевальный конкурс для девочек), способствует созданию насыщенной атмосферы, в которой родители и дети дошкольного возраста совместно проявляют свою креативность и артистизм. Формат, включающий три тура – подиумное дефиле, чтение стихотворения и показ танцевального этюда – поддерживает связь между поколениями и помогает детям в развитии уверенности в себе, навыков публичных выступлений и творческого самовыражения. Подготовка к празднику, которая включает в себя создание образа, выбор музыки и репетиции, способствует более тесному взаимодействию между родителями и детьми дошкольного возраста, укрепляя семейные связи и развивая чувство командного духа. При проведении таких игр и мероприятий обязательно нужно участие жюри из числа родителей и педагогов-хореографов с целью оценки и награждения всех участников, что создает дополнительные стимулы для детей дошкольного возраста и формирует у них желание развития в творческой сфере [8].

Учет возрастных особенностей детей дошкольного возраста является ключевым аспектом в организации и проведении занятий в хореографических коллективах, так как он адаптирует учебно-воспитательный процесс таким образом, что максимально эффективно задействуются ресурсы данного возраста. В дошкольный период происходит постепенный переход от игровой деятельности к более серьезным формам учебной работы (от обучения счету до первичных подготовительных навыков), означая, что дети дошкольного возраста стремятся к получению одобрения со стороны

взрослых, в частности педагогов-хореографов, что создает благоприятную атмосферу для формирования интереса и устойчивой мотивации к хореографической деятельности, где значительную роль играют музыкальные игры, через которые ребенок проявляет свои творческие способности и эмоциональные переживания. Использование игр делает процесс обучения увлекательным и доступным, что способствует развитию танцевальных навыков, повышению самооценки, формированию командного духа и продуктивных межличностных отношений.

Методическое обеспечение организации танцевальных занятий для детей дошкольного возраста в хореографических коллективах представляет собой динамичную и многослойную систему, которая структурирует образовательный процесс, адаптируясь к уникальным потребностям и интересам детей дошкольного возраста. Важность образовательных программ, учитывающих возрастные особенности и психофизическое развитие детей дошкольного возраста, заключается в их способности к формированию мотивации к обучению через игровые методики и разные подходы, которые помогают детям дошкольного возраста в развитии творческих способностей, коммуникации и эмоционального интеллекта. Такие программы, основанные на принципах развивающего обучения, стимулируют интерес к хореографии и поддерживают естественное любопытство детей дошкольного возраста, вовлекая их в процесс через интерактивные и увлекательные формы обучения.

Мотивация является ключевым фактором в успешном обучении, особенно в таком творческом направлении, как хореография.

В ходе разработки методического обеспечения танцевальных занятий для детей дошкольного возраста особое внимание уделяется интеграции здоровьесберегающих технологий и информационно-коммуникационных методов, создавая безопасную и стимулирующую образовательную среду в хореографических коллективах. Современные информационные технологии, включая интерактивные программы и видеоуроки, делают процесс обучения более увлекательным и доступным, позволяя детям визуально воспринимать материалы и развивать чувство ритма.

В современных условиях методическое обеспечение в области хореографии для детей дошкольного возраста включает в себя множество аспектов, направленных на развитие творческого потенциала и психоэмоционального благополучия юных танцоров. Организация проектной и творческой деятельности через внедрение танцевальных проектов, сценариев мероприятий и рекомендаций

по постановке танцевальных номеров способствует повышению интереса детей дошкольного возраста к занятиям хореографией и развивает их креативные способности, самооценку и уверенность в себе. При таком подходе особое внимание уделяется психолого-педагогическому сопровождению, где создание благоприятной психологической атмосферы на занятиях, работа с тревожностью, неуверенностью и развитие коммуникативных навыков играют ключевую роль в формировании личности детей дошкольного возраста.

В контексте активного развития дистанционного обучения современное методическое обеспечение в области хореографии становится более адаптивным, что открывает новые перспективы для педагогов, детей и их родителей. Разработка онлайн-материалов, видеокурсов и рекомендаций по организации самостоятельных занятий поддерживает высокий уровень вовлеченности учащихся, несмотря на физическую дистанцию. В то же время, акцент на культурно-просветительскую деятельность, включая тематические беседы, мастер-классы и посещения театров, способствует формированию у детей целостного представления о танцевальном искусстве и воспитывает их эстетический вкус, вдохновляя на творчество и развивая их мотивацию к занятиям хореографией.

Методическое обеспечение по организации танцевальных занятий для развития мотивации у детей дошкольного возраста в хореографических коллективах: Научно-методической литературы, дополнительных общеобразовательных общеразвивающих программ художественной направленности, просторное светлое помещение, наличие зеркал, хореографических станков и безопасного напольного покрытия являются неотъемлемыми условиями для формирования знаний умений и навыков в танце. Качество акустического сопровождения играет ключевую роль в создании атмосферы для творчества и самовыражения, поэтому интеграция современных технологий и методик в сочетании с сохранением классических основ хореографического образования способствует улучшению учебного процесса, способствует освоению базовых танцевальных движений и развивая свою индивидуальность в процессе танца. При таком подходе основанные на принципах последовательности и доступности методики, включая игровые элементы, показы, объяснения и импровизацию, способствуют созданию положительной эмоциональной атмосферы, что является важным условием для поддержания интереса детей к занятиям. Интеграция музыкально-ритмических игр, партнерной гимнастики и детской йоги, использо-

вание методов образных сравнений значительно обогащает образовательный процесс.

Оборудование и материалы для проведения занятия: музыка для разминки и танцев (доступные треки или детские песни); мяч для игры «Передай ритм»; помещение, достаточно большое для свободного движения.

Успешное освоение хореографической программы для детей дошкольного возраста требует комплексного подхода, объединяющего использование разнообразного вспомогательного оборудования и методик, способствующих развитию двигательных навыков и интереса к занятиям. Гимнастические коврики, мячи, обручи, ленты и платочки делают занятия увлекательными, помогая детям в освоении разных физических качеств. Наличие специальной формы для занятий – купальников и танцевальной обуви – формирует у детей дошкольного возраста чувство причастности к коллективу и повышает их уверенность в себе. В таком контексте диагностический инструментарий, включающий карты наблюдений и контрольные задания и формируя у них стойкую мотивацию к занятиям.

Взаимодействие традиционных и инновационных педагогических подходов в хореографическом творчестве создает уникальную образовательную среду, которая обогащает процесс обучения и дает детям возможность развития своих творческих способностей в более полной форме. Традиционные методы (изучение танцевальной техники, разучивание танцевальных комбинаций и знакомство с историей искусства танца) закладывают основательный фундамент для формирования ритмического и эстетического восприятия. В то же время инновационные подходы, включающие современные технологии, игровые элементы и интеграцию междисциплинарных знаний, способствуют развитию гибкости мышления, креативности и индивидуального стиля у обучающихся. При таком подходе комбинирование устоявшихся педагогических практик с новыми методами поддерживает интерес детей дошкольного возраста к занятиям хореографией, способствуя пониманию и осмыслению танцевального искусства.

Инновационный опыт, основанный на комплексном подходе разучивания танцевальных комбинаций по принципу «от простого к сложному», является инструментом для развития танцевальных способностей детей дошкольного возраста, сочетая в себе визуальный, теоретический, практический и рефлексивный компоненты. Такой подход обеспечивает структурированное освоение новых танцевальных движений через наглядное представление и теоретическое объяснение, ак-

центрируя внимание на практике и многократном повторении через развитие мышечной памяти и уверенности в исполнении. Анализ видеозаписей практических занятий способствует критической оценке сильных и слабых сторон, что способствует их самосознанию и дальнейшему развитию.

Выводы

Таким образом, методическое обеспечение по организации танцевальных занятий, направленных на развитие мотивации у детей дошкольного возраста в хореографических коллективах, играет ключевую роль в формировании позитивного отношения к танцу и творческой самореализации младших участников. Важнейшими аспектами данного подхода являются создание благоприятной эмоциональной атмосферы, применение интересных и доступных методик обучения и вовлечение детей в активное взаимодействие через игровые элементы и сотрудничество. Внедрение разных форм работы, таких как работа в малых группах, использование музыкально-ритмических игр и проведение показательных выступлений, способствует повышению заинтересованности.

Формируя мотивацию у детей дошкольного

возраста в хореографических коллективах, является приоритетным аспектом успешного обучения и развития, и для его эффективного осуществления необходимо создание целого ряда педагогических условий – обеспечении эмоционально позитивной атмосферы, где каждый ребенок чувствует себя принятым и ценным, что способствует развитию уверенности в своих силах. Педагоги-хореографы, проводящие занятия с детьми дошкольного возраста в хореографических коллективах, играют ключевую роль в формировании позитивного отношения к танцу и творческой самореализации младших участников. Важнейшими аспектами данного подхода являются создание благоприятной эмоциональной атмосферы, применение интересных и доступных методик обучения и вовлечение детей в активное взаимодействие через игровые элементы и сотрудничество. Внедрение разных форм работы, таких как работа в малых группах, использование музыкально-ритмических игр и проведение показательных выступлений, способствует повышению заинтересованности и уверенности детей, что делает танцевальные занятия не только полезными, но и увлекательными.

Список источников

1. Александрова Н.Г. О ритмическом воспитании. М.: Музыка, 2001. 154с.
2. Бахрушин Ю.А. Виртуоз настроения. М.: Академия, 2005. 75 с.
3. Ветлугина Н.А. Музыкальное развитие ребенка. М.: Просвещение, 2001. 203 с.
4. Зарецкая Н.В. Танцы для детей старшего дошкольного возраста пособие для практических работников ДОУ. М.: Айриспресс, 2005. 115 с.
5. Зарецкая Н.В. Танцы для детей среднего дошкольного возраста пособие для практических работников ДОУ. М.: Айрис-пресс, 2008. 207 с.
6. Зарецкая Н.В., Роот З.Я. Танцы в детском саду. Роот. М.: Айрис-пресс, 2006. 112 с.
7. Колодницкий Г.А. Музыкальные игры, ритмические упражнения и танцы для детей: практическое пособие. М.: Гном-Пресс, 2001. 340 с.
8. Коренева Т.Ф. Музыкально-ритмические движения для детей дошкольного и младшего школьного практическое пособие. М.: Гном-Пресс, 2001. 350 с.
9. Цукарь А.Я. Уроки развития воображения. М.: Академия, 2000. 214 с.
10. Шадриков В.Д. Качество педагогического образования. М.: Логос, 2012. 266 с.
11. Хуторской А.В. Педагогическая инноватика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., стер. Москва: Академия, 2010. 252 с.

References

1. Aleksandrova N.G. On rhythmic education. Moscow: Muzyka, 2001. 154 p.
2. Bakhrushin Yu.A. Virtuoso of mood. Moscow: Academy, 2005. 75 p.
3. Vetlugina N.A. Musical development of the child. Moscow: Education, 2001. 203 p.
4. Zaretskaya N.V. Dancing for children of senior preschool age a manual for practical workers of preschool educational institutions. Moscow: Irispress, 2005. 115 p.
5. Zaretskaya N.V. Dancing for children of middle preschool age a manual for practical workers of preschool educational institutions. Moscow: Iris-press, 2008. 207 p.
6. Zaretskaya N.V., Root Z.Ya. Dancing in kindergarten. Root. Moscow: Iris-press, 2006. 112 p.
7. Kolodnitsky G.A. Musical games, rhythmic exercises and dances for children: a practical guide. Moscow: Gnome-Press, 2001. 340 p.

8. Koreneva T.F. Musical and rhythmic movements for preschool and primary school children: a practical guide. Moscow: Gnome-Press, 2001. 350 p.
9. Tsukar A.Ya. Lessons in the development of imagination. Moscow: Academy, 2000. 214 p.
10. Shadrikov V.D. Quality of pedagogical education. Moscow: Logos, 2012. 266 p.
11. Khutorskoy A.V. Pedagogical innovation: a teaching aid for students of higher educational institutions. 2nd ed., reprinted. Moscow: Academy, 2010. 252 p.

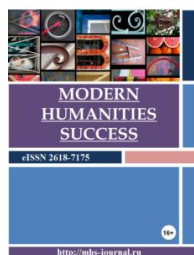
Информация об авторах

Шанкина С.В., доктор педагогических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Шанкин Ю.В., доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Шушпанова Е.Ю., методист Центра бальной хореографии, института дополнительного образования, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

© Шанкина С.В., Шанкин Ю.В., Шушпанова Е.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка (педагогические науки)
УДК 37.015.31

Особенности психологического благополучия студентов в условиях образовательной среды вуза

¹ Федоров П.О.,

¹ *Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта*

Аннотация: в статье рассматриваются особенности психологического благополучия личности в контексте социокультурных изменений современного общества. Обоснована актуальность изучения психологического благополучия как ключевого индикатора субъективного восприятия жизнедеятельности человека, отражающего уровень его адаптации, самореализации и устойчивости к стрессовым воздействиям. Проанализированы различия в уровнях психологического благополучия между студентами и взрослыми респондентами в возрастной группе 20–35 лет на основе эмпирических данных, полученных с использованием шкалы К. Рифф. Показано, что студенты, особенно женщины, демонстрируют более низкие показатели по ряду параметров благополучия по сравнению с нормативными значениями. Сделан вывод о необходимости развития психолого-педагогических интервенций, направленных на укрепление личностных ресурсов в студенческой среде.

Ключевые слова: образовательная среда, психологическое благополучие, студенты, личность, шкала К. Рифф

Для цитирования: Федоров П.О. Особенности психологического благополучия студентов в условиях образовательной среды вуза // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 240 – 246.

Поступила в редакцию: 9 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Peculiarities of students' psychological well-being in the educational environment of a university

¹ Fedorov P.O.,

¹ *Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health*

Abstract: the article examines the characteristics of psychological well-being in the context of the sociocultural changes of modern society. The relevance of studying psychological well-being as a key indicator of a person's subjective perception of life activity is substantiated. It reflects the level of adaptation, self-actualization, and resistance to stress. The paper analyzes the differences in psychological well-being between students and adult respondents aged 20–35 based on empirical data obtained using C. Ryff's Psychological Well-Being Scale. The findings indicate that students, especially female students, demonstrate lower scores on several well-being parameters compared to normative values. The authors conclude that there is a need to develop psycho-pedagogical interventions aimed at strengthening personal resources within the student population.

Keywords: educational environment, psychological well-being, students, personality, C. Ryff's scale

For citation: Fedorov P.O. Features of students' psychological well-being in the educational environment of a university. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 240 – 246.

The article was submitted: April 9, 2025; Approved after reviewing: June 6, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В условиях стремительных изменений в образовательной среде и повышенных требований к адаптации, психологическое благополучие студентов становится ключевым фактором их успешного обучения и личностного развития. Интенсивная динамика развития общества предъявляет высокие требования к личностному и профессиональному потенциалу современного человека, что нередко усложняет достижение психологического равновесия. Современные исследования подчеркивают особую важность изучения этого феномена именно в период адаптации к обучению в вузе, когда студенты сталкиваются с новыми социальными и академическими трудностями [5, 7, 8].

Термин «психологическое благополучие» был введен Н. Бредберном, который определял его как субъективное ощущение счастья и общей удовлетворенностью жизнью [2]. Психологическое благополучие студентов определяется как системное позитивное состояние, включающее в себя хорошее функционирование, осмысленность жизни и удовлетворенность собой [1, 6, 10]. Особенности этого состояния могут варьироваться в зависимости от специальности обучения [11]. Так, у студентов творческих направлений чаще наблюдается средний уровень благополучия, что может быть связано с большим количеством практических занятий, способствующих самореализации [9].

Для оценки психологического благополучия в настоящем исследовании использовалась методика К. Рифф «Шкала психологического благополучия» в адаптации Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко, зарекомендовавшая себя как надежный инструмент в исследованиях [3, 12].

Цель исследования: является анализ уровня психологического благополучия студентов с использованием указанной методики, что позволит выявить ключевые факторы, влияющие на их адаптацию и успешность в образовательной среде. Развитие психофизиологических процессов отражают структурные характеристики психологической готовности личности: мотивационно-потребностные, когнитивные, психомоторные, эмоционально-волевые и др. [3, 5, 9]. Психологическая готовность спортсмена проявляется в разной степени психического напряжения и прочно-сти в показателях мнемических, перцептивных и

интеллектуальных процессах, когнитивной гибкости, коррекции ошибок, вследствие необходимости действовать в ситуациях стресса, возникающих в соревновательной деятельности [4, 6, 10].

Материалы и методы исследований

Анкетирование проводилось с целью определения психологического благополучия. Применялся психологический опросник «Шкала психологического благополучия К. Рифф» (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко). Данный опросник состоит из 84 пунктов и включает 6 шкал и интегральный показатель: шкала «Положительные отношения с другими»; шкала «Автономия»; шкала «Управление окружением»; шкала «Личностный рост»; шкала «Цель в жизни»; шкала «Самопринятие».

Респондентам предлагалось выбрать цифру, которая лучше всего отражает степень согласия/несогласия с каждым утверждением, из предлагаемых утверждений касаясь их отношения к себе и своей жизни. Обработка и интерпретация результатов теста. Утверждения приписывается значение в баллах, равное числовому значению ответа в бланке ответов. Часть пунктов интерпретируются в обратных значениях: Подсчёт баллов производится по основным шкалам. Результаты опроса имеют следующие уровни выраженности: 0-323 баллов – низкий уровень психологического благополучия; 324-353 баллов – средний уровень психологического благополучия; 354 и выше баллов – высокий уровень психологического благополучия. Далее определяются респонденты с наибольшим и наименьшими баллами по шкалам и по этим «приведенным» баллам рассчитывается среднее арифметическое как в целом, так и отдельно по каждой шкале и происходит сравнение с нормативными показателями теста психологического благополучия.

Результаты и обсуждения

Для обобщённой оценки состояния психологического благополучия студентов был рассчитан интегральный показатель, отражающий совокупность всех диагностируемых компонентов. На основе количественных значений определены три уровня выраженности: низкий, средний и высокий. В табл. 1 представлено распределение респондентов по каждому из уровней в соответствии с набранными баллами.

Таблица 1

Распределение студентов по уровням выраженности психологического благополучия.

Table 1

Distribution of students by levels of psychological well-being.

Уровни выраженности психологического благополучия	Баллы	Количество студентов (n)
Низкий уровень	0-323	48
Средний уровень	324-353	29
Высокий уровень	354 и выше	90

Анализ распределения уровней психологического благополучия среди студентов показал следующую тенденцию. Наибольшее количество респондентов ($n = 90$; 53,9%) продемонстрировали высокий уровень выраженности психологического благополучия, что свидетельствует о достаточной сформированности позитивных личностных установок, способности к саморегуляции, адаптации и наличии устойчивой жизненной направленности.

Средний уровень был зафиксирован у 29 студентов (17,4%), что может указывать на частичную реализацию компонентов психологического благополучия и потенциальную необходимость в психологической поддержке в условиях повышенных академических или социальных нагрузок.

В то же время низкий уровень выраженности наблюдается у 48 человек (28,7%). Это свидетель-

ствует о наличии трудностей в эмоциональной сфере, сниженной мотивации, возможной неудовлетворенности личностной и социальной реализацией.

Также в результате проведенного анализа эмпирических данных были выявлены и систематизированы основные показатели психологического благополучия студентов. Исследование строилось на основе интегрального подхода, предполагающего оценку различных аспектов психоэмоционального состояния личности. Диагностика проводилась по следующим шкалам: позитивные отношения с другими, автономия, управление средой, личностный рост, цели в жизни, самопринятие, а также общий уровень психологического благополучия. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Общие показатели психологического благополучия по опроснику «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко).

Table 2

Overall indicators of psychological well-being according to the "Psychological Well-Being Scale" questionnaire by C. Ryff (adapted by T.D. Shevelenkova, P.P. Fesenko).

Шкала	n	$\bar{x}$	$S_{\bar{x}}$
Позитивные отношения	167	61,91	0,79
Автономия		56,75	0,83
Управление средой		56,49	0,85
Личностный рост		64,33	0,75
Цели в жизни		61,28	0,85
Самопринятие		58,22	0,85
Психологическое благополучие		358,98	4,05

Примечание. n – объем выборки; $\bar{x}$ – среднее арифметическое; $S_{\bar{x}}$ – ошибка среднего арифметического.

Note: n is the sample size; $\bar{x}$ is the arithmetic mean; $S_{\bar{x}}$ is the error of the arithmetic mean.

Каждая из представленных шкал рис. 1, отражает определённую сторону внутреннего мира и социальной адаптации студентов. Так, шкала «позитивные отношения» характеризует способность к установлению и поддержанию теплых, доверительных и стабильных межличностных связей. Шкала «автономия» отражает степень независи-

мости и устойчивости к внешнему давлению. «Управление средой» оценивает способность эффективно справляться с повседневными задачами, использовать доступные ресурсы и адаптироваться к изменениям. Показатель «личностный рост» свидетельствует о стремлении к самосовершенствованию и развитию потенциала. Шкала «цели в

жизни» демонстрирует наличие смысла, направленности и мотивации в деятельности. «Самопринятие» отражает уровень позитивного отношения к себе, признание своих сильных и слабых сторон.

Обобщенный показатель «психологического благополучия» интегрирует все вышеперечисленные аспекты, давая целостное представление о внутреннем состоянии студентов.

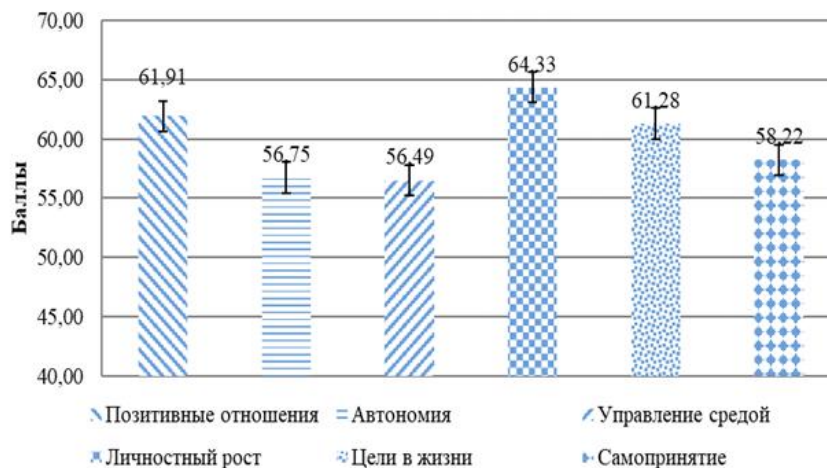

Рис. 1. Показатели по шкалам психологического благополучия студентов (n=167).
Fig. 1. Scores on the psychological well-being scales of students (n=167).

На рисунке представлены средние значения показателей по шкалам психологического благополучия студентов. Наивысшее среднее значение зафиксировано по шкале «Личностный рост» (64,33 балла), за которой следуют «Позитивные отношения» (61,91 балла) и «Цели в жизни» (61,28 балла). Несколько ниже оказались показатели по шкале «Самопринятие» (58,22 балла), а также

«Управление средой» (56,75 балла) и «Автономия» (56,49 балла). Наименьшие значения относятся к шкалам, отражающим способность к самостоятельности и адаптации к внешним условиям. Разброс значений между шкалами указывает на вариативность выраженности отдельных компонентов психологического благополучия.

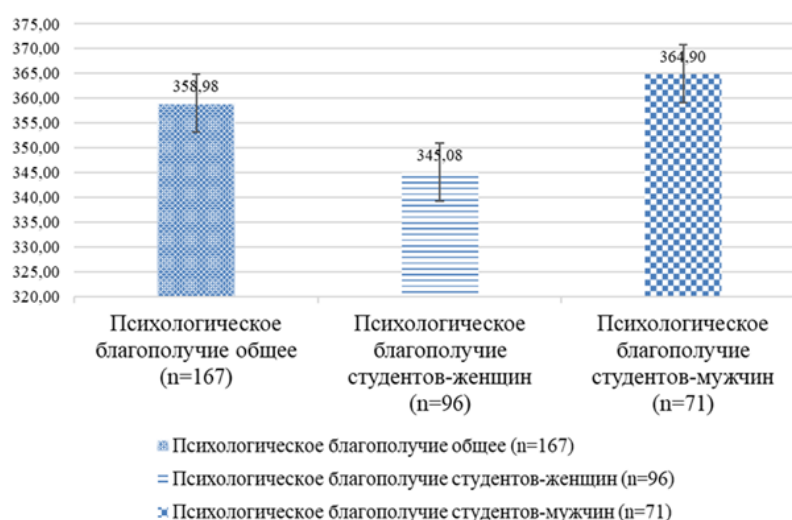

Рис. 2. Общие показатели психологического благополучия студентов.
Fig. 2. Overall indicators of students' psychological well-being.

Анализ представленных данных рис. 2 свидетельствует о наличии гендерных различий в уровне психологического благополучия студентов. Среднее значение психологического благополучия в общей выборке (n = 167) составило 358,98 балла.

При этом у студентов-мужчин (n = 71) данный показатель оказался выше – 364,90 балла, тогда как у студентов-женщин (n = 96) он составил 345,08 балла. Полученные результаты позволяют утверждать, что студенты-мужчины демонстрируют

более высокий уровень психологического благополучия по сравнению со студентками. Это может свидетельствовать о наличии половых различий в адаптационных механизмах, уровне удовлетворённости жизнедеятельностью и устойчивости к психоэмоциональным нагрузкам в условиях обра-

зовательной среды.

Сравнительный анализ позволит оценить особенности психологического благополучия у студентов по сравнению с показателями, принятыми за норму, табл. 3.

Таблица 3

Сравнительный анализ отклонений от нормы в показателях психологического благополучия студентов.

Table 3

Comparative analysis of deviations from the norm in students' psychological well-being indicators.

Шкала	Мужчины 20-35 лет $\bar{x} \pm S_{\bar{x}}$		Студенты мужчины $\bar{x} \pm S_{\bar{x}}$ (n=71)		Женщины 20-35 лет $\bar{x} \pm S_{\bar{x}}$		Студенты женщины $\bar{x} \pm S_{\bar{x}}$ (n=96)	
Позитивные отношения	63	7,12	60,83	1,28	65	8,28	62,71	0,99
Автономия	56	6,86	58,51	1,27	58	7,31	55,45	1,08
Управление средой	57	6,27	59,85	1,45	58	7,35	54,01	0,94
Личностный рост	65	4,94	63,39	1,37	65	6,04	65,02	0,82
Цели в жизни	63	5,16	61,77	1,33	64	6,19	60,91	1,10
Самопринятие	59	6,99	60,55	1,30	61	9,08	56,50	1,10
Психологическое благополучие	363	24,2	364,90	6,96	370	34,68	354,59	4,79

Примечание. n – объем выборки; $\bar{x}$ – среднее арифметическое; $S_{\bar{x}}$ – ошибка среднего арифметического.

Note: n is the sample size; $\bar{x}$ is the arithmetic mean; $S_{\bar{x}}$ is the error of the arithmetic mean.

Анализ отклонений показателей психологического благополучия студентов от нормативных значений, соответствующих взрослым мужчинам и женщинам в возрасте 20–35 лет, позволяет сделать ряд значимых выводов.

В группе студентов мужского пола наблюдаются положительный прирост от нормы по шкалам автономии (+2,51), управления средой (+2,85) и самопринятия (+1,55). Эти результаты могут отражать формирование личностной зрелости, развитие независимости и способность эффективно справляться с внешними обстоятельствами в академической среде. Данные показатели свидетельствуют о достаточно высоком уровне адаптационных ресурсов у студентов мужского пола, что, вероятно, связано с этапом активного освоения социальных ролей и приобретения профессиональной идентичности.

Остальные шкалы, включая позитивные отношения, личностный рост и цели в жизни, демонстрируют незначительные отрицательные отклонения от нормы (в пределах ± 2 баллов), что, по видимому, не выходит за пределы вариативной нормы и указывает на относительную стабильность субъективного благополучия. Интегральный показатель общего психологического благополучия у студентов-мужчин даже немного превышает возрастную норму (+1,90), подтверждая общее

благоприятное состояние их психоэмоционального фона.

В то же время среди студенток выявлены выраженные отрицательные значения практически по всем шкалам. Особенно значимыми являются снижения по шкале самопринятия (–4,5), управления средой (–3,99) и целей в жизни (–3,09). Это может указывать на высокую степень внутренней напряжённости, неуверенности и недостаточной сформированности механизмов субъективного контроля над жизненной ситуацией. Подобные особенности зачастую являются отражением адаптационных трудностей, обусловленных как личностными, так и социальными факторами, включая академические и гендерные стереотипы.

Единственной шкалой, по которой студентки демонстрируют значения, сопоставимые с нормативными, является личностный рост. Это свидетельствует о сохранности мотивационной направленности на развитие и самореализацию, несмотря на общее снижение уровня психологического благополучия. Интегральный показатель общего благополучия у студенток оказывается существенно ниже нормы – на 15,41 балла, что может интерпретироваться как признак выраженной психологической уязвимости в данной группе.

Выводы

В ходе проведённого исследования удалось вы-

явить важные особенности психологического благополучия студентов в условиях образовательной среды вуза. Большинство опрошенных (53,9 %) показали высокий уровень психологического благополучия, что свидетельствует о сформированной способности к адаптации, саморегуляции и наличии позитивной жизненной направленности. Вместе с тем у 28,7 % студентов выявлен низкий уровень, что говорит о наличии трудностей в эмоциональной сфере и необходимости психолого-педагогической поддержки.

Выраженные гендерные различия проявились в том, что студенты-мужчины показали более высо-

кие результаты по шкалам «Автономия», «Управление средой» и «Самопринятие», тогда как у студенток наблюдаются существенные отклонения вниз, особенно по шкале самопринятия. Это свидетельствует о большем уровне адаптационных трудностей у девушек и необходимости в целенаправленных мерах поддержки. Результаты подчёркивают значимость изучения влияния учебного процесса на уровень психологического благополучия как важного условия успешной адаптации студентов.

Список источников

1. Асадуллин М.Р. Теоретический анализ понятия «психологическое благополучие» человека // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 228 – 240.
2. Батулин Н.А., Башкатов С.А., Гафарова Н.В. Теоретическая модель личностного благополучия // Вестник ЮУрГУ. 2013. Т. 6. № 4. С. 4 – 14.
3. Белинская Е.Д. Особенности сепарации от родителей и психологическое благополучие студентов // StudArctic Forum: электронный научный студенческий журнал. 2023. Т. 8. № 4. С. 158 – 167: табл. Библиогр. в конце ст. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.petsu.ru/books/65605> (дата обращения: 06.03.2025)
4. Гордеева П.А. Психологическое благополучие курсантов с разными стратегиями адаптации в образовательной среде военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации: дис. ... канд. психол. наук / Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», диссовет (33.2.014.03). Новосибирск, 2024. 277 с.
5. Мальцева О.Е. Психологическое благополучие студентов-первокурсников // Научные революции: сущность и роль в развитии науки и техники: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 10 авг. 2021 г. Уфа : ООО "Аэтерна", 2021. С. 307 – 312.
6. Нартова-Бочавер С.К., Ходаковская Э.Н., Юрчук В.Ю. Ситуационно-событийный подход к пониманию психологического благополучия/неблагополучия студенческой молодежи [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13. № 4. С. 41 – 50.
7. Никитина А.А., Кувшинова А.Е. Взаимосвязь социально-психологической адаптированности, психологического благополучия и типов профессиональной идентичности у современных студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 85-3. С. 438 – 441.
8. Самохвалова А.Г., Шипова Н.С., Тихомирова Е.В., Вишневская О.Н. Психологическое благополучие современных студентов: типология и мишени психологической помощи // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 1 (115). С. 29 – 48.
9. Сорокоумова Е.А., Ли Н.О. Исследование психологического благополучия у студентов педагогических и творческих специальностей [Электронный ресурс] // RUSMED. 2025. № 1. С. 67 – 76. Режим доступа: <https://medj.rucml.ru/journal> (дата обращения: 06.03.2025)
10. Терехина Ю.А. Особенности психологического благополучия студентов (на примере педагогического университета) // Интеграция психолого-педагогических наук и актуальных образовательных практик: сб. матер. VI Междунар. студенч. науч.-практ. очной конф., Оренбург, 25 апр. 2023 г. Оренбург: [б. и.], 2023. С. 338 – 341.
11. Худякова Т.Л., Гридяева Л.Н., Клепач Ю.В. Особенности психологического благополучия личности студентов на разных этапах обучения в вузе // Личность в пространстве и времени. 2018. № 7. С. 150 – 156.
12. Шкала благополучия К. Рифф [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://center-imc.ru/wp-content/uploads/2023/09/Шкала-благополучия-К.-Рифф.pdf> (дата обращения: 06.03.2025)

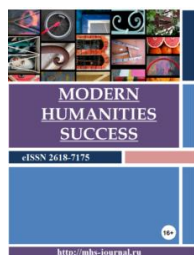
References

1. Asadullin M.R. Theoretical analysis of the concept of "psychological well-being" of a person. Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2022. Vol. 11. No. 6A. P. 228 – 240.
2. Baturin N.A., Bashkatov S.A., Gafarova N.V. Theoretical model of personal well-being. Bulletin of SUSU. 2013. Vol. 6. No. 4. P. 4 – 14.
3. Belinskaya E.D. Features of separation from parents and psychological well-being of students. StudArctic Forum: electronic scientific student journal. 2023. Vol. 8. No. 4. P. 158 – 167: table. Bibliography at the end of the article. [Electronic resource]. Access mode: <http://elibrary.petsu.ru/books/65605> (date accessed: 06.03.2025)
4. Gordeeva P.A. Psychological well-being of cadets with different adaptation strategies in the educational environment of military institutes of the troops of the national guard of the Russian Federation: diss. ... candidate of psychological sciences. Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin ", dissertation council (33.2.014.03). Novosibirsk, 2024. 277 p.
5. Maltseva O.E. Psychological well-being of first-year students. Scientific revolutions: essence and role in the development of science and technology: collection of articles. Int. scientific and practical conf., Ufa, August 10. 2021 Ufa: OOO "Aeterna", 2021. P. 307 – 312.
6. Nartova-Bochaver S.K., Khodakovskaya E.N., Yurchuk V.Yu. Situational-event approach to understanding the psychological well-being. ill-being of student youth [Electronic resource]. Modern foreign psychology. 2024. Vol. 13. No. 4. P. 41 – 50.
7. Nikitina A.A., Kuvshinova A.E. The relationship between socio-psychological adaptability, psychological well-being and types of professional identity in modern students. Problems of modern pedagogical education. 2024. No. 85-3. P. 438 – 441.
8. Samokhvalova A.G., Shipova N.S., Tikhomirova E.V., Vishnevskaya O.N. Psychological well-being of modern students: typology and targets of psychological assistance. Counseling psychology and psychotherapy. 2022. Vol. 30. No. 1 (115). P. 29 – 48.
9. Sorokoumova E.A., Li N.O. Study of psychological well-being in students of pedagogical and creative specialties [Electronic resource]. RUSMED. 2025. No. 1. P. 67 – 76. Access mode: <https://medj.rucml.ru/journal> (date accessed: 06.03.2025)
10. Terekhova Yu.A. Features of psychological well-being of students (on the example of a pedagogical university). Integration of psychological and pedagogical sciences and current educational practices: collection of materials. VI Int. student's scientific-practical full-time conf., Orenburg, April 25, 2023. Orenburg: [b. i.], 2023. P. 338 – 341.
11. Khudyakova T.L., Gridyaeva L.N., Klepach Yu.V. Features of psychological well-being of students' personality at different stages of study at the university. Personality in space and time. 2018. No. 7. P. 150 – 156.
12. Well-being scale of K. Riff [Electronic resource]. Access mode: <https://center-imc.ru/wp-content/uploads/2023/09/Шкала-доброполюия-К.-Риф.pdf> (date of access: 06.03.2025)

Информация об авторе

Федоров П.О., аспирант, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта ул. Декабристов, 35, Санкт-Петербург, Россия, 190121, Pasha-swimming99@mail.ru

© Федоров П.О., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
(педагогические науки)
УДК 37.015.3:374.74

Педагогические условия эффективности психолого-педагогической поддержки эмоционального благополучия младших школьников в объединении дополнительного образования

¹ *Зубкова И.В.,*

¹ *Московский педагогический государственный университет*

Аннотация: в статье рассматривается проблема обеспечения эмоционального благополучия младших школьников в условиях дополнительного образования. Определено содержание понятия «психолого-педагогическая поддержка» как целенаправленной системы мер, способствующей гармонизации эмоциональной сферы личности ребенка. Выявлены и теоретически обоснованы педагогические условия, необходимые для эффективной реализации данной поддержки, включая: создание доверительной и безопасной образовательной среды, применение интерактивных и рефлексивных методов обучения, акцентирование на развитии эмпатии и навыков эмоциональной саморегуляции, а также повышение психолого-педагогической компетентности педагога. Представлены результаты экспериментального исследования, подтверждающие эффективность выделенного комплекса педагогических условий. В ходе исследования зафиксировано значительное улучшение психологического климата, повышение уровня эмоциональной осведомленности и эмпатии у младших школьников экспериментальной группы. Сделаны выводы о ведущей роли системной реализации данных педагогических условий в обеспечении устойчивого эмоционального благополучия детей в системе дополнительного образования.

Ключевые слова: эмоциональное благополучие, младший школьный возраст, психолого-педагогическая поддержка, педагогические условия, дополнительное образование, эмоциональное развитие, социальная адаптация

Для цитирования: Зубкова И.В. Педагогические условия эффективности психолого-педагогической поддержки эмоционального благополучия младших школьников в объединении дополнительного образования // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 247 – 254.

Поступила в редакцию: 9 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Pedagogical conditions for the effectiveness of psychological and pedagogical support for the emotional well-being of primary school students in the association of additional education

¹ *Zubkova I.V.,*

¹ *Moscow Pedagogical State University*

Abstract: the article considers the problem of ensuring the emotional well-being of primary school students in the context of additional education. The content of the concept of "psychological and pedagogical support" is defined as a targeted system of measures that promotes harmonization of the emotional sphere of the child's personality. The pedagogical conditions necessary for the effective implementation of this support are identified and theoretically substantiated, including: creating a trusting and safe educational environment, using interactive and reflective teaching methods, emphasizing the development of empathy and emotional self-regulation skills, as well as increasing the psychological and pedagogical competence of the teacher. The results of an experimental study are presented, confirming the effectiveness of the identified set of pedagogical conditions. The study recorded a significant improvement in the psychological climate, an increase in the level of emotional awareness and empathy in primary school students of the experimental group. Conclusions are made about the leading role of the systemic implementation of these pedagogical conditions in ensuring sustainable emotional well-being of children in the additional education system.

Keywords: emotional well-being, primary school age, psychological and pedagogical support, pedagogical conditions, additional education, emotional development, social adaptation

For citation: Zubkova I.V. Pedagogical conditions for the effectiveness of psychological and pedagogical support for the emotional well-being of primary school students in the association of additional education. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 247 – 254.

The article was submitted: April 9, 2025; Approved after reviewing: June 6, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Период младшего школьного возраста является сензитивным для формирования основ личностной культуры, включая эмоциональную сферу. Поступление в школу, адаптация к новым социальным ролям, учебной деятельности и коллективу сверстников создают повышенную нагрузку на психоэмоциональную систему ребенка. В этих условиях обеспечение эмоционального благополучия становится одной из приоритетных задач современной педагогики. Эмоциональное благополучие, понимаемое как устойчивое положительное эмоциональное состояние, чувство защищенности и внутренней гармонии, выступает основой для успешного когнитивного развития, формирования адекватной самооценки и продуктивных межличностных отношений. Как справедливо отмечает О.В. Чикишева, психологические и педагогические особенности детей данного возраста требуют особого внимания к организации образовательного процесса, который должен не только обучать, но и поддерживать [5, 7].

В то время как роль общеобразовательной школы в этом процессе активно изучается, потенциал системы дополнительного образования остается недостаточно раскрытым. Объединения дополнительного образования, основанные на добровольном выборе ребенка, его интересах и склонностях, обладают уникальными возможностями для создания неформальной, творческой и психологически комфортной среды. Именно здесь ребенок может реализовать свои потребности в самовыражении, признании и успешности, что напрямую влияет на его эмоциональное состояние. У.П. Шатковская подчеркивает, что внеурочная деятельность предоставляет определенные возможности для целенаправленного формирования эмоционального благополучия младших школьников [6, 10].

Однако стихийно созданная благоприятная атмосфера не всегда гарантирует достижение поставленной цели. Необходима целенаправленная, системная работа, определяемая как психолого-педагогическая поддержка. В контексте нашего исследования мы опираемся на трактовку данного

понятия, предложенную М.А. Чавтараевой и Г. Ш. Тажутдиновой, которые рассматривают поддержку как условие свободного развития личности младшего школьника, основанное на вере в его потенциал и содействии в преодолении трудностей [4, 8]. Эффективность такой поддержки напрямую зависит от комплекса созданных педагогических условий. Под педагогическими условиями понимаем совокупность объективных возможностей и целенаправленных мер педагогического процесса, обеспечивающих достижение поставленной образовательной цели.

Актуальность исследования обусловлена противоречием между объективно высоким потенциалом системы дополнительного образования в содействии эмоциональному благополучию младших школьников и недостаточной разработанностью научно-методического обеспечения этого процесса, в частности, слабой изученностью комплекса педагогических условий, гарантирующих его эффективность.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели организовано и проведено экспериментальное исследование на базе учреждений дополнительного образования. В исследовании приняли участие 177 учащихся младшего школьного возраста (8-11 лет), из которых сформирована экспериментальная группа (ЭГ) в количестве 97 человек и контрольная группа (КГ) – 80 человек. Исследование проводилось в три этапа: констатирующий, формирующий и контрольный.

На констатирующем этапе проведена первичная диагностика с целью определения исходного уровня эмоционального благополучия и особенностей психологического климата в обеих группах. Формирующий этап составлял реализацию специально разработанной программы психолого-педагогической поддержки в экспериментальной группе. Контрольная группа продолжала занятия в рамках традиционной образовательной программы. Программа поддержки базировалась на комплексе следующих педагогических условий:

1. Создание психологически безопасной и доверительной среды. Данное условие реализовыв-

валось через установление правил группового взаимодействия (уважение к мнению другого, право на ошибку, конфиденциальность), использование ритуалов приветствия и прощания, организацию пространства, способствующего открытому общению. Педагог демонстрировал эмпатийное принятие каждого ребенка.

2. Интеграция в содержание занятий методов, направленных на развитие эмоционального интеллекта. Применялись такие технологии, как арт-терапия (рисование эмоций, лепка настроения), сказкотерапия, игровые методы (игры-драматизации, психогимнастические упражнения), групповые дискуссии на темы, связанные с переживаниями, дружбой, конфликтами.

3. Организация деятельности, основанной на сотрудничестве и взаимопомощи. Акцент смещался с индивидуальной конкуренции на достижение общих целей в малых группах и парах. Реализация совместных творческих проектов позволяла учащимся приобретать опыт продуктивного взаимодействия, что, по мнению С. Б. Серяковой и О. В. Галаковой, является основным для развития социальной компетентности [1].

4. Повышение психолого-педагогической компетентности педагога дополнительного образования. С педагогами, работающими в экспериментальной группе, проводились семинары и тренинги, направленные на освоение техник активного слушания, методов ненасильственного общения и способов оказания педагогической поддержки в различных ситуациях, как описывается в работах Н.Е. Трегубовой [2] и И.А. Шкабуры [7].

На контрольном этапе проведена повторная диагностика в обеих группах с использованием того же диагностического инструментария, что и на констатирующем этапе. Для сбора эмпирических данных использованы следующие методики:

- Методика оценки психологической атмосферы в коллективе (А.Ф. Фидлер) помогла оценить субъективное восприятие учащимися межличностных отношений в группе по биполярным шкалам («дружелюбие-враждебность», «согласие-несогласие», «удовлетворенность-неудовлетворенность» и др.).

- Методика «Специальная осведомленность: эмоции и чувства» (Е.И. Изотова). Инструмент направлен на выявление уровня развития эмоциональной сферы ребенка, его способности распознавать, вербализовать и понимать причины собственных и чужих эмоциональных состояний, а также проявлять эмпатию.

Анализ полученных данных проводился с использованием методов количественной и качественной обработки данных.

Результаты и обсуждения

Эффективность психолого-педагогической поддержки эмоционального благополучия младших школьников в объединениях дополнительного образования напрямую зависит от реализации ряда взаимосвязанных педагогических условий. Педагогические условия обеспечивают комплексный и системный подход к работе, направленный на создание оптимальной среды для гармоничного развития эмоциональной сферы ребёнка.

Основным педагогическим условием является формирование атмосферы доверия, принятия и безопасности. Дети должны чувствовать себя защищёнными, уверенными в том, что их эмоции будут поняты и приняты без осуждения. Данное педагогическое условие достигается благодаря эмпатичному отношению педагога, который проявляет искренний интерес к внутреннему миру каждого ребёнка, внимательно относится к его эмоциональным проявлениям. Отсутствие оценочного давления в образовательном процессе смещает фокус с результата на сам процесс деятельности и индивидуальные достижения, что значительно снижает тревожность и стимулирует детскую инициативу. Поддержка инициативы и самовыражения через предоставление возможности выбирать виды деятельности, высказывать своё мнение и проявлять творчество способствует формированию у детей чувства собственной значимости. Кроме того, организация совместной деятельности – проектов, игр, творческих заданий, выполняемых в группах – способствует развитию навыков сотрудничества, взаимопонимания и эмпатии. Как отмечает Н.Е. Трегубова, условия оказания педагогической поддержки младшим школьникам играют важную роль [2].

Каждый ребёнок уникален и обладает своими особенностями эмоционального развития, поэтому эффективная психолого-педагогическая поддержка требует индивидуализации и дифференциации подходов. Подразумевается учёт возрастных и индивидуальных особенностей, педагог должен понимать психолого-педагогические особенности младшего школьного возраста и учитывать индивидуальный темп развития, интересы и склонности каждого ребёнка при планировании занятий и оказании поддержки [5]. Вариативность форм и методов работы, включая разнообразные игровые, творческие, коммуникативные методы, направленные на развитие эмоциональной сферы, чтобы выбрать наиболее подходящие для каждого ребёнка. Гибкость образовательного процесса даёт возможность корректировать программы и содержание занятий в зависимости от потребностей и эмоционального состояния как группы в целом, так и

отдельного ребёнка. Наконец, систематическая диагностика – регулярное наблюдение за эмоциональным состоянием детей, проведение неформальных бесед и использование диагностических методик – помогает своевременно выявлять возможные трудности и корректировать работу.

Важным педагогическим условием является целенаправленное развитие у младших школьников эмоционального интеллекта и навыков саморегуляции, которое достигается за счет обучения распознаванию и называнию эмоций через игры, беседы, анализ литературных произведений и мультфильмов, чтобы помочь детям идентифицировать свои и чужие эмоции (радость, грусть, страх, злость и т.д.). Также важно формирование навыков выражения эмоций, то есть обучение социально приемлемым способам выражения как позитивных, так и негативных эмоций, альтернативным агрессии или подавлению. Развитие эмпатии достигается через специальные упражнения и ситуации, направленные на понимание чувств других людей, которые способствуют формированию сочувствия и сопереживания. Наконец, обучение стратегиям преодоления стресса знакомит детей с простыми техниками релаксации, дыхательными упражнениями и методами переключения внимания, которые помогают им справляться с негативными эмоциями и тревожностью.

Эффективность психолого-педагогической поддержки невозможна без тесного взаимодействия с родителями и координации со школьной средой. Такое педагогическое условие предполагает информирование родителей о целях и задачах психолого-педагогической поддержки, о достижениях их детей, а также о возможных трудностях. Консультации для родителей предоставляют индивидуальные рекомендации по вопросам эмоционального развития детей и созданию благоприятной домашней атмосферы. Вовлечение родителей в образовательный процесс, например, через участие в мероприятиях объединения дополнительного образования, способствует укреплению связи между семьей и учреждением. Кроме того, координация с педагогами общеобразовательной школы через обмен информацией о прогрессе ребёнка и согласование подходов к поддержке эмоцио-

нального благополучия обеспечивает комплексное и всестороннее воздействие.

Фундаментальным педагогическим условием является высокий уровень профессиональной компетентности педагога. С.Б. Серякова и О.В. Галакова подчёркивают значимость профессионализма педагога в развитии социальной компетентности младшего школьника [1, с. 10]. Компетентный педагог дополнительного образования должен обладать глубокими знаниями психологии младшего школьного возраста, понимая возрастные особенности эмоционального развития, кризисные периоды и механизмы формирования личности. Важно владение методами психолого-педагогической поддержки, а также умение применять разнообразные техники и приёмы для работы с эмоциональной сферой детей, такие как игровые, арт-терапевтические и релаксационные методики.

Необходимы также навыки эффективной коммуникации для установления доверительных отношений с детьми, родителями и коллегами, а также для эффективного разрешения конфликтных ситуаций. К личностным качествам педагога относятся эмпатия, толерантность, терпение, оптимизм, творческий подход и рефлексия. Наконец, готовность к непрерывному саморазвитию через постоянное повышение квалификации, изучение новой литературы, участие в семинарах и тренингах является залогом успешной работы. И.А. Шкабура отмечает, что педагогическая поддержка младшего школьника важна и в процессе читательской деятельности [7].

Эффективность реализованного комплекса педагогических условий, подробно описанных выше, нашла своё подтверждение в ходе экспериментального исследования. Анализ полученных результатов помог оценить степень позитивного влияния педагогических условий на эмоциональное благополучие младших школьников.

В табл. 1 обобщены данные сравнительного анализа констатирующего и контрольного этапов экспериментального исследования, проведенного с применением методики оценки психологической атмосферы в коллективе А.Ф. Фидлеру.

Таблица 1

Результаты психологической атмосферы младших школьников в коллективе.

Table 1

Results of the psychological atmosphere of junior schoolchildren in the group.

	Констатирующий эксперимент				Контрольный эксперимент			
	Экспериментальная группа		Контрольная группа		Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Кол-во уч-я	%	Кол-во уч-я	%	Кол-во уч-я	%	Кол-во уч-я	%
Дружелюбие	70	72,16	55	68,75	85	87,63	58	72,5
Враждебность	27	27,84	25	31,25	12	12,37	22	27,5
Согласие	65	67,01	50	62,5	80	82,47	53	66,25
Несогласие	32	32,99	30	37,5	17	17,53	27	33,75
Удовлетворенность	75	77,32	60	75	90	92,78	63	78,75
Неудовлетворенность	22	22,68	20	25	7	7,22	17	21,25
Продуктивность	68	70,10	58	72,5	82	84,54	61	76,25
Непродуктивность	29	29,90	22	27,5	15	15,46	19	23,75
Теплота	72	74,23	62	77,5	88	90,72	65	81,25
Холодность	25	25,77	18	22,5	9	9,28	15	18,75
Сотрудничество	69	71,13	65	81,25	83	85,57	68	85
Несогласованность	28	28,87	15	18,75	14	14,43	12	15
Взаимная поддержка	78	80,41	70	87,5	92	94,85	73	91,25
Недоброжелательность	19	19,59	10	12,5	5	5,15	7	8,75
Увлеченность	80	82,47	72	90	95	97,94	75	93,75
Равнодушие	17	17,53	8	10	2	2,06	5	6,25
Занимательность	76	78,35	68	85	91	93,81	71	88,75
Скука	21	21,65	12	15	6	6,19	9	11,25
Успешность	73	75,26	66	82,5	89	91,75	69	86,25
Безуспешность	24	24,74	14	17,5	8	8,25	11	13,75
Итого	97		80		97		80	

Данные табл. 1 показывают, что на констатирующем этапе в обеих группах преобладали в целом положительные оценки психологической атмосферы, однако показатели сопоставимы. После проведения формирующего этапа в экспериментальной группе наблюдается значительный рост по всем позитивным шкалам. Так, доля учащихся, оценивающих атмосферу как «дружелюбную», возросла с 72,16% до 87,63% (+15,47 п.п.), в то время как в контрольной группе этот рост был минимальным (с 68,75% до 72,5%, +3,75 п.п.). Особенно выразительна динамика по шкале «Удовлетворенность»: в ЭГ она увеличилась с 77,32% до 92,78% (+15,46 п.п.), а в КГ – лишь с 75% до 78,75% (+3,75 п.п.). Полученный результат свидетельствует о том, что целенаправленная работа по созданию доверительной среды и организации совместной деятельности привела к тому, что дети стали чувствовать себя в коллективе комфортно и защищенно. Снижение показателей по негативным шкалам («Враждебность», «Несогласие», «Неудо-

влетворенность») в ЭГ подтверждает данный вывод. Подобные изменения являются основой для формирования эмоционального благополучия личности, что согласуется с выводами М.Г. Харитоновой и М. С. Мануиловской [3].

Сравнительные данные, полученные на констатирующем и контрольном этапах, наглядно демонстрируют значительную положительную динамику в экспериментальной группе по ключевым показателям эмоционального благополучия, что подтверждает результативность педагогических условий.

Представленная табл. 2 обобщает результаты сравнительного анализа констатирующего и контрольного этапов экспериментального исследования, полученные с применением методики «Специальная осведомленность: эмоции и чувства» Е.И. Изотовой, которые напрямую отражают влияние педагогических условий по развитию эмоционального интеллекта.

Таблица 2

Результаты эмоций и чувств младших школьников.

Table 2

Results of emotions and feelings of primary school students.

	Констатирующий эксперимент				Контрольный эксперимент			
	Экспериментальная группа		Контрольная группа		Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Кол-во уч-я	%	Кол-во уч-я	%	Кол-во уч-я	%	Кол-во уч-я	%
Содержание эмоций и чувств	40	41,24	32	40	60	61,86	35	43,75
Выражение эмоций	24	24,74	19	23,75	40	41,24	21	26,25
Причины эмоциональных переживаний	17	17,52	14	17,5	30	30,93	16	20
Эмпатия	16	16,49	15	18,75	38	39,17	18	22,5
Итого	97		80		97		80	

Результаты, представленные в табл. 2, подтверждают и углубляют выводы, сделанные на основе анализа психологической атмосферы. На констатирующем этапе уровень эмоциональной осведомленности в обеих группах относительно невысок и практически не различался. После проведения формирующего эксперимента в ЭГ произошли существенные качественные изменения.

Наиболее значительный прирост зафиксирован по показателю «Эмпатия», где доля учащихся, демонстрирующих развитые эмпатийные способности, увеличилась с 16,49% до 39,17% (+22,68 п.п.) и является прямым следствием использования в работе с группой техник, направленных на распознавание и сопереживание эмоциональным состояниям других людей (анализ поступков героев сказок, обсуждение ситуаций из жизни). Существенно выросли и показатели, отражающие способность детей к рефлексии и вербализации своих чувств: «Содержание эмоций и чувств» (с 41,24% до 61,86%), «Выражение эмоций» (с 24,74% до 41,24%) и «Причины эмоциональных переживаний» (с 17,52% до 30,93%). В контрольной группе динамика по всем показателям была незначительной, что говорит об отсутствии целенаправленного педагогического влияния.

Таким образом, сопоставление данных обеих методик показали, что реализованный комплекс педагогических условий оказался эффективным. Улучшение психологического климата в коллективе создало благоприятный фон, на котором применение специальных методов и приемов работы с эмоциональной сферой привело к значимому развитию эмоциональной компетентности и, как следствие, к укреплению эмоционального бла-

гополучия младших школьников в экспериментальной группе.

Выводы

Проведенное теоретико-экспериментальное исследование помогло прийти к ряду выводов, подтверждающих исходную гипотезу. Эмоциональное благополучие младших школьников является сложным интегративным образованием, выступающим не только как цель, но и как условие полноценного личностного развития ребенка. Система дополнительного образования обладает значительным, но не всегда реализуемым потенциалом для осуществления эффективной психолого-педагогической поддержки в данном направлении.

В ходе исследования установлено, что эффективность психолого-педагогической поддержки эмоционального благополучия младших школьников в условиях объединения дополнительного образования обеспечивается реализацией следующего комплекса взаимосвязанных педагогических условий:

1. Создание аксиологически насыщенной образовательной среды, характеризующейся атмосферой психологической безопасности, доверия, взаимного уважения и принятия.

2. Целенаправленное обогащение содержания образовательного процесса за счет использования интерактивных и рефлексивных методов (арт-терапия, игротерапия, психогимнастика, групповые дискуссии), способствующих развитию эмоциональной грамотности и саморегуляции.

3. Приоритетная организация совместной творческой и проектной деятельности, которая формирует опыт конструктивного сотрудничества, взаимопомощи и развивает эмпатийные способности учащихся.

4. Повышение уровня профессиональной компетентности педагога в области психологии эмоционального развития и овладение им технологиями поддерживающего взаимодействия.

Результаты экспериментальной работы убедительно доказали, что внедрение данных педагогических условий в практику работы объединения дополнительного образования приводит к статистически значимым положительным изменениям. В экспериментальной группе зафиксировано существенное улучшение психологического климата

в коллективе, повышение уровня удовлетворенности детей от занятий и межличностных отношений, а также значительный рост показателей эмоциональной осведомленности, способности к распознаванию, вербализации, пониманию причин эмоций и проявлению эмпатии. Таким образом, подтверждается ведущая роль системно реализованных педагогических условий в обеспечении эмоционального благополучия младших школьников в условиях дополнительного образования.

Список источников

1. Серякова С.Б., Галакова О.В. О профессионализме педагога в развитии социальной компетентности младшего школьника. Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. Т. 10. № 3-2. С. 212 – 216.
2. Трегубова Н.Е. Сущность и условия оказания педагогической поддержки младшим школьникам // Наука и образование: Материалы I Международной научно-практической конференции: Сборник научных трудов, Таганрог, 30 августа 2014 года. Таганрог: Перо, 2014. С. 33 – 35.
3. Харитонов М.Г., Мануиловская М.С. Психологические условия формирования эмоционального благополучия личности. Психология и социальная педагогика: современное состояние и перспективы развития: сборник научных статей, Чебоксары, 20 апреля 2023 года. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2023. С. 367 – 373.
4. Чавтараева М.А., Тажутдинова Г.Ш. Психолого-педагогическая поддержка как условие свободного развития младших школьников. Учитель будущего – 2016: Материалы всероссийского конкурса с международным участием, Махачкала, 24 ноября 2016 года. Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2016. С. 385 – 390.
5. Чикишева О.В. Психолого-педагогические особенности детей младшего школьного возраста. Проблемы и перспективы развития образования: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, май 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 90 – 92.
6. Шатковская У.П. Формирование эмоционального благополучия младших школьников во внеурочной деятельности. Материалы Ивановских чтений. 2023. № 2 (41). С. 105 – 109.
7. Шкабура И.А. Педагогическая поддержка младшего школьника в процессе читательской деятельности. Начальная школа плюс «До и После». 2008. № 11. С. 3 – 5.
8. Заболотских Д.Г. Взаимодействие педагога дополнительного образования с родителями в объединении декоративно-прикладного творчества // Буллинг в образовательной среде. 2020. С. 88.
9. Шахова Л.И. Сопровождение психологической безопасности младших школьников и учащихся кадетских классов: риск-ресурсный подход // Известия Российского государственного педагогического университета им. АИ Герцена. 2015. № 174. С. 159 – 169.
10. Яковлева Е.В. Педагогическая поддержка младших школьников как условие их безопасного социального развития // Дошкольное и начальное образование: современные методические подходы. 2015. С. 157 – 166.

References

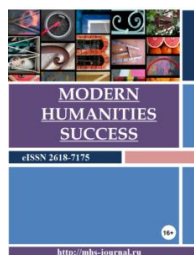
1. Seryakova S.B., Galakova O.V. On the professionalism of the teacher in the development of social competence of primary school students. Bulletin of the Voronezh State Technical University. 2014. Vol. 10. No. 3-2. P. 212 – 216.
2. Tregubova N.E. The nature and conditions of providing pedagogical support to primary school students. Science and education: Proceedings of the I International scientific and practical conference: Collection of scientific papers, Taganrog, August 30, 2014. Taganrog: Pero, 2014. P. 33 – 35.
3. Kharitonov M.G., Manuilovskaya M.S. Psychological conditions for the formation of an individual's emotional well-being. Psychology and social pedagogy: current state and development prospects: collection of scientific articles, Cheboksary, April 20, 2023. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovleva, 2023. P. 367 – 373.

4. Chavtaraeva M.A., Tazhutdinova G.Sh. Psychological and pedagogical support as a condition for the free development of primary school students. *Teacher of the Future* – 2016: Materials of the All-Russian competition with international participation, Makhachkala, November 24, 2016. Makhachkala: Dagestan State Pedagogical University, 2016. P. 385 – 390.
5. Chikisheva O.V. Psychological and pedagogical characteristics of primary school children. Problems and prospects for the development of education: materials of the II Intern. scientific conf. (Perm, May 2012). Perm: Mercury, 2012. P. 90 – 92.
6. Shatkovskaya U.P. Formation of emotional well-being of primary school students in extracurricular activities. *Proceedings of the Ivanovo Readings*. 2023. No. 2 (41). P. 105 – 109.
7. Shkabura I.A. Pedagogical support for younger students in the process of reading activities. *Primary school plus “Before and After”*. 2008. No. 11. P. 3 – 5.
8. Zabolotskikh D.G. Interaction of an additional education teacher with parents in combining arts and crafts. *Bulling in the educational environment*. 2020. P. 88.
9. Shakhova L.I. Supporting psychological safety of younger students and students of cadet classes: a risk-resource approach. *Bulletin of the Herzen Russian State Pedagogical University*. 2015. No. 174. P. 159 – 169.
10. Yakovleva E.V. Pedagogical support of primary school students as a condition for their safe social development. *Preschool and primary education: modern methodological approaches*. 2015. P. 157 – 166.

Информация об авторе

Зубкова И.В., аспирант, Московский педагогический государственный университет, ZubkovaIrina-94@yandex.ru

© Зубкова И.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)
УДК 378.147

Применение электронных ресурсов в преподавании филологических дисциплин в вузе

¹ Игонина С.В.,

¹ Технический институт, филиал Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова в г. Нерюнгри

Аннотация: цифровизация образования является неотъемлемой частью учебного процесса и предлагает больше возможностей для успешного обучения. Существует ряд сайтов и баз данных для учителей средних школ, на которых собраны электронные учебные материалы; преподаватели вуза могут выбирать подходящие материалы в сети Интернет с учетом содержания своего курса и часов учебного плана. В данной статье рассмотрены возможности использования электронных ресурсов в качестве образовательных при изучении филологических дисциплин в вузе. Чаще всего данные из сети Интернет используются на двух этапах учебного процесса – на этапе изучения нового материала и на этапе контроля и оценки знаний. На первом из них для представления новой темы преподаватели могут использовать видео- и аудиоматериалы (например, для изучения биографии и творчества писателя), нарезки из них или их сочетание. Для лингвистических дисциплин на данном этапе чаще применяются наглядные материалы – иллюстрации, графики, схемы и тому подобные материалы. На последнем этапе применяются готовые контрольно-измерительные материалы, которые также можно интегрировать в собственный курс в СДО Moodle или использовать как шаблон для создания собственных тестов.

Ключевые слова: филология, лингвистика, литературоведение, учебный процесс, этапы освоения учебного материала, электронные ресурсы, сеть Интернет, видео- и аудиоматериалы, КИМ

Для цитирования: Игонина С.В. Применение электронных ресурсов в преподавании филологических дисциплин в вузе // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 255 – 260.

Поступила в редакцию: 10 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Application of electronic resources in teaching philological disciplines at the university

¹ Igonina S.V.,

¹ Technical Institute (branch) of North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov in Neryungri

Abstract: digitalization of education is an integral part of the educational process and offers more opportunities for successful learning. There are a number of websites and databases for secondary school teachers that contain electronic educational materials; university teachers can select suitable materials on the Internet based on the content of their course and the hours of the curriculum. This article examines the possibilities of using electronic resources as educational ones when studying philological disciplines at a university. Most often, data from the Internet is used at two stages of the educational process – at the stage of studying new material and at the stage of monitoring and assessing knowledge. At the first stage, teachers can use video and audio materials (for example, to study the biography and work of a writer), excerpts from them, or a combination of them to present a new topic. For linguistic disciplines, visual materials are more often used at this stage – illustrations, graphs, diagrams, and similar materials. At the final stage, ready-made control and measuring materials are used, which can also be integrated into your own course in the Moodle LMS or used as a template for creating your own tests.

Keywords: philology, linguistics, literary criticism, educational process, stages of mastering educational material, electronic resources, Internet, video and audio materials, CMM

For citation: Igonina S.V. Application of electronic resources in teaching philological disciplines at the university. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 255 – 260.

The article was submitted: April 10, 2025; Approved after reviewing: June 7, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Цифровизация охватывает все стороны жизни современного человека и сферы его деятельности. Не стало исключением и образование. Использование ресурсов сети Интернет в том или ином виде является необходимой и неотъемлемой чертой учебного процесса: данные нужны для быстрого поиска необходимой информации, подготовки рефератов и исследовательских работ, проверки усвоенного материала и самопроверки. Кроме того, они упрощают понимание учебного материала, повышают мотивацию учащихся, дают возможность получения знаний из разных научных сфер, более разнообразных подходов к научной проблеме и точек зрения и за счет доступности позволяют получить глубокие знания по разным дисциплинам независимо от места проживания [10, с.338-339; 1, с. 319-320].

Однако использование электронных ресурсов именно в ходе учебного процесса на лекционных, практических или лабораторных занятиях является более редким, чем во внеучебное время, например, для подготовки домашних заданий и проверочных работ. Это связано с рядом факторов: особенностями дисциплин и их преподавания в образовательном учреждении, спецификой материалов, которые предлагаются электронными ресурсами, техническими возможностями вузов и студентов.

Вузы имеют электронные ресурсы системы дистанционного обучения (СДО) Moodle, наполняемые видео- и аудиоматериалами для лекционных и практических занятий, наглядными и иллюстративными материалами, тестами, проверочными работами теми преподавателями, которые читают данные дисциплины [4, с. 21-22]. Имеются web-технологии и программы, позволяющие создать собственные учебные материалы [3; 8, с. 36-38] и использовать их в учебном процессе. При обращении к сети Интернет для использования электронных ресурсов в качестве вспомогательных материалов на занятиях важно учитывать несколько критериев: информативность данных с учетом учебной задачи, доступ и удобство использования ресурса, разнообразие каналов информации, интерактивность, многозадачность, достоверность и надежность [2, с. 395].

Однако не всегда преподаватели создают эти материалы сами, часто они обращаются к уже готовым материалам или к другим электронным ре-

сурсам. Если для школьных учителей русского языка и литературы есть ориентировочный список вспомогательных ресурсов (Федеральный портал «Российское образование», «Российская электронная школа», Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов и другие) [9], то преподавателям вузов сначала необходимо найти подходящие сайты.

Большую помощь в предоставлении вспомогательных (видео-и аудиоматериалы для лекций по дисциплинам, документальные и научно-популярные фильмы) и контрольно-измерительных материалов (задания, тесты по дисциплинам и их разделам, а также общеобразовательные тесты) оказывают электронные библиотечные системы: образовательная платформа «Юрайт», база данных «Цифровая библиотека IPRsmart (IPRsmart ONE)», ЭБС «Консультант студента», «Университетская библиотека ONLINE» и другие.

Целью работы стал анализ применения готовых материалов из электронных ресурсов сети Интернет в учебном процессе для преподавания филологических дисциплин вуза.

Материалы и методы исследований

Методика исследования основана на анализе научных материалов и практического опыта по электронным образовательным ресурсам, а также по специфике преподавания литературоведческих и лингвистических дисциплин. Теоретической основой послужили в том числе материалы обзорного характера по электронным ресурсам сети Интернет.

Результаты и обсуждения

К интерактивным электронным образовательным ресурсам (ЭОР), которые в том или ином виде применяются для преподавания дисциплин в вузах, относятся: аудио- и видеоматериалы к занятиям, интерактивные модули в электронной образовательной среде, электронные учебно-методические пособия для самостоятельной работы обучающихся [7, с. 129]. В данной статье будут рассмотрены те электронные ресурсы, которые могут быть использованы во время учебного занятия или для подготовки к контрольным мероприятиям на базе уже готовых, имеющихся в сети Интернет данных.

Использование электронных ресурсов во многом зависит от специфики преподаваемого пред-

мета, потому что лингвистические и литературоведческие дисциплины имеют разные способы ознакомления, закрепления и контроля изученного материала. Кроме того, сами этапы изучения материала на учебных занятиях тоже требуют разных методов и приемов. Рассмотрим их подробнее с учетом специфики учебных предметов и возможности применения электронных ресурсов.

Материал в ходе учебного процесса осваивается учащимися в несколько этапов.

Первый из них – ознакомление / изучение нового материала. На данном этапе использование электронных ресурсов может быть достаточно разнообразным, поскольку недостатка в ознакомительных презентациях, наглядных материалах и видеоматериалах нет [5, с. 62]. Проблема заключается в том, что не все предложенные сетью Интернет материалы подходят для представления непосредственно на занятии из-за технических возможностей вуза, содержания файлов и видеороликов, их длительности или ориентированности на аудиторию.

Например, для лекций по литературоведческим дисциплинам типа «Истории русской литературы», «Истории мировой литературы», «Национальных литератур» можно использовать видеолекции с биографией или обзором творчества писателей-представителей той или иной литературы. Но ряд таких материалов не подходит по времени (слишком короткие, 5-10 минут, или, наоборот, слишком длинные 1,5-2 часа), по содержанию (представляет биографию слишком кратко или подробно, дает сведения об отдельных этапах жизни и творчества) или по особенностям представления (является научно-популярным видео или имеет уклон в историю или культуру в целом) и предназначен скорее для самообразования или дополнительного обучения, чем для получения профессионального образования. Так что преподавателю приходится или подбирать несколько коротких видео для иллюстрации разных этапов жизни и творчества писателя, или использовать нарезку из данных роликов.

В качестве примера можно рассмотреть предложенные сайтом Рутуб бесплатные видеоматериалы по жизни и творчеству М.Ю. Лермонтова: краткая биография, интересные факты из биографии (6, 15 или 22 минуты), «Поручик М.Ю. Лермонтов: курс Владимира Мединского» (3,5 часа), лекции каналов А. Машевского, М.Дунаева, Г. Спиридоновой, «Education» и «Уроков русской литературы» и других (1-2 часа).

Для ознакомления с творчеством писателей на занятиях можно использовать также экранизации их произведений. Проблема заключается в том,

что практически все экранизации имеют большую длительность воспроизведения, в связи с чем не остается времени для анализа самого художественного текста и обсуждения. Задавать просмотр экранизации в качестве домашнего задания не является подходящим вариантом по той же причине. Кроме того, в экранизации большую роль играют режиссерское видение авторского текста, иногда кардинально отличающегося от писательского («Преступление и наказание», 2007), и актерская игра, которая может влиять на восприятие из-за личности артиста.

На занятиях по изучению лингвистических дисциплин («Основной язык (теоретический курс)», «История основного языка», «Старославянский язык», «Латинский язык» и другие) использование видеоматериалов по ознакомлению с новым материалом возможно с теми же оговорками, что и с литературоведческими: тщательный отбор нужных видео или фрагментов из него. Следует иметь в виду то, что таких материалов гораздо меньше, чем по литературе, но они есть: например, по дисциплине «Старославянский язык» можно использовать материалы каналов «Славяне», филологического факультета «ОмГПУ», «Герценка», «Азбука истории» и других.

Также необходимо учитывать специфику подачи материала и способ восприятия учащихся: представление таблиц, например, типов склонения имени существительного русского / латинского/ старославянского языка гораздо удобнее в статичном виде (позволяет изучить все нюансы классификации, при необходимости – вернуться к данной таблице или постоянно держать ее перед глазами во время работы с текстом), чем в составе видеоролика.

С другой стороны, именно наглядного материала (схем, таблиц, графиков, архивных записей, иллюстраций и презентаций), в том числе в составе электронных учебников, по языковым дисциплинам достаточно, и их просто интегрировать в собственные учебные материалы преподавателей или использовать в качестве самостоятельных единиц на занятии.

Второй этап изучения материала – это закрепление умений и учебных действий (навыков). Данный этап будет использовать гораздо меньше обращений к электронным ресурсам, чем первый, поскольку закрепление навыков без обратной связи от преподавателя (указание на ошибки, исправления, помощь в толковании, особенно неоднозначном) или помощи однокурсника в случае применения интерактивных методов обучения не всегда является результативным.

На данном этапе можно использовать тесты на проверку знаний и умений учащихся, однако для полноты усвоения знаний они должны содержать пояснения, почему данный ответ является неправильным, чтобы студент не повторил данную ошибку в другом тесте. В основном такие тесты можно найти именно по лингвистическим дисциплинам (хотя чаще они будут использоваться вместе с другими видами тестов на этапе контроля и оценки знаний), для литературоведческих дисциплин – в меньшей степени (на знание фактов жизни и творчества авторов, знания литературоведческих терминов, системы стихосложения).

Анализ текста с помощью только электронных ресурсов освоить и улучшить невозможно даже с помощью обучающих видео по ряду причин. Во-первых, дать универсальную схему анализа текста, подходящую для всех художественных произведений, невозможно. Во-вторых, анализ текста всегда предполагает развитие коммуникативных навыков, которые для филологов становятся профессиональными и формируются при непосредственном общении в разных ситуациях и при наблюдении за ответной реакцией слушателей / оценщиков. Данная проблема является универсальной и характерна для обучения любой специальности [6, с. 74].

Третий этап учебного процесса – применение знаний и способов учебных действий. На данном этапе использование ЭОР тоже является редкостью, так как тестов, направленных только на проверку применений знаний, мало; чаще всего они выступают в одном комплекте с тестами на проверку знаний, их обобщение и систематизацию.

Ряд тестов ЕГЭ и ОГЭ в школьной системе образования содержат подобные тестовые задания для литературоведческих дисциплин: например, найти среди тропов метафоры, метонимии и прочие изобразительно-выразительные средства, однако в вузе они нужны как часть общего анализа текста и без него представляют обрывочные разрозненные навыки.

Четвертый этап, который тесно связан с последующим и иногда выступающий одновременно с ним, – обобщение и систематизация полученных знаний. Последний этап в освоении нового материала – это этап контроля и оценки знаний.

И для лингвистических, и для литературоведческих дисциплин наиболее популярной формой, которую предлагают электронные ресурсы, являются контрольно-измерительные материалы (КИМ) – проверочные тесты на знание материала, применение навыков и систематизации знаний. Однако КИМы (итоговые или промежуточные) есть не для всех дисциплин и их разделов; они ча-

сто включают вопросы низкого и среднего уровня сложности и дают общее представление о знаниях и умениях учащегося. Вопросы более высокого уровня в КИМы включаются редко, поскольку именно дополнительные сведения в разных вузах могут изучаться в разных объемах. Однако использование таких КИМов позволяет преподавателю оценить общий уровень знаний студентов на входящем тесте или их прогресс – на итоговом тесте. Такие готовые тесты (в том числе и с сайтов ЭБС) преподаватели могут использовать в качестве базы или шаблона для создания собственных тестов разного формата.

Следует учитывать то, где и как студенты проходят тесты: в присутствии преподавателя или без него. При проведении промежуточного или итогового контроля на занятии необходимы технические средства с определенными характеристиками (вузовские компьютеры или личные телефоны студентов) и время, что может быть сложно вписать в график учебного процесса. Если студенты проходят тесты не в учебное время, то есть без контроля преподавателя, то сложно оценить уровень самостоятельности выполнения задания или осознанности выбора того или иного варианта ответа.

Выводы

На основании проведенного исследования в заключении можно сделать следующие выводы.

Электронные ресурсы, которые могут быть использованы в ходе учебного процесса на занятиях разного типа при изучении филологических дисциплин, разнообразны, хотя и не представлены в едином месте и в полностью готовом к использованию виде. Чаще всего данные из сети Интернет используются на двух этапах освоения материала – на этапе изучения нового материала и на этапе контроля и оценки знаний. На этапе изучения материала для представления новой темы преподаватели могут использовать видео- и аудиоматериалы (например, для изучения биографии и творчества писателя), нарезки из них или их сочетание в зависимости от учебного плана и содержания дисциплины. Для лингвистических дисциплин на данном этапе чаще применяются статичные наглядные материалы – иллюстрации, графики, схемы и тому подобные материалы. На последнем этапе применяются как готовые (в том числе предоставляемые электронными библиотечными системами, например, ОП «Юрайт») контрольно-измерительные материалы, которые также можно интегрировать в собственный курс в СДО Moodle, так и собственные тесты на базе шаблонов КИМов из сети Интернет.

Список источников

1. Гамова Н.А., Томина И.П. Использование электронных образовательных ресурсов для повышения мотивации студентов к изучению предмета и качества обучения // Энергетика: состояние, проблемы, перспективы: материалы XIV Всероссийской научно-технической конференции, Оренбург, 17-19 октября 2023 года. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2023. С. 318 – 320.
2. Грищенко В.Д. Проблема определения критерий оценки эффективности применения электронных образовательных ресурсов в учебном процессе // Человек и язык: Материалы международной научно-практической конференции «Человек и язык», посвященной памяти профессора М.Я. Блоха, Москва, 23-24 ноября 2023 года. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2024. С. 393 – 398.
3. Деметьева Ю.В. Электронный учебник как основной образовательный ресурс учебного обеспечения электронного обучения // Современные технологии обучения и воспитания. Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью "Центр развития научного сотрудничества", 2017. С. 135 – 160.
4. Закирова О.В., Пупышева Е.Л. Образовательные платформы в академическом вузе: особенности применения в профессиональной подготовке бакалавров-филологов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2022. Т. 8 (74). № S. С. 19 – 27.
5. Игонина С.В. Развитие универсальных цифровых компетенций у студентов вузов // Педагогическое образование. 2022. Т. 3. № 11. С. 60 – 63.
6. Костылева О.А., Стабаева Л.М., Мухаммад И. и др. Опыт использования электронных ресурсов обучения студентов вузов // Медицина и экология. 2022. № 1 (102). С. 73 – 77.
7. Кутепов М.М., Лебедева А.А., Максимова К.А. Дидактические возможности интерактивных электронных образовательных ресурсов // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9 № 3 (32). С. 128 – 130. DOI 10.26140/bgj3-2020-0903-0028.
8. Матюнькина А.Р. Использование современного цифрового оборудования и электронных образовательных ресурсов как эффективный инструмент повышения качества образования // Современные инструменты, методы и технологии управления знаниями. 2021. № 4. С. 28 – 38.
9. Российские электронные образовательные ресурсы в помощь учителю-русисту // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2019. № 3. С. 18 – 21.
10. Шумилина Н.Г., Шумилин В.П. Электронные образовательные ресурсы в обучении студентов высшего учебного заведения // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 2(95). С. 337 – 340.

References

1. Gamova N.A., Tomina I.P. Using electronic educational resources to increase students' motivation to study the subject and the quality of education. Power engineering: state, problems, prospects: materials of the XIV All-Russian scientific and technical conference, Orenburg, October 17-19, 2023. Orenburg: Orenburg State University, 2023. P. 318 – 320.
2. Grishenko V.D. The problem of determining the criteria for assessing the effectiveness of using electronic educational resources in the educational process. Man and Language: Materials of the international scientific and practical conference "Man and Language" dedicated to the memory of Professor M.Ya. Bloch, Moscow, November 23-24, 2023. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2024. P. 393 – 398.
3. Dementeva Yu.V. Electronic textbook as the main educational resource for the educational support of e-learning. Modern technologies of training and education. Novosibirsk: Limited Liability Company "Center for the Development of Scientific Cooperation", 2017. P. 135 – 160.
4. Zakirova O.V., Pupysheva E.L. Educational platforms in an academic university: features of application in the professional training of bachelors in philology. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2022. V. 8 (74). No. S. P. 19 – 27.
5. Igonina S.V. Development of universal digital competencies in university students. Pedagogical education. 2022. Vol. 3. No. 11. P. 60 – 63.
6. Kostyleva O.A., Stabaeva L.M., Muhammad I. et al. Experience of using electronic resources for teaching university students. Medicine and Ecology. 2022. No. 1 (102). P. 73 – 77.
7. Kutepov M.M., Lebedeva A.A., Maksimova K.A. Didactic capabilities of interactive electronic educational resources. Baltic Journal of the Humanities. 2020. Vol. 9 No. 3 (32). P. 128 – 130. DOI 10.26140/bgj3-2020-0903-0028.

8. Matyunkina A.R. The use of modern digital equipment and electronic educational resources as an effective tool for improving the quality of education. Modern tools, methods and technologies for knowledge management. 2021. No. 4. P. 28 – 38.

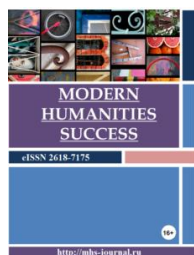
9. Russian electronic educational resources to help a Russian teacher. Russian language and literature in schools of Kyrgyzstan. 2019. No. 3. P. 18 – 21.

10. Shumilina N.G., Shumilin V.P. Electronic educational resources in teaching students of higher educational institutions. Scientific notes of Oryol State University. 2022. No. 2 (95). P. 337 – 340.

Информация об авторе

Иголина С.В., старший преподаватель, ORCID ID: [https://orcid.org/0000 0003 3056 3448](https://orcid.org/0000_0003_3056_3448), Технический институт, филиал Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова в г. Нерюнгри, 78960 респ. Саха (Якутия), г. Нерюнгри, ул. Кравченко, 16, svetiki1@mail.ru, igoninasv@svfu.ru

© Иголина С.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.5. Теория и методика спорта (педагогические науки)
УДК 378.6.351.74.016:796.41(470)

Гимнастика в системе физического воспитания и обучения на занятиях физической подготовки в образовательных организациях МВД России

¹ Ким В.О., ² Лещенко Е.А., ³ Дубинецкий В.В., ⁴ Хабибуллин И.М.,

¹ Уфимский юридический институт МВД России,

² Краснодарский университет МВД России,

³ Омская академия МВД России,

⁴ Башкирский государственный аграрный университет

Аннотация: в физическом воспитании и обучении одно из главных мест занимают гимнастические упражнения, так как они являются ключевыми в подготовительной части занятия во время проведения разминки. Гимнастика в общей физической подготовке позволяет совершенствовать, развивать и формировать двигательные навыки человека. Так как гимнастика включает в себя многообразие упражнений, с помощью которых возможно достижение педагогических целей и задач на занятиях физической подготовки. Сотрудники правоохранительных органов должны быть готовы к такой физической нагрузке, в которой будут задействованы все физические качества, так как успешное их применение гарантирует быстроты реакций на ситуации, в которых нужно будет применять приемы самообороны. Упражнение подготавливается с учетом специфики профессии.

Например, развитие силы хвата для работы со специальными средствами и оружием, гибкость и равновесие для преодоления препятствий, быстрая реакция для проведения задержаний. Гимнастика является важной и неотъемлемой частью общей и специальной физической подготовки в образовательных организациях МВД России.

Ключевые слова: гимнастика, физическая подготовка, спорт, педагогическая модель, разминка, подготовительная часть

Для цитирования: Ким В.О., Лещенко Е.А., Дубинецкий В.В., Хабибуллин И.М. Гимнастика в системе физического воспитания и обучения на занятиях физической подготовки в образовательных организациях МВД России // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 261 – 265.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Gymnastics in the system of physical education and training in physical training classes in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

¹ Kim V.O., ² Leshchenko E.A., ³ Dubinetsky V.V., ⁴ Khabibullin I.M.,

¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

² Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

³ Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

⁴ Bashkir State Agrarian University

Abstract: in physical education and training, gymnastic exercises occupy one of the main places, as they are key in the preparatory part of the lesson during the warm-up. Gymnastics in general physical training allows you to improve, develop and form human motor skills. Since gymnastics includes a variety of exercises with the help of which it is possible to achieve pedagogical goals and objectives in physical training classes. Law enforcement officers must be prepared for such physical activity, which will involve all physical qualities, since their successful application guarantees quick reactions to situations in which it will be necessary to use self-defense techniques.

The exercise is supported taking into account the specifics of the profession. For example, the development of grip strength for working with special tools and weapons, flexibility and balance for overcoming obstacles, quick reaction for conducting arrests. Gymnastics is an important and integral part of general and physical training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: gymnastics, physical training, sports, pedagogical model, warm-up, preparatory part

For citation: Kim V.O., Leshchenko E.A., Dubinetsky V.V., Khabibullin I.M. Gymnastics in the system of physical education and training in physical training classes in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 261 – 265.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 8, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Мотивация двигательного развития и совершенствования организма предполагает, что обучающиеся будут выбирать различные виды физической нагрузки, на основе своих собственных физических возможностей и способности выполнять различные виды упражнений [1, 2].

При проведении по физической подготовке и анализа исследуемой литературы, было выявлено что применение гимнастических акробатических упражнений в образовательном процессе повышает эффективность занятия в целом. То есть с помощью данных упражнений общая физическая подготовка, как и специальная, где применяются боевые приемы борьбы лучше выражается в двигательных навыках и умений у обучающихся и непосредственно влияет на их результат. Средства и методы, которые применяются при овладении гимнастическими упражнениями дают возможность преподавательскому составу определить, как начальный уровень физических качеств обучающихся, так и результат после данных нагрузок [3, 4, 5].

Целью исследования является совершенствование физического развития путём применения акробатических, гимнастических упражнений на младших курсах образовательных организаций МВД России.

Гимнастика – это комплекс упражнений, которые применяются в формировании двигательных качеств, и физических таких как силы, ловкость, быстрота, гибкость и выносливость.

Задачами гимнастики в разминочной части являются:

1) оздоровительные – развитие мышечных групп, укрепление здоровья, предупреждение отклонений и устранение их различных системах организма, формирование осанки и мышечного корсета туловища, укрепление сердечно-сосудистой и дыхательной систем, общее повышение работоспособности организма, улучшение обмена веществ;

2) образовательные – формирование необходимых навыков и умений (как прикладных, так и спортивных) и теоретическими знаниями, влияющие на всестороннее физическое развитие как в общей физической подготовке, так и в специальной;

3) воспитательные – формирование морально-волевых качеств, таких как выдержка, упорство, целеустремленность и дисциплинированность.

Средства гимнастических упражнений:

1) общеразвивающие упражнения (ОРУ) способствуют развитию и совершенствованию опорно-двигательного аппарата. Влияние на мышечные группы происходит путем воздействия упражнений на силу, гибкость, быстроту и координацию;

2) прикладные упражнения – бег, преодоление препятствий, ускоренное передвижение. При этих упражнениях формируются общая координация движений с одновременным развитием отдельных групп мышц. Применяя такой комплекс прикладных упражнений можно достигнуть разностороннего физического развития и совершенствования;

3) акробатические упражнения, как правило начинаются от простых до самых сложных. Простыми упражнениями принято считать не высокое мышечное усилие, что характерно на первых годах обучения.

Сложные упражнения называются те, которые требуют максимального приложения усилий, как правило это комбинация усложненных элементов в спортивной акробатике. В целом акробатические упражнения влияют на ориентацию в пространстве, когда человек занимает различное положение тела, что является главным средством развития вестибулярного аппарата. Акробатические упражнения бывают двух видов:

- динамические – это перевороты, кувырки, колесо, рондад, сальто;

- статические – это стойки на лопатках, пирамиды, мосты, шпагаты, акробатические прыжки.

В статье доказывается эффективность использования гимнастических упражнений на занятиях

по физической подготовке [6, 7]. В целях развития и совершенствования физического уровня, функциональности организма и двигательной подготовки [8, 9, 10].

Задачами исследования является экспериментальная проверка предлагаемой методики, в целях выявления эффективности применяемых упражнений на результатах физической подготовки, а именно физических качеств обучающихся.

Материалы и методы исследований

Для достижения цели мы используем такие методы исследования, как анализ литературных источников, педагогический эксперимент, педагогическое наблюдение.

Педагогический эксперимент используется для определения эффективности экспериментального метода обучения при введении гимнастических упражнений, ниже перечислены упражнения которые применялись:

- динамические: перевороты, кувырки, колесо, рондад, сальто;
- статические – это стойки на лопатках, пирамиды, мосты, шпагаты, акробатические прыжки.

В эксперименте принимали участие курсанты первого курса Уфимского юридического института МВД России в количестве 40 человек факультета подготовки сотрудников полиции, которые отнесены ко второй группе предназначения – из них - 20 юношей и 20 девушек.

Курсанты были разделены на две группы: экспериментальную 20 человек (10 девушек и 10 юношей) и контрольную 20 человек (10 девушек и 10 юношей). В контрольную группу войдут мальчики и девочки, занимающиеся по обычной программе обучения.

В экспериментальную группу входят курсанты, принимающие участие в авторской методической разработке с учетом выполнения гимнастических упражнений в подготовительной части занятий.

В течение трех недель группы занимались физической подготовкой с одинаковым количеством занятий и продолжительностью. Всего запланировано три занятия в неделю, одно из них было факультативным, продолжительностью 90 минут.

Результаты и обсуждения

В подготовительной части занятия 30 минут уделялось специальным акробатическим упражнениям с целью улучшения гибкости и координации.

Нагрузка применялась по постепенно нарастающему типу, с применением упражнений от простых к более сложным. При этом отмечалось увеличение разминочной части занятий с продолжительностью от 20 до 30 минут. После применения данной методики было заметное улучшение и изменение в функциональных воз-

можностей организма курсантов, а именно улучшение двигательных тестов по определённым упражнениям, которые предусматриваются при сдаче нормативов по общей физической подготовке на каждом курсе в образовательных организациях МВД России.

В экспериментальной группе определяется результативность силовых упражнений как у юношей, так и у девушек.

Использовались гимнастические упражнения с учетом типа телосложения, пола, уровня физической подготовки. Планировалось распределение нагрузки по показателям: продолжительность силовой работы, интервалы отдыха, очередность гимнастических упражнений и количество, объем и интенсивность занятий, характер и вид упражнений, объем нагрузки и количество повторений.

С помощью тестирования девочек и юношей в экспериментальной и контрольной группах. Для однородности двух групп берутся все показатели до начала эксперимента ($p < 0,05$). Учащиеся распределены авторами по уровню физического развития и подготовки и особенностям телосложения.

В контрольной группе улучшения происходят только в беговых упражнениях. Гимнастические упражнения на антропометрические показатели курсантов экспериментальной группы отражались положительно. У юношей увеличивается масса тела ($p < 0,05$) и объем грудной клетки ($P < 0,001$).

У девочек в экспериментальной группе грудная клетка увеличивалась в объеме, но вес тела уменьшался. У юношей из-за мышечного объема увеличивается масса тела, а у девушек из-за силовой выносливости наблюдается уменьшение жировой ткани.

По нашему мнению, вышесказанное объясняется тем, что при использовании гимнастических упражнений для девочек учитывается цель развития силовой выносливости, при этом в контрольной группе девочек изменения этих показателей незначительны ($p > 0,05$).

Использование этой методики доказывает улучшение физического состояния юношей и девушек в экспериментальной группе с индексом ($p < 0,05$).

Выводы

Доказано, что именно гимнастическая нагрузка повышает результативность общей физической подготовки, а также двигательные навыки которые могут применяться при изучении боевых приёмов борьбы. Больше отмечается повышение общего функционирования организма курсантов, что отражается на результатах антропометрических и двигательных тестов.

Таким образом, при применении данной методики было выявлено, что включение акробатических, гимнастических упражнений и увеличение их количества в образовательном процессе физической подготовки способствует улучшению результатов двигательных тестов, в целом функцио-

нальных показателей и антропометрических данных курсантов, которые входили в экспериментальную группу. После реализации применяемой нами методики, также наблюдалось повышение мотивации курсантов к занятиям по физической подготовке в целом.

Список источников

1. Бабин А.В., Мингулов И.Р., Зиннатов Р.Р., Кубеев А.Ж. Методико-практические основы физического обучения и воспитания обучающихся образовательных организаций МВД России: учебное пособие. Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. 72 с. ISBN 978-5-7247-1179-1
2. Бабин А.В., Ячменев С.П. Влияние физической подготовки образовательных организаций МВД России на мотивацию физической активности у обучающихся // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25-27 мая 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2023. С. 16 – 19.
3. Бабин А.В., Ячменев С.П., Лукьянов А.Б. и др. Актуальные проблемы физического воспитания и спорта в России // Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма: материалы XVII Международной научно-практической конференции, Уфа, 25-26 мая 2023 года. Уфа: "Уфимский университет науки и технологий", 2023. С. 66 – 70.
4. Бабин А.В., Иванченко Е.С., Овечкин Д.Г. Физическая активность как количественный показатель общей физической подготовки сотрудников полиции и курсантов // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 372 – 373.
5. Лукьянов А.Б., Лукьянов Б.Г., Степанов В.С. и др. Анализ организации учебно-тренировочного процесса занятий по физической культуре в вузе // Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма : материалы XVI Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию ФГБОУ ВО «УГАТУ», Уфа, 26-27 мая 2022 года. Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2022. С. 137 – 141.
6. Бабин А.В. Инновационная методика преподавания дисциплины «Физическая подготовка» в образовательных организациях МВД России // Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: Сборник научных статей Всероссийского конкурса, Волгоград, 01 июля – 30 2022 года / Редкол.: Р.В. Камнев, О.С. Панова, Д.Г. Овечкин и др. Том Вып. 4. Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 11 – 17.
7. Бабин А.В., Мингулов И.Р. Особенности формирования силовых способностей у сотрудников ОВД РФ в процессе их физической подготовки // Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов: сборник научных статей, Орёл, 23 июня 2022 года. Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2022. С. 30 – 33.
8. Бабин А.В., Лукьянов А.Б. Актуальные проблемы физической подготовки и спорта сотрудников органов внутренних дел и пути их решения // Евразийский юридический журнал. 2021. № 9 (160). С. 473 – 475.
9. Габдрашитова К.И., Якушев Э.В., Иващенко Н.Ю. Основы физической подготовки в образовательных организациях МВД России // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7 (182). С. 446 – 448.
10. Габдрашитова К.И. Использование компьютерного моделирования двигательных действий на основе биомеханики на занятиях по физической подготовке в образовательных организациях МВД России // Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: Сборник научных статей Всероссийского конкурса на лучшую научную статью, Волгоградская академия МВД России, 20 февраля – 20 марта 2024 года. Волгоград: Волгоградская академия МВД РФ, 2024. С. 17 – 23.

References

1. Babin A.V., Mingulov I.R., Zinnatov R.R., Kubeev A.Zh. Methodological and practical foundations of physical training and education of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia: a textbook. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. 72 p. ISBN 978-5-7247-1179-1
2. Babin A.V., Yachmenev S.P. The influence of physical training of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the motivation for physical activity among students. Actual issues of improving tactical-special, fire and professional-applied physical training in the modern context of practical training of employees of internal affairs bodies: Proceedings of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, May 25-27, 2023. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. P. 16 – 19.
3. Babin A.V., Yachmenev S.P., Lukyanov A.B. et al. Current issues of physical education and sports in Russia. Current issues of physical culture, sports and tourism: materials of the XVII International scientific and practical conference, Ufa, May 25-26, 2023. Ufa: "Ufa University of Science and Technology", 2023. P. 66 – 70.
4. Babin A.V., Ivanchenko E.S., Ovechkin D.G. Physical activity as a quantitative indicator of general physical fitness of police officers and cadets. Eurasian Law Journal. 2022. No. 8 (171). P. 372 – 373.
5. Lukyanov A.B., Lukyanov B.G., Stepanov V.S. et al. Analysis of the organization of the educational and training process of physical education classes at the university. Actual problems of physical education, sports and tourism: materials of the XVI International scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa State Aviation Technical University", Ufa, May 26-27, 2022. Ufa: Ufa State Aviation Technical University, 2022. P. 137 – 141.
6. Babin A.V. Innovative methods of teaching the discipline "Physical Fitness" in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Physical training of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation: Collection of scientific articles of the All-Russian competition, Volgograd, July 01 – 30, 2022. Ed. board: R.V. Kamnev, O.S. Panova, D.G. Ovechkin et al. Vol. Iss. 4. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. P. 11 – 17.
7. Babin AV, Mingulov IR Features of the formation of strength abilities of the employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the process of their physical training. Improving the physical fitness of law enforcement officers: a collection of scientific articles, Orel, June 23, 2022. Orel: Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, 2022. Pp. Actual problems of physical training and sports of employees of internal affairs bodies and ways to solve them. Eurasian Law Journal. 2021. No. 9 (160). P. 473 – 475.
8. Gabdrashitova K.I., Yakushev E.V., Ivaschenko N.Yu. Fundamentals of physical training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Eurasian Law Journal. 2023. No. 7 (182). P. 446 – 448.
9. Gabdrashitova K.I. Use of computer modeling of motor actions based on biomechanics in physical training classes in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Physical training of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation: Collection of scientific articles of the All-Russian competition for the best scientific article, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, February 20 – 20 March, 2024. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. P. 17 – 23.

Информация об авторах

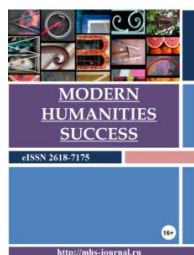
Ким В.О., Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

Лещенко Е.А., Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации

Дубинецкий В.В., кандидат педагогических наук, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации

Хабибуллин И.М., кандидат биологических наук, Башкирский государственный аграрный университет

© Ким В.О., Лещенко Е.А., Дубинецкий В.В., Хабибуллин И.М. 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)
УДК 372.854

Применение биоиндикации в экологическом образовании

¹ Рожнова А.А., ¹ Лаврентьева Г.В., ¹ Рожнов А.А.,
¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: данная статья посвящена методике преподавания биоиндикации в школьном экологическом образовании. В условиях растущей антропогенной нагрузки на окружающую среду, статья подчеркивает важность экологического образования и предлагает биоиндикацию как эффективный инструмент внеурочной работы. Анализируя современные образовательные стандарты и существующие программы дополнительного образования, описывают модульную структуру занятий, включающую теоретические блоки, полевые исследования и лабораторный анализ. Статья демонстрирует, как сочетание теоретических знаний и практических навыков способствует глубокому усвоению экологических понятий и развитию ключевых компетенций у школьников, повышая их экологическую грамотность и ответственность. В заключение, представлен анализ эффективности данного подхода к экологическому образованию.

Ключевые слова: биоиндикация, естественно-научное образование, полевые исследования, экологическое образование, внеурочная деятельность, экологическая грамотность, школьный экокружок, флуктуирующая асимметрия, лишайники, биоиндикаторы, практикоориентированное обучение, экологический мониторинг

Для цитирования: Рожнова А.А., Лаврентьева Г.В., Рожнов А.А. Применение биоиндикации в экологическом образовании // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 266 – 270.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

The use of bioindication in environmental education

¹ Rozhnova A.A., ¹ Lavrentyeva G.V., ¹ Rozhnov A.A.,
¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: this article is devoted to the methodology of teaching bioindication in school environmental education. In the context of the growing anthropogenic pressure on the environment, the article emphasizes the importance of environmental education and suggests bioindication as an effective tool for extracurricular activities. Analyzing modern educational standards and existing continuing education programs, the modular structure of classes is described, including theoretical blocks, field research and laboratory analysis. The article demonstrates how the combination of theoretical knowledge and practical skills contributes to the deep assimilation of environmental concepts and the development of key competencies among schoolchildren, increasing their environmental literacy and responsibility. In conclusion, an analysis of the effectiveness of this approach to environmental education is presented.

Keywords: bioindication, natural science education, field research, environmental education, extracurricular activities, environmental literacy, school eco-circle, fluctuating asymmetry, lichens, bioindicators, practice-oriented learning, environmental monitoring

For citation: Rozhnova A.A., Lavrentyeva G.V., Rozhnov A.A. Application of bioindication in environmental education. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 266 – 270.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 8, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В последние десятилетия антропогенная нагрузка на окружающую среду резко возросла, особенно в условиях городской среды, что подчёркивает необходимость оценки и охраны экологического состояния территорий [6]. Экологическое образование рассматривается как «непрерывный процесс обучения, воспитания и развития личности, направленный на формирование системы научных и практических знаний и умений, обеспечивающих экологическую ответственность личности за состояние и улучшение социоприродной среды» [7]. Вместе с тем исследователи отмечают сокращение экологической составляющей в школьных программах, что создаёт дефицит экологической культуры у молодого поколения. В таких условиях внеурочные формы обучения приобретают особую значимость [4]. Одним из эффективных инструментов экологического воспитания вне уроков является биоиндикация – то есть выявление загрязнений по реакции живых организмов [10]. Внедрение методов биоиндикации в образовательный процесс позволяет сделать изучение экологии наглядным и практически значимым, повышая познавательный интерес школьников.

Современные образовательные стандарты предусматривают включение экологической тематики в дополнительное образование: с 2013 года в содержании дополнительных общеобразовательных программ появились поправки по эколого-биологическим дисциплинам [3].

В частности, отмечается, что дополнительное естественно-научное образование нацелено на развитие естественно-научной грамотности учащихся, частью которой является экологическая грамотность. Программы внеурочной деятельности (кружков) по биоиндикации непосредственно разработаны для решения этой задачи. Например, в программе кружка «Основы биоиндикации» цель сформулирована как «формирование у учащихся познавательного интереса», а среди задач – приобретение практических навыков биоиндикационных исследований, формирование познавательных способностей и развитие интеллектуального потенциала школьников [8]. Таким образом, методика обучения строится на сочетании теоретических знаний и полевых/лабораторных практик, что способствует глубокому освоению экологических понятий и развитию ключевых компетенций.

Материалы и методы исследований

Занятия во внеклассном экокружке по биоин-

дикации обычно строятся по модульному принципу. Сначала проводятся теоретические блоки (лекции, семинары) по основам экологии, методам мониторинга и чувствительности различных индикаторных организмов [1]. Затем учащиеся выходят на местность для сбора проб (например, воды, почвы, образцов растительности) и проводят визуальные наблюдения видового состава. Дальнейшая часть занятий – лабораторный анализ: под микроскопом исследуются собранные образцы, измеряются физико-химические параметры (рН, мутность, содержание органических веществ и т.д.) и вычисляются биоиндикационные индексы. Так, в учебно-тематическом плане курса «Основы биоиндикации» к занятиям по биоанализу природных вод относятся лабораторные работы по определению температурных и органолептических показателей воды, активной реакции (рН) и концентрации растворённых веществ. В ходе этих занятий учащиеся приобретают умения планировать эксперимент, использовать лабораторное оборудование и обрабатывать полученные данные. Работа организуется в группах под руководством преподавателя, что дополнительно развивает навыки сотрудничества и коммуникативные способности.

Алгоритм работы школьного экокружка по биоиндикации может быть следующим:

1. Выбор темы и объекта исследования: постановка экологической проблемы, определение территории и индикаторных объектов (например, школьный двор, городской парк, речка и т.п.).

2. Теоретическая подготовка: изучение основ биоиндикации, знакомство с чувствительностью различных видов организмов и приборами для мониторинга.

3. Полевые исследования: сбор проб воды, почвы или растительных образцов; учет видового состава индикаторов; визуальная и инструментальная оценка состояния среды на месте.

4. Лабораторный анализ: микроскопирование образцов (лишайников, фитопланктона, макрофитов), измерение физико-химических показателей (рН, прозрачность, солёность и др.) или расчёт биоиндикационных индексов.

5. Обработка данных и выводы: оформление результатов (диаграммы, таблицы, карты), сопоставление с нормативами, подготовка докладов и презентаций.

Такая структура занятий позволяет интегрировать теорию и практику. Во время лабораторных работ учащиеся, к примеру, определяют органо-

лептические параметры воды – температуру, мутность, запах – и используют их вместе с анализом химического состава для оценки качества водоёма

Для проведения полевых исследований могут использоваться различные группы биоиндикаторов. Например, эпифитные лишайники (рода *Parmelia*, *Xanthoria*, *Physcia*) отражают содержание сернистых соединений и тяжёлых металлов в воздухе. Высоко чувствительны к загрязнению атмосферного воздуха именно различные виды лишайников: по их наличию и разнообразию можно судить о «чистоте» атмосферы. В водных экосистемах важными биоценозными индикаторами являются макробеспозвоночные (личинки стрекоз, ручейников, веснянок), которые позволяют оценивать уровень органического загрязнения воды (избыточное содержание азота, фосфора и др.). В опытах могут также использоваться мхи и деревья (например, исследования pH почвы или содержания CO₂ в лесном воздухе по состоянию растительности) и фитопланктон/водоросли (изучение эвтрофикации, мутности и цветности воды).

Результаты и обсуждения

Практический опыт подтверждает эффективность такого подхода. Так, в исследовании состояния рекреационных зон города Калуги методом биоиндикации объектом служила берёза повислая (*Quercus robur*). В 2024 году прошёл эксперимент, где были выбраны 13 локальных участков, находящихся в различных зонах города. Измерялась флуктуирующая асимметрия листовой пластинки берёзы, что является показателем определения антропогенной нагрузки. Полученные данные показали вариативность асимметрии по разным районам: минимальные значения (0,089364) и максимальные (0,090596) [9]. Такая разница указывает на неоднородность экологического давления в городе (например, влияние близлежащих дорог или промышленных объектов) и демонстрирует практический характер выводов.

В школьных проектах учащиеся наряду с измерением асимметрии древесных листьев оценивали состав лишайников на стволах деревьев (чистота воздуха) и видовой состав макрофитов/бентоса в водоёмах (качество воды). Например, по количеству и разнообразию лишайников можно было судить о содержании в воздухе таких загрязнителей, как двуокись серы или тяжёлые металлы, а отсутствие стрекозых и весняночных личинок на исследуемых участках указывало на повышенный уровень органики в воде. Учащиеся под руководством педагога проводили сбор проб, вели лабораторные наблюдения (включая микроскопию и химические тесты), а затем обрабатывали результа-

ты: строили графики, составляли диаграммы и готовили отчёты с экологическими выводами.

Практика биоиндикационных занятий в школе подтверждает их высокую педагогическую значимость [2]. Во-первых, такой подход связывает теорию и реальную экосистему: например, деревья действительно «прочно связаны» со своим местобитанием и обладают высокой чувствительностью к загрязнению. Именно поэтому берёза повислая выбрана в примере Калуги – она наглядно реагирует на изменения окружающей среды. Во-вторых, участие в полевых исследованиях и научных проектах существенно повышает мотивацию школьников. После завершения курса «Основы биоиндикации» учащиеся не только расширяют знания по биологии и экологии, но и получают навыки научной работы: они учатся ставить экспериментальные задачи, работать с оборудованием, анализировать данные и аргументированно делать выводы.

По окончании практических занятий ученики могут выступать на школьных или районных конференциях с собственными исследованиями, что дополнительно развивает их коммуникационные и презентационные умения.

Наконец, важно, что внеклассные проекты по биоиндикации формируют у школьников экологическое мировоззрение и ответственность, что разрешает проблему сокращения экологической составляющей в учебной программе. [5] Работа в команде над реальной экологической задачей способствует развитию критического мышления и умения обосновывать свои выводы. Как показано в методических разработках, выполнение практической деятельности по изучению природного окружения позволяет достичь планируемых целей обучения и воплотить экологическую составляющую курса биологии. Таким образом, биоиндикационные исследования одновременно решают учебные и воспитательные задачи.

Выводы

Внедрение методов биоиндикации во внеурочную практику является перспективным инструментом экологического образования школьников. Систематическая работа в формате экологического кружка или проектных занятий по биоиндикации повышает экологическую грамотность и развивает у учащихся навыки исследования окружающей среды. Региональный пример (Калужская область) демонстрирует, что школьные площадки и природные зоны могут стать учебными «лабораториями»: анализ асимметрии листьев берёзы, учёт видов лишайников и водных макрофитов даёт учащимся реальное представление о состоянии

воздуха и воды. Важным является полный цикл работы – от постановки проблемы и отбора проб до статистической обработки данных и защиты результатов – что интегрирует биологию с практической деятельностью. В результате формируется экологическое мировоззрение и ответственное

поведение молодёжи. Рекомендуется развивать и распространять подобные экопроекты и сотрудничать с экоцентрами, природными заказниками и научными учреждениями для организации совместных исследований со школьниками.

Список источников

1. Sueb S., Damayanti J. The Effect of Macrozoobenthos Diversity Module based on Problem-based Learning on Junior High School Students' Environmental Attitudes // Jurnal Pendidikan IPA Indonesia. 2021. Vol. 10. No. 3. P. 400 – 406. DOI 10.15294/jpii.v10i3.30766
2. Веденеев А.М. и др. Эколого-биологический лагерь "зеленый миг" как форма интеграции и образовательной практики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 9 (162). С. 78 – 83.
3. Захлебный А.Н., Дзятковская Е.Н., Шмелькова Л.В. Методические рекомендации для руководителей образовательных организаций по реализации экологического образования с целью формирования экологической культуры обучающихся / Институт стратегии развития образования РАО. Москва: Институт стратегии развития образования РАО, 2022. 62 с.
4. Калашников Н.В., Быстрой Е.Б., Артеменко Б.А. Образовательный потенциал городской среды: экологический аспект // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 1 (38). С. 32 – 39.
5. Касумов Р.М. Анализ практики формирования экологической культуры в университете. Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: сборник материалов XXV Международной научно-практической конференции, Москва, 07 декабря 2023 года. Санкт-Петербург: Печатный цех, 2023. С. 82 – 93.
6. Нестерова Е.В., Евсеева А.А. Исследование состояния рекреационных зон города Калуги методом биоиндикации // Вестник Калужского университета. 2019. № 1. С. 70 – 75.
7. Атаев З.В., Гаджибеков М.И., Разаханова В.П., Магомедова М.А. Понятие и сущность экологического образования в контексте глобальной трансформации российского образования // Наука и образование в контексте глобальной трансформации: Сборник статей XII Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 07 декабря 2023 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. С. 9 – 14.
8. Попова М.В. Проектная деятельность по теме «оценка биоиндикационной ценности рода ULMUSL. В условиях промышленного загрязнения» // Диалог на равных: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, 10 декабря 2021 года / Редкол.: А.Н. Ершова, И.Д. Свистова, О.О. Маслова, И.И. Корецкая. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2021. С. 102 – 105.
9. Шуберт В.В., Лаврентьева Г.В., Рожнова А.А., Повилайтес П.А. Применение методов биоиндикации в урбоэкологии на примере города Калуги // Экология урбанизированных территорий. 2024. № 4. С. 40 – 45.
10. Современные здоровьесберегающие технологии: материалы международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 23-24 марта 2015 года. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2015. 374 с.

References

1. Sueb S., Damayanti J. The Effect of Macrozoobenthos Diversity Module Based on Problem-Based Learning on Junior High School Students' Environmental Attitudes. Jurnal Pendidikan IPA Indonesia. 2021. Vol. 10. No. 3. P. 400 – 406. DOI 10.15294/jpii.v10i3.30766
2. Vedeneev A.M. et al. Ecological and Biological Camp "Green Moment" as a Form of Integration and Educational Practice. Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2021. No. 9 (162). P. 78 – 83.
3. Zakhlebny A.N., Dzyatkovskaya E.N., Shmelkova L.V. Methodological recommendations for heads of educational organizations on the implementation of environmental education in order to form an environmental culture of students. Institute for Education Development Strategy, Russian Academy of Education. Moscow: Institute for Education Development Strategy, Russian Academy of Education, 2022. 62 p.
4. Kalashnikov N.V., Bystrai E.B., Artemenko B.A. Educational potential of the urban environment: environmental aspect. Municipality: Economics and Management. 2022. No. 1 (38). P. 32 – 39.

5. Kasumov R.M. Analysis of the practice of forming an environmental culture at the university. Actual problems of society, economics and law in the context of global challenges: collection of materials from the XXV International scientific and practical conference, Moscow, December 7, 2023. St. Petersburg: Printing shop, 2023. Pp. 82–93.
6. Nesterova E.V., Evseeva A.A. Study of the state of recreational zones of the city of Kaluga by the bioindication method. Bulletin of Kaluga University. 2019. No. 1. P. 70 – 75.
7. Atayev Z.V., Gadzhibekov M.I., Razakhanova V.P., Magomedova M.A. The concept and essence of environmental education in the context of the global transformation of Russian education. Science and education in the context of global transformation: Collection of articles of the XII International scientific and practical conference, Petrozavodsk, December 7, 2023. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science" (IP Ivanovskaya I.I.), 2023. P. 9 – 14.
8. Popova M.V. Project activity on the topic "assessment of the bioindication value of the genus ULMUSL. In the context of industrial pollution". Dialogue on equal terms: Proceedings of the regional scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, December 10, 2021. Editorial board: A.N. Ershova, I.D. Svistova, O.O. Maslova, I.I. Koretskaya. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2021. P. 102 – 105.
9. Shubert V.V., Lavrentyeva G.V., Rozhnova A.A., Povilaite P.A. Application of bioindication methods in urban ecology on the example of the city of Kaluga. Ecology of urbanized territories. 2024. No. 4. P. 40 – 45.
10. Modern health-saving technologies: materials of the international scientific and practical conference, Orekhovo-Zuyevo, March 23-24, 2015. Orekhovo-Zuyevo: State Humanitarian and Technological University, 2015. 374 p.

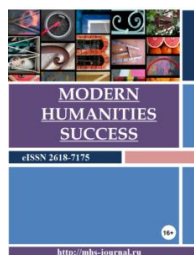
Информация об авторах

Рожнова А.А., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, troznova1976@yandex.ru

Лаврентьева Г.В., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Рожнов А.А., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Рожнова А.А., Лаврентьева Г.В., Рожнов А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.5. Теория и методика спорта (педагогические науки)
УДК 796:34(470)

Спортивное право, как самостоятельная отрасль права и его значение в сфере физической культуры и спорта в современном обществе

¹ Хабибуллин Р.М., ¹ Хабибуллин И.М., ¹ Ахмадуллина Э.Т., ¹ Абдракипова А.Р.,
¹ Башкирский государственный аграрный университет

Аннотация: целью работы является объяснение спортивного права как отдельной отрасли в российском праве путём анализа литературных источников с применением общих подходов и методов в современной теории права. Методами исследования являлись общенаучные методы, которые были подвергнуты сомнению в некоторых литературных источниках применительно предмета и источников спортивного права. Возможно применение положительного опыта других государств в области спортивного законодательства, путём применения сравнительно-правового метода. Авторами произведена попытка доказывания о целесообразности создания Спортивного кодекса Российской Федерации после утверждения понятий субъектов, объектов спортивных правоотношений и содержания спортивного права в целом.

Благодаря созданию указанного Кодекса, спортивное право зафиксирует себя как самостоятельная отрасль российского законодательства, с помощью которой будут точные представления о существовании такого права, эти материалы можно будет использовать в законотворческой деятельности. В настоящее время увеличиваются источники спортивного права, а также научные представления и доказывания выделения отдельной спортивной отрасли права, которые необходимо совершенствовать и структурировать, систематизировать, а также утвердить для кодификации.

Ключевые слова: спортивное право, физическая культура, спортивный кодекс, предмет права, физическая культура и спорт

Для цитирования: Хабибуллин Р.М., Хабибуллин И.М., Ахмадуллина Э.Т., Абдракипова А.Р. Спортивное право, как самостоятельная отрасль права и его значение в сфере физической культуры и спорта в современном обществе // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 271 – 276.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Sports law as an independent branch of law and its importance in the sphere of physical education and sports in modern society

¹ Khabibullin R.M., ¹ Khabibullin I.M., ¹ Akhmadullina E.T., ¹ Abdrakipova A.R.,
¹ Bashkir State Agrarian University

Abstract: the purpose of the work is to explain sports law as a separate branch in Russian law by analyzing literary sources using general approaches and methods in modern legal theory. The research methods were general scientific methods, which were questioned in some literary sources in relation to the subject and sources of sports law. It is possible to apply the positive experience of other states in the field of sports legislation by applying the comparative legal method. The authors attempted to prove the advisability of creating the Sports Code of the Russian Federation after approving the concepts of subjects, objects of sports legal relations and the content of sports law in general.

Thanks to the creation of this Code, sports law will fix itself as an independent branch of Russian legislation, with the help of which there will be accurate ideas about the existence of such a right, these materials can be used in legislative activity. At present, the sources of sports law are increasing, as well as scientific ideas and evidence for the allocation of a separate sports branch of law, which must be improved and structured, systematized, and approved for codification.

Keywords: sports law, physical education, sports code, subject of law, physical education and sport

For citation: Khabibullin R.M., Khabibullin I.M., Akhmadullina E.T., Abdrakipova A.R. Sports law as an independent branch of law and its importance in the sphere of physical culture and sports in modern society. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 271 – 276.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 8, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Вопрос выделения спортивного права и критерий и его структурирования подлежит особому вниманию исследователей в области права в настоящее время. Развитие общества создало необходимость правовой регуляции многих правовых норм и институтов.

Последние десятилетия изменение происходит в области спорта, что доказывает необходимость правового оформления и наличие статуса «право».

Данной проблеме посвящено много научных исследований благодаря которым сложилось мнение нескольких подходов к признанию спортивного права [1].

В некоторых источниках, спортивное право уже указано как самостоятельная отрасль права, в других же доказывается первоначальная стадия становления, и третьи признают спортивное право, как несамостоятельная часть в системе законодательства [2].

В настоящее время ведутся дискуссионные споры о создании отдельной отрасли права, которая будет иметь свою систему и структуру, но последние десятилетия это только является обсуждаемой темой. Однако важность и значение спортивных правоотношений всегда находило подтверждение в ежедневном применении спортивных элементов и спортивного взаимодействия, физической культуры и спорта в государстве.

Каждый день мы наблюдаем непрерывное и систематическое возникновение данного взаимодействия между объектами и субъектами различного уровня на разных территориях государства. Так же политическая деятельность в сфере спорта всегда выступает инициатором в создании и организации спортивных мероприятий, что так же подтверждает необходимость создания отдельного права.

Так же доказательством главенствующей роли с последующей возможной кодификацией является наличие спорта высших достижений. Спорт высших достижений – это спортивная деятельность, которая направлена на получение высокого спортивного результата на официальных всероссийских и международных соревнованиях. Например, Чемпионат России, Чемпионат Мира, Олимпийские игры.

Материалы и методы исследований

Для анализа законности выделения самостоятельной отрасли спортивного права используются такие общенаучные методы, как синтез, сравнение, анализ, обобщение. Используя методы анализа и синтеза, авторы приходят к выводу, что спортивное право является сложной отраслью права.

С помощью системно-структурного метода определяются предмет и объект, принципы и иные признаки спортивного права.

Также при сравнении спортивного законодательства других стран, особенно в части касающейся кодификации было выражено стремление перенятия положительного опыта.

В Башкирском государственном аграрном университете была создана группа из числа профессорско-преподавательского состава кафедры физической культуры, оздоровления и спорта. Данной группой был проведен анализ литературных источников в которых указывались понятия, связанные со спортивным правом.

Как показал анализ, во многих источниках отсутствует доказательственная база признания спортивного права отдельной отраслью, однако, все необходимые элементы, включающие объект, субъект, цели и задачи, а также ответственность за нарушение данных правоотношений указывались.

Последние десятилетия возникают споры о создании Спортивного кодекса в Российской Федерации, возникают вопросы о необходимости и нужности данного нормативно-правового акта. Таким образом наличие всех структурных и системных элементов при выделении конкретной отрасли недостаточно, для того чтобы подтвердить важность определения самостоятельности отрасли права. Подкрепляющим звеном при характеристике данного правоотношения являются данные из административного и уголовного законодательства, в которых прописана ответственность за нарушение отдельных действий спортивного характера.

Поэтому возникают вопросы о необходимости выделения еще одной отрасли в российском законодательстве, если уже за нарушение тех или иных норм в сфере спорта обозначается привлечение к ответственности с других отраслей права. Больше дискуссия возникает на фоне выделения спортивной ответственности, которую трудно до-

казать и подкрепить отдельным нормативным актом, так как спортивные правоотношения частично перенимают структурные элементы ответственности с других отраслей права.

Обучающиеся проанализировав структуры литературы по данному вопросу выделили несколько дефиниций, которые неоднократно повторялись и объяснялись в нескольких учебниках. Такие как, «спортивная отрасль права», «спортивное право», «спортивные правоотношения», «спортивный объект», «спортивный субъект», но первые три из вышеуказанных не имеют нормативного закрепления.

То есть в основном это мнение авторов учебников, которые являются специалистами либо в спортивной сфере и сфере политики или юридической направленности, что соответствует только теоретическому значению, но не практической правовой, которая закрепляет спортивную отрасль права, спортивное право и спортивные правоотношения нормативным источником права.

Методическая структура исследования характеризуется только теоретической направленностью, так как требуется анализ с теоретических данных которые указаны в учебниках по данной тематике. С помощью метода сравнительного характера авторами, выявляются различие и схожесть отдельных категорий и понятий спортивной направленности.

С помощью метода обобщения производится вывод о целесообразности выделения еще одной отрасли права в российском законодательстве. Метод анализа определяет количество и качество указываемой информации по данной сфере, что может помочь в практической деятельности реализовать при создании кодифицированного источника спортивного права.

Результаты и обсуждения

В системе спортивного права должны быть отражены три элемента: между спортивным работником и спортивной организацией или между спортсменом и спортивной организацией; между спортивным органом управления, спортивной организацией и человеком, занимающийся спортом.

В некоторых научных источниках используется термин «спортивное взаимодействие», однако это определение несколько искажает концепцию отраслевой тематики.

В нормативно-правовых актах, как и в литературных источниках указываются различные виды спортивного взаимодействия, где спорт выступает основным элементов в правоотношениях это – спорт высших достижений, массовый спорт, школьный спорт, профессиональный спорт, студенческий спорт, молодежный спорт [3,4,5,6].

Во время физкультурно-спортивной деятельности появляются категории правил общения, которые называются культурно-спортивными. Следует различать три типа компонентов, характеризующих каждый вид правовой коммуникации и без которых невозможно представить независимость отрасли права.

Указанные в законе материальные объекты объясняют, почему возникают правоотношения. Объектами материальной составляющей в данном случае могут быть: физкультурные, физкультурно-оздоровительные, спортивные организации, спортивные клубы, игровые площадки.

Определены субъекты данного правового взаимодействия:

Спортсмен, который осуществляет подготовку к соревнованиям различного уровня; тренер – человек, осуществляющий профессиональную подготовку спортсмена к соревнованиям и задействованный в контроле над тренировочным процессом, спортивная организация – субъект, осуществляющий организацию мероприятий или проведение мероприятия; ответственное лицо за проведение какого-либо соревнования; Министерство спорта в Российской Федерации, в виде исполнительного органа для издания приказов и распоряжений по присвоению спортивных званий и разрядов, а также наградных знаков за успешную деятельность в области физической культуры и спорта и т.д.

Применяя вышеуказанные методы авторы могут выделить отдельные элементы, которые способны характеризовать спортивное право, как самостоятельную отрасль права.

Предметом настоящего закона может быть институт и система общественных отношений профессионального и добровольного использования, профессиональные виды спорта; спортивное образование, спортивные мероприятия; спортивные сооружения; юридическая ответственность в области спорта; международный статус и сотрудничество в области спорта.

При определении любого юридического предмета следует помнить о предметах, находящихся в ведении других отраслей права, так как границы других отраслей права могут быть нарушены. При рассмотрении элементов отношений общественного взаимодействия, разъясняя основные элементы, составляющие образ структуры и системы спортивного права.

Спортивное право в российском законодательстве – совокупность правовых норм, регулирующих отношения в области физической культуры и спорта. Спортивное право, как сложная отрасль права включает в себя нормы, касающиеся раз-

личных сфер общественных отношений, которые можно назвать физкультурными и спортивными:

Организационная структура – регулирует деятельность спортивных организаций, федераций, клубов, а также порядок проведения соревнований.

Экономические основа – определяет принципы финансирования спорта, в том числе профессионального, а также вопросы владения спортивными сооружениями.

Социальные институты – касаются прав и обязанностей спортсменов, тренеров, спортивных специалистов, а также вопросов обеспечения безопасности в спорте.

Дисциплинарные стандарты – регулируют вопросы антидопингового контроля, ответственности за нарушения правил и этики спорта.

Основные принципы спортивного права:

Принцип возможности занятий физической культурой и спортом;

Принцип содействия развитию массового спорта и спорта высших достижений;

Принцип недискриминации в области спорта;

Принцип соблюдения правил спортивной этики и борьбы с допингом;

Спортивное право тесно связано с другими отраслями права, в том числе:

Конституционное право: определяет основы государственной политики в области физической культуры и спорта.

Гражданское право: регулирует вопросы владения спортивными сооружениями и имущественных отношений в сфере спорта.

Трудовое законодательство: определяет рабочие отношения спортсменов, тренеров и других специалистов в области спорта.

Административное право: регулирует вопросы организации и проведения спортивных мероприятий, применения мер административной ответственности.

Уголовное право: в ряде случаев, когда совершаются преступления в сфере спорта, применяются нормы уголовного права.

Выводы

Рассматривая вопрос источников и необходимых элементов спортивных правоотношений возникает вопрос о кодификации физической культуры и спорта. В настоящее время мнения по этому вопросу разделяются.

Существует мнение о кодификации, так как необходимо просто усовершенствовать действующее законодательство. Мы полагаем, что кодификация спортивного права просто необходима, так как она обеспечит качественную работу спортивного законодательства, выявит пробелы и систематизацию спортивных норм.

Кроме этого, создание кодекса зафиксировать спортивное право, как самостоятельную отрасль. В настоящее время в научной литературе достаточно количество материала, который может послужить и залечь в основу Спортивного кодекса РФ. В начале данной работы говорилось об стремлении перенятия положительного опыта других стран в сфере касающейся классификации спортивного законодательства, для сравнения можно привести примеры Спортивных кодексов Франции, Испании, Бразилии.

Признание необходимости кодифицирования спортивного права и выделения его как самостоятельной отрасли доказывает большое количество учебников посвящённых данной тематике. В некоторых учебниках даже выделяется Общая и Особенная части спортивного права [9, 10, 11].

Список источников

1. Алланина Л.М. Проблемы права и спорта // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 56 – 58.
2. Буянова М.О. К вопросу о предмете спортивного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 158 – 175.
3. Лукьянов А.Б., Лукьянов Б.Г., Степанов В.С. и др. Анализ организации учебно-тренировочного процесса занятий по физической культуре в вузе // Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма: материалы XVI Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию ФГБОУ ВО «УГАТУ», Уфа, 26-27 мая 2022 года. Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2022. С. 137 – 141.
4. Бабин А.В., Мингулов И.Р., Зиннатов Р.Р., Кубеев А.Ж. Методико-практические основы физического обучения и воспитания обучающихся образовательных организаций МВД России: учебное пособие. Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. 72 с.
5. Коваленко Е.Ю., Тыдыкова Н.В., Шавандина О.А. О соблюдении правил законодательной техники при создании нормативных актов Алтайского края в области физической культуры и спорта // Юрислингвистика. 2020. № 18. С. 8 – 11.

6. Бабин А.В., Ячменев С.П., Лукьянов А.Б. и др. Актуальные проблемы физического воспитания и спорта в России // Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма: материалы XVII Международной научно-практической конференции, Уфа, 25-26 мая 2023 года. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. С. 66 – 70.
7. Савичев А.А. Понятие спортивного права в российской юридической доктрине // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 176 – 194.
8. Синицын С.А. К вопросу о возникновении новых отраслей в системе российского права (на примере спортивного права) // Законодательство. 2013. № 6. С. 78 – 87.
9. Соловьев А.А. Особенности спортивного права как комплексной отрасли российского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 9. С. 3 – 9.
10. Соловьев А.А. Российский и зарубежный опыт систематизации законодательства о спорте. М.: Ваш полиграфический партнер, 2011. 382 с.
11. Шаповалов А.А., Колоярцева Е.А. Спортивное право – отрасль российского права // Теория и практика физ. культуры. 2015. № 9. С. 80.

References

1. Allanina L.M. Problems of Law and Sports. Russian Justice. 2019. No. 1. P. 56 – 58.
2. Buyanova M.O. On the Subject of Sports Law. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 1. P. 158 – 175.
3. Lukyanov A.B., Lukyanov B.G., Stepanov V.S. et al. Analysis of the Organization of the Educational and Training Process of Physical Education Classes at a University. Actual Problems of Physical Education, Sports and Tourism: Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 90th Anniversary of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa State Agrarian University", Ufa, May 26-27, 2022. Ufa: Ufa State Aviation Technical University, 2022. P. 137 – 141.
4. Babin A.V., Mingulov I.R., Zinnatov R.R., Kubeev A.Zh. Methodical and practical foundations of physical education and training of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia: a textbook. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. 72 p.
5. Kovalenko E.Yu., Tydykova NV, Shavandina OA On compliance with the rules of legislative technique when creating regulatory acts of the Altai Territory in the field of physical culture and sports. Jurislinguistics. 2020. No. 18. P. 8 – 11.
6. Babin A.V., Yachmenev S.P., Lukyanov A.B. and others. Actual problems of physical education and sports in Russia. Actual problems of physical culture, sports and tourism: materials of the XVII International scientific and practical conference, Ufa, May 25-26, 2023. Ufa: Ufa University of Science and Technology, 2023. P. 66 – 70.
7. Savichev A.A. The concept of sports law in the Russian legal doctrine. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 1. P. 176 – 194.
8. Sinitsyn S.A. On the issue of the emergence of new branches in the system of Russian law (on the example of sports law). Legislation. 2013. No. 6. P. 78 – 87.
9. Soloviev A.A. Features of sports law as a complex branch of Russian legislation. Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2014. No. 9. P. 3 – 9.
10. Soloviev A.A. Russian and foreign experience of systematization of legislation on sports. Moscow: Your printing partner, 2011. 382 p.
11. Shapovalov A.A., Koloyartseva E.A. Sports law – a branch of Russian law. Theory and practice of physical culture. 2015. No. 9. P. 80.

Информация об авторах

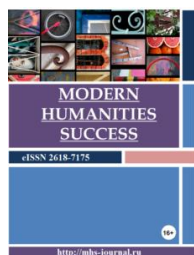
Хабибуллин Р.М., кандидат биологических наук, доцент, Башкирский государственный аграрный университет

Хабибуллин И.М., кандидат биологических наук, Башкирский государственный аграрный университет

Ахмадуллина Э.Т., Башкирский государственный аграрный университет

Абдракипова А.Р., Башкирский государственный аграрный университет

© Хабибуллин Р.М., Хабибуллин И.М., Ахмадуллина Э.Т., Абдракипова А.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)
УДК 378.14

Курс «Технология самоорганизации и эффективного самоуправления» как средство формирования готовности будущих юристов к ведению судебных споров

¹ Антонова Е.Н., ¹ Горбачева Д.А.,
¹ Краснодарский государственный институт культуры

Аннотация: несмотря на то, что Конституция РФ, ГПК РФ, УПК РФ, АПК РФ и другие нормативно-правовые документы принцип состязательности и равноправия сторон характеризуют как один из фундаментальных в современном судопроизводстве, Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата), не содержит слов «профессиональное состязание», «состязательность», «конкуренция», «конкурентоспособность», «судебный спор». Этот факт ослабляет смысловые связи между методологически важными установками юридической науки и практики, с одной стороны, и содержанием, а также актуальными технологиями обучения в юридическом образовании, с другой стороны. Учебный курс «Технология самоорганизации и эффективного самоуправления» призван оказать педагогическую поддержку процессу профессионального саморазвития будущих юристов. Рассматривая в статье дидактические основы упомянутого курса, авторы исходят из того, что состязательные взаимодействия, судебный спор, профессиональная конкуренция также, как и равноправие сторон в защите своих законных прав и интересов, – это естественные условия профессионального бытия всякого практикующего правоведа.

Ключевые слова: принцип состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве, готовность будущих юристов к участию в судебных спорах, учебный курс «Технология самоорганизации и эффективного самоуправления», ролевые практики

Для цитирования: Антонова Е.Н., Горбачева Д.А. Курс «Технология самоорганизации и эффективного самоуправления» как средство формирования готовности будущих юристов к ведению судебных споров // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 277 – 284.

Поступила в редакцию: 12 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

The course "Technology of self-organization and effective self-government" as a means of forming the readiness of future lawyers to conduct litigation

¹ Antonova E.N., ¹ Gorbachev D.A.,
¹ Krasnodar State Institute of Culture

Abstract: despite the fact that the Constitution of the Russian Federation, the CPC of the Russian Federation, the CPC of the Russian Federation, and other regulatory documents characterize the principle of competition and equality of the parties as one of the fundamental principles in modern legal proceedings, the Federal State Educational Standard (FGOS) of Higher Education in the field of Law 40.03.01 (bachelor's degree level) does not contain the words "professional competition", "competitiveness", "competition", "competitiveness", "legal dispute". This fact weakens the semantic links between the methodologically important principles of legal science and practice, on the one hand, and the content, as well as relevant teaching technologies in legal education, on the other hand. The training course "Technology of self-organization and effective self-management" is designed to provide pedagogical support to the process of professional self-development of future lawyers. Considering the didactic foundations of the mentioned course in the article, the authors proceed from the fact that competitive interactions, liti-

gation, professional competition, as well as equality of the parties in protecting their legitimate rights and interests, are the natural conditions of professional existence of any practicing lawyer.

Keywords: the principle of competition and equality of the parties in legal proceedings, the willingness of future lawyers to participate in court disputes, the training course "Technology of self-organization and effective self-government", role-playing practices

For citation: Antonova E.N., Gorbachev D.A. The course "Technology of self-organization and effective self-government" as a means of forming the readiness of future lawyers to conduct litigation. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 277 – 284.

The article was submitted: April 12, 2025; Approved after reviewing: June 9, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В интервью «SkillsNet» (май 2019 года) С.И. Володина – президент Федеральной палаты адвокатов РФ, заведующая кафедрой адвокатуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина – сказала, что в комплексе профессиональных качеств, необходимых юристу, особую роль играет готовность к профессиональным состязаниям и умение «держат удар» [5]. Справедливости ради заметим, что эта готовность получила высокую оценку правовой общественности значительно ранее. Так уже в XII веке в Болонском университете сложилось понимание, что юрист – это не только глубокий знаток и толкователь правовых норм, аналитик и судебный оратор, но прежде всего – профессиональный спорщик, успешность которого прямо связана с его способностью участвовать в психологически напряженных (а нередко и весьма длительных по времени) интеллектуальных «турнирах», для победы в которых он обязан проявить эрудицию, память, полемическое мастерство и виртуозное владение приемами софистики. Поэтому студенческие диспуты в Болонском университете, а немногим позднее и в средневековой европейской высшей школе в целом, стали одной из основных организационных форм обучения [1].

И все-таки, несмотря на глубокие исторические корни, акцент С.И. Володиной на состязательности как важнейшем профессиональном качестве современного юриста весьма актуален. Обзор правовой и психолого-педагогической литературы убеждает, что конституционный принцип состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве является предметом оживленных дискуссий в теории и практике юриспруденции, но, к сожалению, фактически выпал из поля внимания ученых-педагогов, организаторов юридического образования и методистов. Сегодня смысловой доминантой обучения юристов выступает когнитивная составляющая, разросшаяся в учебных планах в большое количество дисциплин, адресующихся к различ-

ным отраслям права, в то время как проблематика формирования готовности студентов к участию в профессиональных спорах оттеснена на периферию педагогического целенаправленного. Подчеркнем, что даже в Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОСе) высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, утвержденном приказом Министерства образования и науки РФ от 1 декабря 2016 г. № 1511, полностью отсутствуют термины «состязательность», «судебный спор», «конкуренция», «конфликт», также как и другие однокоренные с ними слова.

Известно, что роль своеобразного «лекала», в соответствии с которым личность выстраивает свое профессиональное саморазвитие и ожидания профессиональной будущности, играют формирующиеся в ее сознании «образ профессии» и «образ Я-специалист» [9; 10]. Заметную роль в формировании у современной молодежи представлений об юридических профессиях играют телевидение, искусство кино и театр, создавшие немало эмоционально привлекательных, но весьма далеких от реальной профессиональной практики образов правоведов. Не удивительно, что немалая часть студентов, избравших юридическое поприще в качестве своей профессиональной самореализации, немногим позднее, столкнувшись с реалиями профессии, испытывают глубокое разочарование, иногда принимающее форму экзистенциального кризиса. В частности, как показали наши анкетные опросы 2020-2021 гг., ни один (!) из 100 первокурсников, приступающих к освоению профессии юриста, не считал готовность к интеллектуальным состязаниям в ходе судопроизводства качеством, определяющим профессиональную успешность юриста. Разумеется, это обстоятельство отрицательно сказывается на сроках их профессиональной адаптации и качестве познавательной деятельности.

Под готовностью будущих юристов к участию в судебных спорах мы понимаем динамическое

состояние психики, обеспечивающее адекватное понимание юридических ситуаций и мотивов поведения участников, социальную, этическую и правовую оценку их действий в целях выработки эффективных способов разрешения юридических споров в конкурентных профессионально-статусных речевых взаимодействиях. Компонентами этой готовности выступают: 1) знания и про-

фессиональное юридическое мышление, 2) гуманистическая позиция (этос юридических профессий), 3) психологическая наблюдательность и стрессоустойчивость, 4) речевая культура (судебное красноречие, понимание речи оппонентов на слух) и профессиональный артистизм. Структурно-содержательный анализ этой готовности раскрыт в табл. 1.

Таблица 1

Структурно-содержательные компоненты готовности будущих юристов к участию в судебных спорах.

Table 1

Structural and substantive components of future lawyers' readiness to participate in litigation.

1.	Знания и профессиональное юридическое мышление
Студент способен на основе профессиональной терминологии, знаний и рефлексивно-аналитического опыта самостоятельно, адекватно и полно исследовать конкретные юридические ситуации, действия их фигурантов, устанавливать актуальные причинно-следственные (каузальные) связи и давать им юридическую оценку (квалификацию). Студент способен к самостоятельному формированию, обобщению, систематизации и «переносу» когнитивных схем (профессиональных знаний и данных рефлексивно-аналитического опыта) из одних юридических ситуаций в другие ситуации, условия и обстоятельства профессиональной деятельности. Студент готов к критическому осмыслению обстоятельств дела, логическому, юридическому и психологическому обоснованию стратегии (то есть долгосрочных целей и путей их достижения), версий и тактик профессиональных действий в ходе судопроизводства (с учетом принятых на себя профессионально-статусных позиций – сторона обвинения, сторона защиты, истец, ответчик и т.д.), обнаружению «слабых звеньев» в позициях и аргументации оппонентов и к публичному доказательству их несостоятельности, в том числе – и через постановку перед оппонентами вопросов. Студент обладает большим объемом профессиональной памяти на юридически значимые термины, факты, обстоятельства, актуальную информацию, что позволяет ему свободно ориентироваться в материалах дела; способен с высокой степенью точности прогнозировать варианты развития событий и реакций участников судопроизводства на обстоятельства и предпринимаемые его сторонами действия. Студент способен самостоятельно обнаруживать и оперативно исправлять ошибки в анализе и оценках юридических ситуаций, гибко реагировать на аргументы и действия оппонентов, корректировать стратегию и тактики действий, если они не обеспечивают достижение поставленной цели в планируемые сроки. Студент проявляет интерес к самостоятельному поиску и изучению юридической научной литературы и профессиональных периодических изданий, критическому анализу ярких примеров правоприменительных практик.	
2.	Гуманистическая позиция (этос юридических профессий)
В осуществлении профессиональной деятельности студент руководствуется гуманными чувствами (милосердием, состраданием и др.) к оказавшимся в трудных жизненных и/или правовых ситуациях людям, законные права, свободы и интересы которых ущемлены, нуждаются в защите или восстановлении. Студент проявляет толерантное отношение к интересам, мнениям и ожиданиям других участников судопроизводства вне зависимости от их возраста, пола, социального, имущественного и семейного положения, расовой и этнической принадлежности, образовательного уровня, рода занятий, профессионально-статусной позиции, места жительства, криминального, жизненного, профессионального опыта. Студент способен руководствоваться профессиональными этическими кодексами адвоката, прокурорского работника, нотариуса, судьи, сотрудника органов внутренних дел и следственного комитета; осознаёт виды гражданско-правовой, административной, уголовной, дисциплинарной, репутационной ответственности в случаях нарушений требований профессиональных этических кодексов. В процессе осуществления принятых на себя профессиональных функций, студент соблюдает требования этикетных требований юридических профессий – вежливость, тактичность, пунктуальность, ответственность и др. Студент готов к кооперации усилий в целях защиты законных прав, свобод и интересов участников судопроизводства. В ситуациях нравственного выбора и конфликта интересов студент не допускает этических компромиссов, противоречащих требованиям этических кодексов юридических профессий.	

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

3.	Психологическая наблюдательность и стрессоустойчивость
Студент обладает психологической наблюдательностью (профессиональной «зоркостью» восприятия), позволяющей ему заметить, зафиксировать в сознании и правильно интерпретировать связанные с материалами дела и личностью участников судопроизводства детали поведения и наблюдаемые внешние реакции, включая паралингвистические и экстралингвистические элементы невербальной коммуникации, а также «язык тела», свидетельствующие об их истинной позиции или о наличии непроизвольно, либо сознательно утаиваемой (искажаемой) информации, мотивов поступков и причинно-следственных связей. Студент обладает развитой способностью к произвольному вниманию, актуальными свойствами которого являются сосредоточенность, переключаемость, распределение, объем. Студент готов составить (и в случае необходимости своевременно скорректировать в процессе судопроизводства) обоснованные психологические «портреты» своих клиентов, свидетелей, оппонентов и учитывать их психологические особенности в своей профессиональной деятельности. Студент обладает способностью к формированию внутренних произвольных представлений (репрезентативных когнитивных систем) различной (дигитальной, кинестетической, визуальной или аудиальной) модальности. Студент обладает способностями волевой саморегуляции своего психического состояния в условиях публичной деятельности и нахождении в «зоне критики», преодоления психологических «застываний» и напряжений, сдерживания избыточных как позитивных, так и негативных эмоций, распределения своих сил и психической энергии на большие периоды времени, реализации своих духовных и интеллектуальных потенциалов, коммуникативных умений и навыков управления вниманием оппонентов. В условиях публичности студент переживает соревновательный эффект, стимулирующий усиление мотивации и высокие достижения в деятельности, проявляет волю и настойчивость, готов противостоять попыткам психологического давления и манипуляций со стороны оппонентов.	
4.	4. Речевая культура (судебное красноречие, понимание речи оппонентов на слух) и профессиональный артистизм
Студент при обосновании своих ценностно-смысловых позиций по делу готов предложить участникам судопроизводства совокупность логически обоснованных доказательств и аргументацию, способных убедить суд в законности и справедливости его точки зрения. Его судебная речь характеризуется ясностью, точностью, логичностью, уместностью, правильностью. Студент при обосновании своих ценностно-смысловых позиций по делу готов в судебной речи эффективно использовать изобразительно-выразительные (аллегория, гипербола, метафора, образный параллелизм, ирония, сарказм и др.) речевые средства, а также различные жанровые формы (притча, новелла, рассказ, исповедь и др.). В судебной речи студента отсутствуют просторечные слова и выражения. Студент готов использовать в судебной речи при обосновании своих ценностно-смысловых позиций и для облегчения их принятия другими участниками судопроизводства совокупность: а) интонационно-синтаксических (интонация, мелодика, акцентуация, темп, ритм, пауза, эллипс, инверсия, повтор и т.д.) речевых средств; б) фонических средств – тембровую палитру, энергию (силу), модуляции (изменения по высоте, тембру, энергии и длительности) и другие характеристики голоса. Студент владеет четкой дикцией (то есть сформированными навыками работы артикуляционного аппарата: языка, губ, неба, нижней челюсти, носоглотки и речевого дыхания). Студент органично использует элементы кинесики (мимики и жестикуляции) для визуального усиления важных смысловых конструкций судебной речи. У студента сформирована способность к адекватному слуховому восприятию вербальных и невербальных компонентов речи других участников судопроизводства (фонематический и эмоциональный виды слуха) при высокой скорости и целесообразности ответных речевых реакций.	

Материалы и методы исследований

Структурно-содержательный анализ готовности к участию в судебных спорах позволяет определиться с информационной и методической составляющими процесса обучения. Мы считаем, что понимание будущими юристами состязательной природы юридических профессий важно сформировать уже на начальных этапах обучения. В нашей педагогической практике эта цель достигалась в рамках курса «Технологии самоорганиза-

ции и эффективного взаимодействия» (1-й и 2-й семестры) для студентов-юристов Анапского филиала Российского государственного социального университета. Бюджет времени: 144 часа, 36 ч. – лекционных, 36 ч. – практических, 72 ч. – самостоятельная работа из них контроль – 8 ч. Поскольку интересующая нас готовность носит комплексный и динамический характер, то курс не претендует на то, что в его ходе она сформируется полностью. Курс призван задавать смысловые

ориентиры становлению будущих юристов как профессиональных спорщиков, для которых состязательность составляет естественную форму их профессионального бытия. В дальнейшем знания, умения и навыки ведения судебных споров должны получить развитие в курсах «Гражданский процесс», «Арбитражный процесс», «Уголовный процесс», а также в ходе ознакомительной, правоприменительной и преддипломной практик.

Программа курса структурировалась из четырех модулей, обеспечивающих постепенное и последовательное приращение опыта конкурентных профессиональных взаимодействий, опосредованных стандартными профессионально-статусными позициями сторон в судопроизводстве.

Первый модуль «Юрист как субъект права в состязательной профессиональной среде». Его задача состояла в преодолении нечеткости, неопределенности или откровенной ошибочности представленных в сознании студентов образа профессии и образа «Я-юрист». Здесь мы помогали будущим правоведам осознать себя субъектами судебных споров в судопроизводстве, функции которых опосредуются занимаемыми профессионально-статусными позициями – истца, ответчика, стороны обвинения или защиты, а также требованиями этических кодексов юридических профессий.

Второй модуль «Психологическая подготовка юриста как фактор профессиональной успешности» знакомил студентов с психологическими особенностями ведения судебных споров и способами повышения стрессоустойчивости будущего правоведа, способствовал развитию критического мышления, профессиональной памяти и психологической наблюдательности, то есть способности фиксировать, правильно интерпретировать и прогнозировать действия и реакции участников судопроизводства в целях установления истины по делу и вынесения правосудных актов, а также навыки самоконтроля и мобилизации ресурсов психики для эффективного противостояния стрессогенным факторам и попыткам психологических манипуляций противостоящей стороны в состязательном судопроизводстве.

Третий модуль «Полемическое мастерство юриста как фактор профессиональной успешности» акцентировал внимание студентов на оформлении результатов рефлексивно-аналитических и проектировочных действий в виде судебных речей. При этом особое внимание уделялось формированию социально-коммуникативных качеств личности обучающихся, в том числе и умению выстраивать взаимоуважительное, корректное об-

щение сторон судопроизводства в состязательных взаимодействиях.

Наконец, *четвертый модуль* «Профессиональное Я в «зеркале» других участников состязательного судопроизводства» направлен на формирование внутреннего «монитора», фиксирующего общую картину того, как внешность, речь, доказательства, аргументы и действия самого студента отражаются, осмысливаются и оцениваются сознанием других участников судебного спора. Этот «монитор» играет важную роль в поиске студентом собственного «профессионально-речевого лица» и «материализуется» в судебных речах.

Результаты и обсуждения

Л.М. Митина точно заметила: «развитие конкурентоспособной личности – это развитие рефлексивной личности» [10, с. 115]. Наш педагогический опыт показывает, что готовность будущих юристов к профессиональной конкуренции в судопроизводстве динамично развивается в условиях интегрированных в образовательный процесс рефлексивно-аналитических и состязательных ролевых практик.

Так, важную роль в развитии интересующей нас готовности играли задания для практических занятий и домашней работы, в которых в русле концепции контекстуального обучения (А.А. Вербицкий [4]), использовался видеоконтент (медиа-тексты) – фрагменты художественных и документальных фильмов, телепередач правовой тематики, ролики видеохостингов интернета, а также видеозаписи прений по реальным судебным спорам. Опора на видеоконтент обеспечивала возникновение «эффекта присутствия», благодаря которому ситуации и действия персонажей в пространстве экрана, воспринимались и оценивались студентами как факты собственной профессиональной биографии. При этом возможность неоднократных просмотров одних и тех же медиатекстов позволяет зафиксировать и осмыслить не только открытые, явные, но и скрытые, ускользающие от первичного внимания детали [2].

Как правило, длительность фрагментов составляла от 8 до 15 минут в условиях аудиторных занятий и от 20 до 35 минут – при домашнем просмотре. Для того, чтобы «заострить» наблюдательность студентов, мы обеспечивали медиатексты дидактическим сопровождением – вопросами, заданиями, пояснениями, комментариями, ссылками на литературные источники, другие медиатексты и страницы интернета, нацеливающие студентов на адекватное восприятие, критическое мышление, осмысление имплицитных причинно-следственных связей и отношений, опосредующих выбор персонажами тех или иных рисунков пове-

дения в юридических ситуациях или в ходе судопроизводства.

Разумеется, привлекаемый для занятий медиаматериал был дидактически адаптирован. В частности, мы имеем в виду отбор и фрагментацию (так как чаще всего используемый в образовательных целях медиатекст представлял собой относительно завершённую сцену и/или эпизод, изъятые из более масштабного произведения), опосредованных темой, целью и организационной формой занятий. Это давало повод для восприятия его обучающимися в хронотопе прошлого-настоящего-будущего.

Подчеркнем, что, также как и в жизни, истинные смыслы поведения и речевых действий персонажей медиатекстов часто весьма далеко выходят за рамки конкретной ситуации и поэтому нуждаются в интерпретациях воспринимающей стороны, то есть в раскрытии смыслов не только вербальной (эксплицитной и имплицитной), но невербальной, знаковой или чувственно-наглядной компонентов речевых действий [2].

Например, при работе с фрагментами видеозаписей судебных процессов студентам предлагалось охарактеризовать: а) имидж судебного оратора; б) общую и юридическую логичность аргументации; в) стилистическую корректность речи с точки зрения занимаемой оратором профессионально-статусной позиции (например, сторона обвинения, сторона защиты и др.); г) точность и уместность для конкретного дела, ситуации, условий, обстоятельств и субъектов используемых судебным оратором лексических средств и фигур речи (то есть синтаксических конструкций, усиливающих психологическое воздействие на слушателей); д) экспрессивные компоненты речи (образы, особенности интонирования, звуковысотности, тембродинамики, темпоритма, акцентуаций, пауз и др.); е) степень совпадения ожидаемых оратором и реальных реакций присутствующих на судебную речь и др. Очевидно, что восприятие и оценка информационно-логических и экспрессивных компонентов речи (как открытых, так и тщательно скрываемых) требуют целенаправленных упражнений фонематического и эмоционального (интонационного) слуха будущих правоведов.

В.В. Давыдов справедливо отмечал, что поведенческий репертуар наиболее эффективно формируется в игровой среде, «генетически исходной» для осваиваемой сферы культуры [8]. Поэтому в рамках курса активно использовались профессионально-ролевые игры. В контексте интересующей нас темы они представляют собой «со-бытие» принимающих на себя различные роли участников в имитирующей профессиональную

реальность среде. Другими словами, здесь речь идет об интерактивном имитационном взаимодействии участников в воображаемом игровом пространстве, включаясь в которое «от лица» определенного персонажа (стороны судопроизводства), они формируют опыт восприятия, анализа, понимания, оценки и разрешения ситуаций конкурентного профессионального взаимодействия, а также опыт эффективной саморегуляции в этих ситуациях. Как известно, интерактивное обучение представляет собой диалоговые формы речевых взаимодействий, обеспечивающие формирование у обучающихся рефлексивно-аналитических, коммуникационных и презентационных паттернов действий, которые, как справедливо указывал Л. С. Выготский, способны «врастать в жизнь» [6].

Чтобы победить в судебном споре, юрист должен иметь отчетливые представления о том, как он сам, его речь, аргументация, риторические приемы воспринимаются (или будут восприняты) другими участниками судопроизводства на различных его этапах. Известный английский социолог Ч. Х. Кули предложил для характеристики этого феномена термин «зеркальное Я» (*looking-glass self*) [8]. Речь здесь идет о представлениях о себе самом и своих действиях, но сквозь призму восприятий окружающих. На этой основе личность выстраивает предположения о характере и причинно-следственных связях, вызвавших у других именно такие образы, оценки, ожидания и решает – следует ли что-либо предпринять, чтобы соответствовать этим ожиданиям, либо следует проигнорировать их. Очевидно, что юрист, разрабатывая стратегии и тактики ведения судебного спора, должен осознавать то, как он воспринимается другими, так как даже небольшие неточности в «зеркальном образе Я» могут оказать заметное отрицательное влияние на профессиональные выборы, адекватность речевого поведения и, соответственно, повлиять на судебное решение.

Выводы

Вот почему мы интегрировали в учебный процесс тренинги, использующие цифровые средства фиксации аудиовизуальной информации, благодаря которым студенты получали возможность не только сформировать близкий к объективному образ «зеркального профессионального Я» (разумеется, полностью он никогда не совпадет с реальностью). Такая запись сохраняет как вербальные компоненты, так и, что не менее важно, совокупность невербальных компонентов судебной коммуникации. Это

«открывает шлюзы» для интерпретации и осмысления речевого поведения с точки зрения «человеческого измерения» (Ю.П. Ветров, Л.В. Долгополова [3]).

Вместе с тем, применение в курсе аудиовидеотренинга открывало возможности для констатации динамики формирования готовности студентов к состязательным взаимодействиям в судебных спорах. Накапливающийся «фонд» такого рода аудиовизуальных материалов функционировал как своеобразное «хранилище» профессиональной «истории», помогая студентам фиксировать наиболее важные этапы своего профессионального становления.

Подводя итог сказанному, отметим, что раскрытые в статье положения, относящиеся к содержанию и методическому сопровождению авторского курса «Технология самоорганизации и эффективного самоуправления», создают условия для формирования готовности будущих юристов к эффективному участию в судебных спорах и нацеливают их на:

- критическое осмысление, интерпретацию, исследование и оценивание юридически значимых явлений, ситуаций, выявление актуальных причинно-следственных связей, предметов судебных споров, прогноз действий и реакций

сторон судопроизводства, а также возникающих на этой основе правоотношений;

- разрешение связанных с рассматриваемыми в судопроизводстве делами и юридической практикой нравственных дилемм на основе положений этических кодексов юридических профессий;

- совершенствование психологической наблюдательности, то есть способности к фиксации сознанием и адекватной интерпретации поступков, вербальных и невербальных действий участников судопроизводства, в целях прогноза их реакций, правовой оценки и установления истины по делу;

- повышении психологической устойчивости к манипулятивным попыткам противостоящей стороны;

- развитие способности к самоконтролю, мобилизации и распределению во времени ресурсов психики для купирования стрессогенных факторов, связанных с профессиональной юридической практикой и судопроизводством;

- совершенствование коммуникативных знаний, умений и навыков, речевой культуры и профессионального артистизма сквозь призму специфики состязательных профессионально-статусных конкурентных взаимодействий сторон в судопроизводстве.

Список источников

1. Александров Е.П. Педагогика профессионального образования: учебно-методическое пособие для магистрантов. Краснодар: КГИК, 2018. 139 с.
2. Александров Е.П. Ролевые практики как средство социализации и социальной адаптации воспитанников учреждений интернатного типа: теоретико-методологический аспект: монография. Краснодар: Издательский дом – Юг, 2021. 212 с.
3. Ветров Ю.П., Долгополова Л.В. Подготовка преподавателей вуза к использованию тренинговых методов обучения: монография. Армавир: РИО АГПУ, 2020. 140 с.
4. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. Москва: Высшая школа, 1991. 207 с.
5. Вице-президент ФПА РФ Светлана Володина – о тонкостях профессии. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/advokat-dolzhen-byt-gotov-k-sostyazatelnosti-i-umet-derzhat-udar/> (дата обращения 13.08.2024)
6. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования: Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка / Под ред. и со вступ. статьей А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия. Москва: Изд-во Акад. Пед. наук РСФСР, 1956. 519 с.
7. Давыдов В.В., Драгунова Т.В., Ительсон Л.Б. и др. Возрастная и педагогическая психология: учебник для пед. ин-тов / Под ред. А.В. Петровского. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Просвещение, 1979. 288 с.
8. Курбатов В.И. Современная западная социология: Аналитический обзор концепций. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. 416 с.
9. Митина Л.М. Психология личностно-профессионального развития субъектов образования. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. 376 с.
10. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность и память: опыт генетической реконструкции // Мир психологии. 2001. № 1. С. 64 – 70.

11. Marcia J.E. Identity in adolescence // Adelson J. (ed.) Handbook of adolescent psychology. N.Y.: John Wiley, 1980. P. 159 – 187.
12. Martinez M.A. An investigation into successful learning measuring the impact of learning orientation. A primary learner-difference variable, on learning. A dissertation submitted to the faculty of Brigham Young University for the degree Doctor of Philosophy, 1997-1999. 151 p.

References

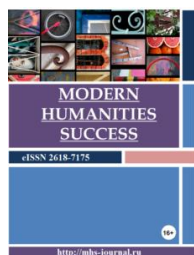
1. Aleksandrov E.P. Pedagogy of professional education: a teaching aid for master's students. Krasnodar: KGIK, 2018. 139 p.
2. Aleksandrov E.P. Role-playing practices as a means of socialization and social adaptation of pupils of boarding institutions: theoretical and methodological aspect: monograph. Krasnodar: Publishing house – Yug, 2021. 212 p.
3. Vetrov Yu.P., Dolgoplova L.V. Preparation of university teachers for the use of training teaching methods: monograph. Armavir: RIO AGPU, 2020. 140 p.
4. Verbitsky A.A. Active learning in higher education: a contextual approach. Moscow: Higher School, 1991. 207 p.
5. Vice-President of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation Svetlana Volodina - on the intricacies of the profession. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/advokat-dolzhen-byt-gotov-k-sostyazatelnosti-i-umet-derzhat-udar/> (date of access: 08.13.2024)
6. Vygotsky L.S. Selected psychological studies: Thinking and speech. Problems of psychological development of the child. Ed. and with an introduction by A.N. Leontiev, A.R. Luria. Moscow: Publishing house of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1956. 519 p.
7. Davydov V.V., Dragunova T.V., Itelson L.B. et al. Age and educational psychology: textbook for ped. in-ts. Ed. A.V. Petrovsky. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Prosveshchenie, 1979. 288 p.
8. Kurbatov V.I. Modern Western Sociology: Analytical Review of Concepts. Rostov-on-Don: Phoenix, 2001. 416 p.
9. Mitina L.M. Psychology of Personal and Professional Development of Education Subjects. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History, 2014. 376 p.
10. Schneider L.B. Professional Identity and Memory: An Experiment with Genetic Reconstruction. The World of Psychology. 2001. No. 1. P. 64 – 70.
11. Marcia J.E. Identity in Adolescence. Adelson J. (ed.) Handbook of Adolescent Psychology. N.Y.: John Wiley, 1980. P. 159 – 187.
12. Martinez M.A. An investigation into successful learning measuring the impact of learning orientation. A primary learner-difference variable, on learning. A dissertation submitted to the faculty of Brigham Young University for the degree Doctor of Philosophy, 1997-1999. 151 p.

Информация об авторах

Антонова Е.Н., аспирант, Краснодарский государственный институт культуры, csile@bk.ru

Горбачева Д.А., доктор педагогических наук, Краснодарский государственный институт культуры, csile@bk.ru

© Антонова Е.Н., Горбачева Д.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)
УДК 378.096

Педагогические условия освоения композиционных структур европейской музыки классического стиля студентами из КНР в российском вузе

¹ *Мяо Ливэй,*

¹ *Московский педагогический государственный университет*

Аннотация: начавшееся в XX веке активное взаимодействие России и Китая в области культуры, искусства, науки и образования обусловило повышение интереса студентов КНР к программам профессиональной подготовки в российских вузах. Получая музыкально-педагогическое образование, китайские обучающиеся осваивают теоретические дисциплины, включая анализ музыкальных произведений. Одной из проблем для них становится понимание закономерностей формообразования и типологии композиционных структур. Цель статьи – определить педагогические условия освоения студентами КНР типологии композиционных структур в музыке классического стиля с учетом особенностей восприятия данной категорией обучающихся европейского музыкального мышления и на основе обобщения традиционных и современных подходов российских педагогов-музыкантов.

Ключевые слова: композиционные структуры, классический стиль, музыкальная форма, анализ музыкальных произведений, педагогические условия, студенты из КНР

Для цитирования: Мяо Ливэй Педагогические условия освоения композиционных структур европейской музыки классического стиля студентами из КНР в российском вузе // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 285 – 289.

Поступила в редакцию: 13 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Pedagogical conditions for the mastering of compositional structures of European classical music by students from the PRC at a Russian university

¹ *Miao Liwei,*

¹ *Moscow Pedagogical State University*

Abstract: the active interaction of Russia and China in the field of culture, art, science and education, which began in the twentieth century, led to an increase in the interest of Chinese students in vocational training programs at Russian universities. Receiving a musical and pedagogical education, Chinese students master theoretical disciplines, including the analysis of musical works. One of the problems for them is understanding the patterns of formation and typology of composite structures. The purpose of the article is to determine the pedagogical conditions for students of the PRC to master the typology of compositional structures in classical music, taking into account the peculiarities of perception of European musical thinking by this category of students and based on a generalization of traditional and modern approaches of Russian teachers-musicians.

Keywords: compositional structures, classical style, musical form, analysis of musical works, pedagogical conditions, students from China

For citation: Miao Liwei Pedagogical conditions for the mastering of compositional structures of European classical music by students from the PRC at a Russian university. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 285 – 289.

The article was submitted: April 13, 2025; Approved after reviewing: June 9, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В последнее десятилетие абитуриенты из КНР охотно поступают в российские музыкально-педагогические вузы с целью получения профессионального образования. В XX веке китайские вокалисты и инструменталисты активно приобщались к западной музыке разных стилей, жанров и форм, изучали ее историю от ранних эпох до наших дней, творчество композиторов, осваивали классический и современный музыкальный язык, гармонию и методы письма, типовые композиционные структуры европейской музыки. Необходимость их изучения и освоения студентами из КНР обусловлена тем, что китайские музыканты-исполнители сегодня вовлечены в мировую концертную жизнь и активно выступают на сценах как в своей стране, так и широко за ее пределами.

Материалы и методы исследований

Объектом исследования стал процесс освоения китайскими студентами, обучающимися в Институте изящных искусств МПГУ, типологии композиционных структур классической европейской музыки. Теоретическими методами исследования послужили методологический анализ научной литературы по теме исследования, методических пособий по анализу музыкальных форм, а также педагогическое наблюдение, анализ и обобщение педагогической практики.

Методологическую основу составили:

- музыковедческие концепции, раскрывающие содержание категорий «композиция» (Б.В. Асафьев, Л.А. Мазель), «структура» (В.П. Бобровский, Х. Шенкер), «музыкальная форма» (И.В. Способин, Ю.Н. Холопов);
- учения о функциональных основах музыкальной формы (В.П. Бобровский, Ю.Н. Тюлин, Л.А. Мазель), процессах и закономерностях формообразования в музыке (Б.В. Асафьев, В.Н. Холопова, Е.В. Назайкинский);
- музыкально-педагогические идеи И.В. Способина, С.С. Скребкова, Ю.Н. Тюлина, Л.А. Мазеля и В.А. Цуккермана, М.И. Ройтерштейна, касающиеся методики анализа музыкальных форм.

Результаты и обсуждения

Под структурой в музыкальном искусстве понимается упорядоченное строение произведения, основанное на закономерной связи между составными частями и определенном принципе их соотношения и взаиморасположения. Композиция же подразумевает объединение отдельных элементов произведения в единое художественное целое, в котором в конкретной чувственной форме наиболее ярко раскрывается содержание. Таким образом, под композиционной структурой в музыке

подразумевается организация элементов музыкального языка на основе определенных правил и принципов [1, 4, 8, 10].

В классическом стиле сложились типовые композиционные структуры, такие как период, простые двух- и трехчастные формы, сложные двух- и трехчастные формы, рондо, вариации, сонатная форма, сложные и циклические формы [7]. Методика освоения типологии композиционных структур основана на последовательном изучении форм от простых к сложным [5, 6]. При этом в процессе освоения курса реализуется принцип соотнесения индивидуальной композиции какого-либо конкретного произведения с одной из типовых структур, которая наиболее соответствует данному сочинению [9]. Осваивая западноевропейскую музыку, китайские студенты-музыканты сталкиваются с проблемой понимания структуры композиции, принципов изложения и развития тематизма, поскольку в традиционной китайской музыке иные принципы формообразования.

Классификация или типизация композиционных структур основывается на тематическом, функциональном и масштабном принципах в их взаимосвязи и взаимодействии. В основу дифференциации композиционных структур положена идея изложения и развития музыкальной темы или нескольких тем, и в зависимости от нее разрабатываются методы освоения типологии. Простые формы однотемны и ограничиваются изложением одной музыкальной мысли (период), с ее развитием или противопоставлением ей другой мысли (простая двух- и трехчастная формы) [1, 5, 8, 10].

Типология композиционных структур европейской музыки не является предметом специального изучения в китайских музыкальных школах, колледжах и вузах. Поэтому актуальной становится задача обоснования и разработки педагогических условий освоения логики музыкальной композиции студентами из КНР, которые позволяют достичь должного уровня ее адекватного понимания. Однако в научной литературе недостаточно исследованными и не до конца определенными остаются педагогические условия, способствующие успешному освоению обучающимися из КНР типологии композиционных структур в европейской музыке классического стиля.

Причинами возникающих проблем представляются различия между китайским и русским музыкальным мышлением, культурами, традициями, а также принципами формообразования традиционной китайской и классической европейской музыки. Поэтому процесс освоения китайскими студентами композиционных структур европейской

музыки классического стиля требует создания специальных педагогических условий.

Трудности в определении типа композиции обусловлены двойственностью природы музыкальной формы: различные композиционные и драматургические функции часто действуют параллельно, и в результате их сложного взаимодействия возникают разные варианты совмещения функций, как локальные, так и универсальные, композиционные отклонения, композиционные модуляции. Все это определяет разнообразие особенностей музыкальной композиции, из-за чего ее освоение требует особых подходов.

Анализ и обобщение практики обучения студентов из КНР дисциплине “Анализ музыкальных произведений” позволяет утверждать, что процесс освоения типологии композиционных структур в европейской музыке классического стиля студентами КНР будет успешным за счет:

1) понимания причин затруднений, возникающих в процессе освоения данного феномена студентами КНР, обусловленных как национальными особенностями музыкального мышления китайских студентов, так и различиями композиционных структур в европейской классической и китайской традиционной музыке;

2) создания специальных педагогических условий освоения студентами КНР типологии композиционных структур в европейской музыке классического стиля;

3) опоры на функционально-процессуальный подход при выявлении закономерностей музыкальной формы, рассматриваемой китайскими студентами в единстве с содержанием и в связи с воплощением художественного образа и идеи произведения.

Важным педагогическим условием освоения композиционных структур в европейской музыке классического периода студентами из КНР представляется использование разнообразных форм и методов обучения, способствующих активизации интеллектуально-творческой деятельности обучающихся. Помимо объяснительного метода, который, порой, малоэффективен из-за недостаточно высокого уровня владения иностранными студентами русским языком, в работе с китайцами широко применяется демонстрационный во всех его формах: просмотр схем композиционных структур во время изучения теоретического материала (АВА, АВАСА и т.д.), создание схем самими студентами в процессе анализа партитур, прослушивание звукозаписи исполнения произведения, детальное изучение нотного текста. Последнее осуществляется как в дополнение к подробному объяснению педагога и анализу партитуры, так и в

качестве проблемного задания, например, на определение количества повторений основной темы (рефрена) в форме рондо или дифференцирование вариаций в одноименной форме.

Поэтому вторым педагогическим условием представляется сочетание слухового анализа произведений со зрительным анализом партитуры для активизации восприятия музыки студентами из КНР и повышения внимания к деталям и особенностям композиционной структуры. На занятиях с китайскими обучающимися эта форма учебной работы становится основной. Эффективен, например, метод слухового анализа звукозаписи сочинения с параллельным показом соответствующих фрагментов партитуры (такие видеоролики есть в свободном доступе в сети Интернет, и их просмотр, как правило, осуществлялся студентами из КНР самостоятельно в процессе выполнения домашних заданий).

Третьим условием успешного освоения композиционных структур является применение разнообразного музыкального материала, в частности, произведений разных жанров, авторов, инструментальных составов от фортепиано соло до оркестра. Это позволяет сформировать у студентов умение распознавать музыкальную тему, дифференцировать ее от вступительного и срединного (разработочного) разделов, а также обеспечивает понимание различных композиционных функций и принципов развития тематизма.

Эффективен в работе с обучающимися из Китая также метод сопоставления произведений, точно соответствующих типовой структуре, например, простой двухчастной, и представляющих ее вариант (простая двухчастная с повторением частей и другие), для выявления сходств и различий [3]. Данный метод применяется лишь после того, как типовая структура была освоена на примере сочинений композиторов-классиков, точно соответствующих ей и доступных для анализа и понимания китайскими студентами.

В курсе анализа музыкальных форм студентам из КНР целесообразно сначала изучить общие типы композиционных структур, в которых рассматриваемый тип может быть выявлен в конкретном музыкальном произведении с большой определенностью, а затем рассмотреть индивидуальные решения типовых структур на специально подобранных примерах. Разностороннее изучение типологии композиционных структур в европейской классической музыке позволит выявить реально действующие в формах закономерности и принципы.

Постепенное усложнение аналитических и творческих заданий кажется естественным и оче-

видным педагогическим условием, однако именно в работе со студентами из КНР оно соблюдается строго. Начиная с классического периода, которая изучается китайскими музыкантами подробно на примере многих сочинений с детальными схемами и разбором структур разных видов формы (повторного и неповторного строения, квадратный и неквадратный, из двух или трех предложений и т.д.). Только после освоения простейшей композиционной структуры следует переход к простым 2- и 3-частной формам, поскольку в их основе лежит тот же период как форма изложения музыкальной темы.

Практика обучения китайских студентов анализу музыкальных произведений в МПГУ показывает, что после 2- и 3-частной форм целесообразно освоить однотемную форму вариаций, поскольку она представляет собой последовательность периодов, отличающихся лишь тем, что первый представляет собой изложение темы, а все остальные – ее варьирование и преобразование (в рамках орнаментальных вариаций, характерных для классического стиля).

Соблюдение принципа единства эмоционального и интеллектуального восприятия музыкальных произведений представляется необходимым для освоения китайскими обучающимися композиционных структур классической музыки педагогическим принципом, поскольку выражаемые в музыке настроения и переживания, эмоциональная окраска темы помогают обучающимся дифференцировать разделы формы, вызывают у них душевный отклик, мотивируют к слуховой аналитической деятельности, о чем пишет, в частности, Е.И. Вартанова [2].

Положительно влияет на уровень освоения композиционных структур студентами из КНР установление связи изучаемых произведений с явлениями и образами окружающей действительности, произведениями других видов искусства, в первую очередь изобразительного, поиск ассоциаций и сравнений классических форм, например, периода – со сложным предложением, а трехчастной – с триптихом и т.д. Поначалу педагог сам озвучивал ассоциации и сравнения, но в дальнейшем предлагал студентам найти их самостоятельно.

Выполнение китайскими обучающимися домашних, как правило, проблемных заданий способствовало развитию навыков самостоятельной работы, направленной на расширение слухового и музыкально-аналитического опыта, однако в связи с трудностями в освоении ими композиционных структур в европейской музыке классического стиля задания по анализу музыкальных произве-

дений формировались следующим образом: во-первых, использовались те же методы и формы работы, которые применялись на занятиях с педагогом; во-вторых, для закрепления материала о каждой структуре для самостоятельного анализа предлагались сочинения, точно соответствующие схеме; в-третьих, при изучении вариантов одной и той же структуры, к образцу для анализа прилагалось несколько схем, из которых студентам было необходимо выбрать наиболее точную.

Все приведенные выше педагогические условия в свою очередь способствовали развитию познавательного интереса как к изучаемому материалу (музыкальным произведениям), так и к самому процессу слухового и зрительного анализа. Общеизвестный факт, что музыка, которая эмоционально близка студентам, нравится им, вызывает желание слушать много раз, лучше понимается ими и в отношении композиционной структуры.

Выводы

Таким образом, проблема освоения студентами из КНР композиционных структур европейской музыки классического стиля в курсе анализа музыкальных произведений в определенной мере решается за счет создания комплекса педагогических условий, включая:

- использование разнообразных форм и методов обучения, способствующих активизации интеллектуально-творческой деятельности студентов;
- применение разнообразного музыкального материала и сопоставления произведений, точно соответствующих типовой структуре и представляющих ее вариант, для определения сходств и различий;
- постепенное усложнение аналитических и творческих заданий;
- сочетание слухового анализа произведений со зрительным анализом партитуры для активизации восприятия музыки и повышения внимания к деталям и особенностям композиционной структуры;
- соблюдение принципа единства эмоционального и интеллектуального восприятия музыкальных произведений;
- установление связи изучаемых произведений с явлениями и образами окружающей действительности;
- формирование навыков самостоятельной работы, направленной на расширение музыкально-аналитического опыта;
- развитие познавательного интереса как к изучаемому материалу (музыкальным произведениям), так и к самому процессу слухового и зрительного анализа.

Список источников

1. Бобровский В.П. Функциональные основы музыкальной формы. М.: Музыка, 1978. 329 с.
2. Вартанова Е.И. Лекции по анализу музыкальных произведений. Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова, 2011. 21 с.
3. Казанцева Л.П. Сравнительный анализ музыкальных произведений: вопросы методики // Вопросы оптимизации учебного процесса в музыкальном вузе. Сборник трудов. Москва: РАМ имени Гнесиных, 1993. С. 111 – 127.
4. Лукова Т.М. Композиция как эстетическая категория // Тезаурусный анализ мировой культуры. Сборник научных трудов. Вып. 11 / под общ. ред. Вл. А. Лукова. М.: Московский гуманитарный университет, 2007. С. 59 – 66.
5. Мазель Л., Цуккерман В. Анализ музыкальных произведений: элементы музыки и методика анализа малых форм. М.: Музыка, 1967. 751 с.
6. Ройтерштейн М.И. Основы музыкального анализа. СПб.: Планета музыки, 2020. 116 с.
7. Ручьевская Е.А. Классическая музыкальная форма: учебник по анализу. СПб.: Композитор, 1998. 268 с.
8. Скребков С.С. Анализ музыкальных произведений: учебник / Сер. 76: Высшее образование. М.: Юрайт, 2020. 302 с.
9. Соколов О.Н. К проблеме типологии музыкальных форм // Проблемы музыкальной науки. Вып. 6. М.: Музыка, 1985. С. 152 – 180.
10. Способин И.В. Музыкальная форма. 7-е изд. М.: Музыка, 1984. 400 с.

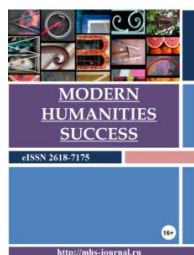
References

1. Bobrovsky V.P. Functional foundations of musical form. M.: Music, 1978. 329 p.
2. Vartanova E.I. Lectures on the analysis of musical works. Saratov: Saratov State Conservatory named after L.V. Sobinov, 2011. 21 p.
3. Kazantseva L.P. Comparative analysis of musical works: issues of methodology. Issues of optimization of the educational process at a music university. Collection of works. Moscow: Gnesins RAM, 1993. P. 111 – 127.
4. Lukova T.M. Composition as an aesthetic category. Thesaurus analysis of world culture. Collection of scientific papers. No. 11/under the general. ed. Vl. A. Lukova. M.: Moscow University for the Humanities, 2007. P. 59 – 66.
5. Mazel L, Zukkerman V. Analysis of musical works: elements of music and methods of analysis of small forms. M.: Music, 1967. 751 p.
6. Reuterstein M.I. Fundamentals of Musical Analysis. St. Petersburg: Planet of Music, 2020. 116 p.
7. Ruchevskaya E.A. Classical musical form: textbook on analysis. St. Petersburg: Composer, 1998. 268 p.
8. Skrebkov S.S. Analysis of musical works: textbook. Issue 76: Higher education. M.: Yurayt, 2020. 302 p.
9. Sokolov O.N. To the problem of typology of musical forms. Problems of musical science. No. 6. M.: Music, 1985. P. 152 – 180.
10. Sposobin I.V. Musical form. 7th ed. M.: Music, 1984. 400 p.

Информация об авторе

Мяо Ливэй, аспирант, Московский педагогический государственный университет, miaoliwei99@gmail.com

© Мяо Ливэй, 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.5. Теория и методика спорта (педагогические науки)
УДК 37.088.2

Состояние кадровой и материально-технической обеспеченности образовательной среды ДООУ как условие развития массового спорта

^{1, 2} *Рогозин Т.Р., ¹ Усков К.В.,*

¹ *Московский педагогический государственный университет,*

² *Школа №109, г. Москва*

Аннотация: в статье рассматривается актуальная проблема кадровой и материально-технической обеспеченности образовательной среды дошкольных образовательных учреждений (ДООУ) как ключевого условия развития массового спорта. Автор анализирует современное состояние ресурсного обеспечения ДООУ, включая квалификацию педагогических кадров, наличие спортивной инфраструктуры и оборудования. Особое внимание уделяется влиянию данных факторов на формирование физической культуры детей дошкольного возраста и их вовлечение в систематические занятия спортом. На основе проведенного исследования выявлены основные дефициты и предложены рекомендации по оптимизации ресурсного обеспечения ДООУ для эффективного развития массового спорта на ранних этапах социализации личности.

Ключевые слова: кадровое обеспечение, материально-техническая база, дошкольное образование, массовый спорт, физическое развитие, образовательная среда, спортивная инфраструктура

Для цитирования: Рогозин Т.Р., Усков К.В. Состояние кадровой и материально-технической обеспеченности образовательной среды ДООУ как условие развития массового спорта // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 290 – 294.

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

The state of human resources and material and technical support of the educational environment of preschools as a condition for the development of mass sports

^{1, 2} *Rogozin T.R., ¹ Uskov K.V.,*

¹ *Moscow Pedagogical State University,*

² *School No. 109, Moscow*

Abstract: the article examines the pressing issue of personnel and material-technical support in the educational environment of preschool educational institutions (PEIs) as a key condition for the development of mass sports. The author analyzes the current state of resource provision in PEIs, including the qualifications of teaching staff, availability of sports infrastructure, and equipment. Special attention is given to the influence of these factors on the formation of physical culture in preschool children and their engagement in regular sports activities. Based on the conducted research, the main deficiencies are identified, and recommendations are proposed to optimize the resource provision of PEIs for the effective development of mass sports at the early stages of personality socialization.

Keywords: staffing, material-technical base, preschool education, mass sports, physical development, educational environment, sports infrastructure

For citation: Rogozin T.R., Uskov K.V. The state of human resources and material and technical support of the educational environment of preschools as a condition for the development of mass sports. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 290 – 294.

The article was submitted: April 14, 2025; Approved after reviewing: June 10, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Актуальность исследования обусловлена наличием системных проблем в ресурсной обеспеченности ДОУ, включая дефицит квалифицированных специалистов по физическому воспитанию, недостаточную оснащенность спортивным инвентарем и несоответствие инфраструктуры современным требованиям. Эти факторы существенно ограничивают возможности приобщения детей к систематическим занятиям спортом и снижают эффективность физкультурно-оздоровительной работы в дошкольных учреждениях.

Современная государственная политика в сфере физической культуры и спорта ориентирована на популяризацию массового спорта как основы здорового образа жизни и гармоничного развития подрастающего поколения. Особую значимость в этом процессе приобретает дошкольное образование, поскольку именно в раннем возрасте закладываются фундаментальные предпосылки физической активности и формируются базовые спортивные навыки. Однако эффективность данной работы напрямую зависит от кадрового и материально-технического обеспечения образовательной среды дошкольных образовательных учреждений [5]. Однако уровень подготовленности учащихся к сдаче нормативов ГТО может отличаться в зависимости от места их проживания, что обусловлено культурными особенностями региона, различиями в образе жизни, доступности спортивной инфраструктуры и т.п. [2]. В условиях современных социально-экономических преобразований в образе жизни людей городских и сельских районов, становятся все более актуальными вопросы физического развития детей и молодежи [3].

Сдача нормативов комплекса ГТО предусматривает достаточно серьезную и длительную физическую подготовку. По мнению разработчиков документа, широкое привлечение различных социально-демографических групп населения к физкультурному движению способствует изменению менталитета значительной части

населения в сторону двигательной активности и соблюдения ЗОЖ, что в конечном итоге, позволит не только сохранить и улучшить здоровье населения, но и увеличить качество и продолжительность жизни [4].

На этом фоне динамическое наблюдение за физической подготовленностью и своевременная коррекция двигательной активности различных групп населения является актуальной проблемой. Особенно важно такое наблюдение за подрастающим контингентом, включая учащихся 6-8 лет (I ступень ГТО) [1].

Материалы и методы исследований

В исследовании приняли участие воспитанники 6-7 лет дошкольных образовательных учреждений: ГБОУ ШКОЛА № 1550 города Москвы и МДОУ «Детский сад № 26» Волоколамского района, РП-Сычёво. Общее количество дошкольников составило 28: 14 воспитанников из ГБОУ ШКОЛА № 1550, а 14 МДОУ «Детский сад № 26». Статистический анализ данных проводился с помощью программы STATISTICA 12 и MS Excel. Для сравнения показателей физической подготовленности детей из сельских и городских дошкольных образовательных учреждений использовали U-критерий Манна-Уитни. Нормальность распределения проверяли методом Шапиро-Уилка. Различия считались достоверными при $p < 0,05$. Данные представлены как среднее значение (M) $\pm$ стандартное отклонение (σ).

Результаты и обсуждения

В ходе проведения исследования получены показатели уровня физической подготовленности учеников в дошкольных образовательных учреждениях в городе и селе. Для оценки уровня физической подготовленности обучающихся использовались тесты, входящие в перечень нормативов ВФСК «ГТО»: челночный бег 3x10 м (с); бег на 10 метров (с); прыжок в длину с места толчком двумя ногами (см); наклон вперёд из положения стоя на гимнастической скамье (см); шестиминутный бег (м) (табл. 1).

Таблица 1

Результаты тестирования ВФСК «ГТО» дошкольников 6-7 лет городских и сельских школ.

Table 1

Assessment Results of the GTO Complex in 6-7-Year-Old Preschool Children from Urban and Rural Educational Institutions.

Тест, ед. измерения	Дошкольники ГБОУ ШКОЛА № 1550 города Москвы (n=14) $M \pm \sigma$	Дошкольники МДОУ «Детский сад № 26» (n=14) $M \pm \sigma$	p
«Челночный бег», (с)	$10,5 \pm 1,22$	$11,8 \pm 1,58$	$p < 0,05$
«Бег на 10 метров», (с)	$3,2 \pm 0,31$	$3,8 \pm 0,47$	$p < 0,05$
«Прыжок в длину с места толчком двумя ногами», (см)	$120,3 \pm 10,52$	$110,8 \pm 12,83$	$p < 0,05$
«Наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье», (см)	$15,4 \pm 2,27$	$12,2 \pm 3,43$	$p < 0,05$
«Шестиминутный бег», (м)	$809,7 \pm 50,76$	$652,8 \pm 63,91$	$p < 0,05$

Примечание: n – кол-во участников.

Note: n – number of participants.

Выбранные упражнения для сдачи нормативов ВФСК «ГТО» характеризуют собой следующие способности: координационные способности (тест «Челночный бег»), скоростные возможности (тест «Бег на 10 метров»), скоростно-силовые возможности (тест «Прыжок в длину с места толчком двумя ногами»), гибкость (тест «Наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье»), выносливость (тест «Шестиминутный бег»).

Результаты проведенного тестирования:

- в «челночном беге» учащиеся городского общеобразовательного учреждения продемонстрировали среднее время выполнения упражнения $10,5 \pm 1,22$ секунды, получив при этом «Серебряный знак отличия» в данном тесте, в то время как из сельской местности участники показали результат $11,8 \pm 1,58$ секунды, что свидетельствует о присвоении «Бронзового знака отличия». Данная разница в получении результатов в данном тестировании может свидетельствовать о более высоком уровне координационных способностей у обучающихся городской школы ($p < 0,05$);

- в «беге на 10 метров» результаты подтверждают наблюдаемую тенденцию, ученики городского учреждения пробежали дистанцию за $3,2 \pm 0,31$ секунды, сдав норматив на «Серебряный знак отличия» в то время, как ученики из сельской местности – за $3,8 \pm 0,47$ секунды, показав результат на «Бронзовый знак отличия», данный результат граничит с получением результата «не выполнено». Разница в результатах указывает на то, что скоростные возможности у дошкольников городского учреждения выше ($p < 0,05$);

- в «прыжке в длину с места, толчком двумя ногами»: участники из города Москвы показали результат $120,3 \pm 10,52$ см, сдав норматив на «Золотой знак отличия» в данной дисциплине, в то время как воспитанники из Волоколамского района – $110,8 \pm 12,83$ см на «Серебряный знак отличия». Данные различия указывают на более развитые скоростно-силовые способности у дошкольников из города ($p < 0,05$);

- в тесте «Наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье»: дети из городской школы продемонстрировали результат $15,4 \pm 2,27$ см., сдав данное тестирование на «Золотой знак отличия», в то время как ученики из сельской школы показали $12,2 \pm 3,43$ см., также получив «Золотой знак отличия» в данной дисциплине. В данном тестировании воспитанники из города Москвы и Волоколамского района показали идентичные результаты, что свидетельствует о одинаковом уровне развития гибкости. ($p < 0,05$);

- в «шестиминутном беге»: воспитанники дошкольного общеобразовательного учреждения из города Москвы пробежали в среднем $809,7 \pm 50,76$ метров, данный результат позволил участникам получить «Золотой знак отличия», в то время как из общеобразовательного учреждения из сельской местности – $652,8 \pm 63,91$ метров, данный результат соотносится только к получению «Серебряного знака отличия» Разница показанная в тестировании подчеркивает высокую выносливость и общую физическую подготовленность дошкольников из Москвы ($p < 0,05$).

Различия в уровне физической подготовленности дошкольников, проживающих в городской и сельской местности, обусловлены комплексом

взаимосвязанных социо-экологических и организационно-педагогических факторов. Влияние урбанизации и доступности развитой инфраструктуры в городской среде, с одной стороны, может ограничивать спонтанную двигательную активность детей, заменяя ее пассивными формами досуга (телевидение, гаджеты). С другой стороны, городские дошкольные учреждения часто обладают лучшей материально-технической базой и более квалифицированными кадрами для организации физкультурно-оздоровительной работы. В сельской местности, напротив, большая свобода передвижения и традиционный уклад жизни могут способствовать более высокой естественной двигательной активности, однако, ограниченность доступа к специализированным спортивным объектам и педагогическим ресурсам может сдерживать формирование целенаправленной физической подготовленности.

Выводы

Результаты исследования показали, что учащиеся городских школ в целом демонстрируют более высокий уровень физической подготовленности по сравнению с их сверстниками из сельских школ. Это проявляется в показателях по основным нормативам ВФСК «ГТО», таким как бег, прыжки. Различия в уровне физической подготовленности могут быть обусловлены несколькими факторами, включая доступность спортивных секций, разнообразие физической

активности, а также социально-экономические условия, влияющие на образ жизни детей в городских и сельских районах. Существующие различия в физической подготовленности подчеркивают необходимость разработки и внедрения программ, направленных на повышение уровня физической активности и подготовки учащихся в сельских школах.

Необходимо улучшить инфраструктуру для занятий спортом в сельских районах, включая строительство спортивных площадок, создание секций и клубов, а также организацию выездных мероприятий с участием городских школ.

Рекомендуется проводить регулярный мониторинг физической подготовки учащихся, что позволит отслеживать динамику изменений и корректировать программы физического воспитания в зависимости от полученных данных. Эти меры направлены на сокращение разрыва в уровне физической подготовленности между учащимися городских и сельских школ, что способствует гармоничному развитию личности и укреплению здоровья подрастающего поколения.

Таким образом, для развития массового спорта в ДОО необходимо комплексное совершенствование кадрового потенциала и материально-технического оснащения. Реализация данных мер позволит создать благоприятные условия для физического воспитания детей и сформировать основу для здорового образа жизни с раннего возраста.

Список источников

1. Веннецкая О.Е., Таначева В.А. Взаимодействие педагогов и родителей воспитанников сельского детского сада с. Шевырялово (Удмуртия) при создании модели участия семьи в образовательной деятельности ребенка // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2016. № 5. С. 19 – 22.
2. Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gto.ru/norms> (дата обращения: 21.03.2025)
3. Королева О.Ю. Физическое воспитание и спорт по месту жительства граждан // Молодой ученый. 2021. № 49. С. 451 – 453.
4. Лысенко В.В., Остриков А.П., Павельев И.Г., Гришаева А.М. Сравнительная характеристика физического развития школьников городской и сельской местности // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2018. № 1. С. 89 – 93.
5. Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Архангельский В.Н. и др. Демографическое самочувствие регионов России: Национальный демографический доклад-2020. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательско-торговый Дом «Перспектива», 2021. 214 с.

References

1. Vennetskaya O.E., Tanacheva V.A. Interaction of teachers and parents of pupils of a rural kindergarten in the village of Shevryalovo (Udmurtia) when creating a model of family participation in the child's educational activities. Education and training of young children. 2016. No. 5. P. 19 – 22.
2. All-Russian physical education and sports complex "Ready for Labor and Defense" [Electronic resource]. Access mode: <https://www.gto.ru/norms> (date of access: 03.21.2025)
3. Koroleva O.Yu. Physical education and sports at the place of residence of citizens. Young scientist. 2021. No. 49. P. 451 – 453.

4. Lysenko V.V., Ostrikov A.P., Pavelyev I.G., Grishaeva A.M. Comparative characteristics of the physical development of schoolchildren in urban and rural areas. Physical education, sport – science and practice. 2018. No. 1. P. 89 – 93.

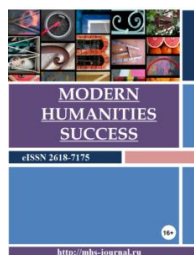
5. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Arkhangelsky V.N. et al. Demographic well-being of the regions of Russia: National demographic report-2020. Moscow: Limited Liability Company "Publishing and Trading House" Perspektiva ", 2021. 214 p.

Информация об авторах

Рогозин Т.Р., учитель физической культуры, Московский педагогический государственный университет; Школа № 109, timurrogozin89@gmail.com

Уськов К.В., кандидат биологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, usk-konstantin@yandex.ru

© Рогозин Т.Р., Уськов К.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)
УДК 373.23

Использование приёмов мнемотехники в работе по развитию связной речи у детей старшего дошкольного возраста

¹ Сычёва М.В., ¹ Сорокина Е.Г.,
¹ Пензенский государственный университет

Аннотация: статья посвящена использованию приёмов мнемотехники в работе по развитию связной речи у детей старшего дошкольного возраста. В ней рассматривается, как мнемотехнические приёмы могут помочь в улучшении речевых навыков детей, формировании у них способности связно и последовательно излагать свои мысли.

Автор анализирует методы и подходы, основанные на мнемотехнике, которые способствуют более эффективному усвоению и воспроизведению информации детьми. Особое внимание уделяется практическим аспектам применения этих приёмов в образовательной среде.

Цель исследования – изучить эффективность использования приёмов мнемотехники в работе по развитию связной речи у детей старшего дошкольного возраста. В рамках исследования были поставлены задачи: определить уровень развития связной речи у детей до и после применения мнемотехнических приёмов, выявить наиболее эффективные методы и разработать рекомендации для педагогов дошкольных учреждений.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска новых подходов к развитию связной речи у дошкольников, что является важным условием их успешного обучения в школе. Практическое применение результатов исследования может способствовать повышению качества работы педагогов дошкольных учреждений по развитию речи детей.

Статья будет полезна педагогам, психологам, логопедам и другим специалистам, работающим с детьми дошкольного возраста, а также родителям, заинтересованным в развитии речевых навыков своих детей.

Ключевые слова: мнемотехника, связная речь, дошкольники, развитие, методы, рекомендации, педагоги

Для цитирования: Сычёва М.В., Сорокина Е.Г. Использование приёмов мнемотехники в работе по развитию связной речи у детей старшего дошкольного возраста // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 295 – 301.

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

The use of mnemonics techniques in the development of coherent speech in older preschool children

¹ Sycheva M.V., ¹ Sorokina E.G.,
¹ Penza State University

Abstract: the article is devoted to the use of mnemonics techniques in the development of coherent speech in older preschool children. It examines how mnemonic techniques can help improve children's speech skills and develop their ability to express their thoughts coherently and consistently.

The author analyzes methods and approaches based on mnemonics that contribute to more effective assimilation and reproduction of information by children. Special attention is paid to the practical aspects of applying these techniques in an educational environment.

The purpose of the study is to study the effectiveness of using mnemonics techniques in the development of coherent speech in older preschool children. The objectives of the study were to determine the level of development of coherent speech in children before and after using mnemonic techniques, identify the most effective methods and develop recommendations for

preschool teachers.

The relevance of the study is due to the need to find new approaches to the development of coherent speech in preschoolers, which is an important condition for their successful schooling. The practical application of the research results can help improve the quality of preschool teachers' work on children's speech development.

The article will be useful for teachers, psychologists, speech therapists and other professionals working with preschool children, as well as parents interested in developing their children's speech skills.

Keywords: mnemonics, coherent speech, preschoolers, development, methods, recommendations, teachers

For citation: Sycheva M.V., Sorokina E.G. The use of mnemonics techniques in the development of coherent speech in older preschool children. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 295 – 301.

The article was submitted: April 14, 2025; Approved after reviewing: June 10, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Развитие связной речи у детей дошкольного возраста является одной из важнейших задач дошкольного образования. Связная речь – это умение ребёнка последовательно и логично излагать свои мысли, передавать информацию и взаимодействовать в процессе общения [1]. Для достижения этой цели используются различные методы и приёмы, одним из которых является мнемотехника.

В работе с детьми дошкольного возраста мнемотехника имеет различные названия. В. Воробьёва называет её сенсорно-графическими схемами, Т. Ткаченко [11] – предметно-схематическими моделями, Т. Большова – коллажем, Л. Ефименкова – схемой составления рассказа, а Л. Баранникова [2] – картинкой-помогайкой.

Слово «мнемотехника» происходит от греческого «μνημονικόν», что означает «искусство запоминания». Считается, что это слово было придумано Пифагором Самосским в VI веке до нашей эры. Искусство запоминания получило название «мнемоника» в честь Мнемозины, древнегреческой богини, олицетворявшей память.

Мнемотехника – это система методов и приёмов, направленных на развитие памяти и улучшение запоминания информации. В работе с детьми дошкольного возраста мнемотехника может быть использована для облегчения запоминания текстов, пересказа, составления рассказов и других видов связной речи [5].

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на базе дошкольного учреждения с участием детей старшего дошкольного возраста. Для оценки уровня развития связной речи использовались следующие методы:

- наблюдение за речью детей в различных ситуациях общения;
- анализ детских рассказов и пересказов;
- диагностика уровня развития связной речи с использованием специальных методик.

Для развития связной речи применялись различные приёмы мнемотехники, такие как:

- использование схем и таблиц для запоминания последовательности событий;
- составление мнемотаблиц для пересказа текстов;
- работа с символами и ассоциациями для облегчения запоминания информации.

Результаты и обсуждения

Развитие связной речи у детей дошкольного возраста является одной из важнейших задач в работе воспитателя и логопеда. Связная речь позволяет ребёнку выражать свои мысли и чувства, общаться с окружающими, а также является основой для успешного обучения в школе. Однако не все дети овладевают навыками связной речи легко и быстро [8].

Для исследования уровня развития связной речи у детей старшего дошкольного возраста необходимо было выполнить ряд задач на начальном этапе:

1. Определить критерии оценки речевого развития, которые будут использоваться для анализа.
2. Подобрать подходящие диагностические материалы и оборудование.
3. Провести диагностику уровня связной речи у детей.

Для оценки уровня речевого развития использовались критерии, предложенные в исследованиях В.П. Глухова [4]. Они включают оценку различных аспектов связной речи, таких как словарный запас, грамматическая правильность, логичность и последовательность изложения, а также умение строить связные высказывания. Методика позволяет оценить уровень связной речи у детей старшего дошкольного возраста. Задания включают оценку составления рассказов, пересказов и другие.

На начальном этапе исследования, проведенном в начале учебного года, было выявлено, что:

- 20% детей имели низкий уровень развития

связной речи. Это означало, что у них были значительные трудности в построении связных высказываний, они часто использовали короткие, несвязные фразы или не могли сформулировать мысль.

– 50% детей показали средний уровень развития связной речи. Они могли составлять простые связные рассказы, но иногда испытывали затруднения в более сложных заданиях.

– 30% детей имели высокий уровень развития связной речи. Они легко и уверенно составляли развернутые рассказы, использовали разнообразные языковые средства и могли логично и последовательно излагать свои мысли.

Эти результаты позволили определить основные направления работы по развитию связной речи у детей старшего дошкольного возраста, учитывая индивидуальные особенности каждого ребенка.

В своей работе по развитию связной речи у детей мы начали использовать мнемотехнику для облегчения запоминания текстов, пересказа, составления рассказов и других видов связной речи.

Мнемотехника – это система методов и приёмов, направленных на запоминание информации путём её преобразования в зрительные образы, ассоциации и структуры. Мнемотехника помогает детям лучше запоминать и воспроизводить информацию, а также развивает их воображение, мышление и речь [6].

Мы использовали различные приёмы мнемотехники:

1. Мнемоквадраты. Это схематичные изображения, которые помогают детям запомнить отдельные слова или понятия. Например, можно использовать мнемоквадраты для запоминания названий животных, растений, предметов быта и т. д.

2. Мнемодорожки. Это последовательность мнемоквадратов, которая помогает детям запомнить последовательность событий, действий или явлений. Например, можно использовать мнемодорожки для запоминания последовательности действий при выполнении какого-либо задания или для составления рассказа по серии картинок.

3. Мнемотаблицы. Это таблицы, в которых информация представлена в виде символов, схем и рисунков. Мнемотаблицы помогают детям запоминать и воспроизводить тексты, составлять рассказы и пересказывать прочитанное. Например, можно использовать мнемотаблицы для запоминания содержания сказок, стихотворений, рассказов и т. п.

4. Ассоциации. Этот приём заключается в установлении связей между новыми словами или по-

нятиями и уже известными ребёнку образами. Например, можно попросить ребёнка подобрать ассоциации к словам «лес», «зима», «праздник» и т. д., а затем использовать эти ассоциации для составления рассказа или пересказа.

5. Структурирование информации. Этот приём заключается в организации информации в определённой структуре, например, в виде плана или схемы. Например, можно составить план рассказа о любимом животном или схему последовательности действий при выполнении задания. Это помогает детям лучше понять и запомнить информацию, а также облегчает её воспроизведение.

Рассмотрим несколько примеров использования приёмов мнемотехники для развития связной речи у детей старшего дошкольного возраста [12]:

– Составление рассказа по мнемотаблице. Воспитатель предлагает детям рассмотреть мнемотаблицу с изображениями, символами и схемами, а затем составить по ней рассказ. Это помогает детям научиться составлять связные высказывания, используя зрительные опоры.

– Пересказ сказки с использованием мнемоквадратов. Воспитатель читает сказку, а затем предлагает детям выбрать мнемоквадраты, которые помогут им пересказать сказку. Это способствует запоминанию содержания сказки и развитию навыков пересказа.

– Составление плана рассказа. Воспитатель предлагает детям составить план рассказа о каком-либо событии или явлении, используя мнемотаблицу или схему. Это помогает детям структурировать информацию и облегчает её воспроизведение.

В нашей практике работа с приемами мнемотехники строится на принципе постепенного усложнения заданий.

В начале обучения детей мы знакомили с приёмом мнемоквадратов. Мнемоквадрат – это наглядное изображение, которое символизирует слово, словосочетание или простое предложение. Этот метод помогает детям лучше запоминать информацию, так как они могут ассоциировать слова с визуальными образами.

После освоения мнемоквадратов мы переходили к следующему этапу – работе с мнемодорожками. Мнемодорожка представляет собой последовательность из четырех мнемоквадратов, которые связаны между собой по смыслу. С помощью мнемодорожки дети учатся составлять небольшие рассказы, состоящие из 3-4 предложений. Этот этап помогает развивать у детей навыки последовательного изложения мыслей и улучшает их способность к запоминанию информации.

Самым сложным и наиболее эффективным приёмом является мнемотаблица. Она состоит из

нескольких мнемодорожек, расположенных в определенной последовательности. Мнемотаблица позволяет детям воспроизвести более сложные и развернутые рассказы, сказки или стихотворения. Этот метод развивает творческое мышление, воображение и улучшает память, так как дети учатся связывать несколько образов в единую логическую цепочку.

Первоначально созданием таблиц занимается воспитатель. Но когда дети освоили некоторые приемы мнемотехники, они также могут привлекаться к изготовлению таблиц. Это способствует не только развитию памяти, но и фантазии, воображения и визуализации образов.

Внедрение приемов мнемотехники в процесс развития связной речи у детей старшего дошкольного возраста — это многоэтапный процесс, направленный на формирование у них навыков запоминания, воспроизведения и творческого осмысления информации [3].

На начальном этапе дети знакомятся с мнемотаблицами — специальными схемами, где картинки используются для обозначения различных предметов или явлений. Воспитатель объясняет, что каждая картинка «зашифрована» и представляет собой своеобразный символ. Для облегчения восприятия и запоминания на этом этапе вводятся предметы-заместители, которые помогают детям связать картинку с конкретным объектом или понятием. Важно, чтобы дети освоили этот навык замещения, прежде чем переходить к следующему этапу.

На втором этапе воспитатель учит детей «читать» мнемотаблицы, то есть использовать их для воспроизведения информации. Для этого выбирается предмет или игрушка, и дети описывают его, опираясь на готовую мнемотаблицу. Воспитатель играет ключевую роль, демонстрируя речевой образец и помогая детям формулировать свои мысли.

Третий этап представляет собой усложнение: вместо отдельных картинок используются серии сюжетных картин, которые нужно расположить в правильной последовательности. Это требует от детей более сложных когнитивных навыков, таких как анализ, синтез и логическое мышление. После того как картины расставлены в нужном порядке, дети переходят к чтению мнемотаблицы и составлению рассказа по ней.

На четвертом этапе дети, с помощью взрослого, создают свои мнемотаблицы по заданной теме. Воспитатель предоставляет детям возможность выбрать предметы-заместители, а также схематично зарисовать элементы своего рассказа. На этом этапе можно использовать знакомые детям сказки или предлагать им новые истории для изу-

чения. Это способствует развитию их воображения и творческого мышления.

На заключительном, пятом этапе, дети учатся самостоятельно создавать мнемотаблицы на выбранные темы. Они могут использовать как новые, так и уже изученные материалы, раскладывая картинки в нужной последовательности и придумывая собственные рассказы с элементами творчества. Этот этап позволяет детям максимально проявить свою самостоятельность и уверенность в использовании мнемотехники [7].

Каждое занятие, проходящее с использованием приемов мнемотехники, также имеет свою структуру.

В начале занятия дети знакомятся с предложенными таблицами и схемами. Они рассматривают таблицы и рассказывают, что на них изображено.

Далее, вместе с воспитателем, дошкольники определяют, какая информация зашифрована в каждом изображении. На данном этапе происходит преобразование символов в образы.

После перекодирования дети самостоятельно или с помощью воспитателя осуществляют пересказ или составляют рассказ, опираясь на мнемотаблицу.

Необходимо помнить, что с теми детьми, у которых возникают трудности на каком-либо этапе нужно во второй половине дня проводить индивидуальную работу.

Кроме того, важным условием является использование мнемотаблиц во всех видах образовательной деятельности, а не только на занятиях по развитию речи. Так дети понимают, что каждый символ универсален, и не связывают его с каким-то конкретным образом.

Мнемотехника способствует упрощению процесса запоминания, развивает воображение и ассоциативное мышление, позволяет повысить внимательность. В результате грамотного подхода воспитателя к использованию приемов мнемотехники у детей значительно расширяется словарный запас, развивается связная речь [9].

Использование опорных схем не только позволяет сделать процесс заучивания стихотворения увлекательным для детей, превращая занятие в игру, но и сокращает время обучения. Благодаря тому, что дети связывают заучиваемый текст со зрительным образом, они намного быстрее его запоминают и способны воспроизвести даже спустя некоторое время. Для каждого стихотворения создается отдельная схема, для каждой строчки подбираются рисунки и символы. Так, постепенно, все стихотворение зарисовывается в виде схемы и создается мнемотаблица.

Мнемотехника эффективно применяется при составлении и отгадывании описательных загадок. Описываемые признаки зашифровываются в виде символов в мнемотаблице. Дети не только соотносят признаки с символами, но и сопоставляют их с загаданным объектом.

При обучении детей рассказыванию в мнемотаблицу, как правило, зашифровывается план высказывания. Например, при составлении рассказа-описания дошкольники, опираясь на схему, в которой в виде символов представлен план описания, намного быстрее строят свой монолог.

К концу учебного года результаты диагностики показали значительные улучшения:

– 0% детей имели низкий уровень развития связной речи. Все дети смогли преодолеть трудности и успешно выполняли задания, требующие построения связных высказываний.

– 30% детей сохранили средний уровень развития связной речи. Этот показатель остался стабильным, что свидетельствует о том, что они продолжают совершенствовать свои навыки.

– 70% детей достигли высокого уровня развития связной речи. Это означает, что большинство детей успешно освоили навыки построения развернутых и логичных высказываний, что является важным показателем их речевого развития.

Таким образом, использование приёмов мнемотехники является эффективным способом развития связной речи у детей старшего дошкольного возраста. Однако для достижения наилучших результатов необходимо учитывать индивидуальные особенности детей, их интересы и предпочтения, а также проводить работу регулярно и последовательно.

Для эффективного использования приёмов мнемотехники в работе по развитию связной речи у старших дошкольников необходимо следовать нескольким важным рекомендациям [10]:

1. Индивидуальный подход: Учитывайте возрастные и индивидуальные особенности каждого ребенка, адаптируйте методы и приемы к его уровню развития и интересам.

2. Постепенное усложнение: Начните с простых мнемонических приёмов и постепенно переходите к более сложным, чтобы ребенок мог постепенно осваивать новые навыки.

3. Игровой элемент: Используйте игровые формы и элементы, чтобы сделать процесс обучения увлекательным и мотивирующим.

4. Визуализация: Применяйте наглядные материалы, такие как схемы, картинки и символы, чтобы помочь детям лучше запоминать и воспроизводить информацию.

5. Регулярная практика: Регулярно повторяйте упражнения, чтобы закрепить навыки и улучшить память.

6. Создание ассоциаций: Помогайте детям создавать ассоциации между новыми словами и понятиями, что облегчит их запоминание и использование в речи.

7. Поощрение и поддержка: Поощряйте ребенка за успехи и поддерживайте его в трудные моменты, создавая позитивную атмосферу для обучения.

8. Разнообразие приёмов: Используйте различные мнемонические приёмы, такие как рифмы, стихи, песни и другие, чтобы сделать процесс обучения более разнообразным и интересным.

9. Интеграция в повседневную жизнь: Включите мнемотехнику в повседневные занятия и игры, чтобы дети могли применять полученные навыки в различных ситуациях.

10. Сотрудничество с родителями: Вовлекайте родителей в процесс обучения, делитесь с ними рекомендациями и упражнениями, чтобы они могли поддерживать ребенка дома.

Выводы

Сделаем некоторые выводы:

1. Использование приёмов мнемотехники в работе по развитию связной речи у детей старшего дошкольного возраста является эффективным методом.

2. Мнемотехника помогает детям лучше запоминать информацию, структурировать её и воспроизводить в связной форме.

3. Применение мнемотехнических приёмов способствует развитию не только памяти, но и других речевых навыков, таких как обогащение словарного запаса, улучшение грамматического строя речи и формирование навыков построения связных высказываний.

4. Регулярное использование мнемотехники в образовательной практике может значительно улучшить качество связной речи у дошкольников и подготовить их к дальнейшему обучению в школе.

5. Важно подбирать приёмы мнемотехники с учётом возрастных особенностей и интересов детей, чтобы сделать процесс обучения более увлекательным и эффективным.

Результаты исследования подтверждают эффективность использования приёмов мнемотехники в работе по развитию связной речи у детей старшего дошкольного возраста. Разработанные рекомендации могут быть использованы педагогами дошкольных образовательных организаций для повышения качества работы по развитию речи детей.

Список источников

1. Акульшина А.В. Связная речь как основной инструмент коммуникации // Молодой ученый. 2023. № 13 (460). С. 137 – 138.
2. Баранникова Л.А., Головина К.Р., Сигарева Г.Н. Картинки-помогайки: методическое пособие по развитию речи, составлению и пересказыванию рассказов, заучиванию стихотворений дошкольников с применением мнемотехники. Краснодар: Новация, 2022. 62 с.
3. Бордунова А.Н., Штрайб Я.А. Методические рекомендации по развитию связной речи старших дошкольников с использованием мнемокарт (на примере монологической речи) // Матрица научного познания. 2022. № 12-1. С. 363 – 366.
4. Глухов В.П. Комплексный подход к формированию связной речи у детей дошкольного возраста с нарушениями речевого и познавательного развития: монография. М.: В. Секачев, 2014. 539 с.
5. Ирисбаева Е.У. Связная речь – главное достижение в речевом развитии детей дошкольного возраста // Экономика и социум. 2021. № 10. С. 695 – 698.
6. Миннуллина Р.Ф., Габдуллина Г.А. Развитие связной речи у детей старшего дошкольного возраста средствами мнемотехники // Молодой ученый. 2022. № 12 (407). С. 252 – 254.
7. Полянская Т.Б. Использование метода мнемотехники в обучении рассказыванию детей дошкольного возраста: учебно-методическое пособие. СПб.: Детство-Пресс, 2009. 58 с.
8. Прохорова А.С. Особенности развития связной речи у детей старшего дошкольного возраста // NovaUm.Ru. 2021. № 31. С. 323 – 326.
9. Соколова А.В., Репина М.А. Методы развития связной речи у детей старшего дошкольного возраста // Вопросы педагогики. 2021. № 2-1. С. 160 – 164.
10. Стецюк А.Г., Сураева И.Г., Улитина И.М. Создание условий для развития связной речи детей старшего дошкольного возраста // Интерактивная наука. 2021. № 1 (56). С. 17 – 20.
11. Ткаченко Т.А. Опорные схемы для описательных рассказов: методическое пособие с иллюстрациями по развитию связной речи (5-7 лет). Екатеринбург: Литур, 2019. 30 с.
12. Чумаченко Е.Ю., Старченко Т.С., Ломоносова З.В. Развитие связной речи посредством мнемотехники у детей старшего дошкольного возраста // Актуальные исследования. 2021. № 30 (57). С. 67 – 70.

References

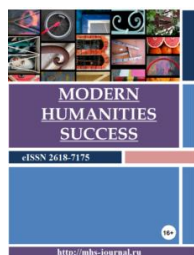
1. Akulshina A.V. Coherent speech as the main communication tool. Young scientist. 2023. No. 13 (460). P. 137 – 138.
2. Barannikova L.A., Golovina K.R., Sigareva G.N. Pictures-helpers: a methodological manual for speech development, composing and retelling stories, memorizing poems of preschoolers using mnemonics. Krasnodar: Novatsiya, 2022. 62 p.
3. Bordunova A.N., Shtraib Ya.A. Methodological recommendations for the development of coherent speech of older preschoolers using mnemonic cards (using monologue speech as an example). Matrix of scientific knowledge. 2022. No. 12-1. P. 363 – 366.
4. Glukhov V.P. An integrated approach to the formation of coherent speech in preschool children with speech and cognitive impairments: monograph. Moscow: V. Sekachev, 2014. 539 p.
5. Irisbaeva E.U. Coherent speech is the main achievement in the speech development of preschool children. Economy and Society. 2021. No. 10. P. 695 – 698.
6. Minnullina R.F., Gabdullina G.A. Development of coherent speech in older preschool children by means of mnemonics. Young scientist. 2022. No. 12 (407). P. 252 – 254.
7. Polyanskaya T.B. Using the mnemonic method in teaching storytelling to preschool children: a teaching aid. SPb.: Detstvo-Press, 2009. 58 p.
8. Prokhorova A.S. Features of the development of coherent speech in older preschool children. NovaUm.Ru. 2021. No. 31. P. 323 – 326.
9. Sokolova A.V., Repina M.A. Methods for the development of coherent speech in older preschool children. Pedagogics Issues. 2021. No. 2-1. P. 160 – 164.
10. Stetsyuk A.G., Surayeva I.G., Ulitina I.M. Creating conditions for the development of coherent speech in older preschool children. Interactive Science. 2021. No. 1 (56). P. 17 – 20.
11. Tkachenko T.A. Support schemes for descriptive stories: a methodological manual with illustrations for the development of coherent speech (5-7 years). Yekaterinburg: Litur, 2019. 30 p.
12. Chumachenko E.Yu., Starchenko T.S., Lomonosova Z.V. Development of coherent speech through mnemonic techniques in older preschool children. Current research. 2021. No. 30 (57). P. 67 – 70.

Информация об авторах

Сычёва М.В., кандидат педагогических наук, доцент, Пензенский государственный университет, marina_sycheva2010@mail.ru

Сорокина Е.Г., Пензенский государственный университет

© Сычёва М.В., Сорокина Е.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)
УДК 378.147

Проблемные аспекты организации учебно-воспитательной деятельности с первокурсниками медвуза

¹ Нектаревская Ю.Б., ¹ Агафонова Н.Д., ¹ Лопина Н.И., ¹ Лоскутова Л.Н.,
¹ Ростовский государственный медицинский университет

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы уточнения и совершенствования приёмов психологического сопровождения учебно-воспитательной работы с первокурсниками медицинского вуза. На основе анализа тенденций, воздействующих на результативность инновационных методик, авторы приходят к выводу, что под влиянием экономических и социальных условий они подвергаются ограничениям и искажениям, что не оправдывается выполнением социального заказа, который нередко трактуется в очень упрощённом виде. Существующие предпосылки диспропорций прагматических и моральных установок побуждают к необходимости определения спектра действий, направленных на формирование аксиологической ориентации вчерашних школьников.

Изучение проблем, связанных с выполнением этой задачи, обнаруживает настоятельную потребность обобщения существующих методик в целостную систему, что обеспечит успешность их взаимодействия.

Авторы предполагают, что разработка поставленных вопросов поможет нейтрализовать отрицательную динамику развития ряда полезных начинаний, а в перспективе дополнит некоторые положения методической системы высшего образования.

Ключевые слова: аксиологические ориентации, надпрофессиональные компетенции, образовательная деятельность, социально ориентированная программа

Для цитирования: Нектаревская Ю.Б., Агафонова Н.Д., Лопина Н.И., Лоскутова Л.Н. Проблемные аспекты организации учебно-воспитательной деятельности с первокурсниками медвуза // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 302 – 307.

Поступила в редакцию: 15 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Problematic aspects of organizing educational activities with first-year medical students

¹ Nektarevskaya Yu.B., ¹ Agafonova N.D., ¹ Lopina N.I., ¹ Loskutova L.N.,
¹ Rostov State Medical University

Abstract: the article discusses the issues of clarifying and improving the methods of psychological support for educational work with first-year medical students. Based on the analysis of trends affecting the effectiveness of innovative methods, the authors conclude that they are subject to limitations and distortions under the influence of economic and social conditions, which is not justified by fulfilling a social order, which is often interpreted in a very simplified form. The existing prerequisites for the disproportion of pragmatic and moral attitudes lead to the need to determine the range of actions aimed at shaping the axiological orientation of yesterday's schoolchildren.

The study of the problems associated with the implementation of this task reveals the urgent need to generalize existing methods into an integrated system, which will ensure the success of their interaction.

The authors suggest that the development of the questions raised will help to neutralize the negative dynamics of the development of a number of useful initiatives, and in the future will complement some provisions of the methodological system of higher education.

Keywords: axiological orientations, supra-professional competencies, educational activities, socially oriented program

For citation: Nektarevskaya Yu.B., Agafonova N.D., Lopina N.I., Loskutova L.N. Problematic aspects of organizing educational activities with first-year medical students. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 302 – 307.

The article was submitted: April 15, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Всё укрупняющийся масштаб профессионально-этических требований, предъявляемых к медработнику, наряду с возрастанием рискогенных факторов в медицине обязывает педагогов уделять особое внимание аксиологическому кодексу обучающихся, и интерпретации понятий «хорошо» и «плохо». В настоящее время в содержании рекомендуемых поведенческих стратегий наблюдается уклонение в прагматическую сторону. Этот процесс носит глобальный характер, ведь не случайно в некоторых «цивилизованных» странах возникли прецеденты отказа от традиционного ритуала «Клятвы Гиппократата» [3]. С другой стороны, жизненные реалии актуализируют лозунг доктора Гааза «Торопитесь делать добро!» Но для следования этому лозунгу необходимо понимать, в чем «добро» заключается. Это приводит к мысли о первостепенном значении аксиологического кодекса и связанных с ним надпрофессиональных компетенций как психологической основы регулирования устремлений, поступков и в конечном итоге – жизненной позиции наших студентов.

Материалы и методы исследований

Сравнительно-сопоставительный анализ и интерпретация педагогической и методологической литературы (работы Е.С. Кондюковой, А.А. Кулагиной, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, И.А. Ореховской, Т.С. Паниной, А.М. Петровского, М.П. Прохоровой, О.Л. Раковской, С.Л. Рубинштейна, В.А. Сабанцевой, В.И. Уварова, В.А. Якунина и др.), а также методы включенного наблюдения, анкетирование, интервьюирование, приёмы скрытой позиции, анализ и обобщение эмпирических выводов.

Результаты и обсуждения

В ходе рассмотрения соответствий теоретических выводов с практическими результатами неизбежно обнаруживается стабильное неравновесие между уровнями ожидаемого и реального, особенно в работе с первокурсниками. Переход от школьной системы к вузовской – дискретный процесс, в ходе которого адаптация к новым, сложным требованиям всё чаще принимает девиантные формы, перерождается в стремление делать наоборот по отношению к тому, что от тебя хотят (упражняться в списывании, в использовании шпаргалок и т.д.). Таким образом, происходит из-

менение самих средств достижения целей высшего образования.

Как противодействовать этому процессу? Теория подсказывает, как нужно работать, но необходимо четкое представление о том, с кем мы работаем. Рассматривая задачу под таким углом зрения, мы вынуждены признать, что:

- при отборе абитуриентов по результатам ЕГЭ к нам нередко поступают студенты, неспособные освоить сложную программу медвуза;

- представление первокурсника о своём будущем образе врача-профессионала не подкрепляется четко продуманной системой ценностей. Есть идеал – но это далёкий прогноз, а сейчас надо действовать по обстоятельствам;

- нынешнее поколение не может похвалиться здоровьем, как физическим, так и эмоциональным, а это последнее провоцирует конфликты и как следствие – снижение успешности в учёбе.

Однако вышеназванные факторы подходят для разработки концепций только в самом первом приближении. А далее, поскольку методические особенности профессиональной подготовки медиков определяются единством собственно учебного процесса и практики, мы обязаны развивать нравственные ориентиры, необходимые для готовности к рискам, провоцируемым законам применения нанотехнологий и генной инженерии, а также биомедицины в целом. Решение этой задачи связано с проблемой формирования ряда надпрофессиональных компетенций, роль которых ещё не получила, на наш взгляд, должной оценки, хотя сложившаяся ситуация анализируется во многих педагогических исследованиях (труды К.А. Абульхановой-Славской, Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, И.А. Ореховской, В.А. Сабанцевой, И.И. Скоковой, К.Ю. Щенниковой и др.)

Нельзя не заметить, что переход к индивидуализму в новой педагогике порождает противоречие между профессиональным знанием в целом и индивидуальным приобретением квалификаций. Лозунг «учить тому, что они действительно хотят знать» приводит к нарушению эквивалентности замысла педагога и декодированности его смысла подопечными.

Таким образом, существует острая необходимость создания и осуществления последовательной программы действий в целях преодоления де-

структивных тенденций, разрушающих фундаментальные принципы отечественной педагогики, подобная той базовой программе, которая существовала в классической науке: были чётко определены основы теоретических моделей, описаны приёмы и методы их построения, цели и задачи каждого этапа освоения учебного материала. Но эта система, оттачиваемая десятилетиями, на данном этапе перестала играть определяющую роль в достижении намеченного, остановилась в развитии; произошёл скоростной переход к иным критериям эффективности образовательного процесса. Появились возможности, которые прежде были недоступны, но проекты модернизации пока не связаны такой единой программой, которая учитывает взаимодействие всех составляющих современного этапа развития, особенно в плане практического применения новаций.

Речь идет не просто об упорядочивании и систематизации накопившегося опыта, но о необходимости разработки программы, основанной на интерпретации взаимовлияния социальных и образовательных тенденций в аспекте координации возможностей инновационных технологий с универсальными ценностями отечественной педагогики.

Создание такой программы обеспечит кумулятивную функцию коллективному опыту исследовательских работ, послужит фундаментом для оформления и конституирования современных научных направлений в единый процесс структурирования педагогической деятельности.

Особое внимание в содержании такой программы должно уделяться развитию тех надпрофессиональных компетенций, освоение которых связано с укреплением основополагающих ориентиров аксиологического характера.

Дело в том, что при анализе ценностных и поведенческих компонентов, детерминирующих формирование аксиологического кодекса будущих медиков, обнаруживаются некоторые особенности, имплицитно, а порой и явно влияющие на современный образовательный процесс.

Сущность зафиксированных нами нежелательных характеристик определяется тем, что, следуя модернизации образования, мы нередко отступаем от самих его истоков; развивая компетенции, готовим специалистов только в области действия, забывая о сфере творчества; стремясь к сугубо реалистическим достижениям, подтекстно противопоставляем навыки конкурентоспособности и преодоления препятствий для достижения успеха идее бескорыстного служения делу. Наблюдается опасная тенденция перехода образовательно-воспитательного процесса в свою противополож-

ность, поскольку существуют социальный заказ на специалиста, от которого ждут не столько знаний и тем более не размышлений, а умелых действий на основе готовых данных, выдаваемых компьютером.

В отечественной педагогике в противовес этому активно продвигаются идеи партнерства и способов его достижения [2, 6, 9, 12]; приемов и навыков исследовательской деятельности [5, 7, 10]; предлагаются концепции оценки компетентности в соответствии с нравственными, этическими требованиями [2, 4, 9]; много говорится о гуманизации учебного процесса с целью воспитания традиционно закреплённых профессиональных качеств [2, 3, 8, 9, 12]. Однако в реальной практике эти идеи смещаются в глубину учебно-воспитательной работы, а выходя оттуда на поверхность, теряют значительную долю своего заряда, в силу чего инновационные методики не оправдывают возлагаемых на них надежд и лишь частично содействуют целедостижению.

Таким образом, при решении проблем, вызванных усложнением взаимосвязей и взаимовлияния образовательных и социально-экономических тенденций, мы перманентно сталкиваемся с необходимостью достройки или преобразования апробируемых методик. Процесс неуклонно развивается вширь, тогда как современность ставит всё более и более глубокие задачи, связанные с морально-этическими смыслами медицинской деятельности. Сама ситуация вынуждает искать новые методы, поскольку прежние зачастую несоизмеримы с реальными возможностями большинства студентов, о чем уже говорилось ранее – с их жизненными принципами, неустойчивостью эмоционального здоровья, ограниченностью, привитой школьной зубрежкой и т.д.

Анализу сущностного содержания вышеупомянутых надпрофессиональных компетенций посвящены работы Б.Г. Ананьева, А.А. Кулагиной, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, Т.В. Мещеряковой, С.Л. Рубинштейна, В.А. Якунина и др.

Выводы носят разносторонний характер, но большинство исследователей озабочены проблемами, связанными с укреплением морально-этических представлений молодёжи в условиях нестабильности социальных оценок поведенческой нормы. Кроме того, неоднократно высказывается мысль о том, что «Высшей школе для сохранения качества образования следует адаптировать учебно-организационные подходы с учётом специфики восприятия «джензеров» [1, с. 136].

Существует опыт наработок, предпринятых в этом направлении, но они наиболее успешны в случае применения ИКТ; что касается других

предложений, то вначале они вызывают интерес, а затем выясняется, что происходит модернизация ради модернизации, и первоначальный энтузиазм затухает.

Дело не в несостоятельности предложений, а в том, что очень трудно соединить новое со старым, а без этого новации теряют опору.

В настоящее время налицо полиструктурная организация педагогики: мы имеем качественно различные технологии, которые одновременно и предполагают друг друга, и отличаются сущностью своего замысла. Интенсивное развитие и обогащение научного знания настоятельно требует объединения в единую систему, сопоставимую с системой традиционной педагогики, по отношению к которой она является вторичной. В данный момент в студенческой среде происходит неуклонное девальвирование навыков образовательной деятельности, и без создания такой целостной системы этот процесс неизбежно будет развиваться.

Возможно, наш диагноз не бесспорен, но индивидуальные беседы, анкетирование, наблюдение путём «скрытой позиции», наконец, итоговая успеваемость первокурсников свидетельствует о закрепившейся приверженности большинства к поиску готовых ответов вместо обдумывания – зачем напрягаться, если можно быстро получить нужную информацию (и тут же забыть её). Снижение дисциплины мыслей и чувств, не ощущаемое ими рассеивание сознания ведёт к интеллектуальному обеднению; развитие клипового мышления, в котором видят защитную реакцию на информационные перегрузки, должно ограничиваться в ходе учебно-воспитательного процесса, а иначе о каком высшем образовании может идти речь? Мы оставляем в стороне случаи, когда у первокурсников обнаруживаются знания в большем объёме, чем требует программа; когда оригинальные замечания и сопоставления отдельных студентов вызывают восторженную реакцию всей аудитории – это, к сожалению, немногочисленные исключения. В целом же процесс перехода от «педагогики знаний» к «педагогике отношений» постоянно обрастает тормозящими его разноплановыми компонентами, среди которых существенная роль принадлежит отсутствию связей между многообразными методиками и отклонением от теоретически предполагаемых условий практического обеспечения.

Мы хотим обратить внимание на то, что приспособление к определённым социально-этическим требованиям, провозглашённое как необходимость для соответствия науки жизненным запросам, должно сопровождаться имманент-

ным стремлением к самовозрастанию духовной мотивации наших подопечных. Этот момент понимается во всех начинаниях, но реальное снижение уровня знаний и интереса к знанию у студентов свидетельствует, что наши интенции остаются нереализованными. Самый простой пример: с первых занятий мы по ходу опроса предлагаем: «преобразуйте...», «дополните...», причём необходимое оперирование вовсе не требует особого умственного напряжения – и наблюдаем реакцию: слёзы у девочек, угрюмая замкнутость у мальчиков. В итоге – осложнение налаживаемых личных контактов. Следовательно, в содержание учебной деятельности с первых занятий необходимо внести поправки, и эти поправки органически связаны с развитием надпрофессиональных компетенций, с их аксиологической составляющей: именно она обеспечит профилактику нежелательных эксцессов. Единство в понимании «хорошо» или «плохо» – это «условие, без которого нельзя», это основа основ воспитательного целеполагания.

Фокусируясь на этой проблеме и следуя принципу ситуативности, мы включаем в занятия злободневный для студентов материал-ролевые игры (опрос анатомических терминов студентом в роли преподавателя); афоризмы с частичным переводом на русский: «Продолжите, предполагая, что говорить в непереведённой части»; обучающие игры для закрепления материала, оценивание результатов которых производят сами студенты, причём включаются различные номинации; предлагаем составить схемы, таблицы, ребусы, презентации – последнее означает уже переход к научной работе, к статьям и докладам, темы которых, наряду с предметными, предполагают изучение психологических и социокультурных вопросов.

Характерно, что в докладе первокурсник может четко выразить представление о себе самом в роли врача, но у него отсутствует осознание своей поведенческой роли студента. В будущем – «Я знаю, каким надо быть», а в ответах на опросники, где речь идёт о настоящем, – уклончивость, недоговорённость, – наиболее искренне звучат жалобы на непонимание и связанное с этим одиночество, что также свидетельствуют о неразвитости определённых надпрофессиональных компетенций. При этом у них нет готовности к пониманию – зачастую оно возникает, когда удаётся заставить, преодолеть его сопротивляемость, и если это происходит, он вдруг, неожиданно для себя, признаётся: «Я понял!» Осуществился перелом в сознании, а его глубинная основа – изменение аксиологических представлений. Таким образом, в работе с первокурсниками на начальном этапе важен не

столько партнёрский, сколько директивный компонент.

Для подтверждения этого вывода вернёмся к ранее приведённому примеру: предлагая «дополнить» или «преобразовать», мы стремимся пробудить инициативность, стремление к выстраиванию самостоятельного структурирования знаний. Ответная реакция базируется на неуверенности в своих возможностях, в способности к правильным действиям – а это, в свою очередь, идёт от непонимания особенностей изучаемого параллельно с ощущением, что, задавая такие «сложные» вопросы, хотят перечеркнуть твой труд, затраченный на выполнение домашнего задания, что это несправедливо (аксиологическая оценка). Поэтому очень важно уметь заставить – пробудить спонтанность, способность действовать по собственному почину – достигнутый результат закрепляется в сознании оценкой «хорошо» и как следствие доверием к преподавателю.

Таким образом, формирование субъект-субъектных отношений с первокурсниками обретает реальный смысл только совместно с развитием их аксиологических установок, что, в свою очередь, непроизвольно стимулирует развитие непрофессиональных компетенций.

Выводы

В проведённом исследовании мы постарались привлечь внимание к необходимости создания единой программы реализации социально ориентированных стратегий, подобной той программе, которая играла систематизирующую роль в нашей традиционной педагогике. Учитывая, что её разработка носит глобальный характер и требует большого времени, мы считаем важным отразить одну из сторон методологической переориентации, а именно формирование аксиологической базы современного студенчества, начиная с первокурсников. Данный вопрос занимает периферийное место среди теоретических исследований, однако в комплексном решении проблем регулирования существующих тенденций он должен переместиться в центр. Мы постарались аргументированно доказать, что аморфность аксиологических представлений молодёжи неминуемо отражается на их интеллектуальном потенциале и творческом развитии. Диагностика и учёт обозначенных в нашей работе проблем могут способствовать углублению и уточнению содержания процессов, характерных для современного этапа развития педагогики.

Список источников

1. Кондюкова Е.С., Шершнева Е.Г. Образовательный контекст обучения центениалов (поколения Z) // Обзор педагогических исследований. 2021. Т. 3. № 1. С. 135 – 140.
2. Кулагина А.А. Организация воспитательной деятельности в вузе // Традиции и новации в профессиональной подготовке педагога. 2022. № 20. С. 25 – 29.
3. Мелик-Гайказян И.В., Мещерякова Т.В. Клятва Гиппократа: трансформация семантики и возрождение прагматики // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9. № 1. С. 35 – 44.
4. Ореховская И.А. Эгалитарность или элитарность университетского образования: каков тренд эпохи глобализации // Казанский педагогический журнал. 2019. № 1. С. 200 – 204.
5. Панина Т.С., Вавилова Л.Н. Современные способы активизации обучения. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 176 с.
6. Прохорова М.П., Петровский А.М. Социальное партнёрство как механизм инновационного развития профессионального образования // Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7. № 5 (30). С. 221.
7. Раковская О.Л. Пути активизации творческого поиска студентов // Научные исследования в образовании. 2008. № 9. С. 85 – 87.
8. Сабанцева В.А. Социальная активность студенческой молодёжи России // Социологические науки. 2012. № 3. С. 51 – 56.
9. Скокова Н.Н., Зубенко И.В., Маснева И.Е., Цуверкалов А.Е., Тарханов И. А. Формирование моральных ценностей у студентов-медиков на занятиях по иностранному языку // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 1-4 (52). С. 72 – 74.
10. Соколова Н.И. Методы воздействия на мотивацию студентов в рамках преподавания иностранного языка в неязыковом вузе // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 4. С. 122 – 126.
11. Уваров В.И. Сопоставительный анализ модели «плохой-хороший педагог» в преподавании иностранного языка специальности в неязыковом вузе // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2019. № 4. С. 45 – 50.
12. Щенникова К.Ю. Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-kak-faktor-sohraneniya-i-edineniya-sovremennoy-rossii/vienwer>

References

1. Kondyukova E.S., Shershneva E.G. Educational context of teaching centennials (generation Z). Review of pedagogical research. 2021. Vol. 3. No. 1. P. 135 – 140.
2. Kulagina A.A. Organization of educational activities at the university. Traditions and innovations in the professional training of a teacher. 2022. No. 20. P. 25 – 29.
3. Melik-Gaikazyan I.V., Meshcheryakova T.V. The Hippocratic Oath: transformation of semantics and the revival of pragmatics. Scholē. Philosophical Classical Studies and the Classical Tradition. 2015. Vol. 9. No. 1. P. 35 – 44.
4. Orekhovskaya I.A. Egalitarianism or elitism of university education: what is the trend of the globalization era? Kazan Pedagogical Journal. 2019. No. 1. P. 200 – 204.
5. Panina T.S., Vavilova L.N. Modern ways to activate learning. Moscow: Publishing Center "Academy", 2007. 176 p.
6. Prokhorova M.P., Petrovsky A.M. Social partnership as a mechanism for innovative development of professional education. Internet journal Naukovedenie. 2015. Vol. 7. No. 5 (30). P. 221.
7. Rakovskaya O.L. Ways to activate students' creative search. Scientific research in education. 2008. No. 9. Pp. 85 – 87.
8. Sabantseva V.A. Social activity of student youth of Russia. Sociological sciences. 2012. No. 3. P. 51 – 56.
9. Skokova N.N., Zubenko I.V., Masneva I.E., Tsuverkalov A.E., Tarkhanov I.A. Formation of moral values of medical students in foreign language classes. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 1-4 (52). P. 72 – 74.
10. Sokolova N.I. Methods of influencing students' motivation in the framework of teaching a foreign language in a non-linguistic university. World of science, culture, education. 2022. No. 4. P. 122 – 126.
11. Uvarov V.I. Comparative analysis of the “bad-good teacher” model in teaching a foreign language of specialty in a non-linguistic university. Actual problems of our time: science and society. 2019. No. 4. P. 45 – 50.
12. Shchennikova K.Yu. Traditional values as a factor in the preservation and unity of modern Russia [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-kak-faktor-sohraneniya-i-edineniya-sovremennoy-rossii/vienwer>

Информация об авторах

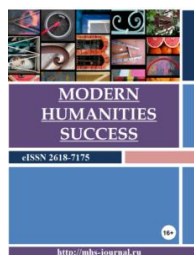
Нектаревская Ю.Б., кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой, Ростовский государственный медицинский университет

Агафонова Н.Д., кандидат филологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет

Лопина Н.И., старший преподаватель, Ростовский государственный медицинский университет

Лоскутова Л.Н., старший преподаватель, Ростовский государственный медицинский университет

© Нектаревская Ю.Б., Агафонова Н.Д., Лопина Н.И., Лоскутова Л.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)
УДК 811.161.1'243

Сопоставительные исследования в лингводидактических целях: универсалии vs граммаференты

¹Рогозная Н.Н., ¹Сабадин Сантос Т. Медина Жоан Пауло,

¹Московский государственный институт международных отношений

Аннотация: цель исследования – определить терминологический аппарат лингводидактики для межъязыкового анализа в дидактических целях, учитывающий основные понятия, необходимые для раскрытия особенностей функционирования речевой интерференции в русской речи иностранных обучающихся. В статье рассмотрены теоретические основы, проанализированы результаты и раскрыты преимущества функционирования различных понятий и терминов для однозначного понимания при использовании в научных исследованиях. В статье проведен анализ таких понятий, как «лингвистические и лингводидактические универсалии», «интерференты», в аспекте методики преподавания иностранного языка, основная часть статьи посвящена трактовке предлагаемых методов анализа, необходимых для применения в исследовательской парадигме научного подхода. Существующие в практике лингводидактического анализа методы: сравнительный, сопоставительный, контрастивный и конфронтативный, употребляющиеся часто как синонимы, на самом деле требуют терминологического особого рассмотрения с точки зрения их семантического наполнения. На данном этапе исследований намечается семантический анализ в употреблении предложенных терминов, используемых в различных работах. Научная новизна исследования заключается во внедрении в исследовательскую практику нового терминологического аппарата и разработанной классификации терминов, позволяющих всесторонне и глубоко описывать лингводидактические единицы и их функции. Это необходимо для четкого понимания явлений и процессов, происходящих в речевом сознании индивидуума. Многообразие и разночтения терминологии не только затрудняет обмен опытом, но и развитие самого направления лингводидактики. Новизна предлагаемого подхода заключается в стимулировании диалога между лингвистами и методистами, исследования которых посвящены межъязыковому анализу, традиционно неоднозначно рассматривающими использование терминологического аппарата то в рамках лингвистики, то в рамках дидактики, не предоставляя единых подходов для раскрытия имеющихся проблем. В результате делаются выводы о необходимости введения актуальных понятий «интерферент» и «контрастивный анализ», рассматриваемых в аспекте интерязыка, а также о возможности их использования для укрепления диалога между исследователями как в России, так и за рубежом.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, интерференция, лингводидактическая универсалия, интерферент, контрастивная лингвистика

Для цитирования: Рогозная Н.Н., Сабадин Сантос Т. Медина Жоан Пауло Сопоставительные исследования в лингводидактических целях: универсалии vs граммаференты // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 308 – 320.

Поступила в редакцию: 15 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Comparative studies for linguistic purposes: universals vs gramaferents

¹ Rogoznaya N.N., ¹ Sabadin Santos T. Medina Joan Paulo,
¹ Moscow State Institute of Foreign Relations

Abstract: the purpose of the study is to determine the terminological apparatus of linguodidactics for interlanguage analysis for didactic purposes, taking into account the basic concepts necessary to reveal the features of the functioning of speech interference in the Russian language of foreign students. The article examines the theoretical foundations, analyzes the results and reveals the advantages of the functioning of various concepts and terms for unambiguous understanding when used in scientific research. The article analyzes such concepts as “linguistic and linguodidactic universals”, “interferents”, in the aspect of teaching methods of a foreign language, the main part of the article is devoted to the interpretation of the proposed methods of analysis necessary for applying the scientific approach in the research paradigm. The methods existing in the practice of linguistic and didactic analysis: comparative, comparative, contrastive and confrontational, which are often used synonymously, actually require terminological special consideration in terms of their semantic content. At this stage of the research, a semantic analysis is planned in the use of the proposed terms used in various works. The scientific novelty of the research lies in the introduction into research practice of a new terminological apparatus and a developed classification of terms that allow a comprehensive and in-depth description of linguistic and didactic units and their functions. This is necessary for a clear understanding of the phenomena and processes occurring in the speech consciousness of an individual. The diversity and discrepancies of terminology not only complicates the exchange of experience, but also the development of the field of linguodidactics itself. The novelty of the proposed approach lies in stimulating a dialogue between linguists and methodologists whose research is devoted to interlanguage analysis, who traditionally ambiguously consider the use of terminological apparatus either within the framework of linguistics or within the framework of didactics, without providing unified approaches to disclose existing problems. As a result, conclusions are drawn about the need to introduce the relevant concepts of “interferent” and “contrastive analysis”, considered in the aspect of interlanguage, as well as the possibility of using them to strengthen dialogue between researchers both in Russia and abroad.

Keywords: comparative analysis, interference, linguodidactic universality, interferent, contrastive linguistics

For citation: Rogoznaya N.N., Sabadin Santos T. Medina Joan Paulo Comparative studies for linguistic purposes: universals vs gramaferents. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 308 – 320.

The article was submitted: April 15, 2025; Approved after reviewing: June 12, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Выбор терминологического аппарата является основой для любого исследования, в том числе и для типолого-сопоставительного анализа лингвистических структур и единиц, рассматриваемых с позиции дидактических вызовов в аспекте изучения языка как иностранного. Проблема подобных научных изысканий заключается в том, что при использовании терминов исследователи делают акцент либо на раскрытии общих признаков между языками, что соответствует понятию *лингводидактических универсалий* [3], либо на поиске отличий, что хорошо прослеживается при введении, например, понятия *интерференты* разных лингвистических уровней: графоференты, фоноференты, лексоференты, граммаференты, синтаференты и прагмаференты [17]. Отмечается также разнообразие терминов и для наименования самого направления межъязыкового анализа: *сопоставительный*, *сравнительно-сопоставительный* [13, 24], *контрастивный* [1, 30, 29, 22, 8, 28, 40], *конфронтативный анализ*, *методика национально-*

языковой ориентации обучения целевому языку [3] или даже чередование всех четырех терминов в единой системе анализа [6, 15]. Работы данных российских и зарубежных лингвистов и методистов служат теоретической базой исследования.

Актуальность предложенной темы исследования обусловлена необходимостью укрепления теоретической основы межъязыковых сопоставлений в дидактических целях, параллельно с возрастающей тенденцией разработки национально-ориентированных учебных материалов. Сопоставление двух языков соответствует возникновению диалога между двумя странами, например, между Бразилией и Россией в рамках консолидации научно-образовательных отношений в БРИКС, что подразумевает обмен идеями и научными работами, базирующимися на взаимно ясных понятиях и концептах. С этой точки зрения весьма целесообразны усилия по сближению и пониманию российского концепта «интерферент» с термином «контрастивный анализ», который распространен

в исследованиях за рубежом, в том числе и в Бразилии.

Задачами исследования являются:

1) анализ литературы по межъязыковому взаимодействию для обнаружения преимуществ выбора каждого из используемых терминов, таких как: лингводидактические универсалии и интерференты; сопоставительный, сравнительный, контрастивный и конфронтативный методы;

2) определение закономерностей использования данных терминов для межъязыкового анализа;

3) Характеристика теоретической и практической значимости выбора каждого термина для решения конкретных исследовательских задач, а также степени их концептуальной глубины.

Практическая значимость представленной научной работы заключается в доказательстве необходимости использования единого терминологического аппарата при исследовании межъязыкового анализа в лингводидактике, опираясь на современные теории, учитывая теоретический вклад, заключенный в понимании терминов «интерязык», «интерферент», «контрастивный и конфронтативный анализ». Полученные результаты констатируют различия и сходства при использовании проанализированных терминов, а также обнаруживают несовпадение семантических объемов терминов и, следовательно, доказывают целесообразность их употребления в различных научных целях и контекстах. Результаты введения актуальных лингвистических терминов в практику могут найти применение как в процессе учебно-методической деятельности при создании материалов для преподавания иностранных языков с опорой на родной язык обучающихся, так и в научных изысканиях, позволяющих глубоко рассматривать процессы, связанных с лингводидактикой, психолингвистикой и лингвистикой.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили монографии, научные статьи и диссертационные исследования, посвященные разработке теории языковых контактов, функционированию билингвизма, интерязыка и интерференционным процессам, происходящим при овладении иностранным языком в детском возрасте, а также универсальным языковым процессам, существующим в каждой языковой системе и напрямую связанным с лингводидактическими проблемами.

Избранные методы для выполнения поставленных задач представляют собой: 1) анализ литературы, в ходе которого отбираются самые актуальные, релевантные и авторитетные публикации по теме исследования; 2) индуктивное обобщение подходов в работах разных авторов при использо-

вании одного и того же терминологического аппарата: лингводидактических универсалий и интерферентов; сопоставительного, сравнительного, контрастивного и конфронтативного анализа, позволяющее раскрыть семантику, точность и закономерность употребления каждого термина; 3) сравнение при использовании терминологического аппарата в проанализированных работах способствует оценки степени концептуальной согласованности между различными исследованиями, выявлению пробелов в дефинициях и предложению путей их устранения.

Результаты и обсуждения

Поиск лингвистических универсалий, первоначально разработанных Р. Якобсоном в конце 1950-х гг. [36, 27], а позже У. Вайнрейхом, В. Лабовым и М. Герцогом в конце 1960-х гг. [42], продолжается в современной сопоставительной лингвистике. Попытка идентифицировать универсальные особенности, общие для всех языков, лежит в основе и современных дискуссий в языкознании. Согласно М.А. Стерниной и И.А. Стернину, лингвистика универсалий ставит своими целями: 1) выявление характеристик, общих для человеческих языков по сравнению с языками животных; 2) обнаружение средств выражения содержательных категорий; 3) анализ характеристик, свойственных языковым структурам и применяемых для всех языковых уровней [22]. В дальнейшем задача лингвистики универсалий заключается в раскрытии языковых явлений, встречающихся во всех языках мира [22]. В.Д. Аракин определяет лингвистические универсалии как факты, носящие «всеобщий языковой характер, отражая определенные закономерности структуры, свойственные всем языкам» [1].

Л.Г. Зубкова, в свою очередь, указывает на существование языковых универсалий с опорой на принцип знака: «Различение основных семиологических классов слов и базовых частей речи по их морфемному строению является универсальной характеристикой» [7]. Этим обусловлена классификация языков как политипологическое образование, в устройстве которых сосуществуют развитые функциональные разновидности [7]. В дальнейшем политипологизм может служить теоретической базой для раскрытия природы универсальности в каждом языке [23].

Особенно важным теоретическим приемом для современных исследований в области языковых контактов является поиск универсалий с помощью различных методов, например, таких как: *сопоставительный метод* (англ. «comparative concept»), предложенный немецким лингвистом М. Хаспельматом, по мнению которого «концеп-

ции, специально разработанные для целей сравнения и не зависящие от описательных категорий», должны занять достойное место» (*перевод Сабадин Сантос Т. Медина*) [34]. Такое понимание подобного рода высказывания, основано именно на межъязыковом сравнении, при этом может не всегда подходить для других направлений, касательно изучения языка, таких как описание языка или овладение языком, констатирует автор [34]. Далее ученый подчеркивает, что ряд языковых феноменов может быть схожим в различных языках, это касается категорий имен, глаголов, указательных и личных местоимений, сложноподчиненных предложений и др., в то время как другие категории не так легко идентифицируются между сопоставляемыми языками [34]. Далее М. Хаспельмат упоминает о сопоставительном методе, который непосредственно служит основой для создания новых категорий типологического межъязыкового сопоставления, например, при анализе грамматических структур с целью поиска новой информации о префиксах *pseudo-* во французском и в греческом языках, в новом определении на основе их семантических и прагматических характеристик [41].

Сопоставительный метод как термин может в дальнейшем служить и для поиска языковых универсалий, применяемых в обобщенном анализе, представленном самим М. Хаспельматом по использованию им новых терминов: *инверториум* (англ. *invertorium*), «непредсказуемые элементы языка» (*перевод Сабадин Сантос Т. Медина*), и *менталикон* (англ. *mentalicon*), «элементы, которые говорящий хранит в памяти» (*перевод Сабадин Сантос Т. Медина*) для анализа общих лексических признаков, помимо традиционных терминов *слово* (англ. *word*) и *лексема* [35].

Однако все не так просто в практической деятельности. С точки зрения методики преподавания иностранных языков подача языковых явлений должна осуществляться в наиболее понятных преподавателям и студентам терминах с целью преодоления их непонимания и обеспечения эффективности их использования при овладении иностранным языком. Это является основным противоречием между перспективой использования терминов лингвистами и методистами. Следует заметить, что после активного ввода в лингвистику новых терминов и ассимиляции, их можно вводить в методологический аппарат лингводидакта.

Необходимость подобных терминологических новаций особенно очевидна при сравнении с традиционным подходом: как отмечает Н.Н. Рогозная, в XX веке в методике преподавания иностранных языков преобладала идея похожести языков [17], что непосредственно затруднило раз-

работку более плодотворного подхода для интерпретации трудностей и ошибок обучающихся. Тем не менее, появились крупные сопоставительные работы с различными языками в аспекте изучения языка как иностранного, основанные на теории лингвистических универсалий или учитывающие их.

Среди таких исследований особое место занимает обращение к лингводидактическим универсалиям – концепции, предложенной профессором В.Н. Вагнер как воплощение их использования в методике преподавания иностранных языков. Понятие лингводидактических универсалий понимается автором как: «... обобщенные конкретные определители по установлению способов представления языкового материала» [3]. Лингводидактические универсалии обнаруживаются с учетом как свойства языковых явлений, так и межъязыковых соотношений сходства, различия или частичного несовпадения и разрабатываются на основе сопоставительного анализа языковых фактов, а также с привлечением анализа типичных ошибок обучающихся [3]. Предложенный автором критерий отбора языкового материала, основанный на типичных отклонениях от нормы изучаемого языка, обладает несомненным преимуществом – он позволяет адаптировать лингвистический анализ к специфическим трудностям учащихся определенной языковой группы. Однако, сама концепция лингводидактических универсалий в данной трактовке вызывает дискуссионные вопросы. Спорным представляется неясность предложенной терминологии, поскольку непонятно, чему соответствуют «обобщенные конкретные определители», методам обучения или языковым явлениям.

Следовательно, при практическом применении данного подхода В.Н. Вагнер, возникает видимое противоречие: разработанный ею лингвометодический инструментарий не обеспечивает точного решения указанной проблемы. Причина заключается в том, что функционально-семантические категории, хотя интуитивно используются исследователем, не получают системного осмысления в рамках межъязыкового анализа. В ее методическом подходе лингводидактические универсалии разрабатываются с точки зрения смысла высказывания, исходя из которого вычленяются межъязыковые соответствия. Если рассмотреть в ее работе «Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа» подачу падежных конструкций, то наблюдается использование традиционных категорий: падежа, предложно-падежной формы, склонения существительного,

предлога; подлежащего и прямого дополнения; субъекта действия и субъекта высказывания; двойного управления и др. А при учете семантических аспектов, называемых автором *смыслом высказывания*, разрабатываются дополнительные категории, на основе которых традиционные категории адаптируются для лингводидактики: например для предложного падежа автор применяет понятия «локальное значение» (статическое местонахождение), «предложный падеж объекта мысли, речи и выражения времени» (темпоральное значение), на основе которых определяется эквивалентность с родным языком обучающихся, а также приемы объяснения языковых структур [3].

Анализ данной типологии межъязыкового сопоставления приводит к выводу, что под лингводидактическими универсалами В.Н. Вагнер подразумевает не традиционные грамматические категории, не позволяющие сами по себе классифицировать языковые структуры целевого языка по их соответствию с родным языком обучающихся, а подразумевает, по всей вероятности, именно функционально-семантические категории, на основе которых обнаруживаются соответствия и расхождения на фоне родного языка.

В направлении межъязыковых исследований в лингводидактических целях следует указать на перспективный функционально-семантический подход к анализу русского языка в аспекте РКИ для межъязыкового сопоставления, предложенный А. Мустайоки, поскольку он делает акцент на функционально-семантический анализ, способствующий раскрытию общих семантических признаков между целевым и родным языком обучающегося. В число подобных работ входит коллективное исследование таких ученых как: З.К. Сабитова, Т.В. Парменова и Л.А. Бирюлин [12]. Кроме того, в функционально-семантическом аспекте рассматривается падежная и предложно-падежная система русского языка Л.С. Крючковой [9], И.П. Кузьминой, Л.М. Лариохиной [10].

Таким образом, на основе подобных исследований методист сможет опираться на функцио-

нально-семантические эквиваленты целевого языка, имеющиеся в родном языке обучающихся, как, например, при раскрытии соответствий русских беспредложных конструкций родительного, дательного и творительного падежей в существующих аналогах португальского языка [21].

Следовательно, функционально-семантическая основа лингводидактических универсалий рассматривается в различных работах по межъязыковому анализу, даже тогда, когда не всегда осознается рядом авторов. Однако ориентация на функционально-семантические соответствия, оставаясь важным методическим ориентиром, не создаёт исчерпывающей теоретической базы для межъязыкового сопоставления в дидактических целях. Данный подход не учитывает в полной мере явления языковой интерференции, что требует дополнительного обращения к исследованию интерязыка, как промежуточной языковой системы, где интерференционные процессы проявляются на всех уровнях языковой структуры. В связи с этим, рассмотрим единицы интерязыка, например такие как граммаференты (ошибки грамматического уровня).

Н.Н. Rogoznaya, после создания различных сопоставительных работ на основе анализа ошибок в русской речи иностранцев, самым ярким и масштабным примером которых является «Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев» [16], сформулировала термин *интерферент* для выделения и классифицирования ошибок, возникающих на разных лингвистических ярусах [14]. Интерференты представляют собой набор ошибок, появляющихся вследствие интерференционных процессов, т.е. феномена, «при котором ранее полученные навыки, языковые и/или культурные, мешают освоить язык вторичной компетенции»; интерференты определяются как структурные единицы интерязыка [18].

Интерференты выделяются по следующим ярусам языка:

Таблица 1

Типы интерферентов [17].

Table 1

Types of interferents [17].

Термин	Ярус
графоференты	графический
фоноференты	фонетический
лексоференты	лексический
граммаференты	грамматический
синтаференты	синтаксический
прагмаференты (или текстоференты)	прагматический

Н.Н. Рогозная и М.А. Давыдова отмечают, что условность разграничения ошибок по уровням «не всегда представляется возможностью определить переход от одного уровня к другому» [19].

Н.Н. Рогозная опирается на рассмотрение нарушений в речи иностранцев как неотъемлемой части «промежуточной системы – интерязыка, представляющего собой какой-либо продукт субординативного билингвизма» [14]. Феномен интерязыка «представляет собой языковую универсалию и имеет много общего с естественным языковым устройством, его эволюцией и совершенствованием» [15].

Далее автор устанавливает надежный ориентир для лингвистического анализа и, следовательно, методических приемов преодоления трудностей для обучающихся, в основе которых лежит именно учет интерферентов (ошибок). Специализированная терминология служит теоретической основой для разработки межъязыкового анализа любой пары контактирующих языков. Практическое применение данной терминологии не просто касается целевого языка, а раскрывает сложные интерференционные процессы языкового контакта, которые возникают вследствие появления под воздействием интерференции родного языка.

Ярким примером анализа с использованием интерферентов являются работы «Билингвальная фонологическая модель разноструктурных языков: корейский и русский языки» Д.Э. Заманстанчук [6] и «Специфика функционирования имени существительного в речи билингвов (русско-китайский и китайско-русский интерязыки)» А.В. Багдуевой [2], в которых рассматриваются области интерференции, сосредоточенные не на каждой отдельной языковой системе контактирующих языков при освоении нового языка, а на интерязыке, как промежуточной форме. Несмотря на лингвистическую ориентацию данных работ, их практическая ценность для методики преподавания иностранных языков неоспорима, поскольку в них затрагивают-

ся именно речевые искажения при освоении целевого языка.

В разборе граммаферентов при освоении падежных конструкций китайскими обучающимися А.В. Багдуева анализирует причины появления граммаферентов в двух аспектах: межъязыковые и внутриязыковые. Например, автор выделяет две причины ошибок в отборе китаеязычными обучающимися беспредложной формы вместо предложно-падежной в примерах **Цена договорим* (объект); *Все расходы *книгов* (определение); *Мы сейчас *репетиция* (обстоятельство): (1) внутриязыковая из-за верного выбора значения, но неверной догадки о форме его реализации; и (2) межъязыковая в способности к двойной частеречности китайского слова [2]. Данное деление имеет большое преимущество в обеспечении более четких теоретических приемов для классификации, анализа и, в дальнейшем, представления и подачи данных языковых структур в учебном процессе.

Теоретический прием анализа интерферентов, таким образом, способствует углублению понимания их функционирования, поскольку позволяет исследователям межъязыковых контактов не только распознать феномен их появления, но и описать причину возникновения в разных типах интерференционных процессов (межъязыковых и внутриязыковых).

В межъязыковом анализе на основе ошибок обучающихся, возникающих в результате интерференции родного языка, в методических целях отмечается большая вариативность терминов. А.Н. Щукин при анализе языкового переноса и интерференции использует термины «контрастивная» и «сопоставительная лингвистика» как синонимы [26], что наблюдается и в работе Д.Р. Валеевой, посвященной анализу интерференционных ошибок испаноговорящих обучающихся русскому [4]. В разборе ошибок русских обучающихся при освоении грамматики португальского языка Г.В. Петрова определяет использованный метод как

«анализ ошибок в сравнительно-сопоставительном изучении языков» [13]; отмечается употребление термина «сравнительно-сопоставительный» также в разработке системы упражнений Е.Ю. Токаревой на основе анализа ошибок обучающихся испанскому языку как второму языку с опорой на английский как язык-посредник [24], в то время как А.В. Багдueva отличает сопоставительный метод от сравнительного как более глубокий при изучении языковых единиц, который «...предполагает выявление в сопоставляемых языках не столько сходств, сколько различий» [2]. В.Д. Аракин, в свою очередь, выделяет сравнительную типологию родного и иностранного языков как один из разделов частной типологии [1], т.е. без ориентации на учет ошибок обучающихся или в целях обучения языку как иностранному; однако, указывает на термин *контрастивная лингвистика* для обозначения работ, охватывающих обычно два языка в целях формирования научной основы для методики преподавания иностранного языка на фоне родного [1].

В работе Д.Э. Заманстанчук отмечается использование сравнительного, сопоставительного, контрастивного и конфронтативного методов в качестве познания разных этапов становления языковых явлений: 1) «сравнительный анализ дает поверхностное представление, это познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве или различии объектов», 2) «сопоставительный анализ подводит к более глубокому изучению языковых явлений»; 3) «контрастивный анализ ... предусматривает четкое выявление контрастов (пары или множества) сопоставляемых языков»; 4) «при конфронтативном анализе на основе вышеприведенных параметров выявляются элементы структуры контактирующих языков, вступающие в противоречия (в антагонистические отношения), отношения соперничества и конкуренции» [6]. По данной классификации четыре разных термина соответствуют взаимодополнительным фазам в едином анализе, что и оправдывается в практическом применении, когда автор поэтапно использует исследовательскую парадигму для анализа фонологических структур русского и корейского языков.

М.А. Стернина и И.А. Стернин делят межъязыковое сопоставление на сопоставительные и контрастивные исследования. По мнению авторов, первое направление относится к изучению одноименных языковых микросистем (полей) в разных языках для обнаружения «... сходств и различий языковых явлений разных языков; при этом одноименные явления ... сравниваемых языков изучаются и описываются автономно ..., а затем резуль-

таты описания подвергаются сравнению» [22]. Второй тип исследования соответствует сопоставлению родного языка с иностранным, т.е. выделяется один из языков сравнения в качестве исходного языка, а другой как язык сопоставления; один язык изучается на фоне другого [22].

В.Н. Вагнер признает использование терминов «контрастивная», «сопоставительная» и «конфронтативная» для методики преподавания целевого языка, но оценивает их как несостоятельные и предлагает использовать этот термин как «... методику национально-языковой ориентации обучения целевому языку ...», таким образом выделяется системность, на основе которой должны разрабатываться стратегии обучения с учетом целевого языка [3].

Данный «калейдоскоп» терминов, хотя справедливо отражает само разнообразие теоретических приемов для межъязыкового сопоставления, но затрудняет обмен идеями как в российских научных кругах, так и в понимании зарубежными авторами, а также часто затемняет природу самого термина. В иностранной научной литературе термин «контрастивный» закреплён для межъязыкового анализа в дидактических целях с начала второй половины XX века, когда в 1957 г. американский лингвист Р. Ладó предложил термин «контрастивный анализ» для обнаружения трудностей при освоении иностранных языков на основе контраста между родным языком и языком обучающихся [37]; применение термина «контрастивный анализ» осуществилось в публикации работы «Лингвистика поверх культуры» и считается точкой отсчета для развития контрастивных исследований с 60-х годов XX века [8].

Сначала в контрастивных работах исследователи считали межъязыковые расхождения единственной причиной для возникновения ошибок в речи иностранцев [29]. Данная модель анализа ошибок пережила глубокий кризис после осознания которого, пришло понимание, что простое подчеркивание неэквивалентных структур при подаче языкового материала для обучения иностранному языку не обеспечивает правильного и эффективного овладения языком, поскольку при использовании таких подходов обучающиеся продолжают ошибаться в структурах, похожих с теми, которые существуют в их родном языке [29]. Суть данной критики первоначальных методик преподавания, основанных на контрастивном анализе, заключается в преувеличенном акценте прогнозируемых ошибок, упуская при этом саму природу языкового овладения. Под влиянием бихевиоризма первоначальное практическое применение контрастивности основывается на учете ошибок обу-

чающихся как поведении, которое не следует стимулировать. Однако, данный подход к обучению иностранному языку упрощает рассмотрение процесса усвоения иностранного языка, поскольку речевая интерференция возникает не отдельно, а во взаимосвязи с положительным переносом, названным в лингвистике некоторыми авторами транспозицией [15].

Л.В. Щерба утверждает, что относиться к ошибкам надо с уважением, потому что они демонстрируют качества повышения знаний при овладении иностранным языком: «... не подлежит сомнению, что, с точки зрения речевых процессов (т. е. нашей речевой деятельности), ошибки речи особенно показательны: они-то и раскрывают механизм этих процессов; они зачастую дают ключ к пониманию причин исторических изменений в языке. Для настоящего лингвиста-теоретика, для которого вопросы ‘как’ и ‘почему’ являются самыми важными, ошибки речи оказываются драгоценным материалом» [25]. Данное понимание о потенциале использования ошибок в учебном процессе приводит к выводу о том, что «учащиеся могут научиться на ошибках, которые они допускают» [20].

Под влиянием менталистской теории Н. Хомского разрабатывается новая модель «анализа ошибок», в основе которой лежит учет ошибок иностранных говорящих не как отрицательный, а как положительный и естественный признак процесса высокой сложности [29]. Метод анализа ошибок, разработанный британским лингвистом П. Кордером, преобразует концепт ошибки, рассматривая его как неотъемлемую часть процесса освоения языка; категоризация ошибок обучающихся по этой модели предоставляет ценные данные о затруднениях и областях прогресса [31]. П. Кордер подчеркивает разницу, с одной стороны, между ошибками употребления (англ. «errors of performance») как заблуждения (англ. «mistakes») вследствие психических состояний, таких как усталость, или даже провалы в памяти и, с другой стороны, ошибками, систематически обусловленными т.н. «переходной компетенцией» (англ. «transitional competence») [31], термин, подразумевающий механизмы освоения языка обучающимися [33] и потом названный Л. Селингером интерязыком [38].

Именно на фоне данных научных обсуждений дается основа дальнейших разработок контрастивной лингвистики с точки зрения анализа интерязыка, разработанного Л. Селингером в 1972 г. [40]. Интерязык определяется автором следующим образом: «... отдельная лингвистическая система, представляющая собой речевой результат обуча-

ющегося, созданный по нормам целевого языка ...» (перевод Рогозной и Сабатин Сантос Т. Медина) [39]; таким образом, интерязык является «лингвистической системой в развитии, находясь между одним языком и другим» (перевод Сабатин Сантос Т. Медина) [32]. По замечанию А. Дурао интерязык определяется как системный, динамичный, ограниченный, вариативный, индивидуальный и креативный, поскольку отмечается креативное использование структур, не принадлежащих ни первому языку, ни изучаемому [28], ситуации, в которых наблюдается появление таких гибридных структур, типичны для функционирования интерязыка [30].

Н.В. Лосева подчеркивает значимость интерязыка для преподавания иностранного языка, уделяя внимание возможности не только обнаруживать причины появления ошибок, но также «проследить динамику становления внутренней языковой системы и повлиять на ее формирование» [11], однако при этом автор не упоминает термин контрастивный, имеющий огромную важность для включения термина «интерязык» в контрастивный анализ.

Таким образом, вышеприведенный аргумент констатируют то, что не всегда подчеркивается важность учета интерязыка в контрастивных работах в российской научной среде, исключая некоторые исследования, в основу которых включено понятие интерферентов разного уровня (графоференты, фоноференты и др.).

Выводы

Проанализированная литература по межъязыковому анализу показала закономерности возникновения и использования терминологического аппарата, необходимого для выбора исследовательской парадигмы, связанной с методологической базой межъязыковых контактов: билингвизма, интерязыка и интерференции. Выбор терминов, предназначенных для решения определенных задач, не может быть случайным, а использование каждого понятия должно точно соответствовать решению и пониманию всеми исследователями тех задач, которые решают авторы.

Под термином «контрастивный» подразумевается анализ с учетом выявления «узлов» интерференции, в основе которых интерязык занимает центральную роль, играющую важное значение в динамическом процессе при анализе интерферентов. Несмотря на четкость и достижение больших результатов в исследованиях, в которых лежит различное применение терминов для межъязыкового сопоставления в лингводидактических целях, терминологический разброс затрудняет диалог между исследователями и вследствие этого сни-

жает потенциал соответствующих изысканий, а также препятствует их учету и использованию вне российской научной литературы.

Термин «лингводидактические универсалии», в свою очередь, несмотря на функционально-семантическую основу, указывает на новый поиск путей сходств и расхождений с ориентацией на анализ интерферентов, но без осознанной опоры на интерязык, в то время как понятие «интерферент» предусматривает именно промежуточную межъязыковую систему, обеспечивая надежную теоретическую базу для динамичного анализа.

Акцент на интерязык относит понятие «интерферент» к теоретическим предпосылкам контрастивного анализа в лингвистике, таким образом объединяя терминологию российского исследователя Н.Н. Рогозной по проблеме интерференции и исторически соединяя термины, предложенные в зарубежной и российской лингвистике, что в свою очередь обеспечивает надежный путь для решения важных вопросов контрастивной лингвистики. Данная конвергенция приводит к выводу о целе-

сообразности использования «интерферент» для межъязыкового анализа в дидактических целях. Вслед за Н.Н. Заманстанчук [6], предлагается использование терминов «сравнительный», «сопоставительный», «контрастивный» и «конфронтативный» в качестве методов анализа, соответствующих разным уровням рассмотрения сходств и расхождений между языками.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в разработке межъязыковых методов: сравнительный, сопоставительный, контрастивный, а также конфронтативный в методических целях на основе учета предложенных различных понятий и, соответственно, терминов: интерферент, контрастивный анализ и функционально-семантический подход в лингводидактике. Использование единого терминологического аппарата позволит иметь однозначное прочтение научных трудов российских исследователей среди иностранных ученых и наоборот, что повысит обмен опытом и взаимопонимание между ними.

Список источников

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.
2. Багдужева А.В. Специфика функционирования имени существительного в речи билингов (русско-китайский и китайско-русский интерязыки). Дис. канд. фил. наук: 5.9.8. Место защиты: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. М., 2022. 248 с.
3. Вагнер В.Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 384 с.
4. Валеева Д.Р. Интерференционные ошибки в речи испаноговорящих студентов и их преодоление в процессе обучения русскому языку как иностранному: монография. Нижний Новгород: НИЦ «Открытое знание», 2022. 68 с.
5. Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. М.: КомКнига, 2006. 264 с.
6. Заманстанчук Д.Э. Билингвальная фонологическая модель разноструктурных языков: корейский и русский языки. Дис. канд. фил. наук: 10.02.08. Место защиты: Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2018. 207 с.
7. Зубкова Л.Г. Принцип знака в системе языка. М.: Языки славянской культуры, 2010. 752 с.
8. Конопелько И.П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка. Воронеж: издательство ООО «РИТМ», 2019. 226 с.
9. Крючкова Л.С. Падежная и предложно-падежная система русского языка. Функционально-семантический аспект. М: Флинта Наука, 2023. 134 с.
10. Кузьмин, И. П., Лариохина, Н. М. Падежи! Ах, падежи! М.: Русский язык. Курсы, 2023. 192 с.
11. Лосева Н.В. Некоторые аспекты использования теории интерязыка в методике преподавания иностранных языков // Человек и его язык: материалы юбилейной XVI международной конференции научной школы-семинара имени Л.М. Скредлиной, РГПУ им. Герцена. СПб: Скифия, 2013. С. 296 – 301. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/8a7/8a73974824a5ff0b0f1bf46e545e0d9c.pdf> (дата обращения: 14.03.2025)
12. Мустайоки А., Сабитова З.К., Парменова Т.В. и Бирюлин Л.А. Функциональный синтаксис русского языка. М: Издательство Юрайт, 2025. 728 с.
13. Петрова Г.В. Ошибки учеников как зеркало структурных различий между португальским и русским языками // Ибероамериканские тетради. 2016. С. 123 – 137. URL: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2016-1-123-137> (дата обращения: 14.03.2025)
14. Рогозная Н.Н. Билингвизм. Интерязык. Интерференция: монография. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012а. 172 с.

15. Рогозная Н.Н. Языковые контакты: билингвизм, интерязык, интерференция: монография. Москва: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2022. 200 с.
16. Рогозная Н.Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев. Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. 332 с.
17. Рогозная Н.Н. Описание корпуса интерязыка // МИРС. 2012. № 3. С. 7 – 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opisanie-korpora-interyazyka> (дата обращения: 14.03.2025)
18. Рогозная Н.Н., Багдужева А.В. Корпус интерферентов русского языка // Русский язык за рубежом. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2023. С. 106 – 112.
19. Рогозная Н.Н., Давыдова М.А. К вопросу о проблеме интерязыка, интерференции и билингвальных моделей: теоретические и прикладные аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 197 – 205. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-probleme-interyazyka-interferentsii-i-bilingvalnyh-modeley-teoreticheskie-i-prikladnye-aspekty> (дата обращения: 14.03.2025)
20. Рогозная Н.Н., Цзэн С.Ю., Пермана М.И. Корпус интерязыка как открытый ресурс для формирования банка интерферентов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2024. № 3. С. 64 – 70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpus-interyazyka-kak-otkrytyy-resurs-dlya-formirovaniya-banka-interferentov> (дата обращения: 14.03.2025)
21. Сабрадин С.Т.М.Ж.П. Освоение русских падежей бразильскими учащимися». Modern Humanities Success. 2022. № 6. С. 201 – 209. URL: <https://mhs-journal.ru/wp-content/uploads/2022/05/mhs-6-2022-1.pdf> (дата обращения: 14.03.2025)
22. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставление как лингвистическая методология: монография. Воронеж: издательство «РИТМ», 2021. 215 с.
23. Сюе Л. Политипологизм в исследовании субординативного билингвизма // Русский язык за рубежом. 2024. № 4. С. 55 – 57.
24. Токарева Е.Ю. Применение сравнительно-сопоставительного метода обучения испанскому языку как второму иностранному на основе английского языка // Вестник ТГУ. 2023. №6. С. 1488 – 1500.
25. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 432 с.
26. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка. М.: Флинта, 2018. 509 с.
27. Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. М.: Вып. III., 1963. С. 95 – 105.
28. Allain S., Durão A.B. A.B. Interlíngua, análise de erros e influências interlinguísticas: experiências de ensino e aprendizagem on-line de FLE // Línguas e Instrumentos Linguísticos. Campinas/SP. 2022. Vol. 25. № 49. P. 108 – 142. URL: <https://periodicos.sbu.unicamp.br/ojs/index.php/lil/article/view/8667901> (дата обращения: 14.03.2025)
29. Andrade O.G. A linguística contrastiva como ferramenta para o trabalho com a diversidade do Português e do Espanhol na formação inicial e continuada do professor de Línguas Estrangeiras / Adicionais // Seminário Ibero-americano de Diversidade Linguística. 2014. P. 263 – 289.
30. Bernardi P.D.N. A interferência linguística e a supergeneralização na escrita em francês como língua estrangeira: uma comparação nos níveis inicial e avançado. Dissertação de Mestrado. Pelotas: Universidade Federal de Pelotas. 2013. 180 p.
31. Corder, S.P. The significance of learners errors. Heidelberg: IRAL. 1967. Vol. 5. № 4. P. 161 – 170.
32. Durão A.B. A.B. La Interlengua. Cuadernos de didáctica del español LE. Madrid: Arco Libros, 2007. 96 с.
33. El-Mahdy F.M. An error analysis of the gramatical erros of egyptian EFL learners and a suggested program for enhancing their gramatical competence // Transcultural Journal of Humanities and Social Sciences. 2023. Vol. 4 (1). P. 11 – 22.
34. Haspelmath, M. Comparative Concepts and Descriptive Categories in Crosslinguistic Studies // Language. 2010. Vol. 86. № 3. P. 663 – 687. URL: <http://www.jstor.org/stable/40961695> (дата обращения: 14.03.2025)
35. Haspelmath, M. Four kinds of lexical items: Words, lexemes, inventorial items, and mental items // Lexique. 2024. Vol. 34. URL: <http://www.peren-revues.fr/lexique/1737>
36. Jakobson R. Typological Studies and Their Contribution to Historical Comparative Linguistics // Proceedings of the Eighth International Congress of Linguistics. Oslo, 1958. P. 17 – 25.
37. Lado R. Linguistics across cultures. // Applied linguistics for language teachers. 1957. University of Michigan Press. 141 p.
38. Niestorowicz T. The phenomenon of interlanguage in the process of second language acquisition // Polskie Towarzystwo Logopedyczne. 2015. P. 31 – 39.

39. Selinker L. Interlanguage, IRAL (International Review of Applied Linguistics in Language Teaching). 1972. Vol. 10:3. P. 209-231.
40. Valente A.H., Greci B., Rosa C. de F., Bosso D., Oliveira J.M. de, Santos T.M.D. dos, Andrade O.G. de. A linguística contrastiva no Brasil: percursos investigativos e prospecções teórico-metodológicas // Revista Foco. 2025. № 18 (4). P. 01 – 47. URL: <https://doi.org/10.54751/revistafoco.v18n4-013> (дата обращения: 14.03.2025)
41. Vassiliadou H., Gerhard-Krait F., Fotiadou G., Lammert M. Pseudo(-) in French and Greek: Categorization and approximation // Zeitschrift für Wortbildung Journal of Word Formation, 2023. № 7 (1). P. 234 – 262. URL: <https://journals.linguistik.de/zwjw/article/view/34/87> (дата обращения: 14.03.2025)
42. Weinreich U. Fundamentos empíricos para uma teoria da mudança linguística / Weinreich, Labov, Herzog. São Paulo: Parábola, 2020. 152 p.

References

1. Arakin V.D. Comparative typology of English and Russian. Moscow: FIZMATLIT, 2005. 232 p.
2. Bagdueva A.V. Specifics of functioning of a noun in the speech of bilinguals (Russian-Chinese and Chinese-Russian interlanguages). Dis. Cand. Phil. Sciences: 5.9.8. Place of protection: A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language. Moscow, 2022. 248 p.
3. Wagner V.N. Methods of teaching Russian to English-speaking and French-speaking speakers based on interlingual comparative analysis. Moscow: Humanitarian publishing center VLADOS, 2001. 384 p.
4. Valeeva D.R. Interference errors in the speech of Spanish-speaking students and their overcoming in the process of teaching Russian as a foreign language: monograph. Nizhny Novgorod: NIC "Open Knowledge", 2022. 68 p.
5. Gak V.G. Russian language in comparison with French. Moscow: KomKniga, 2006. 264 p.
6. Zamanstanchuk D.E. Bilingual phonological model of languages with different structures: Korean and Russian. Diss. Cand. Phil. Sciences: 10.02.08. Place of protection: Irkutsk National Research Technical University, 2018. 207 p.
7. Zubkova L.G. The principle of the sign in the language system. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2010. 752 p.
8. Konopelko I.P. Comparative analysis in language research and teaching. Voronezh: RITM LLC publishing house, 2019. 226 p.
9. Kryuchkova LS Case and prepositional-case system of the Russian language. Functional and semantic aspect. M: Flinta Nauka, 2023. 134 p.
10. Kuzmin, IP, Lariokhina, NM Cases! Ah, cases! M.: Russian language. Courses, 2023. 192 p.
11. Loseva NV Some aspects of using the theory of interlanguage in the methods of teaching foreign languages. Man and his language: materials of the jubilee XVI international conference of the scientific school-seminar named after L.M. Skrelnina, Herzen State Pedagogical University. SPb: Skifiya, 2013. Pp. 296 – 301. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/8a7/8a73974824a5ff0b0f1bf46e545e0d9c.pdf> (date of access: 14.03.2025)
12. Mustajoki A., Sabitova Z.K., Parmenova T.V. and Biryulin L.A. Functional syntax of the Russian language. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 728 p.
13. Petrova G.V. Students' mistakes as a mirror of structural differences between Portuguese and Russian languages. Ibero-American notebooks. 2016. P. 123 – 137. URL: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2016-1-123-137> (date of access: 14.03.2025)
14. Rogoznaya N.N. Bilingualism. Interlanguage. Interference: monograph. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk State Technical University, 2012a. 172 p.
15. Rogoznaya N.N. Language contacts: bilingualism, interlanguage, interference: monograph. Moscow: State Institute of Russian Language named after A.S. Pushkin, 2022. 200 p.
16. Rogoznaya N.N. Linguistic atlas of violations in the Russian speech of foreigners. Irkutsk: Publication of the OGUP "Irkutsk Regional Printing House № 1", 2001. 332 p.
17. Rogoznaya N.N. Description of the interlanguage corpus. MIRS. 2012. No. 3. P. 7 – 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opisanie-korpUSA-interyazyka> (date of access: 03.14.2025)
18. Rogoznaya N.N., Bagdueva A.V. Corpus of Russian language interferents. Russian language abroad. M.: State. IRYa them. A.S. Pushkina, 2023. P. 106 – 112.
19. Rogoznaya N.N., Davydova M.A. On the issue of interlanguage, interference and bilingual models: theoretical and applied aspects. Bulletin of Tomsk State University. 2024. No. 507. P. 197 – 205. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-probleme-interyazyka-interferentsii-i-bilingvalnyh-modeley-teoreticheskie-i-prikladnye-aspekty> (date of access: 14.03.2025)

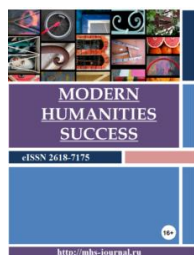
20. Rogoznaya N.N., Tseng S.Yu., Permana M.I. Interlanguage corpus as an open resource for the formation of a bank of interferences. *Bulletin of SUSU. Series: Linguistics*. 2024. No. 3. P. 64 – 70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpus-interyazyka-kak-otkrytyy-resurs-dlya-formirovaniya-banka-interferentov> (date of access: 14.03.2025)
21. Sabadin S.T.M.Zh.P. Mastering Russian Cases by Brazilian Students». *Modern Humanities Success*. 2022. No. 6. P. 201 – 209. URL: <https://mhs-journal.ru/wp-content/uploads/2022/05/mhs-6-2022-1.pdf> (date of access: 14.03.2025)
22. Sternina M.A., Sternin I.A. Comparison as a linguistic methodology: monograph. Voronezh: RITM Publishing House, 2021. 215 p.
23. Xue L. Polytypologism in the study of subordinate bilingualism. *Russian language abroad*. 2024. No. 4. Pp. 55 - 57.
24. Tokareva E.Yu. Application of the comparative-contrastive method of teaching Spanish as a second foreign language based on the English language. *Bulletin of TSU*. 2023. No. 6. P. 1488 – 1500.
25. Shcherba L.V. Language system and speech activity. L.: Science, 1974. 432 p.
26. Shchukin A.N. Methods of teaching the Russian language. M.: Flinta, 2018. 509 p.
27. Jakobson R. Typological studies and their contribution to comparative-historical linguistics. *New in linguistics*. Moscow: Issue Sh., 1963. P. 95 – 105.
28. Allain S., Durão A.B. A.B. Interlinguistics, analysis of interlinguistic events and influencias: learning experiences and online preparation in FLE. *Languages and Linguistic Instruments*. Campinas. SP. 2022. Vol. 25. No. 49. P. 108 – 142. URL:
29. Andrade O.G. A linguística contrastiva como ferramenta para o trabalho com a diversidade do Português e do Espanhol na formação inicial e continuada do professor de Línguas Estrangeiras. *Adicionais. Seminário Ibero-americano de Diversidade Linguística*. 2014. P. 263 – 289.
30. Bernardi P.D.N. A interferência linguística e a supergeneralização na escrita em francês como língua estrangeira: uma comparação nos níveis inicial e avançado. *Dissertação de Mestrado*. Pelotas: Universidade Federal de Pelotas. 2013. 180 p.
31. Corder, S.P. The significance of learning errors. Heidelberg: IRAL. 1967. Vol. 5. No. 4. P. 161 – 170.
32. Durão A.B. A.B. La Interlengua. *Cuadernos de didáctica del español LE*. Madrid: Arco Libros, 2007. 96 p.
33. El-Mahdy F.M. An error analysis of the grammatical errors of Egyptian EFL learners and a suggested program for enhancing their grammatical competence. *Transcultural Journal of Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 4 (1). P. 11 – 22.
34. Haspelmath, M. Comparative Concepts and Descriptive Categories in Crosslinguistic Studies. *Language*. 2010. Vol. 86. No. 3. P. 663 – 687. URL: <http://www.jstor.org/stable/40961695> (date of access: 03.14.2025)
35. Haspelmath, M. Four kinds of lexical items: Words, lexemes, inventorial items, and mental items. *Lexique*. 2024. Vol. 34. URL: <http://www.peren-revues.fr/lexique/1737>
36. Jakobson R. Typological Studies and Their Contribution to Historical Comparative Linguistics. *Proceedings of the Eighth International Congress of Linguistics*. Oslo, 1958. P. 17 – 25.
37. Lado R. Linguistics across cultures. *Applied linguistics for language teachers*. 1957. University of Michigan Press. 141 p.
38. Niestorowicz T. The phenomenon of interlanguage in the process of second language acquisition. *Polskie Towarzystwo Logopedyczne*. 2015. P. 31 – 39.
39. Selinker L. Interlanguage, IRAL (International Review of Applied Linguistics in Language Teaching). 1972. Vol. 10:3. P. 209-231.
40. Valente A.H., Greci B., Rosa C. de F., Bosso D., Oliveira J.M. de, Santos T.M.D. dos, Andrade O.G. de. A linguística contrastiva no Brasil: percursos investigativos e prospecções teórico-metodológicas. *Revista Foco*. 2025. No. 18 (4). P. 01 – 47. URL: <https://doi.org/10.54751/revistafoco.v18n4-013> (date of access: 03.14.2025)
41. Vassiliadou H., Gerhard-Krait F., Fotiadou G., Lammert M. Pseudo(-) in French and Greek: Categorization and approximation. *Zeitschrift für Wortbildung Journal of Word Formation*, 2023. No. 7 (1). P. 234 – 262. URL: <https://journals.linguistik.de/zwjw/article/view/34/87> (date of access: 03.14.2025)
42. Weinreich U. Fundamentos empíricos para uma teoria da mudança linguística. Weinreich, Labov, Herzog. São Paulo: Parábola, 2020. 152 p.

Информация об авторах

Рогозная Н.Н., доктор филологических наук, профессор, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4397-7017>,
Институт русского языка им. А.С. Пушкина, nnrogoznaia@pushkin.institute

Сабадин Сантос Т. Медина Жоан Пауло, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3430-0197>, Москов-
ский государственный институт международных отношений; Институт русского языка им. А.С. Пушкина,
joao.medina@mail.ru

© Рогозная Н.Н., Сабадин Сантос Т. Медина Жоан Пауло, 2025

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.6. Оздоровительная и адаптивная физическая культура
(педагогические науки)
УДК 796.015.2

Методический подход к динамическому равновесию с учетом центра масс следж-хоккеистов при реализации технико-тактических действий

¹ Маннанов Т.И.,

¹ Московский педагогический государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается проблема обеспечения динамического равновесия у следж-хоккеистов как ключевого фактора эффективности технико-тактических действий (ТТД). Обосновывается методический подход, центральным элементом которого является целенаправленное развитие и нейромышечный контроль мышц кора, с особым акцентом на косые мышцы живота, глубокие стабилизаторы позвоночника и мышцы тазового дна. Анализируется роль данных мышечных групп в поддержании стабильности центра масс (ЦМ) тела спортсмена в условиях постоянно меняющихся векторов внешних сил, характерных для следж-хоккея. Предлагаются конкретные методики тренировки, направленные на оптимизацию динамического равновесия и повышение эффективности ТТД (маневрирование, броски, силовая борьба).

Ключевые слова: следж-хоккей, динамическое равновесие, центр масс, мышцы кора, косые мышцы живота, стабилизация позвоночника, технико-тактические действия, методика тренировки, паралимпийский спорт

Для цитирования: Маннанов Т.И. Методический подход к динамическому равновесию с учетом центра масс следж-хоккеистов при реализации технико-тактических действий // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 321 – 326.

Поступила в редакцию: 16 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

A methodical approach to dynamic equilibrium, taking into account the center of mass of sledge hockey players in the implementation of technical and tactical actions

¹ Mannanov T.I.,

¹ Moscow Pedagogical State University

Abstract: the article discusses the problem of ensuring dynamic balance among sledge hockey players as a key factor in the effectiveness of technical and tactical actions (TTA). A methodological approach is substantiated, the central element of which is the targeted development and neuromuscular control of the core muscles, with special emphasis on the oblique abdominal muscles, deep stabilizers of the spine and pelvic floor muscles. The role of these muscle groups in maintaining the stability of the athlete's center of mass (CM) in the conditions of constantly changing vectors of external forces characteristic of sledge hockey is analyzed. Specific training techniques are proposed aimed at optimizing dynamic balance and increasing the effectiveness of TTA (maneuvering, throwing, power wrestling).

Keywords: sledge hockey, dynamic balance, center of mass, core muscles, oblique abdominal muscles, spinal stabilization, technical and tactical actions, training methods, Paralympic sports

For citation: Mannanov T.I. A methodical approach to dynamic equilibrium, taking into account the center of mass of sledge hockey players in the implementation of technical and tactical actions. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 321 – 326.

The article was submitted: April 16, 2025; Approved after reviewing: June 14, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Следж-хоккей предъявляет уникальные требования к двигательным возможностям спортсменов. Отсутствие опоры на нижние конечности и необходимость маневрирования, разгона, торможения и выполнения силовых приемов исключительно за счет работы верхнего плечевого пояса и туловища, используя клюшки с металлическими штырями, кардинально меняет биомеханику поддержания равновесия [1]. Традиционная биомеханика хоккея, основанная на работе ног, здесь неприменима. Центр масс тела следж-хоккеиста расположен выше и имеет меньшую опорную базу по сравнению с хоккеистом на коньках, что делает его положение крайне нестабильным [8; 9, с. 112]. Динамическое равновесие – способность поддерживать или быстро восстанавливать устойчивое положение ЦМ при выполнении движений и противодействии внешним силам (инерция, столкновения, изменение траектории) – становится фундаментом для реализации любых ТТД [5, с. 132]. Ведущая роль в обеспечении этой способности принадлежит мышцам кора, комплекс которых включает как глубокие стабилизаторы, так и поверхностные глобальные мышцы, окружающие позвоночник, таз и брюшную полость, выполняющие функцию стабилизатора и генератора движения [1].

Мышцы кора, образуя естественный мышечный корсет, обеспечивают кинематическую связь между верхними и нижними конечностями, передачу усилий от рук, выполняющих отталкивание или удар, на сани, и, что критически важно, стабилизацию позвоночника и таза в условиях постоянных возмущающих воздействий. Нарушение функции этой мышечной группы неизбежно ведет к потере контроля над ЦМ, снижению эффективности ТТД и повышению риска травм.

Основная задача мышц кора в следж-хоккее – обеспечение стабильности туловища как платформы для генерации силы верхними конечностями и контроля положения саней.

К числу глубоких стабилизаторов относятся поперечная мышца живота (Transversus Abdominis - TrA), формирующая внутрибрюшное давление и создающая жесткий цилиндр вокруг позвоночника, что делает ее ключевым стабилизатором поясничного отдела на всех этапах движения; ее активация происходит предвосхищающе перед движением рук или клюшки [4]. Многораздельные мышцы (Multifidus) стабилизируют отдельные позвоночные сегменты, контролируя сгибание, разгибание и вращение. Мышцы тазового дна участвуют в создании внутрибрюшного давления и стабилизации таза. Диафрагма работает синергично с

поперечной мышцей живота и тазовым дном для регуляции внутрибрюшного давления. Среди поверхностных мышц первостепенное значение имеют косые мышцы живота (наружная и внутренняя). Они обеспечивают ротационную стабильность и силу, являясь ключевыми для выполнения бросков, передач, силовых приемов корпусом, контролируя вращение туловища вокруг вертикальной оси и предотвращая чрезмерную или неконтролируемую ротацию, смещающую ЦМ [10, р. 93]. Косые мышцы критичны для антиротации, противодействуя внешним силам, стремящимся повернуть корпус (например, при контакте с соперником или резком изменении направления). Например, при выполнении броска или мощного отталкивания с одной стороны возникает значительный вращательный момент, стремящийся развернуть туловище спортсмена относительно саней. Косые мышцы, работая синергично с мышцами спины (особенно квадратной мышцей поясницы), активно противодействуют этому вращению, стабилизируя положение таза и туловища, что позволяет сохранить направление движения саней и точность приема.

Они также стабилизируют корпус при латерофлексии (боковом наклоне) и боковых смещениях саней, маневрах «из стороны в сторону» и при резких изменениях направления движения (виражах), когда возникает центробежная сила, стремящаяся сместить ЦМ в сторону, противоположную повороту. важны Косые мышцы, напрягаясь на стороне поворота (внутренняя косая) и растягиваясь на противоположной (наружная косая), обеспечивают контролируемый наклон туловища внутрь виража, компенсируя смещение ЦМ и предотвращая опрокидывание [3, с. 54]. Мышцы, выпрямляющие позвоночник, и квадратная мышца поясницы обеспечивают противодействие силам, стремящимся согнуть или наклонить туловище вбок, особенно во время силовой борьбы или при получении толчка. Прямая мышца живота участвует в сгибании туловища и стабилизации при ускорениях/торможениях.

Любое ТТД в следж-хоккее связано со смещением ЦМ. Резкие повороты саней при маневрировании требуют мощной ротации корпуса, где основную работу выполняют косые мышцы, и одновременной стабилизации позвоночника глубокими мышцами и разгибателями для предотвращения опрокидывания; смещение ЦМ в сторону поворота контролируется синергией косых мышц и мышц противоположной стороны туловища. При выполнении броска или передачи мощное вращательное движение корпуса и рук смещает ЦМ вперед и в

сторону броска; косые мышцы генерируют вращение, в то время как поперечная мышца живота, многораздельные и разгибатели спины обеспечивают жесткую основу для передачи усилия и предотвращают коллапс позвоночника, позволяя максимально эффективно передать энергию от туловища к клюшке.

В силовой борьбе при столкновении мышцы кора, особенно косые и разгибатели, работают как амортизатор и стабилизатор, гася удар и предотвращая критическое смещение ЦМ за пределы опорного контура саней, где способность к антиротации косых мышц критична при боковых контактах. При старте и торможении ускорение вперед требует мощного сгибания корпуса и работы рук при стабилизации поясницы разгибателями и TrA, а торможение клюшками создает силу, опрокидывающую спортсмена вперед, которой противодействуют разгибатели спины и мышцы задней цепи кора. Недостаточная функциональность мышц кора, особенно косых и глубоких стабилизаторов, приводит к чрезмерной компенсаторной нагрузке на верхние конечности и плечевой пояс, неэффективной передаче усилия при бросках и силовых действиях, задержкам в инициации движений и снижению маневренности, повышенному риску потери равновесия и падений, а также увеличению нагрузки на позвоночник и риску возникновения болей в спине и травм.

Материалы и методы исследований

В исследовании использовался комплексный подход, включающий биомеханический анализ, функциональное тестирование и анкетирование, направленные на оценку роли мышц кора в обеспечении динамического равновесия у следж-хоккеистов с различными нозологиями. В качестве эмпирической базы выступила команда по следж-хоккею, включающая 4 спортсменов с различными нарушениями опорно-двигательного аппарата (ампутации, артрогрипоз, ДЦП, параплегия). Были

измерены координаты центра масс (ЦМ) тела в трех плоскостях (x, y, z) с учетом особенностей телосложения и ограничений подвижности, фиксировалась погрешность. Функциональное состояние мышц кора оценивалось с использованием упражнений на стабильность, антиротацию и ротационную силу, индивидуализированных в зависимости от группы нозологии. Программа тренировок включала три этапа: развитие нейромышечного контроля и статической стабильности, формирование динамической силы и антиротационной устойчивости, интеграция упражнений в игровые ситуации с учетом специфики следж-хоккея. Для повышения достоверности результатов применялась прогрессия нагрузок, индивидуализация методик, фиксация биомеханических показателей до и после тренировочного цикла. Методологическая база строилась на принципах специфичности, функциональности, прогрессии сложности и повторяемости движений, приближенных к игровым.

Результаты и обсуждения

Предлагаемый методический подход интегрирует развитие представляет собой комплексную программу, направленную на развитие биомеханических навыков, функционального состояния мышц, технической вариативности и тактико-когнитивных способностей с учетом индивидуальных нозологических особенностей игроков и начинается с анализа показателей центра масс игроков следж-хоккейной команды

Анализ показателей центра масс игроков следж-хоккейной команды (табл. 1) выявляет сложную взаимосвязь между анатомическими особенностями, спецификой заболеваний и биомеханикой движений в адаптивном спорте. Уникальность каждого игрока обусловлена не только характером его нозологии, но и индивидуальными компенсаторными механизмами, выработанными для поддержания баланса и эффективного управления клюшкой.

Таблица 1

Анализ показателей центра масс игроков следж-хоккейной команды.

Table 1

Analysis of the center of mass indicators of sledge hockey team players.

№	Особенности нозологии	ЦМ x* (см)	ЦМ y** (см)	ЦМ z*** (см)	Погрешность
1	Ампутация правого бедра (гр. 2)	16,4	3,5	40,2	±1.5 см
2	Артрогрипоз (гр. 3)	15,2	0,4	36,8	±1.5 см
3	ДЦП, правосторонний гемипарез (гр. 1)	18,4	4,2	42,8	±1.5 см
4	Травма спинного мозга (нижняя параплегия) (гр. 4)	20,8	0,4	45,2	±1.5 см

У игроков с ампутациями нижних конечностей наблюдается выраженная перестройка биомеханической структуры тела. Например, у игрока №1 с ампутацией правого бедра происходит не просто механическое смещение таза на 5-7 см влево, а формируется целый комплекс адаптационных изменений. Компенсаторный наклон корпуса в 8-12° сочетается с перераспределением мышечной нагрузки, когда мышцы спины и брюшного пресса берут на себя функции стабилизации, обычно выполняемые нижними конечностями. При этом высота расположения центра масс увеличивается пропорционально степени ампутации – от 40,2 см при ампутации бедра до 42,1 см при двусторонней ампутации, что существенно изменяет динамику движений и требует особого подхода к тренировке баланса.

Особого внимания заслуживают игроки с фиксированными деформациями, такими как артрогрипоз (игрок №2). В их случае ограничение подвижности суставов создает принципиально иную биомеханическую картину. Центр масс у таких спортсменов располагается ниже (36,8 см), но при этом имеет ограниченную амплитуду колебаний во время движения. Жесткая фиксация таза в саях, с одной стороны, обеспечивает стабильность, с другой – требует тщательного подбора амортизирующих элементов сиденья для предотвращения образования пролежней и нарушения микроциркуляции.

Игроки с детским церебральным параличом представляют особую группу, где биомеханические показатели напрямую зависят от характера и степени поражения центральной нервной системы. Спастичность мышц приводит не просто к асимметрии тонуса, а формирует специфические двигательные стереотипы. Например, у игрока №3, правши с правосторонним гемипарезом, развивается комплекс компенсаторных движений, когда левая, менее пораженная рука берет на себя основную нагрузку по управлению клюшкой, а корпус постоянно находится в вынужденном положении с наклоном в здоровую сторону. Это вызывает хроническое перенапряжение определенных групп мышц и требует специальных упражнений на релаксацию и симметризацию мышечного тонуса.

У следж-хоккеистов с параплегией биомеханические особенности достигают максимальной выраженности. Полное отсутствие функции нижних конечностей приводит не просто к смещению центра масс вверх (до 45,2 см), а к кардинальной перестройке всей системы управления телом. Все двигательные импульсы должны генерироваться исключительно мышцами верхней половины ту-

ловища, что создает экстремальную нагрузку на плечевой пояс и позвоночник. При этом жесткая фиксация таза, необходимая для стабилизации, существенно ограничивает возможности маневра и требует разработки специальных технических приемов для эффективной игры в защите.

Первый этап направлен на формирование нейромышечного контроля и стабильности. Он включает в себя упражнения, направленные оптимизацию положения тела для повышения устойчивости, маневренности и снижения нагрузки на позвоночник с учетом нозологий игроков. Блок включает в себя упражнения как для всех игроков («Точка баланса», «Динамическая балансировка»), так и по группам нозологий (группа 1 – «Статичное сидение» и «Плавное скольжение»; группа 2 – «Асимметричная коррекция» и «Толчковая стабилизация»; группа 3 – «Пассивная балансировка» и «Микродвижения»; группа 4 – «Мини-повороты» и «Горизонтальная стабилизация»).

Этап развития динамической стабильности и силы включает динамические варианты планок с учетом нозологий (асимметричная планка, микропланка, планка на саях, горизонтальный мост). Ключевой блок составляют антиротационные упражнения для косых мышц, такие как жим резинки стоя на коленях/сидя с сопротивлением вращению, повороты корпуса с резинкой/медболом из положения сидя с фиксированным тазом, упражнение боковая стабилизация с клюшкой. Контролируемые ротационные упражнения включают мини-скручивания, стабилизация с мячом, броски медбола с поворотом корпуса сидя. Упражнения на реактивную стабилизацию включают ловлю и броски медбола в неудобных положениях и легкие толчки партнера с необходимостью удержания равновесия.

Интеграция в специфику следж-хоккея является завершающим этапом. Она включает имитационные упражнения на льду (броски, передачи, ведение) с дополнительным сопротивлением (резинковые амортизаторы), создающим возмущающие усилия, требующие стабилизации кора. Упражнения на маневренность (резкие изменения направления, змейки, объезд препятствий) выполняются с акцентом на мощную работу корпуса, особенно косых мышц, для минимизации «раскачивания» ЦМ. Контролируемая силовая борьба в парах вырабатывает навык удержания равновесия и позиции при внешнем воздействии с активацией мышц кора на антиротацию и латеральную стабильность. Комбинированные связки ТТД (например, маневр => прием шайбы => бросок) выполняются на вы-

сокой скорости с контролем стабильности корпуса.

Принципы тренировки включают прогрессию от простого к сложному (стабильная опора => нестабильная; статика => динамика; малая амплитуда/скорость => большая; без отягощения => с отягощением/сопротивлением), приоритет контроля качества и правильной техники выполнения над количеством, специфичность упражнений, максимально приближенных к игровым ситуациям, регулярность тренировки кора как части общей и специальной подготовки, и индивидуализацию с учетом особенностей спортсмена (уровень подготовки, дисбалансы, травмы, тип саней).

Выводы

Обеспечение динамического равновесия следж-хоккеиста – сложная биомеханическая задача, успешное решение которой лежит в плоскости целенаправленного развития функциональных возможностей мышц кора. Косые мышцы живота,

поперечная мышца живота, многораздельные мышцы и разгибатели спины играют системообразующую роль в стабилизации позвоночника и таза, контроле положения центра масс тела и генерации вращательных усилий, необходимых для выполнения технико-тактических действий. Предложенный методический подход, фокусирующийся на последовательном развитии нейромышечного контроля, силы и выносливости ключевых стабилизаторов, их интеграции в специфические для следж-хоккея движения и игровые ситуации, позволяет существенно повысить устойчивость спортсмена, эффективность и надежность реализации ТТД, снизить риск травм и, как следствие, повысить конкурентноспособность. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку объективных критериев оценки функционального состояния мышц кора у следж-хоккеистов и оптимизацию тренировочных нагрузок для данной специфической группы мышц.

Список источников

1. Бегун П.И., Самсонова А.В. Биомеханика опорно-двигательного аппарата человека / Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург. Санкт-Петербург : Кинетика, 2020. 179 с. ISBN 978-5-6040302-2-6
2. Брюэр К. Управление двигательными навыками в подготовке спортсменов. Настольная книга тренера: монография. Москва: ООО "Принт-лето", 2023. 448 с.
3. Водничкова Л.П. Специфика подготовки следж-хоккеистов высшей квалификации // Теория и практика физической культуры. 2020. № 5. С. 52 – 56.
4. Ворошин И.Н., Евсеев С.П. Спорт лиц с поражением опорно-двигательного аппарата // Адаптивный спорт: Настольная книга тренера. Москва : ООО "ПРИНЛЕТО", 2021. С. 232 – 345.
5. Маннанов Т.И. Комплексный подход к оценке и совершенствованию навыков удержания динамического равновесия у спортсменов в следж-хоккее // Высшее образование сегодня. 2025. № 3. С. 132 – 138. DOI: 10.18137/RNU.HET.25.03.P.132
6. Платонов В.Н. Основы подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Настольная книга тренера: в 2 т. М.: ООО «ПРИНТЕЛО», 2021. Т. 1. 592 с.: ил.
7. Потехина Ю.П. Биомеханика: учебник. М: ГЭОТАР-Медиа, 2025. 352 с.
8. Смит Б., Кирби Н., Скиннер Б. и др. Инфографика: физическая активность для взрослых с ограниченными возможностями¹. Британский журнал спортивной медицины [British Journal of Sports Medicine]. 2019. Т. 53, № 6. С. 335 – 336.
9. Терри М., Гудман П. Хоккейная анатомия. Шампейн, штат Иллинойс : Human Kinetics, 2019. 220 с.

References

1. Begoun P.I., Samsonova A.V. Biomechanics of the human musculoskeletal system. National State University of Physical Education, Sports and Health named after P.F. Lesgaft, St. Petersburg. St. Petersburg: Kinetika, 2020. 179 p. ISBN 978-5-6040302-2-6
2. Brewer K. Motor Skill Management in Athletes' Training. Trainer's Handbook: monograph. Moscow: ООО Print-leto, 2023. 448 p.
3. Vodnichkova L.P. Specifics of Training Highly Qualified Sledge Hockey Players. Theory and Practice of Physical Education. 2020. No. 5. P. 52 – 56.
4. Voroshin I.N., Evseev S.P. Sports for people with musculoskeletal disorders. Adaptive sports: Trainer's handbook. Moscow: ООО PRINLETO, 2021. P. 232 – 345.
5. Mannanov T.I. An integrated approach to assessing and improving the skills of maintaining dynamic balance in sledge hockey athletes. Higher education today. 2025. No. 3. P. 132 – 138. DOI: 10.18137/RNU.HET.25.03.P.132

6. Platonov V.N. Fundamentals of training athletes in Olympic sports. Trainer's handbook: in 2 volumes. Moscow: OOO PRINTELO, 2021. Vol. 1. 592 p.: ill.
7. Potekhina Yu.P. Biomechanics: textbook. M: GEOTAR-Media, 2025. 352 p.
8. Smith B., Kirby N., Skinner B., et al. Infographics: Physical Activity for Adults with Disabilities¹. British Journal of Sports Medicine. 2019. Vol. 53, No. 6. P. 335 – 336.
9. Terry M., Goodman P. Hockey Anatomy. Champaign, IL: Human Kinetics, 2019. 220 p.

Информация об авторе

Маннанов Т.И., аспирант, Московский педагогический государственный университет, 119435, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, д. 88, t_m_1997@internet.ru

© Маннанов Т.И., 2025